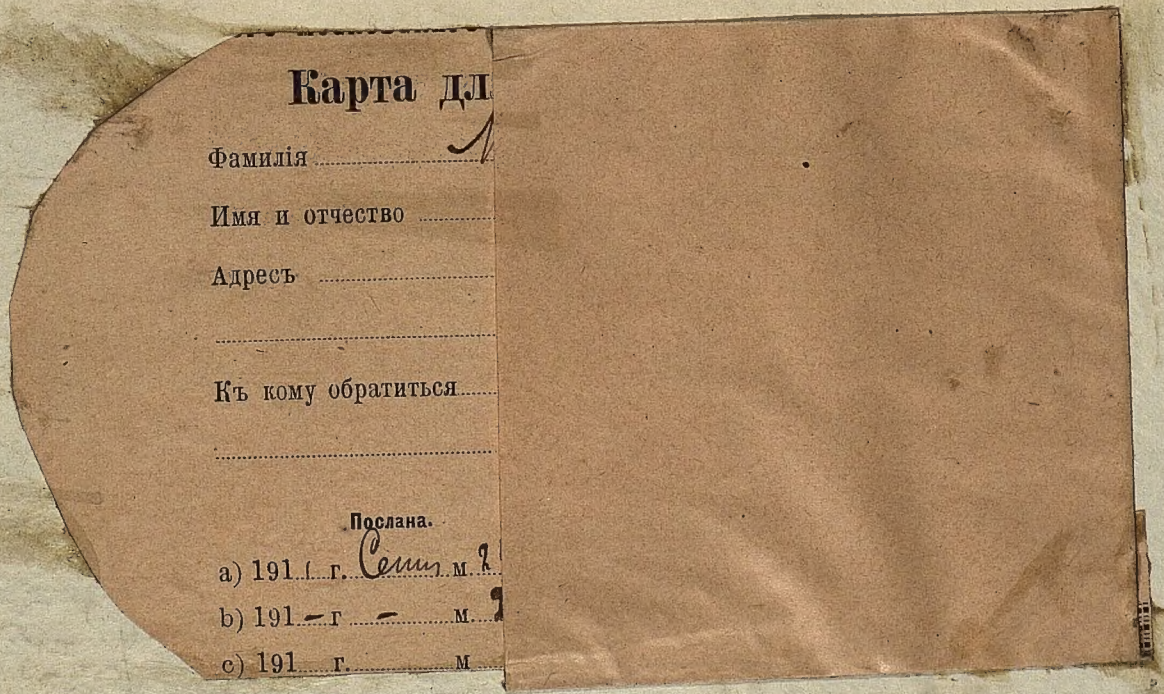


Карта дл

Фамилія

Имя и отчество

Адресъ

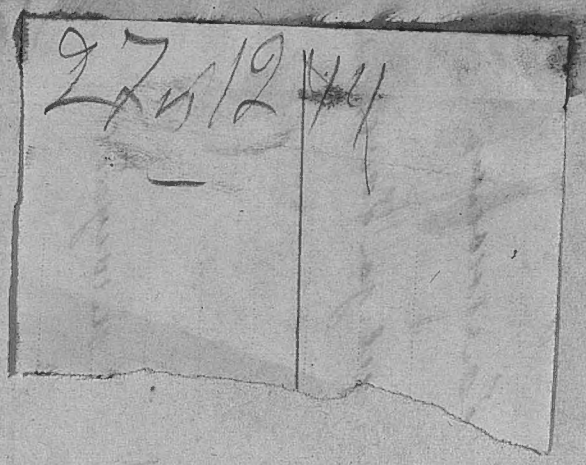
Къ кому обратиться

Послана.

a) 191 г. Сент м.

b) 191 г. м.

c) 191 г. м.


27/12/41

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 10.

ОКТЯБРЬ, 1909.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас.-Остр., 5 л., 28.

КНИГА 10-я. — ОКТЯБРЬ, 1909.

стр.

АНГЛІЙСКІЯ ГЕЛІОГРАВЮРЫ: Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ И А. В. КОЛЬЦОВЪ.

I.—О ЦѢЛЕБНЫХЪ СИЛАХЪ ОРГАНИЗМА.—**Ил. Мечникова.** 441

II.—ОТОРВАННЫЕ ЛИСТЬЯ.—Картины.—I-VI.—**Н. Анненковой-Бернардъ** . 469

III.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Леонида Аѳанасьева** 505

IV.—ДУША ПОЛЬШИ.—Опытъ ирраціональнаго изслѣдованія.—**Тадеуша Налепинскаго.** 506

V.—ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ И СОВРЕМЕННЫЙ СОЦІАЛИЗМЪ.—**А. Щепетева.** 532

VI.—ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО ВЪ АНГЛІИ.—**С. Рапопорта.** . . 556

VII.—„ГОЛУБАЯ КУКУШКА“.—Романъ Эмиля Эртля.—„Die Leute aus dem Blauen Gukuckshaus“, Roman v. E. Ertl.—Съ нѣм. **Ю. С.** 574

VIII.—НА СѢВЕРѢ.—Стихотвореніе.—**Вл. Княжнина.** 613

IX.—РАБОЧІЙ ДОГОВОРЪ И НОВЫЯ ЕГО ФОРМЫ НА ЗАПАДѢ.—**К. Пажитнова.** 614

X.—ТАМАРА.—**Георгія Чулкова.** 639

XI.—СВѢТЛЫЙ КОНЕЦЪ.—Стихотвореніе.—**П. Соловьевой.** 649

XII.—РАСКОЛЪ И БЮРОКРАТІЯ.—I-V.—**А. Пругавина.** 650

XIII.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Леонида Аѳанасьева.** 679

XIV.—ДАТСКІЙ КОМИССАРЪ КАКЪ ГЕРОЙ РУССКОЙ БЫЛИНЫ.—Къ печорской старинѣ о Петрѣ Великомъ и Бутманѣ Колыбановичѣ. — **Всев. Миллера.** 680

XV.—НОВЫЙ ГОРОДЪ.—Paul Adam, „Autour de la porcherie“.—III.—Переводъ съ рукописи **З. В.** 699

XVI.—ХРОНИКА.—„ФЛОТЪ“ И „МОРСКОЕ ВѢДОМСТВО“.—**Вл. Семенова.** . 733

XVII.—ЛИКВИДАЦІЯ БАНКОВСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ И ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО ВЪ КИРСАНОВСКОМЪ УѢЗДѢ.—**Л. Дашкевича.** 746

XVIII.—ИЗЪ МУЗЫКАЛЬНОЙ ХРОНИКИ.—**Григорія Тимофеева.** 756

XIX.—ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—**И. В. Жилкина.** 766

XX.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Правила 24-го августа.—Толкованіе или измѣненіе закона?—Вопросъ о безпартійныхъ кандидатурахъ.—Избирательный манифестъ союза 17-го октября.—„Монархическія“ организаціи въ Москвѣ и Петербургѣ.—Характерный инцидентъ.—Антифинляндская агитація.—Post-scriptum. 778

XXI.—ЭВОЛЮЦІЯ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ИДЕЙ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦІИ.—Письмо изъ Константинополя.—**Бѣлоруссова.** 794

XXII.—ЮНКЕРЪ, БУРЖУА, ПРОЛЕТАРІЙ.—Письмо изъ Берлина.—**S.** 811

XXIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Спорные внутренніе вопросы въ Англіи.—Либеральная партія и соціализмъ.—Партійный съѣздъ германской соціалъ-демократіи.—Прусскіе порядки и дѣло Шюкинга.—Политическій кризисъ въ Австро-Венгріи 828

XXIV.—КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.—**С. А. Адріанова.** 838

XXV.—О. Н. ЧЮМИНА.—1862-1909.—**Зинаиды Венгеровой.** 854

XXVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. М. И. Туганъ-Барановскій. Основы политической экономіи.—II. Приамурье. Факты, цифры, наблюденія. Приложеніе къ отчету общеземской организаціи за 1908 г.—III. Н. И. Кохановскій. Землевладѣніе и земледѣліе въ Китаѣ.—**Л. Слонимскаго.**—IV. Проф. А. Яроцкій. Идеализмъ, какъ физіологическій факторъ.—V. А. Н. Анцыферовъ. Кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи и Франціи.—Е. С. Каратыгинъ. Въ странѣ крестьянскихъ товариществъ.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры 863

XXVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Предстоящіе городскіе выборы въ Петербургѣ.—Проектъ предвыборной программы.—Писатель о писателяхъ: мысли г. Меньшикова по поводу закрытія кассы литераторовъ и ученыхъ.—Условія возстановленія кассы.—Обывательскій проектъ расправы съ Финляндіей.—Новыя данныя „смертной“ статистики и новые факты „смертной“ практики.—Въ поискахъ правды.—О. Н. Чюмина †.—Княжна М. М. Голицына-Корсакова † 878

XXVIII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ. 895

XXIX.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Объ условіяхъ подписки на журналъ въ 1910-мъ году см. на послѣдней страницѣ обертки.

Б-961
10.

Московский Совет Библиотека имени И. З. Сурикова Красно-Пресн.

О ЦѢЛЕБНЫХЪ СИЛАХЪ ОРГАНИЗМА

ПРОВЕРЕНО 1928 г.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Подъ этимъ заглавіемъ мною была произнесена, двадцать-шесть лѣтъ назадъ, рѣчь на общемъ собраніи одесскаго съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей. Въ ней я, на основаніи изслѣдованія низшихъ животныхъ и нѣкоторыхъ общихъ соображеній, развивалъ ту мысль, что организмъ человѣка и животныхъ обладаетъ замѣчательно устроеннымъ приспособленіемъ съ цѣлью противодѣйствія заразнымъ началамъ, причиняющимъ множество болѣзней.

Въ своей первоначальной формѣ мысль эта носила чисто теоретическій и, притомъ, въ сильной степени гипотетическій характеръ. Для надлежащаго ея обоснованія было необходимо произвести цѣлый рядъ фактическихъ изслѣдованій и показать на частныхъ примѣрахъ проявленіе цѣлебныхъ силъ организма. Выполненіе этой задачи потребовало нѣсколькихъ лѣтъ усиленнаго труда.

Между тѣмъ теорія о цѣлебной роли подвижныхъ клѣтокъ организма, ставшая сразу въ разрѣзъ со многими общепринятыми въ медицинѣ воззрѣніями, подверглась многочисленнымъ и упорнымъ возраженіямъ со стороны цѣлаго ряда ученыхъ всѣхъ странъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ продолжалась полемика изъ-за цѣлебныхъ силъ организма, и только въ послѣдніе годы, послѣ болѣе чѣмъ двадцатилѣтней борьбы, теорія фагоцитовъ сдѣлалась общимъ достояніемъ науки. Одними учеными она была признана

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

вполнѣ, другими—съ нѣкоторыми болѣе или менѣе значительными урѣзками и ограниченіями. Во всякомъ случаѣ она обратила на себя столько вниманія, что потребовалось общедоступное изложеніе ея для непосвященной публики.

Въ прошломъ 1908-мъ году я былъ приглашенъ въ Берлинъ для прочтенія въ возникшемъ тамъ обществѣ любителей науки (Wissenschaftlicher Verein) публичной лекціи на тему о „естественныхъ цѣлебныхъ силахъ организма въ борьбѣ противъ инфекціонныхъ болѣзней". Въ текущемъ году я на ту же тему прочиталъ лекцію въ Стокгольмѣ для слушателей, изъ числа которыхъ лишь нѣкоторые были знакомы съ врачебной наукой.

Предполагая, что предметъ этихъ двухъ чтеній можетъ интересовать и русскую образованную публику, я рѣшился воспользоваться гостепріимствомъ „Вѣстника Европы" и изложить на его страницахъ нѣсколько измѣненный переводъ моей берлинской лекціи, къ которой я прибавилъ данныя, вошедшія въ мой докладъ, сдѣланный въ Стокгольмѣ. Кромѣ того, мною сдѣлано еще нѣсколько дополненій, согласно современному положенію вопроса, котораго я здѣсь касаюсь.

I.

Намъ кажется своевременнымъ изложить предъ непосвященной публикой результаты изслѣдованій о болѣзняхъ и о способахъ ихъ предотвращенія—результаты, накопленные уже въ значительномъ количествѣ и представляющіе немалый общій интересъ. Врачебная наука сдѣлала за послѣднія сорокъ лѣтъ такіе огромные успѣхи, что она, не стыдясь, можетъ выступить передъ публикой, не нуждаясь болѣе въ прикрываніи своего незнанія мало понятными терминами и формулами. Чѣмъ болѣе публика освоится съ новѣйшими данными медицинскихъ наукъ, тѣмъ легче можно будетъ бороться противъ болѣзней. Уже теперь всѣ служащіе въ больницахъ получаютъ достаточное количество свѣдѣній, чтобы съ пользою примѣнять результаты дошедшей до степени положительной науки медицины. Не менѣе важно, чтобы и публика вообще получила такое же образованіе. Обыкновенно къ врачу обращаются въ то время, когда болѣзнь уже обнаружилась, а между тѣмъ было бы очень желательно имѣть нужныя свѣдѣнія для того, чтобы сохранить здоровье по возможности ненарушеннымъ. Съ этой цѣлью особенно полезны публичныя бесѣды о вопросахъ медицины.

Темою моей лекціи я избралъ „фагоцитозъ, какъ защитительное средство организма противъ инфекціонныхъ болѣзней". Теперь исполнилось какъ-разъ двадцать-пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я придумалъ теорію фагоцитовъ и изложилъ ея содержаніе великому патологу Рудольфу Фирхову во время его пребыванія въ Мессинѣ. Маститый учитель выслушалъ меня съ благосклоннымъ вниманіемъ, найдя затронутый мною вопросъ очень интереснымъ, но въ то же время посовѣтовалъ мнѣ быть крайне осторожнымъ, тѣмъ болѣе, что мои воззрѣнія были совершенно противоположны тѣмъ, которыя въ то время были общеприняты и проповѣдывались съ каѳедры какъ научная истина.

Не подлежитъ сомнѣнію, что болѣзни гораздо ранѣе появились на землѣ, чѣмъ человѣкъ. Часто несправедливо утверждаютъ, будто болѣзни человѣка и домашнихъ животныхъ обусловливаются искусственнымъ образомъ жизни и будто при естественныхъ условіяхъ они всегда были бы здоровы. Нѣтъ, однако, недостатка въ примѣрахъ, когда животныя, живущія въ неограниченной свободѣ, становятся жертвою самыхъ убійственныхъ болѣзней. Нерѣдко находятъ въ почвѣ или въ лѣсу цѣлыя массы мертвыхъ насѣкомыхъ, погибшихъ не естественной смертью, а вслѣдствіе заразныхъ болѣзней. Въ густыхъ первобытныхъ лѣсахъ центральной Африки дикія животныя очень страдаютъ отъ микроскопическихъ паразитовъ, которые переносятся мухами и причиняютъ одну изъ самыхъ губительныхъ болѣзней, извѣстную подъ названіемъ нагана. Весьма вѣроятно, что вымираніе многихъ видовъ животныхъ, отъ которыхъ сохранился лишь скелетъ, было обусловлено эпидемическими болѣзнями. И однако, не смотря на это, очень многіе виды сохранились до нашихъ дней, что̀ зависитъ отъ того, что ихъ организмъ обладаетъ охранительными и цѣлебными силами, которыя дали имъ возможность прожить безъ малѣйшаго медицинскаго воздѣйствія.

Большинство болѣзней излечиваются сами собою. Каждый человѣкъ бываетъ когда-нибудь боленъ, что̀ однако же не мѣшаетъ ему достигнуть зрѣлаго возраста и оставаться здоровымъ въ продолженіе десятковъ лѣтъ. Понятно, поэтому, что съ очень давнихъ поръ уже дошли до представленія — хотя и въ очень смутной формѣ — о существованіи цѣлебныхъ силъ организма. Но только постепенно, въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, были выработаны болѣе точныя свѣдѣнія о нихъ.

Еще въ древности имѣли понятія о естественныхъ цѣлебныхъ силахъ. Такъ, Гиппократъ училъ: „Натуры суть врачи болѣзней. Натура сама находитъ пути для этого, безъ размышленія, подобно

тому какъ она производитъ безсознательно отмигиваніе и многое другое, что̀ совершается помимо всякаго обученія". Какимъ же образомъ обнаруживается естественная цѣлебная сила въ большинствѣ и въ наиболѣе распространенныхъ болѣзняхъ? Давно было извѣстно, что больная часть тѣла очень часто воспаляется. При этомъ она становится горячею, краснѣетъ, пухнетъ и вызываетъ болѣзненное ощущеніе. Всѣ эти явленія могутъ наступить какъ въ случаѣ если больное мѣсто было обожжено, такъ и въ случаѣ если болѣзнь была причинена другими вредными вліяніями, каковы укусы насѣкомыми или другими животными, да и вообще всякаго рода поврежденіями. Воспаленіе большею частью проходитъ само собою, но иногда оно можетъ затянуться, сдѣлаться очень опаснымъ и даже причинить смерть. Въ виду этого уже въ древности знали, что воспаленіе не всегда одинаково, а представляетъ разнообразныя видоизмѣненія. Въ особенно тяжелыхъ случаяхъ оно ведетъ къ гангренѣ: отмершія части чернѣютъ какъ уголь, что̀ часто является зловѣщимъ признакомъ приближенія смерти. Въ очень легкихъ случаяхъ воспаленіе ограничивается тѣмъ, что пораженный органъ краснѣетъ, при чемъ эта краснота проходитъ такъ же быстро, какъ и сопровождающіе боль, опухоль и жаръ. Кому не случалось наблюдать на самомъ себѣ появленіе на кожѣ прыща, который въ нѣсколько дней излечивался самъ собою? Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, однако, воспаленіе протекаетъ тяжелѣе: боль становится болѣе сильною, жаръ и краснота — тоже гораздо значительнѣе; опухоль принимаетъ бо̀льшіе размѣры и остается болѣе долгое время. Сначала твердая, она постепенно становится мягче, причемъ прикосновеніе къ ней даетъ ясно чувствовать, что она наполнена жидкостью. Большею частью воспаленіе ведетъ къ образованію бѣлаго, желтоватаго или зеленоватаго, болѣе или менѣе мутнаго гноя, на который было обращено вниманіе еще врачами въ древнія времена. Тогда уже знали, что разные сорты гноя отличаются видомъ, запахомъ и консистенціей, при чемъ этими отличіями пользовались для того, чтобы предсказывать исходъ воспаленія. Гиппократъ училъ, что нагноеніе „зависитъ отъ ненормальнаго смѣшенія основныхъ веществъ", что „гной происходитъ изъ крови, вслѣдствіе ея порчи, или же является изъ разжиженныхъ мускуловъ".

Ученіе, что гной представляетъ собою опасную жидкость, образующуюся изъ испорченныхъ частей тѣла, укоренилось очень глубоко въ медицинѣ и повело къ исканію всевозможныхъ средствъ, чтобы помѣшать образованію гноя и его проникновенію въ кровь.

Знаменитый врачъ первой половины восемнадцатаго столѣтія, Бургавъ, былъ твердо увѣренъ въ томъ, что нагноеніе зависитъ отъ смѣшенія разложившихся частей тѣла съ испорченными, вышедшими изъ крови соками, и что поэтому оно представляетъ собою нѣчто очень злокачественное. Особенно опасались всасыванія гноя въ кровь, имѣющаго послѣдствіемъ смертельное гнилокровіе—піэмію. Иногда случается, что вслѣдствіе пораненія или другихъ поврежденій, вызывающихъ нагноеніе, на различныхъ частяхъ тѣла развиваются гнойные нарывы, въ высшей степени истощающіе организмъ. Врачебное искусство часто оказывается безпомощнымъ противъ подобнаго заболѣванія.

Въ прежнія времена, до введенія микроскопа въ медицинскую науку, ограничивались поверхностнымъ обозрѣніемъ гноя и думали, что онъ зависитъ отъ порчи крови и отъ распаденія частицъ тѣла. Полагали, что кровь, потерявъ свой красный цвѣтъ и смѣшавшись съ распадомъ органовъ, превращается въ гной. Когда же, начиная съ конца семнадцатаго вѣка, стали разсматривать подъ микроскопомъ все, что поддавалось наблюденію, то вскорѣ открыли, что гной есть болѣе или менѣе вязкая жидкость, гдѣ всегда находится огромное количество мельчайшихъ шариковъ, которымъ дали названіе гнойныхъ тѣлецъ. Такимъ образомъ было добыто фактическое основаніе для того, чтобы судить о значеніи воспаленія и нагноенія. Дурная репутація, которую приписывали гною, была естественнымъ образомъ перенесена на единственныя извѣстныя его составныя части—на гнойныя тѣльца. Между тѣмъ было доказано, ко всеобщему удивленію, что эти микроскопическіе шарики совершенно похожи на тѣльца, которыя находятся во всякой крови. Это всѣмъ извѣстные бѣлые кровяные шарики или лейкоциты. Къ счастію—такъ разсуждали тогда,—количество ихъ у здоровыхъ людей очень незначительно, такъ что на одинъ подобный зловредный шарикъ приходится цѣлая тысяча красныхъ кровяныхъ тѣлецъ, этихъ благодѣтельныхъ носителей кислорода, источника жизни. Но худо приходится, когда количество бѣлыхъ шариковъ значительно увеличивается въ крови: въ такомъ случаѣ организмъ не можетъ оставаться здоровымъ. И въ самомъ дѣлѣ, самое тщательное сосчитываньe кровяныхъ тѣлецъ, которое такъ часто дѣлали въ прошломъ вѣкѣ, доказало несомнѣннымъ образомъ, что при почти всѣхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ количество лейкоцитовъ увеличивается очень значительно, иногда въ десять разъ и болѣе. Къ тому же присоединилось еще знаменитое открытіе Фирхова, что одна изъ опаснѣйшихъ болѣзней, названная имъ

лейкеміей (или бѣлокровіемъ), отличается такимъ громаднымъ количествомъ бѣлыхъ шариковъ въ крови, что они могутъ даже превышать количество красныхъ тѣлецъ. Всѣ эти научныя открытія содѣйствовали укрѣпленію того мнѣнія, что бѣлые кровяные шарики, столь похожіе на гнойныя тѣльца, дѣйствительно представляютъ нѣчто очень опасное для организма. Въ виду этого врачи задались вопросомъ: откуда же берутся эти составныя части гноя? На эту тему очень долго разсуждали довольно гадательнымъ образомъ, но, наконецъ, установили точно, что гнойныя тѣльца суть не что̀ иное какъ бѣлые кровяные шарики, переселившіеся во время воспаленія изъ крови и внѣдрившіеся въ больную часть тѣла. Этотъ фактъ былъ открытъ англійскими учеными и впослѣдствіи, болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, показанъ воочію Конгеймомъ. Онъ могъ непосредственно наблюдать, какъ, подъ вліяніемъ причинъ, вызывающихъ воспаленіе, бѣлые шарики скопляются на краѣ расширенныхъ кровеносныхъ сосудовъ и переходятъ сквозь ихъ стѣнки. Очутившись внѣ сосудовъ, эти шарики скопляются какъ-разъ въ томъ мѣстѣ, куда проникло вредящее начало. Точные опыты Конгейма, послѣ нѣкотораго періода отрицанія и критики, положили конецъ всѣмъ теоретическимъ разсужденіямъ и установили разъ навсегда, что гнойныя тѣльца суть не что̀ иное какъ переселившіеся изъ крови бѣлые кровяные шарики.

При воззрѣніяхъ, господствовавшихъ въ то время, результаты Конгейма были поняты въ томъ смыслѣ, что воспаленіе представляетъ болѣзнь кровеносныхъ сосудовъ: ихъ стѣнки становятся пористыми, вслѣдствіе чего сосуды оказываются болѣе не въ состояніи удерживать внутри себя все свое содержимое. Бѣлыя тѣльца выходятъ изъ сосудовъ, скопляясь въ сосѣдней ткани, гдѣ и образуютъ опухоль, большею частью состоящую изъ гноя. Въ полной увѣренности, что гной есть зловредная жидкость и что составляющія его гнойныя тѣльца оказываютъ пагубное вліяніе, подумывали о томъ, какъ бы воспрепятствовать выхожденію бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ изъ сосудовъ: прописывали больнымъ хининъ, основываясь на томъ, что это вещество парализуетъ движенія бѣлыхъ тѣлецъ.

Установленіе факта выхожденія этихъ шариковъ совпало съ тѣмъ временемъ, когда во Франціи, подъ вліяніемъ ученія Пастёра о броженіяхъ, уже начали серьезно приписывать низшимъ организмамъ важную роль въ заразныхъ болѣзняхъ. Такъ какъ не было болѣе возможности сомнѣваться въ томъ, что различныя броженія и гніенія производятся микроскопическими су-

ществами и такъ какъ очень часто можно было наблюдать, что при воспаленіи образуется загнившій гной, то отсюда легко было придти къ предположенію, что и причиной воспалительныхъ болѣзней являются также бактеріи. Къ тому же было нетрудно убѣдиться въ существованіи въ гноѣ этихъ микроскопическихъ организмовъ. Даже при помощи несовершенныхъ микроскоповъ, которыми пользовались сорокъ лѣтъ назадъ, легко было замѣтить среди гнойныхъ тѣлецъ кучки мельчайшихъ зернышекъ, которымъ дали названіе микрококковъ. Только въ то время еще не рѣшались признать въ нихъ причину гнойнаго воспаленія. Это совершилось лишь нѣсколько лѣтъ спустя, подъ давленіемъ накопившихся фактовъ. Въ то время какъ знаменитый англійскій хирургъ Листэръ старался утвердить эту истину и приложить ее на практикѣ, Робертъ Кохъ поразилъ міръ своими открытіями о сибирской язвѣ и о болѣзняхъ ранъ у животныхъ. Въ Парижѣ Пастёру, вмѣстѣ съ его сотрудниками, удалось произвести нарывы посредствомъ прививки особенныхъ бактерій. Вскорѣ онъ доказалъ, что изъ человѣческаго гноя можно получить два сорта круглыхъ бактерій, въ которыхъ онъ усмотрѣлъ причину нагноенія. Въ результатѣ всѣхъ этихъ открытій оказалось, что въ гноѣ заключаются не только найденныя болѣе двухсотъ лѣтъ назадъ гнойныя тѣльца, но и гораздо болѣе мелкіе микрококки. Въ какомъ же отношеніи между собою находятся эти двѣ составныя части гноя? Согласно господствовавшему воззрѣнію полагали, что бактеріи сначала попадаютъ въ организмъ, причиняя въ немъ воспаленіе, при чемъ стѣнки сосудовъ повреждаются въ такой степени, что бѣлые кровяные шарики выходятъ вонъ и скопляются въ воспаленномъ очагѣ. Наблюдаемыя при этомъ явленія объясняли такъ, что гной не только доставляетъ зловреднымъ микрококкамъ обильную пищу, но и служитъ имъ для перенесенія съ мѣста на мѣсто, такъ какъ было замѣчено, что они находятся не только между гнойными тѣльцами, но и внутри ихъ. Гнойныя тѣльца, наполненныя микрококками, могутъ, вслѣдствіе ихъ подвижности, покидать гнойный очагъ и переходить въ другія части тѣла. Такимъ путемъ считали возможнымъ объяснить столь опасное зараженіе крови гноемъ, то-есть причину смертельной піэміи. Всѣ эти данныя служили новымъ подкрѣпленіемъ воззрѣнія, твердо установившагося еще съ давнихъ временъ, что гной есть очень опасный воспалительный продуктъ и что гнойныя тѣльца крайне вредны для организма.

Нужно признать, что весь этотъ вопросъ чрезвычайно запутанъ. Неудивительно, что въ теченіе долгаго времени не могли

найти для него правильное рѣшеніе. Съ учеными случилось нѣчто подобное тому, что произошло бы съ обитателемъ другой планеты, который бы пожелалъ составить себѣ изъ своего далека понятіе о человѣческихъ дѣлахъ. Такъ напр., смотря на пожаръ, при чемъ дома и цѣлые кварталы рушатся въ короткое время, онъ обратилъ бы вниманіе на массу народа, бѣгущаго изъ сосѣднихъ улицъ къ пылающему очагу. Среди этой толпы онъ увидалъ бы людей съ блестящими касками, рядомъ съ другими, въ шапкахъ и другихъ подобныхъ головныхъ уборахъ. Послѣ нѣкотораго періода величайшей суеты и дѣятельности, сразу наступаетъ тишина. Отъ домовъ остались лишь развалины; домашняя утварь и товары большею частью уничтожены. Еще недавно кишѣвшая толпа исчезла. Никто не удивился бы, еслибы узналъ, что наблюдатель земныхъ дѣлъ съ отдаленной планеты увидѣлъ причину пожара именно въ большомъ скопленіи людей на одномъ мѣстѣ. Пожаръ зажигается людьми, расхищеніе и утайка вещей—тоже дѣло рукъ человѣческихъ. Въ результатѣ всей этой дѣятельности получается большой ущербъ.—Пожару, поскольку онъ доступенъ для наблюденія воображаемому обитателю другой планеты, соотвѣтствуетъ воспаленіе частей человѣческаго тѣла, поскольку оно можетъ быть наблюдаемо при помощи несовершенныхъ методовъ. Въ обоихъ случаяхъ сначала бываетъ жаръ. Подобно тому какъ люди бѣгутъ изъ сосѣднихъ улицъ къ пылающему очагу, такъ и бѣлые кровяные шарики устремляются къ воспаленному мѣсту изъ сосѣднихъ сосудовъ. По истеченіи нѣкотораго времени и пожаръ, и воспалительный жаръ гаснутъ. Толпа людей удаляется, равно какъ и гнойныя тѣльца—и въ обоихъ случаяхъ дѣло не кончается безъ нѣкоторой убыли. Находясь очень далеко, наблюдатель съ другой планеты не смогъ распознать особенности людей, стекшихся на пожаръ: въ его глазахъ слились воедино какъ люди, которые растаскивали утварь и товары, такъ и тѣ, которые помогали тушить пожаръ.—Нѣчто подобное совершилось и въ разработкѣ вопроса о воспаленіи.

А между тѣмъ уже съ давнихъ поръ было замѣчено, что при воспаленіи и нагноеніи участвуютъ и цѣлебныя силы. Древніе врачи знали, что, кромѣ злокачественнаго гноя, бываетъ и доброкачественный. Гиппократъ высказался по этому поводу очень опредѣленнымъ образомъ. Галенъ, греческій врачъ, практиковавшій въ Римѣ во второмъ столѣтіи нашего лѣтосчисленія, училъ, что нагноеніе является результатомъ дѣйствія цѣлебныхъ силъ природы, и усматривалъ въ появленіи гноя благопріятный

признакъ и начало счастливаго исхода воспаленія. Французскій врачъ половины восемнадцатаго вѣка, Кенэ, утверждалъ, что гной очищаетъ раны и содѣйствуетъ ихъ рубцеванію. Многимъ приходилось наблюдать на себѣ, какъ нестерпимая боль, въ началѣ образованія флюса, часто сопровождаемая лихорадкой, сразу проходитъ съ того момента какъ щека опухаетъ и въ ней образуется гной. Въ этомъ случаѣ связь выздоровленія съ нагноеніемъ особенно кидается въ глаза. Но все-таки нельзя не замѣтить, что весь вопросъ о воспаленіи и нагноеніи очень запутанъ и потому не легко поддавался рѣшенію. Если Конгейму удалось окончательно рѣшить вопросъ о происхожденіи гнойныхъ тѣлецъ, то это оказалось возможнымъ лишь потому, что онъ могъ наблюдать выселеніе бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ на живомъ животномъ. Но для этого ему пришлось изслѣдовать подъ микроскопомъ лягушекъ, то-есть низшихъ позвоночныхъ, гораздо болѣе живучихъ, чѣмъ человѣкъ и млекопитающія. Онъ наблюдалъ воспаленіе на плавательной перепонкѣ растянутыхъ лапокъ, на вытянутомъ языкѣ и лучше всего на брыжейкѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ ясно видѣлъ расширеніе воспаленныхъ сосудовъ и выхожденіе чрезъ ихъ стѣнку бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ. Не смотря на все сходство воспаленія у лягушки и у человѣка, между ними существуетъ то отличіе, что у первой воспаленная часть никогда не бываетъ горячею, вообще у холоднокровныхъ позвоночныхъ не бываетъ жара. Но такъ какъ всѣ другія проявленія воспаленія, въ особенности нагноеніе, совершенно схожи у лягушки и у человѣка, то отсюда слѣдуетъ, что жаръ не есть необходимая составная часть воспалительнаго процесса. Чтобы уразумѣть самую сущность этого явленія, оказалось нужнымъ спуститься еще ниже по лѣстницѣ животнаго міра.

Если нагноеніе въ самомъ дѣлѣ, какъ это обыкновенно принимается, является слѣдствіемъ заболѣванія сосудистой стѣнки, то оно никоимъ образомъ не можетъ развиться у такихъ животныхъ, у которыхъ вовсе нѣтъ сосудистой системы. Съ очень давнихъ поръ пытались изслѣдовать воспаленіе тѣхъ органовъ высшихъ животныхъ, которые лишены сосудовъ, какъ напр. роговая оболочка глаза. Но и тутъ условія оказались слишкомъ сложными, чтобы можно было придти къ опредѣленнымъ и неподлежащимъ сомнѣнію выводамъ. Задача оказалась несравненно легче и проще при изученіи низшихъ, совершенно прозрачныхъ животныхъ, лишенныхъ всякихъ сосудовъ.—Когда человѣку случается поранить себя какимъ-нибудь образомъ, то поврежденная часть болѣе или менѣе воспаляется. Если палецъ былъ уколотъ занозой,

то на немъ нерѣдко образуется нагноеніе въ видѣ бѣлаго пятна. А что̀ будетъ съ животнымъ, лишеннымъ кровеносныхъ сосудовъ, если оно занозится колючкой, введенной подъ кожу? Это былъ тотъ вопросъ, который я задалъ себѣ болѣе двадцати-пяти лѣтъ назадъ во время моего пребыванія въ Мессинѣ. Оказалось очень нетрудно сдѣлать подобный опытъ на низшихъ морскихъ животныхъ (на плавающихъ личинкахъ морскихъ звѣздъ) и убѣдиться, въ результатѣ его, въ томъ, что, не смотря на полнѣйшее отсутствіе кровеносныхъ или иныхъ сосудовъ, всякое поврежденіе тѣла влечетъ за собою скопленіе клѣточекъ, совершенно похожихъ на бѣлые кровяные шарики. Вскорѣ послѣ пораненія подобнаго животнаго, подвижные маленькіе шарики направляются къ поврежденному мѣсту, гдѣ и скопляются въ большомъ количествѣ. Если въ тѣло была всунута колючка (напр. шипъ розоваго куста), то вокругъ нея собирается масса такихъ шариковъ, подобно тому какъ у человѣка гнойныя тѣльца скопляются вокругъ занозы. Чтобы убѣдиться въ томъ, что описанное явленіе составляетъ общее правило, можно даже обойтись безъ морскихъ животныхъ: достаточно обратить вниманіе на кишащихъ во всѣхъ прудахъ и болотахъ такъ называемыхъ водяныхъ блохъ, или дафній. Это—маленькія прозрачныя животныя, жизненныя проявленія которыхъ могутъ быть безъ труда непосредственно наблюдаемы подъ микроскопомъ. Устройство тѣла дафній очень несложно: прямая кишечная трубка тянется вдоль всего тѣла; она заключена внутри обширной полости тѣла, наполненной еле розоватой кровью, приводимою въ движеніе сердцемъ въ видѣ мѣшка съ тремя отверстіями. Кровеносныхъ сосудовъ у водяныхъ блохъ нѣтъ вовсе: кровь движется въ полостяхъ. Въ ней нѣтъ красныхъ кровяныхъ шариковъ: она заключаетъ въ себѣ лишь бѣлые шарики, совершенно похожіе на соотвѣтствующія образованія у человѣка и у высшихъ животныхъ. Эти-то шарики и скопляются на поврежденныхъ мѣстахъ, что̀ и на свободѣ случается нерѣдко, такъ какъ дафніи подвержены укусамъ другихъ животныхъ и вообще разнымъ пораненіямъ. У нихъ легко производить и искусственныя поврежденія. Во всѣхъ такихъ случаяхъ бѣлые шарики собираются вокругъ раны, совершенно такъ же, какъ это бываетъ при воспаленіи раны у человѣка. Изъ этихъ прочно установленныхъ фактовъ вытекаетъ, что скопленіе бѣлыхъ шариковъ — или, что̀ тоже, гнойныхъ тѣлецъ, — можетъ происходить помимо всякаго участія кровеносныхъ сосудовъ. Это явленіе должно быть понимаемо какъ результатъ самопроизвольной дѣятельности мельчайшихъ клѣточекъ. Тотъ фактъ, что собирающіеся

на поврежденныхъ частяхъ тѣла бѣлые шарики вбираютъ въ себя все, что только имъ доступно, служитъ подкрѣпленіемъ мнѣнія, по которому это явленіе разсматривается какъ противодѣйствіе живого организма вреднымъ вліяніямъ. Общеизвѣстно, что разнообразнѣйшія поврежденія очень часто даютъ поводъ къ внѣдренію болѣзнетворныхъ началъ, то-есть заразныхъ бактерій. Такъ какъ воспаленіе почти всегда сопутствуетъ инфекціоннымъ болѣзнямъ, то отсюда можно заключить, что совершающееся при этомъ скопленіе бѣлыхъ кровяныхъ тѣлецъ и нагноеніе тоже должны быть разсматриваемы какъ реакція организма противъ болѣзненнаго начала. Для того, чтобы разрѣшить эту задачу, было бы очень интересно прослѣдить эти явленія на низшихъ животныхъ, которыхъ можно бы было наблюдать въ живомъ состояніи. Для этой цѣли особенно подходящи такія же водяныя блохи, какъ тѣ, о которыхъ мы говорили по поводу искусственныхъ поврежденій. Въ мѣстахъ, гдѣ эти животныя скопляются въ большомъ количествѣ, среди нихъ развивается иногда эпидемическая болѣзнь, обусловленная низшимъ грибкомъ изъ группы дрожжей. Этотъ микроскопическій паразитъ имѣетъ видъ овальныхъ тѣлецъ, быстро размножающихся почкованіемъ и дающихъ длинныя сѣмена (споры) въ видѣ иголокъ. Такія игольчатыя споры встрѣчаются въ значительномъ числѣ на днѣ бассейновъ, въ которыхъ живутъ водяныя блохи, и поэтому легко попадаютъ съ пищею въ кишечный каналъ. Такъ какъ эти споры очень тверды и заострены на обоихъ концахъ, то часто случается, что онѣ прободаютъ стѣнку кишки водяныхъ блохъ и цѣликомъ или отчасти попадаютъ въ полость тѣла. Тутъ онѣ тотчасъ же окружаются кровяными тѣльцами и совершенно обволакиваются ими. Поразительно, что эти крошечные бѣлые шарики оказываются въ состояніи уничтожить споры грибка, не смотря на ихъ плотность и прочность. Эти споры не только становятся неспособными къ прорастанію, но совершенно убиваются и превращаются въ зернистую бурую массу. Очень замѣчательно, что въ то время, какъ споры, заключенныя въ бѣлые шарики, окончательно разрушаются, тѣ, которыя находятся въ кишечномъ каналѣ, сохраняются безъ измѣненія. Иногда случается, что одна половина споры еще остается въ кишкѣ, тогда какъ другая проникаетъ въ полость тѣла. Только эта послѣдняя половина становится добычей бѣлыхъ тѣлецъ и обращается въ зерна, тогда какъ другая, оставшаяся въ кишкѣ, остается неизмѣнной. Этотъ фактъ доказываетъ, что переваривающая сила кровяныхъ тѣлецъ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ кишечномъ каналѣ. И однако

кишка водяныхъ блохъ въ состояніи переваривать такую грубую пищу, какъ водоросли.

Въ случаяхъ, когда количество проглоченныхъ игольчатыхъ споръ не слишкомъ значительно, или когда бѣлые шарики правильно совершаютъ свое отправленіе, водяныя блохи остаются здоровыми. Когда же споръ попало въ тѣло водяныхъ блохъ черезчуръ большое количество, то нѣкоторыя изъ первыхъ успѣваютъ прорости. При этомъ сбоку споры образуются отпрыски, которые вскорѣ отпадаютъ и начинаютъ размножаться съ особенной быстротой. Бѣлые шарики устремляются въ погоню за этими грибками, но безуспѣшно, такъ какъ они убиваются ядомъ, выдѣляемымъ микроскопическими паразитами. Въ концѣ концовъ бѣлые шарики растворяются окончательно, между тѣмъ какъ грибки, усиленно размножившись, наполняютъ всю полость тѣла водяной блохи и убиваютъ ее.

Предыдущія строки заключаютъ въ общихъ чертахъ исторію дрожжевой болѣзни водяныхъ блохъ, которая сводится къ настоящей борьбѣ за существованіе между бѣлыми кровяными шариками и грибкомъ, представляющимъ заразное начало. Кровяные шарики играютъ при этомъ роль защитниковъ организма водяныхъ блохъ. Цѣлебное дѣйствіе ихъ въ этомъ случаѣ незначительно, но зато очень велика ихъ предохранительная роль. Большинство водяныхъ блохъ, проглотившихъ игольчатыя споры, остаются совершенно здоровыми, именно благодаря противодѣйствію со стороны ихъ кровяныхъ тѣлецъ. Въ продолженіе двадцати лѣтъ я наблюдаю водяныхъ блохъ въ бассейнѣ пресмыкающихся въ ботаническомъ саду въ Парижѣ. Въ немъ всегда можно найти нѣсколько водяныхъ блохъ, заболѣвшихъ отъ внѣдренія дрожжевыхъ грибковъ. Но вся масса этихъ многочисленныхъ животныхъ, не смотря на постоянную опасность зараженія, остается здоровой и продолжаетъ давать все новыя и новыя поколѣнія.

Такъ какъ описанныя явленія у низшихъ безсосудистыхъ животныхъ представляютъ въ общихъ чертахъ большое сходство съ воспаленіемъ и нагноеніемъ у человѣка, то дозволительно предположить, что и у насъ эти процессы выражаютъ цѣлебную и предохранительную реакцію организма противъ болѣзнетворныхъ началъ. Разница только въ томъ, что у водяныхъ блохъ и другихъ прозрачныхъ низшихъ животныхъ легко доступно непрерывное наблюденіе на живомъ организмѣ, а у человѣка и у высшихъ животныхъ оно затруднено и замаскировано ихъ крайне сложнымъ устройствомъ. Не смотря, однако, на значительную труд-

ность выполненія, представлялось въ высшей степени привлекательнымъ разрѣшеніе вопроса о томъ, можно ли распространить результаты, полученные на низшихъ животныхъ, въ качествѣ общаго закона о противодѣйствіи организма заразнымъ началамъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности наблюдать подъ микроскопомъ даже самое крошечное позвоночное животное, подобно тому, какъ это такъ легко дается съ водяными блохами. Поэтому приходится ограничиваться изслѣдованіемъ отдѣльныхъ частей тѣла и жидкостей, извлеченныхъ изъ организма. Полученныя при этомъ данныя должны быть затѣмъ сопоставляемы между собою, и только послѣ всесторонникъ соображеній является возможность придти къ общимъ выводамъ. Такой путь, однакоже, легко можетъ вести къ заблужденіямъ и широко открываетъ двери ошибочнымъ выводамъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ понадобился долгій періодъ возраженій и препирательствъ, прежде чѣмъ наука могла придти къ прочно установленнымъ выводамъ.

II.

Первый вопросъ, который долженъ былъ быть разрѣшенъ для выясненія дѣйствія естественныхъ цѣлебныхъ силъ организма у высшихъ животныхъ и у человѣка, касается отношенія между процессомъ выздоровленія и воспаленіемъ. Теперь установлено съ точностью, что самыя губительныя болѣзни могутъ протекать безъ малѣйшей воспалительной реакціи. У человѣка подобные случаи чрезвычайно рѣдки, но у животныхъ можно легко наблюдать болѣзни, быстро ведущія къ смерти. Если привить подъ кожу уха кролика небольшое количество бациллъ такъ называемой куриной холеры, то эти бактеріи размножаются безъ всякаго противодѣйствія. При этомъ вовсе не развивается воспаленія, не образуется скопленія бѣлыхъ кровяныхъ тѣлецъ и не получается нагноенія. Организмъ кролика относится вполнѣ пассивно, подобно склянкѣ съ питательной средой, засѣянной бактеріями куриной холеры. При этихъ условіяхъ количество ихъ быстро увеличивается до невѣроятныхъ размѣровъ, и кроликъ умираетъ отъ общаго зараженія спустя очень короткое время, иногда уже черезъ пять или шесть часовъ.

Совершенно иначе протекаютъ явленія въ томъ случаѣ, когда организмъ оказываетъ достаточное противодѣйствіе противъ введенныхъ въ него заразныхъ началъ. Морскія свинки относятся

къ послѣднимъ совершенно иначе, чѣмъ кролики, даже тогда, когда имъ вводятся подъ кожу несравненно бо́льшія количества такихъ же бактерій куриной холеры. Въ этомъ случаѣ развивается настоящее воспаленіе; близлежащіе сосуды расширяются и чрезъ ихъ стѣнки происходитъ обильное выселеніе бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ, собирающихся въ огромномъ количествѣ на мѣстѣ внѣдренія бактерій. Здѣсь образуется нарывъ, какъ это было замѣчено Пастёромъ уже очень давно. Въ гноѣ этого нарыва бактеріи куриной холеры поѣдаются бѣлыми кровяными шариками и уничтожаются въ большомъ количествѣ. Нѣкоторая часть бактерій остается живой еще долгое время, при чемъ ихъ болѣзнетворная способность сохраняется настолько, что достаточно привить кролику каплю такого гноя, чтобы вызвать у него быстро смертельную болѣзнь. Морская же свинка остается совершенно здоровой и кончаетъ тѣмъ, что убиваетъ всѣхъ заключающихся въ ея гноѣ бактерій.

Приведенные факты показываютъ, что существуетъ полнѣйшее совпаденіе между способностью противодѣйствія организма и воспаленіемъ: смертельный исходъ безъ воспаленія у кролика и окончательное переживаніе морской свинки, благодаря ея воспалительной реакціи. Воспаленіе, которое даетъ возможность зараженному организму выдерживать нападеніе бактерій, отличается особеннымъ богатствомъ выселившихся бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ. При этомъ краснота воспаленной части тѣла, равно какъ жаръ и опухоль, могутъ быть вовсе незначительны. Наоборотъ, когда эти явленія выражены очень рѣзко, а выселеніе бѣлыхъ тѣлецъ незначительно, исходъ можетъ быть неблагопріятный.

Попробуемъ сравнить воспалительный процессъ у одного и того же животнаго, если ему съ одной стороны были введены бактеріи, противъ которыхъ организмъ оказываетъ лишь слабое сопротивленіе, а съ другой стороны — бактеріи, которыя организмъ побѣждаетъ безъ затрудненія. На первой сторонѣ образуется значительная опухоль краснаго цвѣта, горячая на ощупь и содержащая обильный жидкій выпотъ, но заключающая лишь очень мало бѣлыхъ шариковъ; на другой сторонѣ развивается маленькая опухоль съ очень небольшимъ количествомъ жидкости, но содержащая очень много бѣлыхъ шариковъ. При ближайшемъ изслѣдованіи мы находимъ въ первой, большой опухоли много свободныхъ бациллъ, безпрепятственно размножающихся, въ маленькой же опухоли бациллъ немного и почти всѣ онѣ заключены внутри бѣлыхъ шариковъ.

Сравненіе этихъ обоихъ видовъ воспаленія приводитъ насъ

къ выводу, что при защитительной реакціи организма на долю бѣлыхъ шариковъ выпадаетъ особенно важная роль. Еще и теперь иногда раздаются голоса, утверждающіе, будто бѣлые шарики вытѣсняются изъ кровеносныхъ сосудовъ совершенно пассивно, вслѣдствіе сильнаго поврежденія ихъ стѣнокъ. Но этому объясненію противорѣчитъ тотъ фактъ, что при очень сильномъ воспаленіи, когда изъ сосудовъ выходитъ большое количество жидкости и даже нерѣдко красные шарики, бѣлыя тѣльца тѣмъ не менѣе выселяются лишь въ очень незначительномъ количествѣ. Отсюда ясно, что бѣлые шарики вовсе не такъ легко могутъ вытѣсняться пассивно изъ сосудовъ. Они представляютъ собой живыя клѣточки, способныя не только, подобно многимъ одноклѣточнымъ организмамъ, совершать произвольныя движенія, но обнаруживающія также тонкую чувствительность. Эта послѣдняя возбуждается у нихъ болѣзнетворными бактеріями. Когда выдѣленія этихъ микроскопическихъ паразитовъ дѣйствуютъ на чувствительность бѣлыхъ тѣлецъ, то они переселяются въ большомъ количествѣ къ мѣсту, куда проникли бактеріи; это совершается при умѣренномъ воспаленіи сосудовъ. Можно непосредственно наблюдать подъ микроскопомъ у нѣкоторыхъ живыхъ позвоночныхъ животныхъ—напримѣръ, на прозрачномъ хвостѣ головастиковъ,—процессъ выселенія бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ. Они при этомъ значительно двигаются всѣмъ своимъ тѣломъ, и часто требуются большія усилія для того, чтобы они могли пройти сквозь стѣнку сосуда. Съ другой стороны, не менѣе вѣрно и то, что и сосуды измѣняются при воспаленіи, облегчая этимъ выселеніе бѣлыхъ шариковъ. Въ стѣнкѣ сосудовъ образуются маленькія отверстія, которыя открываются, давая проходъ этимъ тѣльцамъ. Объ этихъ отверстіяхъ многое еще недостаточно выяснено, но нужно думать, что тутъ дѣло заключается въ проявленіи жизненныхъ свойствъ. Отверстія сосудистой стѣнки открываются подобно тому, какъ ротъ открывается для ѣды и для произнесенія звуковъ. Когда, не смотря на сильное воспаленіе, бѣлые шарики все-таки не выселяются, это совершается въ силу особеннаго отталкиванія или отвращенія этихъ клѣточекъ по отношенію къ болѣзнетворнымъ бактеріямъ. Сосудистыя стѣнки могутъ при этомъ реагировать съ наибольшей напряженностью, а бѣлые шарики все-таки остаются въ крови.

Изученіе воспалительнаго процесса показываетъ прежде всего, что это явленіе есть дѣйствительно защитительная реакція организма и доказываетъ, далѣе, что главная въ ней роль выпадаетъ на долю бѣлыхъ тѣлецъ. Мы уже знаемъ, какъ эти клѣ-

точки дѣйствуютъ у низшихъ животныхъ. У человѣка и у высшихъ животныхъ въ сущности происходитъ то же самое. Бѣлые кровяные шарики суть живыя образованія, способныя передвигаться съ мѣста на мѣсто и поглощать внутрь ихъ содержимаго различныя тѣла,—что̀ совершается именно благодаря подвижности вещества, изъ котораго они состоятъ. Замѣчательно, что тѣла, поглощенныя бѣлыми шариками, могутъ болѣе или менѣе растворяться, то-есть перевариваться внутри ихъ. Вслѣдствіе этой способности бѣлые кровяные шарики были обозначены названіемъ „прожорливыхъ клѣточекъ“, или „фагоцитовъ“. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что не всѣ бѣлые кровяные шарики суть фагоциты, а съ другой стороны существуютъ клѣточки, которыя, не будучи бѣлыми кровяными шариками, все же способны пожирать постороннія тѣла. Хотя значительное большинство бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ суть фагоциты и хотя значительнѣйшее большинство фагоцитовъ суть бѣлые кровяные шарики, тѣмъ не менѣе оба понятія не тождественны.

Послѣ длиннаго ряда изслѣдованій, произведенныхъ въ теченіе истекшихъ двадцати-пяти лѣтъ, было доказано, что реакція со стороны фагоцитовъ или, какъ принято называть ее, фагоцитозъ, всегда соотвѣтствуетъ степени противодѣйствія организма заразнымъ началамъ. Есть болѣзни, гдѣ, не смотря на значительный фагоцитозъ, организмъ въ концѣ концовъ все же можетъ погибнуть. Къ этому числу относится бугорчатка. Въ этихъ случаяхъ безсиліе фагоцитовъ зависитъ отъ того, что заразное начало, то-есть чахоточныя палочки, хотя и поглощаются фагоцитами, но не могутъ быть въ нихъ убиты и переварены. Открытыя Кохомъ, эти бактеріи поѣдаются бѣлыми кровяными шариками съ особенной легкостью; но такъ какъ онѣ отличаются крайней устойчивостью (тѣло ихъ пропитано особеннымъ воскомъ), то онѣ противостоятъ переваривающей способности фагоцитовъ и даже разрушаютъ послѣднихъ, что̀, конечно, влечетъ за собою большой вредъ для всего организма. Не смотря на это, не подлежитъ сомнѣнію, что въ борьбѣ организма противъ бугорчатки все же фагоциты играютъ важную роль. Это доказывается особенно убѣдительно примѣромъ невоспріимчивыхъ животныхъ, у которыхъ чахоточныя палочки не только поѣдаются большими фагоцитами, но и окончательно уничтожаются ими.

Когда реакція со стороны фагоцитовъ состоитъ не только въ поглощеніи заразныхъ началъ, но и въ ихъ умерщвленіи, то организмъ окончательно выздоравливаетъ. Исключенія, впрочемъ очень рѣдкія, наблюдаются въ случаяхъ, когда излеченный фа-

гоцитами организмъ погибаетъ отъ отравленія бактеріальными ядами.

Мы только что упоминали объ умерщвленіи заразныхъ началъ внутри фагоцитовъ. Фактъ этотъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Одно время немалое число ученыхъ думали, что фагоциты не въ состояніи одолѣть живыхъ бактерій. По ихъ мнѣнію, эти послѣднія должны быть предварительно убиваемы соками организма и только потомъ поглощаемы фагоцитами. Роль этихъ прожорливыхъ клѣточекъ сводилась бы въ такомъ случаѣ къ подметанію труповъ бактерій. Нѣтъ надобности останавливаться здѣсь долѣе на этомъ вопросѣ, такъ какъ теперь, наконецъ, всѣми признано, что фагоциты поглощаютъ живыхъ и способныхъ возбудить болѣзнь, или, какъ говорятъ, вирулентныхъ бактерій, а также, что фагоциты могутъ уничтожать и переваривать поглощенныхъ бактерій при помощи пищеварительныхъ веществъ, природа которыхъ ближайшимъ образомъ еще не установлена.

Мы можемъ также не останавливаться и на томъ мнѣніи, по которому фагоциты, хотя и способные поглощать живыя бактеріи, оказываются, однако, не въ состояніи ихъ умертвить. Мнѣніе это основано на томъ, что, будучи извлечены изъ организма, бѣлые кровяные шарики сохраняютъ способность поѣдать заразныя начала, но не убиваютъ ихъ. Еслибы этотъ фактъ соотвѣтствовалъ дѣйствительности (а мы знаемъ, что этого нѣтъ), то онъ, разумѣется, доказывалъ бы только, что удаленные изъ организма и находящіеся при неблагопріятныхъ условіяхъ фагоциты потеряли способность убивать и переваривать бактерій. Фактъ, что въ живомъ организмѣ фагоциты поглощаютъ живыхъ бактерій и затѣмъ убиваютъ и перевариваютъ ихъ, былъ доказанъ столь часто и столь несомнѣнно, что спорить долѣе противъ упомянутаго возраженія здѣсь не представляется ни малѣйшей надобности.

Долгое время многіе ученые утверждали, будто въ крови и въ другихъ сокахъ организма заключаются вещества, убивающія бактерій и тѣмъ приносящія большую пользу въ борьбѣ противъ заразныхъ болѣзней. Мнѣніе это очень поколебалось за послѣдніе годы. Есть примѣры, въ которыхъ можно замѣтить присутствіе подобныхъ веществъ; но эти примѣры рѣдки и относятся главнѣйшимъ образомъ къ явленіямъ, совершающимся внѣ организма. Наилучшій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ кровь кроликовъ, заболѣвшихъ сибирской язвою. Будучи уже смертельно больны, кролики эти имѣютъ въ крови огромное

множество сибиреязвенныхъ палочекъ. Если у нихъ передъ смертью взять немного крови, то въ ней можно найти массу живыхъ такихъ бактерій. Но, спустя нѣкоторое время послѣ извлеченія изъ организма, когда изъ свернувшейся крови уже отстоялась сыворотка, всѣ палочки погибаютъ, какъ это было показано Грубером и Футаки въ Мюнхенѣ, въ ихъ очень элегантно поставленномъ опытѣ.

Если мы сдѣлаемъ обзоръ наилучше изученныхъ болѣзней человѣка и домашнихъ животныхъ (въ томъ числѣ и животныхъ, служащихъ для опытовъ въ лабораторіяхъ), то мы встрѣтимся вездѣ съ слѣдующимъ общимъ закономъ: въ случаяхъ, когда организмъ оказываетъ достаточное сопротивленіе, фагоцитозъ развитъ въ очень сильной степени и проявляется вполнѣ; въ случаяхъ же, когда организмъ побѣждается заразнымъ началомъ, фагоцитозъ или вовсе отсутствуетъ, или же проявляется лишь въ слабой степени. Нѣтъ надобности приводить здѣсь безчисленные случаи, подтверждающіе это правило. Сошлюсь только на одинъ примѣръ. Къ числу послѣднихъ, по времени открытія, болѣзнетворныхъ для человѣка бактерій принадлежитъ возбудитель восточной чумы. Онъ былъ открытъ спустя одиннадцать лѣтъ послѣ установленія теоріи фагоцитовъ. Не смотря на то, что чума есть одна изъ губительнѣйшихъ болѣзней человѣческаго рода, немалое число людей выздоравливаетъ навсегда отъ нея. Изслѣдованіями послѣднихъ лѣтъ было показано, что въ подобныхъ благопріятныхъ случаяхъ бѣлые кровяные шарики захватываютъ чумныхъ бактерій и разрушаютъ ихъ. Въ случаяхъ же, несравненно болѣе многочисленныхъ, когда человѣческій организмъ гибнетъ подъ вліяніемъ чумы, чумныя палочки остаются нетронутыми по сосѣдству съ немногочисленными бѣлыми шариками. Дѣятельность послѣднихъ нарушается, тогда какъ возбудители чумы, не будучи захватываемы фагоцитами, размножаются въ огромномъ количествѣ.

Не можетъ болѣе подлежать сомнѣнію, что столь долго признаваемое за истину мнѣніе, будто гнойныя тѣльца представляютъ собой вредное начало для собственнаго организма, должно быть, наконецъ, отвергнуто. Гнойные шарики суть, наоборотъ, агенты нашихъ защитительныхъ силъ, которые охраняютъ насъ отъ заразныхъ началъ и служатъ цѣлямъ выздоровленія. Справедливо, что значительное скопленіе бѣлыхъ шариковъ часто указываетъ на опасность; только послѣдняя зависитъ не отъ нихъ, а отъ бактерій, противъ которыхъ они борются. Признавать гнойныя тѣльца нашими врагами такъ же невѣрно, какъ невѣрно

считать пожарныхъ и полицейскихъ служителей за поджигателей въ то время, когда они тушатъ пожаръ и охраняютъ отъ воровъ.

Въ случаяхъ, когда количество бѣлыхъ шариковъ значительно увеличивается въ крови или въ различныхъ органахъ, это служитъ указаніемъ того, что въ организмъ проникли болѣзнетворныя бактеріи, противъ которыхъ онъ выслалъ армію своихъ цѣлителей. Чистые, то-есть не заключающіе заразныхъ началъ, гнойные шарики могутъ въ большомъ количествѣ быть вводимы въ организмъ безъ малѣйшей опасности. Когда гной оказывался вреднымъ, то это происходило не отъ содержанія въ немъ гнойныхъ тѣлецъ, а исключительно отъ находившихся въ немъ заразныхъ возбудителей.

Въ послѣдніе годы извѣстный англійскій врачъ, докторъ Райтъ, высказалъ новый взглядъ на сущность явленій фагоцитоза. Онъ признаетъ, что главное оружіе, посредствомъ котораго организмъ стремится избавиться отъ болѣзнетворныхъ началъ, суть фагоциты. Эти клѣточки, и между ними главнымъ образомъ бѣлые шарики, отыскиваютъ, поѣдаютъ и перевариваютъ вредоносныхъ бактерій. Но, по мнѣнію Райта и его послѣдователей, самъ фагоцитозъ зависитъ отъ особенныхъ веществъ, находящихся въ крови и въ другихъ жидкостяхъ организма и приготовляющихъ бактерій къ поѣданію фагоцитами. Въ кровяной жидкости, почему-либо лишенной этихъ веществъ, поѣданіе заразныхъ началъ совершается лишь въ ничтожномъ количествѣ. Стоитъ лишь, однако, прибавить каплю свѣжей крови, чтобы значительно усилился фагоцитозъ, благодаря заключенному въ ней подготовительному веществу. Это послѣднее было обозначено Райтомъ названіемъ „опсонинъ“. Сами опсонины не въ состояніи убить или даже сколько-нибудь повредить заразныхъ бактерій; ихъ дѣйствіе состоитъ исключительно въ подготовленіи бактерій къ ихъ поѣданію фагоцитами.

Согласно этому ученію, фагоцитозъ подчиненъ особеннымъ условіямъ, зависящимъ отъ количества опсониновъ въ жидкихъ частяхъ организма. A priori теорія эта представляется очень правдоподобной. Само собою разумѣется, что, не смотря на нѣкоторую независимость ихъ въ организмѣ, бѣлые шарики, подобно всѣмъ другимъ живымъ клѣточкамъ, подчиняются дѣйствію окружающей среды. Чтобы должнымъ образомъ оказывать свое благотворное вліяніе, они должны находиться и дѣйствовать въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ. А такъ какъ всѣ данныя объ опсонинахъ и о ихъ вліяніи на фагоцитозъ были получены на

основаніи наблюденій внѣ организма, то-есть при совершенно искусственныхъ условіяхъ, то очень трудно и рискованно переносить эти результаты на то, что происходитъ въ живомъ тѣлѣ. Исторія пріобрѣтенія свѣдѣній о защитительныхъ силахъ организма достаточно показала, до какой степени существенно имѣть въ виду въ точности всѣ условія, при которыхъ происходитъ данное явленіе. Между тѣмъ какъ отъ теоріи о бактеріеубивающихъ жидкостяхъ организма осталось въ концѣ концовъ очень немного, ученіе о фагоцитозѣ должно было быть признано какъ общее правило. Дѣло въ томъ, что первая основывалась главнымъ образомъ на изслѣдованіи жидкостей организма и бактерій внѣ организма, тогда какъ теорія фагоцитовъ все время опирала свои выводы на процессы, происходящіе въ живомъ тѣлѣ.

Что касается теоріи опсониновъ, то не слѣдуетъ упускать изъ виду, что какъ жидкости организма, служащія для изслѣдованія, такъ и бѣлые шарики немало отличаются отъ тѣхъ, которые находятся въ живомъ организмѣ. Кровь, выпущенная въ стеклянныя трубки, также какъ и добытая изъ нея сыворотка, далеко не тождественны съ соотвѣтствующими жидкостями живого тѣла. Кровяную плазму совершенно подобную той, которая находится въ живой крови, еще никому не удалось получить. Съ другой стороны, и бѣлые шарики, будучи извлечены изъ организма, находятся въ состояніи, которое никоимъ образомъ нельзя признать за нормальное. Хотя они довольно долго еще продолжаютъ жить и сохраняютъ даже способность поѣдать живыхъ бактерій, но тѣмъ не менѣе они теряютъ степень своей нормальной жизнедѣятельности. Поэтому возникаетъ вопросъ, не подобны ли опсонины тѣмъ веществамъ, которыя такъ легко убиваютъ сибиреязвенныя палочки въ крови кроликовъ послѣ того какъ она была извлечена изъ организма, но которыя не оказываютъ никакого дѣйствія, пока кровь находится въ тѣлѣ живого кролика. Нужны еще дальнѣйшіе опыты для того, чтобы разрѣшить этотъ вопросъ.

Точными изслѣдованіями было установлено, что количество опсониновъ въ крови можетъ при извѣстныхъ условіяхъ увеличиваться въ очень значительной степени. Это наблюдается при выздоравливаніи отъ заразныхъ болѣзней, а также послѣ предохранительныхъ прививокъ противъ различныхъ бактерій. Нейфельдъ въ Берлинѣ особенно настаиваетъ на томъ фактѣ, что въ этихъ случаяхъ опсоническое дѣйствіе кровяной жидкости чрезвычайно сильно. Полагая, что при этомъ участвуютъ не настоящіе опсонины, а вещества отъ нихъ отличающіяся, онъ обо-

значилъ ихъ названіемъ: „бактеріотропины“. По мнѣнію Нейфельда фагоциты сами ничуть не мѣняютъ своихъ свойствъ въ то время, когда въ организмѣ развивается невоспріимчивость къ заразнымъ болѣзнямъ. Мѣняется при этомъ лишь количество бактеріотропиновъ въ крови. Но такъ какъ послѣдніе оказываютъ сильное вліяніе на фагоцитозъ, то послѣдній обнаруживается въ очень значительной степени какъ во время выздоровленія, такъ и послѣ предохранительныхъ прививокъ. По этому воззрѣнію, на фагоцитовъ выпадаетъ роль окончательно уничтожать заразныхъ возбудителей; бактеріотропины же оказываютъ подготовительное дѣйствіе, которое дѣлаетъ возможнымъ фагоцитозъ.

Я не стану распространяться здѣсь о томъ, тождественны ли эти бактеріотропины съ опсонинами, а также находятся ли эти вещества въ живомъ организмѣ въ такомъ же состояніи, какъ въ стеклянной посудѣ, въ которой производятся опыты. Относительно этихъ вопросовъ наука еще далека отъ окончательнаго разрѣшенія. Одно пока не подлежитъ сомнѣнію, а именно, что поѣданіе бактерій бѣлыми шариками можетъ происходить даже внѣ организма и безъ всякаго участія какъ опсониновъ, такъ и бактеріотропиновъ. Райтъ обозначилъ это явленіе названіемъ: „самопроизвольный фагоцитозъ“. Разница заключается только въ томъ, что этотъ послѣдній происходитъ медленно и въ незначительномъ количествѣ, а подъ вліяніемъ опсониновъ и бактеріотропиновъ фагоцитозъ совершается гораздо быстрѣе и сильнѣе.

Установленіе теоріи опсониновъ оказало большое вліяніе на господствующія воззрѣнія о цѣлебныхъ силахъ организма. И если еще не доказано, чтобы въ живомъ организмѣ опсонины дѣйствительно подготовляли бактерій къ фагоцитозу, то не подлежитъ сомнѣнію, что эта теорія значительно подготовила ученый міръ къ принятію теоріи фагоцитовъ.

Долгое время, особенно въ Германіи, которая руководитъ наукой во многихъ странахъ, между прочимъ, въ усиленной степени, въ Россіи, очень большое число ученыхъ упорно держалось теоріи объ убивающемъ дѣйствіи соковъ организма на бактерій, какъ о главнѣйшемъ факторѣ цѣлебной силы нашей природы. Съ чрезвычайнымъ трудомъ дѣлая уступки противникамъ, ученые эти жадно стремились найти какое-нибудь средство, чтобы согласить ихъ такъ называемую гуморальную теорію сопротивляемости организма съ клѣточной теоріей фагоцитовъ. Этотъ компромиссъ, по ихъ мнѣнію, они нашли въ теоріи опсониновъ.

Несомнѣнно доказано, что въ сокахъ живого организма на-

ходятся растворенныя вещества, которыя оказываютъ нѣкоторое вліяніе на бактерій, не будучи, однако же, въ состояніи ни убить ихъ, ни отнять у нихъ способность вызвать заболѣваніе. Поскольку эти вещества въ настоящее время изучены, оказывается, что они стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ бѣлыми кровяными шариками и вообще съ фагоцитами. Источникомъ производства этихъ растворенныхъ веществъ, на основаніи согласнаго показанія цѣлаго ряда ученыхъ, между которыми ранѣе всѣхъ высказались Рихардъ Пфейферъ и Вассерманъ, являются именно органы, въ которыхъ образуются фагоциты. Тутъ прежде всего играетъ роль селезенка, затѣмъ лимфатическіе органы и костный мозгъ. Эти фагоцитарные органы и должны слѣдовательно, быть признаны центрами, изъ которыхъ исходитъ борьба нашего организма противъ заразныхъ началъ. Изъ нихъ выселяются массы фагоцитовъ, направляющіеся во всѣ мѣста, угрожаемыя болѣзнетворными бактеріями или другими нашими микроскопическими врагами. Въ этихъ органахъ были найдены вещества, приготовляющія заразныхъ возбудителей къ поѣданію фагоцитами, и притомъ въ такое время, когда въ кровяной жидкости ихъ еще не было и слѣда. Притомъ же найдено, что эти вещества, кромѣ упомянутыхъ органовъ, могутъ образоваться и на самыхъ мѣстахъ, гдѣ происходитъ борьба между бактеріями и бѣлыми шариками. Когда эти враги наши попадаютъ въ полость груди или живота, то тутъ-то именно и находятся раньше всего вещества, содѣйствующія фагоцитозу. Только спустя нѣкоторое время они поступаютъ въ текущую кровь. Отсюда слѣдуетъ, что эти вещества вырабатываются самими фагоцитами.

Цѣлый рядъ новыхъ изслѣдованій все болѣе и болѣе убѣждаетъ въ томъ, что растворенныя вещества кровяной жидкости и другихъ соковъ организма, вещества, вліяющія на заразныхъ бактерій и содѣйствующія ихъ пожиранію фагоцитами, суть производныя этихъ послѣднихъ. Къ числу ихъ относятся вещества, склеивающія бактерій въ кучки (что, быть можетъ, облегчаетъ фагоцитозъ) и дающія осадки съ жидкими выдѣленіями бактерій. Первымъ дали названіе *аглютинины*, вторымъ — *преципитины*. И тѣ, и другіе являются результатомъ дѣятельности фагоцитовъ въ ихъ борьбѣ противъ заразныхъ началъ, какъ это относительно склеивающихъ веществъ подтвердили недавно профессоръ Дрейеръ и Энли въ Оксфордѣ.

Въ виду тѣсной связи между фагоцитами и дѣйствующими на бактерій веществами жидкостей организма, кажется чрезвычайно маловѣроятнымъ мнѣніе, которое признается многими уче-

ными за святую истину и по которому бѣлые кровяные шарики суть живыя клѣточки съ постоянными свойствами. Въ то время, какъ при выздоровленіи отъ заразныхъ болѣзней или послѣ пріобрѣтенія невоспріимчивости вслѣдствіе предохранительныхъ прививокъ, вліяющія на бактеріи жидкости значительно увеличиваются въ количествѣ, сами фагоциты остаются безъ малѣйшей перемѣны. Основываясь на подобномъ воззрѣніи, Райтъ и его ближайшіе приверженцы считаютъ единственной мѣркой фагоцитоза не дѣятельность самихъ фагоцитовъ, а лишь количество опсониновъ въ кровяной жидкости. Противъ этой крайности уже стали раздаваться голоса, и въ послѣднее время Глиннъ и Коксъ въ Ливерпулѣ установили, что въ крови измѣняется не только количество опсониновъ, но и способность фагоцитовъ поѣдать бактеріи.

Съ другой стороны можно уже считать доказаннымъ, что пріобрѣтеніе организмомъ невоспріимчивости сопровождается усиленіемъ жизнедѣятельности фагоцитовъ вообще. Въ этомъ отношеніи нужно отмѣтить въ особенности изслѣдованія шведскаго бактеріолога Петтерсона, который нашелъ, что бѣлые шарики невоспріимчиваго организма порождаютъ большее количество растворенныхъ веществъ, вредящихъ бактеріямъ, чѣмъ фагоциты воспріимчиваго организма. Въ виду важнаго значенія этого факта, провѣркой его въ парижскомъ Пастёровскомъ институтѣ занялся докторъ Салимбени. Онъ подтвердилъ открытіе Петтерсона и рядомъ тщательныхъ опытовъ убѣдился въ томъ, что бѣлые шарики животныхъ, пріобрѣвшихъ невоспріимчивость вслѣдствіе предохранительныхъ прививокъ, содержитъ гораздо болѣе веществъ, вредно вліяющихъ на бактерій, чѣмъ бѣлые шарики непредохраненныхъ животныхъ того же вида. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что американскій ученый Розеноу замѣтилъ, что во время крупознаго воспаленія легкаго, когда организмъ упорно борется противъ бактерій (пневмококковъ), способность фагоцитовъ поѣдать ихъ значительно усиливается.

Если, съ одной стороны, фагоциты, въ борьбѣ противъ заразныхъ началъ, вырабатываютъ жидкія вещества, вредящія бактеріямъ, то, съ другой стороны, и эти послѣднія пускаютъ въ ходъ всѣ средства нападенія, на которыя онѣ способны. Выше мы упоминали о томъ, что дрожжеподобные паразиты водяныхъ блохъ выдѣляютъ жидкость, способную не только убить, но даже совершенно растворить бѣлые шарики этихъ маленькихъ животныхъ. Фактъ этотъ находится далеко не одинокимъ въ природѣ. Многія бактеріи нападаютъ на фагоцитовъ при помощи подоб-

Журнальный фонд ... библиотеки

ныхъ выдѣленій. Пражскій ученый Байль обозначилъ эти вещества названіемъ нападающихъ веществъ—*агрессиновъ*. Проф. Чистовичъ и докторъ Юревичъ открыли сходныя съ ними вещества, выдѣляемыя бактеріями крупознаго воспаленія легкихъ, и назвали ихъ антифагинами, т. е. веществами, дѣйствіе которыхъ направлено спеціально къ тому, чтобы вредить фагоцитамъ.

Въ невоспріимчивости, въ заболѣваніи и въ выздоровленіи борьба между организмомъ и заразнымъ началомъ совершается при помощи веществъ, вырабатываемыхъ двумя борющимися сторонами: фагоцитомъ и микробомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ веществъ уже начинаютъ поддаваться научной разработкѣ, окончательнаго же разрѣшенія вопроса нужно ожидать въ будущемъ.

Между тѣмъ какъ агрессины, по мнѣнію Байля, дѣйствуютъ исключительно противъ фагоцитовъ, заразные возбудители вырабатываютъ, кромѣ того, и настоящіе яды, дѣйствующіе губительно на весь организмъ. Такъ какъ послѣдній, однако, не остается беззащитнымъ и противъ этихъ ядовъ, то очень интересно опредѣлить средства, которыми онъ пользуется при этомъ. Задача эта представляетъ особыя затрудненія; тѣмъ не менѣе можно допустить, что тѣ же фагоциты играютъ важную роль и какъ оборонители наши отъ ядовъ. Многія бактеріи заключаютъ ядовитыя вещества въ ихъ тѣлѣ, изъ котораго они могутъ быть извлечены различными способами. Теперь уже твердо установлено, что эти яды поглощаются и обезвреживаются фагоцитами. Въ виду этого факта слѣдуетъ признать окончательно доказаннымъ, что фагоцитозъ представляетъ собою общее средство организма для борьбы противъ заразныхъ болѣзней и является существеннымъ проявленіемъ извѣстной еще съ древнихъ временъ цѣлебной силы нашей природы.

III.

Читатель, вѣроятно, спроситъ насъ, могутъ ли привести къ какой-нибудь практической цѣли результаты изслѣдованій, о которыхъ мы говорили выше—изслѣдованій, которыя тянулись въ продолженіе болѣе четверти столѣтія и которыя вызвали столь упорныя и продолжительныя препирательства. Общій законъ, по которому фагоцитарная реакція значительно выражена во всѣхъ случаяхъ невоспріимчивости, приводитъ къ выводу, что степень фагоцитоза можетъ служить для предсказанія въ болѣзняхъ. Съ самаго начала нашихъ изслѣдованій о фагоцитахъ мы могли

убѣдиться въ томъ, что чѣмъ болѣе бактерій поглощено бѣлыми шариками, тѣмъ болѣе организмъ имѣетъ шансовъ выжить и окончательно выздоровѣть. Ученый швейцарскій ветеринаръ, Цшокке, въ первый разъ примѣнилъ это правило для борьбы противъ заразительнаго воспаленія вымени коровъ—болѣзни, которая причиняетъ очень значительную порчу молока. Онъ показалъ, что усиленный фагоцитозъ бактерій (стрептококковъ), причиняющихъ эту болѣзнь, указываетъ на ея благопріятное теченіе и, слѣдовательно, ведетъ къ хорошему предсказанію. Судьба коровъ, больныхъ этимъ воспаленіемъ, зависитъ отъ степени фагоцитоза. Когда послѣдній отсутствуетъ или очень незначителенъ, коровы обрекаются на гибель, какъ неспособныя давать хорошее молоко. Для опредѣленія силы фагоцитоза Цшокке выработалъ особенный способъ; для того же, чтобы устраненіе безнадежно больныхъ коровъ не вело за собою большихъ потерь, въ Швейцаріи выработали систему государственнаго страхованія коровъ, обреченныхъ въ жертву. Черезъ нѣсколько лѣтъ практическаго примѣненія этого способа было замѣчено, что хотя въ значительномъ большинствѣ случаевъ степень фагоцитоза даетъ достаточно точныя указанія, но что, тѣмъ не менѣе, бываютъ примѣры, когда коровы не выздоравливали, не смотря на то, что большинство стрептококковъ находилось внутри бѣлыхъ шариковъ. Эти исключительные случаи дали поводъ къ новымъ изслѣдованіямъ, которыя и были выполнены Фрибургомъ. Согласно съ тѣмъ, что должно было предвидѣть на основаніи теоріи фагоцитовъ, побѣда организма надъ заразнымъ началомъ требуетъ не только поѣданія бактерій бѣлыми шариками, но и ихъ полнаго уничтоженія. А между тѣмъ бываютъ случаи, когда стрептококки воспаленія вымени, послѣ того какъ они были поглощены фагоцитами, разрушаютъ эти клѣточки и кончаютъ тѣмъ, что освобождаются изъ нихъ и наносятъ коровѣ значительный вредъ. Чтобы получить дѣйствительно благопріятное предсказаніе, необходимо, поэтому, не только измѣрять степень фагоцитоза, но и опредѣлять состояніе, въ какомъ находятся какъ фагоциты, такъ и заключенныя въ нихъ бактеріи.

Примѣръ заразнаго воспаленія вымени слѣдовало бы особенно имѣть въ виду тѣмъ современнымъ ученымъ и врачамъ, которые думаютъ, что достаточно опредѣлить количество опсониновъ, чтобы судить о теченіи болѣзни и о пріобрѣтеніи невосприимчивости.

Въ другихъ болѣзняхъ, причиняемыхъ стрептококками, степень фагоцитоза можетъ тоже дать основаніе для предсказанія.

Профессоръ Буммъ въ Берлинѣ пользуется этимъ способомъ для предсказанія исхода родильной горячки. Значительный фагоцитозъ указываетъ на близость выздоровленія, тогда какъ слабый или ничтожный фагоцитозъ заставляетъ опасаться за судьбу больной.

При леченіи болѣзней посредствомъ убитыхъ бактерій по способу доктора Райта (вакцинотерапія), онъ пользуется фагоцитозомъ какъ мѣриломъ опсонической силы крови. Фагоцитозъ же долженъ руководить врачемъ при примѣненіи этихъ вакцинъ. Мы уже упомянули выше, что теперь начинаютъ прибавлять къ этому еще опредѣленіе самой способности фагоцитовъ поѣдать бактеріи, независимо отъ опсоническаго дѣйствія кровяной сыворотки. Съ нѣкоторыхъ поръ фагоцитозомъ пользуются даже для діагноза нѣкоторыхъ заразныхъ болѣзней.

Среди способовъ практическаго примѣненія ученія о фагоцитахъ мы должны указать употребленіе въ хирургіи веществъ, способныхъ привлечь большое количество бѣлыхъ шариковъ въ мѣста, гдѣ была произведена операція и которымъ угрожаетъ зараженіе. Нѣсколько хирурговъ во Франціи и въ Германіи вводятъ въ брюшную полость или подъ кожу оперированныхъ паціентовъ нагрѣтую кровяную сыворотку лошади, такъ называемую нуклеиновую кислоту или другія вещества, съ цѣлью привлечь на поле битвы противъ бактерій защитительную армію фагоцитовъ. Полученные этими хирургами результаты настолько благопріятны, что возможно предвидѣть въ будущемъ новыя усовершенствованія въ способѣ повязокъ. Въ началѣ новѣйшей эпохи въ хирургіи имѣли въ виду исключительно бактерій и поэтому наводняли оперированныхъ больныхъ обеззараживающими веществами. Но скоро замѣтили, что эти яды опасны и для организма, который нужно всячески беречь, и поэтому обеззараживаніе (антисепсія) уступило мѣсто асепсіи, то есть повязкамъ, совершенно освобожденнымъ отъ бактерій, но не содержащимъ обеззараживающихъ веществъ. Въ настоящее время, когда стало извѣстнымъ, что фагоцитозъ представляетъ драгоцѣнное средство для защиты организма, пытаются измѣнять хирургическія методы, присоединяя средства къ увеличенію количества фагоцитовъ.

Между лечебными средствами, предложенными за послѣдніе годы, особеннымъ успѣхомъ пользуется способъ берлинскаго профессора Бира, состоящій въ систематическомъ примѣненіи банокъ и каучуковыхъ лентъ для увеличенія венознаго застоя вокругъ нарывовъ, чирьевъ и большого количества другихъ мѣстныхъ острыхъ заболѣваній. Излеченіе посредствомъ этого

способа получается иногда съ необыкновенной быстротой. Поэтому задались вопросомъ, въ чемъ заключается причина подобнаго успѣха. Съ этой цѣлью стали употреблять самые усовершенствованные современные способы изслѣдованія. Противорѣчія между выводами ученыхъ еще не вполнѣ сглажены, но они сходятся на томъ, что фагоцитозъ играетъ важную роль въ излеченіи по способу Бира. Примѣненіе банокъ и эластическихъ лентъ вызываетъ венозный застой и, какъ слѣдствіе его, образованіе отека вокругъ больной части тѣла. Въ то же время происходитъ приливъ большаго количества бѣлыхъ шариковъ, которые значительно усиливаютъ фагоцитозъ. Въ недавно напечатанной работѣ на эту тему японскій докторъ Шимодайро, въ изслѣдованіи, произведенномъ въ одной европейской лабораторіи, не отличающейся особеннымъ увлеченіемъ фагоцитозной теоріей, былъ вынужденъ признать увеличеніе реакціи со стороны фагоцитовъ при способѣ Бира однимъ изъ наиболѣе важныхъ факторовъ излеченія.

Неудивительно, что послѣ установленія столькихъ данныхъ о существенной роли фагоцитовъ, ученые принялись особенно усердно за изученіе условій, способныхъ усилить фагоцитозную реакцію. За послѣднее время появилось много работъ на этотъ счетъ. Изъ веществъ, усиливающихъ фагоцитозъ, упомянемъ хининъ. Изъ изслѣдованій Грюншпана вытекаетъ, что очень слабые растворы замѣтно увеличиваетъ фагоцитозъ, тогда какъ въ пятьдесятъ разъ болѣе сильные оказываютъ противоположное дѣйствіе. Нейссеръ и Гверини изучили цѣлый рядъ веществъ, возбуждающихъ фагоцитозную дѣятельность, между которыми они особенно рекомендуютъ пептоны. Такимъ образомъ предположеніе *о стимулинахъ*, которое мы высказали уже болѣе семнадцати лѣтъ назадъ и которое казалось окончательно похороненнымъ, за послѣднее время снова всплыло на очередь. Теперь всѣми средствами стараются усилить фагоцитозную реакцію для того, чтобы обезпечить выздоровленіе и невоспріимчивость. Какая огромная разница съ воззрѣніями, которыя еще сравнительно недавно господствовали въ медицинѣ! Я помню, какъ, слишкомъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, знаменитый Гельмгольцъ, узнавъ объ открытіи Конгейма, что гнойныя тѣльца при воспаленіи происходятъ отъ бѣлыхъ шариковъ крови, училъ (согласно теоріямъ, которыя въ то время были въ ходу), что скопленіе этихъ клѣточекъ представляетъ опасность для организма, опасность, которую нужно побѣждать дозами хинина, достаточными для того, чтобы парализовать движенія бѣлыхъ шариковъ и мѣшать ихъ

скопленію. Достаточно сравнить это мнѣніе съ теперешнимъ воззрѣніемъ на благодѣтельную роль воспалительной реакціи вообще и фагоцитоза въ частности, чтобы получить мѣрку успѣховъ, сдѣланныхъ наукой.

Теорія фагоцитовъ, основанная болѣе четверти вѣка тому назадъ, была въ продолженіе многихъ лѣтъ оспариваема со всѣхъ сторонъ. Только въ послѣднее время правильность ея была признана большимъ числомъ ученыхъ всѣхъ странъ; практическія же примѣненія ея начались лишь чуть не со вчерашняго дня. Можно поэтому надѣяться, что со временемъ врачебная наука откроетъ еще новыя средства для того, чтобы усилить фагоцитозъ на пользу здоровья.

Вопросъ, современное положеніе котораго я постарался изложить здѣсь, можетъ служить доказательствомъ пользы изслѣдованій чисто теоретическаго свойства. Изученіе организаціи, развитія и отправленій низшихъ животныхъ, предпринятое съ цѣлью выяснить происхожденіе органовъ пищеваренія въ животномъ мірѣ, привело въ концѣ концовъ къ новому воззрѣнію на невоспріимчивость и къ разработкѣ способовъ излеченія заразъ и обезпеченія сопротивленія организма многимъ болѣзнямъ.

Ил. Мечниковъ.

Парижъ, 4 сентября (22 августа) 1909 г.

ОТОРВАННЫЕ ЛИСТЬЯ

(Картины.)

I.

Бѣлыя невѣсты въ вѣнчальныхъ одеждахъ—далекія снѣжныя горы на горизонтѣ.

Синее озеро лѣниво колышется, дремлетъ въ отлогихъ берегахъ, какъ въ сказкѣ зачарованное.

Острыя башни готическаго собора черными оттисками на лазури неба отпечатались.

Оживляюще бодръ прозрачный, свѣжій воздухъ. Чистенькія небольшія улицы. Неторопливо, дѣловито шагаютъ по нимъ крѣпкіе, здоровые, краснощекіе люди.

Большія деревья безъ листьевъ... и ярко, ярко играетъ солнце въ неувядаемо зеленыхъ кустарникахъ миртъ и золотого дерева. Бархатится темная хвоя кипариса. Твердые глянцевитые листочки цѣпкаго плюща шелестятъ о вѣчности.

Милый край... Тихая Швейцарія. Скромный, уютный городокъ.

Утро. Работа въ разгарѣ.

École de médecine—старое некрасивое строеніе полно какъ муравейникъ.

Душно въ анатомическомъ залѣ. Маска науки сейчасъ непривлекательна.

Точно безмолвно негодуютъ обнаженные трупы. Кладбище непогребенныхъ. Грубо сорванъ покровъ. Въ заключительномъ аккордѣ — фальшивая рѣзкая нота. Нарушена тишина смерти.

Лиловато-багровые куски волокнистаго мяса... вонзается свѣтлая сталь... копошатся живые проворные пальцы, окрашены красною влагой.

Горы—бѣлыя невѣсты... сапфировое озеро... лазурное небо... мертвыя волокна... живые въ красной влагѣ пальцы.

Ужасъ—или законность?!

Издалека изъ Германіи привезены сюда трупы, отдѣланные, приготовленные для научныхъ работъ. Лишь два между ними свѣжихъ—двухъ человѣкъ, обрѣтшихъ здѣсь смерть, на чужой прекрасной землѣ.—Итальянецъ рабочій разбился на постройкѣ. Дивны, божественны формы застывшаго смуглаго тѣла. Античный богъ. Уснувшій Адонисъ. Блѣденъ и хрупокъ другой юноша—самоубійца.

Бѣлыя широкія рабочія блузы-балахоны... Шутки, сдержанный смѣхъ... Молодыя лица, дымъ папиросъ. Студенты и студентки.

Возлѣ трупа самоубійцы—русскіе.

Нѣмчикъ-пруссакъ невзначай затесался въ группу. Его коробятъ сочные, твердые звуки русской рѣчи. Пыжится онъ, краснѣетъ, во всемъ подозрѣваетъ насмѣшку.

Рослый блѣдно-смуглый малороссъ Ощенко не работаетъ; сидитъ и куритъ.

Сползаетъ все время на правый глазъ несносная прядь черныхъ кудрей... Большая мясистая рука откидываетъ ее нетерпѣливо.

— Отъ—ччортъ...

— Остричься давно ужъ пора,—точно дикобразъ!—хохочетъ хорошенькая Таточка Кекина.

Бѣленькая, розовенькая, пухленькая. Бѣлокурая головка причесана модно, изъ-подъ ворота рабочаго балахона вылѣзаетъ крахмаленный воротничекъ съ голубымъ галстухомъ-бантомъ.

— Лѣнь... — Каріе глаза Ощенко улыбаются, онъ теребитъ небольшую бородку.

— Жаль бабнику съ красотой своей разстаться! — язвитъ чистенькій порядливый Саидовъ, съ усиками, расправленными концами вверхъ.

— Коего тамъ лѣшаго красота? Отъ красота гдѣ!—Онъ указалъ рукою на трупъ, нагнулъ къ нему насмѣшливое, грустное лицо.

— Любилъ красоту, братяга — а? И пулю запустилъ въ ротъ, чтобы черепъ не раскроить, чтобы въ цѣлости, въ красотѣ остался... А птицы, братяга, пѣли, когда ты... того... А?.. Щебетали?

— Соловья бы курскаго послушать!—вздохнулъ мечтательно Шилинскій.

— Охъ, ужъ вы мнѣ, патріоты!—откликнулся съ снисходительной улыбкой Саидовъ.

— Здравствуйте, дѣти,—какъ дѣла? Въ клиникѣ освободилась на часокъ,—дай, думаю, навѣщу пріятелей. Работаете?

— Эмиграствуемъ больше,—прогудѣлъ смѣшкомъ Ощенко.

— Бѣда мнѣ съ вами, ребята. А холодно сегодня-то какъ на дворѣ!

Маленькая, пожилая уже женщина въ очкахъ, съ зализанной прической, потираетъ маленькія покраснѣвшія ручки.

— Здравствуйте, комикъ, ха-ха! Давно не видѣлись и далеко живемъ.

— Ладно, смѣйтесь, дѣтвора, а мнѣ безъ васъ, висѣльниковъ, скучно. Каюсь, слабость это моя.

Митюгина ужъ лѣтъ восемнадцать студентствуетъ. Была въ Германіи, во Франціи. Бьется безъ средствъ, живетъ случайнымъ заработкомъ, и это мѣшаетъ заниматься, держать въ срокъ экзамены и стать наконецъ врачемъ. Не унывающая, влюбленная въ красоту, одаренность и молодость, маленькая, невзрачная, восторженная, обойденная фортуной, она трогательно комична. Она будто не замѣчаетъ, что мимо нея идетъ все то, чѣмъ восхищенно живетъ ея душа. Не замѣчаетъ своей обойденности на пиршествѣ жизни. Зритель, только зритель, она не злобствуетъ—радуется: существуютъ счастье, удачи, красивость *сами по себѣ*, въ самоцѣнности.

— Комикъ—говоритъ про нее молодежь, и любитъ ее.

— Такъ вотъ я все и думаю,—продолжаетъ Ощенко.—Легче ему теперь,—этому?

> — Кто снесъ бы бичъ и посмѣянье вѣка,
> Обиды гордаго, забытую любовь...
> Презрѣнныхъ душъ презрѣніе къ заслугамъ,—

проговорилъ задумчиво Шилинскій—

> Когда бы могъ насъ подарить забвеньемъ одинъ ударъ?
> Кто гнулся бы подъ тягостью труда?

— Ну, кажется, насчетъ труда-то мы не очень—усмѣхнулся Саидовъ.—Гамлетствуемъ больше.

— А все же его, братягу, жалко... Пожалуй что жалко, а? вопросительно окинулъ всѣхъ взглядомъ Ощенко.

— Почему?—откликнулся Саидовъ.—Онъ такъ, значитъ, хотѣлъ. Человѣкъ—свободная воля. Самъ властелинъ своей судьбы.

— Нѣтъ, кольцо сильнѣе—опровергнулъ Шилинскій.—Предопредѣленное кольцо.

— Ерунда!.. Не воля и не кольцо, — крикъ! — утвердилъ Ощенко. — Не втерпежъ стало, крикомъ душу заполонило и баста—разорвалось!.. А мы вотъ кромсаемъ его теперь, братягу, и утверждаемся въ глубокомысліи. Ха... ха!..

— Люблю парня! — подхватила Митюгина: — такъ это онъ рѣзнетъ всегда въ самую глубь, — въ центръ. Однако, ребята, работайте. Смотрите, Сюзоръ звѣремъ глядитъ. И безъ того у него къ русскимъ отвратъ.

— А ну его къ сивому лѣшему!

— Я опять переѣзжаю! — громко заявила Таточка, сладко зѣвнувъ.

— Непосѣда!

— Кормятъ мерзко.

— Привыкла, небось, буржуйка къ маменькинымъ жирнымъ разносоламъ въ Россіи,—добродушно похлопала ее по плечу Митюгина.

— Привыкла и отвыкать не хочу. Я сытенькая, здоровенькая, веселенькая—чего мнѣ еще!

Серебрянымъ звономъ переливался ея смѣхъ.

— Съ чѣмъ и поздравляю! — злорадно фыркнула Вѣткина, курносая, ядреная, какъ молодой орѣшекъ, сибирячка.

— Думали задѣть меня?—нисколько.

Таточка еще звонче засмѣялась.

— Что же вы все молчите, Людмила?.. Батуева, вы нездоровы сегодня? — участливо спросила Митюгина стройную дѣвушку съ каштановыми волосами и печальнымъ, точно смущеннымъ лицомъ.

— Что?..—встрепенулась она:—Я?.. я всегда вѣдь неразговорчива.

Она жила на горѣ, въ красивой виллѣ, откуда виднѣлось синее озеро внизу. Ее еще подросткомъ увезли изъ Россіи при первомъ же намекѣ тамъ на волненія. Семья распалась. Мать охраняла здѣсь единственную дочь; отецъ остался служить. Онъ навѣщалъ семью раза два въ годъ. Поѣздка же, даже временная, съ дочерью домой подъ разными предлогами все оттягивалась осторожной матерью.

— Слишкомъ горючъ матеріалъ, — опасалась она за свою дочь,—и не остыла еще почва достаточно.

Людмила была дика, любила людей, — хотѣла любить и чуждалась ихъ.

— Un très joli préparatif, mademoiselle.

Ассистентъ Сюзоръ стоялъ возлѣ группы.

— Принесла нелегкая!—процѣдилъ сквозь зубы Шилинскій. Сюзоръ курилъ огромную вонючую сигару. Лоснился его бѣлый, ничего не выражающій лобъ, лоснились красныя щеки, и онъ самъ какъ-то приторно улыбался неуловимой тѣнью недоброжелательства.

— Un très joli préparatif! —похвалилъ онъ работу Людмилы.

— Merci,—вспыхнула она.

Глаза Сюзора съ особеннымъ вниманіемъ остановились на Таточкѣ.

Та усмѣхнулась и подернула плечиками.

— Charmante paresseuse! —съ фальшивой мягкостью упрекнулъ Сюзоръ.

Работа нѣмчика удостоена похвалы.

— Oh... ja... ja... ja...—онъ яростно комично замахалъ напомаженной, похожей на крѣпкій капустный кочанъ головой.

Вѣткина прыснула со смѣху.

Нѣмецъ обиженно захлопалъ вѣками. Сюзоръ нахмурился и отошелъ.

— Не культурно—сказалъ Саидовъ.

— Невѣжливо, свинство,—возмущалась Таточка.

— Пожалуйста... вы мнѣ не гувернантка.

— Не хорошо, не хорошо... не хорошо! — захорохорилась Митюгина.

— Очень нужно,—нѣмчура дурацкая!

Глаза Людмилы встрѣтились съ печальнымъ взглядомъ худой, блѣдной Томиловой. Людмила знала о безъисходной нуждѣ живущей съ шестилѣтнимъ сыномъ Томиловой, о ея страшной тоскѣ по казненномъ мужѣ. Сейчасъ глаза Людмилы точно сказали: „Невиновата я... не виновата“. И отвѣчалъ на это взглядъ другой: „Ахъ, да мнѣ все равно“.

Таточка кокетничала съ нѣмцемъ, чтобы загладить нелѣпую выходку Вѣткиной.

Онъ обрадовался привѣту и спѣшилъ разсказать, что здѣсь онъ только по недоразумѣнію, по приказу и волѣ отца, а самъ онъ въ душѣ военный и любитъ военную службу.

— C'est très choli, les militaires,—коверкаетъ онъ.

— Ахъ! —вырвался вздохъ изъ груди Сони Егоровой. —Она

вытянулась на стулѣ, распрямляя спину. Глаза вспухли и были красны.

— Заработалась, милая?—притронулась къ ея плечу Митюгина.—Ну, какъ съ французскимъ?

— Плохо, грамматика одолѣваетъ.

— Мнѣ тоже бѣда,—затараторила Вѣткина.—Все больше пантомимами. Не дается языкъ. Но я жъ его одолѣю!—упрямо мотнула она головой.

— Вотъ и позавидуешь при-ве-ли-гированнымъ, — бросила она задорно въ сторону Таточки, оскаливъ бѣличьи зубки.

Губы Таточки передернулись.

Въ глазахъ Людмилы что-то мгновенно вспыхнуло-погасло.

— Позаймемся грамматикой, позаймемся, — сказала Митюгина Сонѣ.

— Платить мнѣ не изъ чего, вы нуждаетесь тоже.

— А по затылку, дѣвчонка, не хочешь?

Ласково щелкнула улыбнувшуюся Соню по головѣ Митюгина.

— Не пора ли и до хаты?—протянулъ Ощенко.

Всталъ, огромный, неповоротливый.

— Проэмигранствуемъ, что-ли? Эхъ, русское бы слово найти подходящее, характерное.

— Переселенцы,—сказалъ Шилинскій.

— Нѣтъ, это не то.

— Убѣжавшіе,—предложила Таточка.

— Отъ, отъ складно,—обрадовался Ощенко.—Попросту бѣглые. Бѣглые... есть романъ, я читалъ: „Бѣглые въ Новороссіи“... „Бѣглые воротились“... Бѣглые, ха... ха! — Онъ смѣялся безъ смѣха, только широкія мощныя плечи его странно, ненужно дрожали.

— Бѣглый малороссъ, ха, ха!

Онъ пошелъ одѣваться, небрежно, на ходу, напялилъ пальто, сдвинулъ на самые глаза измятую войлочную шляпу. Какъ-то про себя посмѣивался въ бородку.

— Бѣглый малороссъ...

Ему нравилось слово. Онъ повторялъ его ѣдко, со злобой, и все тихо смѣялся. Только смѣхъ былъ какой-то несмѣшливый и печально смотрѣли глаза.

II.

Соня сидѣла возлѣ окна. Писала. Перо вывело: „Милая мама“. Остановилась рука.

О чемъ писать?

Первыя впечатлѣнія, захватывающія, свѣжія, описаны Соней давно. Теперешняя жизнь въ своей стезѣ—такая далекая, чуждая ея домашнимъ. Они все такъ же неизмѣнны въ памяти, какъ отпечатаны. Письма оттуда веселятъ душу; точно войдешь снова въ свое родное. Каждая мелочь, подробность знакомы, дороги. Отсюда писать—все пояснять приходится; чувствуешь, что и сама въ подробностяхъ—да къ ужасу, пожалуй, и въ главномъ—уходишь все дальше, отодвигаешься.

„Милая мама“—сиротливо стоитъ въ заголовкѣ пустого бѣлаго листа. Перо отброшено.

Холодно нестерпимо. Маленькую чугунную печурку съ длинной трубой Соня топитъ рѣдко. Не будетъ топить и сегодня: уголь дорогъ и не по карману. Въ обрѣзъ только за комнату, за пансіонъ заплатить изъ денегъ, что̀ присылаютъ оттуда.

...Холодно... холодно сейчасъ. Вотъ самое главное. И не понять имъ этого тамъ, въ Россіи. Не знаютъ они подобнаго холода въ жильѣ. Не ощутятъ, не представятъ себѣ острой, пронизывающей дрожи. До костей, до самыхъ костей.

Соня укуталась въ плэдъ, съёжилась, натянула платокъ на глаза. Дышетъ въ него, грѣется собственнымъ дыханьемъ.

Она живетъ на окраинѣ, почти за городомъ. Передъ окномъ—большая лужайка, группа деревьевъ; за ними—горы. А если смотрѣть въ бокъ, видна полоса синяго озера.

Ненавистенъ, надоѣлъ Сонѣ этотъ точно нарисованный, все одинъ и тотъ же приторный пейзажъ. Горы казались такими прекрасными сначала. Теперь до тоски отвратительны. И не уйти отъ нихъ, никуда не уйти. На улицѣ, въ комнатѣ—все онѣ передъ глазами. Зовутъ вдаль... и не пускаютъ. Стали стѣной.

Съ Волги Соня.

Какъ въ пѣснѣ студенческой поется: „Съ Волги матушки широкой“. И тамъ тоже горы. Только иныя... мягкія такія очертаніями, скорѣе холмы.

И Степановъ курганъ... Разинскій знаменитый... тоже совсѣмъ и не дикъ, и не угрюмъ. Сказочный какой-то... не бывшій, не конченный, не утвержденный.

...Ой, холодно...

Соня навертѣла еще другой платокъ на голову. Идти внизъ, въ столовую, гдѣ обѣдаютъ сейчасъ жильцы-пансіонеры и топится каминъ—неохота. Людей видѣть тяжело. Насиловать свой мозгъ... слушать коверканный чужой языкъ, самой его коверкать—противно.

...Холодно... Шевельнуться не хочется...

Въ столовой тамъ сейчасъ чахоточный болгаринъ, жена у него пышная, сочная. Онъ все говоритъ, чтобы скорѣй одолѣть чужой языкъ. Она конфузится, молчитъ. Два нѣмца коммерсанта. Старая дѣва, miss Уальдъ, въ парикѣ. У нея толстые пальцы, большіе брилліанты на нихъ. Все вяжетъ она безъ конца башмачки, кофточки бѣднымъ дѣтямъ и посылаетъ въ Лондонъ, и вздыхаетъ.

Болгаринъ сказалъ однажды: „Вы богаты, отдайте часть вашихъ доходовъ бѣднымъ". — Она была возмущена: „Это безнравственно: надо работать на бѣдныхъ самой. Я всю жизнь такъ проработала".—И охаетъ. И вяжетъ... вяжетъ толстыми въ брилліантахъ пальцами.

...Холодно... Соня высвободила изъ платка руку: „Милая мама. Холодно и устала" —нацарапало перо.

...Холодно... рука спряталась снова въ платокъ, въ тепло.

Въ дверь стукнули — заглянула голова хозяйки, доброй, румяной, глупой, зобастой женщины съ толстымъ животомъ.

Хозяйка остановилась передъ Соней, съ дымящейся чашкой кофе въ рукахъ. Говоритъ, говоритъ, улыбается. Соня съ трудомъ понимаетъ ее, пьетъ по глоткамъ горячую влагу. Какое дѣло этой опредѣленной, нашедшей свое мѣсто во времени и пространствѣ, толстой зобастой женской особи до тощей, невзрачной, случаемъ ли, печальной ли судьбой занесенной на чужбину дѣвушки? Но ей очень, очень жалко cette petite étudiante russe просто половымъ материнскимъ инстинктомъ самки. И ей хочется знать о гнѣздѣ, о матери этой маленькой сѣрой иностранной птички! И ей хочется услышать объ этомъ отъ нея самой.

Соня благодарна и улыбается, качаетъ утвердительно головой на знакомыя слуху слова, по нимъ добираясь до смысла рѣчи.

Исчезла толстуха.

...Не шевелиться... Не шевелиться... Такъ славно согрѣлась спина...

— Послушайте... да вы замерзли совсѣмъ. Положимъ, уголь дорогъ, но вѣдь нельзя же себя морить. Ха, ха, ха! Жизнь вѣдь дороже!—Таточка хохотала, расталкивая уснувшую Соню.

— Я сейчасъ... сейчасъ!

Соня вскочила. Освободилась отъ платковъ. Была тутъ и Людмила.

— Да вы не безпокойтесь. Я сама затоплю. — Таточка достала изъ корзины возлѣ печки нѣсколько кусковъ угля.

— Не бойтесь, не разорю. Ха, ха, ха! Принимаю во вниманіе э-ко-но-мическій вопросъ. Не дымитъ печурка?

— Нѣтъ.

— У меня такъ дымитъ. Но ничего, накаливаю ее ежедневно. Люблю тепло.

— Здравствуйте,—протянула Соня руку Людмилѣ, все еще стоящей.

— Что же вы? Садитесь.

— Чай пить будемъ?—спросила Таточка, подбрасывая уголь въ печку и разжигая растопки.

— Непремѣнно.

Всѣ три дѣвушки присѣли на полу передъ раскрытой дверкой печки.

— На Плехановскую сегодня идете?

— Нѣтъ, надоѣло... все тоже.

— Раскисли, я вижу, совсѣмъ.

Уголь до-красна раскалился. А въ комнатѣ жутко, темно. Головы дѣвушекъ ярко-розовыя, въ красномъ отсвѣтѣ. Чайникъ поставленъ на плоскомъ верхѣ печурки. Тихо булькаетъ въ немъ вода. Будильникъ на столѣ вторитъ отрывисто. Въ странныхъ сухихъ созвучіяхъ—особая музыка. И пурпурныя молодыя головы тоже такія странныя въ темнотѣ.

Глаза впились въ огонь... Плывутъ мысли изъ темноты въ желто-красное пламя, изъ пламени—въ темноту.

И такое настроеніе, какъ при необычайномъ, тихомъ, или въ сумерки. Будто безотчетная жуть—близость чего-то другого, неживого, тайнаго.

— Саламандры скачутъ — тихимъ смѣшкомъ откликнулась Таточка.

— Въ чертовщину вѣрите?

— Сказку люблю.

— Книгу бы хорошую, русскую — протянула уныло Соня.

— Самоварчикъ бы—вотъ хорошо! Эхъ, соскучилась!

— Зачѣмъ вы пріѣхали сюда?—часто я думаю.

— А правда, ха, ха! Съ жиру... Вѣдь знаете, что я сытенькая, здоровенькая, веселенькая—вотъ и все. Жила-была форменно состоятельная семья. Ѣшь, пей, веселись! А я—балованная. Что захочу—чтобы сейчасъ. Терпѣніемъ не хвораю. Ха, ха, ха! Уѣхать захотѣла подальше отъ родительской любви... на волю!

— И что же, вамъ хорошо?—мягко спросила Людмила.

— Весело! Политика ни тамъ, ни здѣсь меня не захватила. Не нужно мнѣ ея. Скучно и больно съ ней. Милая, я цвѣточковъ вамъ принесла,—спохватилась она.

Вскочила, развернула забытый свертокъ на столѣ, налила въ вазочку воды. Примятая вѣточка мимозы расправилась. Неуловимымъ дрожаніемъ ожили пухлявенькіе желтые цвѣточки.

Таточка снова вернулась къ столу.

— А вы?—спросила она Соню, продолжая прерванную рѣчь.

— Слово дала.

— Кому?

Соня вздрогнула.

— Ну, все равно. Не важно это. А жизнь любите?

— Не знаю.

— Вздоръ! Какъ можно не любить?!

Глаза Таточки, широко раскрытые, такъ ясно улыбались, точно видѣла она передъ собой воочію всю цѣликомъ эту ясную, для нея несомнѣнную любимую жизнь.

— Впрочемъ вы всѣ такія... какія-то... Только бы страшныя... только бы умныя слова! А я ихъ боюсь. Не хочу ихъ,—не хочу! Потому, можетъ быть, и жизнь такъ люблю.

— Счастливая!—вырвалось у Людмилы.

Она спросила несмѣло:

— А если надо... заплатить?

Спросила и покраснѣла, застыдилась своего вопроса. Онъ, такой для нея жгучій,—показалось ей—звучалъ сейчасъ фальшиво и ненужно. На лицѣ Таточки удивленье и будто легкая насмѣшка. Соня не слушала.

Таточка смѣется.

— Что вы это какъ?.. Комично, ха, ха! Точно мѣсто въ театрѣ.

— А если виновата? — сама себя спрашиваетъ Людмила упорно, печально.

— Не признаю, не признаю! — даже возмутилась Таточка.

— Кто виноватъ и въ чемъ? Не знаю, не хочу знать! Не признаю ничьей вины! Нѣтъ въ мірѣ никакой вины! Нѣтъ никакой печали.

— Какъ нѣтъ?—Соня будто очнулась, услышала.

— Нѣтъ. Человѣческая? Такъ вѣдь я—я человѣкъ. Я вольна принять печаль или отвергнуть. Я отвергаю!—утвердила горячо Таточка.

— Счастливая...—тихо уронила Людмила.

Сквозь тонкую сосѣднюю стѣну прорывались глухіе звуки. Кто-то плакалъ, зажимая ротъ.

— Ш-ш... слышите?

— Томилова,—пояснила Соня.

— Пойти къ ней?

— Нѣтъ, нѣтъ...—торопливо остановила Соня Таточку.

— Лучше пускай одна... вторгаться не надо, когда *такъ* съ человѣкомъ. Человѣку лучше, когда дверь заперта. Легче одному.

— Чай, кажется, готовъ: вода кипитъ.

Соня встала зажечь лампу.

Когда желтый свѣтъ облилъ комнату, Людмилы въ ней не было.

Робко стояла у запертой двери Людмила.

Быть можетъ, правда—не надо? Плачъ за стѣной уже смолкъ. Тихо тамъ. Людмила хотѣла уйти, а ноги упрямились, не двигались. Она быстро, сама для себя внезапно, стукнула въ дверь и сейчасъ же ее пріоткрыла, и сейчасъ же захлопнула опять со страхомъ и увѣренной поспѣшностью.

— Кто здѣсь?—всплескомъ тихимъ, точно издалека, донесся надорванный голосъ.

— Не гоните—также тихо отвѣтила Людмила.

Длинное бѣлое пятно—это кровать. Тамъ темное что-то раздвоилось... Большое приподнялось, встало. Малое—неподвижно. Круглая на бѣломъ темнѣетъ голова ребенка. Слышно дыханіе—спитъ.

Большое темное придвинулось,—вотъ нѣжная холодная рука.

Людмила пожала ее.

— Батуева?.. Простите, въ потьмахъ: ребенокъ только-что уснулъ.

Дальній уличный фонарь отражался въ стеклѣ окна. Окно блѣднымъ свѣтлымъ пятномъ вырисовывалось въ темнотѣ.

Онѣ, взявшись за руки, подошли къ нему. Нащупавъ стулья, сѣли.

— Вы откуда?

— Я рядомъ была.

— А-а-а!

— А вы? какъ?

Томилова заговорила быстро, вполголоса, съ мучительной торопливостью, точно хотѣла скорѣй освободиться отъ собственныхъ словъ:

— Съ работы недавно вернулась... Знаете, не важно... Да.

Все-же лучше, чѣмъ ничего. Посуду грязную взялась мыть въ одномъ мѣстѣ. По утрамъ до университета все тамъ же комнаты должна прибрать... Знаете, вродѣ femme de ménage. Обѣдъ получаю за это... и для ребенка также, и маленькую плату. Комнату этимъ могу здѣсь оплатить... Ничего, я довольна: сыта и уголъ оплаченъ — да устаю. А главное, заниматься некогда. Если по ночамъ — ребенокъ при лампѣ пугается, не спитъ... нервный. Я не ропщу, а все-же досадно. Не предвижу конца.

— Онъ былъ тоже врачемъ?—тихимъ шелестомъ сорвалось съ губъ Людмилы.

И не сейчасъ, а погодя, точно что-то упало тяжелое, зазвенѣвъ металломъ, послышалось:

— Да.

Онѣ сидѣли рядомъ. Молчали. Одна рука сжимала другую.

И Людмила знала сейчасъ, что не всегда преграда — запертая дверь.

...Да, она вторглась сюда насильно. И это важно, нужно,— это хорошо. Хорошо для той другой, молчаливой сейчасъ. Полно смысла молчаніе. Хорошо слышать дыханіе другого—вотъ такъ, въ темнотѣ... Прислушиваться къ особой музыкѣ тамъ, въ другой душѣ... Эта музыка—и тихая, и страшная.

Явственно слышитъ ее Людмила, а въ отвѣтъ жметъ ей руку другая рука.

— Мама! — рѣзнулъ молчаніе отрывистый плачущій звукъ.

Мальчикъ сидѣлъ на постели. Бѣлыя тонкія руки протянуты,—ловятъ, хватаютъ пустую черную мглу.

— Мама!.. Мама!.. Мама!..

Убаюканный, заласканный, уснулъ ребенокъ. Спитъ.

— Кошмары,—сказала Томилова.

— Онъ знаетъ?

Сердце Людмилы замерло острымъ холодомъ, точно сжалось въ одинъ ледяной комъ.

— Не я... Кто-нибудь нечаянно.

Онѣ стояли одна противъ другой, не различая лицъ, только чувствуя другъ друга.

Людмила придвинулась совсѣмъ близко. Руки встрѣтились. Губы Людмилы жаркія коснулись холода чужой руки.

Слабымъ пожатіемъ дрогнули нѣжные пальцы.

Вздохъ, какъ стонъ, утонулъ въ темнотѣ.

Фонари тускло мигали, освѣщая унылыя улицы. Трепетными бѣлыми огнями мерцали звѣзды. Горы темной плотной извилиной тянулись вдали.

Городъ спалъ. Одинокая женская фигура тихо двигалась по пустыннымъ улицамъ, точно сонамбула.

...Кошмары... сейчасъ... или тогда?..

Острая боль взяла, схватила, пріобщила къ чему-то внѣ лежащему, огромному.

Людмила чувствовала, какъ вся она всецѣло растворилась въ боли и боль растворилась въ ней.

И ничего, кромѣ боли, не было въ мірѣ.

Какъ огнемъ залитыя, въ заревѣ яркаго пожара казались горы... звѣзды... небо. Какъ кровью напились, обильной ѣдкой кровью міра. Пылаетъ она огненнымъ потокомъ, льется лавой раскаленной.

...Да, все участвуетъ въ страданіи,—все. Иначе не можетъ быть... Казнили человѣка... Всѣхъ, всѣхъ казнили. Да — и ее. Ребенокъ плачетъ. Развѣ то не она, тѣ слезы?.. Она, она!.. А виноватые?—Всѣ—и она! Горы потемнѣли. Черныя, страшныя, шли на нее... наступали... Камнемъ сердце задавятъ. Зашатались... Стали. Стѣна неподвижная, холодная... Кошмары...

Криковъ бы, воплей, длинныхъ, протяжныхъ... Филинъ въ ночи... вѣтеръ въ степи... Воетъ вьюга.

Безмолвствовали звѣзды. Безмолвствовали горы. Бѣлыя, какъ сверкающіе алмазы, темныя, какъ зловѣщія пучины.

— Говорите!—крикнула Людмила, гнѣвная, потрясенная.— Развѣ не слышите?.. Развѣ не знаете?.. Говорите!

III.

— Такое равнодушіе къ общественности—гнусно. Вставай, Слонъ Ивановичъ, иди къ намъ!

Шилинскій стоялъ передъ Ощенко. Тотъ лежалъ, заломивъ руки за голову, на широкомъ диванѣ, служащемъ ему ночью постелью, и курилъ. Онъ чувствовалъ отвращеніе къ объемистымъ швейцарскимъ кроватямъ съ ихъ вздутыми пуховиками и велѣлъ унести эту мебель изъ комнаты. Полупоходный диванъ, нѣсколько стульевъ, два простыхъ стола дѣлали его жилище какимъ-то неустроеннымъ. Будто случайно разставлено здѣсь все, невзначай зашли случайные люди и расположились на время по походному.

У стола сидѣли Баклановъ, Люткинъ и Саидовъ. Стояли бутылки съ пивомъ. Налиты стаканы.

Баклановъ куритъ, почти не вынимая изо рта короткой трубочки, какъ у рабочихъ. Созерцая выпускаемыя имъ дымныя кольца, онъ всегда прищуриваетъ одинъ глазъ, отчего лицо его дѣлается плутовато-насмѣшливымъ. Обычно оно больше печальное. Бѣлокурая бородка вьется нѣжно, какъ у юноши, а въ голубыхъ грустныхъ глазахъ временами острый злой огонь. Люткинъ совсѣмъ еще юнъ, безбородъ, личико маленькое, обезьянье, доброе, и очки на короткомъ курносомъ носу.

Ощенко будто не разслышалъ оклика товарища, курилъ мрачно, уставясь глазами вверхъ.

— Вставай!

— Отвяжись.

— Вѣдь обсуждаемъ.

— Отъ, присталъ бродяга!

Все же онъ поднялся грузно, потянулся, обдернулъ синюю блузу—свой обычный домашній костюмъ, подошелъ къ столу и не сѣлъ, а бухнулся на стулъ.

— Потише, дружище! — усмѣхнулся Баклановъ. — Честная швейцарская мадама заставитъ честно уплатить вчетверо.

— Ладно. Въ чемъ дѣло?

— Ты слышалъ, идетъ слухъ, что каналья Сюзоръ начинаетъ кампанію противъ русскихъ студентовъ?

— Говорятъ, собирается подать заявленіе объ исключеніи русскихъ изъ университетовъ.

— Преувеличено—поправилъ Саидовъ.—Я слышалъ—только затруднить поступленіе требованіемъ строгихъ вступительныхъ экзаменовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, тутъ штука совсѣмъ другая и подкладка другая!—закипятился Люткинъ.

— Причина—покушеніе анархиста Ступина.

— Но вѣдь это въ другомъ кантонѣ.

— Все равно, все равно не можетъ простить узколобая радикальщина.

— При чемъ тутъ одни радикалы? Соціалисты тоже выражаютъ неудовольствіе,—вставилъ Саидовъ.

— Но согласитесь же, что это узко, — вмѣшался Шилинскій. Ступинъ, какъ индивидуалистъ, самъ отвѣтственъ за свои поступки. При чемъ то, что онъ русскій? Онъ могъ быть испанцемъ, нѣмцемъ—все равно. Его будутъ судить по законамъ страны,

онъ понесетъ наказаніе. Зачѣмъ же месть другимъ, какъ сородичамъ?

— Можетъ быть, просто требованіе серьезнаго отношенія къ наукѣ?

— Оставьте, вы сами знаете, что это—вражда и месть.

— И за это судить не берусь. Тутъ вопросъ личной совѣсти. Но дѣло не въ этомъ. Если дѣйствительно предстоитъ опасность исключенія — мы должны дѣйствовать осторожно, не горячась. Распланируемъ по группамъ. Пусть каждая выскажется особо. Затѣмъ рѣшимъ сообща резолюцію.

— Парламентъ!—усмѣхнулся Бакановъ.

— Борьба въ культурномъ государствѣ—подчеркнулъ Саидовъ.

— Оттого ни черта у насъ и не вышло, — вдругъ неожиданно вспылилъ Ощенко,—что система съѣла сущность.

— Оттого никогда ничего не выходитъ, — настойчиво проговорилъ Саидовъ,—что дѣйствуемъ зря, безъ всякой системы и плана.

— Ну, это не моего романа,—вздохнулъ Ощенко до самой глубины своей могучей груди. Всталъ и поплелся лѣниво къ дивану.

— Стой, стой!—крикнулъ Шилинскій и потянулъ товарища за подолъ рубахи.

— Чего тамъ...

— Сиди съ нами, чучело.

Ощенко равнодушно опустился опять на стулъ. Закурилъ.

— Вѣдь это касается студенчества? А я не студентъ. А Лютька—тотъ столяръ,—поддразнилъ Бакановъ.

— Но все же онъ студентъ. Ты — Кіевскаго? Юристъ? — спросилъ Шилинскій.

Люткинъ подтвердилъ.

— Это, братъ, фью-ю! проѣхало!—свистнулъ Бакановъ.

Ощенко все курилъ. И слушалъ, и не слышалъ словъ. Онъ видѣлъ юное открытое лицо Шилинскаго, видѣлъ, какъ искрились глаза—и любовался.

...Горячъ еще мальчонка, не уходился...

Онъ видѣлъ, какъ всѣ махали руками, пили пиво.

...Спорятъ...

А ему было все равно.

...Волнуются... важное будто. Вѣрятъ... каждый отстаиваетъ свое. И радъ бы онъ, Ощенко, посочувствовать всѣмъ парнямъ,— да нечѣмъ. Все равно ему: будутъ ли русскіе студенты благо-

денствовать въ Швейцаріи, существуетъ ли самая эта Швейцарія—все равно. А вотъ онъ—бѣглый хохолъ: это вѣрно. И Россія отъ него далеко... далеко. Можетъ-быть навсегда... „Невыносимое страданье... Непобѣдимая тоска. Влечетъ какъ жертву на закланье — недуга черная рука“... вдругъ изъ позабытыхъ страницъ памяти глянулъ старикъ Некрасовъ.

...Тоска, не-по-бѣ-ди-мая... вотъ главное.

— Изъ Парижа письмо, — сообщилъ Баклановъ. — Парень пишетъ одинъ: съ голоду тамъ публика подыхаетъ. Трудно очень. Россія позабыла совсѣмъ, пишетъ. Кассѣ эмигрантской не справиться съ нуждой. Пишетъ: два парня съ ума сошли отъ голодухи. Студентка повѣсилась одна. Пишетъ: нельзя поразсказать всей бѣды. Денегъ просить собрать. Слышишь?—тронулъ онъ за плечо задумавшагося Ощенко.

— Что?

— Съ голоду дохнутъ товарищи—раскошеливайся.

Ощенко вздрогнулъ. Точно стыдясь, торопливо вытащилъ изъ широкихъ штановъ засаленный кошелекъ и высыпалъ на столъ все содержимое.

Саидовъ медленнымъ, закругленнымъ жестомъ положилъ франкъ.

Шилинскій поскребъ мрачно въ карманахъ, нашелъ какую-то мелочь и бросилъ на столъ.

— Мало съ собой, завтра притащу.

— А у меня такъ и никакихъ, — съ издѣвкой произнесъ Баклановъ. — Яко нагъ, яко босъ, ха, ха! Спасибо, Лютька, кіевскій студентъ кормитъ. А то бы тоже съ голоду подохъ. Въ землекопы просился — бракуютъ: мозглявъ, говорятъ, что тощая кляча, ха, ха!

— Ничего! — весело откликнулся Люткинъ. — Проживемъ какъ-нибудь съ Баклашей. Хозяинъ мной доволенъ. Говоритъ: если такъ все пойдетъ у меня работа, черезъ полгода по два франка въ день выручать буду.

— Не мучьте вы меня, черти, черти... Дьяволы! — вдругъ рявкнулъ изо всѣхъ силъ Ощенко.

Онъ заходилъ огромными шагами по комнатѣ. Ерошилъ злобно волосы. Ворчалъ что-то сердито. Грузно стучали объ полъ большія ступни.

— Можно?—въ дверь барабанили пальцы, и были слышны женскіе голоса.

— Вотъ тебѣ бабьё на утѣху!—усмѣхнулся Баклановъ.

Ощенко размашистымъ жестомъ открылъ дверь.

— Честной компаніи! — проговорила запыхавшаяся Митю-

гина подъ-руку съ Таточкой.—Буржуйка приволокла! За ними стояла Соня.

— Газету русскую хотите?—протянула она свертокъ Ощенко.

— Спасибо.

Онѣ вошли иззябшія и промокшія: на дворѣ шелъ дождь.

— Безъ зонтиковъ, — пояснила, смѣясь, Таточка, стаскивая мокрую жакетку.

— На вечеринку новогоднюю собираемъ.

— Отъ Батуевой сейчасъ. Славная баба ея мать: и посуду, и скатерть намъ даетъ для буфета. Рояль тоже отъ нихъ будетъ.

Бакановъ, собравъ въ фуражку деньги, поставилъ ее на столъ.

— Это что?—полюбопытствовала Таточка.

— Видите, собираемъ.

Женщины бросили въ шапку монеты.

— Мѣдяшка одна, су,—больше нѣтъ,—вздохнула Митюгина.

— Въ Парижѣ голодъ, мрутъ, — пояснилъ Бакановъ. Всѣ сразу притихли. Будто какой-то строгій, невидимый былъ сейчасъ среди нихъ. Сковалъ тяжелымъ обручемъ, придавилъ молотомъ.

— А... какъ же вечеринка? — робко попыталась прервать молчаніе Таточка.—Мы можемъ удѣлить часть и съ вечеринки. Свои тоже есть, которымъ тяжело.—У меня и программа есть,—оживилась она, видя, что ее не останавливаютъ.—Рояль Батуевой, она же и сыграетъ; хорошо играетъ. Скрипача француза я пригласила. Декламацію можно... Вы прочтете? — обратилась она утверждающе къ Шилинскому.

— Хорошая дѣвчонка, хорошая. Ничего, что буржуйка, — одобряла ее Митюгина.—Вотъ у насъ тоже... когда я въ Бернѣ слушала; въ Парижѣ тоже... опять въ Цюрихѣ помню...

— Понеслась, комикъ!—засмѣялся Саидовъ.—Ладно, въ качествѣ казначея кассы заявляю, что вечеринку одобряемъ. Парижъ—Парижемъ, а у насъ и своя братья голодная есть.

Ощенко сидѣлъ въ сторонѣ, разложивъ передъ собой на столѣ газету. Провинціальная, присланная Сонѣ ея домашними, она была наполнена исключительно мѣстными сплетнями и злобами дня. Ощенко все же читалъ ее внимательно, даже съ жадностью.

— Давайте плакать! — какимъ-то страннымъ дрогнувшимъ голосомъ проговорила вдругъ Соня.

— Что вы это, съ ума сошли?—вспыхнулъ Шилинскій. Всѣ посмотрѣли на нее удивленно.

— Нѣтъ, правда. Я письмо получила сейчасъ изъ Берна отъ товарки землячки... такъ тамъ... компанія одна... соберутся нарочно, чтобы поплакать... и плачутъ.

— На рѣкахъ Вавилонскихъ? А, ха, ха!

— Анекдотъ.

— Сумасшествіе.

— Нѣтъ, правда. Соберутся... и плачутъ.

— Постойте, постойте, постойте,—быстро прошептала Таточка.—Вамъ... вамъ не кажется, будто женщина сейчасъ сюда вошла?

— Вотъ еще чудачка!—фыркнулъ Люткинъ.

— Постойте... вошла, и стала вотъ тамъ... въ углу... Большая, бѣлая... какъ въ снѣгу.

— Это отъ Dent du Midi—отраженіе. Солнце заходитъ,—предположилъ Шилинскій, хотя ему нравился Таточкинъ бредъ, и въ надвигающихся блѣдныхъ сумеркахъ сказочная женщина въ снѣгу казалась возможной.

Ощенко разглаживалъ широкой ладонью газету. Глаза его улыбались. Лицо добродушно. Онъ прикасался точно къ чему-то живому, родному и милому. И гладилъ его и ласкалъ.

— Россія... Россія...

IV.

Тепло и уютно въ просторной, высокой комнатѣ. На широкой софѣ лежитъ въ лѣнивой, отдыхающей позѣ нестарая еще, красивая женщина. Широкія складки теплаго капота мягкими волнами льнутъ къ согрѣтому тѣлу.

Она читала только-что вышедшую книгу Анатоля Франса. Особая ласковость къ автору возникала въ душѣ. Ласковость радости, получаемой отъ бѣлыхъ листовъ бумаги, испещренныхъ черными знаками. Въ знакахъ свѣтились глубокія думы. Далекая душа незнакомаго человѣка была сейчасъ родственна женщинѣ, лежащей на софѣ.

У изголовья — высокая колонна бронзовой лампы. Черезъ пышную юбку желтаго абажура свѣтъ какъ солнечный. Солнечными бликами падаетъ онъ на бѣлыя страницы. На письменномъ большомъ столѣ синяя севрская ваза. Пышенъ и точно чему-то радуется букетъ хризантемъ. Кудрявые упругіе листочки змѣйками ползутъ изъ сердцевины, свисаютъ гроздями. Еще не конецъ. Плодовита запрятанная въ глубь чашечка, все новыя,

новыя змѣиныя головки смотрятся уже въ жизнь... Поползутъ. Темныхъ оттѣнковъ плюшевыя портьеры на окнахъ и дверяхъ. Шкафъ съ книгами. Бюстъ Шекспира. Одноцвѣтный пушистый коверъ. Прозраченъ узорчатый тюль на стеклахъ высокихъ оконъ. Довольство холенаго тѣла. Утѣхи избалованнаго вкуса.

Софья Дмитріевна Батуева—мать Людмилы. Она нѣсколько встревожена долгимъ отсутствіемъ дочери. Уже за полночь. Въ послѣднее время это случается нерѣдко. Познакомилась съ кѣмъ-то. Часто уходитъ изъ дому. Дурного ничего, конечно, нѣтъ. Все-же неспокойно. Софья Дмитріевна вставала съ софы, прислушивалась. Прислуга уже спала. Накинувъ на плечи теплую шаль, Софья Дмитріевна выходила на терассу,—оттуда была видна часть дороги, по которой могла придти домой ея дочь.

Книга давно оставлена. Не читалось. Думалось.

Думала Софья Дмитріевна о томъ, какъ трудно и сложно быть матерью. Упрековъ она не заслуживаетъ: все сдѣлано, все дѣлается и будетъ дѣлаться. А какъ между тѣмъ трудно... Она разсталась съ мужемъ, чтобы сберечь, охранить свою дочь. Еще не стары, любятъ другъ друга, не изжита еще въ ней ея личная женская страсть и потребность ласки, любви. Но мать побѣдила жену. Раскололась семейная жизнь. А нельзя было иначе. Страшное время было въ Россіи. Нервная дѣвочка. Увезли, спрятали отъ страшнаго. И теперь еще возвращаться не надо. Пускай окончитъ курсъ. Еще четыре года. Возмужаетъ, тогда дѣло будетъ доведено до конца. Исполненъ долгъ, задача жизни побѣждена. Однако ноетъ и тоскуетъ сердце. Мужъ?!.. Быть можетъ, за столько лѣтъ разлуки, неустроенной жизни?! Былое уже не вернется! И станутъ они опять жить вновь вмѣстѣ, а она будетъ одна... И жуткое ожиданіе старости... и одиночество...

Безшумно растворилась дверь. Изъ-за темной бархатной портьеры появилась Людмила.

— Ты?.. Я не слышала, я ждала тебя.

— Я пришла уже съ четверть часа.

Ребенкомъ казалась Людмила въ розовомъ фланелевомъ капотѣ съ заплетенными въ двѣ косы волосами. Дѣвочкой-подросткомъ.

— Гдѣ же ты была? — мягко спросила Софья Дмитріевна, насильственно сдерживая упрекъ за поздній приходъ.

— Такъ... засидѣлась,—уклончиво отвѣтила Людмила.

Людмила присѣла на софу. Еще свѣжестью воздуха пахло отъ ея щекъ и волосъ.

— Мама...—Людмила не договорила, оборвала и прижалась ласково къ матери.

— Какъ лекція сегодня?

— Хорошо.

— Ты знаешь? Концертъ интересный. Марто пріѣзжаетъ. Пойдемъ?

— Хорошо.

Людмила протянула руку къ книгѣ.

— Франсъ. Я кончу, прочти непремѣнно.

— Да.

Онѣ говорили не то, что̀ хотѣли, не то, что̀ нужно было для нихъ сейчасъ.

Фальшивы были клавиши разстроеннаго инструмента. Простому, хорошему, настоящему мѣшали они.

Вдругъ лицо Людмилы перекосилось гримасой и, уткнувъ голову въ колѣни, она закричала.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали?! Какъ смѣли, какъ смѣли вы такъ со мной дѣлать?!

Софья Дмитріевна потерялась. Вотъ когда, вотъ когда накатило внезапное. Слова незначительны, а за словами — какое страшное!

Людмила оставила софу. Быстро, быстро ходила, заломивъ руки за голову. Бросала, роняла слова:

— Какъ смѣли отнимать отъ жизни? Моя жизнь, моя. Жизнь мою хочу. Все равно какую. Прятали... ха, ха! Насильно!.. Не могу. Привилегированная!.. Ха-ха-ха!

Она смѣялась негромко, злобно. И каждую минуту это тихое могло стать крикомъ.

Мать протягивала руки. Безпокойны были движенья головы. Безпокойны молящіе глаза. Словъ бы, словъ! Словъ не было. Она все повторяла уныло и растерянно только одно:

— Людмила... Людмила!

Передъ нею остановилась Людмила. Точно выросла. Возмужалая. Не гнѣвная, — негодующая, вѣрующая въ свою правду. Спрашиваетъ строго, шепотомъ почти:

— Мама, скажи... Если цвѣтокъ оторванъ? Завянетъ? Такъ и человѣкъ.

Присѣла на коверъ. Глаза темные, бездонные стали. Смотрится въ дорогое лицо. Отраженіе ловитъ. Говоритъ, говоритъ. Не ждетъ отвѣтовъ. Вѣритъ въ утвержденіе.

Софья Дмитріевна проводитъ ласково рукою по длиннымъ дѣвическимъ косамъ. Слушаетъ.

...Да, да... она понимаетъ. Все понимаетъ. Далека собственная молодость. А вотъ сейчасъ всколыхнулась, и она понимаетъ.

Какъ тогда, въ дни былые, когда чувства прямыя и острыя. Не прилажены, не пригнаны, точно платье по мѣркѣ. Не вѣдаетъ молодость урѣзокъ и швовъ. Глаза, широко раскрытые, не жмурятся, чтобы не видѣть умышленно. Не слѣпнутъ отъ солнца. Во мракѣ не меркнутъ... Не нами начато, не нами кончится... Нѣтъ, нѣтъ. Тяжко юному сердцу. Не нами начато, но нами кончится... Какъ понимаетъ, до мучительной боли, Софья Дмитріевна.

Но гдѣ былая огненность? Вѣра безумія? Мягко-расплывчато, дрябло стелется взволнованная мысль по бархату ковра. Цѣпляется... останавливается. Скользитъ, грустная, по любимымъ гравюрамъ; прячется, трусливая, въ книжномъ шкафу... Покой... Хорошъ покой устроенной жизни.

— Все это утопіи, моя дѣвочка,—произноситъ не та, которая думаетъ, а та, что сидитъ на софѣ.

— Ты не слушаешь меня, мама? Ты... ты не слышала меня?

И отпрянула и убѣжала... Подальше въ уголъ забилась. Одна... одна.

Злобнымъ, жесткимъ выкрикомъ летятъ слова:

— Покой ограждали. Маленькій... мѣщанскій. Развѣ меня только? Свой, свой покой. Привилегированные!!..

Встаетъ гнѣвъ. Незаслуженный упрекъ опалилъ огнемъ. Въ голосѣ матери горечь обиды:

— Неблагодарная!

— При-ви-ле-ги-рованная!! — хохочетъ рыданьемъ Людмила.

Теперь возстала женщина. Убитая матерью женщина. Вся личная, самовольно отвергнутая жизнь. Возстала сама на себя. Кровь кричала, кровь бушевала.

— Не понимаешь! Человѣка изъ тебя сдѣлать хотѣли. Юность сберечь. Дорогу дать. А ты... а ты?.. Дорогу... чтобы не разбитая, не надорванная пошла. Развѣ за это упрекаютъ? Отъ Россіи спасали, чтобы твою жизнь... неприкосновенной! Да, мы имѣли возможность. Привилегированные!.. Да, и я воспользовалась, я взяла ее... для тебя. Развѣ за это упрекаютъ? Развѣ?.. А я... а мы... Въ разлукѣ съ отцомъ... въ разлу.....

Потухло возмущеніе. Обида... обида. Невозвратность. Послѣдняя вспышка, послѣдняя, чтобы пропасть, утонуть въ слезахъ.

— А я... а мы?.. А мы жить развѣ не хотѣли?!..

Обильныя слезы текутъ. Не можетъ остановить ихъ Софья Дмитріевна.

Дочь возлѣ нея. Отнимаетъ руки отъ лица, гладитъ, цѣлуетъ ихъ.

— Не плачь, мама,—шепотъ ласковый,—прости... я рѣзко... но мнѣ нельзя... Понимаешь? Прегрѣшеніе, когда *невольное* — его нѣтъ. Нѣтъ самого прегрѣшенія. А когда уже сознательно, *вольное* — тогда уже прегрѣшеніе. Я благодарна за прошлое... Оно было ненужно, но я благодарна. А теперь нельзя.

...Вотъ ужасъ, какъ пропасть бездонная—„не нужно"!

— Не нужно, мама,—живымъ откликомъ на ея мысли повторила Людмила.—Тяжело было тамъ тогда въ Россіи. Что же дѣлать? Тяжело тебѣ сейчасъ, мама,—такъ неужели мнѣ уйти отъ тебя? Такъ и то. Нельзя вѣдь, нельзя.

Дверь съ терассы распахнулась и хлопнула о стѣнку. Порывомъ вѣтра опрокинута ваза.

Разсыпались цвѣты.

Людмила нагнулась къ вазѣ. Она не разбилась, только дала трещину. Струйка воды изгибами медленно ползла по бархату ковра.

Людмила схватила цвѣты.

— И вы безъ земли... оторваны.

Софья Дмитріевна поднялась съ софы. Плотно прикрыла дверь. Крѣпко прикрутила задвижку.

— Задвижка была позабыта.

Свѣжая ночь еще была здѣсь. Еще дышалъ ея молодымъ ароматомъ тяжелый пыльный бархатъ портьеръ.

Дрожь пробѣжала по плечамъ Софьи Дмитріевны.

V.

Въ корридорахъ Ecole de médecine шумно. Сюзоръ подалъ на разсмотрѣніе профессоровъ свою записку.

Швейцарцы-студенты, и раньше враждебно настроенные, ходятъ побѣдителями.

Русскіе взволнованы. Собираются въ корридорахъ. Шумятъ.

— Никогда ничего подобнаго не бывало. Слава Богу, восемнадцать лѣтъ по университетамъ шляюсь,—кипятится Митюгина,—чего только не перевидала.

— Осточертѣли мы имъ очень,—язвитъ Саидовъ.—Говорилъ: по группамъ мнѣніе раньше собрать, заранѣе обсудить. Не слушались. Теперь придется просто собраться безъ всякой системы. Эхъ—сюжетцы!

Онъ раздосадованъ не столько самымъ фактомъ, который ожидался все равно, сколько несистематичностью, безпорядочностью предстоящей борьбы.

Онъ это предвидѣлъ. Онъ опытенъ, за границей четвертый годъ.

Опоздавшая на лекціи Вѣткина безтолково топчется между подругами.

— Протестуете?.. А?.. Противъ чего? Я тоже хочу протестовать.

— Гудъ-то, Гудъ, замѣтили? — трещитъ возмущенная Таточка. — Былъ прежде за насъ, теперь противъ. А?.. Каковъ негодяй! Сегодня отвернулся даже отъ нашей стороны, когда на каѳедру всходилъ.

— Свиньи! — крикнула на проходящихъ мимо студентовъ-швейцарцевъ Вѣткина.

Они, не понявъ словъ, громко засмѣялись ея комично-свирѣпому виду, красному вздутому лицу.

— Свиньи ликующія! — еще громче пустила она въ догонку хохочущимъ — и мерзавцы!

Саидовъ поморщился.

— Ну, вы потише съ алеутскими демонстраціями: неумѣстно здѣсь.

— Молчите вы, тактичникъ, а то и васъ обругаю.

— Будетъ безтолковщина, увидите, — сказалъ Саидовъ Шилинскому. — Придется попросту колоніи собрать, не разбирая, какъ и что. Огуломъ.

— Что-жъ, и соберемъ. Объявленіе вывѣсимъ здѣсь и въ университетѣ, и такъ извѣстимъ по домамъ.

Дорогой къ дому онъ зашелъ къ Ощенко. Того нѣсколько дней не было видно нигдѣ. Онъ лежалъ въ обычной излюбленной позѣ на диванѣ навзничь, руки закинувъ за голову. Курилъ, напѣвая что-то унылое.

Шилинскій сообщилъ новость.

— На собраніе пойдешь?

— А на кой ляхъ? Оставь... Пѣть только помѣшалъ — пѣсню одну хорошую вспомнилъ — мать пѣвала.

— Ну и типъ! — вспылилъ Шилинскій. Тутъ интересы товарищей...

Ощенко повернулся лицомъ къ пріятелю.

— Въ чудеса вѣрилъ когда-нибудь, братяга? Вѣрилъ?..

— Ты это что: изъ богоотступниковъ, да въ мистики никакъ?

— Брось утвержденныя высшимъ начальствомъ по филосо-

фіи слова. Я вѣрилъ, что люди поумнѣли, понялъ? И что сіе чудо лицезрѣю я, Грицько, хохолъ. Вѣрилъ, — теперь тошно, вотъ и все.

— Революція... преображеніе... — тихо уронилъ Шилинскій.

— Оставь возвышенный стиль. Люди — болваны! И изъ нихъ же первый есмь азъ. Ну и наплевать. Тоска только грызетъ... Слушай, проваливай-ка ты. Только пѣсню мѣшаешь допѣть.

Въ демократическомъ Café des voyageurs рабочіе изъ сосѣдняго завода пили пиво. Проходили мимо нихъ плохо одѣтые молодые люди и дѣвушки, шли въ сосѣднюю запертую комнату.

Хозяинъ, въ синемъ холщевомъ фартукѣ и картузѣ, съѣхавшемъ на затылокъ, сказалъ стоящей возлѣ конторки женѣ, худой и озабоченной:

— Une réunion russe.

— Des réfugiés—гоготали рабочіе.—Le régiment de la misère.

Хозяинъ съ грубой мужицкой привѣтливостью кивалъ головой, здороваясь съ знакомыми русскими.

Въ длинной комнатѣ—смѣшанный противный запахъ пивомъ, табакомъ, затхлой сыростью. Простые соломенные стулья рядами; ихъ мало, и люди—большинство—на ногахъ. Въ концѣ комнаты небольшой столъ. На роль предсѣдателя не нашлось желающихъ.

Саидовъ единолично и предсѣдатель, и докладчикъ. Но онъ этимъ доволенъ.

— Товарищи, предлагаю на обсужденіе собранія изложенный въ повѣсткахъ вопросъ,—раздается дѣловито его сухой голосъ.—Отнесемся зрѣло, разумно, безъ преувеличеній въ ту или другую сторону, безъ присущей нашимъ собраніямъ лицепріязни, односторонней горячности.

— Гувернеръ какой!—ехидно взвизгнула Вѣткина.

— Законоучитель... попъ!—прозвучала чья-то насмѣшка.

Саидовъ понялъ свою оплошность. Понадѣялся на выдержанный тактъ и опытъ. Слово вырвалось неосторожно. Почва слишкомъ зыбка. Извиняться, исправить ошибку поздно и хуже. Сухо и твердо онъ пошелъ дальше.

— Я позволю себѣ, товарищи, прежде чѣмъ приступимъ къ обсужденію, высказать мой личный взглядъ на объектъ вопроса.

Онъ разсказалъ о современной обостренности вообще. Разобралъ основанія, сдѣлалъ выводы... призвалъ вниманіе слушателей къ отдаленнымъ причинамъ... развернулъ передъ ними

грустную картину положенія уходящей изъ Россіи молодежи. Говорилъ плавно, пѣвуче, нѣсколько раскачиваясь станомъ, самоуслаждаясь.

А его прерывали нервные возгласы:

— Довольно беллетристики!

— Курсъ исторіи!

И эти нетерпѣливые выкрики были похожи на всплески тревожнаго моря.

Онъ выжидалъ спокойно. Властнымъ, сухимъ блескомъ черныхъ зрачковъ онъ обнималъ аудиторію, силясь собрать въ одну душу, сжать въ одну точку смѣсь настроеній и въ это единственное направить ударъ слова.

Слово да будетъ кинжаломъ!

Но онъ не находилъ этой собирательной точки.

Онъ чувствовалъ холодъ отлива, море отъ него убѣгало. Онъ волновался.

— Вопросъ университетскій принципіально важенъ, но мы все же обязаны быть корректными по отношенію къ странѣ, насъ пріютившей. Прежде чѣмъ перейдемъ къ дѣйствію, мы должны хладнокровно, нелицепріятно, — умышленно рѣзко подчеркнулъ онъ, и почувствовалъ въ этомъ дерзкое удовлетвореніе, — не-ли-це-пріятно... Да, наконецъ, ради простого практическаго смысла, чтобы не быть поспѣшными, комичными...

— А стать филистерами, — пробасилъ добродушно Ощенко.

Захохотали.

— Спать хочется, надоѣло! — вытянулъ женскій голосъ.

— Простыхъ правилъ общежитія не знаютъ. Свинство.

— Здѣсь не партійное собраніе.

— Молчите.

— Не желаю.

— Я бы просилъ... я бы просилъ... позволить мнѣ докончить! — рѣзко повысилъ голосъ Саидовъ, внутренно дрожа и цѣпенѣя, презирая толпу и цѣпляясь за свое надъ нею главенство.

— Дайте возможность другимъ дослушать! Нежелающихъ...

— Выведутъ съ полиціей! Ха!.. ха!

Въ хорѣ хаоса смѣшались шумъ и хохотъ.

Саидовъ чувствовалъ, какъ рвутся послѣднія нити, отъ него протянутыя въ толпу.

Своевольная, зыбкая, она не любила его сейчасъ, отвергала, и главное — не вѣрила.

Вдругъ выплыли откуда-то насмѣшливо печальные глаза Ощенко. Смотрѣли въ упоръ.

Блѣдное лицо казалось огромнымъ, добродушная улыбка—сатанинской.

Двѣ точки, двѣ враждебныхъ грани.

Ихъ было сейчасъ какъ будто только двое — и они были враги.

Одинъ какъ будто любилъ, въ сущности презиралъ человѣка въ стадѣ — толпу: всегда выше ея, всегда на подмосткахъ. Другой какъ будто презиралъ, въ сущности боготворилъ въ толпѣ человѣка: всегда въ ея нѣдрахъ, съ ней—жить и умереть.

Надъ шумомъ голосовъ рвался рѣзкими переливами голосъ Саидова:

— Мы изъ Сюзора сдѣлаемъ друга—не врага... Я предлагаю подать коллективную ему записку...

— А на кой намъ это ляхъ?—гулкимъ раскатомъ прокатился басъ Ощенко.

— Конечно! — выкрикивалъ маленькій Люткинъ:—что намъ до университета, когда ѣсть нечего?

— Съ голоду публика пухнетъ.

— Въ чернорабочіе пойти, и то ладно.

Мрачными перекатами бунтующаго моря звучали голоса.

— Хорошо рацеи разводить, когда есть чѣмъ за лекціи платить.

— Пускай хлопочетъ тотъ, кого наука питаетъ! Ха... ха... Науки юношей питаютъ... Ха... ха!

Саидовъ, бѣшеный, блѣдный, сжавъ крѣпко губы, щуря глаза, смотрѣлъ куда-то поверхъ головъ, дальше, мимо. Онъ не хотѣлъ видѣть отдѣльныхъ лицъ, каждое отдѣльное лицо было теперь для него предметомъ личной злобы. Онъ отошелъ въ сторону.

— Товарищи... Товарищи, я прошу слова.

Онъ повернулъ голову. Шилинскій стоялъ за столомъ.

Не сразу, но стали утихать.

— Вѣрно, товарищи, вы правы. Вопросъ университетскій—частность нашей жизни. Вѣрно, что между нами есть вольные и невольные. Изгнанники и свободные.

— И привилегированные,—подхватила Вѣткина.

Стоявшая невдалекѣ Людмила вздрогнула испуганно. Ей показалось, что сейчасъ всѣ, всѣ повернутся въ ея сторону и станутъ указывать на нее—вотъ, вотъ она, прокаженная. Она сжалась какъ птица въ непогодь. Съ напряженіемъ особенной боли слушала она взволнованный голосъ юноши, его пылкую рѣчь. Ей были любы и голосъ, и рѣчь.

— Но мы не можемъ всѣ до единаго не принять къ сердцу

горя. Оно касается студенчества, правда, но вѣдь русскаго, товарищи.

— Всѣхъ по шеямъ скоро, всѣхъ...— прозвучало злобной мукой.

— Тѣмъ болѣе, товарищи, тѣмъ болѣе!—перегонялись-летѣли слова:—мы не допустимъ, чтобы частность выросла въ бѣдствіе огромное и поглотило насъ. Встанемъ дружно. Мы связаны единой родиной, единымъ языкомъ.

— Что же вы предлагаете?—рѣзкимъ вызовомъ бросилъ Саидовъ.—Мы все же пришлые, хозяева—они.

— Такъ что же?

— Въ единоборство вступать? Ха... ха!

— Пускай они хозяева, мы—ищущіе крова. Народная гордость, чувство достоинства—наши права. Такъ если хозяинъ въ уплату за крышу ударитъ меня по лицу...

— Вѣрно, братяга, бей тогда хозяина!

— Бить... бить.

— Какія тамъ къ чорту дипломатическія записки?!

— Вздуть Сюзора, понятно,—вотъ и все.

Море встало. Море двинулось, зашаталось, накатили валы—разбивались о скалы.

Блѣдное лицо Саидова приблизилось къ другому, гдѣ пламенѣло еще негодованіе.

— Сыграли на слабыхъ струнахъ? Побѣда не заманчива.

— Я не искалъ побѣды. Оставьте меня.

— Панургово стадо. Ха, ха, ха!—шипѣло, хихикая, злобное лицо. Дергалось. Скалило зубы.

— Бараны! Ха, ха! Побѣда надъ баранами.

Паяцъ на аренѣ, кинжаломъ щекочущій звѣря...

Шилинскій видѣлъ двѣ черныя злорадныя точки... оскаленные зубы,—змѣиное жало издѣвки. Дразнитъ... дразнитъ, мелькаетъ, скачетъ зигзагами.

— Бараній побѣдитель! Поздравляю! Ха, ха, ха!

Помутнѣло.

Звѣрь кинулся на издѣвщика.

Два женскихъ голоса слились въ раздирающемъ крикѣ:

— Га—га—га—га...

Ужасъ неистовый всплылъ. Потонулъ. Людмила стояла между противниками, заслоняя собою Шилинскаго.

...Пускай, пускай на нее отраженный ударъ. Она приметъ его,—пускай! Другія женскія цѣпкія руки вонзились, метутся въ борьбѣ.

— Не смѣйте!—кричитъ Таточка.

— Пустите!—наступаетъ Саидовъ.

Пьяное местью, въ злыхъ огняхъ, не свое—иное лицо у Шилинскаго.

— Стой, не балуй, братяга!—ударило молотомъ.—На чужака звалъ—на брата полѣзъ. Не дѣло.

Обхватили желѣзныя руки Ощенко.

Какъ кровь приливаетъ къ воспаленному мѣсту—сюда прихлынула толпа. Зашумѣла гуломъ.

Набѣжало море — надвинулось. Зыбь мертвая вскидывала волну.

VI.

Старались, украшали, какъ умѣли и могли. На стѣнахъ бѣлаго уютнаго концертнаго зала скромнаго ресторанчика гирляндами свѣжаго плюща начертано: Н. Г.—Новый Годъ. Въ углу рояль. Стулья разставлены рядами. Въ смежной комнатѣ, тоже довольно помѣстительной, устроенъ буфетъ. Большой длинный столъ накрытъ бѣлой скатертью. Тарелки съ бутербродами, двѣ вазы съ апельсинами... печенье... дешевое вино.

— Все какъ у форменныхъ буржуевъ,—остритъ Митюгина, завѣдующая буфетомъ.

Она весела. Поношенный обычный костюмъ пообчищенъ старательно. Бѣлый воротничекъ, свѣжая красная гвоздичка у пояса. Волосы лежатъ свободно вокругъ лба, очки сняты, щурятся привыкшіе къ нимъ глаза.

— Здравствуйте, коллега! Что вы какая сегодня?—съ улыбкой недоумѣнія спрашиваютъ удивленные этими перемѣнами.

— Ничего не подѣлаешь,—хохочетъ она.—По буфетной части пошла. Буржуйка наша милая говоритъ, что въ хорошихъ господскихъ мѣстахъ всегда за буфетъ красавицъ сажаютъ. Ха, ха, ха! Ну, я и прониклась. Она, значитъ, меня насчетъ красоты и просвѣтила. Ха, ха!

— Эй, молодцы,—останавливала она молодежь.—На бутерброды-то не налегайте, не налегайте. Новый годъ не съ чѣмъ встрѣтить будетъ.

— Не прозѣвать бы.

— Будильникъ съ боемъ принесла,—вмѣшивается Таточка.—Поставленъ по петербургскому времени.

— Въ Питерѣ, значитъ, нынче побываемъ.

Таточка—главная распорядительница. Озабоченная и вмѣстѣ сіяющая летаетъ по залу. Прибѣжитъ въ буфетъ, обдернетъ скатерть, поправитъ въ вазѣ апельсины, передвинетъ тарелку, чмокнетъ въ щеку Митюгину — и опять несется, улыбающаяся. Радуется всему и всѣмъ.

Нарядная, въ бѣломъ, простомъ, хорошо сшитомъ платьѣ. Сквозь тонкую ткань на груди и рукахъ розовѣла нѣжная кожа.

— Отъ славна малина! — скользилъ по ней любующійся взглядъ Ощенко.—Полюбилъ бы я тебя, ягода. Хороша вѣдь?—подтолкнулъ онъ Шилинскаго.

— Такъ полюби.

— Нѣту, братяга, не по Грицькѣ кафтанъ. А ты вотъ чего зѣваешь? Лови.

Шилинскій смотритъ смущеннымъ.

— Чего ты это? Я, можетъ, задѣлъ за ретивое? Ничего, братяга, дѣло житейское.

Желтымъ, ѣдкимъ, противнымъ туманомъ заволоклись глаза, а за туманомъ Шилинскій различаетъ неясно-мрачный, смрадный не то сарай, не то комнату... возбужденныя лица... кричатъ что-то звѣриное... и ясно, ясно возлѣ себя двухъ отважныхъ дѣвушекъ. Отдѣльныхъ отъ звѣринаго.

Онъ чувствуетъ съ тѣхъ поръ ихъ близость. Онъ полюбилъ. Не ту и не другую. Онъ полюбилъ въ нихъ обликъ женской души. Отвлеченный—дивно прекрасный.

Ему сегодня тяжко. Онъ несчастенъ. Все время послѣ собранія—такая нудная, скверная муть на душѣ... Побѣдитель—и нерадостна побѣда. Обидчикъ—и постыдно торжество надъ врагомъ. А главное—звѣриное. Воспоминаніе о чемъ-то звѣриномъ въ себѣ. Какіе-то гнусные, противные его природѣ волчьи зубы и чувства.

Онъ не пошелъ бы сегодня. Но потянуло увидѣть двухъ бѣлокурыхъ милыхъ дѣвушекъ. И будто легче.

Въ залѣ ужъ начатъ концертъ.

Игралъ французикъ-скрипачъ, приглашенный Таточкой. Она ему аккомпанировала.

Софья Дмитріевна сидѣла въ публикѣ. У нея безпокойные глаза. Она—похудѣвшая, сильно осунулась. Она сидитъ здѣсь и точно она не здѣсь.

Прошло два мѣсяца послѣ той знаменательной ночи, когда она впервые поняла, что уходитъ отъ нея самое завѣтное. И теперь она всегда такая тревожная. Насторожилась. Ждетъ.

Придетъ неизбѣжное, пройдетъ сквозь запертыя двери, окна. И рухнетъ построенное, и не спасутъ никакіе затворы.

Она походила на птицу въ клѣткѣ, гдѣ только-что выдвинули полъ. Птица растерянно мечется, бьется о мѣдные прутья... Вотъ здѣсь стояла банка съ водой... тутъ—длинный желобокъ съ зерномъ... и песочекъ былъ... все. И вдругъ ничего не стало. Полъ будетъ вдвинутъ снова. Но птица мечется—не можетъ бѣдная птаха справиться съ испугомъ. И стала растерявшаяся мать ловить сближеніе съ подругами, съ товарищами дочери. Изъ нихъ, кромѣ Таточки, никто ей не былъ пріятенъ. Ее мучилъ какой-то малодушный страхъ передъ этой „пестрой молодежью“, и точно искала она оправданія для себя, и точно чувствовала ихъ карателями чего-то въ ней, и возставала на себя за это ощущеніе. Она сознавала, что „пестрые“ могутъ стать ближе, роднѣе матери, отдавшей дочери жизнь. Съ болью оскорбленнаго сердца она шла къ нимъ, чтобы черезъ нихъ удержать, обрѣсти уходящую дочь.

Напомаженная, холеная головка скрипача была изящна. Онъ ловко взмахивалъ смычкомъ, кончая фразу, и станъ его красиво, гибко гнулся. Онъ весь былъ законченный, утвержденный и внѣшностью, и своей музыкой. И, можетъ быть, оттого между нимъ и возбужденно настроенной залой лежала незаполненная, ненасыщенная пустота.

Софья Дмитріевна не слушала его. Вся въ себѣ, въ своихъ больныхъ, измученныхъ мысляхъ.

...Такъ, значитъ, мать—аппаратъ дѣторожденія; не больше... Оперится птенецъ—рушится связь... Одно неподвижное во времени воспоминаніе...

Непріемлемъ этотъ ужасъ сердцу Софьи Дмитріевны.

...Нѣтъ, нѣтъ, отчего же она и теперь, какъ тогда,—когда соки ея питали лишь зародышъ жизни... и теперь, какъ тогда, такъ же остро живуче чувствуетъ связь съ этой другой, отдѣлившейся жизнью? Отчего?..

Французъ раскланивался все съ тѣмъ же изяществомъ, законченностью, съ какими игралъ. Его смѣнила Людмила.

Трепетъ особой дрожи обжегъ Софью Дмитріевну... погасъ въ глубинахъ сердца. Тихая... сладостная боль... Мысли оборвались... улетѣли... Небытіе или жизнь... Сердце стучится... стучится...

Глаза Людмилы—то внимательные надъ клавишами, то смотрятъ поверхъ рояля, вдаль. Припоминаютъ... Мягкіе... лучистые. Преобразилось лицо.

Волосы волнами спускаются въ узелъ. Цѣломудренно чистъ дѣвственный вдумчивый лобъ.

Она играла Чайковскаго.

Баклановъ, все съ своей неизмѣнной трубкой, прислонился къ стѣнѣ въ самомъ концѣ залы. Слушалъ. Онъ не обѣдалъ уже вторыя сутки, но все же занялъ у Лютьки франкъ, чтобы придти поглядѣть на своихъ. Смотритъ теперь, подсмѣивается.

Вспоминаются дни студенчества... Древніе дни. Онъ юнъ и легковѣренъ. Вечера вродѣ этого... Распорядителемъ выбирали... Скучно тогда казалось, а вотъ теперь будто ничего... Славно... И Чайковскій хорошо... да.

...„Съ голоду это я, должно быть, разомлѣлъ“, — пытается онъ себя высмѣять. А все же ему хорошо, размягченно-хорошо.

Соня сидитъ невдалекѣ. Блѣдная. Лицо блаженное и закрыты вѣки. Наслаждается.

...Эхъ, милята... хорошая... тихая... зазнобливая.

Баклановъ подошелъ. Не замѣчаетъ.

— Чайковскій,—сказалъ онъ чуть слышно и пригнулся къ ней головой.

Она не испугалась. Точно ждала его. Открыла глаза. Засвѣтилась улыбкой.

— Да.

— Любите?

— Очень.

На рѣсницахъ слезы.

— Что это вы?

— Вспомнила.

— Вы сколько уже лѣтъ?

— Третій.

— Я первый—и то не втерпёжъ.

— Обвыкнете.

Какъ-то усиленно гримасничаетъ. Щуритъ вѣки, усмѣхается. Свѣтлая капля сползаетъ по дергающейся конвульсивно щекѣ.

— Что это вы... малодушничаете?

— Оставьте.

Людмила играетъ за пьесою пьесу, еще и еще.

Отзвукомъ счастья дрожитъ сердце матери. Упоенное, забаюканное.

...Да, да, вотъ она—правда... Истокомъ изъ нѣдръ души стекаютъ по пальцамъ на клавиши звуки. Дерево поетъ... живое... Это она, мать, вызвала къ жизни. Не только родила плоть—дала жизнь таланту...

И всякій разъ какъ по пальцамъ начнутъ стекать на клавиши звуки, и мертвое оживетъ, дочь ея будетъ съ ней говорить.

И не только сейчасъ, а и тогда... послѣ—когда земля для нея потухнетъ—дочь ея будетъ съ ней говорить.

Точно прикоснулись къ Людмилѣ, перекинулись мысли матери. Вдругъ, повернувъ къ ней голову, она смотрѣла на нее ясными, большими глазами.

...Да, она будетъ всегда такъ говорить съ нею.

Даже заноза Вѣткина чувствуетъ себя размягченной. Но, боясь удариться въ сантиментальность, говоритъ съ умышленно грубой развязностью своему сосѣду:

— Вотъ и привилегированная оказалась на что-нибудь пригодной. Знатно барабанитъ, чортъ бы ее побралъ.

Людмила, еще возбужденная, еще въ сферѣ звуковъ—возлѣ матери. Присѣла, жметъ крѣпко ей руки, любовно глядитъ,—шепчетъ:

— Правда, они всѣ хорошіе... правда?

И ея глаза, отыскавъ Шилинскаго, свѣтлѣютъ еще больше и уже безъ словъ добавляютъ:

...А онъ лучше всѣхъ.

Шилинскій робко, застѣнчиво придвинулся къ выему рояля, сталъ возлѣ. Прислонился.

— Что читать будешь?—крикнулъ кто-то изъ залы.

— Валяй свое что-нибудь!

Онъ не слышитъ окрика, или не хочетъ, не хочетъ отвѣчать. Молчитъ. Задумался. Ему хочется говорить такъ, какъ еслибы онъ былъ одинъ и говорилъ самъ себѣ, но чтобы тѣ, другіе, которыхъ онъ чувствуетъ, и знаетъ, и любитъ, подслушали его.

— Я въ міръ пришелъ, чтобъ видѣть солнце...

Молодымъ порывомъ вѣтра, вотъ какъ бы вѣтеръ несется по полю, играючи, неслось изъ его взволнованной души.

...Уйти отъ грубаго... больного... звѣринаго... повѣрить, принять въ себя солнце.

Онъ старался увѣровать самъ, что пришелъ въ міръ за солнцемъ. Онъ хотѣлъ, чтобы тѣ, другіе, которыхъ онъ зналъ, чувствовалъ и любилъ, также жадно повѣрили бы въ это.

Когда онъ кончилъ, не было криковъ одобренія. Никто не хлопалъ въ ладоши. Притихли. Молчали.

Вдругъ одинъ голосъ какъ бы невзначай, какъ бы вопросомъ:

— Некрасова бы?

Еще, еще, еще... какъ перекличка... хоромъ:

— Бальмонта...

— Надсона...

— Толстого, Алексѣя...

— Некрасова...

Горячее, страстное дыханіе какъ отъ единой груди шло оттуда, отъ хора голосовъ.

Раскрывались могилы... Воскресали поэты.

Облако, прозрачное и плотное, въ себя приняло... унесло, подняло...

...Не стало личнаго, пропало звѣриное. Не было человѣка отдѣльнаго. Единое рождалось. Чудо творилось вдохновенное. Раздвигались стѣны... исчезало пространство. Горѣли всѣ солнца эѳира. Невозможное предавалось свободному. Человѣческое потухало въ божественномъ.

Внимали голосу единому, черезъ звуки рѣчи зачарованные... Вставали любимыя нетлѣнныя тѣни. Пѣли созвучія въ безпредѣльности. Скрыла свой ликъ безобразный смерть — слѣпое чудовище. Уползало во тьму. Зажигалась звѣзда воскресенія.

Окрыленный, освобожденный, прикоснувшійся къ вѣчности, Шилинскій былъ пьянъ вдохновеннымъ огнемъ. И тѣ, кто внимали ему, тѣ, всѣ разные, стали едиными, опаленные тѣмъ же огнемъ.

— Свое читай,—читай свое что-нибудь!

И онъ поникъ головой.

...Думы дорогія, родныя... завѣтныя.

Лицо его было блѣдно и, какъ тогда, въ мрачномъ сыромъ кабакѣ, не свое,—иное. Но по другому опять иное. Какъ сіяніемъ, свѣтомъ радостнымъ озаренное.

Внимали его голосу зовущему.

— Мы не осенніе, мы отлетѣли,—сказалъ онъ тихо, какъ бы про себя.

— Громче!

— Мы не осенніе, мы отлетѣли
Ранней весенней порой,
Жертвы безумной стихійной метели,
Сорваны въ часъ роковой.

Звенѣлъ, звенѣлъ и укрѣплялся голосъ. Тоской звучалъ.

— Листья зеленые мы, молодые,
Ждали мы лѣта расцвѣтъ.
Любы намъ были лучи золотые,
Огненный солнца привѣтъ.
Стонъ ли то слышенъ?! Иль звуки свирѣли?!
Пѣсни ль далекій призывъ?!..
Мы позабытые, мы отлетѣли
Въ моря вечерній отливъ.

Въ часъ роковой мы рядами поблекшими
Здѣсь пеленою легли,
Жадно припали губами запекшими
Къ груди намъ чуждой земли.
Тщетно лобзанье—она, безотвѣтная,
Зельемъ снотворнымъ пьяна.
Стонъ ли несется... Иль пѣсня завѣтная
Тихимъ напѣвомъ слышна?!..
Въ звуки мы сложимъ тѣ стоны далекіе,
Хоръ нашъ въ рыданье сольемъ.
Мы, отлетѣвшіе, мы, одинокіе,
Родина,—слышишь,—поемъ!
Струны на лютнѣ тоскою повитыя,
Взмыты слезами онѣ.
Струны не рвутся—поютъ, позабытыя,
Славу родной сторонѣ!

Всколыхнулись. Закричали.

— Пѣсню, братяги!—То стонущій призывъ Ощенко.

— Изъ страны, страны далекой,
Съ Волги-матушки широкой
Собрался мы сюда...

Вывелъ несмѣло, задребезжалъ, оборвался тонкій женскій голосъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—нервно крикнулъ Ощенко:—хохлацкую!

Запѣлъ:

— Стоитъ гора высокая,
А пидъ горою га-ай...

полилось дрожащее, тоскливое.

Придвинулись къ нему близко, въ кольцо сомкнулись. Дыханьемъ однимъ задышали всѣ.

— Болитъ оно и журится,—

пѣлось въ пѣснѣ о сердцѣ,—

— Що вернется весна,
А молодость не вернется,
Не вернется жъ вона.

Хоромъ подпѣвали пѣвцу послѣднія двѣ строчки. Молодые, сильные—о невозвратной молодости.

Стулья безпорядочно сдвинуты. Никто не сидитъ больше. Въ выступѣ послѣдняго окна—Соня.

Локтями опираясь въ колѣни, лицо скрыто въ ладоняхъ, она—такая жалкая. Плечики вздрагиваютъ,—плачетъ.

Баклановъ подлѣ,—гладитъ склоненную русую головку. Она не противится.

— Милая Соня. Тихая.

— Новый годъ! Урра!—прокричала Таточка.

— Урра!.. Урра!..

— Съ новымъ годомъ, Соня!—Баклановъ нѣжно поднялъ ея головку.

— Ужъ третій наступилъ... третій...—прозвучалъ рыдающій отвѣтъ.

— Новый годъ... новый годъ...

Отхлынули изъ залы къ буфету.

Наполнены стаканы... Чокаются... пьютъ.

Таточка за столикомъ съ французомъ-скрипачемъ. Кокетничаетъ. Увлекается сама своимъ кокетствомъ. Ей хочется шалить, проказничать.

Французикъ выпилъ и умиленъ...

Онъ доволенъ, что попалъ на soirée russe, гдѣ все ему необычно и занимательно.

— Давайте на брудершафтъ, ягода!—тянется къ Таточкѣ съ стаканомъ вина захмѣлѣвшій Ощенко.

— Отстаньте, бегемотъ! Не заслужили.

Саидовъ, чтобы не встрѣтиться съ Шилинскимъ, упорно хотѣлъ не придти на вечеринку. И все же пришелъ. Весь день онъ бродилъ по городу, хотѣлъ даже уѣхать за городъ. Но чѣмъ ближе придвигался вечеръ, тѣмъ тревожнѣй становилось на душѣ и тянуло идти.

...„Такъ вѣдь не патріотъ же я въ самомъ дѣлѣ!—злился онъ внутренно.—Давно уже эти ребячьи предразсудки первобытности изжиты мною“... А все-таки тянуло, какъ тянетъ преступника взглянуть на мѣсто своего проступка; старика—пройтись по милымъ тѣмъ дорожкамъ, гдѣ бѣгалъ онъ ребенкомъ.

Онъ спрятался за оправданіе, что ему надо присутствовать какъ казначею мѣстной кассы—и пришелъ.

Въ залѣ играли вальсъ. Хохотали. Расшвыривали стулья. Шилинскій подошелъ къ Людмилѣ.

— Это ваши стихи?—спросила она, кружась съ нимъ.

— Да.

...„Струны не рвутся... струны не рвутся...“ звенѣло и пѣло въ ея душѣ.

Таточка вертѣлась съ французомъ.

Изъ двери буфета глядѣлъ на нее жаднымъ и тоскливымъ взглядомъ Ощенко.

— Разомлѣлъ, товарищъ?—тронулъ его тихонько за плечо Баклановъ.—Есть сантимы? Угости. Не пью, а сегодня напиться

хочется. „Выпьемъ что ли, гдѣ же кружка... Сердцу будетъ веселѣй!“ А? Ха, ха. Или знаешь—какъ это... поется: „И оба душой пріуныли...“ Ха, ха. Тебѣ смѣшно, а я, братъ, въ поэтическомъ ражѣ. Я самъ въ душѣ поэтъ. Хорошо это вѣдь у него, шельмеца—про струны-то? А?... Струны не рвутся... не рвутся.

— Пить звалъ?—мрачно, какъ отъ чего-то назойливаго, отмахнулся кудрявой головой Ощенко.—Такъ чего жъ? Звалъ, такъ идемъ. Вспрыснемъ, братяга. Эхъ, мизерно, не по душѣ это нашей, правда? Разойдись, Грицько! Новый Годъ! Ха, ха. Обольемъ его, подлеца... Потопимъ!

Софья Дмитріевна точно въ угарѣ. „Пестрые“ передъ ней, нелюбимые... А сквозь стѣны непріязни незамѣтно уже просачивалось что-то теплое. И безотчетно радовало.

Таточка кружилась. Людмила стояла въ концѣ залы съ Шилинскимъ.

Таточка, ловко проскальзывая между танцующими, тащила за руку упирающагося слегка Саидова.

— Куда вы? Куда?

Она предательски смѣялась и неожиданно толкнула Саидова прямо на Шилинскаго.

— Миритесь!—крикнула она повелительно.—Миритесь сейчасъ. Свинство въ новый годъ не помириться.

Это было такъ, сразу, вдругъ. Мысль не успѣла родиться... проскользнуть... захолодить.

Они обнялись.

— Рррре-во-лю-ціонную!—ревѣлъ въ буфетѣ Ощенко.

Пѣсня, странная пѣсня. Какъ стонъ уходящей изъ міра души. Злобная, дикая, мучительно грустная, какъ цѣпи звенящая.

Угаромъ, угаромъ окутанъ мозгъ Софьи Дмитріевны. Сердце мечется точно въ тенетахъ.

Вопросъ или утвержденіе? Что это—что? Кто они? кто? Пестрые—или единая въ нихъ душа? Откуда... откуда рвущіеся щемящіе за душу звуки? Стонъ, стонъ — или пѣснь революціи?

И вдругъ гукнуло отрывисто, мрачно:

— Э-эй, ух-немъ...

...Струны не рвутся... Дѣти безъ матери... дѣти безъ матери.

И необъятной любовью ко всѣмъ этимъ „пестрымъ“ билось въ ней ея сердце матери.

Н. Анненкова-Бернардъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

* * *

Пѣлъ соловей сегодня на зарѣ,
Пѣлъ о веснѣ въ кустарникѣ зеленомъ.
Вся потонувъ въ прозрачномъ янтарѣ,
Сіяла даль подъ пурпурнымъ виссономъ.

Молился лѣсъ, молились небеса.
Шепталъ тростникъ, кружилися стрекозы
И плакалъ сонъ, и падала роса
Съ рѣсницъ цвѣтовъ алмазами, какъ слёзы...

А я мечталъ о томъ, что отошло,
Что унеслось такъ быстро и такъ скоро,
И рвался вдаль, гдѣ ярко и свѣтло, —
Въ нѣмую глушь безбрежнаго простора...

И снилось мнѣ, что молодость меня
Несетъ къ любви, къ блаженству наслажденій,
И крылья дня, сверкающаго дня,
Мнѣ сыплютъ цвѣтъ черемухъ и сирени...

Леонидъ Афанасьевъ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ДУША ПОЛЬШИ

Опытъ иррацiональнаго изслѣдованiя.

...Надъ ней насмѣхаются, ее корятъ за ея былую удаль, надменность, ширь. Развѣнчано все, что̀ въ ней было великаго, но не попрано еще все, что̀ она несла святого. Vae victis!..

Есть, однако, души человѣческiя, для которыхъ понятенъ и близокъ польскiй народъ, какъ нѣкiй коллективный, живой, а слѣдовательно и грѣховный организмъ. Какъ часто люди эти разочаровываются, смотря—и не видя, слушая—и не слыша, напрягая лучшiя чувства—и встрѣчая равнодушное молчанiе. Изъ года въ годъ, изъ поколѣнiя въ поколѣнiе.

Всѣ научные, литературные, историческiе, этнографическiе и другiе труды о Польшѣ весьма мало помогутъ дѣлу высшаго, духовнаго ознакомленiя съ нею, пока не будетъ познана сфера ея сокровенныхъ переживанiй, ея внутренняя жизнь, ея идеологическiй ритмъ, ея сознательное молчанiе и безсознательный крикъ совѣсти. Лучшiя стремленiя лучшей части русскаго общества останутся безплодными, пока не будутъ вскрыты и обнаружены корни—души Польши.

Эта неизвѣданная въ Россiи тема, похожая на дѣвственную чащу, послужитъ автору для развитiя положенiй нѣсколько иного порядка, чѣмъ обычные полонофильскiе тезисы. Цѣль настоящаго очерка—не добиться или выпросить что-либо отъ русскаго общества для Польши, а выяснить ее русскому интеллигентному читателю.

Необходимо столковаться — столковаться не только рацiонально, въ предѣлахъ существующаго, правового, узаконеннаго

порядка вещей, но и внѣ его предѣловъ, внѣ всякихъ категорій, въ плоскости ирраціональной. Легко можетъ оказаться, что непримиримые во времени и въ пространствѣ враги дружески жмутъ другъ другу руку въ сферѣ, свободной отъ физическихъ условностей,—въ сферѣ своей существенной и насущной метафизики. И мы намѣренно введемъ въ наше изслѣдованіе національную метафизику, нисколько не умаляя этимъ значенія точныхъ данныхъ, также какъ математикъ вводитъ понятія о безконечно малыхъ или безконечно большихъ величинахъ.

Но и этого мало. Нужно выковать особый языкъ для *перевода понятій*. L'amour значитъ другое, чѣмъ „любовь", Sehnsucht—другое, чѣмъ „тоска", англійское „home" непереводимо на другіе языки, и т. д. Авторъ охотно сознается, что такого рода трудъ ему непосиленъ. Тѣмъ не менѣе онъ намѣренъ преслѣдовать свою цѣль до конца, надѣясь на чуткость и проникновенность русскаго читателя.

И все-таки хотѣлось бы найти удобопонятный, задушевный языкъ, свободный отъ столь нетерпимыхъ для Польши художественныхъ аллегорій, какъ „славянскіе ручьи"; хотѣлось бы простыми, безъискусственными намеками опредѣлить суть дѣла, когда говоришь на столь дорогую и безцѣнную тему, какъ душа націи. Вы помните, какъ полупьяный Астровъ-Станиславскій (въ „Дядѣ Ванѣ") молча вытанцовываетъ камаринскую подъ душераздирающій стонъ гитары? Всмотритесь въ исказившееся странною улыбкою лицо Станиславскаго. Глаза его гдѣ-то блуждаютъ, чего-то ищутъ. И мучительнымъ гнетомъ давитъ душу зрителя вопросъ: что они видятъ?

Они видятъ душу Россіи.

I.

Вѣрите ли вы въ существованіе души народа, духа націи? Если нѣтъ, то бросьте всѣ книги всѣхъ лучшихъ, дорогихъ сердцу и самыхъ проникновенныхъ своихъ писателей. Сожгите Пушкина, Гоголя, Достоевскаго, Салтыкова, Толстого, Чехова. Предайте костру всю драгоцѣнную русскую литературу, ибо она живетъ исключительно вѣрою въ національную обособленность и индивидуальное самосознаніе, вѣрою въ непочатые корни русскаго генія, въ скрытыя и еще непроявленныя силы русской души. Въ мукахъ нарождалась она, но вотъ явилась—свѣтлая и мрачная, какъ двуединое оправданіе сокровеннаго добра и зла,

которыя Россія вноситъ въ міровую исторію. Всякое безвѣріе обезцѣниваетъ литературу, лишаетъ ее смысла и въ концѣ концовъ умерщвляетъ, низводя на позорную ступень торгашества словомъ. Въ Россіи его не было.

Правда о душѣ Россіи относится не только къ тѣмъ твореніямъ русскихъ поэтовъ и мыслителей, въ которыхъ, такъ или иначе, очерченъ русскій человѣкъ, русскій бытъ или нарисована историческая картина. Она струится и, какъ лучъ свѣта, пронизываетъ всякую ткань, какой бы ни окутывали свои алтари жрецы сокровенной мысли. У Пушкина излучивается она повсюду, какъ и у Лермонтова, Гоголя или Бѣлинскаго, Аксакова и Тургенева. Не только въ каждой строчкѣ, но и между строкъ бьется русское сердце, виденъ отпечатокъ русскаго образа мыслей, слышится особая русская радость или скорбь. Вѣдь Достоевскій—русскій по самому укладу своей психологіи, независимо отъ обстановки, въ которой герои его разыгрываютъ человѣкобожескую драму. Гоголь и Чеховъ — русскіе помимо изображаемаго ими быта, русскіе по характеру своей музыки, въ которой слышны слезы всей Россіи.

Живая правда живетъ въ живомъ—„вѣщемъ“ Словѣ. Это слово—самый дорогой и неотъемлемый даръ людей и націй. У него есть своя особая жизнь, со всѣми радостями и печалями, съ минутами высшаго подъема, называемаго вдохновеніемъ, и съ минутами слабости, упадка, изнеможенія. Но оно безсмертно, ибо въ немъ, какъ въ клѣткѣ, бьется душа, символъ вѣчнаго. Спустя много вѣковъ послѣ видимой смерти національнаго организма человѣчество начинаетъ жить и переживать заново все то, что нѣкогда волновало погибшую націю, сочило ея кровь или поило ядомъ. Жива и понынѣ Индія, благодаря вѣчной мудрости Ригъ-Веды и Упанишадовъ; жива Эллада, ибо живы Гераклитъ, Платонъ, Софоклъ.

Выражаясь математически, душу націи можно уподобить нѣкоей постоянной, опредѣленной въ качественномъ отношеніи величинѣ, историческій, преходящій и часто случайный коэффиціентъ которой испытываетъ количественныя колебанія въ зависимости отъ разныхъ внѣшнихъ конъюнктуръ. Конечно, историческій строй даннаго народа, государственный и соціальный укладъ его жизни оказываетъ сильное вліяніе на эти колебанія. Случается и такъ, что политическій коэффиціентъ сводитъ на нуль всю невидимую для простого глаза, сокровенную жизнь души народа. Но тогда именно и наступаетъ для нея моментъ напряженнаго и дѣятельнаго проявленія всего того, что

въ ней вѣчно, свято и общечеловѣчно. Эту жизнь иногда называютъ „подпольною“.

Всматриваясь ближе въ жизнь „души Россіи“ отъ временъ Радищева до нашихъ дней, нельзя усомниться въ томъ, что жизнь эта, въ силу историческаго коэффиціента, является именно „подпольною“. На поверхность она не прорывается почти никогда. Нѣкоторыя слишкомъ рѣзкія (по сравненію съ жизнью Запада) крайности этой жизни, какъ напр. сектантство или толстовство, свидѣтельствуютъ объ особенностяхъ русской психики нашихъ дней; съ другой стороны онѣ же показываютъ, что всякія духовныя броженія признаны преступными со стороны тѣхъ, кому, повидимому, дано вершить судьбы политическаго коэффиціента.

Выдѣлить и отгородить жизнь души націи—не значитъ дать представленіе объ области ея духовныхъ интересовъ. Послѣдняя гораздо сложнѣе и должна по праву принадлежать историку культуры. Но жизнь невѣдомаго Владыки-Духа доступна только тому, кто подходитъ къ ней съ чувствомъ любовнаго уваженія и благоговѣйнаго трепета. Ибо жизнь эта—тайна, непознаваемая обычнымъ эмпирическимъ, научнымъ путемъ. Тѣ, кто причастны ей въ Словѣ, подобны жрецамъ и священнодѣйствующимъ магамъ. Русская литература знаетъ ихъ сонмъ. По истинѣ, подвигами этихъ жрецовъ крѣпится и держится Русь.

Но если все это такъ, то возникаетъ вопросъ, миновать который нельзя, не поколебавъ всѣхъ устоевъ заложеннаго въ основу русской души мистическаго начала. Вопросъ этотъ—духовное отношеніе къ другой, не менѣе великой націи, враждуя съ которою Россія въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ измѣняла свой историческій и политическій коэффиціентъ. Польша и ея душа не можетъ не преслѣдовать, какъ кошмаръ, мыслящихъ и знающихъ цѣну національной гордости русскихъ. Для нихъ она должна существовать такъ же реально въ ея сокровенной, „подпольной“ литературѣ, какъ реально она существовала въ XVI-мъ вѣкѣ, при Стефанѣ Баторіи.

Но почему-то „польскій вопросъ“ все еще не можетъ выйти изъ кабинетной стадіи, гдѣ судьба его столь неблагопріятна. По какому-то роковому, непростительно обидному для обѣихъ сторонъ недоразумѣнію—не прекращается торгъ относительно того или другого вида „автономіи“, тянутся праздные споры о названіи Царства Польскаго „Привислиньемъ“ или „окраиною“, слышатся изступленныя угрозы...

Мнѣ скажутъ: но вѣдь это только незначительная часть рус-

скаго общества, и притомъ худшая. Нельзя обобщать отдѣльныхъ проявленій національнаго мракобѣсія, нельзя поголовно обвинять всю русскую интеллигенцію. Огромная часть ея дружественно смотритъ на Польшу. Настоящая попытка пролить лучъ свѣта на русско-польское „недоразумѣніе“ можетъ оказаться ломаніемъ въ открытую дверь.

Отвѣчу: нѣтъ. Вина здѣсь безусловна и обоюдна. Я обвиняю одинаково обѣ стороны, хотя и обращаюсь къ русской интеллигенціи. Не будучи „примирительнымъ“ призывомъ, не преслѣдуя политическихъ цѣлей, статья моя принимаетъ нѣсколько односторонне-обличительный видъ въ силу чисто методологическихъ соображеній, такъ какъ я стараюсь подойти къ „польскому вопросу“ со стороны духовныхъ интересовъ именно русской интеллигенціи.

Благодаря удивительной живучести политическаго коэффиціента, черта взаимнаго непониманія становится чертою трагической. На ея мѣстѣ выростаетъ стѣна изъ какого-то страннаго сплава. Онъ какъ будто свѣтелъ и прозраченъ, на самомъ же дѣлѣ невѣрно преломляетъ лучи, перекашивая ихъ какъ съ одной, такъ и съ другой стороны. И русскіе, и поляки, глядя сквозь щели въ воздвигнутой стѣнѣ или черезъ обманчиво просвѣчивающій сплавъ, увѣрены, что для взаимнаго ознакомленія достаточно такого созерцанія. Въ оптикѣ духа трудно найти болѣе яркій примѣръ близорукости или дальтонизма, тѣмъ болѣе опасныхъ, что послѣдствія ихъ несутъ на себѣ два творческихъ организма, двѣ интеллигенціи: русская и польская.

„Польскій вопросъ“ есть не только первое conditio sine qua non въ разрѣшеніи славянскаго вопроса, т.-е. въ осуществленіи идеи „всеславянской“ взаимности, но и совершенно отдѣльный, давно назрѣвшій вопросъ: „въ правѣ ли современный мыслящій русскій человѣкъ, представитель „лучшей интеллигенціи“ въ Европѣ, обновляться для высшей духовной жизни, дѣлающей его гражданиномъ всего міра, въ правѣ ли онъ гордиться именами Достоевскаго, Толстого, Вл. Соловьева, когда позади его остаются неразрѣшимыми проблемы геніевъ Польши, когда альтернативъ: „быть или не быть“ до сихъ поръ чередуется съ обоюднымъ: „простить или убить“? Еще сильна травля, затѣянная ослѣпленными „патріотами“. О ней здѣсь не будетъ рѣчи. Но есть многострадальная, коллективная душа Россіи; она стремится воплотить священные завѣты своихъ ясновидцевъ, и то пытается явить міру какую-то высшую правду, то безсознательно разрушаетъ всѣ заложенные устои.

На этомъ пути—рано или поздно—ей суждено встрѣтиться и, можетъ быть, столкнуться съ душою Польши.

II.

До послѣдняго времени идея славянской взаимности была непопулярна какъ въ русскомъ, такъ и въ польскомъ обществѣ. Въ настроеніи послѣдняго нужно было даже считаться съ враждебнымъ чувствомъ по отношенію къ славянской идеѣ.

Стоитъ задуматься надъ причиною этого несомнѣнно страннаго на первый взглядъ явленія. Необъятная славянская семья, десятки милліоновъ разныхъ національностей, принадлежащихъ къ одной расѣ, не могутъ и—болѣе того—не желаютъ жить въ союзѣ, хотя бы во имя общности интересовъ самаго примитивнаго и безъидейнаго характера, т.-е. экономическихъ [1]).

Самая энергичная и въ то же время самая славянская страна—Чехія, со столицею славянства „золотою Прагою“, уже лѣтъ сорокъ распинается во имя общаго дѣла ради панславистскихъ утопій; но единственное, что ей удается, это—борьба съ домашнимъ врагомъ, т.-е. съ нѣмцами. Въ борьбѣ этой она всѣмъ обязана себѣ одной, и впредь надѣется лишь на свои силы. Для истинной культуры, т.-е. въ смыслѣ вклада въ общую сокровищницу человѣчества, борьба эта такъ же безплодна, какъ и всякая иная непроизводительная трата культурной энергіи. Подобно Чехіи, и княжество Познанское (такъ называемая „Прусская Польша“), и юго-славянскія земли, борясь съ волною германизма (или мадьяризма), способствуютъ матеріализаціи духовныхъ запросовъ всего славянства.

У всѣхъ славянскихъ народовъ, исключая лишь поляковъ (не всѣхъ) и русскихъ, главною, вожделѣнною національною „добродѣтелью“ принято считать боевой закалъ, неусыпную го-

[1]) „Чешскіе дни“ въ Варшавѣ, въ августѣ нынѣшняго года, неожиданно для всѣхъ развернувшіеся въ величавую картину искренняго и всеобщаго единенія всей столицы Польши въ радушномъ и братскомъ пріемѣ представителей Чехіи, позволяютъ надѣяться на возможность дѣйствительнаго сближенія двухъ славянскихъ народовъ. И здѣсь, однако, перспективы ближайшаго будущаго, раскрываемыя иниціаторами польско-чешской дружбы по разумному и весьма положительному плану, не внушаютъ полной вѣры въ *органическое духовное* скрѣпленіе узъ, хотя бы потому, что сама идея выставлена въ видѣ боевого лозунга (въ противовѣсъ „Kulturkampf“'у и иному насилію). Въ этомъ духѣ понимались всѣ „общія мѣста“ въ рѣчахъ поляковъ и чеховъ. Легко убѣдиться изъ газетъ, что всѣ болѣе или менѣе конкретные постулаты продиктованы лишь одними практическими соображеніями.

товность дать отпоръ посягательству на ихъ самобытность. Кромѣ національной гордости (или надменности) не созрѣло еще ни одно *положительное* обще-славянское чувство. Повидимому, славяне лишены инстинкта дружескаго и соборнаго строительства, чѣмъ такъ сильны ихъ враги. Зато нѣкоторымъ изъ нихъ не чуждъ инстинктъ любознательности и легкаго усваиванія высшихъ цивилизаціонныхъ формъ. Эта повидимому далеко не славянская черта представляетъ spiritus movens быстраго развитія торговли, промышленности, школьнаго дѣла въ Чехіи, оставившей въ этомъ отношеніи далеко позади себя остальной славянскій міръ.

Кто знаетъ, быть-можетъ именно это благосостояніе и высокій по сравненію съ Польшею и Россіею уровень культуры, какая-то духовная сытость и американизмъ жизни указываютъ какъ-разъ на источники непопулярности славянскихъ симпатій между самими „братьями-славянами". Въ средѣ русской интеллигенціи, которой Чехія совсѣмъ незнакома, чешскимъ призывамъ отвѣчаетъ полное равнодушіе, съ какимъ только голодный можетъ смотрѣть на сытаго, отгороженнаго отъ него семью рѣками. Польская интеллигенція—тоже почти незнакомая съ Чехіею, хотя и соприкасающаяся съ нею своими этнографическими границами,—не долюбливаетъ чеховъ за узость ихъ кругозора, за отрицательныя стороны ихъ націонализма, за грубый матеріализмъ, не говоря уже о мелкихъ ссорахъ, неизбѣжныхъ при политической коньюнктурѣ австро-венгерской монархіи.

Но есть область, въ которой какъ Чехія, такъ и всѣ другія меньшія славянскія народности, изъяты изъ соперничества и обезцѣнены. Это—область живого слова. Самая развитая изъ современныхъ меньше-славянскихъ литературъ—чешская—кажется не болѣе какъ сельской хатою на ряду съ монументальными храмами, воздвигнутыми мыслью и вдохновеніемъ польскихъ и русскихъ зодчихъ. На ярко-національномъ, пестромъ и декоративномъ ея фонѣ совершенно наглядно рисуется мистическая неопытность, недальновидность или какое-то пустое мѣсто, котораго никто не старается, да, пожалуй, и не считаетъ нужнымъ заполнить. Гражданскою доблестью, боевыми лозунгами, самовосхваленіемъ проникнутъ духъ этой литературы, озаряемой лишь рефлексами то патріотическаго, то пантеистическаго энтузіазма. Меньшеславянскіе писатели не чувствуютъ еще на своихъ плечахъ бремени вѣковъ, трагической борьбы за свою незыблемую правду, за оправданіе кровныхъ идеаловъ. Ихъ паѳосъ по истинѣ первобытенъ, чувства—дѣтски-наивны, переживанія—замкнуты въ тѣсномъ кругу собственнаго семейства. Это—дѣти съ широко-

раскрытыми на міръ божій глазами и ясными улыбками на обвороженныхъ личикахъ, или съ опечаленными, слезными щечками. Они еще не перешагнули черезъ грань чувствительности, сентимента.

Мицкевичъ или Достоевскій, Пушкинъ или Словацкій, Выспянскій или Чеховъ немыслимы ни въ одной славянской землѣ, кромѣ Польши или Россіи. Каждый изъ нихъ представляетъ завершительное звено длинной идеологической цѣпи и въ то же время открываетъ ворота, за которыми видны новые горизонты. Мы прослѣдимъ это явленіе, коснувшись личности нѣкоторыхъ польскихъ поэтовъ, пока же ограничимся отрицательнымъ выводомъ по адресу остального славянскаго міра.

Необходимо констатировать фактъ, что племенное родство Россіи и Польши съ меньшеславянскимъ міромъ не заставляетъ еще ни ту, ни другую углубляться въ его сокровенныя нѣдра и безкорыстно интересоваться чертами его настоящаго лика, ибо онѣ живутъ, чувствуютъ и думаютъ въ другомъ масштабѣ. И это—не печальное пророчество, не черная туча, хоронящая грядущій праздникъ славянства. Все это—только до поры до времени. Развѣ не понятно само собою, что общества и націи, создающія свою метафизику, больше тянетъ въ сторону Гёте, Канта, Шопенгауера, Вагнера, или даже обидѣвшаго славянскій міръ при распредѣленіи міровыхъ ролей Гегеля, чѣмъ къ обнищавшимъ духовно потомкамъ Гуса, или къ народнымъ пѣвцамъ Сербіи и Болгаріи? Съ этой высшей точки зрѣнія меньшеславянская литература кажется, въ общемъ, столь еще незначительною, что ей нечего сказать въ ту минуту, когда на арену выступаютъ міровые геніи Европы, и въ числѣ ихъ геніи Польши и Россіи.

Славянскій міръ, разсматриваемый какъ одно цѣлое, еще не достигъ того пункта, на которомъ создаваемыя имъ цѣнности могутъ имѣть общечеловѣческое значеніе. Индивидуальныя попытки представляютъ именно не болѣе, какъ „литературу“. Славянство въ цѣломъ не сказало еще своего слова. Но Польша и Россія выявили свою душу въ невиданномъ, „вѣщемъ“ творчествѣ.

Цѣль настоящаго очерка—показать русскому читателю корни, питающіе душу Польши. До тѣхъ поръ, пока съ Польшею будутъ знакомиться путемъ одной беллетристики, все равно—будетъ ли это Сенкевичъ или Пшибышевскій, толку выйдетъ мало. Не потому, чтобы источники творчества этихъ популярныхъ въ Россіи писателей были недостаточно польскими. Они оба, не

смотря на существенную разницу художественныхъ принциповъ, несомнѣнно олицетворяютъ собою основныя, прирожденныя качества польскаго духа: героическій романтизмъ, культъ великаго,— не только дѣла, подвига, но и слова, даже жеста. Но, конечно, ни рыцарь Скржетускій („Огнемъ и мечемъ"), ни Фалькъ („Homo sapiens") не могутъ встрѣтиться въ одной плоскости съ Алешей или Иваномъ Карамазовыми, т.-е. съ двумя противолежащими полюсами сокровенной русской динамики. Послѣднимъ можно противопоставить лишь такія центральныя фигуры польскаго національнаго миѳотворчества, какъ Конрадъ („Поминки" Мицкевича), „Ангелли" (поэма Словацкаго), Иридіонъ Красинскаго, или, пожалуй, герой метафизическаго моноэпоса Словацкаго: „Король Духъ".

Польская литература нашихъ дней даетъ богатый матеріалъ для поисковъ національнаго лица, опредѣлить которое современные писатели и поэты стараются во что бы то ни стало, посвящая этому вопросу лучшіе перлы своего вдохновенія. Мы остановимся лишь на нѣсколькихъ, почерпая изъ литературы ровно столько психонаціональнаго анализа и поэтическаго синтеза, сколько нужно для указанія русскому читателю, чѣмъ жива душа Польши, куда она стремится и отъ чего отрѣшается на тернистомъ пути своихъ исканій и отреченій.

III.

Одинъ изъ видныхъ представителей нѣмецкаго модернизма, Германъ Баръ (Bahr), говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „прекрасно и лестно для меня, что на всемъ пространствѣ отъ Волги до Луары и отъ Темзы до Гвадалквивира не можетъ возникнуть чувство, котораго бы я не могъ постичь, понять и творчески воспроизвести: европейская душа не хранитъ никакой тайны предо мною". Убѣжденіе это весьма симптоматично. При современномъ универсализмѣ все рѣшительно кажется умопостижимымъ; голодная фантазія требуетъ все новой пищи, и ей преподносятъ въ изобиліи экзотическій кормъ. Вошелъ ли Баръ хоть въ одномъ изъ своихъ интуитивныхъ очерковъ въ сферу польскаго миѳотворчества — представляется сомнительнымъ, но увѣренность его въ этомъ какъ-то убѣдительно дѣйствуетъ на всѣхъ носителей всепобѣждающаго интеллекта.

Растяжимость творческихъ воспріятій, особая эластичность духа, апріорное и потенціальное знаніе всѣхъ проявленій арій-

скаго генія никогда еще столь ярко не выступали, какъ въ наши дни, когда эмпирическое міросозерцаніе стало вытѣсняться мудростью браминовъ, съ ея внутреннимъ познаваніемъ „вещей въ себѣ“. Никогда еще на ряду съ высшими обобщеніями діалектики, перебрасывающей малѣйшій фактъ жизни микрокосма на фонъ метафизическаго строительства, не замѣчалось столь упорнаго аналитическаго исканія. Въ Россіи, въ частности въ Петербургѣ, эстетическая дифференціація двигается по линіи наименьшаго сопротивленія, т.-е. по линіи внѣшней терминологіи и случайныхъ ассоціацій. Такъ возникаютъ мистическій анархизмъ, мистическій энергетизмъ, мистическій сенсуализмъ и сексуализмъ; почему же не мистическій мистицизмъ?..

Страшно сознаться, что Слово за послѣднее время стало самоцѣлью. Оно почти не вскрываетъ заложенныхъ въ немъ понятій; гораздо чаще оно брызжетъ фейерверкомъ чувственныхъ тоновъ, чисто красочныхъ или музыкальныхъ. И потому люди, причастные къ Слову, или даже творящіе его, *пріучились*, подобно Бару, впитывать абсолютно все формально прекрасное, все радужное, „отъ Волги до Луары“. Универсальность интересовъ, быстро текущая смѣна общественныхъ настроеній, космополитизмъ художественной жизни занесли пескомъ индифферентности дно богоборца Ивана Карамазова и заволокли облакомъ скептицизма „чистаго серафима“ — Алешу.

Условимся считать „современнымъ“ того интеллигента, который читаетъ Л. Андреева и Ѳ. Сологуба, Кнута Гамсуна и Оскара Уайльда, Вейнингера и Пшибышевскаго, альманахи и „Вѣхи“, посѣщаетъ выставки, лекціи объ искусствѣ и премьеры художественныхъ постановокъ въ модернистскихъ театрахъ. Душа такого „современнаго“ интеллигента растягивается, быть можетъ, „отъ Волги до Луары“; но, оставляя невыясненнымъ отношеніе къ нѣкоторымъ вѣчнымъ проблемамъ, она углубляется въ вопросы псевдомистическаго порядка. Въ самомъ дѣлѣ, „современный“ интеллигентъ рѣдко знаетъ Софокла, еще рѣже читаетъ Франциска Ассизскаго или Рюйсброка Удивительнаго, но зато считаетъ себя весьма компетентнымъ въ вопросахъ драматической стилизаціи и готовъ съ увлеченіемъ доказывать необходимость монодрамы и иныхъ революціонныхъ сценическихъ пріемовъ. Хорошо еще, если подобные (несомнѣнно цѣнные съ эстетической точки зрѣнія) вопросы волнуютъ широко разлившуюся струю духовныхъ интересовъ. Но случается, что струя эта, благодаря своему мелкому внутреннему существу и свирѣпой стужѣ извнѣ, замерзаетъ. И ничто не всколыхнетъ ледяной скорлупы.

Эстетизмъ расшаталъ динамику жизни и этимъ, несомнѣнно, причинилъ большое зло. Однако успѣла сказаться и хорошая сторона его вліянія. Утончая и воспитывая вкусы средняго читателя, онъ помогъ ему дать энергическій отпоръ литературѣ, всплывшей на поверхность революціоннаго омута. Послѣднее относится одинаково какъ къ Россіи, такъ и къ Польшѣ. И тутъ, и тамъ общество уже созрѣло для парадоксовъ Уайльда (Intentions) и поняло, что не факты создаютъ монументальныя формы въ искусствѣ, а искусство подчиняетъ себѣ и формируетъ жизнь. Еслибы было наоборотъ, еслибы жизни дана была власть надъ искусствомъ, то на мѣстѣ памятниковъ Гёте, Мицкевича или Пушкина пришлось бы установить статуи Натъ-Пинкертоновъ, какъ „властителей думъ“ начала XX вѣка. Впрочемъ, все это слишкомъ печально, чтобы долѣе на немъ останавливаться.

Широкая, всеобъемлющая душа интеллигента не старается читать глубже буквъ и словъ, видѣть изнанку міра символовъ, войти въ міръ платоновскихъ идей, т.-е. посѣщать столь излюбленные всѣми великими писателями края. Для этого она слишкомъ утомлена и даже разслаблена. Мистицизмъ сталъ повседневнымъ, затасканнымъ и шаблоннымъ „измомъ“, и подъ маскою его находитъ безопасное убѣжище все то, что далеко отъ дерзанія. Мистика противопоставляется дѣлу. Мистика нашихъ дней — это пушка безъ пороха и безъ ядра. Она — безвредный инструментъ, звуки котораго иногда напоминаютъ плачъ эоловой арфы, иногда — просто скрипъ шарманки. Но не всегда было такъ, и теперь это тоже не всюду [1]).

Мистицизмъ эстетовъ сталъ чѣмъ-то самодовлѣющимъ, альфою и омегою внутренняго опыта, хотя часто заводится рѣчь объ его религіозности. Въ этомъ — великая разница между нимъ и былымъ мистицизмомъ, ставившимъ человѣка у Рубикона подвига, дѣла. Велика бездна, отдѣляющая теперь слово отъ дѣла. На одномъ и томъ же берегу очутились жизнь съ ея соблазнами и суетою, съ ея бытомъ и съ ея безпросвѣтнымъ мракомъ, греза и ея служители, жрецы „чистаго искусства“, аристократы формы, деміурги, миѳотворцы, мистагоги и... скука. Три сестры на берегу Рубикона. За нимъ, за чудесною рѣчкою — дѣло, требующее смѣлаго рѣшенія. Мы считаемъ однимъ изъ

---

[1]) Болѣе подробное освѣщеніе намѣченнаго здѣсь вопроса я пытался дать въ моей книгѣ о „Королѣ-Духѣ Россіи“ („On idzie! Rzecz o Królu Duchu Rosyi“), вышедшей въ свѣтъ въ Краковѣ, въ 1907 г.

такихъ дѣлъ польскій вопросъ. Мы выдѣляемъ его въ совершенно особую духовную проблему Россіи, не только помимо, но и вопреки панславистской взаимности, культурному въ тѣсномъ смыслѣ слова сближенію и т. п. Пусть „Скука“ перевоплотится въ священную „Тоску“,—тоску по „синей птицѣ“, по утерянному „золотому рогу“...

IV.

Прежде, чѣмъ спрашивать: „что читать?“—надо знать, „какъ читать“. Не подлежитъ сомнѣнію, что руководящая идея польской литературы, ось польскаго міросозерцанія—и въ то же время весь пафосъ польскихъ возстаній—это мечта объ освобожденіи. Но о какомъ? Эсхиловскій ли Прометей—Польша, рвущаяся изъ узъ, или просто плѣненный рыцарь? Свобода ея—отъ міра ли сего, пріемлетъ ли она тронъ благочестивыхъ и порочныхъ королей, шляхетскій сеймъ, пышный сенатъ—или это та свобода, которой дано имя мессіанства? Или, быть можетъ, свобода безымянная? Свободенъ дикій альпійскій орелъ, но вѣдь свободенъ и домашній пѣтухъ, разгуливающій по задворкамъ. Понятіе „освобожденіе“ требуетъ точнаго опредѣленія понятія „свобода“. И какъ неодинаково содержаніе, которое разные народы вкладываютъ въ священное понятіе, выраженное словомъ „свобода“, такъ неодинаковы и ихъ конечныя цѣли, осуществить которыя имъ дано или предопредѣлено въ „освобожденіи“. Отсюда понятна разница, напр., между метафизическимъ словомъ „Erlösung“—и непросвѣтленнымъ „освобожденіемъ“. Россіи знакомо понятіе высшей и безпредѣльной свободы, скрѣпленной словомъ „Воля“, но неуловима для русскаго уха свѣтлая радость двуединой свободы, звучащая въ польскомъ словѣ: „Wyzwolenie“. О немъ рѣчь будетъ идти дальше, пока же необходимо опредѣлить уголъ зрѣнія, нормировать отношеніе читателя къ польской литературѣ и къ польскому слову вообще.

Мудрый современникъ „вѣщихъ“ поэтовъ, самъ поэтъ и мыслитель, только въ наши дни оцѣняемый по заслугамъ, Цыпріанъ Норвидъ, писалъ въ шестидесятыхъ годахъ: „Еслибы задуманный изгнанникомъ на безлюдномъ островѣ Апокалипсисъ кто-нибудь далъ прочесть римскому писателю и поэту, хотя бы и столь хорошо понимающему по-гречески, какъ Горацій, что могъ бы вычитать онъ изъ Апокалипсиса? На Горація Апокалипсисъ произвелъ бы такое впечатлѣніе, какое на насъ произ-

водитъ „Тысяча и Одна ночь“. А потому отвратительно заблужденіе, когда оно безсознательно (и преступно, если сознательно), читать произведенія несчастнаго народа тѣми самыми глазами, которыми мы привыкли читать произведенія торжествующихъ поэтовъ“.

Словами этими устанавливается критерій не для однихъ только „апокалипсическихъ“ твореній польскихъ романтиковъ (Норвидъ писалъ по поводу поэмъ „Беніовскій“ и „Король Духъ“ Словацкаго). Трагизмъ, лежащій въ основѣ всей польской жизни, пропиталъ ея литературу не слезами, а геройскимъ сознаніемъ власти духа надъ скованною плотью. Какъ это ни странно на первый взглядъ, особенно при чтеніи безподобныхъ по фантазіи и красотамъ стиля строфъ Словацкаго, но эстетика польскихъ романтиковъ, въ противовѣсъ нѣмецкой, поставила на пьедесталъ не прекрасную форму, а живого прекраснаго человѣка, прекрасную, геройскую личность. Это—главный и до сихъ поръ живой завѣтъ романтиковъ, которому подчинялся Мицкевичъ, подчинились и Словацкій, и Янъ Матейко, и Выспянскій. Запомнимъ его пока какъ одну изъ точекъ отправленія въ поискахъ за душою Польши.

Трагизмъ Польши имѣетъ свои корни не только въ патріотическомъ ея горѣ. Исполосованная на картѣ Польша могла бы жить тріединой жизнью духа, крѣпиться однимъ общимъ мистическимъ опытомъ, созрѣвать для грядущаго „Wyzwolenia“. Но съ этимъ она не можетъ примириться и не мирится не во имя одного только оскорбленнаго патріотическаго чувства. Еслибы идеалы ея были узко-національны, то развѣ поднимали бы повстанцы знамя съ надписью: „за вашу и нашу свободу“? Кто могъ бы воспламенить одной высшей идеей души легіонеровъ, шедшихъ съ пѣснью: „Еще Польша не погибла“ въ далекіе края, чтобы лечь костьми на холмахъ Рима, Неаполя, въ Ломбардіи и при Сарагоссѣ, на островахъ Гаити, въ Сѣверной Америкѣ—за чужое дѣло, за свободу другихъ, или въ погонѣ за призракомъ величія, преслѣдовавшимъ армію Наполеона? Или, быть можетъ, это стремленіе польскихъ воиновъ забыться и потерять свое имя на пространствѣ всего земного шара — есть не болѣе какъ врожденный и унаслѣдованный отъ надменныхъ предковъ авантюризмъ, возвеличенный и воплощенный столь заманчиво Байрономъ? Но какъ объяснить въ такомъ случаѣ судьбу, постигшую въ Польшѣ космополитическаго Чайльдъ-Гарольда, весьма скоро и весьма рѣшительно развѣнчаннаго Мицкевичемъ въ „Поминкахъ“?

Нѣтъ, это не такъ. Вся столь экспансивная, широкая и переливающаяся черезъ край жизнь Польши, съ ея сверхлиберальнымъ внутреннимъ строемъ, съ ея доблестями и роковыми, преступными ошибками, съ ея пыломъ и исторической близорукостью, съ ея мудрымъ строительствомъ и безумнымъ расточеніемъ народныхъ благъ, устремлена лицомъ къ вершинѣ, на которой развѣвается не національный флагъ, а страницы какого-то невѣдомаго Евангелія. На ряду съ безкорыстнымъ героизмомъ Собѣсскихъ, Жолкевскихъ, Костюшко и другихъ борцовъ за вселенское дѣло, объ этомъ свидѣтельствуетъ весь тонъ польской литературы. Она ищетъ себѣ оправданія въ безпримѣрныхъ страданіяхъ, въ жертвенномъ огнѣ подвижничества, въ распинаніи своего народа за грѣхи всего міра, въ заселеніи пустынныхъ дебрей Сибири своими сынами, и покаяніемъ своимъ она искупаетъ свои грѣхи передъ лицомъ міра.

Еслибы трагизмъ Польши имѣлъ одни лишь патріотическіе корни, то при наличности разгрома всѣхъ надеждъ на политическое ея возрожденіе онъ впадалъ бы неизбѣжно въ элегическій тонъ, или питался бы ядомъ человѣконенавистничества. На самомъ же дѣлѣ любовь и свѣтлая вѣра ни на минуту не покидали ни одного изъ польскихъ сердцевидцевъ. Въ этомъ именно и сказалась черта польской души, разлившейся вдоль историческихъ береговъ въ тотъ моментъ, когда теченіе натолкнуло ее на камни, сваленные поперекъ ея русла. Наступила эпоха—и ее точно можно обозначить, какъ время послѣ послѣдняго возстанія 1863 г.,—когда русло національной жизни заволоклось тиною и хламомъ; на поверхность всплыли оппортунизмъ и заискиваніе у сильныхъ міра сего. Но этому сравнительно ничтожному идеологическому наслоенію, похожему на накипь, дала отпоръ какая-то непреодолимая, живая внутренняя сила. И сила эта—не патріотизмъ, не тоска по вельможному прошлому, выродившаяся въ мракобѣсный туманъ на этнографическихъ окраинахъ Польши. Сила эта—разумная гордость; она—высшая мудрость, героически жертвующая національнымъ механизмомъ ради высшихъ человѣческихъ цѣлей, внѣусловныхъ и внѣнаціональныхъ. Это—мистика дѣла, сказавшаяся въ сознательномъ преодолѣніи бремени вѣковыхъ традицій во имя новаго возрожденія.

Возрожденіе — прекрасное слово. Имъ рисуется не только картина новаго возникновенія на испепеленномъ прошломъ, но и прообразъ организма воскресающаго, уже знавшаго жизнь, муки творчества и горе угасанія. Такое именно возрожденіе ждетъ Польшу.

Оно въ равной мѣрѣ просвѣтляетъ ея идеологическіе горизонты и окрыляетъ поэтическую мысль. Провозвѣстниками его въ литературѣ являются какъ поэты-неоромантики, такъ и мыслители-сторонники „новаго сознанія“. Большинство изъ нихъ — люди особаго типа, сыновья „послѣднихъ могиканъ“ польскаго мессіанизма, граждане новаго вселенскаго государства, національные миѳотворцы.

Центральное мѣсто неоромантической идеологіи отведено личности Мицкевича. Сомнѣній относительно того, имѣетъ ли право авторъ „Импровизаціи“ занимать это мѣсто и воплощать такимъ образомъ коллективныя переживанія всей націи, быть не можетъ. Для этого онъ достаточно святъ и слишкомъ всеобъемлющъ. На немъ отдыхаетъ польская мысль послѣ анархически разрушительнаго историческаго своего похода, черезъ него пріучается сознавать свои ошибки, и при дальнѣйшей упорной внутренней работѣ находитъ въ его правдѣ свою правду, самое себя.

Но на ряду съ Мицкевичемъ-поэтомъ и сердцевидцемъ существуетъ Мицкевичъ-человѣкъ, жизненный путь котораго ведетъ къ священному замку „Монсальва“. На ряду со Словацкимъ, непризнаннымъ современниками величайшимъ фантастомъ и художникомъ слова, вырастаетъ живая личность „вѣщаго“ Юлія, автора метафизическаго моноэпоса „Король Духъ“ — и въ безсмертныхъ его поэмахъ доискиваются правды поэты, мыслители, люди новаго типа, люди Возрожденія. Славный Жолкевскій, вся жизнь котораго была сплошнымъ подвигомъ, этотъ герой, воплощающій прекрасный сонъ о былой Польшѣ отъ моря до моря, находитъ въ наши дни пѣвца, не ради одной хвалы воскрешающаго его грозный ликъ, а ради грозной души Польши того времени, ради анализа причинъ рокового упадка ея [1]). Величайшій національный художникъ, не только положившій базисъ польской исторической живописи, но и открывшій ея внутреннія перспективы, Янъ Матейко, находитъ въ наши дни конгеніальнаго толкователя историческихъ завѣтовъ Польши въ лицѣ Станислава Виткевича, мудрѣйшаго изъ художниковъ и прекраснѣйшаго изъ мыслителей. Еще раньше душа Шопена, поэта мелодіи, ритма и грезъ поколѣнія повстанцевъ, нашла на порогѣ XX-го вѣка вдохновеннаго поклонника въ лицѣ отца декадентовъ — Станислава Пшибышевскаго, апостола „мета-музыки“. Въ Краковѣ спѣшно идутъ работы по реставраціи королевскаго замка — Вавеля, приковавшаго къ себѣ

[1]) Стефанъ Жеромскій, „Дума о Гетманѣ“.

вдохновеніе и всѣ творческія мысли типичнѣйшаго изъ неоромантиковъ, Станислава Выспянскаго. И при всемъ этомъ начинаютъ появляться книги, навѣянныя мощнымъ дуновеніемъ вихря Татръ. Среди тысячи гордыхъ и достойныхъ призывовъ слышенъ голосъ свѣтоноснаго Духа-Люцифера, пути котораго вѣдаетъ самый демоническій изъ современныхъ поэтовъ, ослѣпительный художникъ слова и красокъ—Ѳаддей Мицинскій. Мысль его блуждаетъ на палубѣ „Князя Потемкина", рыскаетъ по долинамъ дикихъ Татръ и, наконецъ, замираетъ въ восторгѣ передъ мозаическою эпохою Византіи X-го вѣка. Это ли не симптомы всечеловѣческаго возрожденія, это ли не исканіе обновленной души народа?

Недавно однимъ русскимъ писателемъ (П. Боборыкинымъ) былъ указанъ эмоціональный источникъ и разгадка этой непонятной для нытиковъ творческой силы Польши: „жизнерадостность"—таково брошенное имъ слово. Психологически, пожалуй, это и вѣрно. Но для Россіи важнѣе другая плоскость—національной метафизики, и въ особенности того краеугольнаго на ней камня, безъ котораго немыслимо достиженіе эсхатологическихъ истинъ, безъ котораго невозможно никакое „градоискательство".

Плоскость эта намѣчается довольно ясно указанными авторами, какъ подвижниками польской національной идеи. Кое-какими сопоставленіями намъ удастся, быть можетъ, намѣтить крайнія точки современнаго анализа и синтеза.

V.

Одно время въ Петербургѣ все стало мистическимъ. Договорились до того, что слово „мистика" стало пустымъ звукомъ. Ему перестали вѣрить, ибо всѣ чувствовали, что цѣна ему—грошъ. Случилось же это не потому, чтобы не было искреннихъ и вдумчивыхъ людей, стремившихся къ мистическому опыту, а потому, что слово затравило всякій починъ, всякое дѣло, сталкивая мысль на улицу, на общую панель діалектики.

По счастливой, быть можетъ, случайности развитію мистицизма въ Польшѣ XIX в. значительно способствовало отсутствіе въ ней арены для свободной мысли и свободнаго слова. Молчаніе — благопріятнѣйшее условіе созрѣванія творческой мысли; молчаніе—необходимое условіе мистическаго прозрѣнія, при чемъ иногда оно кажется результатомъ послѣдняго.

Въ царствѣ молчанія обрѣтали свое „Wyzwolenie“ Мицкевичъ и Словацкій: мистика ихъ, отъ которой отворачиваются мелкіе умы, была великимъ просвѣтленнымъ дѣломъ. Не въ месіанствѣ центръ тяжести, а въ побѣдѣ надъ личностью, въ освобожденіи духа отъ всѣхъ категорій, дѣлающихъ волю рабомъ фактовъ.

Не примирившись, „не пріявъ“ факта разгрома Польши, Мицкевичъ направилъ путь къ замку „Монсальва“. Объ этомъ повѣствуетъ въ своей прекрасной книгѣ Артуръ Гурскій. Отыскавъ „ритмъ жизни Мицкевича“, какимъ была у этого „страдальца за милліоны“ беззавѣтная вѣрность самому себѣ, полнѣйшее самосогласіе, своего рода ибсеновскій пуританизмъ совѣсти, Гурскій „подходитъ къ построенію одного момента“. Этимъ высшимъ моментомъ жизнетворчества польскаго генія была „Импровизація“, т.-е. богоборческій монологъ Конрада, героя третьей части „Дѣдовъ“. Напомнимъ, что Конрадъ, герой бунта, дѣла, вводится поэтомъ на мѣсто байрониста-романтика Густава, и въ священномъ огнѣ неутолимой скорби надъ истерзанной родиною извѣстною „Импровизаціей“ вызываетъ на единоборство сердецъ Бога. Въ русской литературѣ моменту этому можно противопоставить жестъ Ивана Карамазова, „возвращающаго почтительно билетъ“. И Конрадъ, и Иванъ Карамазовъ вошли уже въ область метафизики: первый—въ качествѣ трагедіи волюнтаризма, второй—въ качествѣ проблемы нигилизма разрушительнаго, человѣкобожескаго.

„Мицкевичъ принадлежитъ къ той же семьѣ, что Исаія, Эсхилъ, Данте“, — говоритъ Гурскій; „у него такъ же, какъ и у нихъ, построеніе плоти таково, что она упирается въ совѣсть. У Эсхила это носитъ названіе проклятія или рока, чего-то содѣяннаго внѣ личности; оно можетъ быть нарушеніемъ законовъ божескихъ или законовъ природы, кровнымъ грѣхомъ—но всегда угломъ зрѣнія на міръ и на человѣка остается идея наслѣдственности преступленія. Воспитанный въ понятіяхъ первороднаго грѣха, врожденной грѣховности, возмездія, помилованія, каноновъ добра и зла, Данте олицетворяетъ этотъ типъ людей. Надъ всѣми ими тяготѣетъ какое-то угрюмое молчаніе; величію ихъ рѣчи незнакома ясность безоблачнаго неба. Они всегда исходятъ изъ центральной точки своей природы и возвращаются къ ней въ подземелья духа, гдѣ Эакъ, Радамантъ и Миносъ вершатъ судъ; оттого люди этого типа всегда судятъ, всегда надъ кѣмъ-нибудь или надъ чѣмъ-нибудь произносятъ приговоръ, предпочитаютъ обвиненіе—защитѣ; они очень воспріимчивы ко всякаго

рода оттѣнкамъ, создаютъ паѳосъ чистоты и правдивости, и въ горномъ воздухѣ, гдѣ-то надъ безднами, чувствуютъ себя лучше всего. Вотъ почему, возвращаясь съ горъ, они ощущаютъ на груди гнетъ земного воздуха. Ничто не кажется имъ достаточно чистымъ и правымъ, во всемъ они видятъ искаженіе, мутящее красоту вещей. Они не увѣрены ни въ собственныхъ, ни въ чужихъ инстинктахъ, не довѣряютъ жизни; красота ихъ не радуетъ, ибо они усумнились въ самомъ принципѣ, въ самомъ ея содержаніи. Совѣсть пробудила въ нихъ распрю; между ними и яснымъ днемъ всталъ сѣрый призракъ грѣха. А грѣхъ—это искаженіе инстинкта въ самомъ корнѣ. Для Исаіи жизнь обременена проклятіемъ, для Эсхила—рокомъ; для Данте жизнь можетъ найти свое искупленіе въ очищеніи кровью Эммануила; а для Мицкевича? Для Мицкевича существуетъ прежде всего проблема добра и зла—и притомъ отъ начала до конца его творчества; проблема эта неразрывно связана съ природою воли, на которой онъ хочетъ обосновать всего человѣка. „Импровизація“—это взрывъ великой воли, искаженной грѣхомъ. „Дѣды“—это исторія плѣненія въ грѣхѣ. Товіанизмъ [1]) представляетъ эпоху страшной борьбы съ грѣхомъ въ современномъ человѣкѣ. Въ это время Мицкевичъ зорко слѣдитъ за подземнымъ ходомъ, почти съ гнѣвомъ указываетъ на него громогласно въ политикѣ, въ религіи, въ исторіи, въ искусствѣ, въ своемъ народѣ, въ семействѣ, въ обиходѣ жизни“...

Такова природа Мицкевича, какъ зодчаго замка „Монсальва“, жизнь въ которомъ предуготовлена лишь для тѣхъ, кто хоть однимъ камнемъ, хоть однимъ подвигомъ внутренняго преодолѣнія помогаетъ этому строительству. Созидающая, организаціонная натура Мицкевича ощущала непосредственно необходимость нравственнаго наказа и запрета во имя преодолѣнія заложенной въ насъ грѣховности, во имя высшаго, просвѣтленнаго „Wyzwolenia“.

Мы не имѣемъ возможности прослѣдить здѣсь всей волюнтаристической эволюціи въ міровоззрѣніи Мицкевича ни по его твореніямъ, ни даже по книгѣ „Монсальва“, представляющей библейски сжатое изложеніе скрытаго въ его творчествѣ созидательнаго начала. Мы выдѣляемъ, поэтому, одну лишь идею Конрада, идею богоборца, мечтающаго о „правленіи душъ“. Идея эта прокладываетъ путь къ новому граду, и вся дальнѣйшая ея эволюція вплоть до нашихъ дней свидѣтельствуетъ о томъ, что слово Мицкевича упало не на безплодную почву.

[1]) Мессіанистическая доктрина мистика Андрея Товіанскаго, имѣвшая огромное вліяніе на умы поколѣнія 40-хъ годовъ, въ особенности поэтовъ-романтиковъ.

„Еслибы можно было обрѣсти спасеніе черезъ Слово,—замѣчаетъ Гурскій,—міръ былъ бы уже давно спасенъ. Но спасти можетъ только дѣло, только духъ и трудъ". Исторія такого трудящагося Духа, отождествленнаго съ совершенствующеюся душою Польши съ одной стороны, съ эволюціею личности—съ другой, послужила темою для грандіозной поэмы другого „вѣщаго" поэта Польши: Юлія Словацкаго. Не только эта поэма, озаглавленная „Король Духъ", но и почти всѣ остальныя произведенія великаго фантаста не были поняты въ свое время даже наиболѣе чуткими и вдумчивыми его единомышленниками. Только теперь, въ началѣ XX-го вѣка, когда исполняется сто лѣтъ со дня рожденія поэта, можно смѣло сказать, что Словацкій спасъ красоту идеи Мицкевича той магической властью слова и неземной музыки, которая очаровала въ наши дни все поколѣніе неомантиковъ, открывая передъ нимъ чудотворные источники польской души и питая живительной влагою пылающія въ сердечномъ зноѣ уста. Образъ „Короля Духа", шествующаго изъ поколѣнія въ поколѣніе и воплощающагося въ центральныя личности, движущія польскую исторію, плѣнилъ въ наши дни воображеніе какъ созерцателей-эстетовъ, такъ и мистиковъ, переживающихъ заново и въ новыхъ формахъ трагедію духа, трагедію человѣческаго Я, трагедію личнаго и національнаго самосознанія. Благодаря „Королю Духу" не умретъ слово въ Польшѣ, и долго будетъ она удивлять міръ своею „жизнерадостностью", прометеевскою мощью духа.

Мицкевичъ и Словацкій не даромъ окрещены „вѣщими", также какъ посылающій на сѣверъ „сына мести", Иридіона—Красинскій. Эта троица поэтовъ восполняетъ другъ друга органически, и, какъ таковая, давно уже внѣдрилась въ духовный обиходъ каждаго мыслящаго поляка. Но что она не только жива, а претворяетъ современную идеологію по образу воскресающаго Діониса, достаточно ясно станетъ каждому, кто раскроетъ одну изъ книгъ, призывающихъ къ новому возрожденію—во плоти и въ духѣ.

„У насъ есть собственный эпосъ на поляхъ Березины и Мацеевицъ, есть собственное Евангеліе въ твореніяхъ мессіанистовъ, есть собственная книга Магіи въ природѣ литовскихъ чащъ лѣсныхъ, побережныхъ луговъ Нарева и великолѣпныхъ саркофаговъ Татръ, на которыхъ собираются души умершихъ. Наши Прометеи—это огромная вереница похороненныхъ въ Сибири мучениковъ. Но Богъ нашъ—не жмудскій Христосъ Смуткіалисъ, скорбно созерцающій орудія пытокъ, а Господь веселія

въ Канѣ галилейской, гдѣ льется потоками пурпурное вино крови. Нашъ Богъ позволяетъ любить лѣса, поля и поклоняться звѣздамъ и могучему солнцу. Нашего Бога можно найти въ зодіакахъ халдеевъ, въ крылатыхъ и лазуревыхъ египетскихъ жукахъ, въ индійской колесницѣ смерти, которая давитъ все на пути, принося безсмертіе. Нашего Бога чтитъ вѣчный человѣкъ, явленный въ Греціи въ лицѣ Орфея, въ Италіи—св. Франциска, въ Корсикѣ — Наполеона, во Франціи Готфрида Бульонскаго, въ Карѳагенѣ—Ганнибала, въ Германіи—Бетховена, въ Россіи—міра, который, согласно пословицѣ, есть великій человѣкъ. У насъ же не было большаго, чѣмъ вѣщій Адамъ, бывшій верховнымъ жрецомъ польской мистики, похожимъ на тѣхъ друидовъ, которые приносили съ собою слово безсмертія въ дубовые лѣса истребляемыхъ кельтовъ" (Т. Мицинскій, „Къ источникамъ польской души", 1906).

Этотъ бѣглый обзоръ польской поэтической идеологіи нашего времени былъ бы весьма неполнымъ, еслибы мы не коснулись трагедій Станислава Выспянскаго, поскольку онѣ ведутъ насъ къ вратамъ новаго царства. Выспянскій, одна изъ наиболѣе цѣльныхъ художественныхъ натуръ (поэтъ, живописецъ и сценическій реформаторъ въ одномъ лицѣ), *сознавалъ* приближающійся день Возрожденія, и видѣлъ въ немъ свѣтлый праздникъ примиренія языческаго Аполлона съ христіанскимъ Сальваторомъ (Спасителемъ). Въ драмѣ „Акрополь" онъ сосредоточиваетъ дѣйствіе двухъ силъ—духа и плоти — на королевскомъ замкѣ Вавелѣ въ Краковѣ. Въ потрясающей заключительной картинѣ, раскинутой его творческимъ воображеніемъ, видна эволюція не только польской національной идеи, но и европейской метафизики.

Примиреніе и союзъ Аполлона съ Христомъ—идея, отъ которой не открещиваются современные русскіе богоискатели, но вмѣстѣ съ тѣмъ идея, проклятая Достоевскимъ. Авторъ „Бѣсовъ" ненавидѣлъ „обще-человѣка", любовь къ которому должна за собою влечь, по его мнѣнію, презрѣніе къ ближнему, настоящему человѣку.

VI.

Красивѣйшей польской душѣ дано жить и прозрѣвать у подножія Татръ. Я имѣю въ виду ту прекрасную, достойную новаго человѣка мудрость, которой исполнены страницы книгъ

Станислава Виткевича, извѣстнаго художника, критика и мыслителя. Виткевичу, между прочимъ, Польша обязана открытіемъ и популяризаціею польскаго (такъ наз. „закопанскаго“) архитектурнаго стиля. Изъ всѣхъ пишущихъ на интересующую насъ тему польскаго націонализма и его отношенія къ цѣлямъ общечеловѣческимъ Виткевичъ несомнѣнно видитъ горизонты наиболѣе широкіе, и слово его особенно вразумительно для тѣхъ, кто не столько за поэзіей, сколько за критическимъ умомъ признаетъ право на переоцѣнку цѣнностей.

Какъ тонкому художнику и эстету, Виткевичу не можетъ быть чуждъ уголъ зрѣнія романтиковъ, очарованныхъ величіемъ „Польши отъ моря до моря“. Но брошенныя въ лицо Польшѣ слова вѣщаго Юлія:

„Павою народовъ была ты и попугаемъ!“

—въ связи съ реалистическою эволюціею понятія патріотизма и съ критическимъ углубленіемъ въ корни національной души,—выработали въ немъ ясное и смѣлое міросозерцаніе. Прозрачность слова, легкость и вмѣстѣ съ тѣмъ точность выраженія мыслей пріобщаютъ его къ высшей человѣческой мудрости (Сократъ, Сенека, Толстой) и даютъ возможность синтетически судить о типичнѣйшихъ свойствахъ польскаго духа. Система обнаженія польской души у Виткевича въ высшей степени безпристрастна, художественна и увлекательна. Онъ высказывается всегда „по поводу“ и, постепенно раздвигая матеріальныя преграды, обусловливаемыя его темой, выходитъ на необъятный просторъ, гдѣ мѣсто конечнымъ вопросамъ о мірозданіи. Оставляя въ сторонѣ всю чисто-художественную дѣятельность Виткевича, мы коснемся лишь двухъ точекъ отправленія его своеобразной идеологіи. Эти точки—Янъ Матейко и Татры.

Одинокая личность краковскаго мастера только въ наши дни предстала передъ польскимъ обществомъ во всемъ величіи своего трагизма и впервые въ лицѣ Виткевича нашла себѣ конгеніальнаго истолкователя. Эти гигантскіе холсты, на которыхъ кисть печальнаго визіонера и послѣдняго праваго патріота запечатлѣла всю боль и муку томленія поляка XIX-го вѣка, сказали Виткевичу можетъ-быть больше, чѣмъ откровенія Мицкевича. Антагонистъ Матейки въ чисто-художественныхъ пріемахъ живописи, Виткевичъ, углубляясь въ сокровенныя бездны его трагизма, сталъ все непосредственнѣе ощущать то великое творческое начало всѣхъ дѣлъ Польши, имя которому—Гордость. И передъ гордостью послѣдняго достойнаго сына королевской

Польши, передъ авторомъ „Грюнвальдской битвы“, „Прусскаго поклоненія“, „Вернигоры“, „Проповѣди Скарги“ и другихъ монументальныхъ картинъ изъ прошлаго Польши — Виткевичъ преклонился такъ же, какъ не можетъ не преклониться всякій, въ комъ бьется польское сердце, въ комъ страдаетъ и жаждетъ подвига польская гордость.

То вѣчное, которое Виткевичъ съ геніальною интуиціею выдѣляетъ въ творчествѣ Матейки, это—*идея великаго*. У Матейки, въ силу всепоглощающаго чувства его гражданской скорби, идея эта переливалась въ стихію патріотическаго паѳоса, ставившаго передъ его глазами фигуры королей, сенаторовъ, примасовъ, вождей, попранныхъ враговъ, разрывающихъ себѣ грудь патріотовъ, ясновидцевъ, святыхъ, предателей. Но идея его выразилась во всемъ своемъ объемѣ не въ той или иной литературно-исторической формѣ, а въ проникновенно познанной и выраженной психикѣ героевъ и изверговъ, въ трагическихъ маскахъ людей, олицетворявшихъ коллективныя переживанія организма Польши. Подъ каждой индивидуальной маскою фигуръ Матейки слышенъ сдавленный крикъ его распинаемой души—и въ этомъ его сила и его вѣчность.

Построивъ храмъ той художественной и идеологической правды, носителемъ которой былъ Матейко, Виткевичъ выходитъ на волю. „Еще прежде чѣмъ погасла жизнь Матейки, въ бытіи Польши произошла столь радикальная, столь абсолютная перемѣна, какой она не переживала со временъ, когда Болеславъ Храбрый короновался въ Гнѣзнѣ и со временъ, когда Станиславъ-Августъ слагалъ корону въ Гроднѣ. Историческіе перевороты приходятъ иногда явно и громко, среди чудовищныхъ битвъ, при ревѣ пушекъ и трубъ, съ крикомъ лозунговъ на знаменахъ борющихся полчищъ. Но иногда они приходятъ тихо, какъ тѣнь, какъ зараза, шаговъ которой не слышитъ никто, и присутствіе которой обнаруживается только тогда, когда черныя пятна смерти выступаютъ на лицахъ умирающихъ. Распаденіе польскаго государства сопровождалось большими сотрясеніями внутри его организма, борьбою съ насиліемъ извнѣ. Вниманіе всего міра было сосредоточено на этомъ ужасномъ фактѣ. Польша имѣла слишкомъ большое значеніе въ жизни Европы, чтобы упадокъ ея могъ не вызвать огромнаго эха. Польша скрывала въ себѣ слишкомъ много внутреннихъ силъ, чтобы вторгнувшееся море могло спокойно залить ее и выравняться. Какъ со дна океана прорываются изверженія вулкановъ, такъ польскій кратеръ кипѣлъ подъ давленіемъ наѣздниковъ и извергался время отъ

времени, потрясая все пространство давнишняго польскаго государства. Польша—вся Польша—жила, существовала въ душахъ, которыя безпрестанно срывались, чтобы возстановить развалины, соединить разорванныя части. Раздѣлы были только механическимъ дѣлежомъ; тотъ, кто сказалъ: „Еще Польша не погибла!“—сказалъ абсолютную истину, о которой свидѣтельствовали цѣлыя поколѣнія своею борьбою и мученичествомъ. Идея Польши въ эпоху послѣ раздѣловъ, подъ вліяніемъ заложенныхъ въ ея историческую жизнь высокихъ понятій о призваніи личности и государства, а также подъ вліяніемъ идей Великой Революціи,—становилась все болѣе и болѣе идеею всечеловѣческой любви и изъ провалившагося зданія родины вынесла чудный кладъ: идею братства народовъ, осуществленную нѣкогда въ Городлѣ и въ Люблинѣ. Подъ вліяніемъ этихъ фактовъ образовался тотъ высшій типъ человѣка, который писалъ *по-польски:* Литва, родина моя! [1])—который соединялъ въ себѣ жизнь трехъ народовъ и въ счастіи каждаго изъ нихъ видѣлъ необходимое условіе счастія всѣхъ. Эта польская совѣсть, въ одно и то же время совѣсть литовская и русская—одно изъ самыхъ странныхъ и возвышенныхъ явленій соборной жизни. Она была тѣмъ скрѣпомъ, тѣмъ единствомъ Польши, котораго не могли нарушить границы раздѣловъ и стражи наѣзднических государствъ...“

Съ теченіемъ времени и развитіемъ національнаго самосознанія, призваніе и роль Польши измѣнились. Литва и Русь созрѣли для самобытнаго существованія, и раздѣлъ той Польши, которая вскормила творчество Матейки, пересталъ быть механическимъ.

Виткевичъ достойнѣйшимъ образомъ реабилитируетъ „польскую душу“, заѣденную червемъ „національнаго эгоизма“. Подвергнувъ критическому анализу, съ общечеловѣческой точки зрѣнія, все непреходящее и все отжившее, онъ въ той же главѣ книги о Матейкѣ устанавливаетъ слѣдующій фактъ, уже не историческаго, а мистическаго порядка:

„Недавняя Польша, Польша подъ знаменами Орла, Погони и Архангела, распалась дѣйствительно въ силу внутренней, фатальной необходимости. Городельскій договоръ, Люблинская унія порваны; вся идея, которою доселѣ жили умы, испарилась въ пространствѣ, и ни одинъ Матейко не изобразитъ уже соединенныхъ знаменъ Польши и Литвы, вѣря въ совмѣстную жизнь этихъ народовъ. Все это стало лишь легендою, покину-

[1]) Адамъ Мицкевичъ. Начальныя слова поэмы „Панъ Тадеушъ“.

тымъ на пути исторіи верстовымъ столбомъ,—а столбовъ этихъ, однажды ихъ миновавъ, уже больше на пути не встрѣтишь. Польша фактически возвращается теперь въ свои этнографическія границы, какъ море, собирающее разлившіяся широко волны—къ первоначальнымъ своимъ берегамъ. И какъ море оставляетъ на отмеляхъ слѣды своего похода, такъ и Польша оставляетъ въ земляхъ Литвы и Руси слѣды своей культуры, своей идеи, слѣды, которые Литва и Русь, „когда затихнетъ львиный ревъ мести“, съумѣютъ понять и оцѣнить иначе, чѣмъ сегодня“...

Если Матейко послужилъ Виткевичу импульсомъ для выясненія отношенія современной Польши къ ея традиціи, то Татры, этотъ непочатый источникъ творческаго вдохновенія и жизнерадостности, помогаютъ ему опредѣлить русло жизни новой Польши, новаго, свободнаго и прекраснаго человѣка. Въ этихъ дикихъ горахъ, вершины которыхъ доступны лишь смѣльчакамъ, человѣкъ становится лицомъ къ лицу со смертью, жуткимъ холодомъ дышащею на него изъ гранитныхъ ущелій. Нѣкогда, и не такъ давно, тамъ „кочевали лишь туманы да цари-орлы“; по узкимъ, незамѣтнымъ для глаза тропамъ сновали лишь дикіе горцы-разбойники, бросавшіе перчатку всему міру. Но у подножія Татръ, въ живописныхъ долинахъ, кипѣла жизнь прекраснаго, бодраго народа, создавшаго свою особую культуру, стиль и языкъ, исповѣдывавшаго въ своеобразной и глубоко поэтической формѣ завѣты Жанъ Жака Руссо, выработавшаго поразительно цѣльное и гордое міросозерцаніе. Виткевичъ въ рядѣ очерковъ изъ жизни горцевъ и природы Татръ выражаетъ съ мастерствомъ художника всю ту сущность горнаго и гордаго жизнетворчества, которая должна войти органически въ кровь возрождающагося на новыхъ началахъ польскаго народа.

Душу Польши ожидаетъ біологическій переворотъ, въ ней самой и ею самою начатый.

VII.

Мы приближаемся къ концу этого опыта освѣщенія „души Польши“ путемъ изслѣдованія ирраціональной стороны ея жизни.

„Хватить черезъ край“, „заглянуть въ бездну“ — вотъ типичныя черты русской души, столь геніально и неоднократно отмѣченныя Толстымъ и Достоевскимъ. Не эти ли черты именно рѣшаютъ судьбу Россіи?

А въ Польшѣ?..

„...Не тебя я боюсь, врагъ мой. Не тебя я боюсь, внѣшней силы, прибой янычарскаго, которымъ ты хочешь окутать меня, какъ бы страшными крыльями,—не тебя, которая громоздишь на грудь мою каменныя горы и каркаешь надъ сердцемъ, подобно тучѣ зловѣщихъ вороновъ...—Но тебя я не только боюсь, но и страшусь, о свободная, не вѣдающая предѣла, душа польская!..—Передъ тобою дрожу, ты непокорная и строптивая, сама себя безумiемъ хлещущая, ни себѣ, ни кому-либо невѣдомая".

„На цецорскомъ полѣ, передъ кровавою битвою — думу думаетъ гетманъ Жолкевскiй. Вѣютъ знамена; семь тысячъ конницы ждутъ его знака, чтобы ринуться въ смертный бой на тьму тьмущую басурманъ. Тутъ и принцы крови, и именитые вельможные авантюристы, и рыцари, закалившiе грудь, защищая Рѣчь Посполитую или преслѣдуя честолюбивые замыслы, тутъ и тринадцать сотней лисовскихъ разбойниковъ, прозванныхъ „пропащими" (Straceńcy). Ихъ лица загорѣли въ вихрѣ, бичевавшемъ ихъ на пространствѣ отъ Ледовитаго океана до Каспiя, межъ уральскихъ и альпiйскихъ ледниковъ въ тысячѣ битвъ; они одымились отъ пороха, исхудали въ походахъ черезъ Венгрiю, Чехiю, Германiю, Лотарингiю, Шампанью — до самаго Парижа... Думу думаетъ, глядя, гетманъ:—Я видѣлъ тебя въ кровавыхъ битвахъ. Когда мы рубились саблями съ казаками и съ воеводою Михаиломъ, подъ Ревелемъ съ Каролусомъ, у Торопца съ московскими татарами, у вратъ незыблемаго Полоцка, подъ тыномъ горящихъ Великихъ-Лукъ... и на большой московской путь-дорогѣ, когда мы десять тысячъ человѣкъ шли на край свѣта за сапфировою шапкою Мономаха для польскаго чела королевскаго чада... Но хмурится чело сѣдого героя; страдаетъ и мучится предчувствiемъ благородный рыцарь, глядя на польскую душу. — „Охъ, духъ польской безудержности, вкоренившiйся въ сердце, ты отцовскiй, родной—и чужой, вражiй! Дрожитъ мое сердце передъ вами, о вы—сами для себя паны!.."

Страшна душа Польши въ изображенiи Жеромскаго. Но жажда всевластiя, бѣшеная страсть перебрасываться черезъ бездну, мечта о воплощенiи сверхсвободы, окаменѣвшая въ изступленномъ крикѣ liberum veto и выродившаяся въ сверхнасилiе — вся красота и весь грѣхъ Польши шляхетской переплавились въ огнѣ послѣдняго столѣтiя въ новый металлъ, и уже ближайшему поколѣнiю дано ковать изъ него новый мечъ. И какое бы знамя ни было

поднято „новою Польшею“, душа ея будетъ гнушаться насилія даже „на краю бездны“, градъ ея не будетъ знать палачей, жизнь будетъ осуществленіемъ той просвѣтленной Воли, имя которой—Wyzwolenie.

Тадеушъ Налепинскій.

Августъ, 1909.

ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ
И
СОВРЕМЕННЫЙ СОЦІАЛИЗМЪ

I.

Конецъ XIX-го и начало XX-го в. отмѣчены крупными успѣхами соціализма. Соціалистическія идеи за короткій, сравнительно, промежутокъ времени нашли широкое распространеніе въ народныхъ массахъ и проникли въ самые разнообразные слои современнаго общества. Соціализмъ въ настоящее время—крупная общественная сила, съ которой неизбѣжно приходится считаться представителямъ другихъ политическихъ воззрѣній и сторонникамъ другихъ политическихъ программъ и которой, быть можетъ, предстоитъ сыграть на міровой сценѣ выдающуюся роль.

Главнѣйшимъ и наиболѣе характернымъ показателемъ успѣховъ и степени распространенности соціализма могутъ служить результаты парламентскихъ выборовъ, наглядно демонстрирующіе жизнеспособность соціалистической идеи и ея возрастающее значеніе. Что бы ни говорили о недостаткахъ современной представительной системы, какъ бы ни критиковали современный парламентаризмъ, несомнѣнно, однако, что *самый принципъ* народнаго представительства остается до настоящаго времени непоколебленнымъ и мы до сихъ поръ не знаемъ какихъ-либо иныхъ, болѣе раціональныхъ и вѣрныхъ способовъ выраженія воли націи, кромѣ тѣхъ, которыя созданы демократизмомъ. Благодаря проведенію въ жизнь этихъ демократическихъ началъ соціа-

лизмъ получаетъ возможность своего упроченія и развитія. Условія политической свободы и гражданской равноправности, проведенныя болѣе или менѣе полно и болѣе или менѣе послѣдовательно въ конституціяхъ большинства современныхъ культурныхъ государствъ, не только предоставляютъ ему возможность широкой пропаганды среди самыхъ различныхъ элементовъ населенія, но и обезпечиваютъ за нимъ долю вліянія на всю политическую и соціальную жизнь общества. Вліяніе это, выражающееся, главнымъ образомъ, въ воздѣйствіи на законодательную работу парламентовъ, стоитъ въ тѣсной связи съ возрастаніемъ или уменьшеніемъ числа соціалистическихъ депутатовъ въ представительныхъ учрежденіяхъ. Съ этой точки зрѣнія интересно прослѣдить эволюцію соціалистическихъ парламентскихъ группъ въ главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ.

Цифровыя данныя не оставляютъ въ этомъ отношеніи никакихъ сомнѣній. Число соціалистическихъ представителей въ различныхъ странахъ несомнѣнно растетъ, въ особенности при условіяхъ демократическаго избирательнаго права, пріобщающаго къ политической жизни широкіе слои народа. И если принять при этомъ во вниманіе, что парламентскій соціализмъ, стремящійся систематически использовать государственный механизмъ въ цѣляхъ полнаго или хотя бы частичнаго осуществленія своей программы — явленіе сравнительно недавняго времени, насчитывающее всего лишь какое-нибудь сорокалѣтіе существованія, — то успѣхи его надо признать по истинѣ поразительными. Въ Германіи число соціалъ-демократическихъ избирателей возросло съ 113 тысячъ въ 1871 г. до 3.010 тысячъ въ 1903-мъ, а число депутатовъ—съ 2-хъ до 81-го. Соціалистическіе избиратели составили 31,71% общаго числа гражданъ, принимавшихъ участіе въ выборахъ, а число соціалъ-демократическихъ депутатовъ равнялось болѣе чѣмъ одной пятой части всего парламента. Выборы 1907-го года понизили цифру парламентской группы до 43 человѣкъ, а процентъ отношенія соціалистовъ къ общему числу избирателей—до 29,5%, но эта неудача явилась результатомъ чрезвычайно неблагопріятныхъ для соціалистовъ обстоятельствъ. Число соціалъ-демократическихъ избирателей съ 3.010 тысячъ возросло въ 1907-мъ году до 3.258 тысячъ.

Крупные успѣхи сдѣлалъ соціализмъ также и во Франціи. Съ 1881 по 1906-ой годъ число соціалистическихъ избирателей возросло съ 60 тысячъ до 1.029 тысячъ, а число депутатовъ—съ 2-хъ до 75-ти (55 „объединенныхъ“ и 20 „независимыхъ“), т.-е. превысило 12 процентовъ общаго числа депутатовъ. Предстоящіе вы-

боры 1910-го года цифру эту, судя по всѣмъ признакамъ, ощутительно повысятъ.

Въ Англіи до самаго послѣдняго времени соціализмъ имѣлъ мало приверженцевъ даже въ средѣ рабочаго класса, твердо установившагося, послѣ неудачъ чартистскаго движенія, на почвѣ профессіонализма и экономической борьбы. Въ началѣ текущаго столѣтія въ средѣ англійскихъ рабочихъ возникло теченіе, отстаивающее самостоятельную позицію рабочаго класса въ политической жизни и явно тяготѣющее въ сторону соціализма. На 38-мъ конгрессѣ трэдъ-юніонистовъ, происходившемъ въ 1905-мъ году, эти новыя тенденціи въ устахъ предсѣдателя конгресса получили слѣдующую формулировку: „Единственной гарантіей успѣха для насъ является независимая рабочая партія. Къ этому сознанію приходятъ трэдъ-юніоны. Кое-гдѣ, правда, можно еще встрѣтить трэдъ-юніонистовъ, доказывающихъ, что намъ нужно отстаивать только наше матеріальное благополучіе, и притомъ старыми способами; но они уподобляются той бабѣ изъ народной баллады, которая хотѣла остановить морской приливъ метлой. Рабочая партія должна выступать въ парламентѣ какъ самостоятельное цѣлое“.. Положенія эти въ весьма скоромъ времени были приведены въ исполненіе, и теперешняя палата общинъ насчитываетъ 33 члена рабочей партіи, изъ которыхъ 22 являются соціалистами.

Интересно отмѣтить ростъ соціализма въ Австріи, въ его зависимости отъ недавняго измѣненія избирательнаго закона. Выборы 1901-го года, при условіяхъ такъ называемой куріальной системы, дали всего 10 депутатовъ соціалистовъ (т.-е. меньше 3% всего состава парламента), а въ 1907-мъ году, послѣ введенія всеобщаго избирательнаго права, число ихъ сразу поднялось до 87, что̀ составило больше чѣмъ 17% всего рейхсрата. Наконецъ, въ Россіи, при дѣйствіи нашего перваго избирательнаго закона, не смотря на всѣ его несовершенства, не смотря на все давленіе администраціи и обиліе сенатскихъ разъясненій, значительно съузившихъ число избирателей,—вторая Дума насчитывала въ своихъ рядахъ весьма значительное число соціалистовъ.

II.

Таковы успѣхи современнаго соціализма въ его парламентскомъ выраженіи. Въ чемъ заключаются причины этихъ успѣховъ? Каковы тѣ общественные слои, которые обезпечиваютъ со-

ціализму столь серьезное и столь отвѣтственное положеніе въ современномъ обществѣ?

До самаго послѣдняго времени предполагалось обычно, что единственнымъ способнымъ къ воспріятію соціализма элементомъ является классъ наемныхъ рабочихъ—пролетаріатъ. Предполагалось, что самое экономическое положеніе этого класса, какъ лишеннаго собственности, настраивало его враждебно по отношенію къ существующему общественному строю и направляло всѣ его симпатіи въ сторону обобществленнаго производства, а всѣ другіе классы общества, въ качествѣ собственниковъ и самостоятельныхъ хозяевъ, должны поддерживать существующія частно-хозяйственныя отношенія и враждебно относиться къ соціалистамъ. Однако парламентская практика современныхъ европейскихъ государствъ не согласуется съ этими воззрѣніями. Значительная часть крестьянъ, городскихъ мелкихъ собственниковъ, представителей либеральныхъ профессій, голосуетъ съ рабочимъ пролетаріатомъ и отдаетъ свои голоса соціалистамъ. Такъ напримѣръ, въ германской соціалъ-демократической партіи на выборахъ 1903 года число избирательныхъ голосовъ, поданныхъ лицами, принадлежащими къ „буржуазнымъ“ (не-пролетарскимъ) классамъ, равнялось 700—800 тысячамъ и составляло около 25% всѣхъ соціалъ-демократическихъ избирателей. Въ Финляндіи, въ 1907-мъ году, за соціалистовъ было подано болѣе трехсотъ пятидесяти тысячъ голосовъ, между тѣмъ какъ число наемныхъ рабочихъ въ этой странѣ не превышаетъ ста тысячъ. Повышаются симпатіи къ соціалистамъ и среди крестьянскаго населенія Франціи, какъ видно изъ доклада Комперъ-Мореля, докладчика аграрной коммиссіи на послѣднемъ (сентъ-этьенскомъ) конгрессѣ французской „объединенной“ партіи.

Какую же роль играютъ эти не-пролетарскіе элементы и какое положеніе они занимаютъ по отношенію къ самой соціалистической доктринѣ? Соціалисты правовѣрно-марксистскаго толка весь этотъ контингентъ избирателей разсматриваютъ какъ элементъ случайный, лишь временно примыкающій къ соціалистамъ и въ высокой степени ненадежный. Германскіе соціалъ-демократы изобрѣли даже особый терминъ, характеризующій это явленіе: не-пролетарскій элементъ соціалистическихъ партій былъ окрещенъ словечкомъ „спутники“ („Mitläufer“). Этотъ терминъ не просто отмѣчаетъ явленіе: онъ его объясняетъ. „Спутники“, согласно распространеннымъ теперь представленіямъ, поддерживаютъ соціалистовъ лишь потому, что раздѣляютъ демократическую часть современной соціалистической программы и, будучи

увѣрены въ безсиліи соціализма теперь же осуществить свои идеалы цѣликомъ, имѣютъ въ виду лишь общекультурныя цѣли соціалистическихъ партій и потому отдаютъ имъ свои голоса. Эта поддержка должна исчезнуть, какъ только соціализмъ перейдетъ къ осуществленію своихъ главныхъ задачъ, подрывающихъ основы современнаго общества. Несостоятельность такихъ разсужденій обнаружить нетрудно. Если предположить, что рѣшительно всѣ, и даже голосующіе за соціалистовъ слои мелкихъ собственниковъ непремѣнно, въ силу своего экономическаго положенія, являются фанатическими поборниками частно-хозяйственнаго строя, то слишкомъ страннымъ представляется тяготѣніе ихъ къ не менѣе фанатическимъ его противникамъ. Современный соціализмъ, въ громадномъ большинствѣ своихъ представителей, не думаетъ, правда, о воплощеніи въ жизнь своихъ идеаловъ цѣликомъ въ ближайшее время; но онъ не скрываетъ своихъ враждебныхъ намѣреній по отношенію къ капиталистическому строю. Скорѣе, наоборотъ, онъ всячески ихъ подчеркиваетъ. Точно также и въ перечнѣ своихъ ближайшихъ требованій соціализмъ хотя и не задается немедленной и полной экспропріаціей собственниковъ, но наноситъ весьма существенный ущербъ ихъ интересамъ своими требованіями въ области такъ называемаго соціальнаго законодательства, частично уже и теперь подрывающими индивидуалистическій базисъ современныхъ экономическихъ отношеній. Сюда относятся, напримѣръ, проектируемыя соціалистами мѣры, направленныя къ поднятію уровня жизни рабочаго класса за счетъ капиталистической прибыли, законодательная регламентація отношеній между рабочими и работодателями, введеніе прогрессивнаго налога на доходы и на наслѣдства, муниципализація и даже огосударствленіе извѣстныхъ предпріятій. Наконецъ, извѣстная часть соціалистовъ мечтаетъ о немедленномъ разрушеніи современнаго строя и немедленной перестройкѣ экономическихъ отношеній въ духѣ соціализма. Все это исключаетъ возможность того упрощеннаго объясненія, которое въ тяготѣніи извѣстной части мелкихъ собственниковъ къ соціализму усматриваетъ лишь временный и непрочный союзъ, случайное совпаденіе цѣлей второстепеннаго свойства.

Конечно, соціалистическія партіи имѣютъ своихъ спутниковъ; но вѣдь помимо сторонниковъ, болѣе или менѣе постоянныхъ въ своихъ политическихъ симпатіяхъ, всякая партія захватываетъ въ свои ряды и менѣе устойчивые элементы — сочувствующихъ, но колеблющихся. Нѣтъ основанія думать, что въ

составѣ соціалистическихъ партій этотъ элементъ непремѣнно долженъ быть мелко-буржуазный. Почему не можетъ быть въ немъ и рабочихъ? Вѣдь не смотря на дѣйствительно широкое распространеніе соціализма въ рабочемъ классѣ, далеко не всѣ его слои вполнѣ проникнуты соціалистическимъ міровоззрѣніемъ; значительная его часть остается еще внѣ сферы вліянія соціализма и находится даже во власти чисто реакціонныхъ теченій (напр. французскіе желтые синдикаты) или уклоняется отъ обще-политической борьбы и стремится замкнуться въ тѣсные предѣлы групповыхъ и профессіональныхъ интересовъ (напр. въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Англіи). Временами извѣстная часть этихъ слоевъ переходитъ въ лагерь соціалистовъ и отдаетъ имъ на выборахъ свои голоса; но, несомнѣнно, она представляетъ собою столь же непрочный и ненадежный элементъ, какъ и примыкающіе къ соціализму мелкіе собственники. Наконецъ, если даже предположить, что классовый составъ „спутниковъ“ въ соціалистическихъ партіяхъ исключительно „буржуазный“, то уже самыя цифры этой „колеблющейся мелкой буржуазіи“ и постоянство ея колебаній лишь въ одну сторону — сторону соціализма—позволяютъ перечислить извѣстную ея часть въ разрядъ постоянныхъ послѣдователей соціализма.

III.

Если дѣйствительно въ переживаемую нами эпоху замѣчается не временный, а окончательный переходъ нѣкоторой части мелкихъ собственниковъ на сторону соціализма, то какъ согласить ихъ интересы съ его идеалами? Какой интересъ можетъ представить для самостоятельнаго хозяина и собственника будущее соціалистическое общество, гдѣ ему придется занять положеніе рабочаго?

Прошли тѣ времена, когда соціалистамъ приписывалось стремленіе экспропріировать всѣхъ собственниковъ безъ исключенія, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ. Тѣ недомолвки и неясности, которыя подавали поводъ къ такимъ заключеніямъ, теперь устранены. И только недобросовѣстные демагоги или люди плохо знакомые съ дѣйствительнымъ содержаніемъ соціалистическаго ученія могутъ еще говорить о соціалистическихъ покушеніяхъ на клочекъ земли крестьянина или на убогую мастерскую ремесленника. Соціализмъ не задается подобными цѣлями. Раньше онъ говорилъ, правда, что еще до генеральнаго переустройства обще-

ства мелкая собственность, мелкое хозяйство погибнетъ, задавленное крупнымъ, и что поэтому передъ соціалистами, когда они станутъ господами положенія, не возникнетъ даже никакого вопроса объ уничтоженіи или сохраненіи мелкой собственности, по той простой причинѣ, что она уже не будетъ существовать. Теперь, когда обнаружилось, что мелкая собственность, по крайней мѣрѣ крестьянская, намѣрена, повидимому, еще очень долго отстаивать свою позицію, вопросъ этотъ пришлось поставить, и отвѣты, данные на него представителями современнаго соціализма, являются весьма утѣшительными для крестьянства. Судя по этимъ отвѣтамъ, соціализмъ, въ моментъ своей побѣды надъ капитализмомъ, не предприметъ никакихъ аггрессивныхъ шаговъ въ смыслѣ уничтоженія мелкихъ хозяйствъ; онъ предпочтетъ, чтобы переходъ отъ мелкаго хозяйствованія къ коллективистскимъ формамъ совершился помимо воздѣйствія государственной власти, возможно болѣе безболѣзненно, въ видѣ естественнаго процесса ассимиляціи, подъ дѣйствіемъ неизбѣжной „силы вещей“. Соціализмъ идетъ въ данномъ случаѣ на компромиссъ: онъ готовъ неопредѣленно долгое время терпѣть извѣстныя формы частной собственности и хозяйственнаго индивидуализма, лишь бы не подать крестьянству повода повѣрить выдумкамъ о предстоящемъ ограбленіи ихъ соціалистами. Такого рода идеи проводятся теперь всѣми выдающимися вождями соціализма, начиная съ Бернштейна, Давида, Жореса и Вандервельда и кончая Гэдомъ и Каутскимъ. Онѣ пропагандируются массою соціалистическихъ газетъ и брошюръ, распространяются путемъ устной пропаганды, доходятъ до крестьянина и до ремесленника и производятъ свое дѣйствіе. Нерасположеніе и даже враждебное отношеніе къ соціалистамъ уступаетъ мѣсто терпимости къ проводимымъ ими взглядамъ, а временами переходитъ даже въ прямое сочувствіе имъ. Мелкіе собственники, мелкіе самостоятельные хозяева вовсе не являются такой прочной и надежной опорой современной хозяйственной системы, какъ принято думать. Для этого ихъ экономическое положеніе слишкомъ неудовлетворительно; уровень ихъ жизни зачастую опускается ниже уровня жизни городского рабочаго. Главнѣйшимъ и во всякомъ случаѣ наиболѣе чувствительнымъ зломъ въ настоящее время является не столько относительная бѣдность и низкій уровень жизни значительныхъ слоевъ населенія, сколько полная необезпеченность ихъ существованія, полная неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Господствующій при настоящихъ экономическихъ условіяхъ принципъ конкурренціи, обусловливающій борьбу и междуклассовую, и внутриклассовую, всегда оста-

зляетъ за бортомъ извѣстный контингентъ пасынковъ капиталистическаго общества. Въ рядахъ этой многочисленной арміи выбитыхъ изъ колеи людей оказываются далеко не одни лишь пролетаріи въ точномъ значеніи этого слова, но и мелкіе собственники, въ особенности крестьяне, какъ скоро ихъ и безъ того слабое экономическое положеніе поколеблется въ силу какихъ-либо общихъ или случайныхъ причинъ и повлечетъ за собою ихъ перемѣщеніе на самые низы соціальной лѣстницы. Въ этомъ отношеніи положеніе мелкаго собственника, можетъ быть, даже хуже положенія наемнаго рабочаго. Правда, рабочій рискуетъ каждую минуту быть разсчитаннымъ вслѣдствіе самыхъ различныхъ причинъ, начиная съ кризиса въ той отрасли производства, въ которой онъ занятъ, и кончая произволомъ хозяина или управляющаго. Но, во-первыхъ, благодаря своимъ профессіональнымъ знаніямъ, онъ можетъ искать заработка на другомъ заводѣ, въ другомъ городѣ, наконецъ — въ другомъ государствѣ; во-вторыхъ, благодаря союзамъ, кассамъ и другимъ широко теперь распространеннымъ средствамъ профессіональной борьбы, онъ до извѣстной степени застрахованъ отъ произвола капиталиста. Совершенно иначе обстоитъ дѣло у мелкаго собственника, положимъ — у крестьянина. У него нѣтъ опредѣленной нормы еженедѣльнаго или ежемѣсячнаго дохода: онъ зарабатываетъ иногда значительно больше пролетарія, но можетъ также терпѣть одни лишь убытки. Преобладающее значеніе крупнаго производства, побивающаго, въ условіяхъ экономическаго соперничества, болѣе мелкія предпріятія, заставляетъ мелкаго собственника даже въ лучшіе годы ограничивать кругъ своихъ потребностей до возможнаго минимума. И за всѣмъ тѣмъ онъ ежели нужно можетъ ожидать полнаго разоренія. Потеря собственности для него гораздо серьезнѣе и тяжелѣе, чѣмъ потеря мѣста на заводѣ или на фабрикѣ для рабочаго. Онъ не можетъ съ такою же легкостью перемѣнить мѣсто и родъ своей дѣятельности: онъ окончательно теряетъ свое положеніе и переходитъ изъ рядовъ самостоятельныхъ хозяевъ-собственниковъ на положеніе пролетарія, безработнаго. Неприспособленный къ условіямъ пролетарскаго существованія, лишенный надлежащей практической и профессіональной подготовки, чуждый политическимъ и профессіональнымъ организаціямъ рабочаго класса, онъ обреченъ на отчаянную борьбу за право жить, безъ надежды осуществить это право. Все это создаетъ въ рядахъ мелкихъ собственниковъ недовольство современными экономическими условіями и заставляетъ ихъ же-

лать новаго порядка вещей, который не угрожалъ бы имъ ежечасно полнымъ обнищаніемъ и разореніемъ.

Является ли, однако, это недовольство достаточной побудительной причиной для перехода въ соціалистическій лагерь и можетъ ли оно одно создать опредѣленныя симпатіи указанныхъ слоевъ именно къ соціалистическому идеалу? Отвѣтъ приходится дать, разумѣется, отрицательный; голый фактъ недовольства настоящимъ положеніемъ не предполагаетъ еще опредѣленнаго тяготѣнія къ какой-либо новой системѣ. Въ исторіи мы найдемъ немало примѣровъ, показывающихъ, что недовольство массъ можетъ выливаться въ самыя различныя формы и служить опорою для самыхъ различныхъ политическихъ и соціальныхъ стремленій, начиная отъ наиболѣе реакціонныхъ и кончая революціонно-утопическими. Однако въ настоящее время соціализмъ представляетъ для широкихъ массъ значительную привлекательность и самымъ содержаніемъ своего ученія, характеромъ своихъ задачъ, широкими перспективами, которыя онъ выдвигаетъ. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, соціализмъ, какъ онъ опредѣляется его теоретиками? Это не просто „обобществленіе средствъ производства“, не простая замѣна индивидуалистическихъ принциповъ коллективистскими въ народномъ хозяйствѣ, какъ это значится въ оффиціальныхъ программахъ соціалистическихъ партій. Въ столь простой и прозаической формулировкѣ соціализмъ могъ бы свестись къ опредѣленной программѣ широкихъ соціальныхъ реформъ, имѣющихъ задачею упорядоченіе и постепенное преобразованіе современной экономической организаціи. При такихъ скромныхъ задачахъ онъ могъ бы потерять значительную часть своей привлекательности для обездоленныхъ массъ. Соціализмъ — въ изложеніи его представителей — всегда нѣчто значительно большее; соціализмъ — преображеніе общества, совершенно иная система общежитія, совершенно иной строй жизни во всемъ ея цѣломъ, предполагающій полное и всестороннее ея усовершенствованіе. Соціалистическая организація общества — говорятъ намъ оффиціальные проповѣдники соціализма — не только создастъ новыя хозяйственныя отношенія, устранитъ неравенство и эксплуатацію въ экономической сферѣ; она уничтожитъ вообще всѣ тѣ бѣдствія, отъ которыхъ страждетъ теперь человѣчество, и дастъ людямъ высшую сумму счастья. Исчезнутъ болѣзни, потому что исчезнутъ соціальныя условія, ихъ порождавшія; исчезнутъ преступленія, ибо будетъ уничтоженъ источникъ ихъ — частная собственность; исчезнетъ, поэтому, и наказаніе; исчезнетъ, наконецъ, всяческое принужденіе надъ

свободной волей человѣка. Недовольныхъ не будетъ; трудъ потеряетъ свой обременительный характеръ и сдѣлается источникомъ наслажденія; общественное чувство и альтруизмъ разовьются въ такой степени, что люди будутъ соперничать между собою на этомъ поприщѣ. Будетъ уничтожена всякая почва для конфликтовъ какъ между отдѣльными личностями, такъ и между личностью и обществомъ. Человѣческая природа, подъ вліяніемъ новыхъ экономическихъ условій, совершенно преобразуется; въ жизни воцарится гармонія. Въ такихъ радужныхъ краскахъ изображается обычно будущее соціалистическое общество. Эти картины, въ особенности по сравненію съ существующимъ положеніемъ вещей, представляются заманчивыми, привлекательными не только для наемныхъ рабочихъ—чистыхъ пролетаріевъ, но и для огромной массы рабочихъ-собственниковъ, слишкомъ мало выигрывающихъ отъ своего хозяйскаго „привилегированнаго“ положенія и приносящихъ для его поддержанія достаточно обильныя, хотя часто и напрасныя жертвы. Слѣдуетъ еще добавить, что изображеніе будущаго общества въ качествѣ земного рая придаетъ соціализму какъ бы нѣкоторый религіозный оттѣнокъ, и это имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что старыя вѣрованія перестаютъ удовлетворять широкія народныя массы. На смѣну имъ и на встрѣчу постоянной потребности въ утѣшеніи, въ надеждѣ на лучшее будущее и выступаетъ соціализмъ, съ его всеобщимъ блаженствомъ—новымъ изданіемъ царства небеснаго на землѣ.

Таковы мотивы тяготѣнія извѣстной и довольно значительной части мелкихъ собственниковъ къ соціализму, таковы причины ихъ симпатій къ соціалистическимъ программамъ. Разумѣется, эти симпатіи, относясь къ болѣе или менѣе отдаленному будущему, предполагаютъ извѣстное отвлеченіе отъ интересовъ минуты и возвышеніе надъ эгоистическими, узко-классовыми побужденіями. Но вѣдь то же самое мы видимъ въ рабочемъ классѣ, гдѣ основное соціалистическое требованіе — обобществленіе средствъ производства — имѣетъ, при настоящихъ условіяхъ, исключительно идеологическое значеніе. Рабочіе-соціалисты прекрасно знаютъ, что не они пожнутъ плоды своего посѣва, что для себя лично они добудутъ (если только добудутъ) очень мало по сравненію съ грандіозными перспективами будущаго и съ тѣми усиліями, которыя они для этого затрачиваютъ; но это не удерживаетъ ихъ отъ дальнѣйшей работы, не удерживаетъ даже отъ жертвъ, если того требуютъ обстоятельства. Элементъ сознательности и извѣстный мистицизмъ побужденій идеологическаго

характера, исключающій узко-классовую, эгоистическую точку зрѣнія—вотъ необходимыя условія для постояннаго контингента соціалистической арміи. Сторонники соціализма изъ среды мелкой буржуазіи примыкаютъ къ нему на тѣхъ же, въ общемъ, основаніяхъ, какъ и представители наемнаго труда.

IV.

Итакъ, три основныя тенденціи намѣчаются въ развитіи соціализма и влекутъ за собою весьма важныя для него послѣдствія. Во-первыхъ — широкое распространеніе соціализма въ массахъ и, въ частности, его парламентскіе успѣхи; во-вторыхъ—проникновеніе соціалистическихъ идей въ среду мелкихъ собственниковъ; въ-третьихъ — прочность и постоянство симпатій извѣстной части мелкихъ собственниковъ къ соціализму. Признать наличность этихъ тенденцій въ современномъ соціалистическомъ движеніи, значитъ признать все большее и большее упроченіе его въ современномъ государствѣ, его возрастающіе вѣсъ и значеніе въ дѣлѣ законодательства и управленія. Возрастающіе успѣхи соціалистическаго движенія заставляютъ даже предполагать, что въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, государствахъ все расширяющійся классовый базисъ соціализма и его парламентскіе успѣхи въ весьма недалекомъ, сравнительно, будущемъ поставятъ передъ соціалистами вопросъ о руководительствѣ въ государственныхъ дѣлахъ или даже передадутъ въ ихъ руки политическую власть. Готовы ли къ столь отвѣтственной роли современныя соціалистическія партіи или, по крайней мѣрѣ, готовятся ли онѣ къ ней?

Отвѣтъ на эти вопросы пока приходится дать отрицательный. Соціализмъ до сихъ поръ видѣлъ весь или, по крайней мѣрѣ, главнѣйшій смыслъ своей политической и, въ частности, парламентской дѣятельности исключительно въ распространеніи своихъ идей и въ рѣзкой критикѣ современныхъ экономическихъ условій. Онъ пользовался парламентской трибуной, какъ средствомъ для самой широкой пропаганды. Теорія „всеобщаго краха“ и самопроизвольнаго крушенія капиталистическаго общества, въ связи съ представленіемъ о рѣзкомъ и внезапномъ переходѣ изъ однихъ экономическихъ условій въ другія, совершенно имъ противоположныя — теорія эта (еще и донынѣ оффиціально господствующая въ соціализмѣ) возлагала всѣ надежды на стихійныя экономическія силы и оставляла

слишкомъ мало мѣста для творческой дѣятельности организованныхъ идейныхъ единицъ. Соціалисты, согласно этимъ воззрѣніямъ, должны были лишь „облегчить муки родовъ" новаго общества и, въ качествѣ передовыхъ и сознательныхъ элементовъ новой зарождающейся и побѣдоносной общественной силы—пролетаріата, пропитать сознаніемъ весь этотъ классъ, сплотить его въ политическую партію, долженствующую въ моментъ краха захватить общественную власть. Пропаганда и организація въ цѣляхъ дальнѣйшей пропаганды—такова была основная тенденція господствовавшихъ въ соціализмѣ теченій. Участіе въ законодательной дѣятельности, если оно и признавалось допустимымъ, занимало, по крайней мѣрѣ въ теоріи, второстепенное мѣсто и обычно касалось болѣе или менѣе узкой сферы рабочаго законодательства. Предполагалось, во всякомъ случаѣ, что даже самые благопріятные для рабочихъ законы при условіяхъ капиталистическаго режима—не больше какъ палліативы, неспособные уничтожить *основную причину* подчиненнаго положенія рабочаго класса: частно-владѣльческій характеръ современнаго общества.

Такая позиція въ политической области, сводившая почти всю дѣятельность соціализма на пропаганду и агитацію, была понята въ томъ фазисѣ его существованія, когда онъ только начиналъ свою дѣятельность въ массахъ, когда его представители фигурировали въ законодательныхъ учрежденіяхъ лишь какъ случайныя единицы и когда самая идея соціализма имѣла весьма ограниченное распространеніе. Для настоящаго времени, при наличности тѣхъ силъ и возможностей, которыми располагаетъ соціализмъ, одна лишь проповѣдническая дѣятельность его приверженцевъ не является уже достаточной. Пропаганда идей — это лишь первая стадія въ процессѣ развитія каждаго политическаго міросозерцанія. Зародившись въ головахъ отдѣльныхъ лицъ, не выходя, въ процессѣ своего формулированія, изъ тѣсныхъ предѣловъ опредѣленнаго и численно ограниченнаго кружка, данное міросозерцаніе неизбѣжно имѣетъ сначала замкнутый, сектантскій характеръ, захватываетъ собою лишь немногихъ избранныхъ. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ и укрѣпленіемъ своихъ идейныхъ основъ оно стремится распространить свое вліяніе возможно шире и завоевать себѣ въ жизни господствующее положеніе. Въ этомъ своемъ стремленіи оно наталкивается на упорное сопротивленіе старыхъ, освященныхъ традиціями воззрѣній и неизбѣжно вступаетъ съ ними въ борьбу, принимающую самыя различныя, часто жестокія формы. Эта борьба выражается прежде всего въ стремленіи къ господству надъ

умами, къ завоеванію духовной власти и моральнаго авторитета. Возрастающее число сторонниковъ и послѣдователей данной системы неизбѣжно ставитъ, въ извѣстный историческій моментъ, задачи господства уже *матеріальнаго*, предполагающаго обладаніе тѣми или иными формами организованной общественной власти.

Въ періодъ господства такъ называемаго утопическаго соціализма конца XVIII-го и начала XIX-го в. вопросъ о завоеваніи политической власти занималъ второстепенное мѣсто. Теоретики того времени сосредоточили свое вниманіе главнымъ образомъ на экономической части проблемы и старались дать возможно болѣе полную картину будущаго общества. О средствахъ осуществленія своихъ плановъ они думали гораздо меньше. Предполагалось, что достаточно одной пропаганды заманчивой идеи, достаточно одного моральнаго воздѣйствія на человѣчество, чтобы воспламенить его желаніемъ немедленной и коренной перестройки всѣхъ общественныхъ отношеній. Утописты мечтали о захватѣ государственной власти; согласно господствовавшимъ въ ту эпоху воззрѣніямъ на человѣческую природу, какъ на нѣчто устойчивое и опредѣленное, они полагали, что соціализмъ соотвѣтствуетъ ей и можетъ быть проведенъ исключительно путемъ убѣжденія.

Однако уже въ ту эпоху зародилось и отдѣлилось теченіе, разсматривавшее вопросъ подъ совершенно инымъ угломъ зрѣнія. Противополагая интересамъ народа интересы его правящихъ классовъ и отрицая возможность совмѣстнаго дѣйствія столь различныхъ по своему экономическому положенію общественныхъ группъ, оно выставляло необходимость насильственнаго завладѣнія государственнымъ механизмомъ и революціоннаго завоеванія власти. Не располагая достаточно большимъ числомъ приверженцевъ въ рядахъ народныхъ массъ и не будучи въ состояніи мобилизировать сразу достаточно солидную армію, этотъ боевой, такъ сказать, соціализмъ долженъ былъ примѣнять въ завоеваніи власти конспиративные методы и разсматривать свое дѣло, какъ дѣло *активнаго организованнаго меньшинства*, на обязанности котораго лежитъ иниціатива революціоннаго дѣйствія. Тѣсно сплоченная и сравнительно немногочисленная организація сознательныхъ революціонеровъ должна была, согласно этимъ теоріямъ, рядомъ искусныхъ и хорошо разсчитанныхъ боевыхъ актовъ въ надлежащій моментъ захватить врасплохъ правительство данной страны, создать смятеніе въ его рядахъ и, пользуясь его замѣшательствомъ, овладѣть государственнымъ боевымъ механизмомъ. Такого рода революціонная и

вмѣстѣ съ тѣмъ заговорщицкая тактика связывается обычно съ именами Бланки и Барбеса и по имени перваго именуется бланкистской. Но она несомнѣнно болѣе ранняго происхожденія; ея элементы мы находимъ и въ исторіи еретическаго коммунизма, и, въ особенности, въ извѣстномъ „заговорѣ равныхъ“ Бабёфа, въ эпоху первой революціи. Тѣми же тенденціями проникнуты во Франціи ліонское возстаніе 1831-го года, выступленія соціалистовъ въ 1848-мъ году и парижская коммуна 1871-го года.

„Научный“ соціализмъ Маркса и Энгельса довольно рѣшительно порываетъ съ бланкистскими традиціями, по крайней мѣрѣ въ теоріи. Доктрина „иниціативнаго меньшинства“ уступаетъ мѣсто теоріи классовой борьбы, и въ качествѣ главнаго агента переворотовъ выдвигается уже не партія, а болѣе многочисленныя общественныя группы, опредѣляемыя по экономическому признаку—рабочій классъ, пролетаріатъ. Въ зависимости отъ этого измѣняется и самый характеръ политической дѣятельности: она становится строго выдержанною и послѣдовательною, покоясь на принципѣ накопленія силъ широкихъ рабочихъ массъ и на увѣренности въ неизбѣжно побѣдоносномъ исходѣ. Однако отказъ отъ бланкистскихъ методовъ дѣйствія не вызвалъ въ научномъ соціализмѣ упраздненія самой теоріи завоеванія политической власти. Наоборотъ, она рѣзко подчеркнута у Маркса и у его учениковъ. Марксизмъ, открещиваясь отъ бланкизма, не одобрилъ ни оптимистическихъ чаяній утопистовъ-реформаторовъ, ни разрушительныхъ и аполитическихъ тенденцій зарождавшагося тогда воинствующаго анархизма. Онъ въ достаточной степени оцѣнилъ боевую силу современнаго государства и его организующее значеніе, но, согласно главнѣйшему своему положенію—противоположности классовыхъ интересовъ,—опредѣлилъ государство какъ орудіе классоваго господства и классоваго угнетенія. Исходя изъ этой точки зрѣнія, марксизмъ призналъ необходимымъ завоеваніе государственной власти пролетаріатомъ, при чемъ предопредѣлилъ революціонный характеръ этого будущаго историческаго эпизода, долженствующаго ознаменовать собою цѣлую эпоху соціальной революціи, со всѣми необходимыми революціонными аксессуарами—вплоть до диктатуры.

V.

Старый революціонный марксизмъ подвергся за послѣдніе годы значительнымъ измѣненіямъ. Прежде всего взята была подъ сомнѣніе самая теорія общественнаго и, въ частности, экономи-

ческаго развитія, видѣвшая въ катастрофахъ и скачкахъ главнѣйшую предпосылку соціальной революціи. Затѣмъ обнаружилась несостоятельность построеній, предполагавшихъ рѣзкое разслоеніе общества на два класса и гибель мелкаго производства и мелкаго капитала. Живучесть мелкаго крестьянскаго хозяйства и широкая демократизація финансовыхъ операцій, позволяющая даже рабочимъ использовать въ качествѣ капитала свои сбереженія, самымъ убѣдительнымъ образомъ опровергли прежнія схемы. Въ противоположность имъ, выяснилось, что, насколько позволительно дѣлать какія-либо заключенія относительно будущаго на основаніи намѣтившихся уже экономическихъ тенденцій, заключенія эти являются какъ разъ противоположными стародому марксистскому революціонному міровоззрѣнію. Общественное развитіе идетъ, правда, ускореннымъ темпомъ (значительно болѣе медленнымъ, однако, чѣмъ предполагали Марксъ и Энгельсъ); капитализмъ проникаетъ въ самые отдаленные и глухіе уголки земного шара, захватываетъ самыя различныя отрасли экономической жизни. Но эти его завоеванія не имѣютъ того разрушительнаго значенія для класса мелкихъ собственниковъ и мелкихъ капиталистовъ, какое считали неизбѣжнымъ отцы научнаго соціализма. Не смотря на всю разрушительную силу конкурренціи, не смотря на побѣдоносное распространеніе крупныхъ предпріятій, „мелкій буржуа“ еще и до сихъ поръ является опорой современнаго строя, элементомъ примиряющимъ въ себѣ противоположности крупнаго капитала и наемнаго труда. Наконецъ, противоположность эта проявляется теперь зачастую далеко не въ тѣхъ рѣзкихъ формахъ, какими характеризовалась эпоха „первоначальнаго накопленія“. Съ одной стороны повышающійся матеріальный уровень жизни рабочаго класса и возрастающее значеніе законно существующихъ и обязанныхъ законно дѣйствовать профессіональныхъ его организацій, въ связи съ распространяющейся акціонерной, въ значительной степени „безличной“ формой предпріятій, заставляютъ рабочихъ дѣйствовать болѣе осмотрительно, болѣе слушаться голоса разсудка, чѣмъ поддаваться скоро-преходящимъ эмоціямъ; съ другой стороны предприниматели, капиталисты также принуждены теперь считаться какъ съ этими организаціями, такъ и съ возрастающимъ общественнымъ характеромъ производства, исключающимъ старую точку зрѣнія, по которой улаженіе недоразумѣній съ рабочими являлось исключительно хозяйскимъ дѣломъ. Не лишены значенія и различныя формы взаимопомощи, практикуемой теперь въ самыхъ широкихъ размѣрахъ среди рабочихъ, начиная съ

кооперативовъ и организацій мелкаго кредита и кончая различными формами страхованія.

Не оставляя доктрины завоеванія политической власти и отрицая въ теоріи всякую возможность сотрудничества съ другими несоціалистическими партіями на почвѣ существующихъ государственныхъ учрежденій, соціалисты на практикѣ принуждены избрать именно этотъ путь. Вступивъ въ законодательныя учрежденія современнаго государства сначала исключительно въ цѣляхъ пропаганды, они перешли мало-по-малу къ практическому обсужденію и подготовкѣ законопроектовъ, равно какъ и къ ихъ проведенію въ тѣхъ случаяхъ, когда законопроекты эти оказывались полезными для рабочаго класса. Ограничиваясь сначала узкими предѣлами рабочаго законодательства, они увидѣли, что эта область тысячами различныхъ нитей связана со всѣми другими сторонами общественной жизни, и что, разъ признавъ законнымъ и правильнымъ принципъ реформаторской государственной работы въ предѣлахъ современнаго общества, они должны распространить его на всѣ сферы государственнаго творчества. Больше всего это чувствовалось въ вопросахъ, касавшихся не отдѣльныхъ слоевъ населенія, а всего государственнаго цѣлаго. Исключительная классовая точка зрѣнія не совмѣщалась здѣсь съ характеромъ реформаторской дѣятельности. Такъ, въ вопросахъ государственной обороны и національной независимости мы видимъ теперь значительныя уклоненія, если не прямой отказъ отъ старыхъ положеній Коммунистическаго Манифеста, въ силу которыхъ „пролетаріи не имѣютъ отечества“. На штутгартскомъ международномъ соціалистическомъ конгрессѣ восторжествовали далеко не анти-патріотическія тенденціи въ духѣ Эрве; признано было скорѣе, что пролетаріатъ болѣе всякаго другого класса долженъ дорожить національной независимостью своей родины. Не менѣе остро всталъ передъ соціалистами на томъ же конгрессѣ и колоніальный вопросъ. Хотя большинствомъ коммиссіи, занимавшейся выработкою резолюціи по этому вопросу, сохранена была старая формула, безусловно порицающая колоніальныя предпріятія современнаго государства, но значительное меньшинство (составившееся изъ представителей наиболѣе крупныхъ и наиболѣе культурныхъ государствъ) стало на широкую точку зрѣнія и признало допустимымъ вмѣшательство передовыхъ государствъ въ жизнь и отношенія дикихъ народовъ, если вмѣшательство это имѣетъ цѣлью не грабежъ и расхищеніе, а привитіе болѣе совершенныхъ способовъ хозяйствованія и повышеніе культуры. Особый интересъ представляютъ, съ зани-

мающей насъ теперь точки зрѣнія, защита протекціонизма нѣмецкимъ соціалъ-демократомъ Шиппелемъ и нѣкоторыя парламентскія рѣчи Бебеля по вопросу о военной реформѣ, въ которыхъ онъ не ограничивается требованіемъ уничтоженія арміи, но говоритъ о качествѣ вооруженія, о постановкѣ обученія военному дѣлу (меньше парада и муштровки, больше сознательности и военныхъ знаній). Въ позднѣйшее время обращаетъ на себя вниманіе голосованіе государственнаго бюджета въ его цѣломъ, допускаемое соціалистическими парламентскими фракціями нѣкоторыхъ южно-германскихъ государствъ. И хотя на послѣднемъ партейтагѣ нѣмецкихъ соціалистовъ, происходившемъ въ прошломъ году въ Нюрнбергѣ, побѣдила революціонная точка зрѣнія, порицающая подобную тактику, но сторонниковъ послѣдней набралось довольно внушительное число и ихъ доводы произвели извѣстное дѣйствіе. Во Франціи соціалисты еще недавно сражались подъ одними знаменами съ радикалами въ дѣлѣ Дрейфуса, поддерживая тѣсныя отношенія и сотрудничая съ кабинетами Вальдека-Руссо и Комба.

Постепенная переработка теоріи общественнаго развитія, пріобщеніе соціалистическихъ партій къ нѣкоторымъ государственнымъ задачамъ современности, рядъ отступленій отъ точки зрѣнія классовой исключительности—все это подготовило мало-помалу новую практику современнаго соціализма и фактическій его отказъ отъ революціонныхъ методовъ. Къ концу XIX-го столѣтія и къ началу XX-го соціализмъ окончательно перешелъ изъ революціонно-сектантскаго теченія въ мирную парламентскую партію, дѣйствующую строго законными средствами. Партія эта занимаетъ, правда, въ парламентахъ самую крайнюю лѣвую позицію, имѣетъ чрезвычайно радикальную программу, но она не мечтаетъ о немедленномъ водвореніи соціализма во всемъ его цѣломъ, не мечтаетъ о насильственномъ переворотѣ въ экономическихъ отношеніяхъ.

VI.

Парламентская практика новѣйшаго соціализма и его постепенное пріобщеніе къ законодательной дѣятельности, въ связи съ успѣхами его среди широкихъ массъ населенія, создаютъ для современнаго соціализма совершенно новое положеніе и выдвигаютъ передъ нимъ совершенно непредвидѣнныя имъ ранѣе задачи. Все яснѣе и яснѣе обнаруживается, что соціалисты, по-

добно всѣмъ другимъ парламентскимъ партіямъ, имѣютъ полную возможность разсчитывать, въ рамкахъ капиталистическаго общества, на значительную степень вліянія въ обще-государственной сферѣ. Передъ ними неизбѣжно долженъ встать вопросъ объ участіи въ *управленіи страною, объ участіи въ правительствѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.*

Современная дѣйствительность ставитъ, однако, вопросъ совершенно иначе. Чрезвычайно широкое еще распространеніе мелкихъ хозяйствъ и мелкихъ предпріятій, сложность и запутанность современныхъ экономическихъ отношеній, полная неподготовленность соціалистовъ къ радикальному и немедленному ихъ преобразованію — все это въ корнѣ разрушаетъ прежнія воззрѣнія насчетъ неизбѣжности мірового краха и выставляетъ будущія задачи соціалистовъ въ совершенно новомъ освѣщеніи. Тѣ представленія о переходѣ политической власти къ соціалистамъ, согласно которымъ, по картинному выраженію Бебеля, „пролетаріатъ лишь подберетъ власть, когда она выпадетъ изъ рукъ буржуазіи“ и объявитъ сконцентрированную капиталистическую собственность общественнымъ достояніемъ,—смѣняются теперь перспективой *постепенности завоеванія политической власти и неизбѣжности соціалистическаго строительства въ обществѣ еще въ значительной степени покоящемся на базисѣ мелкой собственности, т.-е въ обществѣ буржуазномъ.*

Эта перспектива застала современный соціализмъ въ значительной степени неподготовленнымъ. Постепенное завоеваніе власти чисто парламентскимъ путемъ, постепенное созиданіе новыхъ условій общественной жизни на практикѣ сводились къ проведенію опредѣленныхъ соціальныхъ реформъ при посредствѣ нынѣ дѣйствующаго государственнаго механизма. При такихъ условіяхъ соціалистамъ пришлось бы играть приблизительно ту же самую роль, какую играютъ теперь прогрессивные кабинеты современныхъ „буржуазныхъ“ партій. Конечно, можно предположить, что правительство соціалистовъ пошло бы въ своихъ преобразовательныхъ усиліяхъ значительно далѣе своихъ радикальныхъ и либеральныхъ предшественниковъ; но въ то же время съ полной увѣренностью можно предсказать, что даже самые блестящіе результаты не отвѣтили бы ожиданіямъ широкихъ массъ народа.

Прежде всего не нашли бы осуществленія тѣ широковѣщательные идеалы всеобщаго счастья и довольства, которые изображаютъ соціалистическое общество какъ устроеніе царства небеснаго на землѣ. Вѣдь помимо экономическихъ причинъ современ-

ныхъ бѣдствій и страданій человѣчества, помимо безработицы и нищеты, со всѣми ихъ политическими и соціальными послѣдствіями, существуютъ еще причины физіологическаго и даже психическаго свойства, заложенныя въ самомъ существѣ человѣка. Мысль о смерти—своей ли собственной, или же близкихъ людей,—всегда будетъ источникомъ страданій. Не исчезнетъ въ измѣнившихся экономическихъ условіяхъ и трагедія половой любви; не потеряетъ своего значенія стремленіе къ власти, къ преобладанію—стремленіе, которое, несмотря на его положительное значеніе въ дѣлѣ прогресса, можетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ вырождаться въ совершенно нежелательныя противуобщественныя формы и угрожать тяжелыми послѣдствіями или отдѣльнымъ лицамъ, или даже всему обществу. Наконецъ, если и предположить, что всѣ конфликты, всѣ трагическія переживанія въ будущемъ обществѣ будутъ сведены къ минимуму, какъ только устраненъ будетъ главнѣйшій ихъ источникъ—современное экономическое неравенство и полная необезпеченность существованія,—то остается не менѣе важный вопросъ о трудностяхъ коренного общественнаго преобразованія.

Вопросъ этотъ несравненно сложнѣе, чѣмъ его представляетъ обычная соціалистическая пропаганда, усматривающая въ современныхъ недостаткахъ общественнаго и государственнаго механизма результатъ злой воли „буржуазіи“ или несоціалистическихъ парламентскихъ партій. Въ утвержденіяхъ подобнаго рода заключается, конечно, извѣстная доля истины: неуспѣхъ того или иного общеполезнаго преобразованія или безконечныя его задержки часто приходится отнести на счетъ близорукаго эгоистическаго упорства заинтересованныхъ слоевъ. Однако это—не вся истина. Трудность водворенія соціализма заключается въ самой сложности и запутанности экономической задачи. Соціальное реформаторство въ предѣлахъ буржуазнаго государства самымъ тѣснымъ образомъ переплетается съ задачами „буржуазнаго характера“ (циклъ демократическихъ реформъ въ политической области) въ соціалистическомъ обществѣ. Предстоитъ, по всей вѣроятности, переходный періодъ общественнаго развитія, лежащій на границѣ стараго и новаго строя. Передъ соціализмомъ уже теперь выступаютъ, поэтому, положительныя творческія задачи. Необходимо примириться съ мыслью, что разрѣшеніе ихъ произойдетъ постепенно и займетъ болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени. Несомнѣнно, что при такихъ условіяхъ останется еще достаточно причинъ для недовольства значительной части обездоленныхъ слоевъ общества.

VII.

Мы видѣли уже, что въ Западной Европѣ соціалисты участвуютъ довольно энергично въ парламентской работѣ, и не только въ качествѣ критиковъ, но и въ роли созидателей. Они не только поддерживаютъ тѣ или иные законопроекты—они принимаютъ участіе въ ихъ детальной разработкѣ коммиссіями и сфера ихъ парламентской работы все расширяется и расширяется.

Не менѣе знаменательны и шаги, предпринятые современнымъ соціализмомъ въ области муниципальнаго управленія. Такъ называемый муниципальный соціализмъ, который еще недавно разсматривался какъ своего рода *quantité négligeable*, какъ игрушка и забава буржуазныхъ утопистовъ и филантроповъ, теперь прочно вошелъ въ практику современныхъ соціалистическихъ партій [1]).

Всѣ эти обстоятельства, превращая соціализмъ въ строго легальную парламентскую партію—партію соціальныхъ реформъ,—неизбѣжно должны были пріобщить соціализмъ къ самому дѣлу управленія государствомъ. Практическая возможность разрѣшенія этого вопроса представилась значительно ранѣе, чѣмъ онъ былъ разрѣшенъ теоретически. Извѣстный фактъ призванія соціалиста (Мильерана) въ французское министерство (1899) засталъ соціалистовъ нѣсколько врасплохъ, но, по крайней мѣрѣ въ первое время, оцѣнивался скорѣе положительно, чѣмъ отрицательно. Не только Жоресъ и его единомышленники, но даже самъ Каутскій, одинъ изъ наиболѣе вѣрныхъ хранителей старыхъ марксистскихъ традицій, признали на парижскомъ конгрессѣ (въ 1900 г.), что самъ по себѣ фактъ участія соціалиста въ управленіи не можетъ быть подвергнутъ ни одобренію, ни порицанію, если не считаться съ тѣми условіями, въ которыхъ онъ совершился. Вскорѣ, однако, главнымъ образомъ вслѣдствіе примѣненія военной силы во время одной изъ стачекъ, возобладало теченіе, признающее принципіально недопустимымъ участіе соціалистовъ въ центральныхъ исполнительныхъ учрежденіяхъ современнаго государства. Эта точка зрѣнія, проведенная сначала нѣмецкими ортодоксами на дрезденскомъ партейтагѣ, а затѣмъ принятая въ 1904-мъ году на амстердамскомъ международномъ соціалистическомъ конгрессѣ, рѣшительно запрещаетъ какія бы то ни было

[1]) Такъ напримѣръ, „объединенный“ соціалистъ Шоссе является теперь президентомъ парижскаго муниципальнаго совѣта.

попытки въ этомъ направленіи. „Соціалъ-демократія не можетъ стремиться къ участію въ правительственной власти въ предѣлахъ буржуазнаго общества; она должна сложить съ себя всякую отвѣтственность за политическія и экономическія условія, проистекающія изъ капиталистическаго способа производства“ — таковъ смыслъ принятой конгрессомъ резолюціи. И до тѣхъ поръ, пока остаются въ силѣ условія частнаго хозяйства, пока существуетъ современное капиталистическое государство, соціалисты, во имя принципа, всегда должны занимать оппозиціонное положеніе, должны даже поддерживать оппозицію ради самой оппозиціи. Такая точка зрѣнія совершенно не вяжется съ парламентской дѣятельностью современнаго соціализма, стремящагося укрѣпить свои позиціи на почвѣ существующихъ государственныхъ учрежденій и отнюдь не пренебрегающаго усиленіемъ своего вліянія и въ органахъ мѣстнаго самоуправленія. Она не вяжется также съ тѣми поправками въ теоріи будущаго переворота, которыя допускаютъ существованіе мелкаго частнаго хозяйства и при условіяхъ соціалистическаго властвованія. Конечно, далеко не всегда участіе отдѣльныхъ соціалистовъ въ отправленіи центральной исполнительной власти государства можетъ считаться выгоднымъ и желательнымъ какъ въ интересахъ самой партіи, такъ въ интересѣ народныхъ массъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ доступъ къ власти подъ маской соціализма могутъ получить обыкновенные карьеристы и честолюбцы. Надежной гарантіей противъ этого является, однако, обычная партійная дисциплина, предписывающая отдѣльнымъ членамъ партіи повиновеніе ея волѣ, выраженной ея представительствомъ. И еслибы вступленіе соціалиста (или нѣсколькихъ соціалистовъ) въ составъ правительства не оправдало, въ томъ или другомъ случаѣ, надеждъ, которыя съ нимъ соединялись, отъ партіи всегда зависѣло бы освободить уполномоченныхъ ею членовъ отъ принятыхъ ими на себя обязанностей.

Современный соціализмъ, въ своей легальной дѣятельности, поставилъ себѣ нѣкоторыя границы совершенно произвольнаго характера. Неправильность разграниченія сферъ дозволеннаго и запрещеннаго для соціализма въ парламентской жизни въ настоящее время выступаетъ тѣмъ яснѣе, что значеніе соціализма въ современномъ обществѣ непрерывно и быстро возрастаетъ, а современная хозяйственная система не обнаруживаетъ никакой тенденціи къ самопроизвольному, чисто механическому превращенію въ соціалистическую. При этихъ условіяхъ половинчатость и нерѣшительность соціалистической резолюціи о пріобрѣтеніи

политической власти получаютъ характеръ добровольнаго самоустраненія отъ функціи государственнаго творчества или плохо замаскированнаго отступленія съ поля битвы въ рѣшительный и важный моментъ.

VIII.

Логически неправильное разрѣшеніе вопроса о политической власти въ особенности рѣзко подчеркиваетъ давно уже назрѣвавшій кризисъ соціализма. Оно съ полной ясностью обнаруживаетъ наличность противорѣчивыхъ и даже враждебныхъ элементовъ въ соціалистическомъ міровоззрѣніи и ставитъ вопросъ о ихъ размежеваніи. Соціализму предстоитъ одно изъ двухъ: или, стоя на почвѣ творческой созидательной работы въ предѣлахъ современной хозяйственной системы, принять всѣ вытекающія отсюда послѣдствія, отказаться отъ утопически-революціоннаго представленія о формахъ и характерѣ будущаго преобразованія общества и признать для себя обязательнымъ участіе въ дѣлѣ государственнаго управленія; или же, оставаясь на почвѣ старыхъ схемъ соціальной революціи и классовой непримиримости пролетаріата, отказаться отъ какой бы то ни было государственной дѣятельности вообще, отказаться и отъ участія въ парламентской жизни.

Послѣдняя точка зрѣнія обязываетъ къ нѣкоторымъ дальнѣйшимъ выводамъ. Если сотрудничество съ несоціалистическими партіями и участіе въ реформаторской дѣятельности оказывается безполезнымъ, ненужнымъ и даже вреднымъ, если легальный образъ дѣйствій признается угашающимъ революціонный духъ пролетаріата,—нужно установить какіе-либо другіе, болѣе дѣйствительные методы тактики. На этой почвѣ и возникъ такъ называемый революціонный синдикализмъ и другія примыкающія къ нему анархосоціалистическія теченія. Отправляясь сначала отъ исключительно экономической борьбы и отрицанія политической дѣятельности, революціонный синдикализмъ естественно пришелъ къ теоріи „прямого дѣйствія“ (action directe), со всѣми его логически неизбѣжными послѣдствіями: всеобщей революціонной стачкой, антимилитаризмомъ, антипатріотизмомъ, пропагандой возстанія и дезертирства въ военное время. Новизна, цѣльность и извѣстная послѣдовательность этого ученія, въ связи съ нѣкоторой долей разочарованія въ парламентскомъ соціализмѣ, привлекли къ нему значительные слои городского рабочаго населенія, по крайней

мѣрѣ въ романскихъ странахъ — во Франціи и Италіи. Революціонный синдикализмъ не оправдалъ, однако, надеждъ его провозвѣстниковъ. Тактика „прямого дѣйствія“ оказалась не менѣе сложнымъ дѣломъ, чѣмъ парламентская работа соціалистовъ—а что касается результатовъ, то рабочіе имѣли такое же право претендовать на синдикалистовъ, какъ и на марксистовъ и реформистовъ. Эпоха всеобщихъ стачекъ и столкновеній съ полиціей 1906, 1907 и 1908 гг. показала наглядно, что старые методы вооруженной борьбы и уличныхъ революцій, съ ихъ неизбѣжными баррикадами и разграбленіемъ оружейныхъ лавокъ, отжили свой вѣкъ. При наличности огромной, хорошо дисциплинированной арміи неорганизованная толпа, хотя бы съ самымъ повышеннымъ настроеніемъ, не можетъ стать серьезной боевой силой. Чтобы подавить зарождающееся инсуррекціонное движеніе, французскому или итальянскому правительству достаточно было мобилизировать усиленные наряды полиціи, не прибѣгая даже къ употребленію войскъ—и „революція“ ограничивалась нѣсколькими пробитыми головами (преимущественно у полицейскихъ) и болѣе или менѣе многочисленными арестами. Неудивительно, что боевой революціонный синдикализмъ въ организаціяхъ итальянскихъ рабочихъ уступаетъ мѣсто умѣреннымъ, реформистскимъ теченіямъ; неудивительно, что и во Франціи онъ подвергается все бо́льшимъ и бо́льшимъ испытаніямъ. Не смотря, однако, на замѣтное паденіе популярности синдикалистскихъ идей въ рабочихъ слояхъ, вліяніе ихъ на общее міровоззрѣніе соціализма и, въ частности, на соціалистическую тактику продолжается и до настоящаго времени. Рѣзкое перемѣщеніе центра тяжести влѣво, какое было замѣтно въ соціализмѣ послѣ стремительнаго напора революціонныхъ синдикалистскихъ идей, донынѣ является характернымъ почти для всѣхъ соціалистическихъ партій. Возрождающійся и укрѣпляющійся теперь реформизмъ съ чрезвычайной осторожностью касается тѣхъ острыхъ проблемъ, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ дальнѣйшая судьба соціализма. И если умѣренные элементы современныхъ соціалистическихъ партій находятъ возможнымъ ставить и разрѣшать вопросы о соціалистической колоніальной политикѣ или о голосованіи бюджета, то это еще не значитъ, что столь же легко можетъ быть разрѣшенъ и вопросъ объ участіи соціалистовъ въ центральномъ правительствѣ. Въ этомъ отношеніи надъ соціализмомъ до сихъ поръ еще тяготѣетъ резолюція амстердамскаго конгресса. Такое положеніе не можетъ быть продолжительнымъ. Укрѣпляющійся и поднимающійся реформизмъ — не только какъ идейное теоре-

тическое теченіе, но и какъ опредѣленно и ясно выраженное настроеніе массъ —въ интересахъ дальнѣйшаго своего укрѣпленія и упроченія неизбѣжно долженъ будетъ поставить проблему о власти въ предѣлахъ капиталистическаго общества. Какъ только она будетъ рѣшена утвердительно, значеніе соціализма, какъ творческой, общественно-организующей силы, неизмѣримо возрастетъ и создастъ условія новой общественной эпохи, далекой, быть можетъ, отъ радужныхъ перспективъ осуществленія царства Божія на землѣ, но приближающей осуществленіе лучшей организаціи общества.

А. Щепетевъ.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО
ВЪ АНГЛІИ

Законодательство Англіи отличается двумя чертами. Первая изъ нихъ—медлительность, но не въ смыслѣ отсутствія творчества и движенія, а въ смыслѣ короткости шага: законодательство двигается маленькими шагами, хотя подчасъ и довольно часто слѣдующими одинъ за другимъ. Вторая черта — большая подробность и обстоятельность. Такъ напримѣръ, законы о рабочемъ времени представляютъ собою рядъ мѣръ, изданныхъ парламентомъ и, по его уполномочію, министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ разное время, особо для разныхъ отраслей труда.

Въ странѣ, гдѣ менѣе считаются съ правами меньшинства или отдѣльныхъ группъ населенія, хотя бы и многочисленныхъ, законъ о рабочемъ времени носилъ бы болѣе универсальный и болѣе рѣшительный характеръ и былъ бы, вѣроятно, принятъ за одинъ разъ. Какъ выразился Сидней Веббъ по другому поводу—говоря о „національномъ минимумѣ“ нормъ жизни,—во Франціи законъ о восьмичасовомъ трудѣ состоялъ бы всего изъ двухъ статей. Первая гласила бы: „Рабочій день продолжается восемь часовъ“; вторая—„исполненіе закона возлагается на министра внутреннихъ дѣлъ“. Правда, эти слова немного отзываются карикатурой; но существованіе у французовъ тенденціи, далекой отъ „практической осуществимости“, лежащей въ основѣ всякаго закона въ Англіи, отмѣчено Сиднеемъ Веббомъ вполнѣ правильно.

Законодательное творчество въ современныхъ демократическихъ государствахъ, и особенно въ Англіи, ставитъ себѣ болѣе

трудныя задачи, чѣмъ прежде, когда дѣло шло не столько о созидательной работѣ, сколько объ отмѣнѣ старыхъ помѣхъ и запретовъ. Сломать старое легче, чѣмъ строить новое,—легче, во всякомъ случаѣ, съ архитектурной точки зрѣнія. Мы хотѣли бы окинуть взглядомъ четырехлѣтнюю дѣятельность нынѣшняго англійскаго министерства, замѣнившаго, въ концѣ 1905 г., министерство Бальфура.

Какая роль принадлежитъ кабинету министровъ въ англійскомъ законодательствѣ: творческая или только исполнительная? Мы знаемъ, что въ Англіи парламентъ всемогущъ. Повидимому, слѣдовательно, министры только исполняютъ то, что̀ имъ повелѣваетъ парламентъ, а парламентъ, въ свою очередь, исполняетъ лишь пожеланія народа. Все это такъ—въ теоріи; но примѣненіе ея на дѣлѣ сказывается въ результатахъ, подчасъ весьма и весьма отъ нея отдаленныхъ. Скрытыя соціальныя силы никогда, конечно, не прекращаютъ своего дѣйствія и вліяютъ на тѣхъ, кто стоитъ у власти. Въ то же время, однако, эти лица могутъ въ свою очередь вліять на толпу, и вопросъ лишь въ томъ, какъ они вліяютъ, въ какую сторону: двигаютъ ли они народъ впередъ или назадъ, содѣйствуютъ ли или противодѣйствуютъ истиннымъ пожеланіямъ народа? Въ Англіи, какъ въ странѣ чисто парламентарной, вождь большинства—глава кабинета министровъ, который и руководитъ парламентомъ; онъ—его „Leader“, вождь. Отсюда—роль кабинета министровъ въ Англіи, какъ дѣйствительнаго законодателя и творца всякихъ реформъ. Всѣ крупные законодательные акты вносятся на обсужденіе и усмотрѣніе парламента самимъ правительствомъ; обыкновеннымъ, „частнымъ“ членамъ (private members) парламента представляется очень мало случаевъ обнаруживать свою иниціативу, если, конечно, не считать поправокъ къ проектамъ министровъ. Изъ 183 общихъ, „публичныхъ“ законодательныхъ актовъ, принятыхъ англійскимъ парламентомъ за трехлѣтіе 1906—1908 гг., лишь 38 были внесены обыкновенными депутатами, да и изъ нихъ двадцать два приняты благодаря лишь явному сочувствію главы кабинета, предоставившаго имъ необходимое время для обсужденія и голосованія. Изъ всѣхъ законовъ, принятыхъ не по иниціативѣ правительства, лишь немногіе имѣютъ сколько-нибудь широкое значеніе. Такъ напримѣръ, по предложенію лорда Роберта Сесиля принятъ въ 1907 г. законъ, предоставляющій мѣстнымъ учрежденіямъ право возлагать на докторовъ и акушерокъ обязанность оповѣщать общественнаго врача, не позже 36-ти часовъ, о

рожденіи всякаго принятаго ими ребенка. По иниціативѣ Т. П. О'Коннора, въ 1906 г. парламентъ лучше оградилъ авторское право композиторовъ. По иниціативѣ сэра В. Гэрдона были, наконецъ, узаконены парламентомъ браки на сестрахъ умершихъ женъ. Этотъ билль о бракахъ имѣетъ свою болѣе чѣмъ шестидесятилѣтнюю исторію, и на немъ изслѣдователи англійской жизни могутъ лучше всего изучить достоинства и недостатки законодательнаго механизма въ Англіи. Билль этотъ въ первый разъ былъ внесенъ въ 1841 г., затѣмъ, начиная съ 1849 г., вносился почти ежегодно, и въ нѣкоторыя сессіи успѣвалъ даже пройти въ палатѣ общинъ всѣ ступени парламентской процедуры, но былъ отклоняемъ палатой лордовъ. Лишь въ 1907 г. его удалось провести черезъ обѣ палаты.—Наконецъ, по иниціативѣ лорда Роберта Сесиля, въ острастку суфражисткамъ, парламентъ призналъ наказуемымъ проступкомъ всякое нарушеніе порядка на публичномъ митингѣ, предпринятое съ цѣлью препятствованія его занятіямъ.

Какъ мы уже сказали, всего принято было за три года (1906—1908) 145 министерскихъ биллей. Мы остановимся лишь на тѣхъ, о внесеніи которыхъ оповѣщалось заранѣе въ тронныхъ рѣчахъ, всегда являющихся самымъ лучшимъ оглавленіемъ къ дѣятельности парламентскихъ сессій. Правда, не всегда законы, упоминаемые въ тронной рѣчи, проходятъ. Многіе изъ нихъ откладываются изъ года въ годъ, а иные и вовсе снимаются съ партійнаго репертуара; но всѣ они характеризуютъ направленіе кабинета министровъ, и степень осуществленія ихъ свидѣтельствуетъ о большей или меньшей искренности лицъ, стоящихъ во главѣ правительства. Слѣдуетъ отдать справедливость кабинету Кэмпбелль-Баннермана и его преемника, Асквита. Составленныя ими тронныя рѣчи являются рѣдкими даже въ Англіи по вѣрности прогноза парламентской работы. Каждый разъ министры обѣщали немногое, но зато обѣщанія свои они старались въ точности исполнять. Въ этомъ отношеніи нынѣшнее англійское правительство стоитъ гораздо выше не только консервативной партіи, вообще мало обѣщающей и еще меньше исполняющей, но даже трехъ послѣднихъ кабинетовъ Гладстона, любившаго поднимать на свои плечи значительно больше груза, чѣмъ сколько готова была выдержать страна. Апогея обѣщаній Гладстонъ достигъ въ 1893-мъ году, принявъ въ четвертый разъ бразды правленія. Его тронная рѣчь при открытіи сессіи 1893 г. обѣщала длинный рядъ важныхъ реформъ, изъ которыхъ ему удалось осуществить лишь одну (о приходскомъ и участковомъ

самоуправленіи). Лишь первый кабинетъ Гладстона, правившій страною съ 9-го декабря 1868 г. по 21-ое февраля 1874 г., можетъ считаться, по соотвѣтствію тронныхъ рѣчей съ ихъ исполненіемъ, прототипомъ нынѣшняго кабинета.

Въ 1906 г., открывая парламентъ, король обѣщалъ двѣнадцать законовъ. Изъ нихъ семь проведены, два вовсе не были внесены, одинъ отложенъ до 1907 г. и два не прошли изъ-за палаты лордовъ. Въ первый годъ своего существованія новый кабинетъ не предпринималъ ничего, что требовало бы новыхъ расходовъ. Изъ двухъ вовсе невнесенныхъ имъ мѣръ одна касалась важнаго въ принципіальномъ отношеніи вопроса о равномѣрномъ обложеніи разныхъ частей Лондона на нужды мѣстнаго управленія, другая — очень сложнаго и трудно-разрѣшимаго вопроса о безработицѣ. По послѣднему вопросу правительство вмѣсто билля, который имѣлъ бы задачей предупреждать безработицу устраненіемъ причинъ, ее вызывающихъ, внесло лишь предложеніе объ ассигнованіи 200.000 ф. ст. изъ консолидированнаго фонда на помощь комитетамъ безработныхъ. Это былъ лишь палліативъ, не только ничего не рѣшавшій, но даже не затрогивавшій корня бѣдствія. Очевидно, кабинетъ не рѣшался предложить что-либо серьезное, такъ какъ въ это время засѣдала королевская коммиссія, изслѣдовавшая вопросъ о реформѣ помощи бѣднымъ: она касалась, между прочимъ, причинъ безработицы и средствъ къ ея устраненію. Эта коммиссія, назначенная въ декабрѣ 1905 г., лишь на-дняхъ опубликовала свой отчетъ, составляющій эпоху въ исторіи англійскихъ соціальныхъ движеній. Нѣтъ сомнѣнія, что работа ея ляжетъ въ основу будущаго билля. До опубликованія этого отчета у кабинета министровъ были какъ бы связаны руки. Это показываетъ глубокую зависимость законодательнаго творчества въ Англіи отъ накопленія фактовъ и отъ силы общественнаго мнѣнія. Королевскія коммиссіи дѣйствуютъ въ Англіи гласно, путемъ подробнѣйшаго анализа и собиранія фактовъ.

Изъ семи проведенныхъ законовъ четыре имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, благо трудящихся массъ. Въ двухъ изъ нихъ — въ законахъ о спорахъ между рабочими и хозяевами и о вознагражденіи за несчастные случаи во время работы — законодатель сталъ всецѣло на сторону рабочихъ. „Trade Dispute Act“ снимаетъ съ трэдъ-юніоновъ отвѣтственность за убытки хозяевъ отъ дѣйствій членовъ этихъ союзовъ, а законъ о вознагражденіи, изданный въ дополненіе къ закону 1897 г., обнимаетъ рѣшительно всѣ категоріи служащихъ и рабочихъ, начиная съ до-

машней прислуги и кончая конторщиками и приказчиками. Терминъ: „несчастный случай“ обнимаетъ и болѣзни, обыкновенно происходящія отъ извѣстнаго рода занятій. Новый законъ значительно упростилъ процедуру въ дѣлахъ о вознагражденіи за несчастные случаи.

Отчасти къ этой же категоріи законовъ, регулирующихъ отношенія хозяевъ и рабочихъ, относится и третій законъ — о купеческомъ флотѣ. Этимъ закономъ охраняются не только интересы судовладѣльцевъ, въ ихъ конкурренціи съ иностранными судовладѣльцами, но и интересы рабочихъ, въ ихъ сношеніяхъ съ хозяевами. Впервые на англійскихъ торговыхъ судахъ устанавливается минимумъ питанія, полагающагося экипажу, а для судовъ дальняго плаванія требуется даже наличность особо аттестованныхъ поваровъ. Замѣчательно, что законъ прошелъ при полномъ одобреніи всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ. Онъ обнаружилъ въ составителѣ его, тогдашнемъ президентѣ совѣта промышленности, а нынѣ канцлерѣ казначейства, Ллойдъ-Джорджѣ, большую способность угадыванія истинныхъ потребностей и способовъ ихъ удовлетворенія.

Четвертый рабочій законъ 1906 г. касается жилищъ рабочихъ въ Ирландіи. Остальные три закона изъ семи принятыхъ не имѣютъ особаго значенія.

Внесенные, но не получившіе силу закона изъ-за палаты лордовъ билли касались образованія и избирательнаго права. Первый былъ принятъ палатою лордовъ, но съ такими поправками, на которыя палата общинъ не могла согласиться. Второй билль былъ отвергнутъ палатою лордовъ большинствомъ 143 голосовъ противъ 43. Школьный билль, внесенный въ 1906-мъ году Бирреломъ, тогдашнимъ министромъ просвѣщенія, а нынѣ министромъ по дѣламъ Ирландіи, составлялъ чрезвычайно сложную работу, дѣлавшую честь выдающемуся остроумію и находчивости ея автора, который вообще извѣстенъ какъ блестящій историкъ литературы и критикъ. Въ своемъ биллѣ Биррель, какъ и многіе его предшественники, хотѣлъ примирить непримиримое. Вмѣсто того, чтобы совершенно исключить религію изъ предметовъ преподаванія въ государственныхъ школахъ, онъ предложилъ компромиссъ, никого не удовлетворившій. Еслибы билль прошелъ черезъ обѣ палаты и сталъ закономъ, школьный вопросъ все же остался бы открытымъ и не сходилъ бы съ партійныхъ программъ, покуда опять не былъ бы внесенъ въ парламентъ. Безплодной оказалась вѣдь и попытка Бальфура, сдѣланная въ 1903-мъ году, хотя билль былъ принятъ тогда обѣими палатами. Вслѣдствіе

половинчатости и робости рѣшенія религіознаго вопроса въ школѣ потерпѣли неудачу и два другіе школьныхъ билля, внесенные въ 1908-мъ году.

Столь же нерѣшителенъ и лишенъ принципіальности былъ и второй билль, отвергнутый палатою лордовъ — законопроектъ объ устраненіи множественнаго голосованія, т.-е. объ отмѣнѣ права одного и того же лица подавать голосъ на парламентскихъ выборахъ въ разныхъ избирательныхъ участкахъ. Въ настоящее время право это пріобрѣтается владѣніемъ недвижимостью въ разныхъ мѣстахъ. Билль ограничивалъ это право однимъ какимъ-либо мѣстомъ, т.-е. установлялъ, что голосовавшій въ одномъ мѣстѣ уже не можетъ вотировать въ другомъ участкѣ въ ту же избирательную кампанію. Въ такой мелкой реформѣ мало заинтересована масса населенія; для нея было бы важно измѣненіе самой основы права, которая должна быть не имущественной, а личной. Число лицъ, пользующихся правомъ голоса одновременно въ разныхъ мѣстахъ и осуществляющихъ это право на выборахъ, очень невелико сравнительно съ общимъ числомъ избирателей. Вліяніе ихъ на исходъ выборовъ въ Англіи можетъ быть лишь случайнымъ и во всякомъ случаѣ едва замѣтнымъ. Судьба билля, внесеннаго въ 1906 г. членомъ правительства Люисомъ Гаркортомъ, не могла, поэтому, вызвать особенно сильнаго интереса.

Оба билля, принятію которыхъ помѣшали лорды, даютъ понятіе о томъ, какого рода законопроекты палата лордовъ можетъ съ легкимъ сердцемъ искажать до неузнаваемости или вовсе отвергать. Конечно, верхняя палата не пропускаетъ подобныхъ биллей не потому, что они недостаточно принципіальны и рѣшительны, а потому, что находитъ ихъ слишкомъ радикальными. Но, не являясь кореннымъ рѣшеніемъ назрѣвшихъ жизненныхъ вопросовъ, они не поднимаютъ инертныя народныя массы на борьбу, и отклоненіе ихъ не возбуждаетъ народнаго гнѣва.

Характеръ законодательнаго творчества, только что отмѣченный нами, сохранился въ общихъ чертахъ и въ послѣдующіе годы, но съ большей рѣшительностью въ области финансово-экономической. Чувствуется, что вліяніе Асквита растетъ. Его взгляды на поземельные и податные вопросы дѣлаются господствующими въ кабинетѣ. Въ концѣ 1907-го года, вслѣдствіе болѣзни Кемпбелль-Баннермана, Асквитъ дѣлается фактическимъ главою кабинета, а въ апрѣлѣ 1908 г. — и его формальнымъ главою.

Въ то же время растетъ популярность Ллойдъ-Джорджа, умѣющаго находить практическое рѣшеніе для вопросовъ, долго пугавшихъ своей кажущейся сложностью. Но въ то же время дѣлается болѣе смѣлой и палата лордовъ. Полное равнодушіе общества къ ея образу дѣйствій въ 1906 г. внушило ей рѣшимость дальнѣйшаго противодѣйствія правительственнымъ законопроектамъ, почему-либо ей не нравящимся. И въ этомъ противодѣйствіи, однако, замѣтна осторожность. Лорды становятся особенно храбрыми тогда, когда за биллемъ не чувствуется истинная поддержка народа; но противодѣйствіе ихъ быстро исчезаетъ передъ требованіемъ, въ которомъ слышится грозное общественное „sic volo, sic jubeo“.

Сравнительно мало плодовитымъ въ законодательномъ отношеніи оказался 1907-й годъ. Тронная рѣчь перечислила тринадцать законопроектовъ. Изъ нихъ проведено всего пять; четыре отложены до слѣдующаго года; принятію двухъ помѣшала палата лордовъ; одинъ, очевидно непопулярный, былъ предложенъ, но взятъ обратно, а одинъ и вовсе не былъ внесенъ. Для правильной оцѣнки законодательства 1907 г. слѣдуетъ разсмотрѣть его вмѣстѣ съ 1908-мъ г., когда изъ двѣнадцати обѣщанныхъ въ тронной рѣчи биллей не меньше семи явились повтореніемъ биллей 1907 г., почему-либо отложенныхъ или непринятыхъ палатою лордовъ. Замѣчательно, что и въ 1908 г. проведено всего пять биллей, а остальные отложены, взяты обратно или отвергнуты палатою лордовъ.

Либеральное министерство оказывается сильнымъ и дѣйствуетъ успѣшно, когда выступаетъ съ мѣрами, пользующимися общимъ сочувствіемъ, отвѣчающими дѣйствительно назрѣвшей потребности и имѣющими въ своемъ основаніи вполнѣ ясные принципы. Въ такомъ случаѣ и палата лордовъ ему не страшна. Если же предлагаемый билль вызванъ не столько требованіями жизни и интересами широкихъ слоевъ населенія, сколько умозрительнымъ заключеніемъ о могущихъ послѣдовать благихъ результатахъ, и если, притомъ, и самый билль сочиненъ въ оппортунистскомъ духѣ, то судьба его очень проблематична. Министерство дѣйствуетъ тогда неувѣренно, а палата общинъ если и голосуетъ за правительственный законопроектъ, то не ради самаго закона, а лишь для поддержки правительства. Страна, въ общемъ дорожащая не лицами, а мѣрами, остается къ такого рода „академическому“ творчеству равнодушной.

Такими именно теоретичностью и придуманностью нормъ, отсутствіемъ принципіальной выдержанности и половинчатостью

отличались тѣ три билля, которые не прошли въ 1908 г. въ палатѣ лордовъ. Одинъ изъ нихъ имѣлъ цѣлью улучшить положеніе мелкихъ арендаторовъ въ Шотландіи. Вмѣсто того, чтобы закрѣпить за ними землю и сдѣлать ихъ собственниками, билль предлагалъ мѣру, раньше принимавшуюся въ Ирландіи и въ концѣ концовъ оказавшуюся далеко недостаточною: онъ оставлялъ землю за помѣщиками и обезпечивалъ за арендаторами лишь извѣстныя условія аренды. Второй билль проектировалъ новую оцѣнку городской и сельской земли въ Шотландіи, въ видахъ введенія новой системы обложенія, въ основѣ которой должно было лежать ученіе Генри Джорджа. Оба эти шотландскихъ билля были внесены и въ 1905 г., приняты палатою общинъ и отвергнуты палатою лордовъ. Въ 1908 г. они были внесены вторично, съ тѣмъ же результатомъ. Третій билль, потерпѣвшій въ 1908 г. неудачу въ палатѣ лордовъ, касался питейной торговли. Онъ былъ составленъ очень искусно. Авторы его какъ будто хотѣли удовлетворить рѣшительно всѣхъ: сторонниковъ трезвости и любителей выпить, кабатчиковъ и публику, казначейство и винокуровъ. Но именно эта универсальность билля и погубила его. Несомнѣнно, онъ вносилъ значительное упорядоченіе въ довольно хаотическую обстановку питейнаго дѣла и старался укрѣпить за государствомъ контроль надъ торговлей, служащей источникомъ столькихъ бѣдствій для населенія. Но все это предлагалось съ оговорками и съ произвольными условіями. Число кабаковъ уменьшалось, но кабаки оставались по прежнему въ рукахъ частныхъ лицъ. Вводилась норма—опредѣленное число кабаковъ для опредѣленнаго числа жителей. Разрѣшеніе торговли, теперь оплачиваемое по размѣрамъ квартирной платы, должно было оплачиваться дороже, въ зависимости отъ размѣровъ оборота. Само собою разумѣется, что такіе опытные политики, какъ вождь нынѣшней оппозиціи, Бальфуръ, по указкѣ котораго вотируетъ большинство палаты лордовъ, или маркизъ Ленсдоунъ, лидеръ консерваторовъ въ палатѣ лордовъ, отлично оцѣниваютъ степень популярности каждаго предлагаемаго билля и сразу видятъ его слабыя стороны. Всѣ три билля, какъ угрожавшіе интересамъ лендлордовъ и капиталистовъ и въ то же время лишенные тѣхъ свойствъ, которыя вызвали бы народное сочувствіе, могли быть смѣло отринуты палатою лордовъ, что она и сдѣлала. Но въ то же время она вынуждена была проглотить горькую пилюлю, принявъ, въ томъ же 1908 г., почти безъ преній, два билля, которыми лорды въ душѣ возмущались: законы о пенсіяхъ и о восьмичасовомъ ра-

бочемъ днѣ для рудокоповъ. У вождей оппозиціи не хватило мужества стать поперекъ дороги этимъ законамъ. Они сознавали, что огромная масса населенія дѣйствительно требуетъ и пенсій старикамъ, и ограниченія рабочаго дня въ шахтахъ, и что отклоненіе этихъ требованій повлекло бы за собою бурную агитацію противъ палаты лордовъ.

Внесеніе и проведеніе такихъ важныхъ соціальныхъ законопроектовъ, въ особенности закона о пенсіяхъ на старость, указываетъ на искренность и высоту творческой мысли министерства. Пониманіе потребностей страны и умѣнье удовлетворять ихъ путемъ законодательства ясно сказалось и въ другихъ биллѣхъ 1907 и 1908 гг. Изъ числа принятыхъ въ 1907 г. пяти биллей два весьма просты и кратки. Одинъ касается уголовнаго процесса. Приговоръ присяжныхъ до сихъ поръ считался непререкаемымъ, и министру внутреннихъ дѣлъ предоставлялось лишь право облегчить участь осужденнаго, дѣйствуя отъ имени королевской прерогативы. На основаніи новаго закона—принятаго, слѣдуетъ прибавить, послѣ шестидесяти лѣтъ агитаціи,—осужденному предоставляется право обжаловать приговоръ, и правительство обязано, въ случаѣ бѣдности жалобщика, принять защиту его на свой счетъ. Другой законъ предоставляетъ женщинамъ, замужнимъ и незамужнимъ, право быть избранными въ члены и ольдэрмены городскихъ и земскихъ совѣтовъ.

Остальные три закона требовали болѣе сложной работы и болѣе искусной лавировки въ парламентѣ, въ виду партійной борьбы. Это—законы о преобразованіи арміи, о патентахъ и о мелкихъ участкахъ для желающихъ заниматься земледѣліемъ.

Главное значеніе закона объ арміи, принятаго въ 1907 г., состоитъ въ томъ, что, какъ выразился его авторъ, военный министръ Голдэнъ, онъ долженъ служить „оплотомъ между страною и всеобщей воинскою повинностью“. Законодателю предстояла задача создать многочисленную, хорошо обученную и дисциплинированную армію, и вмѣстѣ съ тѣмъ—оставить ненарушимымъ существующій въ Англіи принципъ добровольной, а не обязательной военной службы. И правительству дѣйствительно удалось такъ организовать дѣло вербовки охотниковъ и самый порядокъ службы, что агитація въ пользу введенія въ Англіи всеобщей воинской повинности по образцу континента Европы значительно затихла. Закономъ 1907 г. устанавливаются въ Англіи двѣ арміи, обѣ на принципѣ добровольчества: одна—регулярная, предназначенная главнымъ образомъ для службы за

предѣлами королевства; другая—„территоріальная“, для внутренней обороны отъ нашествія непріятеля. Первая находится всецѣло въ рукахъ военнаго министерства; солдаты и офицеры ея несутъ постоянную службу. Вторая, раздѣленная по округамъ, находится въ вѣдѣніи комитетовъ изъ мѣстныхъ гражданъ и долѣе чѣмъ на 8 или 15 дней ежегоднаго учебнаго періода ни офицеры, ни нижніе чины ея не отрываются отъ своихъ обычныхъ занятій. Изъ словъ Голдена видно, что въ территоріальную армію къ началу 1909 г. записалось свыше 240.000 молодыхъ людей. Правда, число это значительно меньше максимума, на который парламентъ ассигновалъ средства; но для перваго года и это число какъ бы подтверждаетъ законодательный талантъ министра.

Болѣе сложнымъ и болѣе спорнымъ оказался билль, имѣвшій цѣлью создать армію земледѣльцевъ, которые бы работали не для другихъ, за поденную плату, а для себя, на собственномъ клочкѣ земли, снятомъ въ аренду или пріобрѣтенномъ въ полную собственность (small holdings and allotments act). На бумагѣ билль этотъ оказался отлично разработаннымъ, но насколько жизнь оправдаетъ возложенныя на него надежды—сказать трудно. Переходъ отъ крупнаго къ мелкому поземельному хозяйству—дѣло очень медленное, какъ и вообще всякое аграрное переустройство. Если, однако, судить по цифрамъ за первые четырнадцать мѣсяцевъ дѣйствія закона, то приходится признать огромный прогрессъ въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлалось въ прошлые годы.

Характерная особенность закона о патентахъ, дѣлающая его столь типичнымъ для нынѣшняго министерства и столь важнымъ для Англіи, это — тенденція покровительствовать больше массѣ, чѣмъ единицамъ, больше торговымъ и промышленнымъ интересамъ страны, чѣмъ интересамъ изобрѣтателя. Въ то же время, однако, законъ старается быть справедливымъ и по отношенію къ послѣднему, если только такая справедливость совмѣстима съ интересами большинства. Одна изъ статей новаго закона устраняетъ несправедливость, на которую давно жаловались англійскіе рабочіе, фабриканты и торговцы. По прежнему закону иностранный изобрѣтатель могъ взять патентъ въ Англіи на свое изобрѣтеніе, продукты котораго онъ изготовлялъ за границей. Цѣною нѣсколькихъ фунтовъ пошлины, уплаченныхъ за привилегію, онъ закрѣпощалъ себѣ страну. Еслибы въ Англіи существовалъ таможенный тарифъ, государство могло бы косвеннымъ путемъ вознаградить себя за счетъ изобрѣтателя, монополію котораго оно создало выдачей привилегіи. Но Англія—страна сво-

бодной торговли. Поэтому изобрѣтатель могъ ввозить безпошлинно свои фабрикаты, взимать за нихъ какую угодно цѣну и въ то же время никому другому въ Англіи не позволять производить и продавать ихъ. Этотъ порядокъ доводилъ понятіе о собственности до совершеннѣйшаго абсурда. Приходится только удивляться, что онъ могъ такъ долго оставаться въ силѣ. По новому закону привилегія, создаваемая государствомъ, должна служить на пользу государства: изобрѣтатель или, точнѣе, капиталистъ, покупающій изобрѣтеніе, если онъ желаетъ сохранить привилегію, обязывается производить соотвѣтствующіе предметы въ предѣлахъ королевства, покрывая если не всецѣло, то въ значительной части требованія мѣстнаго рынка.

1908-й годъ продолжалъ направленіе и дѣло 1907-го года. Мы уже упомянули о пенсіяхъ для стариковъ и о рабочихъ часахъ углекоповъ. Принятые въ томъ же 1908-мъ году остальные три билля (изъ двѣнадцати, обѣщанныхъ въ тронной рѣчи) имѣютъ предметомъ университетское образованіе въ Ирландіи, портъ въ Лондонѣ и защиту дѣтей отъ жестокости, какъ родителей, такъ и общества и государства. Каждый изъ этихъ биллей, хотя, быть можетъ, и ограниченъ по кругу вліянія, очень типиченъ для нашего времени и для министерства Асквита. Въ нихъ проявляется тенденція, замѣчавшаяся уже въ 1906 г. Государство выступаетъ въ защиту слабаго и все больше расширяетъ свои права на счетъ правъ частныхъ лицъ. Интересы всего населенія въ совокупности, интересы страны и большинства, дѣлаются единственнымъ руководящимъ принципомъ законодательства. Жизнь, здоровье и нравственность дѣтей ставятся выше права родителей. Завѣдываніе лондонскимъ портомъ изъемлется изъ рукъ частныхъ компаній и переходитъ въ вѣдѣніе правленія (Port Authority), состоящаго изъ выборныхъ отъ судовладѣльцевъ, купцовъ и пр. Въ Ирландіи старый и затяжной споръ между католиками и протестантами относительно „собственныхъ“ университетовъ, содержимыхъ на государственный счетъ, разрѣшается, наконецъ, къ удовольствію обѣихъ сторонъ закономъ объ ассигнованіи средствъ на основаніе новыхъ колледжей и о раздѣленіи на два прежняго одного „королевскаго университета“.

Таковы законы, заранѣе предусмотрѣнные въ тронныхъ рѣчахъ 1906—1908 гг. Кромѣ нихъ, принято множество другихъ, большею частью мелкихъ. И между ними, однако, есть довольно важные. Таковъ, напримѣръ, законъ 1907 г., предоставляющій судамъ право оставить подсудимаго безъ наказанія, съ отдачей

„на испытаніе“, и о назначеніи лицъ для наблюденія и помощи такого рода „испытуемымъ“ (условное осужденіе).

1909-ый годъ въ исторіи Англіи будетъ извѣстенъ, главнымъ образомъ, какъ годъ финансовой реформы. Бюджетъ этого года знаменуетъ собою открытое объявленіе войны лендлордизму, т.-е. той системѣ, которая благопріятствуетъ исключительно землевладѣнію. До сихъ поръ англійское законодательство если въ чемъ-либо и ограничивало власть лендлордовъ, то лишь въ частныхъ случаяхъ. Главный источникъ богатства оставался неприкосновеннымъ. А между тѣмъ этотъ источникъ по мѣрѣ увеличенія народонаселенія и развитія промышленности и путей сообщенія, все больше и больше расширяется, въ ущербъ народной массѣ. Особенно страдаетъ населеніе городовъ. Лендлордъ, не ударяя пальцемъ о палецъ, ничего самъ не предпринимая, можетъ въ одинъ прекрасный день оказаться богаче на многія тысячи и даже десятки тысячъ фунтовъ стерлинговъ только потому, что городу понадобилось провести по его землѣ новую улицу, или потому, что вблизи построенъ вокзалъ, открыта фабрика и т. п. Благодаря, напримѣръ, независимымъ отъ самихъ землевладѣльцевъ обстоятельствамъ цѣна участка на лондонской окраинѣ Golder's Green, составлявшая нѣсколько лѣтъ тому назадъ 160 ф. ст., поднялась до 2.100 ф. ст. только потому, что здѣсь провели „трубу“ (tube — подземная электрическая дорога). Въ городѣ Бутлѣ акръ земли, оцѣненный въ 4 ф. ст., былъ проданъ городу за 2.000 ф. ст.! И такіе случаи повторяются нерѣдко. Многіе землевладѣльцы, увѣренные въ томъ, что земля ихъ должна въ скоромъ времени значительно подняться въ цѣнѣ, предпочитаютъ пока вовсе не сдавать ее ни подъ постройки, ни подъ земледѣльческую культуру. Они знаютъ, что безъ ихъ земли все равно населенію некуда двинуться, и ждутъ, оставляя свои земли пустующими. Другіе находятъ болѣе выгоднымъ владѣть запущенными угодьями, чѣмъ обработанными или застроенными: вѣдь первыя можно сдать подъ охоту богатымъ людямъ, которые за какой-нибудь мѣсяцъ потѣхи съ ружьемъ и собаками готовы уплатить во много разъ больше, чѣмъ можетъ дать арендаторъ, снимающій землю съ сельско-хозяйственными цѣлями. И вотъ, чтобы положить конецъ этой совершенно ненормальной монополіи землевладѣльцевъ, не только мѣшающей развитію промышленности, но и непосредственно подрывающей основы національнаго богатства изъятіемъ изъ культуры обширныхъ

пространствъ земли, Ллойдъ-Джорджъ выступилъ съ своими предложеніями въ финансовомъ биллѣ (бюджетѣ). Они клонятся къ слѣдующему: установивъ нынѣшнюю цѣнность земли, взимать въ пользу государства, при дальнѣйшемъ переходѣ ея въ другія руки, 20% съ суммы, на которую увеличилась ея цѣнность; ввести особый налогъ съ пустующихъ, лежащихъ втунѣ земель, годныхъ для какой-либо сельско-хозяйственной или строительной цѣли. Этимъ путемъ предполагается отнять у землевладѣльцевъ охоту спекулировать на будущія повышенія арендныхъ и покупныхъ цѣнъ.

Кромѣ этихъ пунктовъ, направленныхъ противъ лендлордизма, бюджетъ Ллойдъ-Джорджа замѣчателенъ и тѣмъ, что въ немъ намѣчается программа будущихъ соціальныхъ реформъ, съ цѣлью поднятія благосостоянія населенія. Сюда относятся работы по облѣсенію пустошей, негодныхъ для культуры хлѣбныхъ растеній, укрѣпленіе морского берега, учрежденіе образцовыхъ фермъ, проведеніе сельскихъ дорогъ и т. п. Словомъ, въ бюджетѣ 1909-го года еще ярче, еще шире выступаютъ тенденціи, отмѣченныя нами въ законодательствѣ 1906 — 1908 годовъ: польза народа въ его цѣломъ ставится выше пользы отдѣльныхъ личностей или классовъ, и государство не останавливается передъ вопросомъ о предѣлахъ своей компетенціи, разъ дѣло идетъ о благосостояніи и благополучіи населенія.

Насколько нынѣшнее министерство сознаетъ великое значеніе своего бюджета, видно изъ словъ главы кабинета министровъ, заявившаго еще задолго до внесенія этого бюджета въ палату общинъ, 11-го декабря 1908 г. (въ рѣчи, произнесенной въ „Національно-либеральномъ клубѣ“), что „бюджетъ наступающаго года (т.-е. 1909-го) будетъ нашимъ центральнымъ дѣломъ. Съ нимъ мы побѣдимъ или упадемъ и на основаніи его наше значеніе будетъ измѣряться какъ современниками, такъ и потомствомъ“.

Конечно, и бюджетъ 1909-го года еще очень далекъ отъ совершенства. Достаточно вспомнить, что цѣлыхъ 63 милліона, т.-е. около 40% всѣхъ расходовъ, тратятся на армію и флотъ. Но хорошо уже и то, что на этотъ разъ за лишнія вооруженія будутъ платить не рабочій, не бѣдный труженикъ, а лендлордъ и капиталистъ. „Когда премьеръ-министръ предложилъ мнѣ взять на себя вѣдѣніе національныхъ финансовъ, — сказалъ Ллойдъ-Джорджъ на публичномъ митингѣ въ Лондонѣ, 30-го прошлаго іюля,—я рѣшилъ составить бюджетъ такъ, чтобы ни одна трапеза не оказалась скуднѣе, ни одна ноша — тяжелѣе для трудящагося. И прошу судить о бюджетѣ съ этой точки зрѣнія“.

Финансовый билль еще не законченъ обсужденіемъ въ палатѣ общинъ. Неизвѣстно, пройдетъ ли онъ въ палатѣ лордовъ. Но примутъ ли его лорды, или вздумаютъ, вопреки прецедентамъ, отвергнуть его и тѣмъ бросить вызовъ народу—это, съ точки зрѣнія нашей темы, не важно. Билль этотъ все же останется замѣчательнымъ продуктомъ искренняго, смѣлаго, цѣлесообразнаго законодательнаго творчества. Дѣло можетъ идти лишь о нѣкоторой проволочкѣ, но принятіе билля если не теперь, то въ близкомъ будущемъ обезпечено.

Изъ биллей, обѣщанныхъ въ тронной рѣчи и проведенныхъ въ парламентѣ, наиболѣе характерны для нынѣшняго кабинета тѣ, которые касаются биржъ труда и промысловыхъ совѣтовъ (Trades Boards). Биржи труда должны стать въ Англіи первой серьезной попыткой со стороны государства справиться съ проблемой безработицы, съ отдѣленіемъ желающихъ и способныхъ работать отъ лѣнивыхъ, плохихъ и неспособныхъ къ труду работниковъ. Какъ первый шагъ, новый законъ оказался довольно робкимъ. Королевская коммиссія, изучавшая дѣйствіе закона о бѣдныхъ въ Англіи, рекомендовала учрежденіе биржъ труда, какъ обязательныхъ центровъ регистраціи спроса и предложенія чернорабочаго труда. Правительственный законопроектъ не пошелъ дальше добровольной регистраціи. Авторъ закона о биржахъ, Черчилль, посмотрѣлъ на новыя учрежденія лишь какъ на первый опытъ. „Быть можетъ, — сказалъ онъ въ палатѣ общинъ при второмъ чтеніи билля,—когда биржи труда завоюютъ поддержку общества во всей странѣ, парламентъ сдѣлаетъ ихъ посредничество болѣе обязательнымъ, чѣмъ предлагается въ биллѣ“. Новыя биржи хотя и будутъ находиться подъ контролемъ министерства промышленности, но фактически ими будутъ руководить комитеты, составляемые изъ одинаковаго числа представителей отъ работодателей и отъ рабочихъ.

Еще болѣе важное принципіальное значеніе имѣетъ новый законъ о промысловыхъ совѣтахъ, призванныхъ положить конецъ „светэрству“. Характерный признакъ „светэрства“ (the sweating system) состоитъ въ посредничествѣ мелкихъ предпринимателей, стоящихъ между главнымъ работодателемъ и рабочими. Иногда имѣются даже нѣсколько такихъ промежуточныхъ звеньевъ, и чѣмъ дальше отъ главнаго заказчика, тѣмъ сильнѣе эксплоатація труда. Конечно, нельзя запретить промышленное посредничество, являющееся иногда необходимымъ экономическимъ факторомъ, да и трудно было бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ провести границу между „главнымъ заказчикомъ“, который и самъ также можетъ быть

посредникомъ, и дальнѣйшими звеньями посреднической цѣпи. Единственное, что законъ можетъ сдѣлать, это — возложить на главнаго работодателя отвѣтственность за эксплоатацію рабочихъ его контрагентами, въ той же мѣрѣ, какъ и на самихъ контрагентовъ. Новый законъ и дѣлаетъ это. Онъ учреждаетъ совѣты изъ одинаковаго числа представителей хозяевъ и рабочихъ и изъ лицъ, назначенныхъ министромъ промышленности. Эти совѣты устанавливаютъ для нѣкоторыхъ промысловъ, въ которыхъ свѣтэрство свило себѣ прочное гнѣздо, минимальныя платы за часъ работы или поштучно. Всякій работодатель, уплачивающій за трудъ меньше установленной цѣны, подвергается довольно высокому штрафу. Такими промыслами, въ которыхъ обязательно долженъ быть установленъ минимумъ платы, признаны новымъ закономъ: торговля готовымъ платьемъ, приготовленіе картонокъ, кружевное производство и торговля готовыми блузами. Министру промышленности предоставлено право подчинить дѣйствію новаго закона и всякій иной промыселъ, если, при сравненіи съ другими промыслами, окажется, что рабочая плата въ немъ слишкомъ низка.

На законъ о промысловыхъ совѣтахъ правительство смотритъ лишь какъ на опытъ. По словамъ Тенанта, товарища министра Черчилля, билль о промысловыхъ союзахъ—„одновременно и экспериментъ, и революція. Въ первый разъ, въ наше время, правительство предлагаетъ планъ дѣйствій для опредѣленія и для проведенія въ жизнь минимума рабочей платы. Въ этомъ отношеніи билль и составляетъ революцію“.

Таковы революціи въ Англіи!

Въ заключеніе укажемъ еще на одинъ билль, только-что проведенный въ парламентѣ. Билль этотъ не былъ обѣщанъ въ тронной рѣчи, составленъ онъ былъ не англійскимъ министерствомъ или хотя бы членомъ англійскаго парламента. Тѣмъ не менѣе значеніе его огромно, а какъ характеристика нынѣшняго кабинета, онъ наврядъ-ли уступаетъ даже самымъ главнымъ продуктамъ непосредственнаго законодательнаго творчества министровъ. Мы имѣемъ въ виду South African Constitution Bill (билль о конституціи южной Африки). Выработанный конвенціей южно-африканскихъ колоній, онъ былъ внесенъ на утвержденіе парламента отъ имени министра колоній и принятъ безъ всякихъ поправокъ: ни правительство, ни парламентъ не хотѣли вмѣшиваться во „внутреннія дѣла колоній“, не хотѣли задерживать осуществленіе колоніальнаго союза въ южной Африкѣ.

Новымъ закономъ создается новое федеративное государство, отъ Англіи, свободное, единое, самоуправляющееся.

Конечно, такое мирное объединеніе южно-африканскихъ колоній сдѣлалось возможнымъ лишь благодаря выдающемуся такту и широкимъ государственнымъ взглядамъ на національныя задачи, обнаруженнымъ покойнымъ Кемпбелль-Баннерманомъ и его коллегами, нынѣ стоящими во главѣ англійскаго правительства. Честь осуществленія южно-африканскаго объединенія всецѣло принадлежитъ министерству, хотя формально билль о южно-африканской конституціи и не былъ дѣломъ его рукъ.

Въ Англіи очень близко къ законодательному стоитъ административное творчество. Послѣднее, въ сущности, составляетъ часть перваго. Разница между тѣмъ и другимъ лишь та, что первое происходитъ при участіи парламента, а второе—безъ его участія, но съ предварительнаго разрѣшенія или согласія парламента. Многіе билли, принятые парламентомъ, предоставляютъ отдѣльнымъ министрамъ большія полномочія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ—напримѣръ въ законѣ о въѣздѣ иностранцевъ—инструкціи министра составляютъ плоть и кровь закона, скелетъ котораго данъ парламентомъ. Министерскія инструкціи, издаваемыя въ дополненіе закона, обязательно должны быть доложены парламенту. Докладъ дѣлается очень просто: экземпляръ напечатанной инструкціи кладется на столъ передъ спикеромъ палаты общинъ, и если въ теченіе извѣстнаго времени (обыкновенно—не менѣе мѣсяца) возраженій не поступаетъ, то инструкція получаетъ обязательную силу. Кромѣ того, имѣются еще мѣры, принимаемыя въ административномъ порядкѣ на основаніи „приказовъ совѣта“ (Orders in Council), въ предѣлахъ, допускаемыхъ конституціоннымъ правомъ Англіи; онѣ также подлежатъ утвержденію парламента, молчаливымъ согласіемъ или ясно выраженнымъ вотумомъ. Не слѣдуетъ забывать, что министры—сами кость отъ кости парламента, его мозгъ и его руки; каждый ихъ шагъ находитъ критику и контроль въ парламентѣ, да и во всей странѣ, не говоря уже о печати. Каждый министръ облеченъ довольно большой властью толковать по своему вѣдомству законы и устанавливать порядки, имѣющіе иногда значеніе законодательнаго акта.

Чрезвычайно важная мѣра принята вѣдомствомъ колоній: отмѣна рабства въ полу-независимыхъ владѣніяхъ занзибарскаго султана. Мѣра эта, обошедшаяся имперскому казначейству въ 40.000 ф. ст., дала свободу приблизительно десяти тысячамъ

негровъ. Въ Цейлонѣ, Гонконгѣ, на Малайскомъ полуостровѣ, въ китайскомъ Вей-хай-Веѣ, приняты мѣры противъ куренія опіума. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продажа этого вещества совершенно запрещена, въ другихъ изъята изъ частныхъ рукъ, въ третьихъ торговля имъ обставлена большими затрудненіями и формальностями. Конечной задачей всѣхъ этихъ мѣропріятій служитъ полное искорененіе вредной привычки. И здѣсь выразилось подчиненіе частныхъ интересовъ—общимъ, интересовъ меньшинства — интересамъ массы, хотя бы въ ущербъ доходамъ казны.

Министерство внутреннихъ дѣлъ, руководимое Гладстономъ, издало цѣлый рядъ обязательныхъ постановленій для охраны здоровья рабочихъ въ разныхъ отрасляхъ промышленности. Все административное творчество этого министерства какъ бы ушло на улучшеніе условій труда. По отзывамъ экспертовъ и самихъ рабочихъ организацій всѣ изданныя Гладстономъ постановленія отличаются полной цѣлесообразностью и отвѣчаютъ практической потребности. Фабричное законодательство предоставленною министру властью распространено на многія производства кустарнаго и домашняго характера, съ цѣлью ограниченія эксплоатаціи труда, сокращенія рабочихъ часовъ и улучшенія санитарныхъ условій. Характерно и новое распоряженіе Гладстона, разрѣшающее тюремной стражѣ и служащимъ въ мѣстахъ заключенія собираться на митинги въ стѣнахъ тюремъ, гдѣ они служатъ, для обсужденія своихъ профессіональныхъ нуждъ и для выбора делегатовъ на конференціи союзовъ, къ которымъ они могутъ принадлежать. Делегатамъ разрѣшаются отлучки на эти конференціи, съ сохраненіемъ оклада. Важны также и правила, выработанныя министромъ внутреннихъ дѣлъ съ цѣлью сокращенія сроковъ заключенія для арестантовъ хорошаго поведенія, приговоренныхъ на сроки меньше шести мѣсяцевъ. Раньше такое сокращеніе дѣлалось лишь для тѣхъ, кто былъ приговоренъ къ заключенію на срокъ выше шести мѣсяцевъ.

Министръ по дѣламъ Шотландіи (Secretary for Scotland) выказалъ свое законодательно-административное творчество въ полной реформѣ подготовки учительскаго состава для элементарнаго и средняго образованія.

Президентъ совѣта промышленности, нынѣ канцлеръ казначейства, Ллойдъ-Джорджъ, добился въ 1907 г., путемъ личныхъ переговоровъ, установленія желѣзнодорожныхъ третейскихъ совѣтовъ для мирнаго улаженія всяческихъ споровъ, возникающихъ между желѣзнодорожными компаніями и ихъ служащими. Планъ его, принятый одинаково компаніями и трэдъ-юніонами, имѣетъ

обязательную силу въ теченіе семи лѣтъ. Полная пригодность учрежденныхъ совѣтовъ засвидѣтельствована уже на практикѣ: они предупредили нѣсколько серьезныхъ столкновеній между дорогами и ихъ служащими.

Конечно, административный талантъ министровъ сказывается не только въ новыхъ распоряженіяхъ, но и въ умѣньѣ слѣдить за исполненіемъ старыхъ, не только въ изобрѣтеніи новаго, но и въ осуществленіи изобрѣтеннаго. Быть можетъ, эта сторона министерской дѣятельности еще труднѣе, чѣмъ законодательная. Но какъ бы ни была важна административная дѣятельность министровъ, не въ ней лежитъ главное значеніе министерства въ Англіи. Здѣсь разница между англійскимъ кабинетомъ министровъ и другими, хотя бы также парламентарными и партійными. Въ Англіи администрація, т.-е. все то, что касается примѣненія и осуществленія законовъ и соблюденія общественнаго порядка, сосредоточено почти всецѣло въ рукахъ самого общества, дѣйствующаго черезъ свои выборныя мѣстныя учрежденія. Министръ, какъ администраторъ, выступаетъ, за немногими исключеніями, лишь въ роли наблюдателя, контролера и толкователя закона.

Вотъ почему, хотя министры въ Англіи и отвѣчаютъ за успѣшное исполненіе функцій, возложенныхъ на ихъ вѣдомства, все же на нихъ смотрятъ не какъ на исполнителей, а какъ на созидателей. Этому способствуетъ выдающееся участіе ихъ въ законодательномъ творчествѣ.

С. Рапопортъ.

„ГОЛУБАЯ КУКУШКА“

(Романъ Эмиля Эртля *).

(„Die Leute aus dem Blauen Gukuckshaus“. Roman von Emil Ertl. Leipzig, 1908.)

Собравшееся въ домѣ „Англійскаго лорда“ общество раздѣлилось: дамы разговаривали въ „львиной“ комнатѣ, мужчины въ сосѣдней желтой гостиной усаживались за карточными столами. Даже Шролль, обыкновенно отказывавшійся отъ игры, на этотъ разъ взялся за карты, такъ какъ за однимъ изъ столовъ не хватало четвертаго партнера. Послѣ долгаго спора, кому первому сдавать, выборъ остановился на Шроллѣ. За вторымъ столомъ сдавать долженъ былъ ткачъ Рекеншусъ изъ „Веселой тирольки“; онъ сталъ медленно и важно мѣшать колоду.

— Ахъ, чортъ возьми!—воскликнулъ хозяинъ „Голубой кукушки“, взглянувъ на жилетъ дяди Пимпера. — Да! это можно назвать матеріей! Совсѣмъ какъ у настоящаго англійскаго лорда! Неужели это собственнаго производства?

— Пусть кто-нибудь попробуетъ выткать такую же!—отвѣтилъ польщенный дядя Пимперъ, хлопнувъ себя по животу. — Мы выткали ее для одного богатаго венгерскаго господина, а за-одно я и себѣ заказалъ такую же.

На немъ былъ широкій шелковый жилетъ стариннаго покроя. На бѣлоснѣжномъ фонѣ шелка, среди веселыхъ побѣговъ зелени, былъ изображенъ красками цѣлый звѣринецъ: тутъ были и весело качавшіяся обезьяны, и свирѣпо таращившій глаза

---

*) См. сентябрь, стр. 155.

носорогъ, который, казалось, хотѣлъ вызвать на бой выглядывавшаго изъ сосѣдняго завитка тигра; были красивые попугаи, райскія птицы, меланхолическій слонъ и пугливый кенгуру, бѣжавшій черезъ степь съ прижатыми ушами.

Кебахъ не могъ налюбоваться искусной работой.

— Теперь не стоитъ больше ходить въ Шенбруннъ смотрѣть звѣрей,—говорилъ онъ: — достаточно взглянуть на твой жилетъ, чтобы видѣть то же самое!

Дядя Пимперъ такъ захохоталъ, что весь звѣринецъ заколыхался.

Рекеншусъ, наконецъ, сдалъ карты, и игра началась.

— Постойте, господа! — воскликнулъ Кебахъ. — Мы забыли условиться, въ пользу чего отчислять процентъ съ игры!

Снова разгорѣлся ожесточенный споръ; каждый предлагалъ свою цѣль. Наконецъ всѣ согласились отдать собранныя деньги въ пользу семействъ ополченцевъ, и Кебахъ первый положилъ свою лепту на тарелку.

— А ты, Шролль, что скажешь? Ты, можетъ быть, находишь, что вычисленіе процентовъ — еврейское дѣло, и намъ не слѣдуетъ этимъ заниматься? — обратился Кебахъ къ молчавшему Шроллю.

Шролль сейчасъ же понялъ намекъ, скрывавшійся въ его словахъ, и счелъ нужнымъ отвѣтить.

— Очевидно, Шабзель успѣлъ вамъ пожаловаться,—сказалъ онъ.—Но вы ошибаетесь, если думаете, будто я его выгналъ за то, что онъ еврей. Я его вышвырнулъ за то, что онъ вздумалъ торговаться въ моемъ магазинѣ. У меня не тряпичная лавочка, и кто не въ состояніи платить за мой товаръ настоящую цѣну, тотъ можетъ убираться. Это правило такъ же обязательно для христіанъ, какъ и для евреевъ, и я бы не сталъ дурно обращаться съ евреемъ только изъ-за того, что онъ еврей. Достаточно глупостей дѣлаетъ правительство, преслѣдуя евреевъ, чтобы я еще помогалъ ему въ этомъ.

— Почему глупостей?—спросилъ дядя Пимперъ.—По-моему, правительство право, не давая евреямъ выдвигаться.

— Но вѣдь они такіе же люди, какъ и мы! — закричалъ Кебахъ.—Со стороны правительства просто безсердечно такъ ихъ притѣснять!

— При чемъ тутъ безсердечіе?—возразилъ Шролль.—Правительство не нуждается въ сердцѣ, когда у него есть разумъ. Но въ чемъ тутъ разумъ? О насъ усиленно заботятся, чтобы мы могли оставаться совершенными глупцами, а изъ евреевъ путемъ

постоянныхъ придирокъ и притѣсненій воспитываютъ способныхъ и находчивыхъ людей.

— Но государство существуетъ для христіанъ, а не для евреевъ!—воскликнулъ „Архангелъ Михаилъ“.—Вы, можетъ быть, хотите пустить евреевъ и въ цехъ шелковыхъ ткачей? Что же тогда оставалось бы намъ дѣлать?

— Что дѣлать? — повторилъ Шролль. — Очень просто: работать быстрѣе и лучше евреевъ.

— Послушай, Шролль, — сказалъ дядя Пимперъ. — Еслибы мой садовникъ одинаково ухаживалъ за всѣми цвѣтами оранжереи, изъ нихъ ничего не вышло бы. Но онъ ставитъ на солнце болѣе благородныя растенія, а худшіе сорта оставляетъ въ тѣни. Такъ же и правительство должно поступать со своими подданными.

— Правительство и такъ воспитываетъ насъ какъ тепличныя растенія,—сказалъ Шролль.

— Оранжерейные цвѣты — самые красивые,—сказалъ „Архангелъ“.

— Зато они безплодны, — возразилъ Шролль. — Впрочемъ, я допускаю, что твой садовникъ хорошо знаетъ свое дѣло. Ну, а насчетъ нашихъ государственныхъ садоводовъ у каждаго можетъ быть свое мнѣніе. Мы сами должны быть садовниками въ нашемъ государствѣ, а правительство въ сущности только нашъ работникъ. Мы не дѣти, которымъ нужна нянька, чтобы водить на помочахъ, поить молочкомъ и пугать букой, когда мы гадкіе. Мы, бюргеры, составляемъ душу государства,—можетъ-быть не больше чѣмъ крестьяне, но ужъ во всякомъ случаѣ больше чѣмъ остальныя сословія. Мы должны только на себя полагаться, если не хотимъ погибнуть. Пускай бюргеры сами защищаютъ себя прилежаніемъ и тщательностью работы: иначе никакіе чиновники не смогутъ оградить цехъ отъ наплыва евреевъ, если тѣ будутъ честными, искусными и старательными работниками. Уже теперь можно видѣть, къ чему приводитъ преслѣдованіе евреевъ. Евреи лишены права жениться и имѣть дѣтей, они не могутъ владѣть недвижимостью, ихъ не принимаютъ ни на военную службу, ни въ канцеляріи, ни въ цехи—и что же? Я знаю дома на Шоттенфельдѣ, принадлежащіе евреямъ; знаю фабрики, которыя ведутся на еврейскія деньги. Какъ это объяснить? Отчего это, по-вашему, происходитъ?

Дядѣ Пимперу видимо былъ непріятенъ этотъ разговоръ. Онъ находилъ, что напрасно Шролль такъ рѣзко высказываетъ свое мнѣніе и портитъ настроеніе людямъ, которые, право, собрались

для удовольствія, а не для споровъ. Недаромъ его прозвали „грубымъ Шроллемъ“!

— Я вамъ скажу, отчего это происходитъ, — продолжалъ Шролль.—Многіе бюргеры надѣются, что правительство вѣтерку не дастъ на нихъ подуть, если только они будутъ слушаться начальства и не говорить лишняго. Вотъ противъ чего должны мы бороться, дорогіе друзья, а не противъ наплыва евреевъ! Если мы не поумнѣемъ хоть немного и останемся вялыми и безвольными, чиновники, охраняющіе насъ при помощи полиціи и цензуры, добьются въ одинъ прекрасный день того, что исчезнетъ твердое и дальновидное нѣмецкое бюргерство. И исчезнетъ, быть можетъ, тогда, когда государству больше всего нужны будутъ бюргеры.

— Это все пустыя рѣчи! — возразилъ „Архангелъ Михаилъ“. — Фабрикантъ долженъ знать свое дѣло, а политикой ему нечего заниматься. Будетъ гораздо умнѣе, если онъ предоставитъ другимъ за него думать.

— Хорошо, если они дѣйствительно будутъ за насъ думать! А если они тоже не умѣютъ, тогда что? — сказалъ ленточникъ Клебиндеръ.—Тогда пожалуй было бы умнѣе, еслибъ мы попробовали сами о себѣ подумать.

Кебаху стало жаль Пимпера.

— Ну, господа, давайте продолжать игру!—сказалъ онъ.—Пусть каждый столъ отчисляетъ процентъ въ чью хочетъ пользу, мы отдаемъ свой процентъ на народное ополченіе!

— Лучше отдать на благотворительность! — запротестовалъ Шролль.—Какое намъ дѣло до народнаго ополченія?

— Намъ нѣтъ никакого дѣла до военныхъ! — согласился „Архангелъ“.

— Да вѣдь это не просто военные, это народная дружина! Должны же мы защитить себя отъ врага!

— Развѣ это дѣло бюргеровъ? — закричалъ, потерявъ терпѣніе, Шролль.—Тамъ, гдѣ горожане дѣйствительно должны бы дѣйствовать самостоятельно, тамъ мы только и слышимъ: правительство да правительство! А теперь, когда надвигается война, теперь только и слышно: бюргеры да бюргеры! Въ мирное время насъ держатъ подъ надзоромъ полиціи, какъ преступниковъ, а когда грозитъ опасность, мы вдругъ оказываемся потомками славныхъ защитниковъ Вѣны!

— Все равно мы будемъ побѣждены,—усмѣхнулся Войтехъ.

— Нечего смѣяться, — закричалъ, вскакивая, Кебахъ.— Стыдись! Смѣяться, когда отечество въ опасности!

Дядя Пимперъ давно былъ недоволенъ темой разговора, а теперь ему, какъ хозяину дома, сдѣлалось неловко.

— Стоитъ ли горячиться?—пытался онъ успокоить Кебаха.

Но это было не такъ легко.

— Я по крайней мѣрѣ считаю себя потомкомъ тѣхъ славныхъ вѣнцевъ!—яростно кричалъ Кебахъ.—И съумѣю доказать это всякимъ parlez-vous! Теперь, когда императоръ и родина въ опасности, намъ нечего разсуждать объ обязанностяхъ государства и бюргерства. Императоръ призываетъ насъ къ нашему долгу, и этого достаточно для настоящаго вѣнца!

Шролль тоже вскочилъ, возмущенный угрожающимъ тономъ Кебаха. Они стояли другъ противъ друга. О картахъ конечно никто больше не думалъ.

— Вотъ какъ! По-вашему, мы даже разсуждать не смѣемъ!—кричалъ Шролль.—Мы и безъ того не имѣемъ никакого политическаго вліянія и вся наша судьба зависитъ отъ десятка аристократическихъ семействъ! Нашими деньгами распоряжается какой-то венгерскій господинъ, стоящій во главѣ финансовой коммиссіи! И самъ же сознается мнѣ, что ничего не понимаетъ въ финансовыхъ вопросахъ! Вотъ какіе у насъ порядки! Правительство больше всего боится, чтобы граждане не были слишкомъ образованы! А полиція слѣдитъ за тѣмъ, чтобы мы были не людьми, а только вѣрноподданными! Правительство начинаетъ даже подумывать, не лучше ли совсѣмъ запретить торговлю и промышленность?

— За послѣдніе годы многое улучшилось,— успокоительно сказалъ дядя Пимперъ.—Цензура стала снисходительнѣе, на школы смотрятъ лучше... Я даже читалъ въ какой-то книжкѣ, что мы входимъ въ область нѣмецкой культуры и должны пользоваться ея плодами; и представьте!—книга эта не была запрещена!

— Теперь, въ ожиданіи войны, насъ хотятъ подкупить двумятремя наскоро выработанными реформами. Но я не довѣряю прочности этого настроенія; нѣкоторые признаки очень мнѣ не нравятся. Взять хотя бы то, что теперь мы лишены права выбирать своего бургомистра!

— Обо всемъ этомъ будемъ говорить, когда минуетъ опасность!— возразилъ Кебахъ.—Теперь близится народная война, святая война!

— Постой, гдѣ же народъ?—прервалъ его Шролль.— Мы, напримѣръ, не хотимъ войны. И французскій народъ тоже не хочетъ. Эту войну затѣяли два корсиканца!

— Два корсиканца?—переспросилъ дядя Пимперъ.

— Одинъ изъ нихъ—Наполеонъ,—пояснилъ Шролль,—а другой—фонъ-Балдачи [1]). Имъ обоимъ нѣтъ никакого дѣла до своего народа.

— Я ничего не понимаю въ высшей политикѣ,—кричалъ обозленный хозяинъ „Кукушки“.—Я одно знаю: я австріецъ и долженъ слѣдовать волѣ своего государя. На войну я самъ не въ силахъ идти, а народному ополченію буду помогать, чѣмъ могу. Когда война окончится, нашъ добрый государь не оставитъ насъ своими милостями.

— Вы надѣетесь на правительство, а я полагаюсь только на самого себя: въ этомъ между нами разница,—сказалъ Шролль.—Нашъ императоръ и окружающіе его эрцгерцоги Карлъ, Іоганнъ и Райнеръ прилежно и съ любовью работаютъ для блага народа. Но почему же каждое лекарство превращается въ ядъ въ ихъ рукахъ? Отчего это происходитъ? Оттого, что намъ не даютъ самостоятельно избрать свой путь, не даютъ свободно развиваться нашимъ силамъ. За нашей спиной всегда стоитъ надсмотрщикъ съ палкой! Если такъ будетъ продолжаться, это грозитъ несчастьемъ государству и династіи, ибо бюргерство составляетъ оплотъ и надежду будущаго! И даже въ моментъ опасности намъ не слѣдуетъ поддаваться фальшиво-патріотическому воодушевленію и забывать о своихъ неотложныхъ нуждахъ!

— Я не умѣю такъ красно говорить,—отвѣтилъ Кебахъ,—я только одно скажу: Наполеонъ желаетъ смѣщать всѣхъ государей, а своего государя я смѣстить не позволю!

— Я согласенъ съ вами!—твердо сказалъ Клебиндеръ.—Мы должны твердо и безъ всякихъ разсужденій стоять за своего императора, такъ какъ ожидается кровавая война!

Напоминаніе о близкой войнѣ вызвало волненіе. Всѣ оживленно стали обсуждать возможныя послѣдствія войны и передавать другъ другу ходившіе по городу слухи. Карты были окончательно забыты, и споръ объ отчисленіи процента оказался празднымъ.

Между тѣмъ пора было присоединиться къ дамамъ. Въ „львиной“ комнатѣ обсуждался тотъ же вопросъ о войнѣ, который наполнялъ всѣ мысли и заставлялъ биться всѣ сердца.

— Что я слышу!—обратилась „лэди“ къ входившему Шроллю:—Лебольдъ тоже хочетъ идти на войну?

---

[1]) Антонъ фонъ-Балдачи, корсиканскаго происхожденія, членъ государственнаго совѣта, самый вліятельный въ то время совѣтчикъ императора и представитель партіи, стоявшей за войну.

Кебахъ пожалъ плечами.

— Ему вѣроятно придется отказаться отъ своего намѣренія,—сумрачно сказалъ онъ.

— Еслибъ я была мужчиной, я бы непремѣнно пошла на войну! — сказала тетушка въ громадной шляпкѣ изъ зеленой тафты.—И мы были бы съ вами товарищами! — прибавила она со сладкой улыбкой, обращаясь къ Мельхеру.

„Турчанка“ тоже одобрила рѣшеніе Лебольда.

— У мусульманъ каждый юноша носитъ мечъ. Это бы слѣдовало и у насъ ввести! Я бы гордилась такимъ сыномъ, который вступаетъ въ ополченіе! — сказала она фрау Шролль.

Мать Лебольда была грустна и озабочена.

— Быть-можетъ отецъ все же дастъ свое согласіе, — сказала она, просительно глядя на Шролля. Тотъ удивился, не понимая, что̀ означаетъ неожиданная перемѣна ея мнѣнія.

Вскорѣ гости распрощались съ хозяевами и начали расходиться.

Съ тяжелымъ сердцемъ возвращался домой Лебольдъ. Его восхищала и вмѣстѣ съ тѣмъ тревожила смѣлость, съ какой Веттль посылала его на войну. Показываетъ ли это твердость ея души, или просто она къ нему равнодушна и потому такъ легко посылаетъ его навстрѣчу опасности?

Онъ очень бы хотѣлъ знать правду. Но звѣзды, мирно освѣщавшія тихія улицы, не могли дать отвѣта на его тревожные вопросы.

Отпускъ Мельхера пришелъ къ концу. Нельзя сказать, чтобы ему легко было прощаться съ домомъ „Голубой кукушки“, но онъ держался твердо.

— Если матушка будетъ нуждаться въ деньгахъ,—говорилъ онъ на прощанье,—она знаетъ, гдѣ лежитъ золотой дукатъ, подаренный мнѣ при крещеніи.

Но мать настаивала, чтобы онъ взялъ дукатъ съ собой.

— Если ты, въ столкновеніи съ какимъ-нибудь французомъ, почувствуешь себя слабѣе его, такъ дай ему дукатъ, и онъ можетъ-быть тебя отпуститъ, — говорила она и при этомъ такъ плакала, какъ будто уже видѣла его убитымъ или раненымъ.

Мельхеръ вынужденъ былъ взять дукатъ, чтобы ее успокоить.

Онъ обнялъ мать, крѣпко поцѣловалъ и вышелъ. Всѣ пошли его провожать. Даже хозяинъ вышелъ на дворъ попрощаться.

— Помни, Мельхеръ, ты — дитя нашего дома, — говорилъ

Кебахъ, пожимая ему руки.—Иди съ Богомъ! И если ты вернешься, мы поможемъ тебѣ изучить всѣ тонкости ткацкаго искусства.

— Мельхеръ, Мельхеръ, вернешься ли ты ко мнѣ? — безпомощно всхлипывала мать.

— Конечно, вернусь! Господь поможетъ мнѣ сдать пробную работу и сдѣлаться подмастерьемъ—иначе это вышло бы, какъ будто я сбѣжалъ отъ нашего хозяина.

Веттль была очень взволнована, когда протянула ему на прощанье руку.

— Храни тебя Господь, Мельхеръ, храни тебя Господь! Я часто буду о тебѣ вспоминать. И если услышу, что французы бѣжали, я всегда буду думать: Мельхеръ въ этомъ участвовалъ!

Онъ съ трудомъ подавилъ волненіе.

— Знаешь, Веттль, — сказалъ онъ:—когда въ атакѣ я полечу на встрѣчу врагу, я вспомню о тебѣ, какъ о своемъ ангелѣ-хранителѣ!

— Зачѣмъ думать о смерти?—вмѣшался подмастерье Винченцъ.—Иногда и отъ пули можно вылечиться.

Онъ снялъ съ ноги туфлю и показалъ рану, которую всѣ хорошо знали. Осколокъ гранаты раздробилъ ему кость въ ступнѣ; теперь на подъемѣ виденъ былъ шрамъ величиной съ дѣтскую руку.

Винченцъ въ сотый разъ сталъ разсказывать исторію своей раны, но въ это время подошелъ старый Зальцкюфель.

— Храни тебя Богъ, Мельхеръ. Всѣ мы въ Господней волѣ, и я за своимъ станкомъ не въ большей безопасности, чѣмъ ты на полѣ сраженія.

— Прощай, Веттль!—тихо сказалъ Мельхеръ.—Не забывай меня.

Попрощавшись со всѣми, онъ вышелъ изъ воротъ дома.

— Мнѣ все кажется, что онъ больше не вернется,—сказала Капланекъ и залилась слезами. Веттль принялась ее успокаивать.

Вскорѣ въ домѣ „Голубой кукушки“ всѣ принялись за обычную работу.

Между тѣмъ Мельхеръ шелъ, не оглядываясь, по Циглерштрассе. Только дойдя до угла, онъ обернулся назадъ. Издалека глядѣлъ на него домъ „Голубой кукушки“, его родина, его колыбель и — какъ онъ, по крайней мѣрѣ, надѣялся—его будущность. Неужели въ послѣдній разъ онъ слышитъ доносящійся изъ открытыхъ оконъ шумъ ткацкихъ станковъ? Неужели въ

послѣдній разъ взглядъ его покоится на старомъ миломъ домѣ, гдѣ живетъ его мать, гдѣ живетъ Веттль?.. На одно мгновеніе сердце его мучительно сжалось, но онъ овладѣлъ собой и рѣшительно двинулся въ путь.

Какъ-то разъ послѣ обѣда дядя Пимперъ пригласилъ Кебаха осмотрѣть новые станки. Кебахъ сейчасъ же одѣлъ свой фракъ и отправился на Кирхенгассе, въ домъ „Англійскаго лорда".

Когда онъ вошелъ въ кабинетъ Пимпера, онъ сразу замѣтилъ удрученное состояніе хозяина. Пимперъ поблагодарилъ его за приходъ и повелъ на фабрику. Они прошли черезъ нѣсколько рабочихъ помѣщеній, пока не попали въ ткацкую, гдѣ безъ работы стояли новые станки.

— Это станки новѣйшаго устройства, — объяснилъ Пимперъ. — Они отличаются отъ старыхъ тѣмъ, что вмѣсто выступающихъ шпеньковъ барабанъ снабженъ углубленіями, которыя располагаются соотвѣтственно узору. Вотъ видишь, эти иголки захватываютъ дырочки барабана и приводятъ его въ движеніе.

— Идея недурна! — воскликнулъ Кебахъ. — При такомъ устройствѣ иголки можно расположить нѣсколькими рядами, и узоръ получится гораздо богаче, чѣмъ на старыхъ станкахъ. Придумано остроумно, но врядъ ли что-нибудь изъ этого выйдетъ.

— Я тебѣ сейчасъ покажу его въ движеніи. Истинное наслажденіе смотрѣть, какъ онъ работаетъ, — отвѣтилъ Пимперъ.

Онъ позвалъ работника и приказалъ пустить въ ходъ одинъ изъ станковъ. Пріятно было смотрѣть, какъ заплясали вверхъ и внизъ иголки, симметрично группируясь въ тактъ движенію, какъ будто танцуя торжественный менуэтъ.

— Ну, что скажешь?—воскликнулъ въ восторгѣ дядя Пимперъ.—Не правда ли, это выглядитъ чудесно?

Не успѣлъ онъ докончить своихъ словъ, какъ работа остановилась. Оказалось, что погнулись иголки.

— Что-жъ теперь дѣлать?—растерянно спрашивалъ Пимперъ.

— Надо позвать механика,—сказалъ Кебахъ.

— Онъ уже былъ и посовѣтовалъ лучше сдѣлать новый станокъ. А я такъ дорого заплатилъ за этотъ!

— Неужели заплатилъ уже? Раньше нужно было испробовать его. Вальдхеръ, который сдѣлалъ эти станки, отличный механикъ, но онъ не ткачъ. Твое было дѣло объяснить ему, что они не годятся для употребленія. Все это оттого происходитъ, что у тебя голова полна разными коммерческими комбинаціями!

Когда они вернулись въ кабинетъ, Кебаху показалось, что дядя Пимперъ принялъ исторію со станками слишкомъ близко къ сердцу.

— Полно, Пимперъ, со мной случались такія же неудачи! Да и много ли для тебя составляютъ эти нѣсколько тысячъ гульденовъ, которыя ты потерялъ.

Пимперъ сдѣлалъ такой жестъ, какъ будто хотѣлъ что-то возразить. Но онъ ничего не отвѣтилъ и послѣ краткаго молчанія сказалъ только:

— Если у тебя есть нѣсколько свободныхъ минутъ, будь добръ побыть здѣсь, а я сейчасъ вернусь.

Кебахъ отложилъ шляпу и остался одинъ въ кабинетѣ. Онъ сталъ расхаживать по комнатѣ. Въ дверь постучали, и, къ его изумленію, вошелъ Шабзель.

— Цѣлую вамъ руки, хозяинъ „Кукушки“! — сказалъ онъ. Вотъ ужъ не надѣялся встрѣтить васъ здѣсь.

— Вы къ Пимперу, его сейчасъ нѣтъ,—нетерпѣливо отвѣтилъ Кебахъ.

— Я собственно хотѣлъ говорить съ господиномъ „Англійскимъ лордомъ“, но ужъ если Господь далъ встрѣтиться съ господиномъ Кебахомъ...

— Я больше не куплю платковъ!—разсердился Кебахъ.

— Зачѣмъ платки? Я покажу господину бумагу!—отвѣтилъ Шабзель, подавая сложенный листокъ.

— На что она мнѣ?—недовѣрчиво спросилъ Кебахъ.

— Если господинъ броситъ только одинъ взглядъ на эту бумагу, такъ ужъ онъ самъ увидитъ, на что она ему,—отвѣтилъ Шабзель съ улыбкой.

Кебахъ взялъ у него бумагу, развернулъ и испугался: это былъ вексель на большую сумму, которую Шабзель далъ Пимперу подъ высокіе проценты. Кебахъ покраснѣлъ отъ гнѣва; изъ-за Шабзеля онъ совершилъ большую неловкость, заглянувъ въ чужой вексель.

— Зачѣмъ вы мнѣ это показываете? — накинулся онъ на Шабзеля.—Съ чего вы взяли, что эта бумага можетъ мнѣ пригодиться?

— Развѣ я говорилъ, что она годится господину Кебаху? Я только сказалъ, что если господинъ на нее взглянетъ, такъ ужъ онъ увидитъ, на что она нужна.

Въ это время вошелъ „лордъ“. Кебахъ извинился передъ нимъ, что по недоразумѣнію взглянулъ на документъ.

— Ничего,—сказалъ, сохраняя самообладаніе, дядя Пим-

перъ. — У меня тогда не было свободныхъ денегъ. Въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго и мнѣ незачѣмъ изъ этого дѣлать тайну.

Но ему было непріятно, и онъ обрушился на Шабзеля.

— Какъ вы сюда попали? — кричалъ онъ.—Что вамъ собственно нужно? Уходите, мнѣ сейчасъ некогда.

— Какъ я сюда попалъ? Какъ Шабзель можетъ войти? Черезъ дверь можетъ Шабзель войти, какъ всякій человѣкъ. Что мнѣ нужно? Это господинъ самъ можетъ узнать, если потрудится взглянуть на календарь.

— Развѣ вы не видите, что у меня гости? Вы можете придти въ другой разъ,—сдержанно отвѣтилъ Пимперъ.

— Если господинъ „Англійскій лордъ“ хочетъ, чтобы Шабзель ушелъ, такъ Шабзель уйдетъ. Только раньше Шабзель долженъ получить свои деньги.

Пимперъ задумался.

— Видите ли, Шабзель, у меня сейчасъ нѣтъ наличныхъ денегъ. Вамъ придется немного подождать, а въ обезпеченіе, если хотите, я могу предоставить свою фабрику.

— Вы очень добры ко мнѣ, но я предпочитаю получить деньги.

— Но вы же слышите, что у меня ихъ сейчасъ нѣтъ!

— Въ такомъ случаѣ вамъ придется объявить себя банкротомъ.

„Лордъ“ поблѣднѣлъ и опустился въ кресло. Тогда вступился Кебахъ.

— А что если я поручусь за Пимпера? Это будетъ для васъ достаточнымъ обезпеченіемъ? Или тоже нѣтъ?

— Если господинъ Кебахъ поручится, то я тутъ же порву бумаженку съ моей претензіей!—воскликнулъ Шабзель и взялъ со стола вексель.

— Наоборотъ, вы получите бумагу съ моей подписью!

Когда Шабзель наконецъ ушелъ съ векселемъ, подписаннымъ Кебахомъ, Пимперъ уронилъ голову на руки и сокрушенно вздыхалъ:—Что же мнѣ теперь дѣлать?

— Не приходи въ отчаяніе! Лучше приготовь къ завтрашнему дню свои конторскія книги. Мы вмѣстѣ обсудимъ дѣла, и все пойдетъ на ладъ.

— Сердечное тебѣ спасибо, не всякій бы поступилъ такъ на твоемъ мѣстѣ, сердечное спасибо тебѣ!

Кебахъ ласково распрощался съ нимъ и пошелъ домой.

Однажды, когда Зальцкюфель, окончивъ работу, спускался со своей собакой во дворъ, къ нему по обыкновенію присоединился Толльріанъ. Былъ прелестный осенній вечеръ, и они пошли въ садъ посидѣть на своей скамейкѣ подъ липами. Желтые листья покрывали дорожки; деревья были прозрачны. Но воробьи звонко щебетали и думать не хотѣли о наступающей зимѣ.

— Ты работалъ прилежно весь день?—спросилъ Толльріанъ.

— О, да! Я выткалъ порядочный кусокъ. А ты что сегодня дѣлалъ?

У Толльріана заблестѣли глаза.

— Я напалъ на слѣдъ! — сказалъ онъ тихо, почти таинственно.

— На чей слѣдъ?

— Истины!

— Истины? Знаешь, я думаю, для нашихъ человѣческихъ глазъ она слишкомъ величественна. И эти исканія истины мнѣ всегда напоминаютъ бѣлку въ колесѣ.

— Распространи свое сравненіе на всѣ людскія дѣла, и я соглашусь съ тобой.

— Нѣтъ, не во всемъ это такъ. Въ чемъ я уповаю на Бога, то стойтъ твердо и незыблемо.

Въ противоположность своему другу, Толльріанъ обладалъ безпокойнымъ характеромъ. Онъ считалъ ядомъ бюргерскую удовлетворенность жизнью; по его мнѣнію, она мѣшала духовному росту личности. Новыя идеи свободы, равенства и братства овладѣли его мыслями. Все свое время онъ посвящалъ изученію языковъ и чтенію философскихъ книгъ. Унаслѣдованная отъ отца фабрика, подъ названіемъ „Вѣчная жизнь“, была имъ заброшена и пришла въ полное запустѣніе. Онъ во-время успѣлъ ее закрыть и жилъ на маленькую ренту. Толльріанъ былъ вдовцомъ и имѣлъ единственнаго сына, прозваннаго Шакерлемъ; настоящее его имя было Жанъ-Жакъ.

— Самое главное—это то, что духъ Божій живетъ во всѣхъ насъ,—повторилъ свою мысль Зальцкюфель.

— Неужели мы должны по-прежнему говорить своимъ дѣтямъ: ты долженъ это дѣлать, потому что такъ Богъ велитъ? А если они въ Него не вѣрятъ? Развѣ можно заставить повиноваться Богу, когда даже существованіе Его нельзя доказать?

— Я только одно знаю,—возразилъ Зальцкюфель:—кто работаетъ и радуется своей работѣ, тотъ хорошій человѣкъ, довольный своей жизнью. И если юноша къ этому не пріученъ, то, значитъ, все его воспитаніе было ложно.

Зальцкюфель охотно взялъ бы свои слова назадъ, такъ какъ Толльріанъ легко могъ принять ихъ за намекъ на его опытъ воспитанія. Жанъ-Жакъ въ дѣтствѣ наслаждался полной свободой, и это развило въ немъ своеволіе. Религія, по мнѣнію Толльріана, была заблужденіемъ. Его единственной вѣрой была вѣра въ человѣчество и его будущее счастье. Работать для грядущаго счастья людей—высшая цѣль каждаго. Шакерлю это ученіе понравилось, но онъ понималъ его по-своему. Если дѣлать только то, что̀ самому кажется болѣе выгоднымъ, то станешь еще вдобавокъ благодѣтелемъ человѣчества. Тщетно объяснялъ отецъ, что дѣло идетъ о *правильно* понятой пользѣ, а не о томъ, что̀ въ данный моментъ кажется выгоднымъ и пріятнымъ. Жанъ-Жакъ не хотѣлъ это понять. Онъ полюбилъ веселое ничегонедѣланіе и свободу. Когда Жанъ-Жакъ выросъ, его разногласія съ отцомъ приняли серьезную форму. Онъ утверждалъ, что отецъ хочетъ подчинить его своей волѣ и что этого онъ не выдержитъ. И дѣйствительно, въ одно прекрасное утро онъ исчезъ, не оставивъ отцу ни слова на прощанье. Всѣ розыски были безуспѣшны. Объ этомъ-то задумался Толльріанъ и долго не могъ произнести ни слова.

— Какъ ты достигаешь спокойствія, Зальцкюфель? — спросилъ, послѣ молчанія, Толльріанъ. — Сколько я ни работаю, я все же не увѣренъ, правильно ли то, къ чему я пришелъ. А ты всегда такъ удовлетворенъ. Скажи мнѣ, отчего это?

— Я самъ хорошенько не знаю. У меня всегда такое чувство, что все будетъ хорошо. Все, чего люди добиваются и изъ-за чего весь міръ волнуется, все когда-нибудь устроится отлично. И мнѣ, слѣдовательно, не о чемъ заботиться. Обо всемъ позаботится Тотъ, Кто наверху!

Оба замолчали. Воробушки въ саду разсыпались въ безконечномъ щебетаньѣ и миловались съ самками, какъ будто снова начиналась весна.

— Слышишь,—сказалъ Зальцкюфель,—даже ихъ щебетанье славитъ Творца!

День Всѣхъ Святыхъ былъ одинъ изъ тѣхъ ясныхъ солнечныхъ дней, какими иногда даритъ поздняя осень; но ночью выпалъ первый снѣгъ, и когда наступилъ день поминовенія всѣхъ усопшихъ, снѣгъ окутывалъ непроницаемымъ покровомъ дома и улицы.

Веттль выглянула изъ окна и сквозь туманъ увидѣла дорожку и дерновыя скамейки сада. Кусты и деревья стали совсѣмъ

прозрачными; садъ сдѣлался маленькимъ; видно было, что онъ гораздо болѣе стиснутъ стѣнами и строеніями, чѣмъ казалось лѣтомъ. Веттль успѣла наканунѣ срѣзать нѣсколько красивыхъ вѣтокъ дикаго винограда для вѣнка на могилу матери. Она стала старательно плести вѣнокъ, погрузясь въ воспоминанія о безвременно умершей. Но мало-по-малу она невольно унеслась мыслями изъ добраго стараго дома „Кукушки“ и задумалась о томъ новомъ, незнакомомъ ей чувствѣ, которое съ недавняго времени стало ею овладѣвать. Иногда ей казалось, будто ея душа и тѣло зависятъ отъ воли кого-то другого и что она почти составляетъ часть его существа. Почему она не могла быть радостной, если не видѣла его или не слышала о немъ?

Когда вѣнокъ былъ готовъ, Веттль спустилась внизъ и пошла посмотрѣть, дома ли Рослини.

Рослини была дальняя родственница Кебаха, занимавшаяся ручными работами. Уже много лѣтъ жила она въ маленькой комнаткѣ около кухни и каждый Новый годъ приходила пожелать счастья Кебаху, котораго называла „многоуважаемымъ родственникомъ“, и приносила въ пакетикѣ годовую плату за квартиру. Кебахъ всякій разъ возражалъ ей то же самое: что ея комната ему не нужна, чужихъ людей въ домъ онъ не сталъ бы пускать, что очень ей благодаренъ, такъ какъ изъ-за нея комнатка не пустуетъ и стѣны не сырѣютъ. Тогда она брала назадъ пакетикъ и благодарила Кебаха, а на слѣдующій годъ все начиналось сызнова. Въ молодости Рослини слыла красавицей, но никто не зналъ, пережила ли она что-нибудь въ своей жизни. Теперь она выходила изъ дому только въ церковь слушать музыку, которую обожала.

Веттль постучала въ дверь. Рослини вышла въ шляпѣ и въ большомъ платкѣ; въ рукахъ у нея былъ вѣнокъ изъ засушенныхъ цвѣтовъ.

— Я бы хотѣла объ одномъ тебя спросить, Рослини,—сказала Веттль, когда онѣ подходили къ кладбищу:—я знаю, ты не будешь надо мной смѣяться. Года два назадъ я была съ отцомъ въ городскомъ театрѣ; не помню названія пьесы, которую давали. Помню только, что говорили только о любви и всѣ другъ съ другомъ враждовали изъ-за любви. А въ концѣ они отъ большой любви убили себя и другихъ, такъ что въ театрѣ никого не осталось въ живыхъ, кромѣ зрителей, да и тѣ были полумертвы отъ страха. Неужели это и есть любовь? Вѣдь можно любить, не буйствуя и не отравляя другимъ жизни своими вздохами и стонами?

— Развѣ ты когда-нибудь видѣла меня вздыхающей и корчащей постныя мины? Слушай, дитя, и я когда-то любила. Онъ тоже меня любилъ, но изъ этого ничего не вышло. Онъ былъ молодымъ пасторомъ въ Шоттенѣ и такъ чудно игралъ на органѣ, какъ я больше никогда не слыхала. Но, какъ это часто бываетъ въ жизни, намъ пришлось разстаться. Нельзя думать только о любви. Главное въ жизни — работа и кромѣ того умѣнье сохранить свою мелодію. Въ сердце каждаго человѣка Богъ вложилъ особую мелодію, и этой мелодіей нельзя жертвовать даже ради любимаго человѣка.

— И я такъ думала. Мнѣ часто кажется, что Господь когда-нибудь научитъ меня, что̀ такое любовь. Но при этомъ мнѣ бы хотѣлось остаться самой собою. Вѣдь если человѣкъ выбираетъ себѣ подругу, онъ ищетъ въ ней не свое отраженіе, а нѣчто самостоятельное, новое для него. Не такъ ли?

— Конечно — сказала Рослини. — Сердца должны звучать вмѣстѣ, чтобы не было фальши, но каждый инструментъ долженъ вести свою мелодію, чтобы получился полный звукъ. Нашъ Капельмейстеръ, Который наверху, велитъ каждому играть то, что̀ Онъ ему положилъ на пультъ; и если даже Онъ вырветъ у тебя страницу, нужно сжать губы и мужественно играть дальше.

— Ты права, Рослини; мы не слышимъ созвучія цѣлаго, но должны думать о міровой гармоніи. Не такъ ли?

— Ты на вѣрномъ пути, дитя,—сказала Рослини.—Сегодня мы довѣрили другъ другу свои сердечныя тайны, а теперь будемъ молчать объ этомъ, какъ раньше.

Онѣ вошли на кладбище и распростились, чтобы пройти каждая къ своей могилкѣ. На могилѣ своей матери Веттль увидѣла фрау Капланекъ. Веттль поздоровалась съ ней и положила свой вѣнокъ изъ дикаго винограда въ головахъ могилы. На одной изъ дорожекъ показалось семейство Шроллей; послѣднимъ шли Лебольдъ, одѣтый въ темное штатское платье, и Францль. Поровнявшись съ нею, они вѣжливо поклонились ей и прошли дальше. Веттль спокойно отвѣтила на ихъ поклонъ. Когда Веттль склонилась надъ могилой, ей казалось, что мать снова съ нею; ей захотѣлось все разсказать матери и попросить силы и твердости въ сердечномъ горѣ, которое она предчувствовала.

Когда Веттль, вернувшись съ кладбища, накрывала къ обѣду, въ дверь постучали и вошелъ Винченцъ. Онъ хотѣлъ говорить съ хозяиномъ.

— Что тебѣ нужно, Винченцъ?—спросилъ Кебахъ.—Развѣ ты не видишь, что мы садимся къ столу?

Винченцъ извинился, объяснилъ, что у него очень спѣшное дѣло, и сталъ подробно разсказывать о бывшемъ наканунѣ смотрѣ войскъ.

— Меня очень радуетъ, что народное ополченіе такъ отличилось на смотру,—сказалъ Кебахъ, выслушавъ разсказъ.—Но я не совсѣмъ понимаю, почему ты такъ торопился разсказать это мнѣ.

— Потому что я самъ хочу вступить въ народное ополченіе!

Хозяинъ „Голубой кукушки“ даже ѣсть пересталъ отъ изумленія.

— Какъ, ты хочешь сбѣжать отъ меня?

— Я старый солдатъ, раненый подъ Аустерлицемъ, — при этомъ онъ поднялъ ногу и показалъ на свой башмакъ,—и когда я услышалъ полковую музыку, я почувствовалъ, что долженъ тоже идти. Я не могу иначе!

Кебахъ былъ тронутъ. Его радовало, что Винченцъ пришелъ къ такому патріотическому рѣшенію и что такимъ образомъ изъ „Голубой кукушки“ двое будутъ сражаться съ parlez-vous. Онъ разрѣшилъ Винченцу жить въ прежней комнаткѣ, пока ополченіе не выступитъ въ походъ. Винченцъ трогательно попрощался со всѣми, какъ будто онъ шелъ прямо на поле сраженія, и просилъ вспоминать его, если онъ погибнетъ въ бою.

Въ тотъ же день Винченцъ отправился въ воинское присутствіе. Тамъ ему сказали, что всѣ отряды уже сформированы. Чиновники посовѣтовали ему обратиться къ командующему шоттенскимъ вольнымъ батальономъ. Винченцъ обѣгалъ полъ-города, чтобы найти его. Съ бьющимся сердцемъ разсказалъ онъ объ аустерлицкомъ сраженіи и сталъ быстро стаскивать башмакъ, чтобы показать свою рану. Командующій повѣрилъ ему на-слово, но сказалъ, что онъ явился слишкомъ поздно; да и кто знаетъ, не помѣшаетъ ли ему рана при большихъ переходахъ. А инвалиды въ войскѣ не нужны!

Такой отвѣтъ глубоко огорчилъ Винченца. Онъ походилъ на мокраго пуделя, когда вечеромъ пришелъ къ Кебаху и попросился обратно на фабрику. Но онъ разсказалъ только, что все полно; объ „инвалидѣ“ онъ умолчалъ.

— Не огорчайся, Винченцъ!—добродушно сказалъ хозяинъ.—Быть такимъ искуснымъ и надежнымъ ткачемъ, какъ ты—тоже служба отечеству!

Эти слова были для Винченца бальзамомъ на свѣжую рану.

Грозенъ былъ старый Шролль, когда узналъ о вступленіи Лебольда въ вольный батальонъ. До послѣдней минуты онъ былъ увѣренъ, что сынъ не осмѣлится что-либо предпринять противъ его воли. Окончательно сбивало его то, что мать приняла сторону Лебольда. Серьезное разногласіе съ женой было у него въ первый разъ въ жизни; онъ не могъ его понять, такъ какъ зналъ, что она всегда была противницей войны. Это безпокоило его и возмущало.

Фрау Шролль тоже была опечалена; она не считала себя вправѣ пересказать отцу то, что̀ довѣрилъ ей Лебольдъ, и не могла объяснить ему истинной причины, почему она измѣнила свой взглядъ.

— Нельзя знать,—говорила она Шроллю,—что̀ происходитъ въ молодой душѣ; и въ сущности выступленіе въ защиту государя и отечества—прекрасный поступокъ.

Шролль остался при своемъ мнѣніи, но въ угоду женѣ рѣшилъ спокойно поговорить съ сыномъ и все ему растолковать.

Какъ-то послѣ обѣда онъ зашелъ въ комнату Лебольда и сказалъ, что хочетъ толкомъ поговорить съ нимъ. Лебольдъ поблагодарилъ за то, что отецъ даетъ ему возможность оправдаться. Сколько онъ себя помнилъ, не было такого случая, чтобы отецъ заходилъ въ его комнату. Принимая почетнаго гостя, Лебольдъ не садился до тѣхъ поръ, пока Шролль не указалъ ему на стулъ.

— Ну-съ, теперь мы можемъ спокойно и дружески побесѣдовать,—сказалъ отецъ,—выскажись свободно!

— Видите ли, батюшка,—рѣшительно отвѣтилъ Лебольдъ,—мнѣ кажется, что такой здоровый юноша, какъ я, не долженъ покидать въ нуждѣ свой народъ, государя и отечество!

— Да,—возразилъ отецъ,—но вопросъ въ томъ, какъ это понимать. У бюргера иныя обязанности, чѣмъ у солдата или офицера. Его служба—работа, его казарма—мастерская. И если онъ правильно понимаетъ свой долгъ передъ народомъ, государемъ и отечествомъ, онъ долженъ за своимъ станкомъ терпѣливо ожидать конца войны.

— Простите, что я осмѣливаюсь возражать отцу, но въ военное время правила мѣняются. Вы сами знаете, батюшка, что я всегда охотно работалъ. И если надъ французами будетъ одержана побѣда, я съ радостью вернусь въ мастерскую. Теперь же мое внутреннее чувство гонитъ меня отсюда, хотя бы это стоило мнѣ жизни, и оно говоритъ мнѣ, что я правъ.

— Если твое чувство тебѣ дороже отцовскихъ совѣтовъ,—закричалъ Шролль, потерявъ хладнокровіе,—такъ поступай какъ

знаешь. Но насчетъ возвращенія у меня свой взглядъ. По-моему, у тебя не можетъ быть больше охоты къ работѣ, если ты привыкнешь валандаться въ казармахъ да въ лагеряхъ. И мнѣ не нуженъ такой работникъ, который приходитъ и уходитъ, когда ему вздумается, оставляя меня безъ рабочихъ рукъ въ самое горячее время.

— Когда я вернусь, я буду за двоихъ работать, чтобы никто не могъ думать, будто я вступилъ въ батальонъ изъ любви къ свободной жизни или изъ-за нежеланія трудиться. Теперь же меня зоветъ народъ!

— Какой это народъ тебя зоветъ? Во Франціи, да, тамъ есть народъ, тамъ французы. А объ австрійской націи я никогда не слыхалъ!

— Какой народъ меня зоветъ? И батюшка можетъ объ этомъ спрашивать? Я нѣмецъ, говорю по-нѣмецки и происхожу отъ нѣмецкихъ предковъ. Нашъ государь короновался во Франкфуртѣ, и если онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ пересталъ именоваться романо-германскимъ императоромъ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что мы перестали быть нѣмцами.

— Хорошо,—сказалъ Шролль,—въ этомъ я съ тобой согласенъ. Мы нѣмцы и останемся нѣмцами. И доказать это мы должны нѣмецкимъ прилежаніемъ, нѣмецкой работой и нѣмецкой культурой,—а не тѣмъ, что будемъ подставлять себя подъ пули. Наполеонъ не такъ опасенъ Австріи. Правда, онъ каждые два года мѣняетъ карту Европы, но неужели ты думаешь, что эти карты, которыя онъ чертитъ на пескѣ остріемъ своей шпаги, могутъ быть прочными? Пусть съ нимъ сражаются солдаты, которые ни на что лучшее не способны. Мы же, бюргеры, должны себя беречь, такъ какъ только послѣ войны наступитъ настоящая опасность. А Наполеонъ въ концѣ концовъ былъ даже полезенъ Австріи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ!

— Такъ что же, мы должны радоваться, что Наполеонъ грозитъ нашему государю?—воскликнулъ, выйдя изъ себя, Лебольдъ.

— Нѣтъ, мы должны только беречь свои силы. Я много читалъ, не смотря на цензурныя строгости, и много думалъ о нашей милой старой Австріи. И пришелъ къ заключенію, что опорой ея должно быть сильное нѣмецкое бюргерство. Прогрессъ и свобода даны Богомъ на храненіе бюргеру.

— Сохранять можно только войной!

— Нѣтъ, миромъ! — отвѣчалъ Шролль. — И это гораздо труднѣе, такъ какъ требуетъ терпѣнья и бо́льшихъ знаній, чѣмъ „налѣво кругомъ маршъ“. Быть можетъ, наступитъ время, когда

мы должны будемъ защищать наше нѣмецкое отечество мирнымъ союзомъ съ другими народами. Тогда никто не сможетъ намъ помочь. Не о томъ будетъ тогда рѣчь, кто богаче, а о томъ, кто прилежнѣе, бережливѣе и искуснѣе. Внутреннее стремленіе къ свободѣ и самостоятельности лежитъ въ нѣмецкой натурѣ; когда-нибудь оно соединится съ истиннымъ христіанствомъ, которое, освободившись отъ обрядности, будетъ дѣлать людей свободными и сильными. Только когда мы этого достигнемъ, мы сможемъ вмѣстѣ съ другими строить великій храмъ будущаго.

Оба замолчали. Съ башни св. Лаврентія слабо доносился колокольный звонъ.

— Я очень вамъ благодаренъ, батюшка,—послѣ паузы сказалъ Лебольдъ. — Мнѣ кажется, я понялъ ваши слова. Я буду вспоминать ихъ, такъ какъ они и солдату могутъ быть полезны.

— Тогда ты не понялъ меня,—отвѣтилъ Шролль со сдержаннымъ негодованіемъ.—Только работой и свободой познается то, что я думаю. А если ты упорно хочешь носить ливрею, такъ дѣлай какъ знаешь. Итакъ, ты упорно желаешь противиться моей волѣ? — спросилъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Да, отецъ,—послѣ короткаго колебанія отвѣтилъ Лебольдъ, твердымъ голосомъ,—я остаюсь при своемъ рѣшеніи.

— Тогда намъ съ тобой больше не о чемъ говорить,—отвѣтилъ Шролль и рѣшительнымъ шагомъ вышелъ изъ комнаты.

Первый снѣгъ выпалъ, но скоро стаялъ съ крышъ. Теплые ясные дни высушили землю; трава въ саду „Голубой кукушки“ жаждала влаги и пушистаго бѣлаго одѣяла, чтобы укрыться отъ холода, когда сочельникъ постучится въ ворота.

Старый Зальцкюфель вышелъ во дворъ со своей собакой. Въ этотъ моментъ черезъ дворъ по направленію къ саду пробѣжала большая черная кошка. Раньше чѣмъ хозяинъ успѣлъ его удержать, Дивризль бросился стрѣлой черезъ весь дворъ на врага. Кошка сразу поняла, что зубы Дивризля ей неопасны, и прыгнувъ, какъ пантера, на противника, она раза два смазала его когтями по головѣ и мордѣ. Старый Зальцкюфель закричалъ и подбѣжалъ къ собакѣ. Веттль, случайно выглянувшая изъ окна, сбѣжала по лѣстницѣ и, махая своими юбками, кричала: „Кш! кш! кш!“ Наверху въ ткацкой услышали дѣдушкинъ вопль; окно раскрылось, и что-то вылетѣло во дворъ. Это была туфля Винченца, брошенная съ удивительной мѣткостью кошкѣ въ спину. Наконецъ, съ отчаяннымъ крикомъ: „Кш! кш! кш!“ вылетѣла

фрау Капланекъ. Кошка обратилась въ бѣгство. Дивризль приплелся къ ногамъ своего хозяина; одно ухо висѣло окровавленное и алыя капли падали на землю. Зальцкюфель, блѣдный и до смерти перепуганный, ослабѣлъ и зашатался. Веттль еле успѣла поддержать его.

— Что съ вами, дѣдушка?—испуганно спросила она.

Но онъ ничего не отвѣтилъ и смотрѣлъ остановившимся взглядомъ. Съ нимъ сдѣлался легкій нервный ударъ. Веттль и фрау Капланекъ взяли его подъ-руки и почти снесли въ комнату. Онѣ хотѣли уложить его въ постель, но онъ указалъ взглядомъ на сидѣнье передъ станкомъ и настоялъ, чтобы его перевели туда. Какъ только его усадили, Зальцкюфель положилъ руки на станокъ, какъ бы собираясь ткать, но не шевелился и смотрѣлъ безучастно. Взволнованная Веттль поспѣшила въ магазинъ и разсказала отцу о случившемся. Кебахъ очень испугался и озабоченно прошелъ внизъ.

— Что съ вами, тестюшка? Что у васъ болитъ?—участливо спросилъ онъ.

— Ничего, ничего! — пролепеталъ Зальцкюфель, пытаясь улыбнуться. Онъ смотрѣлъ на мѣсто, гдѣ обыкновенно лежалъ Дивризль, и взглядомъ какъ бы спрашивалъ о своей собакѣ.

— Съ Дивризлемъ ничего особеннаго не случилось,—сказала Веттль, — у него только маленькая царапина за ухомъ. Рослини уже позаботилась о немъ, и сейчасъ я его вамъ принесу.

Когда Веттль посадила Дивризля на его обычное мѣсто, онъ благодарно лизнулъ ей руку, и по неподвижному лицу дѣдушки скользнулъ лучъ радости. Замѣтивъ, что Веттль, Кебахъ и фрау Капланекъ остаются въ его комнатѣ, Зальцкюфель показалъ жестомъ, что проситъ всѣхъ удалиться и не мѣшать ему работать. Имъ ничего не оставалось, какъ повиноваться. Но Веттль каждыя четверть-часа бѣгала внизъ и сквозь пріотворенную дверь заглядывала въ дѣдушкину комнату. Онъ все такъ же неподвижно сидѣлъ передъ станкомъ, съ ткацкимъ челнокомъ въ рукѣ, какъ бы приготовляясь работать.

Между тѣмъ Кебахъ послалъ за врачемъ. Осмотрѣвъ Зальцкюфеля, докторъ нашелъ, что ничего опредѣленнаго сказать нельзя, но больного необходимо уложить въ постель. Это было легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Зальцкюфель ни за что не соглашался лечь, а укладывать его насильно, какъ предлагалъ докторъ, Веттль не хотѣла. Такъ и остался старый Зальцкюфель сидѣть передъ своимъ станкомъ. Только вечеромъ онъ позволилъ пере-

вести себя на кровать, но ни за что не соглашался, чтобы Веттль осталась около него ночью.

Такъ безъ всякой перемѣны прошло много дней и ночей, и наконецъ пришлось оставить надежду, что къ дѣдушкѣ когда-нибудь вернутся силы. Веттль одна ухаживала за нимъ, такъ какъ замѣтила, что услуги болтливой фрау Капланекъ были ему непріятны. Цѣлыми днями бѣгала Веттль внизъ и вверхъ по лѣстницѣ и даже ночью часто вставала съ постели и въ капотикѣ кралась внизъ посмотрѣть, не нужна ли она дѣдушкѣ. У нея было столько возни и заботы съ Зальцкюфелемъ, что о своихъ личныхъ горестяхъ ей удалось забыть.

Въ день Новаго года къ ней пришла Фанни и онѣ сидѣли вдвоемъ въ комнатѣ Веттль. Она сразу замѣтила, что Фанни одѣта проще и скромнѣе, чѣмъ всегда, и что глаза у нея заплаканы. Веттль разсказывала о дѣдушкиной болѣзни, которая заполняла всѣ ея мысли. Вдругъ она оборвала разсказъ и замолчала. Ей пришло въ голову, что Фанни, быть можетъ, сама нуждается во вниманіи и участіи.

— И у тебя, Фанни, какое-то горе!—сказала она, взявъ подругу за руку.—Какъ можно начинать Новый годъ слезами?

— Развѣ твой отецъ ничего тебѣ не разсказывалъ?—спросила Фанни.—Мы чуть-было не обанкротились. Подумай, какой бы это былъ позоръ! Мы должны быть благодарны твоему отцу; онъ за насъ поручился и помогъ привести дѣла въ порядокъ. Когда кредиторы увидѣли, что онъ принялъ въ насъ участіе, сейчасъ же наступило успокоеніе и никто не торопилъ уплатой. Теперь, кажется, бѣда миновала.

Веттль вздохнула и сказала нѣсколько успокоительныхъ словъ.

— Видишь ли, Фанни, быть-можетъ это даже хорошо и вы научитесь крѣпче держаться другъ за друга.

Фанни заплакала.

— Вотъ это-то меня больше всего и огорчаетъ. Я бы примирилась съ тѣмъ, что все лишнее продали, и что мы теперь должны себя ограничивать; къ хозяйству я тоже могла бы привыкнуть!

— Такъ что же тогда тебя огорчаетъ?—спросила Веттль.—Твой мужъ тебя любитъ и, конечно, сдѣлаетъ все возможное, чтобы тебѣ было легче.

— Меня именно мучаетъ отношеніе Томаса ко всему этому,—отвѣтила Фанни.—Я чувствую, что онъ въ глубинѣ души думаетъ, будто я вышла за него замужъ только изъ-за денегъ. Теперь

онъ увѣренъ, что я его разлюблю. Но клянусь, что въ несчастьѣ я полюбила его гораздо больше.

— Это было бы большимъ утѣшеніемъ Томасу, еслибы онъ зналъ!—воскликнула Веттль.

— Но я не могу ему показать своей любви. Онъ совсѣмъ отдалился отъ меня, сталъ какимъ-то чужимъ. Въ это тяжелое время Томасъ выказалъ столько мужества, смѣлости и въ то же время столько нѣжности, что я полюбила его всѣмъ сердцемъ. Я чувствую, что онъ нуждается въ любви, а между тѣмъ, я знаю, онъ моему чувству не вѣритъ. Онъ все думаетъ, что я охотно бы убѣжала и остаюсь съ нимъ только изъ состраданія. Это дѣлаетъ меня совсѣмъ несчастной, и я не знаю, что дѣлать, — сказала она, разражаясь рыданіями.

Веттль воспользовалась случаемъ и тоже расплакалась. Въ это время хозяинъ „Кукушки“ вышелъ изъ магазина, гдѣ онъ принималъ поздравленія и раздавалъ наградныя. Каждый желалъ ему „здоровья, довольства и долгой жизни“; а Кебахъ благодарилъ и увѣрялъ, что онъ и такъ всегда доволенъ. Теперь онъ пожелалъ Фанни счастья и посовѣтовалъ не слишкомъ огорчаться, не начинать Новаго года слезами; онъ увѣренъ, что домъ „Англійскаго лорда“ прилежаніемъ и бережливостью скоро вернетъ свое благосостояніе.

Веттль объяснила ему истинную причину слезъ Фанни.

— Я знаю, что въ тебѣ есть хорошее,—сказалъ Кебахъ;— вся эта жизнь, полная увеселеній, не годилась для тебя; да и для всѣхъ васъ она была неподходящей. Ты должна радоваться, что теперь ея больше не будетъ!

Въ это время пришли дядя Пимперъ съ женой и Томасомъ, а за ними явились механикъ Швейбенрайдеръ и Рослини, принесшая „уважаемому родственнику“ годовую плату, отъ которой тотъ, по обыкновенію, отказался.

— Я только-что встрѣтилъ Рекеншуса изъ „Веселой тирольки“,—разсказывалъ Швейбенрайдеръ.—Онъ сказалъ мнѣ, что война рѣшена.

— Конечно,—подтвердилъ дядя Пимперъ,—если городская милиція приняла на себя завѣдываніе сторожевыми постами, это означаетъ, что ополченцы и регулярная армія выступаютъ въ походъ.

— Я лично не испугаюсь, если даже французы снова придутъ въ Вѣну,—сказалъ Швейбенрайдеръ:—со мной все равно ничего не случится, такъ какъ я на свой счетъ снарядилъ одного

ополченца. Въ случаѣ опасности, я поставлю его сторожить двери моего дома.

Всѣ разсмѣялись и стали объяснять, что снаряженный имъ ополченецъ долженъ выступить съ остальными и не можетъ остаться сторожить „Красный фонарь".

Но Швейбенрайдеръ упорно стоялъ на своемъ.

— Не стоитъ спорить,—сказалъ, наконецъ, Кебахъ.—Объ этомъ и рѣчи быть не можетъ, чтобы parlez-vous добрались до Вѣны. У насъ, слава Богу, достаточно войска!

Подмастерье Винченцъ стоялъ во дворѣ „Голубой кукушки" и разгребалъ снѣгъ.

— Какъ здоровье дѣдушки?—спросилъ онъ у переходившей черезъ дворъ Веттль.

— Все такъ же,—грустно отвѣтила она.—Не хуже и не лучше.

Что-то зазвенѣло по мостовой двора. Оба обернулись съ изумленіемъ и увидѣли двухъ статныхъ военныхъ въ позолоченыхъ мундирахъ. Это были, въ полномъ парадѣ, сосѣдъ Рекеншусъ изъ „Веселой тирольки" и фабрикантъ Баргетти изъ Вендельштадта, два главныхъ представителя городской милиціи. Винченцъ смотрѣлъ на нихъ разинувъ ротъ. „Что если попробовать устроиться въ городскую милицію?"—думалъ онъ. И, рѣшительно поставивъ метлу въ уголъ—пусть другой занимается расчисткой двора, его зоветъ отечество!—онъ отправился къ себѣ въ комнату, чтобы побриться, переодѣться въ праздничное платье и придать себѣ достаточно представительный видъ.

Между тѣмъ важные гости дѣлали тщетныя попытки уговорить хозяина „Голубой кукушки" вступить въ городскую милицію. Рекеншусъ давно злился, что Кебаху спокойнѣе живется, чѣмъ ему, и теперь рѣшилъ сыграть на его патріотическомъ чувствѣ. Для большей торжественности онъ взялъ съ собой начальника милиціи Баргетти.

— Ахъ, чортъ возьми! Рекеншусъ, Баргетти! Никакъ вы на маскарадъ собрались?—смѣясь, воскликнулъ Кебахъ.

Рекеншусъ изложилъ свое предложеніе, но всѣ старанія уговорить Кебаха остались безплодными. Гостямъ пришлось удалиться, не добившись ничего. Во дворѣ къ нимъ подошелъ принаряженный Винченцъ, представился, какъ аустерлицкій герой, и предложилъ свои услуги. Оказалось, что въ городскую милицію принимаютъ только бюргеровъ. Баргетти, которому понравился патріо-

тическій пылъ Винченца, посовѣтовалъ ему обратиться въ Гогенцоллернскій кирасирскій полкъ; онъ наканунѣ прибылъ и набиралъ рекрутовъ на Гофбургплацѣ.

Какъ только Винченцъ узналъ объ этомъ, его больше нельзя было удержать. Онъ заявилъ хозяину, что рѣшилъ сдѣлаться кирасиромъ, и вышелъ изъ дому, полный радостныхъ надеждъ.

Но къ вечеру онъ вернулся сильно опечаленный.

Ему сказали, что кирасиръ долженъ имѣть „внушительную фигуру“. Какъ будто онъ былъ какимъ-нибудь плюгавымъ заморышемъ!

— Успокойся,—утѣшилъ его Кебахъ:—еслибъ я былъ императоромъ, я бы велѣлъ зачислить тебя въ лейбъ-гвардію.

У Винченца просвѣтлѣло лицо. Онъ пошелъ къ себѣ въ комнату, снялъ праздничное платье и съ удвоеннымъ рвеніемъ принялся за работу.

Не успѣлъ снѣгъ стаять, какъ снова запорошило улицы. Зима какъ будто не хотѣла уходить. Однажды вечеромъ хозяинъ „Кукушки“ сидѣлъ съ Веттль въ ея комнатѣ и перелистывалъ книжку.

— Странно,—сказалъ онъ:—теперь середина февраля, а все еще снѣгъ на улицѣ.

Онъ ждалъ отвѣта, но, взглянувъ на Веттль, увидѣлъ, что она тихо плакала.

— Что съ тобой, Веттль? Что-нибудь случилось?—взволнованно спросилъ онъ.

Она улыбнулась и отвѣтила, что плачетъ отъ радости, такъ какъ дѣдушка, кажется, начинаетъ поправляться. Съ каждымъ днемъ онъ чувствуетъ себя лучше, а сегодня онъ даже началъ работать. А когда она вошла къ нему, дѣдушка посмотрѣлъ на нее съ довольнымъ видомъ и балагурилъ съ ней, какъ ни въ чемъ не бывало.

Веттль не ошиблась: улучшеніе въ состояніи дѣдушкина здоровья не было временнымъ. Это было постепенное возвращеніе сознанія и физическихъ силъ. Онъ снова сталъ ткать, сначала меньше часа въ день, потомъ—по два часа, а въ промежутки сидѣлъ за станкомъ не работая. Но время отдыха съ каждымъ днемъ уменьшалось, а количество рабочихъ часовъ увеличивалось. Зальцкюфель началъ ходить, сперва по комнатѣ, потомъ по двору, и вскорѣ вернулся къ своей обычной жизни.

Однажды Толльріанъ, часто навѣщавшій дѣдушку, пришелъ

къ нему печальный и тоскующій. Зальцкюфель вспомнилъ, что былъ день рожденія Шакерля.

— Мнѣ жаль, что я не знаю, гдѣ мой негодяй,—съ желчнымъ смѣхомъ сказалъ Толльріанъ,—я бы ему непремѣнно подарилъ что-нибудь. По моему, это хорошій обычай, чтобы родители дѣлали ко дню рожденія подарки своимъ дѣтямъ. Это — какъ бы извиненіе въ томъ, что они произвели ихъ на свѣтъ.

— Не говори глупостей, — сердито остановилъ его Зальцкюфель.—Я могу одно сказать: до сихъ поръ я чувствую благодарность къ моимъ родителямъ за то, что явился на свѣтъ Божій. Теперь кажется почти невѣроятнымъ—такъ давно я родился,— но я былъ радъ своему рожденію и сохраняю эту радость до сегодняшняго дня.

Толльріанъ засмѣялся.

— Ты тогда не радовался, а закричалъ, какъ всякій новорожденный ребенокъ!

— Я закричалъ отъ радости, что явился на Божій свѣтъ,— возразилъ Зальцкюфель.

Въ первыхъ числахъ марта, въ солнечный воскресный день, Кебаха съ дочерью потянуло на свѣжій воздухъ. Дядя Пимперъ, Томасъ и Фанни присоединились къ нимъ. Рѣшили отправиться въ Шёнбруннъ.

Былъ чудный весенній день, но деревья въ широкихъ аллеяхъ парка еще стояли голыми. Веттль все-таки удалось найти фіалку, и она радовалась этому, какъ дитя. Собирать фіалки было ея всегдашней мечтой; но это ей рѣдко удавалось — на Циглергассе онѣ не росли. Вообще Веттль чувствовала себя чудесно въ этотъ день. Выздоровленіе дѣдушки освободило ее отъ тяжелыхъ заботъ, и теперь она наслаждалась свѣжимъ воздухомъ, яснымъ небомъ и величественнымъ паркомъ.

Силой воображенія она переносилась въ экзотическія страны, гдѣ цвѣтутъ кокосовыя и кофейныя деревья и среди пальмъ, хлѣбныхъ и ванильныхъ деревьевъ летаютъ пестрыя маленькія птички. То ей казалось, что она на берегахъ Миссисипи, то — около Ганга, то—на островѣ Цейлонѣ, то—на тихомъ островкѣ Великаго океана.

Но, не смотря на свое оживленіе, Веттль не забыла, что рѣшила серьезно поговорить съ Томасомъ насчетъ Фанни. Ее огорчало, что недоразумѣніе мѣшало счастью хорошихъ людей. И когда Веттль съ Томасомъ очутилась впереди остальныхъ, она сказала, что очень рада видѣть Фанни веселой, и выразила уди-

вленіе, какъ легко и скоро примирилась Фанни съ измѣнившимися обстоятельствами.

— Это показываетъ, какъ она тебя любитъ, — прибавила Веттль.

Томасъ сдѣлался серьезенъ и печаленъ.

— Видишь ли, Веттль, тебѣ я могу это сказать. Правда, Фанни старается скрыть отъ меня, какъ тяжела ей потеря нашего состоянія. И это очень хорошо съ ея стороны. Но, не смотря на это, я чувствую, какъ ей горько. Вѣдь я теперь знаю, что она вышла за меня не по любви. Она любила другого. Я уже давно объ этомъ догадывался, а теперь знаю это навѣрное. Она добра ко мнѣ и старается облегчить мое положеніе, потому что душа у нея не злая. Но съ той поры, какъ я убѣдился, что сердце ея принадлежитъ другому, я больше не могу себя обманывать.

— Какъ ты можешь это знать? Кого могла любить Фанни? Среди всѣхъ знакомыхъ я не знаю никого подходящаго, — отвѣтила Веттль.

— Она любила Шакерля, — сказалъ Томасъ.

Веттль изумилась. Ей не вѣрилось, что сердце Фанни могло принадлежать такой полу-миѳической личности. Вѣдь неизвѣстно даже, живъ ли онъ еще! Томасъ угадалъ ея мысли.

— Именно таинственное, оригинальное и фантастическое — сказалъ онъ — приковываетъ Фанни къ воспоминаніямъ о Шакерлѣ; въ ея воображеніи онъ, вѣроятно, превратился въ какого-то сказочнаго героя.

Томасъ увѣрялъ, будто Фанни постоянно думаетъ о Шакерлѣ и твердо надѣется, что въ одинъ прекрасный день онъ явится, исполнитъ свое обѣщаніе и увезетъ ее. Веттль покачала головой. Она не думала, что Томасъ можетъ вѣрить такому сумасбродству и пустыми выдумками портить жизнь себѣ и Фанни.

— Къ сожалѣнію, я знаю больше, чѣмъ ты думаешь, — возразилъ ей Томасъ. — Помнишь ли ты, Веттль, красивую золоченую шкатулку съ эмалевыми украшеніями, которую я подарилъ Фанни? Дорогую вещицу пришлось продать; для безопасности я предварительно осмотрѣлъ ящички и въ одномъ изъ отдѣленій нашелъ письма Шакерля къ Фанни, которыя она очевидно забыла вынуть. Изъ этихъ писемъ я узналъ, что они любили другъ друга и что Фанни знала объ его намѣреніи бѣжать; въ послѣднемъ письмѣ, за день до своего исчезновенія, онъ пишетъ, что она долго ничего не будетъ о немъ слышать, но въ одинъ прекрасный день онъ прискачетъ къ ней на горячемъ ворономъ

конѣ, посадитъ ее на сѣдло и увезетъ. Если же она измѣнитъ своему обѣщанію и будетъ принадлежать другому, то онъ ее убьетъ.

— Видишь ли, Веттль, мысль о грозящей опасности, романтическій характеръ всей исторіи — это какъ-разъ то, что сильнѣе всего можетъ увлечь Фанни. И если Шакерль дѣйствительно явится, она уйдетъ съ нимъ.

Веттль пробовала возражать, но она сама была смущена неожиданнымъ открытіемъ. Увѣренность, съ какой она начала разговоръ, была поколеблена.

Въ это время Кебахъ отозвалъ ее: они сбились съ дороги и нужно было вернуться назадъ. Вся компанія вмѣстѣ вошла въ звѣринецъ и прошла въ отдѣленіе рѣдкихъ животныхъ; тамъ была козуля съ тремя и коза съ пятью ногами, а дальше они увидѣли собаку, которая жила съ пантерой и имѣла дерзость дразнить своего опаснаго товарища прыжками и шутливыми укусами.

Дядя Пимперъ держался за животъ отъ смѣха и заставлялъ сторожа разсказывать, какъ пантера принималась за ѣду не раньше, какъ когда накормятъ собаку.

Большой медвѣдь загребалъ лапой куски булки, которые бросалъ ему за рѣшетку какой-то молодой человѣкъ. Они сейчасъ же узнали его, когда подошли ближе, и онъ былъ радостно изумленъ, увидѣвъ всю компанію. Это былъ Лебольдъ. Онъ далъ Фанни, Веттль и Томасу по куску булки, и всѣ забавлялись тѣмъ, что цѣлились въ зіяющую пасть звѣря; если кто-нибудь попадалъ, то остальные шумно апплодировали.

Потомъ всѣ двинулись дальше; широкія уединенныя аллеи парка привели ихъ къ изящной бесѣдкѣ. Они вышли на площадку, чтобы насладиться чудеснымъ видомъ: у ихъ ногъ простирался весь паркъ; напротивъ виднѣлся замокъ съ его безчисленными окнами; дальше на сѣверо-востокъ разстилалось море домовъ исполинскаго города, окутанное туманомъ; среди нихъ возвышались величественныя башни св. Стефана и св. Лаврентія. Медленно спускавшееся солнце золотило всю картину.

Лебольдъ стоялъ рядомъ съ Веттль у каменной баллюстрады.

— Веттль, взгляните на эту красоту! — сказалъ онъ, охваченный восторгомъ:—это нашъ родной городъ, это наша родина!

Она не могла вымолвить ни слова. Величественная картина раскинувшагося внизу города, залитаго вечерними лучами солнца, мысль о грозящей опасности и сознаніе, что сегодня она, вѣроятно, въ послѣдній разъ видитъ Лебольда передъ его отправленіемъ на войну—все это сильно взволновало ее.

— Я сегодня прощусь съ вами, Веттль,—сказалъ Лебольдъ.— Черезъ нѣсколько дней мы выступаемъ въ походъ. Будете ли вы иногда обо мнѣ думать?

Она не знала, что это будетъ такъ скоро, и испугалась. Она протянула ему фіалку, которую днемъ нашла.

— Возьмите этотъ весенній цвѣточекъ на память. Я постоянно буду о васъ думать. Храни васъ Господь, Лебольдъ!

— Вы вѣрите, что Господь будетъ меня охранять? — спросилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Да, я въ это вѣрую.

— Вы вѣрите, что надъ нами есть Господь?

— А какъ же иначе?—засмѣялась она.—Иначе и представить себѣ нельзя.

— А если кто-нибудь не можетъ этому вѣрить?

— Это невозможно, — наивно сказала она: — онъ долженъ для этого быть такимъ сумасбродомъ, какъ Толльріанъ.

— Но если найдется такой, который очень бы хотѣлъ вѣрить въ Бога и все-таки не можетъ увѣровать?

Она задумалась.

— Мнѣ кажется,—серьезно сказала она,—онъ долженъ начать съ того, чтобы полюбить Господа всей душой. Тогда ему не нужно вѣрить; онъ будетъ знать, что Богъ существуетъ. Иногда у меня бываетъ такое чувство: когда дѣлаешь все, что должна, и настолько хорошо, насколько можешь, то вдругъ начинаешь понимать, что на свѣтѣ долженъ быть порядокъ и внутренній смыслъ, и замѣчаешь, какъ много хорошаго въ каждомъ человѣкѣ. Тогда я ощущаю, что Господь со мной! Я хочу сказать: Онъ тамъ, внутри меня.

Лебольдъ внимательно слушалъ ея слова. Онъ находилъ ихъ простыми и въ то же время прекрасными.

— И вы вѣруете, — спросилъ онъ, — что Господь заботится о насъ и держитъ нашу судьбу въ своей десницѣ? Что Онъ рѣшаетъ, каковъ долженъ быть нашъ жребій?

— Я не знаю... мнѣ бы хотѣлось быть съ вами искренней, — видите ли, я представляю это себѣ иначе, чѣмъ насъ учили: по христіанскому ученію выходитъ, будто Онъ стоитъ около нашего станка и тянетъ нитку, когда мы ткемъ. Мнѣ кажется, Онъ слишкомъ великъ для этого.

— А что же вы себѣ представляете?—спросилъ Лебольдъ.— Онъ совсѣмъ не думаетъ о насъ, когда мы работаемъ?

— О, нѣтъ, этого я не думаю! Онъ даетъ намъ радость и силу для работы и наполняетъ душу миромъ и спокойствіемъ,

чтобы мы охотно трудились. Но ткать мы сами должны, и если мы при этомъ не будемъ умными, искусными и добросовѣстными, то никакія молитвы намъ не помогутъ.

— Вы все-таки думаете, что молитвы укрѣпляютъ и что можно повліять на волю Божью, если молиться очень усердно?

— Правда, я часто молюсь: Боже, дай здоровья дѣдушкѣ! или: сдѣлай, чтобы совершилось то-то или то-то!—какъ насъ учили въ дѣтствѣ молиться. Но я иногда думаю, что это большая дерзость съ моей стороны воображать, что Господь будетъ дѣлать то, что я нахожу нужнымъ.

— Такъ вы думаете, Веттль,—спросилъ Лебольдъ,—что мы не должны молиться и обращаться къ Богу со своими нуждами?

— Я этого не думаю, — возразила Веттль; — но если мы просимъ Господа, чтобы Онъ отвратилъ отъ насъ несчастье, то мы, можетъ быть, молимся напрасно. Если же мы молимъ, чтобы Онъ не оставлялъ насъ и въ горѣ и былъ всегда съ нами, то такая молитва не можетъ быть напрасной: она не идетъ противъ Его воли и рѣшенія. Я не могу также думать, чтобы Господь заботился только о добрыхъ. Мы часто видимъ, что Онъ отвращаетъ несчастіе не только отъ хорошихъ, но и отъ дурныхъ людей. Но тѣ, кого Онъ любитъ, и въ тяжелое время сохраняютъ надежду, силы и душевный миръ.

Лебольдъ былъ изумленъ, какъ хорошо она все объяснила. Онъ хотѣлъ сохранить ея слова въ своемъ сердцѣ и испробовать ихъ на полѣ сраженія.

— Вы не можете знать, Веттль,—сказалъ онъ, — какъ дорого мнѣ то, что вы сказали. Еслибы я могъ думать такъ, какъ вы, я сохранилъ бы мужество въ жесточайшей битвѣ.

— Главное въ жизни—мужество, которое даетъ Господь,—отвѣтила Веттль.—Рослини выразилась очень хорошо: каждый долженъ неутомимо играть на своемъ инструментѣ. И хотя мы не слышимъ общаго созвучія, мы можемъ быть увѣрены, что существуетъ міровая гармонія; нужно только, чтобы каждый твердо держался тѣхъ нотъ, которыя ему указаны.

Во время разговора они успѣли пройти паркъ и подходили уже къ Пенцингскому мосту. Веттль остановилась.

— Нужно подождать остальныхъ.

Она стояла какъ-разъ около одного изъ массивныхъ каменныхъ сфинксовъ, которые лежатъ по обѣимъ сторонамъ моста. Лебольду казалось, что они строили мрачныя гримасы и злились на то, что глубоко-вѣрующая душа Веттль спокойно прошла мимо ихъ загадокъ.

Въ соборѣ св. Стефана Веттль стояла съ отцомъ среди толпы; звучалъ органъ и голубоватый дымъ ладана наполнялъ воздухъ.

— Они идутъ! Они идутъ!—зашептали вокругъ.

Веттль ничего не видѣла, только слышала тяжелый, размѣренный шагъ батальона, входившаго въ церковь. Быть-можетъ въ послѣдній разъ Лебольдъ находился такъ близко отъ нея. Она наклонила голову и молилась:

— Господь! Отецъ небесный! Защити его!

Но, вспомнивъ свой разговоръ съ Лебольдомъ, сейчасъ же прибавила:

— Да будетъ воля Твоя, Господи, и пошли мнѣ силы въ бѣдѣ!

— Смотрите! Смотрите!—вдругъ раздались голоса: — вотъ тамъ стоитъ императрица!

Веттль поднялась на цыпочки и увидѣла у алтаря молодую, прекрасную женщину; по обѣимъ сторонамъ стояли два генерала: одинъ былъ молодъ и хорошъ собою, какъ сама государыня, другой—постарше, съ большими умными глазами.

— Это Карлъ!—раздался шепотъ.

— Эрцгерцогъ Карлъ? Генералиссимусъ? — испугалась она.

Кебахъ утвердительно кивнулъ головой.

— А молодой—это Максъ, братъ императрицы.

Она увидѣла, какъ эрцгерцогъ-генералиссимусъ передавалъ государынѣ знамена одно за другимъ и какъ она собственноручно укрѣпляла каждое на древкѣ и при этомъ утирала слезы.

Снова зазвучалъ органъ и литургія продолжалась. Архіепископъ въ золотомъ облаченіи освятилъ знамена. Послѣ этого весь народъ устремился къ выходу и увлекъ съ собой Веттль и Кебаха на свѣжій воздухъ.

Батальоны ополченцевъ выстроились противъ собора; архіепископъ, со святыми дарами, торжественно вышелъ изъ церкви, чтобы благословить ихъ.

Войско и народъ преклонили колѣна; колокольный звонъ наполнилъ площадь своими мощными звуками. Вдругъ раздались слова команды, и однимъ движеніемъ всѣ батальоны встали.

Черезъ головы колѣнопреклоненнаго народа Веттль на одно мгновеніе увидала Лебольда. Слезы выступили у нея на глазахъ отъ счастья, что она еще разъ видѣла его.

— Смотрите, Веттль, вотъ онъ тамъ! — раздался шепотъ около ея уха. Механикъ Швейбенрайдеръ стоялъ около нея.

— О комъ вы говорите?—смущенно спросила Веттль.

— Тамъ, въ первомъ отрядѣ, четвертымъ слѣва стоитъ ополченецъ, котораго я снарядилъ!—объяснилъ онъ съ горячностью.

Народъ поднялся съ колѣнъ. Раздались крики: „Да здравствуетъ Францъ! Да здравствуетъ Карлъ!“ Поднятыя руки, развѣвающіеся платки и шляпы, восторженное воодушевленіе... Веттль ничего не слышала и не видѣла; она была полна одной мыслью: она его видѣла! она еще разъ увидѣла его!!

Каждый день спрашивала Веттль, нѣтъ ли вѣстей о ходѣ войны, но никто не зналъ ничего опредѣленнаго. Напряженное ожиданіе и какая-то общая придавленность были причиной полнаго застоя въ дѣлахъ. Многія мастерскія перестали работать.

Кебахъ говорилъ, что отъ вѣчныхъ обсужденій, постоянныхъ опасеній и различныхъ слуховъ можно съ ума сойти, если ничего не дѣлать, и поэтому работалъ съ усиленнымъ рвеніемъ, какъ будто былъ заваленъ заказами. Однако, когда въ саду показались нѣжные ростки дикаго винограда, имъ тоже овладѣло нетерпѣніе. Онъ сталъ чаще ходить по вечерамъ въ маленькій кабачекъ, гдѣ каждый день собирались шелковые ткачи Шоттенфельда и обсуждали за кружкой пива новѣйшія событія.

Какъ-то разъ онъ прибѣжалъ взволнованный къ Зальцкюфелю и сообщилъ ему, что баварцы присоединились къ Бонапарту. Что онъ на это скажетъ?

— Нужно полагаться только на Господа Бога, — отвѣтилъ тотъ.—Я ничего не смыслю въ этихъ вещахъ и слишкомъ старъ, чтобы идти на войну. Мнѣ остается только прилежно работать!

Дни шли, ничѣмъ не отличаясь одинъ отъ другого. Никакихъ извѣстій не приходило, какъ будто вся армія исчезла съ лица земли. Наступившее затишье удручало больше, чѣмъ вѣсть о проигранномъ сраженіи. Смутное чувство страха охватило весь городъ.

Какъ-то вечеромъ, въ первыхъ числахъ мая, въ домъ „Голубой кукушки“ влетѣла швея Луиза, всегда полная заботы о чужихъ любовныхъ дѣлахъ. Веттль была въ кухнѣ и сама готовила ужинъ, такъ какъ прислуга была занята стиркой.

— Вотъ вы будете удивляться, фрейлейнъ Веттль! То-то вы удивитесь!

— Что случилось?—съ любопытствомъ спросила Веттль.

— Письмо пришло, а отъ кого, не скажу ни за что,—таинственно отвѣтила Луиза.

Веттль вспыхнула.

— Кто же могъ мнѣ написать? Да не мучайте вы меня, фрейлейнъ Луиза, умоляю васъ.

— Я вовсе не хочу мучить васъ! Зачѣмъ бы я тогда бѣжала безъ передышки съ Кайзерштрассе, еслибъ не принесла хорошей вѣсти?

— Господи Іисусе Христе! Съ Кайзерштрассе!?

— Въ домъ „Жесткаго ежа“ пришло письмо и тамъ былъ сердечный привѣтъ Веттль изъ „Голубой кукушки“, а отъ кого— догадайтесь сами!

— Отъ Лебольда, — тихо сказала Веттль, еле переводя дыханіе.—Скажите, какъ ему живется?

— Хорошо; ему вѣдь приходится имѣть дѣло только съ французами, а не съ отцомъ. Тотъ ему до сихъ поръ не простилъ, что онъ ушелъ въ ополченіе.

— Какъ будто Лебольдъ могъ поступить иначе!—гнѣвно воскликнула Веттль.

— Какъ вы думаете, фрейлейнъ Веттль, что̀ сказалъ грубый Шролль, прочитавъ письмо? Что Лебольдъ больше не его сынъ— вотъ что онъ сказалъ!—говорила Луиза, доставъ письмо и помахивая имъ въ воздухѣ.

— Господи, Твоя воля!

— Я все слышала изъ сосѣдней комнаты, гдѣ я шью. „И если даже онъ на колѣни передо мной станетъ — сказалъ Шролль,—и то я его не прощу!“ А жена ему отвѣтила — она умная и серьезная женщина: „Не грѣши, помни, что Лебольдъ на полѣ сраженія, и Господь можетъ легко сдѣлать такъ, что ты передъ сыномъ будешь стоять на колѣняхъ“.

— Ну, а онъ что?

— Онъ только засмѣялся. „Если такъ случится, сказалъ онъ, тогда все снова будетъ хорошо. Но не раньше, замѣть это себѣ, не раньше!“

У Веттль глаза были полны слезъ.

— Что же, возьметъ фрейлейнъ это письмо? — спрашивала Луиза.

— А развѣ я могу его взять?

— Конечно, мать Лебольда послала вамъ это письмо. Она, кажется, очень хорошо къ вамъ относится.

Веттль просіяла отъ счастья.

— Правда? Я готова у нея руки за это цѣловать! Фрейлейнъ Луиза, не будете ли такъ добры присмотрѣть за кушаньемъ, пока я читаю? Мнѣ хочется спокойно прочитать письмо.

— Читайте, читайте! Ручаюсь вамъ, что ничего не пригоритъ на плитѣ!—отвѣтила старая дѣва.

Веттль проскользнула къ себѣ въ комнату, сѣла около станка и съ бьющимся сердцемъ начала читать письмо Лебольда:

„Дорогая матушка, высокочтимый батюшка и милые братья и сестры! Вашъ Лебольдъ въ первый разъ участвовалъ въ сраженіи; пули такъ и летали около меня. Мы были въ засадѣ за селомъ Эбельсбергомъ и, когда врагъ подошелъ, открыли по немъ огонь. Сейчасъ же около меня упалъ мертвымъ Францъ Зиммель. Я въ первый разъ въ жизни видѣлъ мертваго человѣка, кромѣ покойнаго дѣдушки. Но на войнѣ всегда является мысль: черезъ нѣсколько минутъ съ тобой будетъ то же самое, и тогда это не производитъ такого сильнаго впечатлѣнія. Съ большой болью я долженъ сообщить, что, не смотря на мужество и дисциплину, мы, къ сожалѣнію, не оказались побѣдителями. Нашъ отрядъ тоже долженъ былъ отступить отъ Эбельсберга, но свою позицію мы отдали не даромъ; особенно ожесточенно бились у большого моста черезъ Траунъ. Французы все же взяли мостъ и за нами остался только таможенный домъ на другомъ берегу, съ толстыми стѣнами и рѣшетчатыми окнами. Мы оттуда усердно стрѣляли, такъ что каждому французу, хотѣвшему перейти мостъ, приходилось платиться за это. И вдругъ мы, вѣнцы, бросились изъ нашей засады на врага съ крикомъ „ура!“ Нѣсколько времени не слышно было даже выстрѣловъ, а только стоны раненыхъ раздавались кругомъ. Когда мы были уже посерединѣ моста, Массе́на неожиданно двинулъ на насъ цѣлый полкъ, и много нашихъ попадало въ воду, нѣкоторые еще живыми. Пепи Виммеръ былъ раненъ въ грудь, но держался за перила моста и смотрѣлъ на меня умоляющимъ взглядомъ, полнымъ смертельнаго страха; позвать онъ уже не могъ. Я протиснулся, чтобы помочь ему, но въ этотъ моментъ онъ потерялъ силы и упалъ въ рѣку. Въ то же время я увидѣлъ, что упалъ капитанъ Гекендорфъ — мнѣ ужасно было его жаль. Солдаты вынесли его; остальные бросились на французовъ съ еще бо́льшимъ ожесточеніемъ, такъ что мостъ снова остался за нами. Не было, однако, человѣческой возможности держаться, тѣмъ болѣе, что насъ было меньше числомъ. Массе́на двинулъ два полка, и мы все-таки не побѣжали, а отступили медленно и въ полномъ порядкѣ; предварительно мы сожгли таможню и всѣ окрестныя строенія, чтобы французамъ негдѣ было укрыться. Но при этомъ произошло очень печальное событіе.

Зекендорфа и другихъ раненыхъ положили въ сарай, который

наши же сожгли, это я потомъ только узналъ. Война—это такой ужасъ! Мнѣ было бы большимъ утѣшеніемъ, еслибы я могъ надѣяться, что батюшка простилъ меня и больше не гнѣвается. Я слышалъ, что Наполеонъ идетъ на Вѣну. Я надѣюсь, что его высочество генералиссимусъ приведетъ насъ къ побѣдѣ. До тѣхъ поръ городская милиція должна до послѣдней возможности удерживать французовъ передъ городскимъ валомъ, чтобы они не могли войти въ городъ. Въ надеждѣ, что батюшка на меня не гнѣвается больше, остаюсь вашъ благодарный и любящій сынъ и братъ Лебольдъ“.

Внизу была приписка, которую Веттль читала съ восторгомъ и наконецъ поцѣловала: „Хорошенько поклонитесь отъ меня Веттль изъ дома „Голубой кукушки“. Больше ни слова. Но для нея этого было достаточно.

Въ народѣ распространилась печальная вѣсть, что врагъ снова идетъ на Вѣну. Сначала всѣ были увѣрены, что генералиссимусъ поспѣшитъ защищать столицу. Но вскорѣ узнали, что главная армія была вынуждена сдѣлать огромный обходъ и вернуться въ Богемію, а другая часть войска была оттѣснена на лѣвый берегъ Дуная и путь на Вѣну былъ свободенъ для французовъ. Для защиты города успѣли прибыть только два-три батальона ополченцевъ и нѣсколько отдѣльныхъ отрядовъ. Съ лихорадочной быстротой стали готовиться къ защитѣ; улицы и площади были полны звономъ оружія и военными окриками. Подмастерье Винченцъ исчезъ изъ „Голубой кукушки“ и болѣе не возвращался.

„Они теперь не будутъ такъ важничать, какъ раньше,—думалъ онъ,—и старый аустерлицкій герой имъ пригодится!“

Онъ былъ правъ: теперь принимали всякаго, у кого были цѣлы ноги. Винченцу было обидно, что у него не было формы; онъ одѣлъ свой старый бѣлый солдатскій мундиръ, праздничные штаны изъ голубого кашемира и праздничную шляпу, и нашелъ, что теперь у него очень воинственный видъ.

Кебахъ каждый вечеръ сидѣлъ въ маленькомъ кабачкѣ въ Шоттенфельдѣ, стучалъ кулакомъ по столу и облегчалъ свою душу смѣлыми предложеніями, какъ защищать городъ:

— Было бы позоромъ допустить, чтобы они опять маршировали по Маріахильферштрассе! Теперь, когда у насъ есть генералиссимусъ и ополченіе! И если мы, какъ предлагали на дняхъ, впустимъ ихъ въ предмѣстья, такъ какъ же удержится самый городъ? Не бомбардировать же намъ собственныя предмѣстья! Вѣдь тамъ сто пятьдесятъ тысячъ жителей, не отдадимъ же мы ихъ въ до-

бычу французамъ! Для чего же тогда наши предки строили валъ? Неужели же мы пустимъ черезъ валъ parlez-vous? Самъ государь обратился къ намъ съ посланіемъ, чтобы мы поддержали честь предковъ, геройски защитившихъ Вѣну отъ турокъ! Мы должны защищать валъ до тѣхъ поръ, пока не подойдетъ на помощь эрцгерцогъ Карлъ. И если даже это должны будутъ сдѣлать жители Шоттенфельда безъ помощи остальныхъ вѣнцевъ,—то мы все же сдѣлаемъ это!

Къ жителямъ Шоттенфельда присоединились обитатели Нейдека и св. Ульриха. Они считали своимъ долгомъ не допустить, чтобы городъ попалъ въ руки враговъ; рѣшили защищать не только центръ города, но и предмѣстья. Всѣ разсуждали одинаково: къ чему же иначе существуетъ городской валъ? Передъ нимъ parlez-vous должны застрять!

Вышелъ приказъ вооружить всѣхъ годныхъ къ военной службѣ. Каждый, имѣвшій у себя какое бы то ни было оружіе, несъ его съ важной миной въ воинское присутствіе. Шоттенфельдцамъ неоткуда было взять вооруженіе: среди нихъ вѣдь не было важныхъ господъ и по воскресеньямъ никто изъ нихъ не ѣздилъ на охоту.

— Ничего не значитъ! У насъ зато есть цейхгаузъ!—сказалъ Кебахъ.

Въ цейхгаузѣ было свалено въ кучу оружіе всѣхъ временъ и народовъ; особенно много трофеевъ осталось отъ турецкой войны: всевозможныя кривыя сабли, алебарды и оружіе различныхъ конструкцій той эпохи. Каждый невооруженный житель могъ взять изъ цейхгауза что хотѣлъ. Кебахъ рѣшилъ взять себѣ мушкетъ. Онъ зналъ одно мѣстечко, гдѣ еще мальчикомъ игралъ въ войну; тамъ онъ хотѣлъ спрятаться съ достойными товарищами и напасть на врага изъ засады.

Веттль слушала его съ бьющимся отъ страха сердцемъ; она гордилась отцомъ, который неожиданно выказалъ столько геройства.

Узнавъ, что въ цейхгаузѣ раздаютъ оружіе, красильщикъ Кицингеръ изъ „Райской птицы“ отправился туда изъ любопытства. Въ узкой Богнергассе его чуть не раздавили и онъ еле могъ выбраться на площадь, гдѣ стоялъ невообразимый шумъ. Толпа всякаго сброда, мужчинъ, женщинъ, всевозможныхъ бездѣльниковъ, бѣглыхъ подмастерьевъ, мальчишекъ, мелкихъ воришекъ—вся эта толпа защитниковъ отечества осаждала цейх-

гаузъ; каждый старался вытащить какой-нибудь старый мушкетъ и, доставъ, подбрасывалъ его на воздухъ съ воинственнымъ крикомъ. Кицингеръ случайно очутился совсѣмъ близко отъ цейхгауза; къ нему подскочилъ вооруженный съ головы до ногъ субъектъ и, схвативъ его за шиворотъ, спросилъ, кто онъ такой. Кицингеръ назвалъ себя.

— Другъ!—крикнулъ субъектъ.—Оружія храброму бюргеру!

Ему пристегнули заржавленную турецкую саблю, дали въ руки тяжелый желѣзный мечъ, а для стрѣльбы сунули въ карманъ большой пистолетъ. Кицингеръ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и увѣрялъ, что онъ не умѣетъ обращаться съ оружіемъ; онъ ужасно боялся, что пистолетъ нечаянно выстрѣлитъ и пуля попадетъ ему прямо въ грудь. На самомъ дѣлѣ кремень давно вывалился изъ пистолета и какой-то шутникъ вмѣсто него вставилъ кусочекъ хлѣба. Кицингеръ, конечно, не могъ этого знать; онъ боялся даже вынуть пистолетъ изъ-за пазухи, чтобы ненарокомъ не выстрѣлить.

Онъ сталъ умолять, чтобы у него взяли назадъ оружіе. Тогда вооруженный субъектъ, который былъ къ тому же пьянъ, закричалъ, что Кицингеръ—предатель, и ударомъ кулака въ спину толкнулъ его въ руки двумъ подмастерьямъ. Они схватили его и хотѣли вести на бастіоны.

Къ счастью, въ это время раздались слова команды и показались военные въ бѣлыхъ мундирахъ. Они разогнали толпу и отобрали награбленное оружіе. Люди, державшіе Кицингера, убѣжали, а самъ Кицингеръ попалъ въ руки солдатъ, какъ одинъ изъ грабителей.

Онъ весь дрожалъ отъ страха, когда его привели къ офицеру, командовавшему отрядомъ. Стоило только взглянуть на бѣднаго красильщика, чтобы убѣдиться въ его ангельской невинности. Офицеръ сейчасъ же освободилъ его отъ сабли, меча и пистолета и отпустилъ на свободу. Впрочемъ онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи подшутить надъ красильщикомъ и сдѣлалъ видъ, что хочетъ выстрѣлить въ него изъ пистолета. Кицингеръ неистово закричалъ, хотя выстрѣла, конечно, не произошло. Офицеръ, довольный произведеннымъ эффектомъ, растолковалъ ему, что для стрѣльбы нуженъ, во-первыхъ, порохъ, а во-вторыхъ—кремень, вмѣсто засунутаго кѣмъ-то кусочка сухого хлѣба. Кицингеръ былъ очень недоволенъ шуткой: онъ былъ увѣренъ, что револьверъ иногда можетъ выстрѣлить и незаряженный.

Подъ наблюденіемъ начальства началась правильная раздача оружія, и каждый получалъ то, что ему подходило.

Въ одинъ прекрасный майскій день въ цейхгаузѣ очутился Кебахъ. Онъ получилъ, согласно своему желанію, большой старый аркебузъ съ обратнымъ ударомъ такой силы, что трудно было удержаться на ногахъ. „Это похоже на цѣлую пушку; parlez-vous должны будутъ чувствовать къ ней уваженіе“, думалъ Кебахъ.

Онъ съ трудомъ тащилъ его по Богнергассе, отирая съ лица потъ, какъ вдругъ услышалъ голосъ Шабзеля:

— Дайте мнѣ нести вашъ мушкетъ, господинъ Кебахъ, вамъ слишкомъ тяжело!

— Развѣ вы сильнѣе меня?—усмѣхнулся Кебахъ.

— Нѣтъ, не сильнѣе; только Шабзель привыкъ таскать свой тяжелый узелъ, а господинъ Кебахъ не привыкъ носить тяжести.

Но Кебахъ гордился своимъ аркебузомъ и хотѣлъ самъ снести его домой.

— Теперь такое тяжелое время,—печально сказалъ Шабзель; —каждый долженъ другому помогать. Господинъ Кебахъ былъ всегда добръ ко мнѣ, и Шабзелю очень хочется отблагодарить его за это.

Кебахъ обрадовался и навѣрное обнялъ бы Шабзеля, еслибъ не мѣшалъ аркебузъ. Этого человѣка гнали въ мирное время со всѣхъ сторонъ, какъ собаку; и все-таки онъ хотѣлъ помочь въ общей бѣдѣ. Кебахъ поблагодарилъ, но аркебуза все-таки не отдалъ: защитникъ отечества долженъ самъ нести свое оружіе, иначе его засмѣютъ.

— Чѣмъ можетъ помочь бѣдный еврей во время войны?— жаловался Шабзель.—Мнѣ даже не дадутъ мушкета, чтобы я могъ защищать свой городъ, жену и дѣтей. А еслибы и дали, такъ Шабзель навѣрное побоялся бы стрѣлять. Развѣ я выгляжу героемъ? Шабзель не герой, Шабзель просто вьючный оселъ. А на что же нуженъ вьючный оселъ, если ему никто не хочетъ дать работу?

Кебахъ отвѣтилъ, что вѣроятно будутъ работы на шанцахъ, и онъ сможетъ быть тамъ полезнымъ. Еще разъ поблагодаривъ Шабзеля, хозяинъ „Кукушки“ двинулся дальше. Онъ удивился, что на площади передъ городскимъ валомъ было совсѣмъ безлюдно, а на рынкѣ точно все вымерло. Оружіе давило плечо Кебаху; вечернее солнце такъ пекло, что онъ долженъ былъ остановиться, чтобы отереть потъ со лба. Когда онъ снова двинулся въ путь, на площади появился небольшой отрядъ солдатъ и окрикнулъ его не по-нѣмецки: „Wer da?“, а по французски: „Qui vive?“

Сначала Кебахъ чуть не разсмѣялся надъ дерзкой шуткой, но когда увидѣлъ, что передъ нимъ дѣйствительно французы, онъ перепугался. Откуда они явились, точно съ неба упали? Какъ это могло случиться, что врагъ вошелъ въ предмѣстье, а внутри города, гдѣ достаточно войска, объ этомъ даже не знали? Онъ готовъ былъ заплакать отъ стыда и гнѣва. Потомъ онъ вспомнилъ о своемъ собственномъ положеніи: можетъ-быть по военнымъ правиламъ полагается разстрѣливать всякаго, кто встрѣтится съ оружіемъ въ рукахъ. Отъ испуга онъ сначала не могъ вымолвить ни слова; только оправившись немного, онъ объяснилъ, кто онъ такой.

Замѣтивъ, что французы довольно добродушно къ нему отнеслись, Кебахъ вздумалъ поболтать съ ними и сдѣлать видъ, что ничего особеннаго не случилось. Но на всѣ попытки завязать бесѣду они качали головой, не понимая ни единаго слова. Тогда Кебахъ пожалъ плечами и сказалъ, указывая пальцемъ на себя:

— Parlez-vous français, monsieur? Non, monsieur! Не по-французски! Только по-нѣмецки!

Они засмѣялись и указали жестомъ, что онъ можетъ идти своей дорогой. Радуясь, что такъ счастливо отдѣлался, Кебахъ пустился бѣгомъ домой и скоро добрался до „Голубой кукушки“.

Веттль въ ужасѣ всплеснула руками, когда узнала, что отецъ столкнулся съ parlez-vous.

Кебахъ разсказалъ ей и портному Купкѣ, который ожидалъ его для примѣрки, всѣ подробности встрѣчи.—Эти parlez-vous,—прибавилъ онъ въ заключеніе,—въ сущности милые и очень обходительные люди; жаль, что мы должны враждовать съ ними.

Въ это время Веттль вспомнила, что отецъ отправился за оружіемъ, и спросила, получилъ ли онъ его.

— Конечно,—отвѣтилъ Кебахъ:—мнѣ дали огромный аркебузъ!

— Но гдѣ же онъ?

Только тогда Кебахъ сообразилъ, что французскій патруль отобралъ у него оружіе, а онъ со страху даже не замѣтилъ этого.

— Неужели батюшка отдалъ французамъ свое оружіе?—съ негодованіемъ воскликнула Веттль.

— А тебѣ было бы пріятнѣе, чтобы твоего отца изрубили въ куски?—отвѣтилъ онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

Нѣтъ, не смотря на весь свой воинственный пылъ, она безконечно радовалась, что отецъ вернулся живымъ.

— Достаточно печально,—сказалъ Кебахъ,—что parlez-vous пробрались въ предмѣстья, и ни одинъ человѣкъ въ городѣ понятія объ этомъ не имѣлъ. Но ужъ если они здѣсь, такъ не могу же я ложиться со своимъ аркебузомъ въ ровъ и ждать, пока меня прострѣлятъ. Значитъ, приходится мириться съ положеніемъ! Это всякій понимаетъ!

Съ нѣмецкаго Ю. С.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

НА СѢВЕРѢ

Тамъ, гдѣ даль свѣтла какъ море,
Тамъ, въ молчаньѣ деревень,
Ель шумитъ на косогорѣ
Въ золотой осенній день.

Вѣтеръ мчится, рѣетъ, рѣетъ,
Запѣваетъ звонкій хоръ.
А въ лицо такъ нѣжно вѣетъ
Синій, ласковый просторъ.

Такъ задумчива усталость
Въ глубинѣ рѣчныхъ долинъ.
Но сіяетъ въ небѣ алость
Ярко-огненныхъ рябинъ.

Сосны блѣдно-изумрудны,
Помнятъ сказки старины.
Ахъ, пути бѣдны и трудны:
Глина, камни-валуны.

Лики родины суровы—
Лики сѣверныхъ святыхъ.
Но любить, любить готовы
Мы просторъ пространствъ твоихъ.

Эта дѣвственность и нѣжность,
Эта радость и печаль!
Вѣтеръ рѣетъ. И—безбрежность—
Голубая тонетъ даль.

Вл. Княжнинъ.

РАБОЧІЙ ДОГОВОРЪ

И

НОВЫЯ ЕГО ФОРМЫ НА ЗАПАДѢ

Гражданское право вообще отличается чрезвычайнымъ консерватизмомъ; но тотъ отдѣлъ его, который трактуетъ о трудовомъ договорѣ, особенно выдѣляется своею отсталостью. Въ теченіе многихъ столѣтій юриспруденція довольствовалась тѣми немногими положеніями, которыя были заимствованы изъ римскаго права (подрядъ, личный наемъ) и относились къ совершенно инымъ условіямъ быта. Даже мощное развитіе капитализма, произведшее цѣлую революцію въ экономическихъ и правовыхъ отношеніяхъ общества, оставалось, до конца XIX вѣка, какъ бы незамѣченнымъ въ этой сферѣ. Самое различіе между личнымъ наймомъ и подрядомъ (заказомъ) стало подвергаться оспариванію съ разныхъ сторонъ, какъ недостаточно обоснованное. При разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ юриспруденціи недоставало опорнаго пункта, такъ какъ отсутствовало общее понятіе о трудовомъ договорѣ. Да и самое выраженіе: договоръ *личнаго найма*, наемъ услугъ (Dienstmiethe, louage de services) звучитъ въ настоящее время какимъ-то анахронизмомъ, заключаетъ въ себѣ что-то унизительное, такъ какъ, съ одной стороны, сближаетъ личный наемъ съ договоромъ *найма имуществъ*, съ другой — исключаетъ изъ него высшія категоріи труда. Въ древнемъ Римѣ locatio conductio operarum (наемъ труда) мало чѣмъ отличалось отъ locatio conductio rei (напр. найма скота

или рабовъ) и считалось недостойнымъ свободнаго человѣка отдавать свой трудъ за вознагражденіе; но въ современномъ обществѣ наемный трудъ играетъ совершенно другую роль и занимаетъ совершенно иное соціальное положеніе.

Содержаніе договора также должно было съ теченіемъ времени подвергнуться существенному измѣненію. Если на первыхъ стадіяхъ капитализма оно опредѣлялось исключительно свободнымъ соглашеніемъ сторонъ, то впослѣдствіи нѣкоторые пункты его стали устанавливаться государственной властью: появляется такъ называемое фабричное законодательство. Законы по охранѣ труда распространялись первоначально только на нѣкоторыя категоріи рабочихъ, но затѣмъ стало выясняться съ полной очевидностью, что и остальныя категоріи (напр. домашніе рабочіе, ремесленники, приказчики) находятся не въ лучшемъ, а пожалуй даже въ худшемъ положеніи и не менѣе нуждаются въ защитѣ, чѣмъ рабочіе, занятые въ крупно-капиталистической промышленности. Такимъ образомъ, необходимо не только создать общее опредѣленіе рабочаго договора, но и включить въ него пункты, которые могли бы служить защитѣ интересовъ труда отъ эксплоатаціи нанимателя. На важнѣйшихъ попыткахъ въ этомъ направленіи, сдѣланныхъ въ послѣднее время, мы теперь и остановимся.

Въ новомъ гражданскомъ уложеніи Германіи 1896 г. мы уже не находимъ *найма услугъ*: онъ замѣненъ *договоромъ услугъ* (Dienstvertrag) и съ внѣшней стороны отдѣленъ совершенно отъ договора найма. Не дѣлается здѣсь различія между отдѣльными формами труда; трудъ высшій и низшій одинаково подходятъ подъ понятіе договора услугъ. Въ цѣляхъ защиты интересовъ труда уложеніе требуетъ, чтобы прекращенію договора услугъ, заключаемаго на срокъ неопредѣленный, всегда предшествовалъ предварительный отказъ. Наниматель обязанъ, далѣе, принимать должныя мѣры къ огражденію безопасности нанимаемаго, а по отношенію къ лицамъ, живущимъ въ семьѣ нанимателя — къ попеченію объ ихъ здоровьѣ и къ помощи въ случаѣ болѣзни въ теченіе шести недѣль...

Таковы робкіе шаги германскаго гражданскаго уложенія по новому пути; дальше оно не пошло и въ общемъ продолжаетъ стоять по прежнему на почвѣ римскаго права. Старое различіе между locatio operarum и locatio operis сохраняется всецѣло, и рядомъ съ договоромъ услугъ стоитъ Werksvertrag — подрядъ, заказъ, какъ договоръ, направленный на исполненіе условленнаго дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ захватывающій въ свою сферу и отношеніе къ труду.

Дальнѣйшій шагъ впередъ дѣлаетъ бельгійскій законъ 10 марта 1900 г. о рабочемъ договорѣ (contrat du travail), т.-е. договорѣ, „коимъ рабочій обязывается работать подъ руководствомъ, по указанію и подъ надзоромъ хозяина предпріятія или работодателя“. Хотя законъ 10 марта 1900 г. остается принципіально на договорной почвѣ, предоставляя сторонамъ устанавливать условія труда, однако имъ предусматривается рядъ постановленій, направленныхъ къ защитѣ рабочаго отъ эксплоатаціи, независимо или даже вопреки указанному соглашенію; таковы постановленія, освобождающія рабочаго отъ несенія риска при случайномъ неуспѣхѣ работы, охраняющія его право на заработокъ и др. Охранительныя постановленія, прежде дѣйствовавшія лишь въ узкой сферѣ нѣкоторыхъ отраслей промышленности, теперь возводятся на степень общихъ правовыхъ нормъ, примѣнимыхъ ко всѣмъ договорамъ о трудѣ.

Подобно германскому уложенію, голландскій законъ 13 іюля 1907 г. не дѣлаетъ различія между физическимъ и умственнымъ трудомъ, включая въ рабочій договоръ и такія договорныя отношенія, которыя имѣютъ въ виду длящееся исполненіе опредѣленной, періодически повторяющейся работы, напр. уроки учителя, дѣятельность домашняго врача и т. п. При добровольномъ расторженіи договора обѣ стороны обязываются къ предварительному заявленію о томъ, но, въ отличіе отъ германскаго уложенія, голландскій законъ 13 іюля 1907 г. не устанавливаетъ для безсрочныхъ договоровъ опредѣленныхъ сроковъ отказа, а ограничивается общимъ правиломъ, что срокъ предваренія о прекращеніи договора не можетъ быть короче промежутка между сроками платежа, если послѣдніе не превышаютъ шести недѣль. Отъ этого положенія стороны могутъ отступиться путемъ письменнаго соглашенія, но ни въ какомъ случаѣ срокъ отказа не можетъ быть больше шести недѣль при вознагражденіи, не превышающемъ четырехъ гульденовъ, и шести мѣсяцевъ—въ остальныхъ случаяхъ. Минимальныхъ сроковъ отказа голландскій законъ не устанавливаетъ, но онъ постановляетъ, что отказъ можетъ послѣдовать только ко дню, назначенному для сего закономъ, административнымъ распоряженіемъ или обычаемъ. При договорѣ, заключенномъ на опредѣленный срокъ, тоже должно имѣть мѣсто предварительное заявленіе объ отказѣ, если это требуется обычаями оборота. Договоръ можетъ быть расторгнутъ до срока (безъ обязанности вознаградить за причиненные убытки), если имѣются къ тому „основательные поводы“. Въ законѣ дается примѣрный перечень такихъ поводовъ для обѣихъ сторонъ, но

рѣшеніе вопроса о достаточности основанія предоставляется суду. Постановленія закона, обезпечивающія рабочему право на вознагражденіе, когда онъ не можетъ работать по винѣ работодателя или по случайнымъ причинамъ, а также постановленія о срокахъ расплаты и отказа одинаково примѣняются и при работѣ по времени, и при работѣ по аккорду. Для опредѣленія размѣра вознагражденія за сдѣльную работу, фактически невыполненную, — если исполненію мѣшали случайныя причины, — рабочему долженъ быть присуждаемъ средній заработокъ, на который онъ имѣлъ бы право, еслибы работа была окончена. Голландскій законъ сохраняетъ за рабочимъ право на вознагражденіе „въ теченіе относительно краткаго времени“ и въ томъ случаѣ, когда собственная болѣзнь, болѣзнь или смерть жены или близкаго родственника, а также другія исключительныя обстоятельства лишаютъ его возможности работать.

Наиболѣе полное и разработанное выраженіе новыя теченія нашли себѣ во французскомъ законопроектѣ о рабочемъ договорѣ (contrat du travail), внесенномъ бывшимъ министромъ труда Думергомъ, 7 іюля 1906 г., въ палату депутатовъ. Статья 1-ая этого законопроекта опредѣляетъ рабочій договоръ какъ такой, путемъ котораго одно лицо обязывается работать для другого лица, а послѣднее въ свою очередь обязывается уплачивать первому вознагражденіе, опредѣляемое или по времени труда, или по качеству или количеству выполненной работы, или по какому-нибудь другому основанію, установленному соглашеніемъ между работодателемъ и рабочимъ (employé). То обстоятельство, что рабочій доставляетъ вмѣстѣ съ своимъ трудомъ также и матеріалъ, не служитъ препятствіемъ къ признанію соглашенія рабочимъ договоромъ, если только матеріалъ можетъ быть разсматриваемъ какъ принадлежность труда. Такимъ образомъ во французскомъ проектѣ уничтожается прежнее различіе между договоромъ личнаго найма и заказомъ. Понятіе рабочаго договора расширяется настолько, что подъ него могутъ быть теперь подведены рабочіе въ домашней промышленности, исключенные изъ него даже бельгійскимъ закономъ 10 марта 1900 г. Законопроекту извѣстно, однако, одно ограниченіе: изъ его дѣйствія изъемлются договоры лицъ, предлагающихъ свой трудъ не одному или нѣсколькимъ опредѣленнымъ работодателямъ, а публикѣ. Л. Таль [1]) находитъ это постановленіе неправильнымъ и неяснымъ, такъ какъ лицо, обслуживающее публику, можетъ въ то же время

[1]) „Русская Мысль“ № 4 за 1907 г.

находиться въ постоянномъ отношеніи къ опредѣленному работодателю, быть въ полной зависимости отъ него; напр. практикующій врачъ можетъ состоять ординаторомъ въ больницѣ, портной, принимающій заказы—рабатать на магазинъ готоваго платья. Едва ли однако это возраженіе можно признать правильнымъ. Если лицо, обслуживающее публику, находится въ зависимости отъ опредѣленнаго работодателя, то въ этомъ случаѣ мы и будемъ имѣть дѣло съ рабочимъ договоромъ. Если же признать рабочимъ договоромъ, какъ предлагаетъ Таль, каждое соглашеніе, которое заключается между любымъ изъ кліентовъ и лицомъ, обслуживающимъ публику, то послѣднее останется беззащитнымъ передъ тѣмъ предпринимателемъ, отъ котораго оно зависитъ, такъ какъ нельзя человѣку въ одно и то же время заключать нѣсколько договоровъ, устанавливающихъ служебное отношеніе.

Какія же послѣдствія, въ смыслѣ охраны интересовъ труда, влечетъ за собой признаніе соглашенія рабочимъ договоромъ? Согласно законопроекту недозволеннымъ должно считаться всякое постановленіе рабочаго договора, которымъ одна сторона, пользуясь нуждой, легкомысліемъ или неопытностью другой, обременяетъ ее условіями, находящимися въ явномъ несоотвѣтствіи либо съ обычными для данной профессіи или мѣстности условіями, либо съ цѣнностью или важностью обѣщанныхъ услугъ. При этомъ самый договоръ продолжаетъ оставаться въ силѣ; отпадаетъ только часть, противорѣчащая вышеуказанному опредѣленію. Далѣе: когда рабочіе, нанятые при условіяхъ, указанныхъ въ первой статьѣ, должны для выполненія работы организовать отряды или бригады или руководить ими, то они силою закона признаются дѣйствующими, при сношеніяхъ съ членами отряда или бригады, въ качествѣ уполномоченныхъ хозяина предпріятія. Противъ этого предположенія не допускается никакихъ доказательствъ. Эта статья имѣетъ въ виду борьбу съ тѣми злоупотребленіями, къ которымъ прибѣгаютъ предприниматели, дѣйствующіе черезъ посредниковъ, для уклоненія отъ обязанностей, возлагаемыхъ на нихъ закономъ по отношенію къ нанятымъ рабочимъ. — Рабочій, заключающій договоръ, только тогда считается согласившимся на условія, включенныя работодателемъ въ правила внутренняго распорядка, если эти условія опубликованы въ указываемомъ проектомъ порядкѣ, и если работодателемъ будетъ доказано, что эти правила доведены были до свѣдѣнія рабочаго. Только при наличности тѣхъ же обстоятельствъ рабочій признается согласившимся на измѣненіе условій рабочаго

договора посредствомъ правилъ внутренняго распорядка.—Отмѣтимъ, въ заключеніе, еще ст. 46, которая гласитъ: сторона, желающая прекратить договоръ, обязана (за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ случаевъ) предупредить объ этомъ другую сторону не менѣе чѣмъ за недѣлю, когда договоръ заключается съ промышленнымъ рабочимъ или съ домашнею прислугою, и не менѣе чѣмъ за мѣсяцъ, когда договоръ заключается со служащимъ или съ промышленнымъ рабочимъ, занимающимъ равное со служащимъ положеніе [1]).

Какъ ни интересны эти новыя теченія въ области общаго гражданскаго права, въ дѣлѣ охраны интересовъ рабочаго класса имъ не можетъ принадлежать въ настоящее время рѣшающая роль. При существующемъ соотношеніи силъ указанныя опредѣленія по необходимости должны носить чрезвычайно общій характеръ, т.-е. быть недостаточными, и не могутъ исключать потребности въ спеціальныхъ законодательныхъ актахъ для тѣхъ или иныхъ отраслей промышленной дѣятельности. Кромѣ того, значительная часть — и, притомъ, очень важныхъ — опредѣленій не можетъ быть включена даже въ эти послѣдніе, оставаясь предметомъ непосредственныхъ соглашеній между трудомъ и капиталомъ.

Еще задолго до того, какъ юристы обратили вниманіе на несовершенства и отсталость положеній о наймѣ труда, рабочія массы уже стали исправлять эти пробѣлы путемъ замѣны индивидуальнаго договора коллективнымъ. Въ виду чрезвычайной важности этого явленія, мы остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе [2]).

Ранѣе другихъ странъ коллективный договоръ получилъ распространеніе въ Англіи, гдѣ въ настоящее время, по словамъ Вебба, около 90% общаго числа квалифицированныхъ рабочихъ устанавливаютъ условія своего труда именно этимъ путемъ. Коллективныя соглашенія охватываютъ или только опредѣленный

[1]) У насъ, въ Россіи, наблюдается въ послѣднее время противоположная тенденція. Такъ, проектъ министерства торговли и промышленности 1906 г. предлагалъ сократить дѣйствующій нынѣ двухнедѣльный срокъ предупрежденія до трехъ дней, а новѣйшая редакція проекта—до семи дней. Представители промышленныхъ организацій настаиваютъ на полной свободѣ соглашенія, т.-е. на отсутствіи какихъ бы то ни было сроковъ, чтобы получить возможность сразу „освободить предпріятіе отъ нежелательныхъ рабочихъ“. При этомъ въ числѣ аргументовъ особенно часто и охотно употребляется ими, встрѣчается ссылка... на Западную Европу. Какая просвѣщенность и—главное—какая освѣдомленность!

[2]) Богатый матеріалъ по этому вопросу собранъ въ изданіи имперскаго статистическаго бюро Пруссіи: „Der Tarifvertrag im Deutschen Reich“, 3 т., 1906.

округъ, или же распространяются на промышленность всей страны. Самый механизмъ, выработанный съ цѣлью урегулированія заработной платы и другихъ условій найма, примѣненія договора къ отдѣльнымъ случаямъ жизни и улаживанія возникающихъ при этомъ разногласій, представляетъ большое разнообразіе, смотря по особенностямъ и степени развитія данной отрасли промышленности. Наиболѣе простой случай—тотъ, когда отдѣльный предприниматель ведетъ переговоры съ депутаціей представителей отъ своихъ рабочихъ. На слѣдующей ступени переговоры ведутся между предпринимателемъ и секретаремъ профессіональнаго союза, а третью ступень образуютъ сношенія представителей рабочаго союза съ организаціей предпринимателей. Наконецъ—и это представляетъ собою наиболѣе сложную форму—устраиваются постоянные такъ называемые „соединенные комитеты“ (joint committees), состоящіе при профессіональныхъ союзахъ и организаціяхъ предпринимателей, при чемъ собранія ихъ происходятъ въ однихъ случаяхъ систематически, а въ другихъ—по тому или иному вопросу. Въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности образуются даже палаты соглашенія, состоящія изъ представителей, въ равномъ числѣ отъ обѣихъ сторонъ, и собирающіяся черезъ извѣстные промежутки времени. Если такимъ путемъ соглашеніе не достигается, то нерѣдко дѣло передается на разрѣшеніе „внѣпартійнаго“ третейскаго судьи.

Въ такихъ, напр., важнѣйшихъ отрасляхъ промышленности, какъ текстильная, желѣзодѣлательная и каменноугольная, общій уровень заработной платы опредѣляется національными (т.-е. охватывающими всю страну) организаціями рабочихъ и предпринимателей. Здѣсь устанавливаются только общія основныя положенія, приспособляемыя, затѣмъ, къ отдѣльнымъ округамъ и предпріятіямъ низшими, подчиненными органами. Существенныя измѣненія въ этихъ основныхъ положеніяхъ могутъ производить только тѣ центральныя организаціи, которыя ихъ вырабатывали. Для улаживанія столкновеній существуютъ особые органы—напр. камеры соглашенія для сталепрокатныхъ заводовъ сѣверной Англіи и для сталелитейной и желѣзодѣлательной промышленности центральнаго района. Оба учрежденія обладаютъ „постоянными комитетами“ для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, кромѣ общихъ измѣненій уровня заработной платы; сами же камеры вмѣшиваются въ дѣло только въ качествѣ второй инстанціи, а третьей является третейскій судья. Урегулированіе заработной платы какъ въ томъ, такъ и въ другомъ учрежденіи основывается на примѣненіи такъ называемой „скользящей скàлы“: за-

работная плата повышается или понижается въ зависимости отъ уровня рыночныхъ цѣнъ на данный продуктъ.

Въ хлопчатобумажной промышленности Ланкашира заработная плата—почти исключительно поштучная и опредѣляется особыми списками или листами, т.-е., въ сущности, разработаннымъ до мельчайшихъ подробностей тарифомъ. Наибольшей извѣстностью и распространенностью пользуются списки Oldham'a и Bolton'a съ окрестностями — для прядильщиковъ, и списки ткачей сѣвернаго и сѣверо-восточнаго Ланкашира. Высота заработной платы выражается здѣсь въ процентной надбавкѣ или скидкѣ съ тѣхъ ставокъ, которыя обозначены въ листахъ. Сбавки и надбавки, а равно и самые списки устанавливаются соглашеніемъ между союзами рабочихъ и предпринимателей. При этомъ принимаются во вниманіе количество веретенъ и быстрота станка для каждой фабрики. Вычисленіе производятъ уполномоченные отъ этихъ союзовъ. При обсужденіи разногласій относительно платы они являются первой инстанціей, потомъ собирается мѣстный „соединенный комитетъ“ и, наконецъ, если все-таки соглашеніе не достигается, прибѣгаютъ къ стачкѣ. Такимъ образомъ, и коллективный договоръ, и связанные съ нимъ органы соглашенія не исключаютъ необходимости стачекъ; но теперь стачка разсматривается уже какъ послѣднее средство, между тѣмъ какъ раньше съ нея обыкновенно начиналась борьба.

Если бѣгло просмотрѣть цифры стачечнаго движенія, напр. за послѣднія пятнадцать лѣтъ [1]), то на первый взглядъ покажется, что никакой опредѣленной тенденціи въ нихъ уловить нельзя; однако, если соединить ихъ по пятилѣтіямъ, то тотчасъ же обнаруживается, что кривая стачечнаго движенія съ каждымъ пятилѣтіемъ понижается все болѣе и болѣе. Такъ, *среднее* количество стачекъ, участвовавшихъ рабочихъ и затраченныхъ дней составляло *въ годъ*:

	Стачекъ:	Рабочихъ:	Дней:
Съ 1893 по 1897 г.	816	330.226	11.962.667
Съ 1898 по 1902 г.	632,2	211.775	5.716.026
Съ 1903 по 1907 г.	437,2	132.576	2.296.809

Не слѣдуетъ ли отсюда, что коллективныя соглашенія между рабочими и капиталистами стоятъ въ противорѣчіи съ идеей классовой борьбы? Не влекутъ ли они за собою, въ качествѣ

[1]) См. Twelf, „Abstract of Labour Statistics of the United Kingdom“. 1908.

неизбѣжнаго послѣдствія, распространеніе иллюзій соціальнаго мира, затемняя такимъ образомъ сознаніе рабочихъ? Классовая борьба въ современномъ обществѣ вытекаетъ изъ коренной противоположности интересовъ предпринимателей и рабочихъ, и этой противоположности коллективный договоръ самъ по себѣ уничтожить не можетъ; не можетъ онъ уничтожить также и гегемоніи капитала надъ трудомъ. Въ развитіи метода коллективнаго договора мы имѣемъ дѣло, поэтому, съ измѣненіемъ не сущности, а только внѣшней формы, и если раньше этотъ методъ находилъ себѣ немало противниковъ среди идеологовъ рабочаго класса, то въ настоящее время ему приходится преодолѣвать сопротивленіе главнымъ образомъ со стороны предпринимателей.

Вопросъ о юридической природѣ коллективныхъ соглашеній, разработанъ въ Англіи крайне недостаточно. Законъ о промышленныхъ союзахъ 1871 г. признаетъ право коалицій, но дѣлаетъ оговорку, что соглашенія, напр., относительно вступительныхъ взносовъ, штрафовъ, поручительства, а также соглашенія союзовъ между собою не имѣютъ юридически обязательной силы: жаловаться въ судъ на неисполненіе такихъ соглашеній нельзя.

Ненормальность такого положенія дѣлъ признается уже давно. Герцогъ Девонширскій, предсѣдатель королевской коммиссіи по рабочему вопросу 1893 г., представилъ ей докладъ, въ которомъ указывалъ на необходимость дать союзамъ рабочихъ и предпринимателей права юридическаго лица и возможность вступать въ соглашенія, имѣющія строго обязательный характеръ. Точно также и коммиссія 1906 г. рекомендуетъ отмѣну ограничительныхъ постановленій закона 1871 г., дабы облегчить профессіональнымъ союзамъ возможность заключенія какъ со своими членами, такъ и съ третьими лицами такихъ соглашеній, которыя имѣли бы юридически законную силу. Нужно, однако, замѣтить, что сами англійскіе трэдъ-юніоны не обнаруживаютъ желанія пріобрѣтать права юридическаго лица, такъ какъ не питаютъ большого довѣрія къ безпристрастію судей.

Непризнаніе за профессіональными союзами правъ юридическаго лица имѣло то преимущество, что давало имъ возможность объявлять стачку, бойкотировать фабрику, запрещать работу тѣмъ, кто не состоитъ членомъ союза, и т. п., не подвергаясь отвѣтственности за убытки, причиненные этими дѣйствіями. Тѣмъ болѣе страннымъ долженъ показаться тотъ поворотъ въ судебной практикѣ, который произошелъ въ началѣ нашего столѣтія. Въ 1901 г. судья Фаруэль, по жалобѣ желѣзнодорожной компаніи

„Taff Vale“, возбудилъ преслѣдованіе противъ „Amalgamated Society of Railway servants“ за незаконное противодѣйствіе штрейкбрехерству. Апелляціонный судъ отказалъ въ жалобѣ, на томъ основаніи, что трэдъ-юніоны, какъ добровольные союзы, не могутъ быть по англійскимъ законамъ отвѣтчиками на судѣ. Палата лордовъ отмѣнила это рѣшеніе, выставивъ совершенно новое положеніе, что союзъ рабочихъ, все равно, зарегистрированъ ли онъ или нѣтъ, подходитъ подъ дѣйствіе законовъ о корпораціяхъ и отвѣчаетъ всѣмъ своимъ имуществомъ за убытки, которые могутъ произойти отъ дѣйствія его членовъ. На этомъ основаніи то одинъ, то другой союзъ присуждается къ возмѣщенію убытковъ въ пользу предпринимателей не только за незаконное противодѣйствіе штрейкбрехерству, но и за вполнѣ законную стачку. Англійскіе рабочіе не могли, конечно, оставаться равнодушными къ столь вопіющему нарушенію ихъ правъ и интересовъ, которое грозило самому существованію трэдъ-юніоновъ, и въ результатѣ предпринятой ими агитаціи парламентъ принялъ въ 1906 г. законъ, обезпечивающій неприкосновенность фондовъ трэдъ-юніоновъ отъ исковъ предпринимателей.

Второе мѣсто послѣ Англіи по распространенности коллективнаго договора занимаютъ Соединенные Штаты. Правда, соглашеній, которыя распространялись бы на всю страну, существуетъ пока немного, всего въ десяти—двѣнадцати отрасляхъ промышленности, и развились они лишь за послѣднія двадцать лѣтъ; но мѣстное урегулированіе условій труда путемъ коллективнаго договора распространено здѣсь широко, особенно въ такихъ отрасляхъ, какъ строительное дѣло, сапожное, хлѣбопекарное, металлическая промышленность, транспортъ, промышленность по обработкѣ дерева и отчасти по изготовленію одежды. Писанные договоры и постоянные комитеты или совѣты для мѣстныхъ соглашеній встрѣчаются въ Америкѣ рѣже, чѣмъ въ Англіи. Какъ исключеніе, они попадаются и здѣсь, напр. постоянные комитеты въ строительной промышленности Бостона.

Отличительной чертой американскихъ учрежденій является проведеніе того принципа, что при коллективномъ договорѣ дѣло идетъ не о соглашеніи или третейскомъ судѣ, а только о простыхъ переговорахъ. Вслѣдствіе этого принципъ большинства голосовъ, какъ общее правило, здѣсь не примѣняется. Стороны ведутъ переговоры до тѣхъ поръ, пока не придутъ къ соглашенію, и всѣ рѣшенія принимаются единогласно. При заключеніи новыхъ договоровъ участіе постороннихъ „внѣпартійныхъ“ лицъ обычно не допускается. Конечно, исключенія бываютъ, какъ напр.

въ вышеупомянутой строительной промышленности Бостона. Здѣсь существуетъ постоянный комитетъ изъ представителей, въ равномъ числѣ, отъ рабочихъ и предпринимателей; дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ, а при заключеніи новаго договора спорные вопросы могутъ быть передаваемы на разрѣшеніе „безпартійнаго“ лица. Но обычно въ Америкѣ прибѣгаютъ къ третейскому суду только для изъясненія существующаго договора, а не при заключеніи новаго.

За послѣднія пятнадцать лѣтъ въ Америкѣ стали усиленно развиваться такія коллективныя соглашенія, которыя регулируютъ условія труда на пространствѣ всего Союза или нѣсколькихъ штатовъ. На первомъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи стоитъ стальная и желѣзная промышленность, гдѣ начало соглашенія въ формѣ „скользящей скалы“ между предпринимателями и амальгамированной (т.-е. объединенной) ассоціаціей рабочихъ по обработкѣ желѣза, стали и жести относится къ 1865-му г. Затѣмъ идетъ стеклянная и керамическая промышленность. Въ наиболѣе широкихъ размѣрахъ эта система примѣняется, получивъ самую совершенную разработку, въ каменноугольной промышленности. Здѣсь предприниматели и рабочіе четырехъ конкуррирующихъ штатовъ—Пенсильваніи, Огіо, Индіаны и Иллинойса—установили тарифъ, дѣйствующій на всемъ этомъ пространствѣ. Упомянемъ еще о печникахъ, формовщикахъ и типографщикахъ: хотя здѣсь уже встрѣчаются черты „соглашенія и третейскаго суда“ въ собственномъ смыслѣ слова, принципъ переговоровъ въ чистомъ видѣ утрачиваетъ значеніе, тогда какъ въ другихъ отрасляхъ онъ выступаетъ на первый планъ. Вообще въ американскомъ коллективномъ договорѣ все производство носитъ менѣе формальный характеръ. Организаціи, создаваемыя для переговоровъ,—но не для соглашенія или третейскаго суда,—далеко не всегда принимаютъ форму постоянныхъ учрежденій. Одинаково ли число представителей отъ той и другой стороны или нѣтъ—на это не обращается большого вниманія, ибо рѣшенія принимаются не большинствомъ голосовъ, а единогласно. При заключеніи или возобновленіи договора здѣсь не любятъ обращаться къ внѣпартійнымъ лицамъ, исходя изъ того воззрѣнія, что для точнаго соблюденія условій они должны устанавливаться самими заинтересованными сторонами, а не навязываться извнѣ кѣмъ-то постороннимъ. Соглашенія заключаются почти исключительно на одинъ годъ и ежегодно должны возобновляться. Полномочія представителей обыкновенно довольно ограничены; заключаемыя соглашенія должны быть прежде всего одобрены союзами, что увеличиваетъ

продолжительность переговоровъ и затрудняетъ заключеніе договора. Число представителей бываетъ обыкновенно больше, чѣмъ въ Англіи; спеціальные вопросы передаются въ коммиссію.

Остановимся теперь нѣсколько подробнѣе на каменноугольной промышленности Пенсильваніи, Огіо, Индіаны и Иллинойса. Коллективныя соглашенія заключались здѣсь еще тридцать лѣтъ тому назадъ, хотя впрочемъ сомнительно, насколько тутъ существуетъ связь между прошлымъ и настоящимъ. Послѣ стачки 1894-го года положеніе рабочихъ ухудшилось; заработная плата упала настолько, что въ 1897 г. вспыхнула новая всеобщая стачка углекоповъ. Въ виду большого значенія этой стачки и ея вліянія на народное хозяйство третейскіе суды указанныхъ четырехъ штатовъ рѣшили совмѣстно уладить вопросъ. При этомъ оказалось, что главное затрудненіе состоитъ въ различіи размѣровъ платы и способовъ вознагражденія по разнымъ округамъ, соперничавшимъ другъ съ другомъ. Въ концѣ 1897 г. состоялась конференція изъ представителей союза углекоповъ и союза предпринимателей, и вслѣдъ затѣмъ было созвано первое общее собраніе уполномоченныхъ обѣихъ сторонъ. Съ тѣхъ поръ эти собранія повторяются ежегодно и регулируютъ взаимныя отношенія между рабочими и предпринимателями въ каменноугольной промышленности. Каждый изъ участвующихъ штатовъ имѣетъ одинаковое число голосовъ — четыре со стороны рабочихъ и четыре со стороны предпринимателей. Собраніе передаетъ работу особому „соединенному комитету“, который въ свою очередь опредѣленіе ставокъ заработной платы поручаетъ коммиссіи изъ шестнадцати членовъ. Соединенный комитетъ время отъ времени дѣлаетъ доклады общему собранію, и если вопросы, послѣ дебатовъ, остаются спорными, то ихъ опять передаютъ въ коммиссію. Когда въ концѣ концовъ соединенный комитетъ представляетъ общему собранію свое окончательное мнѣніе, его доклады обыкновенно принимаются единогласно, безъ измѣненій. Такимъ образомъ, эта система построена всецѣло на принципѣ обсужденія (переговоровъ), третейскій же судъ постороннихъ лицъ исключается. Со времени возникновенія указаннаго соглашенія дѣйствіе его успѣло распространиться на цѣлый рядъ сосѣднихъ штатовъ. Такъ, подобные договоры заключены теперь въ Алабамѣ, Кентукки, Тенесси, Миссури, Канзасѣ, Іовѣ, Мичиганѣ и центральной Пенсильваніи, при чемъ рабочій день удалось сократить, въ общемъ, до восьми часовъ, при одновременномъ повышеніи заработной платы. Въ виду того, что совмѣстныя соглашенія между штатами Пенсильваніей, Огіо, Индіаной и Иллинойсомъ ограни-

чиваются только нѣкоторыми, наиболѣе важными пунктами, рядомъ съ ними существуютъ частныя соглашенія по отдѣльнымъ штатамъ или округамъ, касающіяся подробностей условій труда. Въ наиболѣе развитомъ видѣ подобное урегулированіе существуетъ въ Иллинойсѣ, гдѣ оно распространяется на 40.000 рабочихъ.

Въ желѣзной и стальной промышленности методъ коллективнаго соглашенія началъ примѣняться съ 1865 года, когда была введена въ Пенсильваніи „скользящая скàла“ между рабочими желѣзодѣлательныхъ и сталелитейныхъ заводовъ, организованными въ союзъ подъ названіемъ „Сыны Вулкана“, и ихъ хозяевами. Въ 1875 г. разрозненные союзы объединились въ „амальгамированную ассоціацію рабочихъ желѣзодѣлательнаго, сталелитейнаго и жестянаго производства“, и въ настоящее время заработная плата почти всѣхъ обученныхъ рабочихъ (поскольку дѣло касается членовъ амальгамированной ассоціаціи) опредѣляется письменными тарифами, заключаемыми или съ отдѣльными предпринимателями, или съ союзами ихъ. Въ отдѣльныхъ отрасляхъ, какъ напримѣръ въ выдѣлкѣ бѣлой жести, почти всѣ рабочіе принадлежатъ къ союзу. Среди совершенно *необученныхъ* рабочихъ вся эта система ни въ одной отрасли желѣзодѣлательной и сталелитейной промышленности примѣненія пока не находитъ. Производство переговоровъ отличается большою сложностью. Предложенія относительно измѣненія скàлы только тогда представляются рабочими на конференцію, когда получатъ $^2/_3$ голосовъ на ихъ собственномъ ежегодномъ собраніи. Разъ это большинство получено, образуются различные комитеты, гдѣ ведутъ между собою переговоры представители рабочихъ и предпринимательскихъ союзовъ. Если хозяева безусловно отвергаютъ какой-нибудь пунктъ требованій, представители рабочихъ должны еще разъ предложить его своимъ союзамъ на референдумъ; въ этомъ случаѣ опять-таки требуется большинство $^2/_3$ голосовъ. Если рабочіе продолжаютъ настаивать, а соглашеніе не достигается, то слѣдуетъ всеобщая забастовка. Обыкновенно сторонамъ удается придти къ соглашенію; однако крупная стачка „амальгамированной ассоціаціи“ въ 1900-мъ году наглядно показываетъ, что modus vivendi далеко не всегда можно установить именно такимъ образомъ.

Общая картина стачечнаго движенія въ Соединенныхъ Штатахъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Въ среднемъ, за годъ.

	Стачекъ.	Рабочихъ.	Продолжительность стачки.
Съ 1881 по 1885 г. . . .	498	164.743	23,1 дней.
„ 1886 „ 1890 „ . . .	1.336	327.585	23 „
„ 1891 „ 1895 „ . . .	1.377	364.870	26,3 „
„ 1896 „ 1900 „ . . .	1.347	364.140	22 „
„ 1901 „ 1905 „ . . .	2.793	519.626	28,4 „

О паденіи значенія стачечной борьбы, какое наблюдается въ Англіи, говорить здѣсь пока еще не приходится.

Что касается до юридическаго положенія профессіональныхъ союзовъ и гражданско-правовой силы заключаемыхъ ими соглашеній, то въ С.-Штатахъ дѣло обстоитъ такъ: согласно закону 29-го мая 1886 года, каждый національный профессіональный союзъ можетъ требовать занесенія его въ регистръ и тогда получаетъ право приносить жалобы и отвѣчать на судѣ. Если этого нѣтъ, то, по законамъ федераціи и большинства отдѣльныхъ штатовъ, профессіональный союзъ разсматривается какъ простое соединеніе лицъ, преслѣдующихъ опредѣленныя цѣли: за дѣйствія членовъ отвѣчаютъ только они сами. Впрочемъ и для союза, не занесеннаго въ регистръ, статутами иногда устанавливается юридическая правоспособность, какъ напримѣръ въ штатахъ Нью-Іоркѣ, Коннектикутѣ, Мичиганѣ и Нью-Джерси. Коллективныя соглашенія и рѣшенія третейскихъ судовъ, по общему правилу, принудительной силы не имѣютъ; проведеніе ихъ въ жизнь зависитъ исключительно отъ доброй воли сторонъ. Не смотря на это, жалобы на нарушеніе договоровъ встрѣчаются очень рѣдко, ибо заключеніе ихъ рѣшается обыкновенно не большинствомъ голосовъ, а единогласно.

Третье мѣсто вообще и первое на континентѣ Европы занимаетъ Германія. Еще въ началѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія самое понятіе тарифныхъ соглашеній едва ли было извѣстно въ широкихъ кругахъ ея промышленнаго населенія— а къ 1 января 1908 года такихъ соглашеній насчитывалось 5.319, съ 110.980 предпріятіями, въ которыхъ было занято 974.074 рабочихъ. Такимъ образомъ, въ среднемъ, къ каждому договору примыкаетъ около 21 предпріятія, въ массѣ своей принадлежащихъ къ числу мелкихъ, такъ какъ на каждое изъ нихъ приходится менѣе девяти человѣкъ. Дѣйствительно, особенностью

Германіи является то, что здѣсь ранѣе всего появились и получили наибольшее распространеніе тарифныя соглашенія именно въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя носятъ болѣе или менѣе рѣзко выраженный характеръ ремесла. На первое мѣсто нужно поставить типографское дѣло. Начало коллективнаго договора относится здѣсь къ 1848 г., но широкое распространеніе онъ получилъ лишь за послѣднія 10 — 15 лѣтъ. Послѣдняя стачка типографскихъ рабочихъ была въ 1891 г.; она продолжалась десять недѣль и обошлась стачечникамъ болѣе милліона рублей, затраченныхъ на пособія. Не смотря на это, рабочіе потерпѣли пораженіе и должны были стать на работу на прежнихъ условіяхъ, т.-е. согласно тарифу, заключенному въ 1890 г. Въ 1896 г. союзъ типографскихъ рабочихъ былъ снова готовъ къ борьбѣ. Желая предотвратить ее, хозяева согласились на пересмотръ тарифа: былъ введенъ девяти-часовой рабочій день и установлено нѣкоторое повышеніе заработной платы, срокомъ на пять лѣтъ, начиная съ 1-го мая 1896 г. Этотъ договоръ былъ возобновленъ въ 1901 г., съ нѣкоторыми измѣненіями, еще на пять лѣтъ. Въ немъ предусматривались всѣ условія труда: рабочее время, сдѣльная и поденная плата, сверхурочная работа, допустимое количество учениковъ и т. д. Органами для установленія и проведенія въ жизнь тарифа являются, во-первыхъ, главное тарифное управленіе нѣмецкихъ печатниковъ, состоящее изъ трехъ предпринимателей и трехъ рабочихъ, и во-вторыхъ — тарифный комитетъ. Главное тарифное управленіе учреждаетъ окружныя правленія, третейскіе суды и бюро для посредничества... Въ 1906 г. истекъ срокъ соглашенія; предстояло рѣшить, будетъ ли продолжаться миръ между рабочими и владѣльцами типографій, или возгорится война, послѣ пятнадцатилѣтняго затишья. Вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу мира: заключенъ новый договоръ срокомъ на десять лѣтъ, съ 1-го января 1907 г. по 1916 г., съ тѣмъ, однако, условіемъ, что по истеченіи пяти лѣтъ тарифъ подвергнется пересмотру, при которомъ должны быть приняты во вниманіе законныя требованія рабочихъ. Подъ исполненіемъ законныхъ требованій понимается: обязательство брать въ разсчетъ вздорожаніе жизни, техническія измѣненія, бо́льшее или меньшее количество безработныхъ и т. п. Ни сокращенія рабочаго времени, кромѣ получаса по субботамъ, ни повышенія заработной платы (сверхъ вызваннаго вздорожаніемъ предметовъ потребленія) нѣмецкіе типографщики себѣ не выговорили. При пересмотрѣ тарифа тарифная коммиссія обязана регулировать число учени-

ковъ данной типографіи въ зависимости отъ безработицы. Пока число безработныхъ не превышаетъ 3%, пропорція учениковъ остается прежней. Владѣльцы, у которыхъ не работаетъ постоянно хоть одинъ наборщикъ или которые сами не работаютъ на печатной машинѣ, не имѣютъ права держать учениковъ.

Объ общей картинѣ развитія коллективнаго договора въ типографскомъ дѣлѣ даютъ представленіе слѣдующія цифры: въ 1897 г. тарифъ признавали 1.631 фирма, съ 18.340 рабочими, въ 1900 г.—3.105 фирмъ, съ 30.630 рабочими, въ 1907 г.—уже 6.611 фирмъ, съ 57.211 рабочими. Около 75% всѣхъ типографій страны и болѣе 90% общаго числа рабочихъ работаютъ въ настоящее время на условіяхъ, устанавливаемыхъ коллективнымъ договоромъ.

Слѣдующее мѣсто занимаютъ строительные промыслы, гдѣ тарифы распространяются почти на 400.000 человѣкъ, промышленность по обработкѣ дерева — 120.000 рабочихъ, промышленность по обработкѣ металловъ—болѣе 112.000, по изготовленію одежды и обуви—85.000, по изготовленію пищевыхъ продуктовъ—60.000 рабочихъ. Въ текстильной промышленности тарифныя соглашенія дѣйствуютъ всего лишь въ 178 фабрикахъ, съ менѣе чѣмъ 10.000 рабочихъ, а въ каменноугольной и металлургической промышленности они совершенно отсутствуютъ, между тѣмъ какъ въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ наибольшее развитіе коллективный договоръ получилъ именно въ главнѣйшихъ отрасляхъ крупной индустріи — хлопчатобумажной, желѣзодѣлательной, машиностроительной и каменноугольной.

Причиной этого является упорство нѣмецкихъ крупныхъ заводчиковъ и фабрикантовъ, не желающихъ разстаться съ патріархальной точкой зрѣнія, по которой они — неограниченные самодержцы въ своемъ царствѣ. На общемъ собраніи „Общества соціальной реформы“, происходившемъ въ декабрѣ 1906 г., референтъ Шифферъ прямо указываетъ, что большинство крупныхъ промышленниковъ не хотятъ ничего и слышать о коллективныхъ договорахъ и третейскомъ разбирательствѣ. Другой референтъ, Гартманъ, отмѣчаетъ, что въ желѣзной и текстильной промышленности не можетъ быть пока и рѣчи о соглашеніи: если кое-гдѣ и находятся хозяева, которые вступаютъ въ сношенія съ правленіями рабочихъ организацій, то большинство высокомѣрно отвергаетъ всякую мысль о возможности имѣть дѣло съ „подстрекателями“ и „агитаторами“, какъ они называютъ руководителей профессіональныхъ союзовъ. Въ программѣ, выработан-

ной комитетомъ общегерманскаго союза работодателей въ концѣ 1908 г., вновь подтверждается ихъ отрицательное отношеніе къ коллективному договору, и послѣдній провозглашается „вреднымъ“ для промышленности.

Что касается конфликтовъ между трудомъ и капиталомъ, то въ среднемъ за пятилѣтіе съ 1900 по 1904 г. количество рабочихъ, затронутыхъ стачками и локаутами, равнялось 113.830 въ годъ. Въ 1905 г. движеніе достигаетъ высшей точки, но затѣмъ начинаетъ падать:

	1905 г.	1906 г.	1907 г.
Количество стачекъ и локаутовъ.	2.604	3.873	2.986
Число участниковъ.	507.964	316.042	281.030

Какую роль играютъ профессіональныя организаціи и коллективныя соглашенія въ дѣлѣ предупрежденія открытыхъ столкновеній, видно изъ слѣдующихъ данныхъ [1]). Въ 1907 г. было зарегистрировано 8.053 случая предъявленія общихъ требованій, касавшихся заработной платы, рабочаго дня и другихъ условій работы. Эти случаи охватили 12.412 мѣстностей, 56.272 производства и 1.118.233 занятыхъ въ нихъ рабочихъ; разрѣшились они слѣдующимъ образомъ:

Безъ прекращенія работъ.	Число случаевъ.
Посредствомъ переговоровъ съ предпринимателями . .	4.652
Взятіемъ рабочими своихъ требованій обратно . . .	235
Молчаливымъ соглашеніемъ предпринимателей. . . .	166
Неопредѣленнымъ исходомъ.	14

Съ прекращеніемъ работъ.	Число случаевъ.
Забастовками, съ требованіемъ улучшеній	1.721
„ съ протестомъ противъ ухудшеній . . .	862
Локаутами	402

Такимъ образомъ, изъ 8.053 случаевъ предъявленія требованій 5.053, въ которыхъ непосредственно принимало участіе 525.235 рабочихъ, закончились безъ прекращенія работъ, а стачки и локауты имѣли мѣсто въ 2.986 случаяхъ, съ 281.030 рабочими. Первый способъ обошелся въ 69.729 марокъ, на веденіе же забастовокъ и отраженіе локаутовъ профессіональными союзами было израсходовано 12.533.561 марка.

Повышеніе заработной платы имѣло мѣсто безъ прекращенія

---

[1]) См. „Вѣстникъ Финансовъ“, за 1909 г., № 8: „Экономическое значеніе забастовокъ и локаутовъ въ Германіи“.

работъ для 376.218 человѣкъ, съ 697.074 марк. въ недѣлю, съ прекращеніемъ работъ—для 136.995 человѣкъ, съ 295.621 марк. въ недѣлю. Затѣмъ, 189.602 челов. достигли сокращенія рабочаго времени на 700.974 часа въ недѣлю безъ прекращенія работъ, и 59.309 челов. — на 211.686 недѣльныхъ часовъ, съ прекращеніемъ работъ.

Въ другихъ европейскихъ странахъ, какъ напр. Франціи, Австріи и Италіи, коллективныя соглашенія далеко не такъ распространены, какъ въ Германіи, но и тамъ значеніе ихъ все болѣе и болѣе увеличивается. Прогрессирующее возрастаніе ихъ выдвигаетъ на очередь вопросъ о законодательномъ урегулированіи коллективнаго договора и объ упроченіи юридическаго положенія профессіональныхъ союзовъ, какъ его носителей. Рабочія массы, несомнѣнно, только тогда могутъ перейти отъ метода стачечной борьбы къ методу коллективныхъ соглашеній, когда послѣдній явится для нихъ не менѣе дѣйствительнымъ средствомъ для улучшенія своего положенія, чѣмъ первый.

Прежде чѣмъ коснуться этой стороны дѣла, познакомимся предварительно съ интереснымъ опытомъ въ колоніяхъ Австраліи.

Въ то время, какъ въ Европѣ и Америкѣ соглашенія между предпринимателями и рабочими носятъ частный характеръ и къ постановленіямъ примирительныхъ учрежденій не примѣняются даже нормы гражданскаго права, въ пятой части свѣта мы встрѣчаемъ попытку придать имъ публично-правовой характеръ. Всего ранѣе выступила на путь смѣлыхъ экспериментовъ Новая Зеландія. Агитація въ пользу третейскаго суда началась здѣсь съ 1890 г., когда вспыхнула общеавстралійская стачка моряковъ, носившая очень острый характеръ. Чтобы избѣжать въ будущемъ подобныхъ явленій, министръ труда Ривсъ занялся изученіемъ попытокъ, сдѣланныхъ въ этомъ направленіи во Франціи, Англіи, Германіи и Соед. Штатахъ, и пришелъ къ заключенію, что ни посредничество, ни добровольный третейскій судъ не достигаютъ желанной цѣли: только принудительное воздѣйствіе государства можетъ дать дѣйствительные результаты. Верхняя палата парламента два раза вычеркивала статьи объ обязательномъ третейскомъ судѣ, и лишь 31 августа 1894 г. законъ былъ принятъ окончательно согласно съ предложеніями Ривса. Въ 1900 г. былъ изданъ новый законъ, который четыре раза подвергался поправкамъ и наконецъ, 8 ноября 1904 г., принялъ окончательную форму. Онъ различаетъ два рода учрежденій: камеры соглашенія, учреждаемыя въ каждомъ промышленномъ округѣ, и государственный третейскій судъ — одинъ на всю

Новую Зеландію. Каждая камера соглашенія состоитъ изъ четырехъ или шести членовъ, выбирающихъ предсѣдателя изъ безпартійныхъ лицъ. Эти члены, поровну отъ рабочихъ и предпринимателей, выбираются на три года рабочими и предпринимательскими союзами, занесенными въ регистръ. Третейскій судъ состоитъ изъ президента, каковымъ является судья высшаго государственнаго суда, и двухъ членовъ—по одному отъ рабочихъ и отъ предпринимателей, назначаемыхъ губернаторомъ по предложенію соотвѣтствующихъ организацій. Въ затруднительныхъ случаяхъ каждая сторона имѣетъ право выставить экспертовъ, которые даютъ заключенія по техническимъ вопросамъ. Рѣшеніе третейскаго суда имѣетъ обязательную силу и не подлежитъ обжалованію. Расходы беретъ на себя государство, исходя изъ того соображенія, что безполезныя тяжбы менѣе опасны, чѣмъ лишеніе недостаточныхъ членовъ общества возможности осуществлять свои права. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ судъ подаются совершенно неосновательныя жалобы, расходы взыскиваются съ жалобщиковъ. До 1901 г., каждый споръ долженъ былъ разсматриваться въ камерѣ соглашенія, прежде чѣмъ поступить на разрѣшеніе третейскаго суда. Опытъ показалъ, что камеры соглашенія только въ очень немногихъ случаяхъ приводятъ враждующія стороны къ примиренію. Въ среднемъ за пять лѣтъ (1896—1901) это имъ удалось въ 27,6% всѣхъ случаевъ, а остальные 72,4% восходили на разрѣшеніе третейскаго суда. Въ виду этого, для ускоренія разбирательства, съ 1901 г. сторонамъ разрѣшается обращаться прямо къ третейскому суду, минуя камеру соглашенія. Разъ спорный случай заявленъ суду, то во все время разбирательства дѣла стачки и локаутъ запрещаются подъ угрозой высокаго денежнаго штрафа; не дозволяется также увольненіе за принадлежность къ организаціи. Если дѣло поступаетъ въ камеру, послѣдняя старается привести стороны къ соглашенію. Въ случѣ удачи, результаты соглашенія закрѣпляются въ формѣ тарифнаго договора, который имѣетъ такую же обязательную силу, какъ и постановленіе третейскаго суда. Если соглашеніе не достигнуто, камера дѣлаетъ сторонамъ предложеніе — такъ называемую „рекомендацію“, которая также пріобрѣтаетъ, по истеченіи извѣстнаго срока, принудительную силу, если стороны не обратятся въ слѣдующую инстанцію (т.-е. къ третейскому суду) или не вступятъ сами въ соглашеніе. Тарифный договоръ или рѣшеніе суда сохраняютъ свое значеніе до тѣхъ поръ, пока не вступитъ въ силу новый договоръ или рѣшеніе. Надзоръ за исполненіемъ возложенъ на фабричную инспекцію; за нарушеніе

постановленія полагается штрафъ до 500 ф. ст. (около 4.600 руб.). Разрѣшенію въ камерахъ соглашенія или третейскимъ судомъ подлежатъ всѣ промышленныя столкновенія во всѣхъ отрасляхъ промышленности, при чемъ приговоръ, постановленный по отношенію къ данной отрасли, можетъ быть распространенъ на другія, родственныя ей. Одно лишь ограниченіе знаетъ новозеландская система относительно сферы дѣйствія третейскаго суда: послѣдній распространяется только на *зарегистрированные союзы*. Организація рабочихъ въ союзы и занесеніе послѣднихъ въ регистръ — необходимая предпосылка системы. Занесеніе въ регистръ не обязательно, но оно влечетъ за собой значительныя выгоды, съ цѣлью побудить къ зарегистрированію. Что касается предпринимателей, то они подлежатъ третейскому суду даже въ томъ случаѣ, если ихъ союзы не занесены въ регистръ. Рѣшенія суда относительно условій труда обязательны не только для самихъ тяжущихся, но и для всѣхъ тѣхъ, кто позднѣе вступитъ въ данную отрасль промышленности въ качествѣ рабочаго или предпринимателя. Они распространяются и на всѣхъ неорганизованныхъ рабочихъ, если послѣдніе работаютъ у хозяина, связаннаго постановленіемъ суда. Послѣдній можетъ также, по просьбѣ одной изъ сторонъ, при разсмотрѣніи спора въ какой-нибудь отрасли производства распространить обязательную силу рѣшенія на всю промышленность колоніи, и не разъ уже онъ пользовался этимъ правомъ. Судъ имѣетъ затѣмъ право—и часто пользуется имъ—постановлять, что при наймѣ рабочихъ должно быть отдаваемо предпочтеніе (при прочихъ равныхъ условіяхъ) членамъ профессіональныхъ союзовъ. Такимъ образомъ законъ явно стремится къ тому, чтобы побудить рабочихъ вступать въ союзы. Особенныя трудности представляются при опредѣленіи размѣра заработной платы, въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ, при установленіи „справедливой платы“, подъ которой судъ разумѣетъ вознагражденіе среднему рабочему, должны быть приняты во вниманіе и болѣе слабыя силы; во-вторыхъ, нельзя упускать изъ виду конкурренцію другихъ округовъ, въ которыхъ условія труда не урегулированы.

По мѣрѣ того какъ расширяется примѣненіе новаго закона, возрастаетъ и количество жалобъ на нарушеніе обязательныхъ постановленій: въ 1900 г. ихъ было всего 12, въ 1904 г.— уже 121. Нарушенія исходили преимущественно со стороны предпринимателей, которые до сихъ поръ продолжаютъ относиться къ закону неблагопріятно и добиваться его измѣненія. Что касается рабочихъ, то они первоначально относились очень

недовѣрчиво къ предсѣдателю верховнаго суда, извѣстному своими консервативными убѣжденіями; однако онъ успѣлъ на дѣлѣ доказать свое безпристрастіе. По свидѣтельству Ллойда, въ девяти случаяхъ изъ десяти онъ рѣшалъ дѣло въ пользу рабочихъ, такъ какъ видѣлъ, что требованія ихъ справедливы. Если до сихъ поръ рѣшенія третейскаго суда были благопріятны преимущественно для рабочихъ, то объясняется это тѣмъ, что промышленность переживала періодъ подъема, когда заработная плата легко поддается повышенію. Какъ будетъ обстоять дѣло во время кризиса—еще неизвѣстно.

Подводя итоги, можно признать, что законъ не остался мертвой буквой, и цѣль, къ которой онъ стремился — устраненіе стачекъ и локаутовъ, какъ господствующаго средства разрѣшенія промышленныхъ столкновеній — въ главныхъ чертахъ достигнута. Стачки не исчезли совсѣмъ, ибо рабочіе неорганизованные или объединенные въ союзахъ, не занесенныхъ въ регистръ, не обязаны обращаться къ третейскому суду; но число стачекъ сильно сократилось, а случавшіяся были незначительны по размѣрамъ. Что касается криковъ, поднятыхъ предпринимателями о „разрушеніи“ промышленности, то они оказались совершенно неосновательными: промышленность продолжаетъ непрерывно развиваться. Такъ, въ 1895 г. Новая Зеландія насчитывала 4.109 фабрикъ, съ 29.879 рабочими, въ 1901 г. ихъ было уже 6.744, съ 53.460 раб., въ 1905 г.—9.123, съ 67,713 раб., въ 1908 г.—11.586, съ 78.625 рабочими. По мнѣнію американца Кларка, изслѣдовавшаго вопросъ по порученію правительства Соединенныхъ Штатовъ, теперь ужъ ни одинъ здравомыслящій человѣкъ въ Нов. Зеландіи не желаетъ возвращенія къ прежнему состоянію свободы стачекъ и локаутовъ. Другія австралійскія колоніи, въ числѣ четырехъ, послѣдовали въ томъ или иномъ видѣ примѣру Новой Зеландіи, а въ 1904 г. австралійская республика положила начало общесоюзному законодательству о соглашеніи и обязательномъ третейскомъ судѣ.

Какъ видно изъ сдѣланнаго обзора, между Европой и Америкой, съ одной стороны, и Австраліей—съ другой, существуетъ громадная разница. Въ послѣдней заключеніе коллективнаго договора, по крайней мѣрѣ для зарегистрированныхъ союзовъ, обязательно; за исполненіемъ его слѣдитъ власть, и въ случаѣ нарушенія на виновнаго налагается денежный штрафъ. Въ Европѣ и Америкѣ не только самое заключеніе тарифнаго соглашенія зависитъ отъ усмотрѣнія сторонъ, но и соблюденіе его предоставляется ихъ доброй волѣ, такъ какъ за подобнымъ

договоромъ юридической силы не признается, и жаловаться въ судъ на его нарушеніе нельзя. Едва ли нужно доказывать, что для публично-правового урегулированія заработной платы въ странахъ Стараго Свѣта (причисляя къ нимъ и Америку) подходящей почвы въ настоящее время нѣтъ, и потому вышеуказанный институтъ привиться здѣсь не можетъ. Обязательный третейскій судъ рѣшающую роль отводитъ представителю государственной власти — судьѣ; голосъ рабочихъ уравновѣшивается голосомъ капиталистовъ. Гдѣ не существуетъ той демократизаціи суда, общественнаго и государственнаго строя, того благопріятнаго для рабочаго населенія фактическаго соотношенія силъ, какое наблюдается въ Австраліи, тамъ рабочій классъ естественно болѣе полагается на силу своихъ организацій, чѣмъ на безпристрастіе судей или доброжелательство государственной власти, и потому не можетъ отказаться отъ права быть первымъ судьей въ своемъ дѣлѣ. Неудивительно поэтому, что на ежегодныхъ конгрессахъ англійскихъ трэдъ-юніоновъ каждый разъ отклоняется предложеніе, вносимое туда неизмѣнно, начиная съ 1903 г. — объ учрежденіи примирительныхъ камеръ и третейскаго суда въ качествѣ *единственныхъ законныхъ* (т.-е. обязательныхъ) средствъ разрѣшенія споровъ и столкновеній между трудомъ и капиталомъ.

Но если публично-правовое урегулированіе коллективнаго договора не можетъ найти почвы въ современныхъ условіяхъ европейской жизни, то это не только не устраняетъ, а наоборотъ — еще сильнѣе подчеркиваетъ настоятельную необходимость частно-правового урегулированія. Между тѣмъ, дѣйствующія законодательства, говоря о договорѣ личнаго найма или договорѣ услугъ, подразумѣваютъ подъ этимъ именемъ, большею частью, исключительно индивидуальный договоръ, совершенно не упоминая о коллективномъ; голландскій законъ 13 іюля 1907 г. отводитъ послѣднему всего одну статью, и только во французскомъ проектѣ 7 іюля 1906 г. мы находимъ болѣе или менѣе обстоятельную разработку вопроса. Согласно проекту, коллективными соглашеніями опредѣляются извѣстныя условія, которымъ должны удовлетворять индивидуальные договоры, участники этихъ договоровъ могутъ требовать примѣненія постановленій, содержащихся въ указанныхъ соглашеніяхъ. Если въ уставахъ союзовъ или въ самомъ коллективномъ соглашеніи ясно не опредѣлено противное, то подчинившимися обязательствамъ, вытекающимъ изъ коллективнаго соглашенія, признаются рабочіе и работодатели, бывшіе въ то время, когда соглашеніе состоялось, членами союза или группы, заключившей соглашеніе, а также лица,

впослѣдствіи присоединившіяся къ союзу или соглашенію. Работодатели могутъ обязываться примѣнять соглашеніе, пока оно дѣйствуетъ, либо къ извѣстнымъ категоріямъ своего персонала, либо только къ рабочимъ, участвовавшимъ въ совершеніи сдѣлки непосредственно или черезъ представителей. Рабочіе могутъ обязываться соблюдать соглашеніе либо только по отношенію къ подписавшимъ его работодателямъ, либо при всякомъ договорѣ, заключаемомъ съ какимъ бы то ни было работодателемъ въ опредѣленной мѣстности, пока соглашеніе дѣйствуетъ.

Опредѣливъ такимъ образомъ сущность коллективнаго соглашенія и составъ лицъ, на которыхъ оно распространяется, проектъ переходитъ къ выясненію тѣхъ послѣдствій, которыя влечетъ за собой уклоненіе отъ его условій. Здѣсь различаются два случая. Когда рабочій договоръ заключается между работодателемъ и рабочимъ, связанными коллективнымъ соглашеніемъ, то положенія, установленныя этимъ соглашеніемъ, примѣняются къ отношеніямъ, порождаемымъ рабочимъ договоромъ, не взирая на уговоръ о противномъ; но когда только одна изъ сторонъ, участвующихъ въ рабочемъ договорѣ, связана постановленіями коллективнаго соглашенія, то эти постановленія примѣняются къ отношеніямъ, вытекающимъ изъ рабочаго договора, лишь въ томъ случаѣ, если нѣтъ уговора о противномъ. Въ послѣднемъ случаѣ сторона, связанная коллективнымъ соглашеніемъ, можетъ быть привлечена лицами, въ соглашеніи не участвовавшими, къ гражданской отвѣтственности за неисполненіе принятыхъ ею на себя обязательствъ. Союзы, участвовавшіе, въ качествѣ стороны, въ коллективномъ соглашеніи объ условіяхъ труда, могутъ предъявлять всѣ иски, вытекающіе изъ этого соглашенія, какъ въ своемъ интересѣ, такъ и въ интересахъ своихъ членовъ, съ ихъ согласія. Въ частности, они могутъ требовать судебнымъ порядкомъ исполненія соглашенія и возмѣщенія убытковъ въ случаѣ неисполненія его какъ лицами или союзами, съ которыми они вступили въ коллективное соглашеніе, такъ и своими же членами, нарушившими положенія соглашенія. Для того, чтобы страхъ гражданской отвѣтственности не задержалъ развитія коллективныхъ соглашеній, проектъ устанавливаетъ правило, что „обязательства, которыя принимаютъ на себя союзы, участвующіе въ коллективномъ соглашеніи объ условіяхъ труда, точно опредѣляются въ самомъ соглашеніи“.

Въ заключеніе отмѣтимъ ст. 18 законопроекта, которая собственно выходитъ уже за предѣлы гражданско-правового урегулированія отношеній между двумя сторонами: она гласитъ, что

если существуетъ только одинъ договоръ, регулирующій условія труда для всего даннаго округа или области, то—пока не будетъ доказано противное—предполагается, что *всѣ предприниматели и рабочіе* принимаютъ нормы, установленныя этимъ договоромъ. Для того, чтобы заключенное (коллективное) соглашеніе было дѣйствительнымъ, оно должно быть письменнымъ и заявлено въ канцеляріи промысловаго суда или, за отсутствіемъ такового, мирового судьи даннаго участка. Срокъ дѣйствія коллективнаго соглашенія не можетъ превышать пяти лѣтъ; если же при заключеніи его срокъ не былъ установленъ, то онъ считается годовымъ.

Какъ мы уже говорили, заключеніе коллективнаго договора при современныхъ условіяхъ должно быть свободнымъ, т.-е. предоставлено на усмотрѣніе сторонъ; но столь же несомнѣнно, что для успѣшнаго развитія его рабочимъ союзамъ должна быть предоставлена возможность требовать его примѣненія какъ отъ предпринимателей, такъ и отъ своихъ членовъ, т.-е. чтобы договоръ имѣлъ юридически обязательную силу. Въ этомъ отношеніи, какъ поворотъ на новый путь, большой интересъ представляетъ постановленіе послѣдняго конгресса англійскихъ трэдъ-юніоновъ, состоявшагося въ сентябрѣ 1908 г. въ Ноттингамѣ [1]). Какъ и въ предшествующіе годы, резолюція въ пользу обязательнаго третейскаго суда при столкновеніяхъ между трудомъ и капиталомъ была отвергнута, точно также какъ и предложеніе предоставить министерству промышленности (Board of Trade) право производить, по требованію той или другой стороны, разслѣдованіе, съ запрещеніемъ стачекъ и локаутовъ во время этого разслѣдованія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ парламентскому комитету было поручено выработать и представить въ парламентъ законопроектъ слѣдующаго содержанія: 1) должно быть создано особое учрежденіе, обладающее правомъ обязывать стороны къ заключенію коллективныхъ соглашеній, безъ посягательствъ на фондъ трэдъ-юніоновъ; 2) это учрежденіе должно устанавливать минимумъ заработной платы и имѣть право, въ случаѣ нарушенія его постановленій, налагать штрафы, карать тюремнымъ заключеніемъ и привлекать къ вознагражденію за убытки; 3) образованіе указанныхъ учрежденій, регулирующихъ заработную плату, а также промышленныхъ камеръ соглашенія и

---

[1]) См. „Board of Trade Labour Gazette“, № 10, 1908 г., и „Reichs-Arbeitsblatt“, № 3, 1909 г.

третейскихъ судовъ, должно имѣть мѣсто во всѣхъ крупныхъ промышленныхъ центрахъ; по просьбѣ сторонъ, они должны изслѣдовать обстоятельства и причины конфликтовъ и производить посредничество и третейскій судъ; 4) въ составъ ихъ должны входить представители рабочихъ и предпринимателей въ равномъ числѣ, при чемъ первые избираются—по предложенію парламентскаго комитета — трэдъ-юніонами; предсѣдатель, въ случаѣ разногласія, назначается департаментомъ труда; 5) дѣятельность указанныхъ учрежденій должна распространяться лишь на членовъ трэдъ-юніоновъ и распадаться на два отдѣленія: a) для добровольнаго соглашенія и третейскаго суда; b) для обязательнаго третейскаго суда. Государственные и коммунальные служащіе, организованные въ союзы, также должны подлежать дѣйствію проектируемаго закона. Рѣшеніе вопроса о томъ, въ какое отдѣленіе должно поступить дѣло, предоставляется трэдъ-юніонамъ.

К. Пажитновъ.

ТАМАРА

I.

Прошумѣла весна, и лѣто горячимъ золотомъ затопило лѣсъ, поля и усадьбу. Знойно было и томно. И не вѣрилось, что еще недавно повсюду лежалъ снѣгъ.

Генеральша Самыгина пріѣхала въ началѣ іюня, и съ нею—дочка Варя, учитель Сермягинъ и господинъ Фабриціусъ, секретарь генеральши.

Дворецкій Мисаилъ почтительно водилъ генеральшу по комнатамъ и повторялъ одну и ту же фразу:

— Все по старому, ваше превосходительство.

И казалось, что напудренные кавалеры и дамы на портретахъ повторяютъ за Мисаиломъ:

— Все по старому, генеральша, все по старому.

Варя потащила Сермягина въ полупустую оранжерею и тамъ громко кричала, искушая эхо:

— Кто была первая дѣва?

И когда эхо отвѣчало: „Ева... Ева...“, Варя хлопала въ ладоши и смѣялась по-дѣтски, хотя глаза у нея были какъ у взрослой: у горбатыхъ дѣтей всегда такіе глаза.

Покойный генералъ Самыгинъ пріѣхалъ однажды нетрезвый съ дворянскихъ выборовъ, взялъ у няньки Варю, но какъ-то неудачно. Выскользнулъ ребенокъ изъ пьяныхъ генеральскихъ рукъ: растетъ теперь у Вари на правомъ плечѣ горбъ, а ей ужъ четырнадцать лѣтъ и она понимаетъ, что это некрасиво.

Потомъ Сермягинъ съ Варей идутъ въ паркъ. Тамъ старыя липы. Недалеко отъ дома—цвѣтникъ, боскеты, а подальше крѣпко стоятъ зеленокудрыя березы.

У Сермягина разсѣянный взглядъ, и онъ худо понимаетъ волненіе Вари.

— Ахъ, какъ пахнетъ! — говоритъ Варя: — какъ пахнетъ! Нѣтъ, я не могу больше. Андрей Васильевичъ! Я не могу. Я умру отъ счастья, Андрей Васильевичъ.

— Но зачѣмъ же умирать? — улыбается раздумчиво Сермягинъ, тайно восхищаясь непонятнымъ Варинымъ увлеченьемъ.

И, покоряясь Варѣ, вдыхаетъ Сермягинъ душистую прянность, и ему кажется, что Варя права, что хорошо умереть такъ подъ липами.

И зоветъ, зоветъ паркъ, какъ будто обѣщаетъ разсказать занятную повѣсть о милыхъ прошлыхъ дняхъ, о странныхъ прошлыхъ дняхъ. Вотъ на этой чугунной скамейкѣ цѣловалась жеманница, и напудренный дворянинъ обнималъ томную талію любовницы. А вотъ здѣсь, на лужайкѣ, прадѣдъ Самыгинъ, по преданію, затравилъ собаками измѣнившую ему наложницу изъ дворовыхъ.

— Ну, Варя, довольно. Я иду къ себѣ. Надо работать.

— Ахъ, ужъ эти книги ваши! Все—книги, книги, книги...

Идетъ Сермягинъ, сутулый, близорукій, какъ на свиданіе, къ своей „Критикѣ чистаго разума“.

Онъ пишетъ сочиненіе о кантіанствѣ, перелистывая сухія нѣмецкія книжки. Ему кажется, что сѣтями отвлеченной мысли онъ что-то поймаетъ. Уже поблескиваетъ золотая рыбка, но въ послѣдній мигъ ускользаетъ.

Должно быть, мѣшаютъ лѣто, пчелы, вѣтерокъ, пахнущій медомъ, и злой, настойчивый комаръ.

Потомъ Мисаилъ звонитъ къ обѣду, деревенскому, раннему.

Фабриціусъ разговариваетъ съ генеральшей по-англійски объ астральныхъ тѣлахъ. Они—теософы; они освѣдомлены; Анни Безантъ однажды пожала руку генеральшѣ,—это было въ Лондонѣ, на теософскомъ съѣздѣ...

А Сермягинъ, за пирожнымъ, объясняетъ Варѣ, что время и пространство—категоріи нашего разума.

Варя хмуритъ умныя брови и говоритъ:

— Ахъ, какъ это страшно! Значитъ, въ сущности, ничего нѣтъ. Намъ только кажется, что одно прежде, другое потомъ. Значитъ, все въ одну минуточку. И значитъ, все въ одну точечку съеживается.

— Какъ вы неточно, Варя, выражаетесь: какая-такая „минуточка“, какъ такъ „съеживается“? Впрочемъ, основную мысль я понимаю...

И вотъ Сермягинъ утѣшаетъ Варю философическими разсужденіями. Но Варѣ жалко разстаться съ цвѣтами, землею, липами. И хочется ей, чтобы было и милое прошлое, и таинственное будущее...

Послѣ обѣда всѣ идутъ на мельницу. Посвистываютъ въ поляхъ перепела. Звенитъ жаворонокъ высоко. Шуршитъ рожь. Босоногія бабы и мужики съ темнокрасными затылками кланяются низко генеральской линейкѣ.

Вотъ и рѣчка Самыганъ, пѣнная и быстрая, и прудъ, и мельница, налаженная Бурнакомъ.

Пьютъ чай подъ ракитами—гости и хозяйка, Анна Петровна. Самъ Бурнакъ за столъ не садится: онъ смотритъ, какъ грузятъ на телѣги мѣшки, и покрякиваетъ:

— Ай, что̀ за народъ! Что̀ за народъ!.. Ай-же! осторожнѣе... Ну... Ну...

Бурнакъ—мельникъ и арендаторъ: онъ ужъ почти завладѣлъ имѣніемъ генеральши. Онъ — выкрестъ. Усердно теперь посѣщаетъ церковь, богомольно подтягиваетъ на клиросѣ. Молебенъ съ водосвятіемъ онъ называетъ по-крестьянски „мокрымъ“, акаѳистъ—„закатистымъ“. Вообще онъ вошелъ во вкусъ мужицко-православнаго языка, но еврейскій ладъ рѣчи по-прежнему затягиваетъ его крѣпкимъ узломъ: предки не уступаютъ сына своего чужому народу.

Побывалъ когда-то Бурнакъ на Дону, женился тамъ на Аннѣ Петровнѣ, темноокой дѣвушкѣ изъ раскольничьей семьи. Отецъ ея былъ столяръ и дѣдъ столяръ. И теперь, хотя нѣтъ нужды—Бурнакъ богатъ — любитъ Анна столярничать: что-нибудь стругаетъ, пилитъ, покрываетъ лакомъ. Радуется пахучимъ стружкамъ, длиннымъ лентамъ кудрявымъ. Любитъ она также поѣсть вмѣстѣ съ рабочими каши изъ общаго котла, когда мѣрно снуютъ деревянныя ложки, крѣпко схваченныя мужицкими руками, пахнущими землей.

Генеральша спрашиваетъ:

— А гдѣ же, Анна Петровна, дочка ваша?

Приходитъ Тамара. Здоровается съ гостями. Краснѣетъ. Лицомъ Тамара въ Бурнака, но безобразное въ отцѣ засіяло въ дочери чудотворной красотой.

Сермягинъ уставился на нее близорукими глазами. Смотритъ на нее съ изумленіемъ.

Серебристыя тѣни порхаютъ по лицу Тамары. Губы тихо горятъ въ печальной улыбкѣ. И глаза—неземные.

Варя влюблена въ Тамару. Смотритъ на нее. Непрестанно шепчетъ:

— Милая... Красивая... Прекрасная...

Отъ печальной красоты Тамары, отъ предвечерней тишины всѣмъ становится грустно.

Тщетно Сермягинъ хочетъ преодолѣть грусть свою. Сіяютъ передъ нимъ, какъ лампады, глаза красавицы. И кажется Сермягину, что приникло къ землѣ безуміе: сумасшедшая заря зажгла костры свои на западѣ, и земля пала ницъ передъ нею. Стали поля и рощи на вечернюю молитву. И по древнему обряду, какъ невѣсты и женихи, надѣли вѣнцы золотые.

И домой возвращаются всѣ молча, грустные. Даже генеральша забыла о теософіи своей.

И потомъ долго ходитъ одинъ по комнатѣ Сермягинъ. Не хочется ему писать сочиненіе о кантіанствѣ. И потомъ, въ постели, не спится ему: подушка горячая, душно; знойно поетъ комаръ. И томится сердце: какъ будто ждетъ чуда. А чуда нѣтъ.

II.

Варя зоветъ Сермягина въ поле къ истукану. Стоитъ на курганѣ древній идолъ. Ястребъ сѣлъ ему на старую голову. Увидѣлъ людей — метнулся въ сторону: разъ-разъ—и уже плаваетъ въ синевѣ.

Варя идола стараго вѣнчаетъ травой и ромашкою. И Сермягинъ снимаетъ передъ нимъ шляпу.

— Я въ него вѣрю, Андрей Васильевичъ. Только ему теперь скучно, бѣдному.

— Еще бы, — говоритъ Сермягинъ съ грустью:—одинъ въ полѣ. Тоска.

Сидятъ молча на курганѣ у ногъ бога — приватъ-доцентъ Сермягинъ и горбатенькая Варя.

— А какъ ее зовутъ? Я забылъ...

— Тамарой,—говоритъ Варя, угадывая.

Волокнистое облако набѣжало на солнце и тихимъ пепломъ покрыло міръ. Бѣлыя пятна, какъ живыя, двигались по полю, по орѣшнику — здѣсь и тамъ. И тихо шуршало-шипѣло поле, какъ пѣна морская. И тихо кружилась земля—дальніе холмы и пашни. Тянуло запахомъ сладостнымъ и терпкимъ отъ сгорающихъ въ солнцѣ цвѣтовъ и травы.

— А я была вчера на мельницѣ,—говоритъ Варя:—видѣла Тамару. Я въ нее влюблена, Андрей Васильевичъ.

— Богъ съ вами, Варя. Что такое „влюблена, влюблена“? И вовсе не такъ ужъ прекрасна ваша Тамара.

— Ахъ, молчите, молчите! Вы не думаете такъ. Я знаю. Сейчасъ она придетъ сюда, на курганъ. Она обѣщала.

— Зачѣмъ же это?—недоумѣваетъ Сермягинъ.

И смотритъ на бѣлые зигзаги дороги, откуда придетъ Тамара.

И въ самомъ дѣлѣ медленно идетъ кто-то къ идолу. Развѣялось облако и не видно въ золотѣ горячемъ, кто идетъ. Вонъ ближе, ближе; вотъ ужъ бѣлыя пятна солнечныя скользятъ-поднимаются отъ земли, приближаются. Это—она, Тамара.

Въ сарафанѣ русскомъ, босая,—а черты лица еврейскія,—рѣчь и жесты славянскіе. И трудно постигнуть, изъ какой страны пришла она, таинственная, въ эти поля, къ этому кургану.

— Что это у васъ за книжка?—спрашиваетъ Варя.

— Лермонтовъ... Я „Демона“ читаю...

— Дайте, я погадаю. Про васъ погадаю,—говоритъ Варя. И развертываетъ книжку; и читаетъ:

Въ ней было хладное презрѣнье
Души, готовой отцвѣсти,
Послѣдней мысли выраженье,
Землѣ беззвучное: прости.

— Это, должно быть, не про меня,—говоритъ серьезно Тамара.

— Да, это не про васъ,—соглашается Сермягинъ:—а сказано хорошо: „Землѣ беззвучное: прости“.

Варя спрашиваетъ:

— А вы, Тамара, землю любите?

— Какъ же не любить? Она—живая.

— Да, да. Живая. А вотъ онъ говоритъ, что это только видимость, что и цвѣты, и деревья, и все—представленіе наше.

— Я не такъ говорю,—мрачно и нехотя возражаетъ Сермягинъ.

— Все равно. Почти такъ.

Сермягину не хочется спорить и объяснять. Онъ пристально смотритъ на Тамару: откуда въ ней гордая скромность такая, въ этой дочкѣ арендатора?

— Я домой пойду,—говоритъ Варя:—я музыкой должна заниматься, Андрей Васильевичъ.

— Ступайте, Варя. А я посижу еще.

Тамара тоже хочетъ уйти. Но Сермягинъ удерживаетъ ее.

— Останьтесь. Прошу васъ... Вотъ Лермонтовъ... Нравится онъ вамъ? Почему?

— Я люблю за тоску его. И за „Демона“ тоже.

Молчаніе.

Потомъ Тамара говоритъ полувнятно:

— И я по ночамъ слышу, какъ шепчетъ кто-то. Голосъ пріятный, а мнѣ страшно.

Тамара довѣрчиво смотритъ на близорукаго горожанина. Ее занимаетъ этотъ чужой человѣкъ въ очкахъ. И чувствуетъ она, что безпокоитъ Сермягина красота ея. И пріятно ей, что вотъ свѣжая рана раскрылась: теплая, алая кровь любви струится.

Потомъ они идутъ вмѣстѣ на мельницу—во ржи.

Тамара ступаетъ увѣренно — молодая, стройная, крѣпкая. Радуютъ ее и далекая чистая лазурь, и теплый ржаной вѣтерокъ, и мягкая горячая пыль подъ ногами, и паутина, Богъ вѣсть откуда прилетѣвшая, засіявшая перламутромъ на солнцѣ.

Сермягину пріятно идти съ Тамарой такъ во ржи, но ступаетъ онъ неувѣренно—носками внутрь—сутулый, длинноволосый, нескладный.

Солнце опаляетъ имъ головы. Они молчатъ оба. И легко несетъ это молчанье въ сердцѣ своемъ Тамара. А Сермягину трудно молчать: онъ привыкъ разсуждать, опредѣлять, называть.

— Вотъ я смотрю на васъ и завидую,—говоритъ, наконецъ, Сермягинъ: — живете вы около земли. И не то чтобы вѣрить въ нее, а какъ-то просто чувствовать ее умѣете; а я совсѣмъ потерялся и будто бы не живу.

— Вотъ кому придумали завидовать! Да развѣ я не печальна? Да развѣ я не тоскую?

— Это правда: глаза у васъ грустные. Только и печаль ваша сладостна. Вотъ у евреекъ тоска всегда тревожная, безпокойная, а вамъ, должно быть, ваша мать передала свою славянскую тихую кровь. Съ землей теплой, живой вамъ не страшно...

— Да. Не страшно.

Повѣялъ вѣтеръ—и червонная волна пошла по ржи. Пышная рожь зашелестѣла. И шопотъ, и шелестъ, и шорохъ перекинулись на рощу, за ржаными полями, и зашумѣла роща шумомъ зеленымъ, лѣтнимъ.

Небо голубѣло высоко надъ землею, надъ лѣсомъ, надъ вѣтромъ. Пѣло небо свою вѣчную пѣсню о лазури.

И острый мечъ солнца пронзилъ золотомъ своимъ лоно лазурное. Вотъ, наконецъ, Самыганъ, заснувшій прудъ, плотина, ворчунья-мельница. Стучитъ колесо; шумитъ пѣнная вода.

Бурнакъ размахиваетъ руками: торгуется съ купцами изъ Алабьева. Длиннобородые уперлись.

Увидѣлъ Бурнакъ Тамару: грозитъ ей пальцемъ.

— Развѣ-жъ можно такъ! Гуляетъ себѣ съ книжкой! Ну, матери помогла бы, что ли...

— Прощайте, Тамара.

Идетъ приватъ-доцентъ домой одинъ. Мысли его противорѣчивы. Хочется Сермягину привести все въ порядокъ. Ничего не выходитъ.

— Что такое любовь, въ самомъ дѣлѣ? Разсмотримъ эту тему біологически, психологически, философски...

Но и такъ не ладится: въ сердцѣ кровь—какъ вино; хочется летать, не думая ни о чемъ; не страшна ужъ смерть.

Но все такъ непонятно, красиво, безцѣльно.

III.

Пьютъ вечерній чай на верандѣ. Оттуда видъ на поля. Безлюдные просторы вечерѣютъ. Прозрачна тишина. Вонъ ужъ дальнія рощи загорѣлись красными верхушками.

Варя смотритъ на зарю съ вѣрою и умиленіемъ. Сермягинъ старается размышлять, но философія что-то хромаетъ: свирѣльно поетъ сердце.

Генеральша въ теософической истомѣ: у Фабриціуса было видѣнье сегодня ночью.

Онъ благоговѣйно цѣлуетъ руку у генеральши и закатываетъ глаза.

Потомъ Фабриціусъ проситъ себѣ пѣнокъ топленыхъ.

Варя шепчетъ Сермягину, умоляетъ:

— Бога ради, пойдемте въ садъ, Андрей Васильевичъ. Милый, хорошій! Поскорѣе пойдемте.

Въ саду росная влага, горько пахнутъ левкои, на березахъ—алыя пятна отъ зари.

Варя тащитъ Сермягина къ чугунной скамейкѣ.

Забралась на нее. Положила ему руки на плечи и шепчетъ на ухо:

— Вы влюблены? Милый, хорошій! Вы влюблены?

— Что за вздоръ, Варя! Зачѣмъ это? Въ кого?

— Въ нее, разумѣется. Ахъ, какой вы противный философъ!

— Я ничего не понимаю, Варя. И какое мнѣ дѣло до вашей Тамары? Выдумаете вѣдь тоже!

Варя кружится по дорожкѣ и поетъ:

— Тамара чудная! Люблю ее, люблю...

Потомъ Варя и Сермягинъ, друзья закадычные, идутъ къ пруду слушать лягушекъ.

Картавя увѣренно, поютъ хоромъ обитатели прудного царства. Самцы поютъ о любви среди камышей, осоки, тины,—о любви влажной и дурманной. И самки гортанно вторятъ, мечтая о лиліяхъ, о толстыхъ плавучихъ листьяхъ, плавающихъ листьяхъ.

Потомъ гаснетъ заря. Варя идетъ спать.

Сермягинъ наединѣ съ іюльской ночью. Отъ луны гравій какъ зеркало. Тишина такая, что хрустъ подъ ногой кажется Богъ знаетъ какимъ шумомъ.

Подходитъ Сермягинъ къ оранжереѣ. Молнія черная метнулась передъ глазами: летучая мышь.

Потомъ возвращается приватъ-доцентъ къ пруду. Смотритъ задумчиво на недвижную воду.

Пахнетъ сыростью глубокой.

„Въ склепахъ такъ пахнетъ“,—думаетъ Сермягинъ.

— Тамъ, въ свинцовомъ гробу, лежитъ скованная смертью царевна.

— Ахъ, какой романтизмъ!

— Однако, съ кѣмъ же я говорю?

— Но не все ли равно?

И голосъ продолжаетъ:

— ...скованная смертью царевна. Спитъ, но проснется. Смертью смерть побѣдитъ...

— Но что за вздоръ! И что значитъ смерть, если нѣтъ времени? И какая смѣшная эта Варя: не признаетъ „Критики чистаго разума“!

По ту сторону пруда, на лужайкѣ, бѣлѣетъ колонка: солнечные часы на ней.

И вотъ идутъ къ бѣлой колонкѣ въ серебристыхъ плащахъ неизвѣстныя, лунной вереницей тянутся къ жертвеннику. Невѣдомые пришельцы вознесутъ свою лилейную молитву владычицѣ-лунѣ.

Или туманы это? Ахъ, не все ли равно: вѣдь сладостно падаетъ пьяное сердце.

Сухопарый, сутулый приватъ-доцентъ смотритъ безъ изумленія на древнія тѣни: его не удивишь призраками.

„Галлюцинація,—думаетъ Сермягинъ:—разстроена моя нервная система".

Потомъ все-таки спать, домой.

Въ углу корридора чей-то шопотъ.

— Ахъ, пустите! Барынѣ скажу!..

Это Фабриціусъ и горничная Наташа.

Въ комнатѣ у Сермягина розами пахнетъ. Это Варя поставила другу своему пышный букетъ.

А вотъ на столѣ бѣлѣетъ записка. Откуда это?

Дрожащими руками развертываетъ Сермягинъ записку и читаетъ подпись: „Тамара".

Что такое? Что?

„Вы — умный, вы — мудрый, вы все знаете... Жизнь такая трудная, такая непонятная"...

Горько улыбается приватъ-доцентъ.

„Я—слѣпая. Говорить не умѣю. Мысли у меня какъ облака: скользятъ—не остановишь. И сама я какъ облако мѣняюсь. Ахъ, поймите меня! Помогите мнѣ".

Кого она проситъ? Его, Сермягина, заблудившагося въ пустынѣ философа! Что онъ принесетъ ей, этой дѣвушкѣ, въ чьихъ глазахъ сіяетъ мудрость царственная, мудрость древности палестинской, этой дѣвушкѣ, которую полюбила славянская земля? Да вѣдь Тамара какъ царица идетъ въ золотой ржи. А онъ рядомъ ковыляетъ носками внутрь. Хе, хе, хе!

И кажется Сермягину, что забыли его въ пустынѣ. Бросилъ его караванъ, ушелъ Богъ вѣсть куда. А онъ одинъ бродитъ теперь среди невѣдомыхъ песковъ. Ахъ, какъ трудно! Какъ страшно!

Но развѣ не смѣло мыслилъ Сермягинъ? Развѣ боялся онъ крайнихъ сужденій, жестокихъ противорѣчій? Почему же теперь, когда ночь поетъ что-то свое, таинственное, почему онъ робѣетъ? И развѣ не умно разсуждалъ онъ о любви?

„Дневная душа у меня,—думаетъ Сермягинъ:—ночью голова кружится".

Ложится спать Сермягинъ и бормочетъ, улыбаясь:

— Утро вечера мудренѣе.

IV.

Въ воскресенье ѣдутъ въ монастырь къ обѣднѣ. И Сермягина взяли съ собой. Давно онъ не бывалъ въ церкви.

Опять рожь, васильки, тихіе дымки деревень, немилосердное солнце.

Выѣхали на большую дорогу — идутъ босоногіе странники, попадаются фабричные съ гармониками, мелькаютъ полосатые столбы.

Бѣлая пыль курится надъ дорогой.

Наконецъ, сіяетъ обитель. Синѣетъ роща монастырская.

У воротъ голубоглазая послушница низко кланяется генеральшѣ. И тамъ, въ церкви, все—какъ въ дѣтствѣ: благолѣпіе иконостаса, торжественность, освященная временемъ,—и въ сѣденькомъ священникѣ, и въ тихихъ блѣдноликихъ монашенкахъ; и по прежнему клубится ладанъ, и звякаютъ пятаки, и бабы пахнутъ ситцемъ, и распаренные мужики не скупятся на кресты и поклоны.

Сермягинъ конфузится. Не умѣетъ молиться. Потихоньку выбирается изъ церкви. Просвирня провожаетъ его строгими глазами.

Идетъ Сермягинъ на погостъ.

Онъ увѣренъ, что тамъ найдетъ Тамару. Мимо жалостныхъ могилокъ, мимо алѣющихъ лампадокъ, мимо надписей о суетѣ суетъ идетъ Сермягинъ.

И, конечно, находитъ Тамару.

Она сидитъ въ бѣломъ платьѣ на низенькой зеленой скамейкѣ передъ могилой, гдѣ „покоится прахъ болярина Андрея Васильевича Заболотнаго“...

„Тёзка мой“,—думаетъ Сермягинъ, пожимая руку печальной Тамарѣ.

Нѣтъ, не смущается Тамара. Съ тихой грустью смотритъ на Сермягина. Ждетъ отвѣта.

Но нѣтъ отвѣта.

И не смѣетъ приватъ-доцентъ прямо глядѣть въ глаза ея.

Такъ сидятъ они молча передъ могилой, гдѣ чей-то „прахъ покоится“.

Георгій Чулковъ.

СВѢТЛЫЙ КОНЕЦЪ

Въ каминѣ сгораютъ дрова.
Въ ихъ трескѣ и свистѣ мнѣ внятны слова:
— Конецъ нашъ мы радостно встрѣтимъ.
Сгорая,—сгоримъ.
Творившія таинство жизни,
Мы таинство смерти творимъ.
Насъ къ огненной жертвѣ готовилъ багрянецъ зари.
Велѣнью огня мы внимаемъ:
— Сгорая,—сгори! —
И падаютъ алые угли, сгораютъ дрова.
Предсмертныя тише и тише слова:
— Огонь насъ очистилъ, огонь убаюкалъ, уснемъ.
Земныя оковы развѣяны вольнымъ огнемъ.
Отъ плѣна земного, отъ гнета мгновеній
Мы въ вѣчность уходимъ для новыхъ цвѣтеній. —
Дышетъ подъ пепломъ послѣднее рдѣнье.
Гаснетъ чуть слышное пѣнье...

Вѣчная вамъ память, братья-великаны!
Въ жизни вы познали громы и туманы,
Вихревыя пляски, блѣдный дымъ снѣговъ,
Звѣздныя примѣты, думы облаковъ.
Вторя гуламъ бора тайно-заповѣднымъ,
Вы вздымались стягомъ радостно-побѣднымъ.

Мгновенья послѣднія тихи и ясны:
Прекрасные въ жизни—и въ смерти прекрасны.

П. Соловьева.

РАСКОЛЪ
И
БЮРОКРАТІЯ

Въ ближайшемъ будущемъ долженъ разрѣшиться одинъ изъ крупнѣйшихъ вопросовъ русской жизни—вопросъ о судьбѣ вѣроисповѣдныхъ законовъ, принятыхъ Государственной Думой. Съ страстнымъ нетерпѣніемъ и жуткой тревогой ждутъ рѣшенія тѣ десятки милліоновъ людей, съ мысли и совѣсти которыхъ эти законы должны снять тяжелыя, грубыя путы, что̀ такъ долго и такъ нестерпимо давили ихъ.

И съ каждымъ днемъ тревога разрастается все болѣе, становится все напряженнѣе, подъ вліяніемъ того, что̀ совершается вокругъ. Уже одинъ тотъ фактъ, что представитель правительства, при обсужденіи Государственной Думой вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ, вдругъ счелъ нужнымъ еще болѣе отодвинуться вправо и занять непримиримую позицію,—не могъ, разумѣется, не смутить и не встревожить людей, непосредственно и ближайшимъ образомъ заинтересованныхъ въ утвержденіи этихъ проектовъ. Но еще болѣе смущаетъ и волнуетъ шумная, крикливая агитація тѣхъ темныхъ организацій, которыя задались цѣлью не допустить Россію до обновленія и теперь столь дружно мобилизовались въ борьбѣ съ вѣроисповѣдными законами, чтобы такъ или иначе добиться ихъ отмѣны.

Во имя чего? съ какой цѣлью? Да просто потому, что эти законы, являющіеся первымъ звеномъ того фундамента, на ко-

торомъ должно быть воздвигнуто зданіе новой, счастливой, свободной Россіи, непріемлемы для враговъ культуры и прогресса, для поборниковъ мрака и застоя.

Темныя силы ни за что не хотятъ допустить, чтобы Россія вышла изъ потемокъ, сдѣлала хотя первый шагъ по пути возрожденія, чтобы она поднялась хотя на первую ступень — „въ царство мысли, гдѣ сіяетъ вѣковѣчный день". Усилія „черныхъ рыцарей" находятъ себѣ поддержку и сочувствіе среди представителей оффиціальныхъ, вліятельныхъ сферъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ. Особенно послѣднихъ...

Побѣдоносцевъ умеръ, но его политика въ области религіи и культуры—не смотря на всѣ манифесты и указы—продолжаетъ жить до сихъ поръ. Общій духъ, общій характеръ, общее направленіе этой политики и сейчасъ остаются тѣ же, что были пять, десять, пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Цѣль предлагаемой статьи — сопоставить и сравнить отношеніе нашихъ правящихъ круговъ, нашей бюрократіи,—какъ свѣтской, такъ и духовной, — къ старообрядчеству и сектантству *до* конституціи и *послѣ* нея.

Не наша, конечно, вина, если отмѣчаемые нами факты и явленія вполнѣ опредѣленно указываютъ на то, какъ поразительно мало до сихъ поръ мы продвинулись впередъ въ области религіозно-культурной жизни. Не смотря на очень громкія заявленія и самыя торжественныя обѣщанія, наше духовное обновленіе все еще остается въ сферѣ благихъ пожеланій, къ сожалѣнію—слишкомъ далекихъ отъ осуществленія.

I.

Административный секретъ.

Весной этого года, передъ самымъ обсужденіемъ въ Государственной Думѣ законопроекта о старообрядческихъ общинахъ, въ коммиссіи по дѣламъ православной церкви, разсматривавшей этотъ законопроектъ, вдругъ, совершенно неожиданно, выплылъ вопросъ: да что такое въ сущности „старообрядцы" и кого собственно слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ именемъ?

Вопросы эти,—какъ передавали тогда газеты, — вызвали въ коммиссіи безконечные пренія и споры. Очень долго члены ея не могли придти ни къ какому опредѣленному рѣшенію. Наконецъ, сознавая свое полное безсиліе разрѣшить встрѣтившіяся

недоразумѣнія, коммиссія постановила обратиться въ святѣйшій синодъ съ просьбой выяснить, кого собственно слѣдуетъ понимать подъ терминомъ „старообрядцы“...

Этотъ по истинѣ изумительный фактъ заслуживаетъ того, чтобы остановиться на немъ. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли, что народные представители, среди которыхъ и въ третьей Государственной Думѣ найдется, конечно, немало лицъ съ солидными, серьезными и основательными знаніями по разнымъ спеціальностямъ, вдругъ стали въ тупикъ при рѣшеніи столь простого, повидимому, вопроса, какъ вопросъ о томъ, кого собственно слѣдуетъ считать старообрядцами?

Старообрядчество существуетъ у насъ два съ половиною столѣтія. Кажется, срокъ вполнѣ достаточный для того, чтобы изучить это—по выраженію нѣкоторыхъ изслѣдователей — „колоссальное явленіе“ русской жизни, чтобы до тонкости ознакомиться съ нимъ. И вдругъ, на повѣрку оказывается, что мы и по сей часъ не знаемъ въ сущности, что̀ такое старообрядчество, и весь ли расколъ подходитъ подъ это опредѣленіе?

Невольно возникаетъ вопросъ: кто же виноватъ въ томъ, что за два съ половиною столѣтія мы не могли хотя въ главныхъ чертахъ изучить крупнѣйшее явленіе духовной жизни русскаго народа? Кто виноватъ, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ обстоятельныхъ, безпристрастныхъ изслѣдованій, которыя съ исчерпывающей полнотой знакомили бы съ религіознымъ движеніемъ, увлекшимъ за собою многіе милліоны горячихъ и ревностныхъ послѣдователей и сторонниковъ?

Нужно ли называть имя этого виновника? Кому неизвѣстно стремленіе нашей бюрократіи всѣ наиболѣе острые, наиболѣе важные и сложные вопросы народной, общественной жизни непремѣнно прикрывать таинственный завѣсой, облекать и окружать глубокой, непроницаемой тайной? Въ число этихъ „запретныхъ“ вопросовъ, разумѣется, попалъ и вопросъ о расколѣ и сектантствѣ. Считая этотъ вопросъ „крайне щекотливымъ“, „секретнымъ“, отнюдь не подлежащимъ гласному обсужденію, бюрократія всячески старалась „забронировать“ его отъ общественнаго вниманія.

Вся переписка, всѣ сношенія по этому вопросу правительственныхъ учрежденій, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, съ давнихъ поръ и до самыхъ послѣднихъ дней всегда велись не иначе, какъ „конфиденціально“, „секретно“ и „совершенно секретно“. То и дѣло учреждавшіеся правительствомъ для упорядоченія вопроса о старообрядцахъ и сектантахъ разные коми-

теты и коммиссіи всегда назывались „секретными“ и дѣятельность ихъ всегда протекала въ строжайшей тайнѣ. Печать лишена была всякой возможности сколько-нибудь свободно изслѣдовать этотъ вопросъ.

Противъ этой системы возставали лишь немногія отдѣльныя лица изъ числа государственныхъ дѣятелей. Вотъ, напримѣръ, что̀ писалъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей временъ Александра II-го, сподвижникъ его реформъ, князь Н. А. Орловъ: „Вопросъ о расколѣ прежде всего долженъ подвергнуться гласному, открытому обсужденію. Безъ этого ничего нельзя достигнуть“ [1]). Но правительство систематически игнорировало подобныя мнѣнія.

Лица, которыя желали посвятить свой трудъ и время на тщательное изученіе и изслѣдованіе этого вопроса, всегда встрѣчали всевозможныя препятствія и тормазы со стороны администраціи и особенно духовнаго вѣдомства. Архивы министерства внутреннихъ дѣлъ, святѣйшаго синода, духовныхъ консисторій и многихъ нашихъ монастырей содержатъ въ себѣ огромное количество матеріаловъ, какъ по исторіи раскола-сектантства, такъ и относительно его современнаго состоянія, но всѣ эти въ высшей степени важныя и драгоцѣнныя свѣдѣнія почти совершенно недоступны для изслѣдователя...

Тайна, глубокая тайна ревниво скрываетъ отъ общества, отъ народа, отъ науки всѣ эти богатѣйшія сокровища, которыя могли бы пролить яркій свѣтъ на многія стороны религіозной и духовной жизни русскаго народа, до сихъ поръ очень мало выясненныя. Самые отчаянные заговорщики могутъ позавидовать той таинственности, которою нашимъ духовнымъ властямъ удалось окружить свои архивы.

Въ этой мрачной таинственности, въ этой странной свѣтобоязни, въ этомъ страхѣ передъ гласностью таится что-то отталкивающее, что-то глубоко возмущающее нравственное чувство каждаго убѣжденнаго, искренняго человѣка. Точно и въ самомъ дѣлѣ въ этихъ архивахъ и канцеляріяхъ хранится что-то такое, что̀ необходимо всячески таить и какъ можно дальше прятать отъ взоровъ людей!

Еще въ шестидесятыхъ годахъ В. И. Кельсіевъ, издавая за границей извѣстные „Сборники правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ“, между прочимъ писалъ: „намъ кажется, что только цензура и полицейское управленіе мѣшали русскимъ уче-

[1]) „Русская Старина“, 1881 г., № 5.

нымъ заняться серьезнымъ изученіемъ раскола; иначе мы не можемъ объяснить невниманія къ этому многозначительному явленію въ великорусской жизни“ [1]).

Съ тѣхъ поръ условія нисколько не измѣнились къ лучшему. Русское чиновничество систематически ставило всевозможныя препятствія къ изученію вопроса о расколѣ и сектантствѣ. Всякія попытки, имѣвшія цѣлью поставить дѣло изученія сектантства возможно болѣе прочно и широко, — всегда подавлялись администраціей въ самомъ зародышѣ. Въ доказательство этого я позволю себѣ привести здѣсь два случая изъ своей личной дѣятельности въ этой области.

Въ 1879-мъ году я подалъ въ архангельскій статистическій комитетъ записку, въ которой подробно выяснялъ, съ одной стороны, важное, жизненное значеніе раскола въ жизни русскаго сѣвера, а съ другой—цѣлымъ рядомъ фактовъ и данныхъ доказывалъ, что ни администрація, ни духовное вѣдомство, ни статистическій комитетъ никогда не знали и не знаютъ раскола. Отсюда я дѣлалъ выводъ о необходимости статистическому комитету заняться тщательнымъ и всестороннимъ изученіемъ раскола, при посредствѣ особой программы, проектъ которой былъ мною приложенъ къ запискѣ.

Какъ только записка моя была прочтена въ комитетѣ, предсѣдатель его, губернаторъ Н. П. Игнатьевъ, заявилъ, что онъ не можетъ допустить обсужденія этой записки, такъ какъ расколъ—*дѣло секретное* и потому ни въ какомъ случаѣ не можетъ подлежать гласному обсужденію, а тѣмъ болѣе обслѣдованію. Нѣкоторые изъ членовъ комитета возражали и оспаривали такое мнѣніе, но губернаторъ снова заявилъ, что статистическій комитетъ не имѣетъ права изучать и изслѣдовать расколъ и собирать о немъ свѣдѣнія, и что если комитетъ не согласится съ его мнѣніемъ, то онъ, предсѣдатель, не позволитъ даже напечатать въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ журнала этого засѣданія.

Когда нѣкоторые изъ членовъ все же возражали противъ такой постановки вопроса, губернаторъ сослался на какіе-то особые, очевидно—конфиденціальные циркуляры и инструкціи, въ силу которыхъ, будто бы, все относящееся къ расколу должно составлять административную тайну, чуть ли не государственный секретъ. Въ виду этого онъ не допустилъ обсужденія записки по существу и даже лишилъ права слова тѣхъ членовъ комитета, которые пытались было возражать ему.

[1]) „Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ“, составленный В. Кельсіевымъ. Выпускъ первый. Лондонъ, 1860 г., стр. 3.

Объ этой исторіи я тогда же подробно, съ полными фамиліями дѣйствующихъ лицъ, разсказалъ въ особой статьѣ, напечатанной въ наиболѣе распространенной и авторитетной газетѣ того времени [1]). Ни г. Игнатьевъ, ни другіе представители администраціи не только не выступили съ столь обычными въ подобныхъ случаяхъ опроверженіями, но даже не сдѣлали ни одного возраженія противъ оглашенныхъ мною фактовъ.

Спустя годъ послѣ этого случая я предпринялъ новую попытку, стараясь привлечь къ дѣлу изученія старообрядчества и сектантства Русское Географическое Общество. 30-го апрѣля 1880-го года въ Отдѣленіи этнографіи мной была прочитана записка о необходимости и способахъ тщательнаго и всесторонняго изученія раскола и сектантства. Въ засѣданіи присутствовали многіе ученые и знатоки тѣхъ или иныхъ сторонъ русской жизни, какъ напримѣръ Н. В. Калачовъ, Л. Н. Майковъ, Н. И. Барсовъ, М. О. Кояловичъ.

Всѣ эти лица безусловно соглашались съ главной идеей записки о томъ, что Географическому Обществу слѣдуетъ принять на себя иниціативу въ дѣлѣ систематическаго изученія раскола и сектантства и заняться собираніемъ свѣдѣній по этому вопросу. Что касается представленнаго мною проекта программы собиранія свѣдѣній о расколѣ и сектантствѣ, то отдѣленіе постановило предварительно отпечатать этотъ проектъ, вмѣстѣ съ запиской, и разослать его всѣмъ знатокамъ народной жизни, съ просьбою высказать свои заключенія и замѣчанія по поводу этого проекта. По полученіи этихъ отзывовъ, Отдѣленіе этнографіи должно было выработать окончательную редакцію программы. Къ обсужденію проекта программы рѣшено было привлечь Н. И. Костомарова, П. И. Мельникова, И. С. Аксакова, А. Н. Пыпина, С. В. Максимова, Д. Л. Мордовцева, Е. И. Якушкина, Есипова, а также профессоровъ духовныхъ академій—Ивановскаго, Субботина, Нильскаго и друг.

Такимъ образомъ, можно было думать, что дѣлу серьезнаго и систематическаго изученія одного изъ наиболѣе крупныхъ явленій русской жизни положено, наконецъ, начало. Однако, въ дѣйствительности произошло нѣчто совсѣмъ иное: вдругъ всплыли какіе-то опасенія и страхи, со стороны оффиціальныхъ заинтересованныхъ сферъ начались запугиванія, начались закулисныя давленія. Дѣло кончилось тѣмъ, что вопросъ объ изученіи раскола и сектантства въ Географическомъ Обществѣ постепенно

[1]) „Голосъ“, 1880 г., № 51, статья: „Изученіе раскола“.

заглохъ и въ концѣ концовъ, выражаясь канцелярскимъ языкомъ, былъ положенъ подъ сукно. Въ то время увѣряли, что рѣшающую роль въ этой исторіи сыграло мнѣніе К. П. Побѣдоносцева, указавшаго предсѣдателю Отдѣленія этнографіи, Л. Н. Майкову, на крайнюю нежелательность, съ церковно-правительственной точки зрѣнія, подобнаго изслѣдованія.

Это очень правдоподобно, такъ какъ, конечно, не въ интересахъ покойнаго диктатора русской церкви было приподнимать ту завѣсу, за которой милліоны русскихъ людей задыхались въ атмосферѣ полнаго безправія и произвола, не знавшаго границъ.

Нельзя было изслѣдовать расколъ, нельзя было говорить въ пользу старообрядцевъ и сектантовъ. Цензура въ рукахъ бюрократіи всегда являлась излюбленнымъ средствомъ для того, чтобы зажимать ротъ всѣмъ тѣмъ, кто осмѣливался возвышать голосъ въ защиту „раскольниковъ“, „старообрядцевъ“ и сектантовъ. Особенно же цензурныя строгости возросли со времени вступленія Побѣдоносцева въ должность оберъ-прокурора св. синода. Статьи, посвященныя вопросу о старообрядчествѣ и сектантствѣ, то-и-дѣло вырѣзывались изъ журналовъ по требованію цензуры. Книги, брошюры и сборники матеріаловъ по этому вопросу задерживались цензурой и затѣмъ сжигались или подвергались уничтоженію другимъ способомъ. Даже сборники матеріаловъ *по исторіи* старообрядчества и сектантства не разрѣшались цензурой.

Вслѣдствіе указанныхъ нами условій, получалась необычайная аномалія: русское общество принуждено было знакомиться съ русскимъ сектантствомъ при посредствѣ трудовъ и изслѣдованій иностранныхъ писателей, имѣвшихъ случай посѣтить Россію. Въ этомъ отношеніи немалую услугу оказали труды барона Гакстгаузена, Мекензи-Уоллеса, Леруа-Больё, Диксона, Вогюэ и друг.

Необходимо замѣтить, что за границей, почти во всѣхъ культурныхъ странахъ, русское сектантство вызывало живой интересъ. Многіе серьезные органы иностранной печати, какъ напримѣръ „Revue Scientifique“, относились съ большимъ вниманіемъ къ русскимъ религіознымъ движеніямъ, помѣщая отъ времени до времени на своихъ страницахъ изслѣдованія о тѣхъ или другихъ русскихъ сектахъ.

Однако и тутъ русская бюрократія постаралась поставить извѣстные тормазы; такъ, она не преминула наложить запрещеніе на большую часть сочиненій иностранцевъ, описывавшихъ наше сектантство. Изъ изслѣдованій Гакстгаузена могъ появиться у насъ лишь одинъ первый томъ; изъ сочиненій Диксона были исключены всѣ тѣ главы, въ которыхъ онъ описывалъ свои сви-

данія съ основателемъ „Деснаго братства“, капитаномъ Н. С. Ильинымъ, съ извѣстнымъ сектантомъ А. П. Пушкинымъ, а также описаніе тюрьмы Соловецкаго монастыря, которую ему удалось посѣтить, и т. д. Извѣстное сочиненіе Ан. Леруа-Больё, посвященное Россіи, было запрещено у насъ цѣликомъ, въ полномъ объемѣ. Попытки издать переводы нѣкоторыхъ изъ этихъ работъ постоянно разбивались о цензурное veto.

II.

„Изданія, подлежащія тайнѣ“.

Такъ обставлено было у насъ дѣло изученія и изслѣдованія раскола и сектантства при старомъ режимѣ. Но—увы!—мы съ грустью должны констатировать, что и „при обновленномъ строѣ“ условія для научнаго изслѣдованія религіознаго вопроса и, въ частности, сектантства до сихъ поръ очень мало измѣнились къ лучшему. Это, между прочимъ, какъ нельзя убѣдительнѣе доказываетъ недавняя исторія съ диссертаціей профессора московской духовной академіи Д. Г. Коновалова: „Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ“. Такъ какъ объ этой исторіи еще недавно очень много писалось въ нашей печати, то мы не будемъ здѣсь распространяться о ней.

Особенно поразительно то, что и теперь, сейчасъ, по отношенію къ литературѣ по вопросу о расколѣ и сектантствѣ у насъ продолжаютъ дѣйствовать тѣ же совершенно архаическія правила, которыя существовали тридцать—сорокъ лѣтъ тому назадъ. И на подобнаго рода анахронизмы вы наталкиваетесь даже въ такихъ чисто культурныхъ учрежденіяхъ, какова, напримѣръ, петербургская императорская публичная библіотека. Въ доказательство позвольте разсказать случай, имѣвшій мѣсто въ самые послѣдніе мѣсяцы.

Одинъ мой знакомый, молодой человѣкъ, заинтересовавшись религіозными движеніями, происходящими въ русскомъ народѣ и обществѣ, обратился ко мнѣ съ просьбой указать ему литературу по вопросу о расколѣ и сектантствѣ. Я назвалъ ему рядъ изданій, пояснивъ, что всѣ эти книги онъ можетъ найти въ публичной библіотекѣ.

Спустя недѣлю послѣ этого, молодой человѣкъ приходитъ ко мнѣ взволнованный и возмущенный и разсказываетъ о неожиданномъ и необычайномъ фіаско, которое онъ потерпѣлъ въ импе-

раторской публичной библіотекѣ при первой же попыткѣ ознакомиться съ литературой по вопросу о расколѣ. Вотъ что онъ сообщилъ мнѣ.

„— Прихожу въ библіотеку и подаю записку, на которой я написалъ требованіе о выдачѣ мнѣ книги: „Собраніе постановленій о расколѣ, состоявшихся по вѣдомству святѣйшаго синода“, съ указаніемъ года и мѣста изданія.—Приходите завтра, послѣ трехъ часовъ, — говоритъ мнѣ библіотекарь. На завтра справляюсь о затребованной книгѣ, но служитель объявляетъ мнѣ, что на моемъ номерѣ нѣтъ ни одной книги. Спрашиваю библіотекаря: почему? Библіотекарь разыскиваетъ мою записку и говоритъ:—Книгу, которую вы требуете, нельзя получить.—Почему же?—изумляюсь я.—Она не выдается.—Но почему же?—Она не предназначена для публики. — Однако она имѣется въ вашей библіотекѣ?—Имѣется.—А библіотека ваша публичная?—пристаю я. — Это ничего не значитъ, — возражаетъ библіотекарь; — у насъ имѣется много книгъ, которыя не предназначаются для публики и которыя выдаются не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія господина директора библіотеки. — Могу ли я надѣяться получить такое разрѣшеніе? — спрашиваю я. — Не знаю; для этого вы должны подать прошеніе на имя г. директора библіотеки, объяснивъ, для какихъ собственно цѣлей вамъ нужна эта книга. Черезъ недѣлю вы получите отвѣтъ.

„Огорченный такимъ неожиданнымъ сюрпризомъ, я подаю библіотекарю новое требованіе о выдачѣ мнѣ „Сборника постановленій министерства внутреннихъ дѣлъ по расколу“ и спрашиваю: могу ли я получить эту книгу? Библіотекарь прочелъ мою записку и задумался.—„Подождите,—говоритъ онъ мнѣ,—я сейчасъ справлюсь“. Онъ отправился вглубь залы, пробылъ тамъ минутъ пять и затѣмъ, вернувшись, объявилъ мнѣ, что и эта книга точно также не выдается для публики и что для прочтенія ея точно также требуется особое, спеціальное разрѣшеніе директора библіотеки.

„Тогда я подаю третье требованіе о выдачѣ мнѣ „Сборниковъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ“, составленныхъ Кельсіевымъ въ началѣ 60-хъ годовъ. Библіотекарь опять говоритъ мнѣ: „Подождите, пожалуйста, я сейчасъ справлюсь“, и снова исчезаетъ на нѣсколько минутъ. Возвратившись, онъ съ грустью объявляетъ мнѣ, что и эти сборники не могутъ быть выданы, такъ какъ они считаются въ числѣ запрещенныхъ книгъ и публикѣ не выдаются.

„Не смотря на эти неудачи, я все еще не терялъ надежды

получить хоть что-нибудь изъ намѣченныхъ книгъ. Подаю требованіе на извѣстное сочиненіе Леруа-Больё: „L'empire des tsars et les russes". Библіотекарь, мелькомъ взглянувъ на мою записку, говоритъ: „Завтра, послѣ трехъ часовъ". Прихожу вечеромъ на другой день и справляюсь. Служитель опять объявляетъ, что на моемъ номерѣ никакихъ книгъ нѣтъ. Обращаюсь за разъясненіями къ библіотекарю. Послѣ разныхъ справокъ, библіотекарь сообщаетъ, что затребованное мною сочиненіе Леруа-Больё значится въ числѣ запрещенныхъ книгъ, а потому не выдается...

„Спрашиваю изданное за границей: „Вѣроисповѣданіе духовныхъ христіанъ, обыкновенно называемыхъ молоканами". „Завтра, послѣ трехъ часовъ",—говоритъ библіотекарь. На завтра опять узнаю, что „сочиненіе это запрещено, а потому не выдается".

„Обезкураженный всѣмъ этимъ, я сразу подаю цѣлый рядъ требованій на книги и брошюры по расколу и сектантству, изъ числа изданныхъ какъ въ Россіи, такъ и за границей, и притомъ какъ въ прежнее время, такъ и въ послѣдніе годы. Между прочимъ—„Матеріалы къ исторіи русскаго сектантства", изданные В. Г. Чертковымъ. И что же? почти всѣ эти книги и брошюры оказались или въ числѣ книгъ запрещенныхъ, или же въ числѣ изданій, которыя „не предназначаются къ выдачѣ публикѣ"... Такимъ образомъ я потерялъ цѣлую недѣлю и ничего не добился... Теперь я подалъ на имя директора библіотеки прошеніе, въ которомъ ходатайствую о разрѣшеніи мнѣ ознакомиться со всѣми тѣми изданіями, которыя мнѣ не удалось получить... Не знаю, что-то будетъ".

Съ большимъ изумленіемъ слушалъ я разсказъ молодого человѣка. И невольно мнѣ припомнилось то, что когда-то—очень и очень давно—мнѣ пришлось испытать самому. Это было слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ, когда я приступалъ къ изученію литературы по расколу въ императорской публичной библіотекѣ. И вотъ, тогда мнѣ пришлось натолкнуться на тѣ же самыя мытарства, о которыхъ только-что повѣдалъ мнѣ мой знакомый. И тогда цѣлый рядъ изданій по расколу и сектантству оказался въ числѣ книгъ запрещенныхъ и „подлежащихъ тайнѣ".

— Согласитесь, что это нелѣпо и дико облекать расколъ тайной,—говорилъ я тогда библіотекарю.

— Мы обязаны руководствоваться правилами, которыя установлены для выдачи книгъ, — оправдывался библіотекарь. — На основаніи статьи 17-ой правилъ, изъ публичной библіотеки „не выдаются для чтенія: а) сочиненія, запрещенныя цензурою, и б) изданія, *подлежащія тайнѣ*"... Поэтому я не могу выдать

вамъ книгъ по расколу, которыя вы требуете: однѣ изъ нихъ считаются запрещенными, а другія „подлежатъ тайнѣ“ или, говоря другими словами, составляютъ „административный секретъ“.

Повторяю, это было болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ, слава Богу, намъ пришлось пережить немало. Можно ли было думать, что эти невозможныя архаическія правила до сихъ поръ сохранились въ полной неприкосновенности? Можно ли было думать, что ни манифестъ 17-го апрѣля 1905-го года о вѣротерпимости, ни революція, ни 17-ое октября, ни конституція, ничто не въ состояніи было поколебать допотопныя правила, созданныя бюрократической рутиной и косностью?

Итакъ, оказывается, что, не смотря на всѣ „дарованныя“ намъ свободы и права, наша публика и до сихъ поръ лишена права знакомиться съ литературой по вопросу о расколѣ и сектантствѣ... Право, недурную иллюстрацію къ нашему „духовному обновленію“ даетъ наша императорская публичная библіотека! Но если такъ обстоитъ дѣло въ библіотекахъ, то, разумѣется, оно не лучше обстоитъ въ разныхъ нашихъ архивахъ, въ которыхъ хранятся богатѣйшіе матеріалы по религіознымъ движеніямъ русскаго народа. Оказывается, что и сейчасъ эти архивы точно также совершенно недоступны для изслѣдователей, спеціально работающихъ надъ вопросами религіознаго характера.

— „Для исторіи нѣтъ тайны!“ — говорилъ еще Погодинъ, который въ николаевскія времена долго, но тщетно стучался въ „окованныя желѣзомъ двери“ синодальныхъ и иныхъ архивовъ. Много времени прошло съ тѣхъ поръ, однако дѣло отнюдь не измѣнилось къ лучшему, и историческіе матеріалы, которые могли бы пролить свѣтъ на русскія религіозно-соціальныя движенія и во многомъ измѣнить установившіеся теперь взгляды на эти движенія, до сихъ поръ остаются подъ спудомъ и держатся въ глубокой тайнѣ. Вотъ, напримѣръ, что произошло почти на-дняхъ.

Изслѣдователь сектантства, авторъ нѣсколькихъ книгъ по церковнымъ и вѣроисповѣднымъ вопросамъ, С. П. Мельгуновъ, желая познакомиться съ нѣкоторыми документами, относящимися къ концу XVIII-го и началу XIX-го столѣтій, обратился въ мартѣ мѣсяцѣ этого года съ прошеніемъ на имя оберъ-прокурора св. синода, ходатайствуя о разрѣшеніи ему заниматься въ синодальномъ архивѣ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ. И только въ августѣ мѣсяцѣ послѣдовалъ стереотипный отвѣтъ: „святѣй-

шій синодъ, опредѣленіемъ отъ 5 — 12 мая, не призналъ возможнымъ дать просимое разрѣшеніе“ [1]).

Такимъ образомъ, очевидно, и здѣсь все остается по старому...

III.

Политика лицемѣрія.

Подъ покровомъ тайны, которою русская бюрократія старалась окружить все то, что касалось раскола и сектантства, жизнь многомилліоннаго населенія, порвавшаго съ господствующей церковью, протекала среди всякаго рода стѣсненій и преслѣдованій, въ высшей степени суровыхъ и жестокихъ, нерѣдко носившихъ характеръ средневѣковыхъ гоненій. Чего стоютъ, напримѣръ, одни монастырскія заточенія, казематы монастырскихъ тюремъ, куда заключались люди безъ всякаго суда и гдѣ они томились зачастую цѣлые десятки лѣтъ—вплоть до самой конституціи.

Конечно, до 17 октября 1905 г. и всѣ русскіе граждане въ значительной степени были совершенно безправны предъ властью, предъ администраціей и полиціей. Но наши религіозные отщепенцы—старообрядцы, сектанты и всѣ тѣ, которые почему нибудь вынуждены были порвать съ господствующей церковью—были вдвойнѣ безправны. Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что существованіе всѣхъ этихъ людей, считающихся милліонами, было *внѣ закона*.

Въ прежнее время этому главнымъ образомъ способствовало то обстоятельство, что большая часть законоположеній, относившихся до старообрядцевъ и сектантовъ, обыкновенно не публиковалась во всеобщее свѣдѣніе, а наоборотъ, держалась въ строгомъ секретѣ, составляя тайну представителей власти. Отсутствіе *гласнаго* закона, который обезпечивалъ бы спокойное существованіе старообрядцевъ и сектантовъ и на который они могли бы ссылаться, отстаивая тѣ или другія свои права, въ высшей степени тяжело отражалось на ихъ положеніи.

Реформы шестидесятыхъ годовъ, которыя привѣтствовались старообрядцами въ извѣстномъ адресѣ, поданномъ ими Александру II, совсѣмъ не коснулись ихъ и не облегчили положенія ни старообрядцевъ, ни сектантовъ. „Послѣ безчеловѣчнаго пре-

[1]) „Русскія Вѣдомости“, 1909 г., № 190, отъ 20 августа.

слѣдованія Николаемъ людей, не подчинявшихся господствующей церкви,—что сдѣлалъ для нихъ благодушный Александръ Николаевичъ?"—спрашивалъ Герценъ въ 1863-мъ году и вслѣдъ затѣмъ такъ разрѣшалъ этотъ вопросъ: „къ сожалѣнію, мы должны отвѣтить: *ничего!*" [1])

Въ царствованіе Александра II-го въ области религіи особенно укрѣпилась та политика двойственности и лицемѣрія, которая становится какъ нельзя болѣе характерной для русскаго правительства. Съ одной стороны постоянно и торжественно заявлялось о необходимости дѣйствовать „мѣрами убѣжденія и кротости", о безполезности принужденій и суровыхъ наказаній въ дѣлѣ религіи и т. д., а съ другой стороны въ то же самое время сыпались „конфиденціальные", „секретные" и „совершенно секретные" циркуляры о строгомъ и неуклонномъ преслѣдованіи всякаго „публичнаго оказательства раскола". Вообще едва ли гдѣ-нибудь двойственность, неискренность и лживость русской бюрократіи проявлялась въ такой явной, рѣзкой и кричащей формѣ, какъ именно въ области религіи.

Тѣ очень рѣдкія у насъ законоположенія, которыя отъ времени до времени издавались правительствомъ съ цѣлью облегчить невыносимое положеніе старообрядцевъ и сектантовъ, всегда отличались крайней нерѣшительностью, неопредѣленностью, неизмѣнно сопровождались разными оговорками и ограниченіями, которыми обыкновенно спѣшили воспользоваться духовныя и административныя власти въ ущербъ „религіознымъ отщепенцамъ". Постепенно и мало-по-малу дѣло, какъ говорится, сводилось на нѣтъ, и положеніе милліоновъ людей, отошедшихъ отъ господствующей церкви, по прежнему оставалось въ высшей степени тяжелымъ.

Въ началѣ царствованія Александра III-го состоялся законъ 3 мая 1883 года „о дарованіи раскольникамъ нѣкоторыхъ правъ гражданскихъ и по отправленію духовныхъ требъ". Законъ этотъ полонъ разныхъ недоговорокъ и ограниченій, растяжимыхъ и эластичныхъ, открывавшихъ полную возможность, при желаніи, толковать отдѣльныя статьи этого акта въ явный ущербъ старообрядцамъ и сектантамъ. Само собой понятно, что этой возможностью заинтересованныя власти не замедлили воспользоваться.

Едва прошелъ мѣсяцъ послѣ того, какъ былъ распубликованъ этотъ законъ, какъ уже понеслись во всѣ концы Россіи циркуляры и „разъясненія", которыми власти старались съузить и

[1]) „Собраніе постановленій по части раскола". Лондонъ, 1863, стр. V.

ослабить примѣненіе на практикѣ правъ и льготъ, дарованныхъ закономъ. Мѣстнымъ властямъ прямо рекомендовалось по возможности ограничивать примѣненіе этихъ правъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Хотя почти всѣ сыпавшіеся точно изъ рога изобилія циркуляры и разъясненія, по принятому обыкновенію, издавались секретно и конфиденціально, тѣмъ не менѣе мы имѣемъ возможность ознакомить читателей съ содержаніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Такъ напримѣръ, циркуляромъ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 21 іюня 1883-го года за № 525 на имя губернаторовъ указывалось на необходимость при исполненіи закона 1883 года, дозволявшаго „раскольникамъ“ занимать, съ утвержденія подлежащихъ правительственныхъ властей, общественныя должности— „руководствоваться какъ мѣстными условіями и обстоятельствами, такъ и нравственнымъ характеромъ ученія и другими свойствами секты, къ которой будетъ принадлежать избранное лицо, *отнюдь не допуская* утвержденія въ должностяхъ, соединенныхъ съ властью или вліяніемъ, такихъ лицъ, кои замѣчаются въ распространеніи своихъ заблужденій между православными“.

За этимъ циркуляромъ слѣдуетъ цѣлый рядъ другихъ, „разъясняющихъ“ въ томъ же ограничительномъ духѣ законъ 3-го мая. Въ большинствѣ случаевъ эти циркуляры издаются по требованію и настоянію духовныхъ властей. Въ 1885-мъ году въ Казани происходило совѣщаніе преосвященныхъ поволжскихъ и сѣверо-восточныхъ епархій. На этомъ совѣщаніи нѣкоторые изъ преосвященныхъ, жалуясь на то, что „раскольники“, избранные на основаніи закона 3 мая 1883 г. на общественныя должности, нерѣдко пользуются своимъ служебнымъ положеніемъ во вредъ православной церкви, настаивали на необходимости строгихъ мѣръ для прекращенія такого рода явленій.

Результатомъ этого былъ секретный циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 29-го мая 1887 г. за № 334, въ которомъ предлагалось начальникамъ губерній „вмѣнить кому слѣдуетъ въ непремѣнную обязанность, при разсмотрѣніи и утвержденіи производимыхъ для занятія общественныхъ должностей выборовъ изъ среды раскольниковъ, постоянно руководствоваться строгою осмотрительностью“. При этомъ очень прозрачно „разъяснялось“, что именно въ цѣляхъ „воспрепятствовать сектантамъ пользоваться властью и вліяніемъ“ и установлено правило, въ силу котораго „вступленію раскольника въ отправленіе должности, на которую онъ избранъ, должно предшествовать утвержденіе въ оной“.

Подобныя „разъясненія“, напоминанія и подчеркиванія, безъ сомнѣнія, оказывали свое дѣйствіе: присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, ихъ непремѣнные члены, а затѣмъ и земскіе начальники и ихъ съѣзды дѣлали все отъ нихъ зависѣвшее для устраненія старообрядцевъ и сектантовъ отъ общественной службы, отъ всякаго вліянія на общественныя дѣла. Однако духовныя власти все-таки оставались недовольны дѣятельностью крестьянскихъ учрежденій въ указанномъ направленіи и не переставали бить тревогу по этому поводу.

Такъ, въ 1889-мъ году въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ было получено сообщеніе оберъ-прокурора св. синода, въ которомъ снова выражалось сѣтованіе на то, что къ занятію должностей волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ „весьма часто допускаются не только раскольники бѣглопоповскаго и австрійскаго толка, въ большинствѣ случаевъ совершенно не удовлетворяющіе тѣмъ требованіямъ, которыя должны предъявляться къ этимъ лицамъ согласно министерскимъ циркулярамъ, но нерѣдко утверждаются въ этихъ званіяхъ и даже опредѣляются на должности урядниковъ послѣдователи такихъ крайнихъ и безнравственныхъ раскольничьихъ лжеученій, какъ напримѣръ безпоповцы, федосѣевцы, не признающіе брака и молитвы за царя“. Подобныя лица, по словамъ сообщенія, „при свойственномъ вообще сектантамъ фанатизмѣ, получаютъ возможность злоупотреблять своею властью и дѣйствовать въ пользу раскола“.

Вслѣдствіе настоящій оберъ-прокурора св. синода, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ 25-го сентября 1889 г. за № 26 былъ посланъ губернаторамъ новый — опять-таки, конечно, секретный — циркуляръ, въ которомъ предписывалось, во-первыхъ, ни въ какомъ случаѣ не допускать опредѣленія сектантовъ на должности урядниковъ и, во-вторыхъ, принять всѣ мѣры къ тому, „чтобы къ занятію указанныхъ синодальнымъ оберъ-прокуроромъ должностей, въ особенности въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ распространенъ расколъ и имѣютъ среди населенія силу богатые купцы и фабриканты изъ раскольниковъ, отнюдь не были допускаемы послѣдователи болѣе вредныхъ сектъ и вообще сектаторы, кои враждебно относятся къ православной церкви и склонны къ распространенію своихъ заблужденій въ средѣ православнаго населенія“.

Такимъ образомъ, путемъ изданія цѣлаго ряда секретныхъ циркуляровъ и разъясненій, законъ о предоставленіи старообрядцамъ и сектантамъ „нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ“ былъ постепенно сведенъ къ нулю. То же самое произошло и относительно „правъ по отправленію духовныхъ требъ“.

Но *на бумагѣ* всѣ эти „дарованныя права“, разумѣется, оставались, и потому оберъ-прокуроръ синода и миссіонеры имѣли возможность отрицать существованіе у насъ религіозныхъ стѣсненій, что̀ они и продѣлывали обыкновенно съ необычайнымъ апломбомъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

Эта двойственная политика продолжается и до сихъ поръ. Ее можно формулировать такъ: пообѣщать и—не дать. Дать и—снова постепенно отобрать. Пообѣщать много и—дать какъ можно меньше.

IV.

Право учить и право учиться.

Чтобы наглядно представить себѣ весь ужасъ того гнета, который испытывала страна отъ владычества бюрократіи, того безправія, на которое обречено было сто-тридцати-милліонное населеніе, достаточно напомнить, что у насъ, при старомъ режимѣ, народъ не могъ *учиться* тому, чему онъ хотѣлъ, и тамъ, гдѣ онъ желалъ; народъ не могъ *читать* по собственному выбору и желанію; наконецъ, народъ не могъ *молиться* такъ, какъ подсказывало ему его внутреннее чувство и убѣжденіе.

Всѣ эти стѣсненія и ограниченія особенно тяжело и болѣзненно отзывались на старообрядцахъ и сектантахъ, какъ наиболѣе безправной, обездоленной и угнетенной части русскаго населенія. Они не могли имѣть ни храмовъ, ни молитвенныхъ домовъ, ни школъ. Ихъ храмы запечатывались, ихъ школы закрывались, учащіеся выгонялись на улицу, учителя и учительницы предавались суду. Словомъ, они лишены были и права учить, и права учиться. Для иллюстраціи разскажемъ о двухъ-трехъ случаяхъ, имѣвшихъ мѣсто, можно сказать, наканунѣ конституціи.

Въ городѣ Новозыбковѣ, Черниговской губерніи, полиціи „удалось напасть на слѣды“ страшнаго преступленія. Мѣстный полицейскій надзиратель Чеботкевичъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ „дознался“, что мѣщанка г. Новозыбкова — старообрядка—Пелагея Маркова Леонтьева обучаетъ дѣтей... церковно-славянскому языку!

Чтобы читатель не заподозрилъ насъ въ намѣреніи его мистифицировать, мы позволимъ себѣ привести здѣсь цѣликомъ и безъ всякихъ измѣненій оффиціальный документъ, не оставляющій никакихъ сомнѣній относительно противозаконной дѣятельности

мѣщанки Леонтьевой. Документъ этотъ, безспорно, имѣетъ всѣ права, чтобы занять достойное мѣсто въ будущемъ музеѣ русской культуры XX-го вѣка.

„Обвинительный актъ товарища прокурора стародубскаго суда А. А. Дыновскаго по дѣлу о мѣщанкѣ г. Новозыбкова П. М. Леонтьевой, 57 лѣтъ, обвиняемой въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1049 ст. уложенія о наказаніяхъ.

„16 декабря 1899 года полицейскимъ надзирателемъ г. Новозыбкова Чеботкевичемъ составленъ былъ протоколъ о недозволенномъ обученіи мѣщанкой П. М. Леонтьевой *раскольническихъ дѣтей* церковно-славянскому чтенію. При производствѣ затѣмъ предварительнаго слѣдствія выяснилось, что жительница г. Новозыбкова П. Леонтьева, не имѣя надлежащаго разрѣшенія, дѣйствительно обучаетъ чтенію церковно-славянскихъ книгъ дѣтей Федора Кабанова и Маріи Селивановой, за что получаетъ плату деньгами и подарками. Привлеченная къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемой Пелагея Леонтьева, признавая себя виновной, объяснила, что обученіемъ дѣтей она доставляетъ себѣ средства къ существованію.

„На основаніи изложеннаго, мѣщанка г. Новозыбкова Пелагея Маркова Леонтьева, 57 лѣтъ, обвиняется въ томъ, что въ 1899 г. въ г. Новозыбковѣ, не имѣя надлежащаго разрѣшенія, открыла школу (?), гдѣ обучала дѣтей чтенію церковно-славянскихъ книгъ. Преступленіе это предусмотрѣно 1049 ст. улож. о наказ., почему и согласно ст. 200 устава уголовн. судопроизв., означенная Леонтьева предается суду безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Составленъ 19 января 1900 года".

Далѣе слѣдуетъ списокъ лицъ, которыя „подлежали вызову" въ окружной судъ къ разбору дѣла объ этомъ необычайномъ преступленіи, а именно: обвиняемая Пелагея Леонтьева, свидѣтели—мѣщанинъ Федоръ Афонасьевъ Кабановъ и мѣщанка Марія Селиванова, т.-е. тѣ лица, дѣти которыхъ обучались у Леонтьевой, и наконецъ полицейскій надзиратель г. Новозыбкова Чеботкевичъ, энергіи котораго обязано это дѣло своимъ возникновеніемъ.

Лица, незнакомыя съ нашими законоположеніями, относящимися до обученія дѣтей грамотѣ, вѣроятно будутъ немало изумлены только что приведеннымъ нами оффиціальнымъ документомъ начала XX-го вѣка... Какъ! Предавать человѣка суду, возбуждать противъ него уголовное преслѣдованіе только за то, что онъ обучитъ двухъ-трехъ дѣтей „чтенію церковно-славянскихъ книгъ", обучитъ первымъ начаткамъ церковно-славянскаго

языка? Но съ какихъ поръ церковно-славянскій языкъ считается опаснымъ, вреднымъ, запрещеннымъ?

Кому же неизвѣстно, что вѣдомство, на обязанности котораго лежитъ у насъ забота о народномъ просвѣщеніи, принимаетъ со своей стороны всѣ мѣры къ тому, чтобы отвести въ начальной народной школѣ возможно больше мѣста именно преподаванію церковно-славянскаго языка? Кому неизвѣстно, что, съ другой стороны, наше духовное вѣдомство въ преподаваніи въ церковно-приходскихъ школахъ во главѣ угла ставитъ именно изученіе церковно-славянскаго языка?

Наконецъ, кому же неизвѣстно, что духовныя и свѣтскія власти, стоящія на стражѣ дѣла начальнаго народнаго образованія, давно и, повидимому, безповоротно рѣшили, что изученіе церковно-славянскаго языка необходимо поощрять всѣми средствами, такъ какъ оно можетъ только самымъ благотворнымъ образомъ вліять на развитіе въ ученикахъ полнѣйшей благонамѣренности и вѣрности „исконнымъ русскимъ началамъ“, въ родѣ казеннаго православія, полицейскаго самодержавія и т. п.?

Все это такъ, все это давнымъ-давно извѣстно—и тѣмъ не менѣе, какъ только мѣщанка Леонтьева приступила къ обученію двухъ-трехъ ребятишекъ церковно-славянской грамотѣ, такъ тотчасъ же передъ ней выростаетъ грозная фигура полицейскаго надзирателя, и начинается грозный допросъ, за которымъ слѣдуетъ еще болѣе грозный протоколъ... А тамъ—судъ, обвиненіе въ уголовномъ преступленіи, новые допросы и т. д.

Когда полиція и судъ преслѣдуютъ за обученіе дѣтей обыкновенной русской грамотѣ тѣхъ лицъ, которыя не имѣютъ на это „установленнаго свидѣтельства“ и „надлежащаго разрѣшенія“, то, при извѣстномъ желаніи, еще можно, пожалуй, объяснить себѣ такое преслѣдованіе, особенно ставши на точку зрѣнія современныхъ Фамусовыхъ, въ родѣ, напримѣръ, князя Мещерскаго. Вѣдь какъ-ни-какъ, а на русскомъ языкѣ, не смотря на всю бдительность многочисленныхъ цензуръ, все-таки найдутся такія книги, чтеніе которыхъ, съ точки зрѣнія хотя бы того же полицейскаго надзирателя Чеботкевича или редактора „Гражданина“, можетъ представляться нежелательнымъ, опаснымъ и вреднымъ. Наконецъ, на русскомъ языкѣ найдется немало и такихъ книгъ, которыя проскочили, минуя всякія цензуры, а ужъ такія книги, само собой разумѣется, не могутъ не считаться „подлежащими вѣдомствами“ и вредными, и опасными.

Ну, а на церковно-славянскомъ языкѣ не только нѣтъ книгъ запрещенныхъ и „изъятыхъ“, но и никакихъ другихъ, кромѣ

книгъ священнаго писанія и богослужебныхъ, нѣтъ. Что же касается библіи, псалтыря и часослова, то врядъ ли эти книги даже въ глазахъ „полицейскаго надзирателя“ могутъ возбудить какія-нибудь сомнѣнія относительно ихъ благонамѣренности.

И тѣмъ не менѣе, однако, несчастная Леонтьева попала подъ судъ по обвиненію въ уголовномъ преступленіи именно за то, что учила дѣтей чтенію церковно-славянскихъ книгъ, т.-е. библіи, псалтыря и часослова.

Не слѣдуетъ думать, что преслѣдованіе, которому подверглась мѣщанка Леонтьева за обученіе дѣтей грамотѣ, является чѣмъ-то рѣдкимъ и исключительнымъ. Напротивъ, подобныя преслѣдованія и до сихъ поръ практикуются у насъ повсюду, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, и притомъ нерѣдко въ весьма широкихъ размѣрахъ. Такъ, въ томъ же самомъ Новозыбковѣ, какъ намъ достовѣрно извѣстно, за обученіе дѣтей грамотѣ „безъ разрѣшенія правительства“ были привлечены къ судебной отвѣтственности вольные учителя Иванченко и Кулавинскій.

Лица, внимательно слѣдящія за хроникой нашей внутренней жизни, навѣрное припомнятъ немало случаевъ аналогичнаго характера, — случаевъ, которые отмѣчались печатью. Вотъ, напримѣръ, что сообщалось въ газетахъ о процессѣ, разбиравшемся въ 1904-мъ году въ елисаветградскомъ окружномъ судѣ, безъ участія присяжныхъ засѣдателей.

„Крестьянинъ деревни Свободной (!) Поликарпъ Шевченко, 24-хъ лѣтъ, окончившій двухклассное училище, рѣшилъ заняться обученіемъ грамотѣ дѣтей своихъ односельчанъ. Руководило Шевченкомъ, повидимому, главнымъ образомъ, желаніе быть полезнымъ и подѣлиться своими знаніями, могущими внести свѣтъ въ темныя головы деревенскихъ ребятишекъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Шевченко, будучи человѣкомъ семейнымъ, хотѣлъ учительствомъ увеличить свои средства къ существованію“.

Но вотъ о просвѣтительной дѣятельности Шевченка узнаетъ мѣстный священникъ Хухровскій. Ему эта „затѣя“ кажется весьма подозрительной: начитавшись миссіонерскихъ писаній объ огромномъ распространеніи сектантства, онъ готовъ былъ всюду видѣть проявленія антиправославнаго духа. И вотъ онъ требуетъ къ себѣ Шевченка для объясненія „по поводу его затѣи“. Шевченко почему-то не явился по требованію священника. Этого было вполнѣ достаточно для отца Хухровскаго, чтобы немедленно обратиться къ обычнымъ въ подобныхъ случаяхъ пріемамъ нашего современнаго духовенства: къ содѣйствію полиціи. „Совмѣстно съ полицейскимъ урядникомъ Бѣляевымъ“ священ-

никъ является въ хату Шевченка, гдѣ и застаетъ „школу въ полномъ ходу“. Всѣхъ учащихся оказалось семнадцать человѣкъ.

Такимъ образомъ, „преступленіе“ было на лицо, „преступникъ“ былъ захваченъ съ поличнымъ на мѣстѣ преступленія. Разумѣется, немедленно же составляется протоколъ, и Шевченко привлекается къ отвѣтственности „за открытіе школы безъ разрѣшенія правительства“.

На судъ Шевченко не явился. Но обвиненіе было вполнѣ доказано свидѣтелями—урядникомъ Бѣляевымъ и священникомъ Хухровскимъ, проявившими въ этомъ дѣлѣ необыкновенную и трогательную солидарность. Судъ приговорилъ Шевченка къ штрафу въ размѣрѣ одного рубля и постановилъ закрыть школу въ двухнедѣльный срокъ.

Разумѣется, и батюшка, и урядникъ позаботились о томъ, чтобы приговоръ суда былъ въ точности приведенъ въ исполненіе. Школу закрыли, а семнадцать человѣкъ ребятишекъ, непремѣнно желавшихъ учиться грамотѣ, выгнали на улицу. При этомъ имъ строго-на-строго было приказано, чтобы они отнюдь и ни подъ какимъ видомъ не смѣли больше учиться у Шевченка.

Пусть читатели представятъ себѣ психологію этихъ „маленькихъ людей“, насильно выгоняемыхъ изъ школы, къ которой они успѣли привязаться, которую успѣли полюбить... Пусть читатели представятъ себѣ психологію родителей, которые мечтали обучить грамотѣ своихъ дѣтишекъ при помощи человѣка, котораго они лично знали и которому вполнѣ довѣряли.

И затѣмъ, какъ они должны отнестись къ той роли, которую сыгралъ въ дѣлѣ разгрома облюбованной ими школы ихъ сельскій батюшка, ихъ духовный пастырь и руководитель? Какое чувство обиды и ѣдкой горечи должны были пережить при этомъ случаѣ крестьяне деревни, носящей точно въ насмѣшку названіе Свободной?..

Шевченко и Леонтьева являются типичными представителями тѣхъ „вольныхъ учителей“, которые съ давнихъ временъ существуютъ у насъ въ Россіи и которые дѣлаютъ свое скромное дѣло на ряду съ оффиціальной школой. Конечно, грамотность, какую прививаютъ своимъ ученикамъ „вольные учителя“—очень невысокой пробы. До извѣстной степени, однако, они все-таки удовлетворяли потребности въ грамотѣ—потребности, которая съ теченіемъ времени, разрастаясь въ народѣ все сильнѣе, не могла быть удовлетворена въ полной мѣрѣ ни земскими, ни казенными училищами. Во многихъ мѣстахъ населеніе было обя-

зано своею грамотностью главнымъ образомъ дѣятельности именно „вольныхъ учителей“.

Бюрократія всегда относилась отрицательно и даже враждебно къ „вольнымъ школамъ“ и „вольнымъ учителямъ“. Министерство народнаго просвѣщенія не признавало этихъ школъ и учителей. Только въ кратковременное министерство барона Николаи былъ изданъ циркуляръ, легализировавшій до извѣстной степени вольныя школы и вольныхъ учителей. Земство, стоя ближе къ народу, поняло, что при извѣстной помощи и поддержкѣ эти школы могли бы оказать немалую услугу въ дѣлѣ распространенія грамотности, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не было правильно организованныхъ народныхъ училищъ. Нѣкоторыя земства уже приступили-было къ практическимъ мѣрамъ, имѣвшимъ цѣлью по возможности улучшить „вольное обученіе“, поставить его въ болѣе благопріятныя условія, поднять уровень знаній вольныхъ учителей и т. д.

Но этого не могъ, конечно, допустить К. П. Побѣдоносцевъ. Онъ поспѣшилъ устранить ненавистное ему земство отъ вліянія на школы грамоты и передалъ послѣднія въ полное подчиненіе духовенству. Этимъ былъ нанесенъ смертельный ударъ дѣлу „вольнаго обученія“: школы грамоты быстро захирѣли, тѣмъ болѣе, что народъ, отстраненный отъ всякаго участія въ завѣдываніи этими школами, пересталъ довѣрять имъ, пересталъ поддерживать ихъ. Духовенство, получивъ въ свое завѣдываніе „вольное обученіе“, ничего не сдѣлало для его упорядоченія и улучшенія, ограничившись чисто полицейскимъ надзоромъ за дѣятельностью вольныхъ учителей. Особенно духовные пастыри старались слѣдить за тѣмъ, чтобы въ роли вольныхъ учителей или учительницъ не появлялись старообрядцы, сектанты и вообще лица недостаточно православныя.

Леонтьева была старообрядка, она обучала „раскольническихъ дѣтей“, т.-е. дѣтей старообрядцевъ: этого было достаточно для того, чтобы возбудить противъ нея преслѣдованіе. Шевченко былъ только заподозрѣнъ священникомъ въ наклонности къ сектантству—но и этого также оказалось вполнѣ достаточно для того, чтобы закрыть его школу и разогнать его учениковъ.

Такъ обстояло дѣло *до* конституціи. Не слѣдуетъ думать, что теперь, при обновленномъ строѣ, дѣло обстоитъ значительно лучше, чѣмъ во время Сипягина, Плеве, Побѣдоносцева. Оказывается, что и сейчасъ министерство внутреннихъ дѣлъ считаетъ своей обязанностью тормазить всякія начинанія старо-

обрядцевъ и сектантовъ въ области народнаго образованія, всякія ихъ стремленія къ развитію этого дѣла. Въ доказательство этого—полагаемъ—будетъ достаточно разсказать о слѣдующемъ фактѣ, только что происшедшемъ.

18-го августа этого года, въ Нижнемъ Новгородѣ, открылся очередной „всероссійскій съѣздъ старообрядцевъ". По счету это былъ уже десятый съѣздъ. Первый изъ нихъ состоялся въ 1900-мъ году, въ Москвѣ, въ министерство Сипягина. Съ тѣхъ поръ эти съѣзды устраиваются въ Нижнемъ Новгородѣ ежегодно, во время ярмарки, на которую стекается въ Нижній масса торговаго и неторговаго люда со всѣхъ концовъ Россіи. Мнѣ лично приходилось присутствовать на этихъ съѣздахъ, при чемъ меня всегда пріятно поражало то дѣловое, чрезвычайно серьезное отношеніе къ дѣлу, которымъ были проникнуты ихъ участники.

Необходимо замѣтить, что съѣзды эти всегда удѣляли очень много вниманія вопросамъ культурнаго характера: о развитіи и распространеніи грамотности и образованія среди старообрядцевъ, объ устройствѣ школъ для ихъ дѣтей, о подготовкѣ учителей для этихъ школъ, о выработкѣ учебныхъ программъ, объ изданіи учебниковъ, а также книгъ, журналовъ и газетъ, объ устройствѣ библіотекъ для старообрядческаго населенія и т. п.

Десятому съѣзду точно также предстояло обсудить и разрѣшить цѣлый рядъ вопросовъ, связанныхъ съ дѣломъ народнаго образованія. Особенно важное, жизненное значеніе для участниковъ съѣзда имѣлъ вопросъ „о народномъ образованіи среди старообрядцевъ, въ связи съ проектомъ введенія всеобщаго обученія въ Россіи". Для правильнаго разрѣшенія этого вопроса совѣтомъ съѣзда собранъ былъ обширный матеріалъ, произведена спеціальная анкета, составленъ рядъ подробно разработанныхъ докладовъ и записокъ.

И вдругъ—запрещеніе съѣзду обсуждать вопросы, связанные съ дѣломъ народнаго образованія. Министерство внутреннихъ дѣлъ, любезно разрѣшивъ открытіе самаго съѣзда, въ то же время категорически воспретило обсужденіе тѣхъ именно вопросовъ, которые составляли главную цѣль съѣзда, главный предметъ его занятій. Всѣ эти вопросы были исключены министерствомъ изъ программы съѣзда.

Это по истинѣ „геростратовское" распоряженіе изумило и поразило все старообрядчество. „Почему министерство не нашло возможнымъ допустить къ обсужденію эти вопросы—остается неизвѣстнымъ", — пишетъ по этому поводу старообрядческій журналъ „Церковь".—„Предсѣдатель совѣта съѣздовъ, Д. В. Сирот-

кинъ, доложилъ съѣзду, что по всѣмъ пунктамъ программы съѣзда дано совѣтомъ обстоятельное объясненіе министерству внутреннихъ дѣлъ. Тѣмъ непонятнѣе послѣдовавшее изъ министерства запрещеніе.... Запрещенные къ обсужденію вопросы столь существенны, что былъ даже поднятъ въ совѣтѣ съѣздовъ вопросъ, открывать ли самый съѣздъ"... [1])

Такимъ образомъ совершенно непонятное министерское „цыцъ!" лишило старообрядцевъ возможности обсудить въ высшей степени важные, давно наболѣвшіе вопросы о распространеніи и развитіи образованія среди старообрядческаго населенія... Такъ поступаетъ конституціонное министерство. Развѣ это не та же самая политика, которой твердо и неуклонно держались Побѣдоносцевы и Плеве все время вплоть до Мукдена и Цусимы?

V.

Господа и отцы миссіонеры.

На просьбу думской коммиссіи по церковнымъ дѣламъ разъяснить возникшія недоумѣнія относительно старообрядцевъ, святѣйшій синодъ сдѣлалъ распоряженіе о командированіи въ коммиссію миссіонеровъ г.г. Скворцова и Айвазова. Эти, молъ, все разъяснятъ какъ нельзя лучше; не даромъ же они постоянно фигурировали въ роли экспертовъ и спеціалистовъ во всѣхъ судахъ, когда за уклоненіе отъ православія или за совращеніе въ расколъ и тому подобныя „преступленія" обвиняемымъ грозила тюрьма, ссылка или каторга.

Названные миссіонеры своею дѣятельностью и разными своими „выступленіями" давно уже заслужили слишкомъ громкую извѣстность и вполнѣ опредѣленную репутацію въ глазахъ всѣхъ безпристрастныхъ людей. О нихъ, можно сказать, нѣтъ двухъ мнѣній. Особенно печальной извѣстностью пользуется В. М. Скворцовъ, который давно уже играетъ очень видную роль въ дѣлѣ „борьбы съ расколомъ и сектантствомъ". Во времена Побѣдоносцева онъ являлся шефомъ православныхъ миссіонеровъ; подъ его руководствомъ синодальные, епархіальные и уѣздные миссіонеры производили усердные розыски въ душѣ и совѣсти всѣхъ тѣхъ людей, которые имѣли несчастье навлечь на себя подозрѣніе въ отпаденіи отъ православія, въ уклоненіи въ расколъ

[1]) „Церковь", 1909 г., № 33.

или въ сектантство. При этомъ очень охотно прибѣгали къ содѣйствію и явной, и тайной полиціи, начиная отъ урядника и жандарма.

Собственно говоря, особые спеціальные миссіонеры и цѣлыя миссіи для борьбы съ расколомъ и сектантствомъ начали возникать у насъ очень давно. Еще въ 1828-мъ году, согласно ходатайству пензенскаго епископа, св. синодомъ были учреждены въ пензенской епархіи, „на предметъ обращенія раскольниковъ", миссіонеры изъ числа мѣстныхъ священниковъ, „по одному и болѣе въ каждомъ уѣздѣ". Въ томъ же году была учреждена „противораскольничья миссія" въ пермской епархіи, а впослѣдствіи и во многихъ другихъ [1]).

Но дѣятельность миссіонеровъ прежняго времени совсѣмъ не имѣла того боевого, вызывающаго характера, какой они усвоили впослѣдствіи, главнымъ образомъ за послѣднюю четверть вѣка. Современное миссіонерство, въ его настоящемъ видѣ, всецѣло обязано своимъ возникновеніемъ покойному Побѣдоносцеву. Онъ создалъ и возвеличилъ цѣлую обширную организацію, цѣлый институтъ господъ и отцовъ миссіонеровъ: синодальныхъ, епархіальныхъ, уѣздныхъ и т. д., съ крупными окладами, съ значительными полномочіями. Разница между отцами-миссіонерами и господами-миссіонерами состоитъ лишь въ томъ, что первые носятъ рясу и камилавку, а вторые—вицъ-мундиры и фуражки съ кокардами вѣдомства православнаго исповѣданія. Но какъ тѣ, такъ и другіе одинаково прославили себя необыкновенно энергичной дѣятельностью по искорененію „раскольниковъ" и сектантовъ, соединенной съ „быстротой и натискомъ".

— Почему вы уклоняетесь отъ собесѣдованій съ миссіонерами? — нерѣдко спрашивалъ я видныхъ старообрядческихъ начетчиковъ. И на это почти всегда получался одинъ и тотъ же отвѣтъ.—Потому что миссіонеръ бесѣдуетъ всегда съ подвохомъ, стараясь непремѣнно подвести насъ, старообрядцевъ, подъ отвѣтственность. Онъ приходитъ не иначе какъ съ урядникомъ или стражникомъ.

Я спрашивалъ: какимъ образомъ миссіонеръ можетъ подвести своихъ собесѣдниковъ подъ отвѣтственность?—А вотъ какимъ, — отвѣчали старообрядцы. — Послѣ того, какъ мы выскажемъ, въ чемъ собственно видимъ неправильности и погрѣшности господствующей церкви, миссіонеръ обыкновенно задаетъ

[1]) „Собраніе постановленій по части раскола, состоявшихся по вѣдомству св. синода". Книга II. Спб., 1860, стр. 209 и слѣд.

намъ вопросъ: — Такъ стало быть, по вашему, выходитъ, что всѣ мы, православные, еретики? — Вы насъ, старообрядцевъ, раньше объявили еретиками. Миссіонеръ это замѣчаніе пропускаетъ мимо ушей и продолжаетъ:—Стало быть, по вашему выходитъ, что и всѣ начальники, которые исповѣдуютъ единую православную вѣру, тоже еретики?.. Стало быть и губернаторы, и министры — все это еретики? А? Такъ—что ли?—

Болѣе опытные старообрядцы, хорошо зная, куда клонятъ миссіонеры, стараются отпарировать подобные допросы.

— Мы съ вами пришли сюда бесѣдовать не о губернаторахъ и не о министрахъ, а о вѣрѣ и церкви.

Но миссіонеры не унимаются. Какъ только старообрядцы начинаютъ указывать на тѣ или иные недостатки и темныя стороны „казеннаго православія“ и православнаго духовенства, они вдругъ обрываютъ споръ и говорятъ: — „Ну, хорошо,— а какъ по вашему нашъ царь? Вѣдь онъ, батюшка, такой же православный, какъ и всѣ мы. Если мы еретики, то стало быть, по вашему, выходитъ, что и онъ тоже... а?..“

Говоритъ это миссіонеръ, а самъ искоса поглядываетъ на урядника:—слушай, дескать.

— Ну, такъ какъ же по вашему государь-то?.. а? — допытывается миссіонеръ.

Старообрядцы видятъ, что урядникъ насторожился, что онъ такъ и ѣстъ ихъ глазами.

— Если вы такъ поступаете, то Богъ съ вами!—говорятъ они миссіонеру. — Только мы съ вами бесѣдовать больше не согласны...

Спросите любого старообрядца, любого сектанта, отъ кого они больше всего терпѣли и терпятъ стѣсненія и преслѣдованія за вѣру? Кто всего больше отравлялъ и отравляетъ имъ жизнь? И вы непремѣнно услышите одинъ и тотъ же отвѣтъ. Вамъ скажутъ, что иниціатива преслѣдованій почти всегда исходитъ отъ представителей „господствующей“ церкви, отъ православнаго духовенства, священниковъ, архіереевъ, но больше всего и чаще всего—отъ миссіонеровъ. Послѣдніе особенно отравляли жизнь старообрядцевъ и сектантовъ, дѣлая ее зачастую совершенно невыносимой. Не даромъ старообрядцы и сектанты называютъ православныхъ миссіонеровъ не иначе, какъ волками въ овечьей шкурѣ.

Вотъ, напримѣръ, что писали бессарабскіе старообрядцы въ 1897-мъ году въ своей газетѣ „Слово Правды“, издававшейся въ Румыніи: „Съ каждымъ годомъ положеніе бессарабскихъ старо-

обрядцевъ становится невыносимѣе. *Со времени появленія въ бессарабскомъ краѣ миссіонеровъ* начали насъ, старообрядцевъ, тѣснить въ религіозныхъ правахъ, а пастырей нашихъ стали предавать суду и застращивать ихъ разными ужасами. Когда мы находились подъ владычествомъ нехристіанскихъ правителей, то мы не переносили столько бѣдъ, *сколько теперь переносимъ отъ „православнаго миссіонерства“*. Турки дозволяли намъ свободно отправлять всѣ наши церковныя богослуженія, а на св. Руси на насъ составляютъ протоколы за наши публичныя служенія и привлекаютъ къ уголовной отвѣтственности. Когда Бессарабская область была присоединена къ Россіи, то старообрядцамъ, сдѣлавшимъ большія услуги русскому войску, обѣщали полную религіозную свободу, и самъ императоръ Николай Павловичъ дозволилъ намъ построить молитвенные храмы, а теперь Высочайше дарованныя намъ льготы и права попираютъ ногами. Намъ слишкомъ горько приходится, что насъ угнетаютъ на св. Руси, а вотъ сбоку, тутъ же рядомъ съ нами, черезъ рѣчку, наши братья старообрядцы подъ владычествомъ румынскаго короля (католическаго вѣроисповѣданія) пользуются полною религіозною свободою. Это послѣднее насъ и радуетъ, и заставляетъ завидовать: когда-то и мы жили такою же жизнью...“ [1])

Итакъ, преслѣдованія миссіонеровъ настолько отравили жизнь бессарабскихъ старообрядцевъ, что заставили ихъ горько сожалѣть о томъ времени, когда они не были подчинены Россіи, а находились подъ властью... турецкаго султана! Въ глазахъ старообрядцевъ турецкое владычество представлялось гораздо болѣе льготнымъ, свободнымъ и заманчивымъ, чѣмъ русское подданство, соединенное со всякаго рода насиліями и стѣсненіями со стороны православныхъ отцовъ-миссіонеровъ. По этому поводу невольно вспоминаются горькія, скорбныя сѣтованія покойнаго Побѣдоносцева на недостатокъ патріотизма у современныхъ русскихъ людей. Подобныя сѣтованія въ устахъ человѣка, такъ много сдѣлавшаго для того, чтобы обратить Россію въ сплошныя арестантскія роты, нельзя не признать особенно знаменательными и поучительными.

Вторгаясь въ духовный міръ людей, въ ихъ интимную жизнь, въ ихъ совѣсть и религіозныя вѣрованія, миссіонеры нерѣдко проявляли необыкновенную назойливость, доходившую подчасъ до цинизма. Въ доказательство этого достаточно напомнить, напримѣръ, исторію о томъ, какъ самарскіе миссіонеры, во главѣ

[1]) „Слово Правды“, 1897 г., № 6, стр. 95.

съ о. Матюшинскимъ, искали хлыстовъ. Объ этой исторіи въ свое время (въ 1896-мъ году) немало писалось въ русской печати [1]). „Чтеніе въ сердцахъ", залѣзаніе въ чужую душу и совѣсть о. Матюшинскій довелъ до послѣдней степени виртуозности. Вскорѣ отъ него буквально житья не стало, и не только однимъ сектантамъ, но и многимъ „усерднымъ чадамъ православной церкви". Ни общественное, ни даже служебное положеніе не застраховывало отъ подозрѣній ретиваго миссіонера и отъ его преслѣдованій. До чего доходила „ревность" о. Матюшинскаго, показываетъ, напримѣръ, слѣдующій фактъ.

Рѣшительно безъ всякихъ основаній онъ заподозрилъ въ сектантствѣ члена саратовской судебной палаты, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Устимовича. И не только заподозрилъ, но печатно объ этомъ заявилъ и долгое время всячески травилъ ни въ чемъ неповиннаго представителя судебнаго вѣдомства, причинивъ ему своими доносами и извѣтами массу всякаго рода непріятностей.

Съ лицами менѣе чиновными о. Матюшинскій, конечно, поступалъ еще болѣе рѣшительно. Что онъ продѣлалъ напримѣръ, съ самарскимъ купцомъ Прохоровымъ и его семьей! Благодаря своей неутомимой благотворительной и просвѣтительной дѣятельности, Прохоровъ пользуется почетной извѣстностью въ Самарѣ. Его заслуги въ этой области признаны и засвидѣтельствованы не только мѣстными губернскими властями, но и центральными. Состоя въ должности церковнаго старосты, Прохоровъ, по свидѣтельству прихожанъ, сдѣлалъ очень много полезнаго для церкви. Немало онъ потрудился также и для развитія народнаго образованія, устраивая школы, организуя народныя чтенія и т. д.

Но вотъ въ одинъ прекрасный день отцу Матюшинскому было угодно заподозрить Прохорова не больше, не меньше какъ въ принадлежности къ хлыстовской сектѣ. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы заставить и мѣстную полицію, и даже мѣстную судебную власть дѣйствовать за-одно съ почтеннымъ миссіонеромъ. Дѣло началось съ того, что полиція, подъ руководствомъ о. миссіонера, нагрянула на мирный домъ Прохорова. Полицейскіе и сыщики, дѣйствуя по указаніямъ о. Матюшинскаго, перевернули вверхъ дномъ весь домъ. Обыскивали дѣтскія спальни, обыскивали сонныхъ дѣтей, старушку-тетку Прохорова и т. д. Обыскомъ все время лично руководилъ о. миссіонеръ.

[1]) См., наприм., общественныя хроники въ № 12 „Вѣстника Европы" за 1895-ый и № 4 за 1896-ой годъ.

Трофеи этого набѣга, этой облавы были, однако, болѣе чѣмъ скудные. Собственно говоря, ихъ совсѣмъ не было. Но о. миссіонеромъ было поставлено въ вину Прохорову то обстоятельство, что у него въ домѣ оказалось „много иконъ и книгъ св. Евангелія“... Вотъ ужъ по истинѣ: и не довернулся — бьютъ, и перевернулся — бьютъ. Еслибы въ домѣ Прохорова совсѣмъ не оказалось иконъ, то, конечно, это обстоятельство непремѣнно послужило бы поводомъ для обвиненія его въ сектантствѣ. Но у него оказалось „много иконъ“; казалось бы, это должно было свидѣтельствовать лишь о набожности Прохорова, но въ глазахъ о. миссіонера даже обиліе иконъ представляется чѣмъ-то крайне подозрительнымъ и преступнымъ... Вотъ тутъ и угадайте, что нужно сдѣлать, какъ себя вести, чтобы заслужить одобреніе отцовъ-миссіонеровъ.

Встрѣчая поддержку со стороны самарскаго епископа Гурія, — извѣстнаго гонителя сектантовъ, — о. Матюшинскій постепенно становится все смѣлѣе и смѣлѣе. Найдя нужнымъ произвести обыски у родственниковъ Прохорова, онъ уже не обращается къ содѣйствію полиціи и судебныхъ властей, а дѣйствуетъ единолично, проявляя при этомъ необычайную ревность и такое тонкое знаніе дѣла, которому могли бы позавидовать самые заядлые и наторѣвшіе въ такого рода дѣлахъ ищейки сыскного отдѣленія. Вскорѣ послѣ этого миссіонеромъ предъявляется Прохорову новое обвиненіе — въ принадлежности его уже къ скопческой сектѣ!

Необходимо замѣтить, что у Прохорова, какъ извѣстно всему городу, есть дѣти, изъ которыхъ двое сыновей въ то время учились въ мѣстномъ реальномъ училищѣ, а дочь — въ гимназіи; кромѣ того были и малолѣтнія. Наконецъ, въ моментъ возбужденія этого дѣла, жена Прохорова находилась въ послѣднемъ періодѣ беременности... Спрашивается: возможно ли было при этихъ условіяхъ заподозрить Прохорова и его жену въ принадлежности къ скопческой сектѣ?

Однако миссіонеръ о. Матюшинскій доказалъ, что для него все возможно. И онъ не постѣснился, вмѣстѣ съ судебнымъ слѣдователемъ, подвергнуть позорному обслѣдованію какъ самого Прохорова, такъ и его жену. Освидѣтельствовали Прохорова, его жену, сестру-дѣвицу и, наконецъ, *кстати* всѣхъ служащихъ!

Результатъ получился, разумѣется, вполнѣ отрицательный, о чемъ и былъ составленъ судебнымъ слѣдователемъ протоколъ. „Никакихъ изувѣрствъ — говорится въ этомъ протоколѣ — въ домѣ Прохорова не найдено“. Тѣмъ не менѣе вскорѣ послѣ этого Прохоровъ вызванъ былъ судебнымъ слѣдователемъ къ

допросу въ качествѣ обвиняемаго въ распространеніи хлыстовщины и вслѣдъ за тѣмъ заключенъ въ тюрьму, съ запрещеніемъ свиданія даже съ семьей.

Родственникъ Прохорова, Н., также былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму. Жена Прохорова, потрясенная всѣми этими событіями, разрѣшилась преждевременно отъ бремени, и ребенокъ черезъ нѣсколько дней умеръ. Условія одиночнаго заключенія въ губернской тюрьмѣ крайне тяжело отражались на здоровьѣ Прохорова. Всѣ его ходатайства о замѣнѣ тюремнаго заключенія, другой какой-либо мѣрой, въ родѣ залога или поручительства, оставались безъ всякаго результата, хотя Прохоровъ ровно ничего не имѣлъ противъ самаго строжайшаго разслѣдованія всей его жизни. Насколько строго было обставлено заключеніе Прохорова въ тюрьмѣ, можно отчасти видѣть изъ того, что не позволено было даже передать ему сочиненія Іоанна Кронштадтскаго, съ собственноручною надписью автора.

И хотя „всѣ лица, знающія Прохорова, были глубоко увѣрены въ его принадлежности къ истинно православной вѣрѣ“ и убѣждены въ томъ, что слѣдствіе можетъ констатировать лишь полную его невиновность, тѣмъ не менѣе отцы-миссіонеры продолжали еще долгое время держать его „въ вонючей, сырой и грязной тюрьмѣ“, какъ и его родственника Н.

А затѣмъ?—быть можетъ, спроситъ читатель. Ну, а затѣмъ, въ концѣ концовъ и Прохоровъ, и его родственникъ были выпущены изъ тюрьмы, къ немалому огорченію о. Матюшинскаго, которому такъ и не удалось доказать отпаденіе ихъ отъ православія. Нужно ли прибавлять, что незаконныя и возмутительныя дѣйствія самарскаго миссіонера остались совершенно безнаказанными?

Такъ дѣйствовали православные миссіонеры, вдохновляемые Побѣдоносцевымъ и подстрекаемые господами Скворцовыми за нѣсколько лѣтъ до конституціи. Далѣе мы увидимъ, какую позицію заняли они теперь, при новомъ режимѣ.

А. Пругавинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

* * *

Стволы березъ въ атласномъ серебрѣ
Стоятъ, смѣясь, и смотрятъ въ прудъ зеркальный...
Въ дни юности, любви первоначальной,
Я вырѣзалъ на бѣлой ихъ корѣ
Двѣ буквы. Вотъ онѣ! Какъ много
Съ тѣхъ поръ прошло, промчалось быстрыхъ лѣтъ!
А слѣдъ ножа—все живъ глубокій слѣдъ...
Гдѣ эти дни? Зачѣмъ въ душѣ тревога?
Зачѣмъ тоска такъ больно сжала грудь?
Закройся, взоръ! Погасни, сонъ давнишній!
Я здѣсь чужой, чужой и даже лишній,—
Былого нѣтъ, былого не вернуть!

Леонидъ Афанасьевъ.

ДАТСКІЙ КОМИССАРЪ

КАКЪ ГЕРОЙ РУССКОЙ БЫЛИНЫ

(Къ печорской старинѣ о Петрѣ Великомъ и Бутманѣ Колыбановичѣ.)

Въ глухихъ мѣстахъ сѣвера Европейской Россіи, среди крестьянъ Архангельской губерніи, какъ свидѣтельствуютъ былины, записанныя въ началѣ двадцатаго столѣтія гг. Марковымъ, Григорьевымъ, Ончуковымъ, былевой эпосъ, занесенный въ эти захолустья въ XVI, XVII вѣкахъ, продолжаетъ до сихъ поръ жить своеобразной жизнью. Въ русскіе поселки на Терскомъ и Зимнемъ берегахъ Бѣлаго моря, по рѣкамъ Пинегѣ, Двинѣ, Мезени, Цыльмѣ, Печорѣ заходило мало новаго пѣсеннаго и сказочнаго матеріала даже въ XIX-мъ столѣтіи. Населеніе продолжало пробавляться старыми эпическими сюжетами, повторяло и варьировало стародавнія былины и историческія пѣсни. Однако и здѣсь уваженіе къ прадѣдовскимъ „старинкамъ“, воспѣвавшимъ богатырей кн. Владимира и новгородскихъ удальцовъ, и къ историческимъ пѣснямъ, поминавшимъ Ивана Грознаго, нѣкоторыхъ лицъ Смутнаго времени, Петра Великаго и другихъ, не могло заглушить потребности въ новизнѣ, желанія внести долю личнаго творчества по крайней мѣрѣ въ переработку традиціоннаго духовнаго добра. Подобно тому, какъ опытные сказочники создавали новыя редакціи сказокъ, переплетая между собою разные сюжеты, внося изъ одной сказки детали и эпизоды въ другую, такъ и архангельскіе „сказатели“ или (какъ ихъ называютъ на Печорѣ) „старинщики“ видоизмѣняли старинные былевые и исто-

рическіе сюжеты, переплетая ихъ между собой, перенося отдѣльные эпизоды изъ одной былины въ другую или передѣлывая историческую пѣсню въ былину. Такъ, старинная былина о Козаринѣ, записанная во множествѣ варіантовъ въ Архангельской губерніи, характеризуется забвеніемъ традиціи и передѣлками основного сюжета подъ воздѣйствіемъ мотивовъ, почерпнутыхъ изъ другихъ пѣсенныхъ сюжетовъ и сказокъ, каковы, напримѣръ, Королевичи изъ Крякова, Идолище, Девять братьевъ и сестра и друг. [1]). Такъ, на Печорѣ, въ устахъ сказателей историческій князь Скопинъ-Шуйскій, народный герой Смутнаго времени, погибшій преждевременной смертью, превратился въ богатыря князя Владимира, и вся эпическая обстановка — Кіевъ, Владиміръ, Апраксія, Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ — явилась на сцену изъ эпическаго склада, что̀ представляетъ яркій примѣръ возникновенія былины кіевскаго цикла изъ поздняго матеріала, изъ московской пѣсни XVII в., забравшейся на Печору [2]). Аналогичный примѣръ своеобразной эволюціи народныхъ пѣсенъ представляетъ, какъ увидимъ ниже, старинка о Бутманѣ Колыбановичѣ, записанная г. Ончуковымъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ по р. Пижмѣ въ Устьцылемской волости Арханг. губ. въ 1902 г. [3]). Изложимъ сначала содержаніе этой „странной“, какъ ее называетъ г. Ончуковъ, былины, по лучшему варіанту, пропѣтому ему крестьянкой Устиньей Чупровой въ селѣ Замежномъ (№ 14).

Былина открывается разсказомъ про какого-то удалого добра мо̀лодца, который испиваетъ зелено вино во царевомъ кабакѣ, кружалѣ государевомъ, и похваляется во хмелю:

„Ужъ я силушкой поньце царя сильнѣ,
Ужъ я смѣтоцькою царя посмѣ (т) ливѣ“.

Услыхали его похвальбу люди придворные, „губернаторы, люди толстобрюхіе“ и донесли царю, Петру Алексѣевичу, о похвальбѣ Бутмана Колыбановича. У царя горячая кровь разгорѣлася,

„Могуци его плеца да расходилисе,
Не увидѣлъ бы надежа свѣту бѣлого,
Онъ послалъ бы трехъ слугъ да немилосливыхъ,
Немилосливыхъ слугъ, да не жалосливыхъ:
— Какъ сковать его, связать, да ко мнѣ тащить!“

[1]) См. мою статью: „Къ былинѣ о Козаринѣ“. „Этнограф. Обозрѣніе“, 1908, № 3, стр. 49—78.

[2]) См. мое изслѣдованіе: „Отголоски Смутнаго времени въ былинахъ“. Спб., 1906, стр. 27 (Отд. оттиски).

[3]) См. Ончуковъ, „Печорскія былины“. Спб., 1904, №№ 14 и 16.

Слуги идутъ къ Бутману, низко кланяются и приглашаютъ его къ царю на почестенъ пиръ. Бутманъ передъ уходомъ выпиваетъ еще чару въ полтора ведра, затѣмъ идетъ въ палаты бѣлокаменныя и, ставъ на колѣни передъ царемъ, говоритъ ему:

„Ужъ ты ой еси надежа православный царь,
Ты со яросью Петръ Алексѣевичъ!
Ты за што меня зовешь, да за што требуешь?
Уже што же я тебѣ ноньце надѣлалъ такъ?
Уже што я тебѣ да напрокуцилъ такъ?“

Царь Петръ говоритъ ему, что онъ во хмелю выпивается, „въ рѣчахъ шибоватъ живётъ“, хвастаетъ, что сильнѣе и смѣтливѣе царя. За это

„Засажу я тебя въ стѣны каменны,
Я замкну тебя въ замки окованы,
Я ссѣку де, срублю у тебя буйну голову“.

На эту угрозу Бутманъ Колыбановичъ припоминаетъ царю:

„Ты попомни-ко, надежа, самъ подумай-ко,
Когда ты былъ во землѣ да во поганой же,
Какъ во той во ёрды, да во проклятой же,
Тебя хто же оттуль тогды повыкупилъ?
Тебя хто же оттуль тогды повыручилъ?
Тебя хто же оттуль тогды на свѣтъ спустилъ?“
— Не пустымъ ты, дѣтина, похваляишсе! (говоритъ царь)
Ужъ я много тебѣ дамъ да золотой казны,
Города тебѣ дамъ да съ пригородками,
Я села тебѣ дамъ да со деревнями.—

Но Бутманъ отказывается отъ царскихъ даровъ и проситъ только ярлыка на безденежное питье вина въ кабакахъ. Получивъ на это „грамоту“, Бутманъ Колыбановичъ зашелъ въ кабакъ, взялъ бочку подъ праву руку и, выйдя на улицу, крикнулъ:

„Ужъ вы ой еси голи всѣ кабачкія!
У кого у васъ болятъ нынь буйны головы,
Выходите за мной да вонъ на улицу“.

Устинья Чупрова, по словамъ Ончукова, дальше старины не помнитъ, но сказала, что конецъ тутъ близко. Я записывалъ эту старину отъ четырехъ лицъ, и никто какъ слѣдуетъ не могъ допѣть до конца. Анна Максимова Поздѣева, изъ села Замежного же, досказала конецъ старины словами такъ: „Бѣлой (она ни разу не назвала героя Бутманомъ) пошелъ въ кабакъ, а тамъ его не спустили, онъ топнулъ ногой дверь, и она разлетѣлась на четыре жеребья. Пошелъ, взялъ сороковку (бочку сорока-

ведерную) и вышелъ пить съ товарищами. Допилъ до того, что опохмелиться у Васи стало не на што".

Здѣсь Бѣлой, повидимому, отождествляется съ Васей. Но въ другомъ варіантѣ, записанномъ г. Ончуковымъ тамъ же отъ старинщика Тараса (№ 16), Вася и Бутманъ различаются.

Начало варіанта то же, что и въ предыдущемъ, т.-е. говорится о пьющемъ во царевомъ кабакѣ добромъ мо̀лодцѣ. Къ сожалѣнію, г. Ончуковъ не записалъ или не могъ записать подробно начала. Онъ говоритъ только, что въ концѣ Тарасъ пѣлъ былину такъ:

...Онъ заходитъ Бутманъ да во царевъ кабакъ,
Тутъ лежитъ Васька на печкѣ на муравленкѣ,
Безъ креста лежитъ Васинька, безъ пояса,
Онъ пропилъ де всю сбруню лошадиную,
Онъ де пропилъ де Васинька лошадь добрую,
Онъ де пропилъ копейцо бурзомецкое,
Онъ де пропилъ де Васинька свой тугой лукъ,
Онъ де пропилъ колчанъ каленыхъ стрѣлочекъ,
Опохмелиться у Васьки видно не на што,
Съ похмельица у Васьки голова болитъ.

Тутъ Бутманъ сынъ-Колыбановичъ требуетъ у цѣловальниковъ, чтобъ они дали ему пить вина безденежно. Они отказываютъ. Бутманъ топаетъ ногой такъ, что разсыпались печки кирпичныя, беретъ бочку-сороковку подъ пазуху, выходитъ на улицу и приглашаетъ всѣхъ голей кабацкихъ пить вмѣстѣ съ нимъ. Къ нему подходитъ Васенька и пьетъ съ нимъ „трои сутоцки". Затѣмъ Бутманъ, разбивъ ногой пустую бочку, выноситъ вторую и третью. Послѣ девятидневнаго пьянства онъ требуетъ у цѣловальниковъ пропитые Васькой доспѣхи и коня. Былина оканчивается тѣмъ, что оба удальца выѣзжаютъ въ чистое поле:

Они ѣдутъ по полю потѣшаются,
Какъ своими стрѣлами забавляются [1]).

Прежде чѣмъ перейти къ разбору „странной" былины, приведу то немногое, что̀ сообщаетъ о ней г. Ончуковъ. По его словамъ, на р. Пижмѣ—это что-то среднее между былиной и пѣсней: поютъ Бутмана „совсѣмъ особымъ, приближающимся къ пѣсенному напѣвомъ" [2]). Его почему-то особенно любятъ пижемцы и вовсе не знаютъ припечорцы [3]). Но и пижемскіе ста-

[1]) Ончуковъ, стр. 66.
[2]) Тамъ же, стр. 64.
[3]) Тамъ же, стр. XV.

ринщики уже сильно путаютъ былины и болѣе древнія знаютъ плохо. У многихъ старинъ не знаютъ конца, нѣкоторыя поютъ не сначала. Такъ, записавъ четыре раза Бутмана Колыбановича, г. Ончуковъ не записалъ его всего [1]).

Попытаемся теперь разобраться въ содержаніи старинки. Изъ указанія г. Ончукова на совсѣмъ особый, приближающійся къ пѣсенному напѣвъ ея, можно заключить, что передъ нами не былина, а пѣсня, долго погулявшая въ былинномъ районѣ и воспринявшая въ значительномъ количествѣ вліяніе былинныхъ мотивовъ. Въ основѣ пѣсни лежитъ преданіе о какомъ-то столкновеніи Бутмана Колыбановича съ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ. Оставляя пока эту основу въ сторонѣ, отмѣтимъ сначала былинныя наслоенія.

1) Отчество Колыбановича Бутманъ получилъ отъ Самсона Колыбановича, извѣстнаго на Печорѣ и вообще во всемъ сѣверномъ былинномъ районѣ. Отчество было дано соотвѣтственно силѣ Бутмана, такъ какъ всѣ эпическіе Колыбановичи (Колывановичи) отличаются огромной силой. Въ печорскихъ старинкахъ Самсонъ Колыбановичъ упоминается какъ податаманье при Ильѣ Муромцѣ [2]), а о силѣ его свидѣтельствуетъ, между прочимъ, пожеланіе матери Вольги Всеславьевича, чтобы Господь далъ ему силу Самсона Колыбановиця [3]). Немудрено, что Бутманъ, таскающій подъ пазухой бочки-сороковки, могъ получить отчество богатыря Самсона.

2) По своему пьянству непомѣрному во царевомъ кабакѣ Бутманъ сближается съ эпическимъ Васькой Игнатьевымъ или Васькой пьяницей, съ которымъ онъ то, какъ будто, отождествляется, то пьянствуетъ вмѣстѣ. Какъ Бутманъ (по вар. № 14), отказываясь отъ царскихъ даровъ, требуетъ только грамоты на безденежное пьянство въ кабакахъ, такъ Васька Игнатьевъ (въ печорской же былинѣ № 17) говоритъ князю Владимиру:

— Мнѣ не надо города съ пригородками,
Мнѣ не надо села со деревнями,
Только дай мнѣ-ка, Василька, такой дозволъ:
Штобы пить мнѣ вино нонь безденежно,
Штобы пить мнѣ вино нонь безкопеечно [4]).

3) Таскапье Бутманомъ бочекъ подъ пазухой и угощенье

[1]) Тамъ же, стр. XXXII.
[2]) Ончуковъ, стр. 5, 8, 315.
[3]) Тамъ же, стр. 332.
[4]) Тамъ же, стр. 69.

толей кабацкихъ проникло въ пѣсню изъ былины объ Ильѣ и голяхъ, извѣстной и въ Олонецкой, и въ Архангельской губерніяхъ. Чтобы ограничиться печорскими варіантами, укажемъ былину (№ 20): „Илья Муромецъ, голи кабацкія и Угарище", въ которой Илья, разгнѣвавшись на цѣловальниковъ, разбиваетъ подвалы, выноситъ бочки-сороковки и угощаетъ голей [1]).

Однако, указывая на сходство Бутмана Колыбановича съ Васькой Игнатьевымъ въ испрошеніи у властителей разрѣшенія на безденежное потребленіе зелена вина въ царевыхъ кабакахъ, мы тутъ же замѣчаемъ и различіе. Васька Игнатьевъ во всѣхъ олонецкихъ и архангельскихъ варіантахъ былины о немъ получаетъ это разрѣшеніе въ награду за только-что совершенный имъ великій подвигъ — истребленіе рати басурманскаго царя (иногда Батыги), подступившаго къ Кіеву. Бутманъ Колыбановичъ, вызванный царемъ, разгнѣваннымъ его хвастовствомъ, умилостивляетъ его, напомнивъ ему о ранѣе оказанной ему услугѣ: онъ когда-то выручилъ царя Петра Алексѣевича, когда тотъ подвергался опасности въ чужой, поганой землѣ. Здѣсь передъ нами какой-то біографическій фактъ, хотя бы онъ и былъ плодомъ досужаго вымысла. Спрашивается, не сохранилось ли какого-нибудь преданія или пѣсни о Петрѣ, которыя могли бы быть связаны съ темными намеками былины о Бутманѣ и Петрѣ? Кажется, такія преданія и пѣсни могутъ быть указаны. Историкъ Соловьевъ приводитъ изъ дѣлъ преображенскаго приказа слѣдующую легенду, возникшую въ народѣ въ связи со слухами о пребываніи Петра за границей, среди басурманъ: „Какъ государь и его ближніе люди были за моремъ и ходилъ онъ по нѣмецкимъ землямъ и былъ въ Стекольномъ (Стокгольмѣ), а въ нѣмецкой землѣ Стекольное царство держитъ дѣвица, и та дѣвица надъ государемъ ругалась, ставила его на горячую сковороду и, снявъ со сковороды, велѣла его бросить въ темницу. И какъ та дѣвица была именинница, и въ то время князи ея и бояре стали ей говорить: пожалуй, государыня, ради такого своего дня выпусти его, государя, и она имъ сказала: подите, посмотрите; буде онъ валяется, и для вашего прошенья выпущу". Государь оказался еще живымъ и былъ выпущенъ. Но наши бояре задумали посадить его въ бочку съ набитыми гвоздями и спустить въ море. Объ этомъ предупредилъ его одинъ вѣрный стрѣлецъ, спасъ ему жизнь и самъ былъ на его мѣсто посаженъ

[1]) Тамъ же, стр. 93; срвн. также стр. 17.

въ бочку [1]). Преданіе, записанное въ судномъ дѣлѣ, подтверждается извѣстной пѣсней о поѣздкѣ Петра въ Стокгольмъ, лучшій варіантъ которой былъ записанъ въ 1791 г. Въ пѣснѣ поется, что Бѣлый царь, снарядивъ корабль, беретъ съ собой очень мало силушки—только преображенскихъ гренадеровъ,—и отдаетъ имъ приказъ:

„Ой вы слушайте, офицерушки и солдаты!
Не зовите вы меня ни царемъ своимъ, ни государемъ,
А зовите вы меня заморскімъ купчиной".

Царскій корабль недѣли двѣ носило по морю и принесло къ Стекольному государству, къ шведскому королевству. Царь подъ видомъ купчины гуляетъ по городу, и никто его не призналъ: узналъ только гетманъ земли шведской и доложилъ королевнѣ.

Какъ на красное крылечко королевна выходила,
Она семи земель царей портреты выносила:
По портрету царя Бѣлаго узнавала:
Закричала королевна громкимъ голосомъ:
— Ой вы гой есп, мои шведскіе генералы!
— Запирайте вы воротички покрѣпче,
— Вы ловите царя Бѣлаго скорѣе.—

Однако „нашъ батюшка" догадался о шведскихъ замыслахъ, бросился на дворъ одного крестьянина (очевидно тамошняго):

„Ты бери-ко, бери, крестьянинъ, денегъ вдоволь,
„Ты свези меня на край синя моря!"

Крестьянинъ довезъ его до корабля, царь велѣлъ ребятушкамъ плыть поскорѣе. Высланная за нимъ погоня догнала его и проситъ, чтобъ онъ взялъ ихъ съ собою:

„А не возьмешь ты насъ, батюшка, съ собою,
„Ужъ не быть-то намъ, горькимъ, живыми на свѣтѣ!"
И туть вся погоня въ сине море побросалась,
А нашъ царь-государь во Святую Русь возвратился [2]).

Мы не можемъ утверждать, что слова Бутмана Колыбановича къ Петру Алексѣевичу содержатъ намекъ на эту именно пѣсню, но все же въ нихъ нельзя не видѣть указанія на то, что среди населенія сѣвера ходили когда-то слухи объ опасности, которой подвергался царь въ иноземной басурманской сторонѣ

[1]) „Ист. Россіи", XV, 1865 г., стр. 132.
[2]) „Пѣсни" Кирѣевскаго, вып. VIII, стр. 164—166.

и объ избавленіи его отъ нея какимъ-то лицомъ. Но почему это лицо получило названіе Бутмана Колыбановича—на это мы едва ли получимъ отвѣтъ. Какъ бы то ни было, соединеніе въ печорской пѣснѣ имени Петра Алексѣевича съ именемъ Бутмана и намекъ на путешествіе Петра въ чужія страны указываютъ какъ будто на историческую почву и побуждаютъ насъ искать объясненія пѣснѣ въ народныхъ преданіяхъ о Петрѣ, какъ извѣстно—очень распространенныхъ въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ, которыя царь многократно посѣщалъ въ своихъ поѣздкахъ на сѣверъ. Просматривая эти преданія, собранныя Е. В. Барсовымъ [1]), мы находимъ въ нихъ и Бутмана, въ разсказахъ о поѣздкѣ Петра въ Соловецкій монастырь, при чемъ Бутманъ олонецкихъ преданій значительно отличается отъ Бутмана Колыбановича печорскихъ пѣсенъ. Былинныя черты, наслоившіяся на него въ печорскомъ краѣ, отпадаютъ, и историческая почва становится тверже.

Олонецкое преданіе разсказываетъ сначала о томъ, какъ Петръ смирилъ закачавшее его Ладожское озеро, наказавъ его кнутомъ, затѣмъ проѣхалъ Свирью въ Онежское озеро, посѣтилъ монастырь св. Іоны въ Клименцахъ и устроилъ раку преподобному.

„Тутъ — продолжаетъ преданіе — заѣхали въ Нятину губу, къ древнему монастырю и, обворотя, поѣхали въ Конды (въ 7-ми верстахъ отъ Клименецъ, въ губѣ, 40 дворовъ). Остановились на якорѣ. Царь приказалъ ѣхать на яликѣ за хлѣбомъ въ деревню. Пріѣхали на берегъ эты три человѣка; въ деревнѣ все женщины—мущинъ нѣту: работаютъ на заводѣ *на Бутманскомъ*.—„Што это за какой же заводчикъ есть?“—спросили эты человѣки-гальётчики. Тѣ отвѣчаютъ:—„Мужики работаютъ у этого Бутмана зиму и лѣто, съ годъ на кругъ: зимой возятъ уголье, руду, лѣтомъ уголь жгутъ и руду сдымаютъ и рыбу ловятъ, и озеро тутъ надъ верхомъ—Устрѣка. Гальётчики оборотились съ хлѣбомъ назадъ, и Петру I это слово объяснили, что Бутманъ какой-то заводчикъ есть, и люди работаютъ у него на барщинѣ: мущины единаго нѣтъ въ деревнѣ. Тутъ царь распорядился съ этыми людьмы сказать этымъ женамъ, чтобъ онѣ снесли къ своимъ мужьямъ его царское слово: *Бутмана государь требуетъ*. Услышалъ это Бутманъ, велѣлъ снарядить шлюпку, семь человѣкъ гребцовъ и двѣ пушки. Выѣхалъ на Онего—и этой ѣзды

[1]) Е. В. Барсовъ, „Петръ Великій въ народныхъ преданьяхъ Сѣвернаго края“. М., 1872.

отъ устья до Клименецъ верстъ пятьдесятъ будетъ, да отъ Іоны преподобнаго верстъ семь до гальёта до царскаго. Пріѣзжаетъ Бутманъ къ гальёту ко царскому, остановился за *стрѣлище* мѣсто (какъ картечь хватитъ, саженъ за 40). Тутъ приказалъ онъ людямъ стрѣлять въ гальётъ царскій съ того борту и съ другого. И то не отбой: надо тронуться этому Бутману къ царскому гальёту. Царь приказалъ ему вытти съ гальёта на шлюбку и казнилъ его. Бутманъ былъ не русской — самозванецъ. И по тѣхъ лѣтъ все заведеніе его рѣшилось на Устрѣкѣ, какъ рѣшили ему житье его" [1]). Олонецкое преданіе разсказываетъ еще, что „окромѣ заводовъ у Бутмана были погреба земляные. Петръ I хотѣлъ съ нимъ посовѣтовать — но Бутманъ своенравный былъ: „*я*, скаже, *безъ царя буду заводы вести*". Сидѣлъ однажды Бутманъ у мельницы и вязалъ тони; тутъ на запрудѣ, на завалѣ земляномъ, сидитъ мужикъ невѣдомо какой и удитъ рыбу. И спрашиваетъ этотъ мущина Бутмана, што онъ дѣлаетъ. „Я, говоритъ, дѣлаю тони". А мужикъ въ отвѣтъ: — чортъ, скаже, будутъ этта не тони, да лѣшей, скаже, буде этта не рыба.— Съ того времени вся вода тутъ высохла; нонѣ покосъ на этомъ мѣстѣ". По преданію, у Бутмана былъ слуга Бенка, который въ разсказахъ представляется полоумнымъ. Однажды сушилъ онъ сѣно на пожнѣ; вдругъ стала дождливая туча на верхъ подходить. Этотъ Бенка хватилъ топоръ и бросилъ вверхъ, хотѣлъ топоромъ попасть въ тучу.—„Мòлчи, скаже, бѣдной Бога нé убью?" (т.-е. погоди, не убью ли я Бога?) [2]).

Не можетъ быть сомнѣній, что Бутманъ олонецкихъ преданій и печорской пѣсни—одно и то же лицо. Оба они своенравны и строптивы, оба сталкиваются съ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ, хотя результаты столкновенія различны: для олонецкаго Бутмана—казнь, для печорскаго—царская грамота на безденежное питье по кабакамъ. Спрашивается, кто было то, носившее имя Бутмана, лицо, которое могло оставить по себѣ память, и притомъ въ сообществѣ съ Петромъ Великимъ, въ олонецкихъ преданіяхъ, зашедшихъ впослѣдствіи въ отдаленныя печорскія мѣста и облекшихся здѣсь въ форму былины? Такимъ лицомъ былъ иноземецъ Андрей Бутманъ, вѣрнѣе—Андрей Бутенантъ фонъ Розенбушъ, пріѣхавшій въ Россію при Алексѣѣ Михайловичѣ изъ Гамбурга и построившій желѣзные заводы въ Кижскомъ погостѣ

[1]) Назв. соч., стр. 6.

[2]) Тамъ же, стр. 7. Послѣднія преданія были сообщены г. Барсову извѣстнымъ сказителемъ крестьяниномъ Космозерскаго погоста Иваномъ Аникіевичемъ Касьяновымъ, который слышалъ разсказъ отъ 90-лѣтняго старика.

на Усть-рѣкѣ, къ которымъ были приписаны кижскіе крестьяне. Для уясненія отношеній этого иноземца къ олонецкому населенію и къ Петру, для уясненія и народной психологіи, проявляющейся въ преданіяхъ и пѣсняхъ о Бутманѣ, мы должны собрать о немъ историческія данныя изъ подлинныхъ документовъ петровскихъ временъ. Не претендуя на полноту, сообщимъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ Андреѣ Бутманѣ, почерпнутыя нами изъ Актовъ Историческихъ и изъ писемъ Петра Великаго, при чемъ будемъ держаться хронологическаго порядка. Но прежде всего о самомъ имени замѣтимъ, что олонецкій заводчикъ называетъ себя въ письмахъ къ Петру Андрюшкой Бутенантъ фонъ Розенбушъ (иногда Розенбошъ), но Петръ въ письмахъ всегда называетъ его Бутманомъ, и это имя онъ носитъ иногда въ правительственныхъ бумагахъ.

Изъ перваго извѣстнаго намъ документа видно, что Бутманъ велъ торговлю въ Архангельскѣ въ 70-хъ годахъ XVII-го столѣтія. Въ „Росписи сколько по указу великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича у Архангельскаго города на ярмонкѣ“ было куплено въ 1670—1675 гг., значится: „у анбурца (т.-е. гамбуржца) у Ондрея *Бутмана*: 3 полукосяка червчатыхъ, 130 аршинъ 2 чети; дано 117 рублевъ 15 алтынъ, по 30 алтынъ аршинъ“ [1]). Дальнѣйшія свѣдѣнія относятся уже къ основанному Бутманомъ въ прионежскихъ мѣстахъ, въ Файмогубской волости, мѣдному заводу. Въ маѣ 1678 г. находимъ въ „Актахъ“ царскую грамоту къ олонецкому воеводѣ Якову Стрѣшневу о запрещеніи головѣ кружечнаго двора Шунгскаго погоста Олонецкаго уѣзда ѣздить съ продажнымъ питьемъ въ Файмогубскую волость на мѣдные заводы иностранцевъ Христіана Марселиса и Андрея Бутенанта, для предотвращенія происходящихъ чрезъ пьянство мастеровыхъ людей дракъ, воровства и убійствъ. Вѣроятно, грамота была вызвана жалобами иностранныхъ заводчиковъ на пьянство рабочихъ.

Изъ дальнѣйшей грамоты (отъ 6 іюля 1681 г.) мы узнаемъ, что Бутманъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ комиссаромъ (факторомъ) датскаго короля и исполнялъ заказы русскаго правительства. Царская грамота двинскому воеводѣ князю Никитѣ Урусову указываетъ на условія пріема отъ датскаго фактора Андрея Бутенанта, по подряду, 2.611 карабиновъ и пистолетовъ въ крѣпкихъ сундукахъ съ его печатью и говоритъ объ отпускѣ

[1]) См. „Дополненія къ Актамъ Историческимъ“, т. VI, № 18. Сумма по тогдашнему времени довольно крупная.

того оружія съ выборными цѣловальниками въ Вологду, для дальнѣйшаго слѣдованія въ Москву. Пріемка должна была быть произведена „у города Архангельскаго на сроки въ іюлѣ и въ августѣ мѣсяцахъ“ [1]). Изъ грамотъ 90-хъ годовъ видно, что желѣзные и укладные заводы Бутенантовъ отца и сына были въ нѣсколькихъ мѣстахъ Олонецкаго уѣзда: въ Файмогубской волости межъ Ковшъ и Пудка озеръ на Спировскомъ ручьѣ, да въ Клюжскомъ погостѣ подлѣ Онега озера на Усть-рѣчкѣ и въ томъ же погостѣ въ Лижемской волости. Царская грамота говоритъ о приписанныхъ къ заводамъ крестьянахъ и бобыляхъ, о правѣ рубки лѣса, о свободномъ и безпошлинномъ пропускѣ желѣза, привозимаго съ Бутмановскихъ заводовъ на продажу въ Москву, въ другіе города и „окрестныя государства“, о переходѣ доли въ заводахъ, которою владѣлъ Христіанъ Марселисъ, къ Бутенантамъ и о вѣдѣніи всѣхъ заводскихъ дѣлъ новгородскимъ приказомъ [2]). Отсюда видно, что иноземецъ Андрей Бутманъ получилъ большія права въ Олонецкомъ краѣ въ виду значенія его заводовъ для государства, постоянно нуждавшагося въ желѣзѣ, главнымъ образомъ для военныхъ цѣлей.

Объ отношеніяхъ Бутмана къ Петру свидѣтельствуетъ рядъ его писемъ къ нему. Письма Петра не сохранились, но о содержаніи ихъ и характерѣ отношеній царя къ Бутману можно судить по отвѣтнымъ письмамъ Бутмана, сохранившимся въ государственномъ архивѣ. Общее впечатлѣніе отъ этой переписки таково, что иноземецъ желѣзнозаводчикъ и датскій комиссаръ принадлежалъ къ той компаніи иностранцевъ, которая, во главѣ съ Лефортомъ, окружала молодого царя, сочувствуя и помогая ему въ его стремленіи къ западной культурѣ и къ преобразованіямъ въ русскомъ быту. Бутманъ былъ близокъ къ иностранцамъ Виніусу, Вейде, Кривету, Брюсу и другимъ, которые служили новому дѣлу своими свѣдѣніями, на ряду съ нѣкоторыми просвѣщенными или сочувствующими просвѣщенію русскими людьми,— каковы Ромодановскій, Плещеевъ, Стрѣшневъ, Апраксинъ, Головинъ, Трубецкой, Куракинъ, Репнинъ, Бутурлинъ, Матвѣевъ, Головкинъ и другіе. Это былъ тѣсный кружокъ хорошихъ работниковъ, но и усердныхъ собутыльниковъ Петра, та компанія на пирахъ, главою которой былъ Никита Зотовъ, „всешутѣйшій отецъ Іоанникитъ, пресбургскій, кокуйскій и всеяузскій патріархъ“ [3]). Въ своихъ письмахъ Бутманъ называетъ царя

[1]) Тамъ же, № 81.

[2]) Тамъ же, т. XII, № 83.

[3]) Соловьевъ, „Ист. Россіи“, т. XIV, стр. 139.

„бачкой и бомбардиромъ Петеромъ Алексѣевичемъ". Въ тонѣ его писемъ нѣтъ никакой оффиціальности, за вычетомъ лишь того, что онъ подписывается „рабскимъ и покорнѣйшимъ слугою *Андрюшкой* Бутенантъ", такъ какъ употребленіе уменьшительныхъ именъ было запрещено позже написанія дошедшихъ до насъ писемъ, царскимъ указомъ 30 декабря 1701 г. [1]). Пишетъ онъ очень плохимъ и неправильнымъ русскимъ языкомъ, вставляя и нѣмецкія строки, пишетъ очевидно спѣшно, не заботясь о формѣ, увѣренный въ благосклонномъ вниманіи и снисхожденіи своего царственнаго корреспондента. А что Петръ былъ усерднымъ корреспондентомъ, не смотря на то, что былъ заваленъ дѣлами, видно, напр., изъ того, что въ 1696-мъ году, въ годъ взятія Азова, Петръ съ половины марта до половины сентября успѣлъ написать Бутману, изъ Воронежа и Азова, восемь писемъ, въ которыхъ даетъ ему разныя порученія, преимущественно по доставкѣ иноземныхъ мастеровъ, сообщаетъ о своемъ здоровьѣ, о ходѣ войны, наконецъ о взятіи Азова. Въ свою очередь Бутманъ пишетъ объ исполненіи порученныхъ ему дѣлъ, о событіяхъ въ Европѣ, извѣстія о которыхъ онъ почерпалъ изъ иностранныхъ газетъ и изъ сношеній съ датскимъ правительствомъ, какъ комиссаръ датскаго короля, но и о своихъ семейныхъ дѣлахъ и о своемъ заводѣ. Такъ, въ одномъ письмѣ царю изъ Москвы Бутманъ сообщаетъ о бракѣ своей племянницы, испрашивая благословенія „милостиваго бачки": „Милостивой мой бачка! Благослови мене Компанене наше одно Junffer, племянница моя Елисавета Еремевна выдать замужъ за Андрей Николаевъ Шынеманъ, а послѣ смирненко(й) свадбе они вмѣсто поѣдетъ къ городу Архангелского; а адмиралъ (Лефортъ) до своего отъѣзду благословеніе далъ. Аминь" [2]). Повидимому, эта Junffer, племянница Бутмана, также не чужда была веселой компаніи. Но для насъ интереснѣе свѣдѣнія, сообщенныя Бутманомъ о своихъ отношеніяхъ къ заводскимъ крестьянамъ. Отношенія эти были крайне непріязненныя. Такъ, въ одномъ письмѣ Бутмана, отъ 8 іюля 1695 года, мы находимъ слѣдующую жалобу на мужиковъ: „Мужики въ Кижскомъ погосты есще упрямился и себя не здалисе, для того, что имъ лготе (льгота) было(а), что изъ Новгородъ стрѣльцы (т.-е. стрѣльцовъ) не отпустили [3]), и они пусще великого государю(я) указу(ъ) стали наругать и

[1]) Соловьевъ, XV, 115.

[2]) Письма и бумаги императора Петра Великаго. Спб., 1887, т. I, стр. 562—563.

[3]) Напомнимъ, что заводскія дѣла вѣдались въ Новгородѣ въ приказѣ. Очевидно, Бутманъ просилъ о воинской командѣ на заводѣ.

противиться, а наипаче забунтовали, какъ о томъ свидѣтельствуетъ отписке(а) стол(ь)никова и грамотке(а), которой (ую) онъ ко (мнѣ) пишетъ" (Бутманъ въ это время жилъ по дѣламъ въ Москвѣ). Далѣе, онъ жалуется на грозящее ему отъ мужиковъ разореніе, на опасность, которой на заводѣ подвергаются его сынъ и невѣстка, и умоляетъ Петра приказать Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому послать указъ по его челобитной. По поводу этого и другихъ предыдущихъ писемъ Бутмана съ жалобами на кижскихъ мужиковъ Петръ, въ письмѣ къ кн. Ѳ. Ю. Ромодановскому изъ обоза (подъ Азовомъ) отъ 30 іюля 1695 г., пишетъ слѣдующее: „Min Her Kenih... По вся почты непрестанно камисаръ Андрей Бутманъ слезами пишетъ о своемъ розореніи Олонецкомъ; о чемъ наипокорственнѣе прошу ваше благоутробіе, дабы во ономъ дѣлѣ справедливость ему на оныхъ бунтовщиковъ немедленно учинено было, понеже уже едва не годишное время прошло во оной ево напасти, о чемъ паки повторяя прошу. Piter") [1]). Изъ дальнѣйшаго письма Бутмана видно, что по его жалобамъ были приняты весьма энергичныя мѣры, и кижскіе мужики принуждены были покориться. Письмо это, посланное Петру съ завода на Усть-рѣкѣ, на которомъ проживалъ Бутманъ лѣтомъ 1696-го года, для насъ очень любопытно: оно написано Бутманомъ въ отвѣтъ на сообщеніе Петра о взятіи Азова и характеризуетъ положеніе Бутмана въ Прионежскомъ краѣ среди мѣстнаго населенія. Датскій комиссаръ и заводчикъ сообщаетъ сначала о томъ, что благополучно пріѣхалъ къ себѣ на заводъ (5-го августа), благодаритъ Петра за то, что, по его государственной къ нему (Бутману) милости, „крестьяни Кижского погосту стало смирно и во всемъ послушней", поздравляетъ со взятіемъ Азова и описываетъ, какъ это великое событіе было имъ отпраздновано: „Мы здѣсь изъ радости изъ 11 пуски про ваше здоровье стрѣляли и про ваше здоровье пили съ здѣснымъ мастеромъ, нѣмецкомъ кузнецами, потому что ины люди здѣсь нѣтъ, и рокеты на верхъ спустили". Изъ дальнѣйшаго видно, что Бутманъ въ томъ краѣ бралъ на себя и административныя обязанности: онъ сообщаетъ Петру, что велѣлъ послать ко всѣмъ священникамъ Кижскаго погоста памятки (приказы), чтобъ они собрали народъ и служили благодарственные и заздравные молебны по случаю взятія Азова, что̀ и было исполнено [2]).

[1]) Письма и бумаги императора Петра Великаго. Т. I (1688—1701). Спб., 1887, стр. 43.

[2]) Тамъ же, стр. 585 — 586. Интересующіеся судьбою Бутмана могутъ найти о

Оставляемъ въ сторонѣ другія, менѣе интересныя письма Бутмана, такъ какъ приведенныя нами выдержки достаточно характеризуютъ и его, и отношенія къ нему Петра. Петръ цѣнилъ предпріимчиваго иностранца, узнавъ его лично въ Москвѣ, и допускалъ его въ свою „компанію“. Онъ пользовался Бутманомъ, какъ комиссаромъ датскаго короля, для доставки изъ-за границы оружія и разныхъ мастеровъ для корабельнаго и пушечнаго дѣла, получалъ чрезъ него политическія извѣстія съ запада и оказывалъ ему всякое содѣйствіе въ устройствѣ олонецкихъ заводовъ, особенно необходимыхъ царю для военныхъ цѣлей. Благодаря поддержкѣ царя Бутманъ является полномочнымъ хозяиномъ въ Кижскомъ погостѣ, эксплоатируетъ для своихъ заводовъ труды приписанныхъ къ нимъ кижскихъ крестьянъ, имѣетъ на Онежскомъ озерѣ свои суда и пушки, разсылаетъ, какъ мы видѣли, приказы священникамъ. Угнетаемые имъ крестьяне поднимаютъ бунтъ и усмиряются военной силой. Немудрено, что властный иноземецъ-басурманинъ, окруженный своими иностранными мастерами и работниками, оставилъ по себѣ недобрую память среди мѣстныхъ крестьянъ въ глухихъ, дикихъ, малонаселенныхъ мѣстахъ, гдѣ возможенъ былъ всякій произволъ сильныхъ надъ слабыми. Темнымъ олонецкимъ мужикамъ, старовѣрамъ, относившимся подозрительно къ басурманамъ-

---

немъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ запискахъ датскаго посланника при Петрѣ Великомъ (1709—1711) Юста Юля. Онъ приводитъ судьбу Boutenant'a de Rosenbusk какъ примѣръ тѣхъ несправедливостей, которыя терпятъ иностранцы въ Россіи. Сообщивъ о закрѣпленіи за Бутенантомъ олонецкихъ заводовъ царской привилегіей, онъ разсказываетъ слѣдующую исторію. „Однако такъ какъ эти заложенные подъ Олонецкомъ чугунный и мѣдный заводы давали хорошій доходъ, то алчный князь Меньшиковъ рѣшилъ завладѣть ими: во-первыхъ, они находились въ подвѣдомственной ему губерніи; во-вторыхъ, у Розенбуска не хватало средствъ на ихъ содержаніе, а заводы должны были изготовлять разныя военныя принадлежности. И вотъ, князь Меньшиковъ отобралъ заводы себѣ, отказавшись даже уплатить бѣдному Бутенанту де Розенбуску (тѣ) 20.000 рублей за поставки съ заводовъ, которые задолжалъ ему царь. Розенбускъ часто ходилъ къ царю въ надеждѣ, что заводы будутъ ему возвращены, такъ какъ ему легко было бы содержать ихъ, еслибъ тѣ 20.000 рублей были ему уплачены. Хорошо освѣдомленный о великой несправедливости, которой подвергался этотъ человѣкъ, царь все обнадеживалъ его добрыми обѣщаніями, (но въ сущности) не зналъ, какъ ему извернуться и къ какой уловкѣ прибѣгнуть: (съ одной стороны) онъ не находилъ возраженій противъ его законныхъ требованій, но съ другой—не хотѣлъ лишить князя Меньшикова выгодъ, такъ что Розенбускъ никогда не получилъ обратно ни заводовъ, ни денегъ. Одинъ (лишь) генералъ-адмиралъ Апраксинъ, изъ состраданія, оказалъ ему незначительную денежную помощь. И въ концѣ концовъ (Розенбускъ) умеръ въ бѣдности, удрученный горемъ“. Записки Юста Юля извлекъ изъ Копенгагенскаго Государственнаго Архива и перевелъ съ датскаго Ю. Н. Щербачевъ (М., 1900, стр. 302—303).

иноземцамъ, Бутманъ представлялся гораздо могущественнѣе, чѣмъ былъ на дѣлѣ—какимъ-то властелиномъ, неукротимымъ и своенравнымъ, который, пожалуй, могъ отважиться посчитаться силой съ самимъ царемъ. Вѣдь Бутманъ съ своими пушками и судами былъ какъ бы царькомъ въ тѣхъ глухихъ мѣстахъ. Если и въ наше время, по свидѣтельству Гильфердинга, матеріальная обстановка олонецкихъ крестьянъ, живущихъ среди болотъ и лѣсовъ, по берегамъ озеръ, крайне скудна, если у нихъ нѣтъ ни капусты, ни гречи, ни огурцовъ, ни луку, если существеннѣйшую часть ихъ пищи составляетъ овесъ, если они во многихъ мѣстахъ не могутъ пользоваться даже телѣгой, по отсутствію твердыхъ дорогъ, то нетрудно себѣ представить, каковы были условія жизни въ этихъ неуютныхъ мѣстахъ двѣсти лѣтъ тому назадъ.

Въ концѣ XVII-го в., когда Бутманъ устроилъ тамъ свои заводы, происходило сильное броженіе среди крестьянъ, переходившее въ открытые бунты. Такъ, въ 1693 г. въ Пудожскомъ погостѣ пришлые раскольники, соединившись съ мѣстными крестьянами, отняли у поповъ церкви, били ихъ и грабили, обмывали водою иконы и церковныя главы. По царскому указу олонецкіе воеводы послали на раскольниковъ сотника стрѣлецкаго и подьячаго. Тѣ заперлись въ четырехъ избахъ въ деревнѣ Строкиной и, не желая сдаться военной командѣ, зажгли избы и сгорѣли всѣ безъ остатка [1]). Въ это же время на р. Выгѣ въ труднодоступныхъ мѣстахъ, среди болотъ и лѣсовъ, образовался раскольничій Выговскій монастырь, состоявшій изъ отдѣльныхъ келій, въ разстояніи иногда полуверсты одна отъ другой. О жизни пустынниковъ сохранились современныя извѣстія: у бѣглаго соловецкаго чернеца Корнышки (Корнилія) подъ началомъ человѣкъ сто мущинъ, женокъ, дѣвокъ и старицъ. Припасовъ въ кельяхъ нѣтъ, а около нихъ построены на столбахъ хоромины, въ которыхъ держатъ хлѣбъ; пашутъ безъ лошадей, размягчая землю кокотами. Для причастія употребляютъ бруснику, смѣшанную съ ржаной мукой. На той же рѣкѣ выше другое раскольничье пристанище, устроенное дьячкомъ Данилой Никулинымъ, „и съ нимъ въ сборѣ многое число и безпрестанно множатся; келья у Данилы великая, и въ ней устроены окна, откуда отъ присыльныхъ людей борониться, три пушки мѣдныя, привезены отъ моря, пищалей, бердышей и пороху много, покупаютъ оружіе, выѣзжая по ярмаркамъ; хлѣбъ пашутъ на лошадяхъ, рыбу ловятъ на дикихъ озерахъ“ [2]). Изъ актовъ Кли-

[1]) Соловьевъ, „Исторія Россіи“, т. XIV, стр. 148.

[2]) См. Е. В. Барсовъ, „Олонецкій монастырь Клименца“, М., 1871, стр. 58.

мецкаго монастыря видно, что расколъ къ концу XVII-го в. былъ повсемѣстенъ; не только народъ, но и сами священники были настоящіе старообрядцы, увлеченные общимъ стремленіемъ Олонецкаго края къ древнему благочестію [1]). По тѣмъ же „Актамъ", изданнымъ Е. В. Барсовымъ, можно составить себѣ понятіе о непріязненныхъ отношеніяхъ кижскихъ крестьянъ къ климецкимъ монахамъ, о постоянныхъ спорахъ изъ-за границъ земельныхъ владѣній монастыря и о насильственныхъ дѣйствіяхъ крестьянъ. Въ „Актахъ" встрѣчается и имя датскаго королевскаго фактора Бутенанта, связаннаго своими заводами съ кижскими крестьянами. Такъ, изъ одной челобитной климецкаго строителя Ѳеодосія царямъ Ивану и Петру Алексѣевичамъ видно, что кижскіе крестьяне Ѳедька Созоновъ съ дѣтьми и съ товарищи завладѣли принадлежавшей монастырю пустошью Юхновской и продали ее попу Яндомозерской волости Ивану Корнилову, а тотъ передалъ ее фактору Андрею Бутенанту [2]).

Мы сочли нелишнимъ привести эти историческія справки, чтобы яснѣе представить себѣ ту среду, въ которой нѣкогда жилъ Бутманъ на своемъ заводѣ и въ которой сложились впослѣдствіи о немъ дошедшія до насъ преданія. Возвращаясь къ послѣднимъ, разсмотримъ, что̀ въ нихъ согласно съ прошлой дѣйствительностью и что̀ должно быть отнесено къ области поэтическаго вымысла.

Преданіе помнитъ, что иноземецъ Бутманъ устроилъ желѣзные заводы въ прионежскихъ мѣстахъ, что онъ былъ человѣкъ властный, имѣлъ свои суда на озерѣ и свои пушки, что кижскіе крестьяне несли у него на заводѣ подневольный, тяжелый трудъ и что онъ былъ современникомъ „Осударя", какъ до сихъ поръ обонежскіе крестьяне, по свидѣтельству Майнова [3]), зовутъ Петра Великаго. Этимъ исчерпываются историческіе факты: все прочее создано народной фантазіей, слѣдующей своей особой психологіи. Не вѣренъ фактъ, будто Петръ впервые узналъ о существованіи Бутмана и его завода во время своей поѣздки въ Соловецкій монастырь. Андрей Бутманъ былъ извѣстенъ Петру ранѣе этой поѣздки, еще въ Москвѣ, какъ датскій комиссаръ [2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 149—150.

[2]) Тамъ же, стр. 119. Изъ дальнѣйшихъ актовъ видно, что Бутманъ возвратилъ пустошь монастырю добровольно.

[3]) „Поѣздка въ Обонежье и Корелу", Спб., 1874, стр. 28.

[4]) Такъ, передъ отъѣздомъ во второй походъ къ Архангельску (1694 г.) Петръ пишетъ къ Ѳедору Матвѣевичу Апраксину, архангельскому воеводѣ: „запасы и пиво и прочая рано изготовить вели, а мы будемъ зѣло рано по вешней водѣ. Да отпиши

Фантастиченъ разсказъ о нападеніи Бутмана съ его гальётомъ на царскій гальётъ и о казни Бутмана Петромъ, но разсказъ этотъ очень характеренъ для процесса народной психологіи, обнаруживая отношеніе олонецкаго населенія къ Петру и къ иноземцу-заводчику. Изъ многочисленныхъ преданій и сказокъ о Петрѣ, до сихъ поръ ходящихъ въ олонецкомъ простонародьѣ и записанныхъ Е. В. Барсовымъ и В. Н. Майновымъ [1]), видно, что народъ отлично помнитъ, что въ этихъ мѣстахъ дѣлалъ Петръ, какъ онъ жилъ и какъ относился къ крестьянамъ. Весь путь отъ Петрозаводска до Повѣнца,—говоритъ г. Майновъ,—какъ и многія иныя селенія въ Олонецкой губерніи, полны воспоминаніями о Петрѣ: здѣсь онъ крестилъ у мужика, тамъ онъ выпилъ, угостилъ, балагурилъ съ хозяйкой, толковалъ съ хозяиномъ и проч. [2]). Въ нѣкоторыхъ крестьянскихъ семьяхъ хранятся, какъ святыня, чарочки, пожалованныя „Осударемъ", изъ которыхъ онъ самъ пилъ свою любимую анисовку и подносилъ другимъ [3]). Его простой образъ жизни, умѣнье работать мужицкую работу, его доступность оставили сильное впечатлѣніе въ олонецкомъ населеніи, никогда не представлявшемъ себѣ раньше царя въ такомъ необычномъ видѣ. Имя „Осударя" до сихъ поръ произносится здѣсь съ благоговѣніемъ. Согласно традиціонному взгляду на верховную власть, народъ всѣ переносимыя имъ притѣсненія отъ ближайшаго начальства объясняетъ только невѣдѣніемъ о нихъ на высотѣ престола.

„Кабы вѣдали цари да со царицами
Про безсчастную бы жизнь нашу крестьянскую" —

поется въ одномъ причитаніи, записанномъ Е. В. Барсовымъ въ той же Олонецкой губерніи [4]). Этой глубокой вѣрою въ царя, въ его сочувствіе крестьянской „безсчастной жизни" объясняется преданіе о казни Бутмана. Развѣ могъ „Осударь" пощадить притѣснителя кижскихъ крестьянъ, басурманина Бутмана, у котораго на заводахъ томилось въ работѣ мужское населеніе нѣкоторыхъ деревень? Вѣдь повѣсилъ же онъ сибирскаго воеводу, „вора"

въ кое время тамъ ледъ расходится. *А желѣзо съ Олонца отъ Бутмана*, и я ему о томъ говорилъ" (Письма, т. I, № 24, стр. 21).

[1]) Майновъ—назв. соч.; Е. В. Барсовъ—„Петръ Великій въ народныхъ преданіяхъ Сѣвернаго края", М., 1872. Его же, „Девять сказокъ о Петрѣ Великомъ", въ IV кн. „Трудовъ Этногр. Отдѣла И. О. Л. Е. А. и Э." М., 1877, стр. 33—40.

[2]) Назв. соч., стр. 77.

[3]) Тамъ же, стр. 29 и 78.

[4]) „Народныя причитанія Сѣвернаго края", т. I, стр. 293.

князя Гагарина, разорявшаго народъ поборами, какъ объ этомъ разсказываетъ олонецкая сказка [1]) и поютъ пѣсни [2]). Давно забыли кижскіе мужики, что ихъ предкамъ пришлось послѣ сильныхъ мѣръ, принятыхъ начальствомъ, покориться Бутману и стать, по выраженію Бутмана въ благодарственномъ письмѣ царю, „совсѣмъ послушными“. Да и покорившіеся крестьяне въ то время не допускали, что это насиліе творилось съ вѣдома царя, не зная, какъ знаемъ мы, что онъ (въ письмѣ Ромодановскому) называлъ ихъ „бунтовщиками“.

Переходя отъ онежскихъ преданій, еще отражающихъ въ себѣ мѣстное раздраженіе народа противъ Бутмана, къ печорской пѣснѣ, мы замѣчаемъ въ этихъ отдаленныхъ отъ историческаго Бутмана мѣстахъ уже совершенно иное отношеніе къ нему. Столкновенія его съ крестьянами забыты: въ послѣдующихъ поколѣніяхъ впечатлѣніе силы и могущества, произведенное олонецкимъ заводчикомъ на современниковъ, выразилось въ своеобразныхъ былинныхъ образахъ. Бутманъ сталъ богатыремъ, сблизился по отчеству съ Колыбановичами, по пьянству и удали—съ Васькой Игнатьевымъ и Ильей Муромцемъ. Пѣсня не забыла о столкновеніи Бутмана съ Петромъ Алексѣевичемъ, которое, по онежскому преданію, окончилось казнью Бутмана. Но причины и исходъ столкновенія—уже другія: Бутманъ Колыбановичъ не нападаетъ открытою силою на царя, какъ олонецкій: онъ только во хмелю хвастаетъ, что онъ сильнѣе и смѣтливѣе Петра, при чемъ эта похвальба извиняется хмелемъ. И когда раздраженный царь угрожаетъ его казнить, онъ припоминаетъ ему, что когда-то выручилъ его изъ плѣна на чужой сторонѣ, и вмѣсто казни получаетъ отъ царя, по собственному желанію, дозволеніе пить вино безденежно въ царевыхъ кабакахъ. Замѣтимъ, что такое разрѣшеніе, приписываемое иногда былинному князю Владимиру, едва ли впервые было печорскими сказателями приписано Петру. Записанная на Уралѣ пѣсня о борьбѣ Петра Великаго съ драгуномъ кончается почти такъ же, какъ печорская былина о Бутманѣ Колыбановичѣ.

„Благодарю тебя (говоритъ царь), молодой драгунъ, за бороньице!
„Чѣмъ тебя, молодой драгунъ, дарить-жаловать?
„Селами ли те—деревнями,
„Али же золотой казной?“
— Не надо мнѣ ни селовъ, ни деревневъ,

[1]) См. восьмую сказку Е. В. Барсова о томъ, какъ Петръ Алексѣевичъ казнилъ князя Гагарина. „Труды Этногр. Отд.“, т. IV, стр. 37.

[2]) См. „Пѣсни“ Кирѣевскаго, т. VIII, стр. 298.

— Ни матушки золотой казны:
— Дай ты мнѣ безденежно
— По царевымъ кабакамъ вино пить [1]). —

Да и въ сѣверной сказкѣ о Петрѣ, записанной въ Олонецкой губерніи Е. В. Барсовымъ, разсказывается, что въ благодарность за спасеніе Петра отъ разбойниковъ царскій охотникъ Алексѣевичъ (а этимъ именемъ назвалъ себя самъ царь) водилъ спасшаго его солдата по кабакамъ и безденежно поилъ виномъ [2]). Словомъ, печорское творчество не особенно много поработало надъ сложеніемъ разобранной нами старинки; но все же для уясненія процессовъ, совершавшихся у народа въ области народнаго творчества, она представляетъ несомнѣнный интересъ. Только совокупностью цѣлаго ряда условій — отчужденностью жизни сѣверныхъ крестьянъ, замкнутостью ихъ, скудостью прилива новыхъ впечатлѣній, новыхъ пѣсенъ и разсказовъ, привязанностью къ старому духовному добру, унаслѣдованному отъ предковъ и проч.,—можно объяснить себѣ, какимъ процессомъ народной психики датскій комиссаръ Андрей Бутенантъ фонъ Розенбушъ, онъ же желѣзнозаводчикъ Бутманъ, современникъ Петра Великаго, сталъ былиннымъ богатыремъ въ старинахъ захолустнаго печорскаго края.

Вс. Миллеръ.

---

[1]) „Пѣсни“ Кирѣевскаго, в. VIII, стр. 38.
[2]) „Труды Этногр. Отд.“ и проч., т. IV, стр. 40.

НОВЫЙ ГОРОДЪ

Paul Adam, „Autour de la Porcherie".

III *).

Выѣхавъ на кружную горную дорогу, потомъ на первое плато Лосъ Палаціосъ, а затѣмъ проѣхавъ мимо сожженныхъ свиныхъ загоновъ, Эрикуръ попросилъ прачку провести его къ астурійцамъ, недавно пріѣхавшимъ изъ Испаніи на работы по устройству каналовъ и бассейновъ. Стыдясь своихъ оголенныхъ рукъ и узкаго корсажа, едва стянутаго пуговицами, Карлотта прикрыла грудь желтой шалью. Это еще больше обрисовало вогнутую линію спины и полноту груди. Стыдливость останавливала ее. Однако серебряный пезо привлекалъ руку, которая раскрыла розоватую ладонь и сжала монету въ смугломъ кулакѣ. Карлотта поблагодарила. Она выискала въ грудѣ мокрыхъ тряпокъ зонтикъ съ поломанной ручкой и раскрыла его, не обращая вниманія на жирныя пятна на немъ.

Быстро идя въ тѣни лошади и слегка покачиваясь въ бедрахъ, стройная, гибкая, проводница перестала стѣсняться. Она то поводила плечомъ, какъ бы защищаясь отъ чрезмѣрно внимательныхъ взоровъ Эрикура, то мѣняла положеніе руки, приподнимая платье съ оборками. Изъ желанія быть любезнымъ со всѣми, Эрикуръ разговорился съ Карлоттой; она ему разсказала, что выросла у моря въ Матанзасѣ и вотъ уже пять лѣтъ какъ стала селиться все выше въ горахъ вмѣстѣ со своими двумя

*) См. сент., стр. 257.

братьями, погонщиками воловъ, вмѣстѣ съ матерью, готовившей ѣду для рабочихъ. Переходя съ постройки на постройку, вся семья слѣдовала, работая на нихъ, за кубанскими землекопами, за каменщиками-неграми, за строителями-мулатами. Карлотта вышла замужъ при освященіи порта. Ребенокъ ея родился на первомъ горномъ плато, когда въ Тальдеро заканчивали постройку табачной фабрики. Ея мужъ умеръ отъ черной рвоты при осушкѣ болотъ для сахарныхъ плантацій. Вдова вышла вторично замужъ на второмъ горномъ плато, за шесть недѣль до большого наводненія, смывшаго рельсы. Она надѣялась стать вторично матерью къ тому времени, когда начнетъ работать фабрика электрической энергіи, приводимая въ движеніе водой трехъ озеръ. Теперь она живетъ на горахъ, высящихся надъ кружной дорогой, и на всемъ протяженіи отъ Альта Вега до Лосъ Палаціосъ стираетъ бѣлье на землемѣровъ и геологовъ; братья ея возятъ ихъ инструменты и ихъ самихъ. Она доходила до трехъ озеръ самаго высокаго плато, подъ двумя утесами Лосъ Дадосъ, за водопадомъ вдали. Карлотта твердо шла вверхъ. Къ ея ожерелью изъ стеклянныхъ бусъ привѣшана была медаль, выбитая въ память основанія Порто Бланко; ея первый мужъ получилъ медаль отъ начальника работъ. Подъ пятнами зонтика обозначался еще узоръ, спеціально отпечатанный для тальдероскихъ папиросницъ въ память ихъ храбрости во время пожара сушилень. Такъ тѣсно судьба этой женщины связана была съ развитіемъ дѣла: она даже поплатилась жизнью дорогого человѣка во время короткой эпидеміи, появившейся во время осушки болотъ.

Эрикуръ сталъ съ подобающей теплотой соболѣзновать ея горю. Карлотта видимо удивилась. Она безстрастно разсказала свою исторію, и все время поправляла свой головной уборъ. Эрикуръ замѣтилъ, что больше всего она занята его присутствіемъ. Она навѣрное опасалась, что онъ осудитъ ее за ея курчавые начесы волосъ, за слишкомъ полный бюстъ, за грязный зонтикъ. Такъ вотъ каково это населеніе, работа котораго, также какъ молодость, а иногда даже жизнь, составляли, вмѣстѣ съ матеріалами и энергіей машинъ, всю будущность Лосъ Дадосъ. Это кокетство, занятое собой, эти страданія, не сознающія себя—вотъ она, творческая сила новаго края. Карлотта разсказала Эрикуру, что братья не отдаютъ ей свои заработки, но что мать и тетка все-таки кормятъ негодниковъ, потому что женщинамъ трудно обойтись безъ мужчинъ. Бываютъ дни, когда, съѣвъ супъ и выпивъ водки, рабочіе бьютъ посуду и отказываются платить. Они бы такъ и уходили, не заплативши, еслибы Мартинесъ не

ругалъ пьяницъ и не хватался за палку, призывая собаку. Карлотта стала громко высказывать всѣ эти соображенія. Эрикуръ забавлялся ея болтовней и наивными мыслями. И это сознательное существо! При солнечномъ зноѣ отъ нея шелъ запахъ сахарнаго тростника, пота, апельсиннаго сока. Боязно было загрязнить пальцы, коснувшись ея бронзовой шеи. Онъ предложилъ ей еще нѣсколько вопросовъ объ освободительной войнѣ, которую мулатка совершенно забыла, о цѣли работъ, предпринятыхъ въ горахъ, въ которыхъ, по ея твердому убѣжденію, есть золото. Эрикуръ старался разубѣдить ее, но она непоколебимо вѣрила въ сказочныя сокровища, нѣкогда потопленныя въ трехъ озерахъ на вершинѣ, подъ двумя утесами, высящимися надъ Лосъ Дадосъ.

Эрикуръ протянулъ Карлоттѣ сигару, которую она зажгла о его сигару; въ то время какъ курился одинъ конецъ, она стала жевать другой, увѣряя что жеваніе табака полезно для зубовъ.

Неумолчно болтая, Карлотта совсѣмъ перестала конфузиться. Она вскорѣ съѣла почти треть толстой сигары, куря ее въ то же время лишь очень бережно. Подъ зонтикомъ округлялось сіяніе вокругъ ея курчавыхъ волосъ. Она казалась оживленнымъ и болтливымъ центромъ окружающей пышной природы — гораздо болѣе чѣмъ вспотѣвшая лошадь, чѣмъ самъ Эрикуръ; онъ едва сдерживалъ свое отвращеніе къ дурно пахнувшей, грязной женщинѣ, которая однако соучаствовала до нѣкоторой степени въ созиданіи могущества, манившаго его въ грядущемъ.

Могущество это подготовляли для него также, подъ тремя навѣсами изъ сухихъ пальмовыхъ вѣтвей, астурійцы. Подъ тѣнью шляпъ большинство изъ нихъ имѣло строгій видъ; медленность ихъ движеній показывала, что они знаютъ цѣну всякаго усилія. Нѣсколько человѣкъ потягивали черезъ трубочки питье изъ маленькихъ боченковъ. Другіе вынимали изъ мѣшковъ свои отрепья и разглядывали ихъ. Согбенные отъ тяжести полевыхъ работъ, старики сидѣли на розовомъ пескѣ. Они поддерживали силы отдыхомъ среди тюковъ, ящиковъ, сундуковъ. Шесть молодцовъ хлопали картами объ столъ среди общей ругани и хохота. Мальчишки, которые въ первый разъ покинули Испанію въ сопровожденіи или дяди, или отца, съ изумленіемъ разглядывали негритянокъ, почти совершенно голыхъ въ своихъ прозрачныхъ платьяхъ. Онѣ продавали имъ стаканами сокъ сахарнаго тростника. Появленіе Карлотты оживило грустные взоры. Одинъ изъ астурійцевъ, наигрывавшій на гитарѣ, сразу оборвалъ игру. Слушатели его обернулись. Ихъ красныя лица, украшенныя коль-

цами въ ушахъ, улыбались. Мулатка нравилась и старымъ, и молодымъ. Она сейчасъ же заговорила съ тореадоромъ въ узкихъ панталонахъ; у него оттопырились карманы отъ тяжелаго кошелька, отъ ножа и кисета.

Инспекторъ, Анхель Ортисъ, поспѣшилъ съ бумагами въ рукахъ отдать отчетъ управляющему. Онъ сообщилъ, что пришлось оставить на морскомъ берегу, а также по дорогѣ, въ госпиталяхъ въ Тольдеро, двадцать семь человѣкъ, заболѣвшихъ лихорадкой при высадкѣ. Анхель Ортисъ обвинялъ испанскихъ врачей въ Овіедо, которые разрѣшали пускаться въ путь голоднымъ чахлымъ людямъ, неспособнымъ перенести трудности пути. Съ другой стороны, транспортная кампанія слишкомъ плохо кормила пассажировъ, держа ихъ въ помѣщеніяхъ безъ воздуха. Они пріѣзжали разбитые, измученные. Изъ шестисотъ—девяносто два были не въ силахъ сѣсть въ поѣзда, ожидавшіе ихъ на берегу. Тридцать три не смогли примкнуть къ отряду, отправившемуся въ горы. Они остались въ Парахасъ, на холму, гдѣ стоялъ вокзалъ, покрытый толевой трубчатой крышей. Приходилось, такимъ образомъ, начать дѣло съ уменьшенными по крайней мѣрѣ на четверть отрядами рабочихъ. Эти свѣдѣнія разсердили Эрикура, и онъ выразилъ сожалѣніе о томъ, что не послѣдовали его совѣтамъ. Вѣдь онъ все это предвидѣлъ, и потому-то вызвалъ семьсотъ, а не шестьсотъ человѣкъ. Онъ обвинилъ Ортиса въ желаніи соблюдать невозможную экономію изъ тщеславія, чтобы удивить инженеровъ и администрацію. Окаймленное черной короткой бородой, лицо инспектора мѣнялось двадцать разъ въ секунду. Гнѣвъ, иронія, паѳосъ и вѣжливость чередовались съ каждымъ словомъ его торопливыхъ объясненій. За его спиной Пицаренъ—рыжеватая лошадь, которую онъ держалъ за узду,—была въ полномъ ужасѣ; движенія хозяина сжимали ей удила. Лошадь сердито пятилась, натягивая возжи. Но Анхель Ортисъ притягивалъ ее обратно къ себѣ сухимъ движеніемъ, не прерывая свою защитительную рѣчь. Онъ только тогда оборачивался, ругая лошадь, когда та ступала на груду слишкомъ грохотавшихъ досокъ, или опрокидывала телѣгу. Инспекторъ сдвигалъ полупосѣдѣвшія брови и усмирялъ своего упрямаго помощника, большіе глаза котораго щурились подъ хмурыми бровями.

Эрикуръ слушалъ Анхеля Ортиса, который въ эту ночь, просидѣвъ у постели больной жены, прочелъ два отчета о ростѣ хлопчатобумажнаго производства: одинъ—американскій, другой—испанскій. Пройдя когда-то въ Парижѣ курсъ школы прикладныхъ искусствъ и наукъ, этотъ превосходный работникъ про-

должалъ умножать свои знанія. Онъ принадлежалъ къ той избранной кубанской духовной аристократіи, которая рѣшила завоевать себѣ знаніями и трудолюбіемъ мѣсто въ первомъ ряду народовъ. Съ бумагами въ одной рукѣ, держа лошадь другою, онъ обходилъ собравшихся подъ навѣсомъ людей. Онъ распрашивалъ астурійцевъ на ихъ нарѣчіи, записывалъ карандашомъ все что считалъ полезнымъ, потомъ распредѣлялъ орудія для работы. Затѣмъ онъ вдругъ вскочилъ на лошадь. Его единственная шпора вонзилась въ бокъ Пицарена; лошадь побѣжала рысью, разсѣивая группы людей. Анхель Ортисъ крикнулъ, что скоро вернется; но Эрикуръ не повѣрилъ ему. Онъ намѣренно напускалъ на себя внѣшнюю строгость, указывая съ явнымъ презрѣніемъ пальцемъ, безъ единаго слова, на слишкомъ тщедушныхъ рабочихъ. Каждый изъ нихъ казался ему плохимъ рабочимъ орудіемъ. Тѣмъ не менѣе онъ любовался силой и выносливостью астурійцевъ.

Надзиратели закончили раздачу заступовъ новымъ рабочимъ. Большинство пробовали ручку, потомъ выражали недовольство. Другіе мѣняли свои инструменты, раскритиковавъ толщину дерева и тупость желѣза. Сознавая свою силу и желанность, астурійцы требовали наилучшихъ орудій. Нѣкоторые заявляли, что не станутъ портить себѣ руки, работая слишкомъ короткими американскими заступами. За ними посылали за океанъ вербовщиковъ въ деревни кантабрійскихъ лѣсовъ и въ долину Дуэро: это преисполняло ихъ гордостью. Ихъ желаніе выказать хоть на словахъ воображаемую твердость воли скорѣе забавляло, нежели сердило Эрикура. Одинъ говорилъ, что участвовалъ въ стачкахъ Бильбао, и всѣ другіе почтительно подтверждали претензіи ужаснаго бородатаго человѣка, который плевался, далеко отбрасывая плевки. Онъ продолжалъ ораторствовать, засунувъ руки въ карманы широкихъ полинялыхъ панталонъ. Ему шепнули на ухо, что онъ компрометируетъ себя въ глазахъ самого управляющаго. Онъ насмѣшливо взглянулъ на Эрикура. Хотя онъ и говорилъ послѣ этого, что готовъ вернуть задатокъ, данный ему, и вернуться сейчасъ же въ Европу, если его свободныя рѣчи непріятны администраціи, но все же, въ концѣ концовъ, сбавилъ тонъ и принялъ заступъ.

Мануэль Эрикуръ сдѣлалъ видъ, что ничего не слышалъ. Онъ отлично понималъ, что съ точки зрѣнія разумнаго человѣка должно было казаться эксплуатаціей, превращеніемъ въ раба, когда на его долю выпадаетъ только самая тяжелая работа. Но все-таки онъ распорядился, чтобы говоруна направили

въ маленькій отрядъ рабочихъ, занятыхъ починкой орудій и работающихъ въ сторонѣ отъ другихъ. Съ нимъ послали семь человѣкъ, изъ самыхъ тупыхъ, на которыхъ рѣчи соціалиста не могли оказать вліяніе. Наконецъ каждый получилъ свои инструменты, мѣшокъ и флягу. Эрикуръ выразилъ одобреніе. Вернувшись подъ навѣсъ, онъ улыбнулся Карлоттѣ и ея братьямъ, пріѣхавшимъ изъ Гаванны и помѣстья м-мъ Альвина для доставки багажа испанцевъ. Это были два стройныхъ, гибкихъ молодца въ раскрытыхъ на груди рубахахъ, съ красными кушаками и въ сапогахъ изъ воловьей шкуры. Хуанито Мартинесъ, старшій, перегнулся надъ ярмомъ своей упряжки, вталкивая ее назадъ подъ навѣсъ. Младшій, Альфонсо, поглаживалъ спины своихъ воловъ. Изъ повозокъ, забрызганныхъ грязью, десять негровъ медленно вынимали тюки и ящики астурійцевъ. Двѣ грузныя, толстыя женщины, мать и тетка Карлотты, сидѣли по близости, у котла, который кипѣлъ надъ очагомъ изъ неотесанныхъ камней. Очаровательный, гибкій кубанецъ, мужъ Карлотты, разставлялъ столы и скамейки. Потъ обливалъ его лицо. Карлотта смѣялась надъ его слабостью, набивая грязное бѣлье въ корзины, навьюченныя на спины трехъ муловъ, которые подрыгивали ногами и обмахивались хвостами отъ цѣлаго вихря мошкары.

Мануэль Эрикуръ направился къ озерамъ вмѣстѣ съ астурійцами. Отдуваясь, потѣя подъ плоскими касторовыми или соломенными шляпами, испанцы карабкались по каменистой горной тропѣ среди остроконечныхъ колючихъ листьевъ. Мальчишки прыгали, преувеличивая для смѣха жалобы на боль отъ колючихъ растеній. Старые рабочіе обращали вниманіе новичковъ на маленькихъ коршуновъ, сидѣвшихъ на телеграфныхъ столбахъ. На одного изъ нихъ, прилизывавшаго свои перья, стали науськивать испанскихъ собакъ. Онѣ отстали отъ своихъ хозяевъ и принялись лаять на лысую, невозмутимую птицу. Толпа, довольная, что удалось заставить подняться съ мѣста тяжелую хищную птицу, громко привѣтствовала ея полетъ среди сверкающаго солнечнаго свѣта. Тогда собаки стали обнюхивать землю, столь различную отъ почвы ихъ родины.

Слѣдуя приказамъ конныхъ надзирателей, отряды разсѣялись. Вскорѣ они превратились въ движущуюся линію, растянувшуюся во всю ширь горнаго плато. Ихъ внушительная масса сверкнула въ отраженіяхъ озеръ, потомъ вступила въ тѣнь большой горы. Внизу взрывы, производимые рабочими, пробивавшими туннель, вздымали къ небу стаи воробьевъ. За волнистой линіей людей возы, запряженные волами, плелись, нагруженные машинами.

Скрипучія колеса разрывали терновникъ при окрикахъ погонщиковъ. Для утоленія ихъ жажды шли рядомъ мулатки, погоняя ословъ, нагруженныхъ полными кувшинами. Бабочки парами вылетали изъ цвѣтовъ. Голые чернокожіе мальчишки гнались за ними, проталкиваясь черезъ кусты толстыми животами. Шумъ жизни оживлялъ душный воздухъ.

Эрикуръ созерцалъ силу человѣческаго разума, овладѣвающаго этой пассивной природой. Опьяненный шумомъ, онъ вообразилъ себя конечнымъ итогомъ этихъ дѣятельныхъ организованныхъ силъ. Шествіе остановилось. Жумильякъ запоздалъ, также какъ поѣздъ, который долженъ былъ привезти депеши съ берега. Эрикуръ согласился ждать въ тѣни хижины изъ сухихъ пальмовыхъ вѣтвей. Три землемѣра пили агвардіенте—мѣстную водку—у кабатчицы, которую они вышучивали съ надменностью европейцевъ, снабженныхъ землемѣрными инструментами. Эрикуръ услышалъ, что они смѣются надъ знакомой ему легендой.

— Христоферъ Колумбъ ходилъ на шабашъ? Да ты съ ума сошла, старуха!

— Нѣтъ, сеньоръ. И за это, могу вамъ сказать, адмирала посадили въ тюрьму, когда онъ вернулся въ Испанію.

— А ты когда ходишь на шабашъ?

— Никогда, сеньоръ, никогда. Христосъ повергъ бы меня въ адъ кромѣшный.

— Жалѣю чертей... Ну, такъ какъ же это было? Христоферъ Колумбъ...

— Отправился на астурійскій шабашъ и спросилъ у дьявола, почему всѣ солнца падаютъ вечеромъ за океанъ.

— Всѣ солнца? Развѣ есть нѣсколько солнцъ?

— Во всякомъ случаѣ не одно. Каждый день новое солнце впрыгиваетъ на небо надъ землей-Европой, а потомъ падаетъ внизъ, сюда. Я въ это вѣрю, съ вашего позволенія.

— Позволяю!

— Grazias, сеньоръ. А знаете, что дьяволъ отвѣтилъ адмиралу? Онъ ему отвѣтилъ, что всѣ эти солнца тянетъ къ себѣ раскаленная печь золота на Кубѣ, и что всѣ они расплавляются въ ней, прыгнувъ въ печь прямо съ неба.

— Значитъ, Европа такимъ образомъ узнала о существованіи Америки?

— Да, сеньоръ. И когда Колумбъ прибылъ сюда, онъ сейчасъ же поспѣшилъ подняться къ тремъ озерамъ на вершинѣ. А вершины эти, сеньоръ, были пустыя внутри. На мѣстѣ озеръ были три пропасти. Все золото преисподней кипѣло въ нихъ.

Матросы хотѣли вычерпать золото, но желѣзныя лопаты сейчасъ же расплавлялись—до того тамъ было горячо. Колумбъ позвалъ дьявола, и тотъ сказалъ: „Пусть три христіанскія души отдадутся мнѣ послѣ смерти—и золото мое охладится на три часа“.

— А ты, старуха, вѣдь дала бы, поди, душу за золото?

— Только тѣло, сеньоръ... Только тѣло бѣдной мулатки.

— А Колумбъ? Что же онъ сдѣлалъ?

— Вотъ что. Адмиралъ и матросы стали тянуть жребій, чтобы рѣшить, кто именно изъ нихъ пообѣщаетъ душу дьяволу. Ну вотъ. Бросили они кости. Но въ это время на небѣ Христосъ видитъ слезу на щекѣ матери, а за первой слезой и вторую, а затѣмъ еще и третью. Святая Дѣва пролила три слезы, потому что дьяволъ собирался захватить три христіанскія души. Да, сеньоры. И не захотѣлось Христу видѣть слезы матери. Кости Колумба вдругъ превратились вотъ въ эти два утеса на вершинѣ, а слезы Богородицы—въ эти три озера.

— Такъ вотъ почему эти двѣ вершины называютъ „Лосъ Дадосъ“ (кости)?

— Да, сеньоры. Все такъ было, какъ я вамъ говорю. Кости упали, немножко разбившись, и пропасти кипящаго золота превратились въ озера свѣтлой воды.

— Красиво придумано.

— Вы мнѣ не вѣрите, сеньоры? Испанцы вѣрили. Они запретили подходить къ Лосъ Дадосъ, потому что имъ не удалось достаточно подкопать снизу, вотъ какъ вы теперь будете копать. Но кубанцы знаютъ, какое сокровище скрыто въ ихъ землѣ. Они призвали американцевъ, французовъ, весь міръ. И вы добудете золото изъ подъ Лосъ Дадосъ. Вѣдь вы для того и строите желѣзную дорогу, чтобы везти золото къ морю. Я вѣдь знаю. И всѣ знаютъ.

Мулатка замолчала, потому что землемѣры нарочно преувеличенно грубо смѣялись надъ ней. Она опустила стаканы въ лоханку и стала ихъ полоскать, ворча подъ носъ. Стягивая подпругу лошади, Мануэль Эрикуръ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что его предпріятіе какъ бы сливается съ легендой. Ему было пріятно, что въ народномъ воображеніи его дѣло связывалось съ дѣломъ Христофора Колумба. Духъ древняго Адама посадитъ на этой землѣ древо познанія, нѣкогда похищенное изъ Эдема, и этимъ еще возвеличитъ дивную красоту этого рая, его зеленыхъ холмовъ, его сверкающихъ горъ, его серебристыхъ далей

съ граціозными стеблями пальмъ, подпирающихъ раскаленное небо своими изумрудными верхушками.

Съ невысокаго пригорка Мануэль Эрикуръ созерцалъ волнующуюся линію рабочихъ, склоненныхъ надъ землей на всемъ пространствѣ отъ Альта Вега, гдѣ грохотала громадная машина, извлекавшая изъ глубинъ и выбрасывавшая груды камней. Оттуда приносился соленый запахъ вѣтра съ океана, вмѣстѣ съ дымомъ товаро-пассажирскаго поѣзда, который долженъ былъ привезти ловкихъ янки, собирателей машинъ, талантливыхъ европейскихъ химиковъ, письма финансистовъ, купцовъ и фабрикантовъ, соединившихся на всемъ протяженіи міра для преобразованія Сьерры и вершины ея, Лосъ Дадосъ.

Эрикуръ зналъ, что въ этотъ часъ, на биржахъ столицъ, за столомъ на званыхъ обѣдахъ, также какъ въ морскихъ портахъ, его мечта занимаетъ геній изобрѣтателей. Въ его воображеніи земной шаръ все болѣе съуживался—до такой степени, что онъ какъ бы могъ охватить его руками, которыя онъ раздвинулъ чтобы потянуться. И мысли, тѣснившіяся въ его мозгу, сливались съ видомъ этихъ трудолюбивыхъ астурійцевъ, вспыльчивыхъ мулатовъ, лѣнивыхъ негровъ, пестрыя группы которыхъ покрывали гору и гулкія вершины.

IV.

Между Парахасъ и Лосъ Палаціосъ, вдоль дороги, ведущей вверхъ къ озерамъ, въ дни разсчета съ рабочими, шелъ кутежъ, начиная съ апрѣля мѣсяца, подъ навѣсомъ китайца, передъ сожженными свиными загонами Пахиты Ниньесъ. Мѣстные дровосѣки и пастухи, давно уже не ѣвшіе чикагскихъ консервовъ, не обмакивавшіе усы въ калифорнійскомъ винѣ, были въ восторгѣ. Стыдясь своихъ лохмотьевъ, они послѣ каждаго глотка оправляли платье. Вокругъ нихъ бродяги, отряхивая свое отупѣніе, жадно просили корокъ и объѣдковъ мяса. Эліасъ Регасъ часто отдавалъ имъ сардины открытой коробки, ящикъ бисквитовъ, другіе остатки. Тогда между ними начиналась драка. Кулакъ опускался на окровавленное лицо, не защищенное костлявыми руками, такъ какъ онѣ схватили кость съ мясомъ и не выпускали ее. Приходилось разнимать ихъ. Кальдасъ останавливалъ драки, расточая тумаки во всѣ стороны. Эліасъ Регасъ увѣрялъ ихъ, что если работа имъ придется по душѣ, они

смогутъ сами получать то золото, которое теперь уплачивается конвойнымъ, носильщикамъ свѣчей и другимъ.

При видѣ золота даже самые тупые стали вѣрить, что счастье вступило въ Лосъ Палаціосъ съ началомъ работъ и уплатой жалованья. Самые строптивые стали, въ концѣ концовъ, распрашивать Эліаса, который уже былъ сильно подвыпивши. Онъ разсказывалъ, что м-мъ Альвина послала его въ Лосъ Дадосъ, съ его гаванскими спутниками, для работы у озера, а также въ туннеляхъ, направляющихъ воду по скатамъ въ турбины въ Парахасъ. Кальдасъ увѣрялъ жалкихъ бродягъ, скучившихся вокругъ него въ своихъ смятыхъ соломенныхъ шляпахъ, что Эрнандесъ и французъ только слушая его поняли наконецъ, какія богатства можно извлечь изъ этого края. Регасъ прерывалъ его, поправлялъ, выходилъ изъ себя. И все же бродяги выругали ихъ лгунами: вѣдь по ихъ словамъ выходило, что озера расположены выше начатой дороги. Болтуны доказывали, что озера позади и болѣе къ западу—какъ разъ тамъ, гдѣ, по преданію, Христоферъ Колумбъ открылъ дьявольскій кладъ. Они стали запутываться въ своихъ утвержденіяхъ. Эліасъ Регасъ сталъ рисовать на землѣ кончикомъ заступа топографію горнаго плато и вершинъ. Одинъ только китаецъ понялъ его. Его зеленоватое, лоснящееся лицо смѣялось. На мяукающемъ испанскомъ языкѣ онъ говорилъ о работахъ Панамскаго канала, гдѣ онъ тоже занимался свозомъ мусора. Онъ высчитывалъ сроки, необходимые для того, чтобы вызвать къ жизни въ Лосъ Палаціосъ подобное же предпріятіе. Онъ говорилъ о тяжкомъ трудѣ, о лихорадкахъ, о чумѣ, о смерти. Наѣвшись и напившись, испанцы заявили, что не станутъ выбиваться изъ силъ на землекопныхъ работахъ. Они предпочитали рыбную ловлю, охоту и сборъ плодовъ. Это мнѣніе, сначала оспариваемое, начало преобладать. Тогда Лао-Ти подмигнулъ своими продольно разрѣзанными глазами и сталъ задумчиво полоскать посуду. Услыхавъ разговоръ гостей о рыбной ловлѣ, онъ заявилъ, что очень хорошіе результаты даетъ динамитъ. Въ Флоридѣ вотъ какъ ведутъ дѣло. Онъ вынулъ изъ ржаваго ларца взрывчатое вещество, въ видѣ двухъ зеленыхъ патроновъ, и показалъ его. Рыбу, которую наловятъ вечеромъ, можно будетъ продать свѣжей утромъ въ Лосъ Палаціосъ. Онъ бы покупалъ ее для своихъ кліентовъ и въ Кинта Эрмандесъ—для своихъ постояльцевъ. Сообщили о прибытіи землемѣровъ, механиковъ, геометровъ и всякаго народа. Желѣзнодорожные инженеры расположились внизу у горной дороги. Вся эта компанія очевидно захочетъ обѣдать. Кальдасъ купилъ оба

патрона. Регасъ и его спутники подѣлили между собой запасы китайца. Они вышли изъ-подъ навѣса, сѣли на своихъ шатающихся лошадей и направились къ вершинѣ, серебрившейся подъ луннымъ свѣтомъ. Надежда на наживу возбуждала ихъ.

Лао-Ти поглядѣлъ имъ вслѣдъ, думая о словахъ молодого французскаго инженера, которому онъ подавалъ вѣски съ содовой водой въ этотъ день: „если вывести всю рыбу изъ трехъ озеръ, производя въ нихъ взрывы динамитомъ, то семьи, которыя кормились рыбной ловлей, окажутся въ полной нищетѣ“. Имъ тогда придется спуститься на работы или голодать. Навѣсъ Лао-Ти наполнялся бы все болѣе посѣтителями, по мѣрѣ того какъ развитіе дѣла требовало бы все больше рабочихъ рукъ. Эти мысли не выходили изъ головы китайца, вокругъ котораго рѣяли летучія мыши, обвѣвая его прохладой. Опіумъ окуталъ душу Лао-Ти, оставшагося наединѣ съ сверкающей голубой ночью. Онъ нанизалъ каплю божественнаго напитка на остріе иголки, подогрѣлъ ее надъ спиртовымъ пламенемъ и изготовилъ для близкаго упоенія пылающую, потрескивающую на огнѣ пилюлю, которую всадилъ въ очагъ трубки. Расположившись между своими тюками и ящиками, подъ свѣшивающимися съ потолка ожерельями изъ сушеной рыбы, житель Небесной имперіи благоговѣйно вдохнулъ ароматъ. Онъ закрылъ глаза: міръ сталъ легкимъ, голубымъ вокругъ него. Онъ уже не чувствовалъ боли въ ребрахъ тощаго тѣла. Послѣ третьей трубки сознаніе его просвѣтлѣло. Десять, двадцать, сто мыслей быстро чередовались—отъ яснаго воспоминанія о всѣхъ отбросахъ, плававшихъ вокругъ отцовской лодки на кантонской рѣкѣ, и до образовъ его семидесяти двухъ предковъ, сидящихъ въ желтыхъ одеждахъ вокругъ Будды, въ скалистомъ саду пагоды Синъ Тао, милой своими липами и своими ручными журавлями, своими мостами изъ цвѣтущихъ ліанъ. Возможность съ такой опредѣленностью представлять себѣ своихъ предковъ—даръ опіума. Видишь ихъ со всѣми аттрибутами: весломъ лодочника, ларцомъ бродячаго продавца благовоній, ножомъ мясника, закалывающаго барановъ, лопатой садовника, гонгомъ публичнаго глашатая. Несказанное умиленіе облагораживаетъ ихъ лица. Они съ необычайной учтивостью отвѣчаютъ на церемонные поклоны курильщика. Они предлагаютъ ему вкусить сладость воздуха, и только послѣ этого воздухъ становится благоуханнѣе всего, что̀ есть желаннаго въ мірѣ. Благодаря имъ каменистая почва становится мягкой подстилкой для спины благочестиваго курильщика, которому представляется образъ нѣжно-бѣлой,

страстной дѣвы. Они усиливаютъ желанія и представляютъ ихъ удовлетворенными. Цѣлое племя рабочихъ, строящихъ фабрики, толкающихъ поѣзда на рельсы, наполняющихъ паровозы топливомъ и приходящихъ толпой подъ навѣсъ Лао-Ти пить, ѣсть, покупать все, что̀ нужно—все это носится въ мысляхъ павлиноголубого или оранжево-желтаго цвѣта; мысли удлинняются, съеживаются и становятся зелеными змѣями-птицами, рогатыми драконами, фонарями съ кисточками, улицами, полными лакированныхъ выставокъ, висящихъ надъ толпой въ войлочныхъ сапогахъ, съ мягкими движеніями.

Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ Лао-Ти испытывалъ послѣ опіума разочарованіе, пробуждаясь то на соломѣ калифорнійскаго бивуака, то среди тряпокъ своей мексиканской лавчонки, то среди подобныхъ себѣ подъ панамскимъ солнцемъ, въ траншеяхъ, прикрытыхъ вѣтвями. А теперь вдругъ опіумъ выполнилъ свои обѣщанія. На глазахъ Лао-Ти земли въ Кинта Эрнандесъ наняты были Франко-Кубанской компаніей и стали готовиться контракты съ собственниками Лосъ Палаціосъ, съ частными лицами. Эрикуръ отправился въ Гаванну вести переговоры съ правительствомъ. Анхель Ортисъ пріѣхалъ на своемъ рыжемъ конѣ изъ Тальдеро съ больной женой въ колескѣ, съ своимъ домомъ изъ пронумерованныхъ бревенъ; волы привезли его на телѣгахъ Мартинеса. Посланные стали сейчасъ же вербовать туземцевъ въ лѣсахъ и на берегахъ опустѣвшихъ озеръ. Кальдасъ и Регасъ помогали маленькому бородатому человѣку. Въ руки съ жесткими какъ рогъ ногтями, такими какъ у животныхъ, положили сначала по нѣскольку песо; потомъ имъ дали топоры дровосѣковъ, заступы землекоповъ, пилы плотниковъ. Жумильякъ вмѣстѣ съ землемѣрами распланировалъ дорогу въ Лосъ Палаціосъ. Сначала нужно было выровнять путь для машинъ. Локомотивъ не доходилъ еще до Альта Вега, но уже проѣзжалъ на высотѣ хлопчатобумажныхъ плантацій, кромѣ послѣдней гористой части пути, гдѣ нивеллировка оказалась очень трудной; туда тяжелый грузъ поднимали на возахъ. Первые удары заступа раздались вмѣстѣ съ мелодичными звуками водопада. Всадники должны были становиться пѣшеходами. Ихъ лошадей впрягали въ телѣги, которыя сбрасывали крупные камни съ большой дороги. По примѣру Анхеля Ортиса, Эліасъ Регасъ, хотя онъ и не умѣлъ писать, все же командовалъ отрядами, держа въ рукахъ карандашъ, какъ архитекторъ. Онъ чертилъ на оборотной сторонѣ старыхъ картъ мнемоническіе знаки—палки, кресты, круги, точки или треугольники.

Въ оградѣ бывшихъ своихъ свиныхъ загоновъ, сгорѣв-

шихъ во время войны за независимость, Пахита Ниньесъ покрыла остатки сожженныхъ стѣнъ глиной и возвела крыши изъ сухихъ пальмовыхъ листьевъ, чтобы пріютить подъ ними немало лошадей и ихъ владѣльцевъ, прибѣжавшихъ въ лохмотьяхъ, въ шляпахъ изъ ивняка и съ ножами, быстро срѣзавшими кусты по пути передъ возами, которые начинали взбираться, запряженные парой быковъ, сгибавшихся подъ тяжестью желѣзныхъ брусьевъ.

Такъ со всѣхъ сторонъ края, поднимающагося съ морского берега, росло среди неустаннаго гама оживленіе работъ. Колючіе листья алоэ покрывались пылью. Крики рабочихъ пугали стаи птицъ. Въ душахъ людей родилось соревнованіе. Оно усилило гордость сильныхъ, ловкость слабыхъ, хвастливость тщеславныхъ, аппетитъ обжоръ, жажду пьяницъ, зависть жадныхъ. Всѣ стали не довѣрять другъ другу на дорогахъ, передъ бутылками.

Въ маѣ, наверху, чтобы расширить туннели для воды, которые выкапывали подъ озерами, чтобы прорѣзаться прямо въ известнякъ, Жумильякъ устроилъ маленькій гидравлическій перфораторъ. Струя водопада была захвачена въ трубы, проведена и сжата въ стальномъ цилиндрѣ. Дикари изумлялись въ своихъ пещерахъ. Колеса моторовъ вертѣлись, зубчатыя колеса кружились, скала трещала, а потомъ разлеталась снопами сверкающихъ камней, облакомъ мельчайшей пыли. Пыль влетала въ раскрытые отъ изумленія рты, покрывала бѣлымъ слоемъ лохмотья и усы. Пыль жгла горло, вызывала кашель. Оцѣпенѣвшіе отъ изумленія, дикари соглашались расчищать дороги. Фляги быстро осушались; дѣтишки каждый часъ бѣгали къ китайцу наполнять ихъ. Толпа рѣзвыхъ, визжащихъ ребятишекъ шныряла всюду.

Потомъ всѣхъ обуяла надежда разбогатѣть. Разъ машины начали копать землю, то все остальное придетъ само собой. Всѣ писали въ деревни, призывая родныхъ и товарищей пріѣхать дѣлить ихъ будущее богатство. У китайца, гдѣ сосредоточивался центръ жизни, излагались проекты, зарождались честолюбивые замыслы, образовывались товарищескіе союзы и заговоры. Тамъ останавливались по пути погонщики воловъ, отправленные съ берега съ составными частями машинъ, съ тоннами рельсъ, съ наборами орудій, всякіе Мартинесы и Альфонсо, братья всякихъ Карлоттъ, сопровождавшихъ ихъ со своей походной кухней и прачешной. Къ тому же единственному пункту спускались также всадники въ лохмотьяхъ, съ отдаленныхъ вершинъ; они пріѣзжали на своихъ полуслѣпыхъ, хромыхъ, задыхающихся лошадяхъ, предлагая себя со своими лихорадками строгому, методичному Кальдасу, порывистому и сердитому Эліасу Регасу.

Домъ Анхеля Ортиса сталъ воздвигаться. Пронумерованныя бревна сцѣплялись. Домъ окружили оградой, чтобы сдерживать потокъ прибывавшихъ. Иногда слышались за шторами стоны больной женщины. Тогда приходившіе понижали голосъ изъ страха, чтобы имъ не отказали въ пріемѣ на работы въ наказаніе за ихъ неучтивость. Изъ Тальдеро поднялись вверхъ нѣсколько группъ негровъ. Босые, съ узелкомъ вещей въ пестромъ платкѣ, съ лопатой, перевѣшенной черезъ плечо, они освѣдомлялись о платѣ, о возможности кутежей. Ихъ растрескавшіяся губы сосали листья табака, еще зеленые и свернутые. Нѣкоторые изъ нихъ садились на корточкахъ въ кругъ и пили водку изъ оловянныхъ кружекъ. Кубанцы изъ Гаванны и Матанзаса являлись въ качествѣ искусныхъ каменщиковъ и плотниковъ. Они обнаруживали нѣкоторое высокомѣріе, въ виду того, что умѣли пользоваться отвѣсомъ и компасомъ. Они разсуждали о предпріятіи такъ, какъ будто были дѣйствительными акціонерами. Нѣсколько механиковъ, уволенныхъ сахарозаводчиками, хвастали своими аттестатами, потягивая тростниковый сокъ изъ чашекъ китайца. Съ ихъ приходомъ начались разговоры. Они разсуждали объ аннексіи Кубы Соединенными Штатами. Лао-Ти отдавалъ имъ свои сушеныя селедки, свои консервы горошка, ломти холодной свинины или свѣжую жареную рыбу. Въ первые дни ему часто не хватало провизіи. Его лицо съ кошачьими губами горестно подергивалось отъ несомнѣнной потери прибыли. Онъ сдвигалъ назадъ на свою косу засаленную войлочную шапочку и вытиралъ длинные зеленоватые пальцы о черный камзолъ, все время мяуча. Потомъ онъ пріободрялся. Съ тысячью улыбокъ на лицѣ онъ безукоризненно прислуживалъ всадникамъ, неграмъ, инженерамъ, которые шутили надъ нимъ, или хозяйкамъ, приходившимъ за саломъ. Онъ тщательно провѣрялъ каждую монету прежде чѣмъ бросить ее въ мыльницу, гдѣ онъ хранилъ деньги. Отъ времени до времени онъ бросалъ щепотку соли въ котелъ, издававшій запахъ травъ и разваренной рыбы.

Около полудня у него тѣснилась толпа людей. Жара заставляла землекоповъ и возчиковъ останавливаться по пути. Они отдувались, не слушая предложенія мулатокъ, которыя носили въ своихъ корзинкахъ жевательный табакъ, сигары, шнурки, красные и голубые кушаки, пестрыя эспадрильи, мыло, бритвы, трубки и спички. Торговки тогда начинали считать свои гроши. При первой получкѣ жалованья впередъ рабочіе стали обматывать поверхъ разодранныхъ рубахъ полосы красной или синей шерстяной матеріи, чтобы придержать свои обтрепанные панта-

лоны. Вскорѣ дикари съ водопада, также какъ Регасъ и Кальдасъ, стали тоже повязывать животы такими кусками матеріи. Эрнандесъ радъ былъ, что оказалъ содѣйствіе Франко-Кубанской компаніи, когда увидѣлъ, что рабочіе стараются придать болѣе приличный видъ своей одеждѣ.

Среди этихъ мулатокъ толстая Мануэла насилу шла, обвѣшанная цѣлымъ ожерельемъ пестрыхъ эспадрилій. Ея обычная спутница раскачивала стопку соломенныхъ шляпъ, надѣтыхъ на длинный шестъ. Другія торговки сопровождали ихъ полупьяныя, такъ какъ онѣ пропивали половину заработка у китайца. Плоды, предлагаемые разносчицами, освѣжали рты, воспаленные спиртными напитками, возбуждающими охоту болтать. При всей своей величественности полнота Мануэлы стѣсняла ее. Нанять, какъ мать Карлотты, уголъ подъ навѣсомъ бывшаго свиного загона, разложить тамъ свой товаръ и ждать покупателей—вотъ что было ея мечтой. Желаніе имѣть опредѣленное мѣсто охватывало всѣхъ торговокъ. Онѣ слышали разговоры о большой важности работъ и объ ихъ длительности, о вѣроятномъ успѣхѣ и будущихъ богатствахъ. Къ тому же Мануэла совершенно изнемогала. Она обливалась потомъ. Подъ пестрымъ головнымъ платкомъ видны были большіе глаза съ блуждающимъ взглядомъ, ротъ съ опустившимися отъ слабости углами, грузныя щеки. Подруги стали ее ободрять, называя ее въ видѣ ласки именами домашнихъ птицъ. Высокая Нина всунула ей въ ротъ папиросу, которую курила сама въ это время. Это успокоило всего на минуту толстую женщину. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она вскорѣ опять остановилась и стала обвинять своихъ одиннадцать дѣтей за то, что они оставили ее въ нищетѣ. Она обращалась къ добрымъ чувствамъ прохожихъ. Анхель Ортисъ слушалъ ее, перелистывая свои записныя книжечки, потягивая свою лошадь за узду, ободряя растеряннаго Регаса.

А вѣдь она всѣхъ дѣтей хорошо воспитала, клялась Мануэла; мальчики и дѣвочки работаютъ въ Гаванѣ, въ Ватансасѣ, въ Тальдеро на табачныхъ фабрикахъ, даже въ Лерро, у м-мъ Альвина, потому что они учились ремеслу на ея счетъ. Долоресъ и ея сестры, Хулія Кацересъ, Магдана, сообща съ Хозе Пуентэсомъ могли бы посылать еженедѣльно десять франковъ матери. Тогда бы Мануэла смогла нанять лавку въ городѣ. А такъ какъ здѣсь, повидимому, дѣло пойдетъ прочно, то она могла бы устроиться и здѣсь. Анхель Ортисъ сказалъ ей, что она права, и уѣхалъ. Днемъ, когда группа кумушекъ мѣшала движенію, Эліасъ Регасъ, примчавшись галопомъ на своей ло-

шади, громко кричалъ на нихъ. Мануэла повторяла ему все съ начала про свою нужду. Будь она цвѣточницей, говорила она, вѣдь она зарабатывала бы безконечно много. А неблагодарныя дѣти покинули ее—и вотъ ей конецъ. Въ ея лицѣ слѣдовало бы выказать уваженіе къ торговлѣ. А вотъ Эліасъ Регасъ гонитъ ее прочь, ее, „мулатку, которою въ Карденасѣ восторгались моряки всѣхъ націй, когда она расхаживала въ своемъ платьѣ изъ матеріи въ цвѣтахъ, съ зеленымъ зонтикомъ, вдоль набережной, выкрикивая газетныя новости. Одинъ морской офицеръ каталъ ее даже разъ въ коляскѣ. Да, сеньоръ. Она пила шипучее вино съ офицерами одного крейсера". Млѣя отъ восхищенія, другія торговки внимательно слушали ее среди смѣха негровъ, кубанцевъ и астурійцевъ... Вытянувшись всѣмъ станомъ подъ корзинками плодовъ на головахъ, онѣ не смѣли и мечтать о величіи, выпавшемъ на долю этой истощенной пьяной бабы, у которой все еще звенѣло въ карманѣ. Несчастная жаловалась на слабость ногъ. Ей все хотѣлось присѣсть. Но все время спускались внизъ слишкомъ широкіе возы, запряженные волами. Отряды конныхъ рабочихъ тоже могли задавить ее въ пыли. Вокругъ Мануэлы собирались группы людей, мѣшавшія конному движенію. Даже Кальдасъ разсердился на нее. Нина и другія окружили тогда толстуху, подняли ее съ земли и увели. Къ тому же пора было уходить съ постройки у озеръ. На слѣдующій день, во вторникъ, у рабочихъ уже не будетъ денегъ на покупки, а Пахита требуетъ впередъ плату за ночлегъ въ свиномъ загонѣ. Прижатая къ изгороди изъ алоэ отрядомъ негровъ и грузомъ камней, Мануэла должна была рѣшиться уйти. Она, шатаясь, двинулась впередъ, среди общаго смѣха. Ожерелье изъ эспадрилій качалось въ тактъ хромающимъ шагамъ несчастной. Пройдя нѣсколько шаговъ, пьяная снова опустилась, и пришлось поднимать ее съ земли. Ее потащили. Она стонала. Жумильякъ, проѣзжая мимо, приказалъ посадить ее на смирную лошадь, которая довезла ее до свиного загона. За пезо, данный инженеромъ, Пахита Ниньесъ пріютила у себя торговку на недѣлю, давъ ей соломенный тюфякъ, скамью и миску въ одномъ изъ сгорѣвшихъ хлѣвовъ, открывавшихся не во внутрь двора, а наружу. Подруги помогли ей развѣсить эспадрильи, галстухи, установить опахала, разложить сигары. Онѣ тоже разложили свой товаръ.

Вотъ какимъ образомъ Жумильякъ положилъ начало торговлѣ въ Лосъ Палаціосъ.

Погонщики воловъ, возвращавшіеся назадъ къ берегу съ пу-

стыми возами, одинъ за другимъ скупили почти весь выставленный табакъ. Мануэла цѣловала свою мѣдную маленькую медаль съ изображеніемъ Христа послѣ каждой получки денегъ отъ покупателя. Дѣти Пахиты Ниньесъ не были у перваго причастія: это ее удивляло, возмущало. Родители ихъ, значитъ, недостойны того, чтобы Христосъ посылалъ имъ муку. Мануэла вздумала тогда обучать ихъ катехизису, какъ своихъ дочерей: „Что такое Богъ?.. Богъ—отецъ золота. Онъ плюнетъ: это солнце и звѣзды. Онъ потянетъ воздухъ: это южный вѣтеръ, срывающій верхушки пальмъ“. Потомъ, запѣвъ псаломъ, она въ тактъ терла себѣ колѣни. Жумильякъ прозвалъ ее Религіей и Опрятностью, чтобы развеселить Анхеля Ортиса, который тревожился о сердцѣ своей жены. Двѣ сестры явились продавать рыбу, привезенную въ корзинахъ, привѣшенныхъ по обѣ стороны сѣдла. Дѣти Пахиты Ниньесъ плакали и дрались; мать, чтобы успокоить голую дѣтвору, купила, кромѣ рыбы, еще нѣсколько штукъ мангъ. Дѣдушка сестеръ, по ихъ словамъ, узналъ отъ китайца, какъ много даетъ рыбная ловля при помощи динамита. Воды озера вздымались и выбрасывали свое населеніе съ перламутровыми животами. Каждое утро сестры являлись въ свиной загонъ, погоняя лошадь, нагруженную рыбами и овощами для супа. Онѣ выбрали одинъ изъ прежнихъ хлѣвовъ и устроили его; удача Мануэлы убѣдила ихъ отважиться на устройство собственной торговли.

Возвращаясь на ночлегъ, жильцы Пахиты Ниньесъ покупали новую обувь у Мануэлы, разумно употребивъ на это экстренную плату за установку рельсъ Дековиль. Грузная женщина перестала хныкать. Она стала подумывать о томъ, чтобы продавать кожаную обувь. Нина, худая, подвижная, нравилась неграмъ. Они покупали у нея. Гирлянда соломенныхъ шляпъ, развѣшенныхъ на стѣнѣ, которую она наняла, быстро рѣдѣла; карманъ ея тяжелѣлъ.

Вскорѣ бывшій свиной загонъ принялъ видъ рынка. Вокругъ торговокъ былъ постоянный шумъ, смѣхъ. Внутри мать Карлотты варила супъ для рабочихъ, которые весело подкрѣпляли свои силы.

Эліасъ Регасъ быстрымъ галопомъ примчался, свернувъ съ большой дороги. Сначала онъ на всѣхъ накинулся. Онъ отодралъ хлыстомъ маленькаго негритенка, который готовилъ известь для починокъ. Онъ пригрозилъ Пахитѣ земнымъ и небеснымъ гнѣвомъ, если она не пріютитъ у себя землемѣровъ изъ Гаванны и геологовъ, присланныхъ изъ Нью-Орлеана для изслѣ-

дованій почвы; они пробудутъ одну-двѣ ночи. Худощавый бѣшеный человѣкъ требовалъ для нихъ отдѣльнаго домика. Хозяйка должна была успокаивать свою испуганную дѣтвору и слушать приказы „завѣдывающаго работами“. Почему не устроить этихъ господъ на ночлегъ въ Кинта Эрнандесъ? Эліасъ возразилъ, что тамъ живутъ секретари Эрикура и Анхеля Ортиса, такъ что нѣтъ свободнаго мѣста. Пришлось отправить въ свиной загонъ плотниковъ. Они построили крыши надъ всѣми сгорѣвшими хлѣвами, поставили вездѣ двери. Послѣ грозы показалось необходимымъ устроить навѣсъ, подъ который рабочіе приходили бы ѣсть. У матери Карлотты чуть было не разыгрался бунтъ во время сильнаго дождя. У ея прилавка дрались за стаканъ агвардіенте, за порцію рыбы, за сухой хлѣбъ, потому что толпа все прибывала. Погонщики, поднимавшіеся вверхъ изъ Парахасъ со стадами барановъ и воловъ, оставались подъ открытымъ небомъ. Что касается птицы, перца съ приправами, то это сохранялось для инженеровъ. Часто ихъ негръ платилъ два песо старшей сестрѣ, чтобы она посылала младшую на лошади еще за птицей, за рыбой, за перцемъ. Порывистыя движенія, ругань и крики Эліаса Регаса нѣсколько усмиряли гамъ. Мануэла дрожала за своимъ хрупкимъ прилавкомъ и защищала свой товаръ своей огромной, грузной рукой. Нина пряталась за шляпами. Пахита Ниньесъ непрерывно сваливала рыбу въ уголъ, отряхая свои окровавленные пальцы. Въ воскресенье Кальдасъ сталъ плакаться. Докторъ Розасъ распорядился, чтобы въ свиномъ загонѣ устроенъ былъ постоянный рынокъ, гдѣ ветеринаръ могъ бы свидѣтельствовать доброкачественность мяса. Отвѣтственность падала на Эліаса Регаса и Кальдаса, въ случаѣ эпизоотіи среди луизіанскихъ стадъ. Эта затѣя доктора приводила въ бѣшенство инспектора; онъ хлопалъ кулакомъ по шляпѣ, испещрялъ странными знаками игральныя карты, вынутыя изъ кармана, и переносилъ свой гнѣвъ на лошадь, оттягивая ей ротъ, вонзая въ бокъ единственную шпору, прикрѣпленную къ лѣвой эспадрильѣ. Это кончалось неожиданнымъ галопомъ и расталкиваніемъ мирныхъ прохожихъ. Онъ мчался въ облакѣ пыли къ навѣсу Лао-Ти. Коршуны улетали съ собачьихъ труповъ.

Огромное большинство рабочихъ искало наслажденія только въ ѣдѣ и питьѣ. Они брались возить тачки, копать землю, погонять воловъ только для того, чтобы удовлетворять свои аппетиты. Песосы и центавосы были для нихъ талисманы, могущіе по ихъ мановенію принести имъ всѣ наслажденія въ мірѣ. Лѣсные люди изъ гордости подражали пріѣхавшимъ съ берега

и изъ городовъ, каменщикамъ изъ Порто Бланко, плотникамъ изъ Тальдеро, механикамъ изъ Парахасъ и даже американскимъ мастерамъ, посланнымъ отъ „Электрикъ-Стандартъ“ для изученія установки турбинъ въ Альта Вега, такъ какъ установка толевыхъ трубъ на вершинѣ Парахасъ оказалась слишкомъ дорогой. Новоприбывшіе требовали всегда мяса, свѣжаго прованскаго масла и умѣло приготовленныхъ овощей. Китаецъ старался угодить имъ, такъ какъ преклонялся передъ американцами со времени завоеванія Манильи и Кубы; въ особенности внушалъ въ немъ почтительныя чувства Форстеръ. Его короткіе золотистые усы на жирномъ, спокойномъ лицѣ, черные, довольно длинные, лоснящіеся волосы, кругло остриженные за ушами, молчаніе, чередующееся съ здоровымъ смѣхомъ, постоянная чистота его новыхъ подтяжекъ, его черной новой фланелевой рубахи, новаго костюма, облекавшаго мускулистое тѣло, новой касторовой шляпы, спущенной на маленькіе сверкающіе глаза—все это дѣлало его настоящимъ джентльменомъ, хотя Форстеръ и требовалъ, входя, бензина для чистки инструментовъ, и его бѣлыя руки были липки отъ минеральнаго масла. Непринужденность манеръ очень облагораживала Кеннеди, хотя онъ былъ худощавъ, бородатъ, съ выступающимъ подбородкомъ, удлиненнымъ бородкой. Его костлявыя руки казались страшными пауками, разбѣгающимися во всѣ стороны и чудовищно способными завинтить или отвинтить какую бы то ни было часть двигающейся машины, разсѣять передъ собой толпу, стоящую на его пути, снять съ крюка надъ головой встревоженнаго китайца селедки и колбасу, если ему недостаточно скоро подавали то, что онъ заказывалъ. Форстеръ и Кеннеди казались двумя цирковыми артистами, переодѣтыми въ механиковъ. Соперничая другъ съ другомъ, они ставили каждый на свою вытянутую руку шесть или семь бутылокъ съ разными ликерами, и такое же число бутылокъ ставилось на каждой ногѣ, когда они садились на стулъ. Тотъ изъ двухъ, у кого перваго одна изъ бутылокъ выскальзывала, падала или лопалась, платилъ за всѣ. Вмѣстѣ они пили до тѣхъ поръ, пока, застывшіе и блѣдные какъ трупы, не падали на полъ. Но бѣда тому, кто посмѣлъ бы тихонько вытянуть золотые часы или монеты въ пять долларовъ, вздувавшіе лѣвые карманы ихъ панталонъ. Кулаки труповъ тотчасъ же воскресали. Четыре пальца въ кольцахъ изъ заостренной стали буравили въ четырехъ мѣстахъ лицо неосторожнаго негра, въ то время какъ вокругъ раздавался грохочущій хохотъ. Другіе слѣдовали ихъ примѣру, въ точности подражали имъ. Товарищи ихъ были монтировщикъ Гартъ, Симсонъ

Гиль — электротехникъ, Колингудъ — устанавливавшій турбины, Клартеръ—надсмотрщикъ надъ моторами, Ванъ Говенъ—химикъ. Кромѣ того было еще два маленькихъ господина, одинъ бѣлокурый какъ скандинавка, другой шатэнъ какъ француженка; они нанимали иногда локомобиль, прихрамывающій, трескучій, составленный изъ кусковъ, починенный при помощи проволоки и чугунныхъ днищъ; но на этомъ локомобилѣ они являлись всегда во-время, когда нужно было быстро пилить дерево для подпорокъ, привести въ движеніе горизонтальный воротъ или сдѣлать что-нибудь другое при помощи пара. Ихъ звали Пуктонъ и Самми. У нихъ были двѣ клячи: одна тащила локомобиль, другая была навьючена орудіями и разными принадлежностями для работъ. По увѣреніямъ рабочихъ изъ Чикаго, эти юноши принадлежали къ семьямъ милліонеровъ изъ Индіанополиса. Дѣйствительно, часто ихъ можно было видѣть вымытыми, одѣтыми точно для игры въ теннисъ, и они вели себя тогда какъ свѣтскіе молодые люди изъ Гаванны.

Благодаря этой легендѣ, а также видной внѣшности рабочихъ, ихъ нежеланію опуститься, довольствоваться грязными отрепьями, подчиняться всему, понуривъ голову, американская партія рабочихъ служила примѣромъ, внушавшимъ большое почтеніе кавалерамъ въ лохмотьяхъ, неграмъ въ грязныхъ блузахъ и мулатамъ. Американцы относились почти какъ къ равнымъ къ инженерамъ, агентамъ, землемѣрамъ и коммерческимъ агентамъ, признававшимъ ихъ техническую силу. Тѣмъ не менѣе, послѣдніе предпочли нѣсколько отдѣлиться отъ другихъ. Они заставили китайца устроить имъ эстраду подъ соломенной крышей, и это мѣсто превращено было въ „клубъ“. Доступъ туда былъ запрещенъ постороннимъ.

Въ своихъ безукоризненно бѣлыхъ костюмахъ они на глазахъ у всѣхъ выпивали немало напитковъ самаго разнообразнаго цвѣта, съѣдали много чудовищныхъ ломтей ветчины, а также вкусно пахнущихъ пироговъ, которые вскорѣ сталъ изготовлять толстый китаецъ, вызванный изъ города и вошедшій въ компанію съ Лао-Ти. По ихъ примѣру янки потребовали, чтобы имъ отведенъ былъ тоже свой уголъ, огражденный новой веревкой на четырехъ колахъ; потребовали, чтобы имъ подавали американскіе консервы въ яркихъ жестянкахъ, виски лучшей марки, и чтобы имъ прислуживалъ негръ въ пестромъ жилетѣ—тотъ, который служилъ шоффероМъ локомобиля Пунктонъ-Самми.

Эти ухищренія заинтересовали рабочихъ, пришедшихъ съ берега, а также съ горъ. Они потребовали, чтобы имъ готовили

ихъ національное блюдо—жареную свинину. Чтобы приманить ихъ, Лао-Ти каждый день жарилъ цѣликомъ, съ кожей, двухъ огромныхъ черныхъ поросятъ и выставлялъ ихъ на самомъ видномъ мѣстѣ своего большого буфета. Остро отточеннымъ ножомъ онъ нарѣзывалъ щедрыя порціи свинины, которыя наперерывъ брали у него монтеры, плотники, столяры. Пансіонеры Пахиты Ниньесъ и Карлотты, съ Кальдасомъ во главѣ, стали стыдить ихъ за то, что онѣ кормятъ только супомъ, рыбой и салатомъ. Теперь, когда приходится такъ тяжело работать на солнцѣ, вбивая рельсы, перевозя въ тачкахъ осколки скалъ, взорванныхъ динамитомъ, свозить мусоръ, долбить камень и возить большія тяжести, необходима очень питательная ѣда. Мать Карлотты не могла насытить ихъ, разрѣзая сало изъ супа на маленькіе кусочки, для того чтобы этихъ кусковъ казалось больше, также какъ Пахита Ниньесъ—своей чечевицей и бобами, смѣшанными съ мѣстными травами. Не смотря на брань Мартинеса и Альфонсо, защитниковъ дамъ, гости ворчали. Почему они должны питаться хуже, чѣмъ другіе? Они—бывшіе солдаты и имѣютъ право, по крайней мѣрѣ, на такія же привилегіи. Кальдасъ выпрямился, говоря это, и устремилъ на Пахиту взбѣшенный взглядъ. Они заявили, что даже готовы больше платить. Мартинесъ обѣщалъ тогда, что онъ съ братомъ навезутъ матери всякихъ припасовъ, когда вернутся изъ Парахасъ. Дорога останавливалась въ самомъ низу горы и всѣ тюки приходилось везти навьюченными на лошадь по извивающейся горной тропѣ. Негры Анхеля Ортиса расширяли путь только для перевозки на возахъ машины, нагруженной на возъ. Проѣздъ машины оставлялъ такія рытвины въ землѣ, что никакой другой экипажъ не могъ послѣ того подняться по испорченному пути, и приходилось прежде всего его поправлять. Поэтому Пахита, Мануэла и даже Нина съ трудомъ доставали товаръ для своихъ лавокъ. Каждая изъ нихъ старалась расширить свою торговлю. Кромѣ табака, эспадрилій, обуви, Мануэла продавала теперь газеты и ромъ—т.-е. то, что̀ дополняетъ удовольствіе куренья. Нина продавала своимъ многочисленнымъ друзьямъ рубашки и панталоны изъ бумажной ткани, кушаки и фуражки, а также часы по одному пезо; только покупателей часовъ она цѣловала за ширмой, составленной изъ платковъ и блузъ, развѣшенныхъ по срединѣ лавки для дамъ. На полкахъ для кондитерскихъ товаровъ часто стояли конфеты, бисквиты, варенье. Сестры изъ Лосъ Палаціосъ, основавшія рыбную торговлю, процвѣтали; среди рыбы, выложенной на двухъ большихъ известковыхъ пли-

тахъ, былъ и омаръ въ пестрыхъ американскихъ жестянкахъ, и селедки въ боченкѣ, а иногда и живые омары и крабы.

Изъ-за плохого сообщенія всѣ эти лакомства не всегда были на лицо. Когда они отсутствовали, это было разочарованіемъ для тѣхъ, кто во время тяжкой работы тѣшился надеждой хорошо поѣсть. На слѣдующій день завсегдатаи Лао-Ти смѣялись надъ горцами, говорили, что они ѣдятъ грязь, такъ какъ, по мнѣнію людей съ тонкимъ вкусомъ, рыба изъ трехъ озеръ пахла тиной. Замазывая штукатуркой камни въ стѣнахъ, дѣйствуя гидравлическимъ буравомъ въ облакѣ пыли, таща землемѣрную цѣпь по землѣ, уставленной вѣхами, они смѣялись надъ несчастными, которымъ приходилось свозить груды камней среди раскаленнаго воздуха, или, погоняя воловъ, выдерживать атаку мустиковъ. Гордясь своей ловкостью, своимъ большимъ жалованьемъ, мастера, работавшіе съ отвѣсомъ и манометромъ, не щадили самолюбіе избирателей Эрнандеса, которымъ трудно было понять, куда слѣдуетъ вливать масло въ машины и сколько, не знали, гдѣ надлежащее мѣсто мягкаго камня — мѣсто, опредѣляемое геометрическими указаніями для натянутыхъ веревокъ. Раздражаясь нагроможденіемъ мусора, нагрѣваніемъ колесъ, пріѣзжіе рабочіе осмѣивали неуклюжесть своихъ туземныхъ помощниковъ: во время ссоръ неловкость „дикарей“ со смѣхомъ объясняли тѣмъ, что они питаются супомъ изъ травы и рыбой.

Вопросъ о пищѣ сталъ, такимъ образомъ, занимать всѣ умы. Смотря по ѣдѣ, человѣка считали дуракомъ или человѣкомъ себѣ на умѣ, рабомъ или бариномъ.

Глядя вечеромъ на загороженный „клубъ“, съ его столомъ изъ ящиковъ, аккуратно застланнымъ скатертью, на чистые стаканы, тарелки, кубки изъ дорожныхъ несессеровъ, глядя на ѣду, для которой инженеры очевидно помылись, побрились, причесались, надѣли чистое бѣлье послѣ работы въ грязи цѣлый день, вся толпа стала видѣть въ ихъ ѣдѣ знакъ ихъ высокаго общественнаго значенія. Снявъ кожаныя перчатки и рабочіе панталоны, Форстеръ, Гартъ, Кеннеди, ихъ товарищи также производили на толпу сильное впечатлѣніе. Всѣ отчаявались въ возможности устроить себѣ такіе прямые проборы, какъ у нихъ, такъ тщательно спустить усы на верхнюю губу. Какъ достать такія, какъ у нихъ, черныя фланелевыя рубахи, повязаныя зелеными или синими галстухами? И кто сможетъ когда-нибудь отдавать, какъ они, приказанія негру въ жилетѣ? Кто какъ слѣдуетъ сможетъ соблюдать весь этотъ церемоніалъ, очевидно неизбѣжный для того, чтобы спокойно ѣсть чикагское копченое мясо?

Тѣ, которые обѣдали дома, нарочно ходили покупать провизію у китайца на глазахъ у всей публики.

Регасъ долго подвергался оскорбленіямъ нивелировщиковъ, которые заграждали дорогу рабочимъ, поднимавшимся или шедшимъ внизъ, тѣмъ, что они всюду устанавливали свои треножники и нивелирныя рейки, подъ предлогомъ точной провѣрки работъ. Землемѣры не выказывали большого почтенія къ инспектору. Они говорили ему, чтобы онъ шелъ ѣсть супъ къ Пахитѣ Ниньесъ и не совался въ ихъ дѣло. Они грозили ему пожаловаться Анхелю Ортису, если онъ и его товарищи, которые ѣдятъ грязь, будутъ мѣшать ихъ разсчетамъ. Тогда однажды, послѣ работы, Эліасъ явился на своей лошади съ курами, которыхъ везъ на свадьбу одной своей племянницы. Появленіе дорогой домашней птицы произвело сенсацію, и на слѣдующій день къ Регасу отнеслись почтительнѣе. Съ тѣхъ поръ онъ каждый день на глазахъ у всѣхъ увозилъ вечеромъ изъ Лосъ Палаціосъ куръ, которыхъ онъ тайкомъ привозилъ утромъ. Эта уловка тверже укрѣпила его авторитетъ, отъ водопада до берега, чѣмъ его крики, ругань и скаканіе на лошади во всякое время.

Словомъ, вся жизнь заключалась въ ожиданіи вечерней ѣды. Въ полдень жара отнимала аппетитъ. Конецъ работы обозначался свѣжестью, которая доносилась съ моря съ закатомъ солнца. Тогда мускуламъ нечего было болѣе напрягаться. Глаза не глядѣли сосредоточеннымъ взглядомъ, выжидая приказовъ. Можно было не напрягать больше и слуха. Сидя и лежа, рабочіе распускали кушаки, чтобы свободнѣе дышалось, и вскорѣ всѣ освѣжали горло холодными спиртными напитками, стоя передъ прилавками китайца и Мануэлы, которую всѣ преслѣдовали насмѣшками.

Мало-по-малу медленное опьяненіе оживляло разговоръ. Ветераны описывали свои военные подвиги. Кальдасъ громко и хорошо пѣлъ. Городскіе рабочіе потѣшались надъ своими сосѣдями, какъ надъ клоунами въ циркѣ. Золото заработковъ преображало робость деревенскихъ выходцевъ въ блестящее остроуміе, по мѣрѣ того какъ они пили стаканъ за стаканомъ виски съ содовой водой. Американцы затѣвали шутливыя пари. Неопредѣленная радость разливалась по жиламъ и по всему тѣлу. Шумъ разговоровъ у китайца заглушалъ горе бѣдняковъ. Смѣхъ появлялся даже на сухихъ губахъ самыхъ слабосильныхъ.

У Мануэлы всѣ забавлялись тѣмъ, что заставляли ее пѣть непристойныя пѣсни и слушали ее, потягивая сахарную воду съ

ромомъ, среди дыма сигаръ. Гулъ напряженной жизни опьянялъ, наконецъ, этихъ лѣсныхъ людей и негровъ съ плантацій, которые никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ, не слышали вокругъ своихъ разгоряченныхъ головъ столько споровъ, столько смѣха. Спиртъ горячилъ умы. Въ эти часы веселье было общимъ: они были отрадой для рыбаковъ, для охотниковъ, прежде страдавшихъ отъ голода и отъ одиночества.

Отъ навѣса китайца Лао-Ти до свиного загона по дорогѣ стояла пыль отъ проходившихъ толпой болтуновъ и хвастуновъ. Одѣтые въ новое платье, испанскіе кавалеры пользовались почтеніемъ, благодаря своему внушительно аристократическому виду. Они смѣло шли, расталкивая встрѣчныхъ, и радовались, что не ходятъ болѣе въ унизительныхъ лохмотьяхъ. Опоясанные красными или голубыми кушаками поверхъ новыхъ рубахъ, въ новыхъ шляпахъ, въ новыхъ эспадрильяхъ, они сдѣлались очень дерзкими. Приходя въ лавку Нины, они требовали, чтобы въ нихъ заискивали, предлагали имъ всевозможные товары. За столомъ красавица-торговка и ея помощницы наклонялись къ испанцамъ, желая завоевать ихъ расположеніе.

Ничто не могло сравниться съ удовольствіемъ Кальдаса, когда Пахита Ниньесъ подавала ему чашку супа, который онъ варилъ самъ въ лѣсу, собравъ и очистивъ предварительно травы. То, что отъ этого нектара не пахло дымомъ сырыхъ вѣтокъ, удивляло его такъ же, какъ любезность хозяйки-вдовы. Она была очень граціозна въ своемъ стянутомъ платьѣ, въ розовомъ головномъ уборѣ, красиво оттѣнявшемъ нѣжный цвѣтъ ея глазъ. Эти двадцать маленькихъ домиковъ, въ которыхъ тѣснились лавки, принадлежали ей. Лугъ она отдавала въ наемъ для пастбищъ. Ей же принадлежала и прачешная, въ которой стоялъ непрерывный шумъ отъ смѣха и окликовъ прачекъ. Пахита Ниньесъ осуществила бы для того, кого взяла бы въ мужья, идеалъ богатаго брака. Кальдасъ вкушалъ сладость этой надежды вмѣстѣ со своимъ супомъ, своей жареной рыбой, своими плодами. Около него подъ навѣсомъ изъ пальмовыхъ вѣтвей сидѣли товарищи, тѣснясь на длинныхъ скамейкахъ у досокъ, служившихъ столомъ. Съ одурманенной уже головой они поддразнивали хмураго дѣда и маленькую негритянку, разливавшую содержимое котла въ чашки, протянутыя обѣими руками. Гости, хвастая, вспоминали свои подвиги на охотѣ, вспоминали о ночахъ, проведенныхъ безъ ѣды, въ лѣсахъ, подъ проливнымъ дождемъ, въ поискахъ неуловимой дичи, когда зубы стучали въ лихорадкѣ. Одинъ клялся, что отобралъ отъ коршуновъ падаль, которую они клевали, послѣ тяжелой борьбы. Воспоминаніе объ

этихъ минувшихъ страданіяхъ еще усиливало для нихъ прелесть вечера подъ прохладнымъ навѣсомъ. Минутами, когда выпиваешь стаканъ агвардіенте, когда густой супъ пріятно щекочетъ горло, когда зубы откусываютъ кусокъ сала и чувствуешь на языкѣ кисло-сладкій вкусъ салата—всѣми этими минутами они наслаждались еще болѣе полно. Съ округлившимся животомъ, съ пріятнымъ вкусомъ во рту, они поздравляли другъ друга со своей удачей. Да, хорошо, что французъ пріѣхалъ за кладомъ Колумба, спрятаннымъ въ дьявольскихъ озерахъ!

На половину не вѣря, они все же относились къ этому преданію съ нѣкоторымъ страхомъ передъ тайной всякаго чуда. Необъяснимость превращенія воды въ золото заработной платы, въ сытные обѣды, въ опьяняющіе напитки—это чудо казалось имъ сродни евангельскимъ. Только священную исторію они и знали; ее постоянно твердилъ имъ священникъ, ее напоминали священныя изображенія въ церкви. И хотя въ тайнѣ своихъ мыслей они именно такъ понимали внезапное появленіе Эрикура, все же, желая казаться разсудительными, они подсчитывали въ бесѣдахъ богатство организатора дѣла и Франко-Кубанской компаніи. Они даже преувеличивали цифры, споря другъ съ другомъ. Наиболѣе беззастѣнчивые лгуны говорили, что во Франціи съ осени горные скаты покрыты шампанскимъ и что богачи всего міра покупаютъ это вино на вѣсъ золота. Тогда другіе кричали о несправедливости въ мірѣ. Они повторяли рѣчи своего Доминго Эрнандеса о равенствѣ труда и капитала. Большинство слушателей опускали головы. Что же съ этимъ подѣлать? Какъ нельзя бороться съ грозой, съ засухой, съ желтой лихорадкой, такъ и тутъ... Они утѣшались тѣмъ, что бросали нѣсколько центавовъ на доски, служившія столомъ, для того, чтобы старикъ налилъ имъ рома изъ бутылки въ ихъ стеклянные стаканы. Самые молодые засыпали, положивъ голову на руки. Одинъ разворачивалъ свою гитару и пѣлъ про любовь, при мельканіи свѣтляковъ—кокоюсовъ,—носившихся въ тепломъ воздухѣ. Негры, сидѣвшіе кругомъ на землѣ подъ открытымъ небомъ, мѣрно пѣли свои грустныя пѣсни чистыми голосами. Передъ „клубомъ“ мулатка танцовала фламенко на воздухѣ, задрапированная въ красную шаль, съ краснымъ цвѣткомъ въ волосахъ.—„Олле!“—кричали нѣсколько астурійцевъ, пріѣхавшихъ сажать овощи на поляхъ, расчищаемыхъ въ пригородахъ Кинта Эрнандесъ. И они хлопали въ тактъ своими загорѣлыми руками. Молчаливые, окутанные дымомъ своихъ сигаръ, курильщики слѣдили за танцемъ. Дальше, у порога хижинъ, семьи сидѣли на скамейкахъ за сто-

ломъ. Сосѣди соперничали другъ съ другомъ количествомъ блюдъ и бутылокъ. Никогда до тѣхъ поръ эти люди, прежде очень скромные въ питьѣ и ѣдѣ, не представляли себѣ возможности столькихъ наслажденій. Разрытая почва ихъ родины создавала радость губъ, горла, желудка. На что̀ и тратить заработанные песосы и центавосы, какъ не на то, чтобы сравнивать испанское вино съ французскимъ коньякомъ, съ чикагскими колбасными продуктами, съ кубанскими нѣжными овощами, съ кулинарнымъ искусствомъ мулатокъ?! Лишенные такъ долго всякой сытости, они наслаждались возможностью вдоволь ѣсть и пить. Имъ пріятно было, что міръ шатается и пляшетъ передъ ихъ отуманеннымъ взоромъ, подобно кокоюсамъ, носившимся въ зеленовато-розовомъ вечернемъ воздухѣ. Представляя собой сначала грозди брилліантовъ, привѣшенныхъ къ листьямъ банановыхъ деревьевъ, кокоюсы превращались потомъ въ качающуюся люстру. Отъ дѣйствія спиртныхъ напитковъ женщины становились податливѣе, мужчины предпріимчивѣе. Страсти не встрѣчали болѣе сопротивленія торжествующей добродѣтели. Удовлетворенная страсть засыпала глубокимъ сномъ на ложѣ изъ цвѣтовъ и благоуханныхъ травъ.

Во время работы можно было утѣшаться воспоминаніемъ о пламенной страсти, о красивыхъ женщинахъ, объ упоительныхъ напиткахъ. Когда машина не такъ сильно грохотала у водопада, когда пыль дорогъ осѣдала подъ камнями, даже дикари принимались распрашивать механиковъ о французскихъ винахъ, о томъ, какъ кормятъ на пароходахъ. Во снѣ имъ рисовались райскія селенія, гдѣ всѣ пьютъ волшебные напитки, утоляющіе всякое горе, отгоняющіе усталость, превращающіе бѣдняка въ радостнаго властелина. Когда свистокъ Кальдаса возвѣщалъ неграмъ остановку, они удивлялись американцамъ. Ихъ водка, попадая въ горло африканцевъ, вызывала желаніе плясать, или же гнѣвъ, страшный для противника, или смѣлость желаній. Въ такія минуты они чувствовали, что способны одержать побѣду, и вовсе не желали подчиняться приказаніямъ Анхеля Ортиса, который требовалъ, чтобы они толкли известнякъ на жгучей дорогѣ, поднимали на блокахъ тяжести для каменщиковъ, работающихъ на лѣсахъ.

Когда землемѣры переносили на другой пунктъ свои треножники и цѣпи, они похваливали на ходу жаренаго поросенка у китайца, пряности, которыми приправлено было жаркое, и тотъ вкусъ кубанскихъ лѣсовъ, который чувствуется въ хорошо изготовленныхъ стручкахъ перца. Обо всемъ этомъ пріятно было

вспоминать въ бесѣдѣ. Пріятели мечтали о томъ, что будутъ пить апельсинный сокъ съ агвардіенте, и о томъ, какъ пріятно будетъ потомъ выкурить табакъ Сіенфугосъ, отъ котораго идетъ такой густой дымъ, что въ немъ понемногу можно различить грозу на небѣ, движенія пляшущей цыганки, мчащихся галопомъ всадниковъ и самые диковинные цвѣты. Но жара сушила горло у всѣхъ; изможденные, покрываясь потомъ, они мечтали болѣе всего о замороженныхъ напиткахъ, о которыхъ вспоминали, слушая шумъ водопада за кустарникомъ.

Нѣсколько мулатокъ въ синихъ косынкахъ, верхомъ на лошадяхъ, возили свои глиняные кувшины съ постройки на постройку, проѣзжая мимо строительныхъ лѣсовъ, вдоль веревокъ, ограждавшихъ траншеи. Онѣ приносили съ собой успокоеніе. Отеревъ рукавомъ ротъ и заплативъ мелкую монету старухѣ, каждый рабочій чувствовалъ себя бодрѣе: не такъ сильно ныла спина, не такъ сильно горѣли ладони, судорожно сжавшіяся на рукояти заступа, нажимавшія на веревку, на желѣзо рычага. Они знали, что отложенныя деньги доставятъ имъ со временемъ много наслажденій. Кубанцы мечтали поѣхать въ Гаванну, пошататься по кофейнямъ города, вдоль синихъ и розовыхъ колоннъ по улицѣ Черро, тамъ, гдѣ въ тѣни гуляютъ красотки въ туго накрахмаленныхъ юпкахъ. Если ихъ прелесть будитъ страсть, то можно пойти въ далекія улицы, гдѣ живутъ молодыя мулатки. Нарумяненныя, онѣ сидятъ у открытыхъ оконъ. У нихъ золотые цвѣты въ волосахъ, платья изъ синяго и зеленаго газа и темныя ямочки на щекахъ при улыбкѣ.

Желаніе цѣловать эти уста, влажныя отъ агвардіенте, отвлекало отъ работы вниманіе астурійцевъ; они близъ водопада выкладывали мягкимъ камнемъ четырехугольный, на половину вымощенный булыжникомъ, большой бассейнъ, куда стекались воды озера. Такое же волненіе охватило и кровельщиковъ, которые подъ надзоромъ Жумильяка настилали аспидомъ каналъ, параллельный дорогѣ къ водопаду, а также каменщиковъ, которые выкладывали сводъ „приводнаго канала“ за навѣсомъ китайца. Они говорили о боѣ пѣтуховъ въ Матанзасѣ. Они заранѣе бились объ закладъ съ Эрнандесомъ, тоже любителемъ этого спорта, отстаивая честь знаменитыхъ чэмпіоновъ. Возлѣ Альта Вега муровали „задерживающую камеру“, гдѣ водяныя массы стекались на горную дорогу, прежде чѣмъ низринуться по желѣзнымъ трубамъ по спуску скалы къ заводу электрической энергіи. Мечтой каждаго было жениться на хорошенькой огородницѣ изъ Пуэрто-Бланко и сдѣлаться плантаторомъ. Видъ хлопчато-бумажныхъ

плантацій въ полномъ цвѣту порождалъ мечты о земельномъ богатствѣ. Землекопы послушно внимали знаку Кольгуда, который указывалъ направленіе работъ пальцемъ съ бриллiантовымъ кольцомъ; они рыли яму для восемнадцати турбинъ. Кубанцы быстро воздвигали палатки надъ мѣстами, обозначенными Симсономъ Гилемъ для трансформаторовъ. Другіе возводили подпоры для динамическихъ машинъ, подъ руководствомъ Кларгера. Они смѣялись надъ его животомъ въ зеленыхъ клѣтчатыхъ панталонахъ. Другіе рабочіе штукатурили лабораторію, къ радости Ванговена, который вынималъ изъ ящиковъ образцы стали и мѣди, флаконы съ реактивами и латуновыя катушки. Всѣ эти люди считали себя способными пріобрѣсти для себя добрую долю богатства при помощи машинъ, для которыхъ они строили помѣщенія. Они высчитывали, сколько недѣль нужно для окончанія работъ. Воды, наконецъ, втекали въ желоба турбинъ черезъ толстыя трубы, части которыхъ взвозили на горы на возахъ, запряженныхъ каждый восемью быками. Куски трубъ звенѣли подъ молотомъ заклепщиковъ, которые прибивали ихъ тяжелыми ударами.

Эта работа давала болѣе ясную картину всего предпріятія. Главное направленіе силы, которую стремились захватить, видно было по постановкѣ цилиндровъ, а также по тому, въ какихъ мѣстахъ останавливались возы съ грузомъ трубъ на склонѣ скалистаго утеса. Взглядъ Форстера неотступно слѣдилъ за этимъ склономъ. Американецъ взбирался на горную дорогу, на высоту трехъ сотъ метровъ, и быстро пробѣгалъ всю дорогу вдоль телефонныхъ столбовъ. Дорога тянулась отъ опаснаго подъема до водяной скатерти водопада. На самомъ верху, немного отступая назадъ, должны были вырваться наружу воды широкихъ озеръ. Кеннеди направилъ на этотъ пунктъ свою мѣдную зрительную трубку; его руки, бѣгавшія точно проворные желтые пауки, поднимали трубу, отвинчивая винты треножника, потомъ медленно опускали ее. Глядя на американцевъ, рабочіе завода, производившаго энергію, первые поняли значеніе всего дѣла, весь замыселъ предпринимателя. Они поняли, что ихъ дѣло не ограничивается тѣмъ, чтобы складывать камни по отвѣсу: они возвеличиваютъ человѣка, который вскорѣ захватитъ въ свои руки всю огромную энергію, заключенную въ этой горѣ съ тремя этажами растительности, съ четырьмя новыми городами, съ семью замледѣльческими, промышленными и строительскими поселеніями на всемъ протяженіи горы отъ моря до вершинъ.

— Несчастье, что дѣло это—въ лапахъ у европейцевъ. Въ

американскихъ рукахъ оно сдѣлалось бы величайшимъ въ мірѣ...— ворчалъ Кеннеди.—The greatest in the world.

„Старая лиса—подумалъ Форстеръ.—Дѣло навѣрное перейдетъ въ руки Джонатана... Не будетъ того, чтобы такая громада выросла на землѣ, освобожденной Штатами, и осталась въ рукахъ одной только Европы... Нашъ Джимъ Кламорганъ подмигиваетъ въ эту сторону. Зеленый ярлыкъ „Электрикъ-Стандартъ“ навѣрное будетъ красоваться на стальныхъ слиткахъ, которые выкатятся изъ этихъ строеній... Быть тутъ Кеннеди! Готовъ биться объ закладъ на нѣсколько долларовъ“.

Каждый день Форстеръ, хлопая Кеннеди по лѣвому плечу, увеличивалъ сумму, на которую готовъ биться объ закладъ.

Сознаніе, что они работаютъ для Кламоргана и его трёста, было для восхищенныхъ кубанцевъ надеждой на великолѣпныя, вѣчныя жалованья. Вечеромъ, поднимаясь по кружной горной дорогѣ, они дѣлились этой радостной вѣстью съ рабочими, укладывавшими рельсы, съ асфальтщиками, работавшими на вокзалѣ, съ разными Мартинесами и Альфонсо, съ Ниной и Мануэлой въ свиномъ загонѣ, когда покупали у нихъ табакъ, съ товарищами, которые тащили ихъ къ китайцу, передъ стаканами, полными радостной влаги. Объ этомъ стали говорить и за столомъ у Пахиты Ниньесъ, и даже въ домѣ Анхеля Ортиса, жена котораго, парижанка, хирѣла отъ жары и отъ раскаянія въ томъ, что ради неблагодарнаго любовника покинула добраго мужа, который теперь снова спасъ ее отъ нужды, отъ отчаянія. Анхель утѣшалъ ее, говорилъ, что они смогутъ вернуться въ Парижъ, если ихъ акціи Франко-Кубанской компаніи превратятся въ акціи „Электрикъ-Стандартъ“. Имѣя достаточный капиталъ, они будутъ жить до старости въ Фонтэнбло, въ родныхъ лѣсахъ прощенной грѣшницы. На минуту лицо несчастной просвѣтлѣло. Смутная надежда снова встрѣтить того, съ кѣмъ ее связывала неостывшая страсть, озарила ея душу. Анхель понялъ ея настроеніе и сталъ поспѣшно успокоивать ее. Но она повторяла: „Нѣтъ, нѣтъ... ты не сможешь забыть... ты не сможешь“.

Жизнь всѣхъ, такимъ образомъ, связана была съ удачей дѣла, и все населеніе Лосъ Дадосъ сильно интересовалось судьбой предпріятія. Всякій зналъ теперь, что эта земля и эта вода содержатъ въ себѣ надежду на счастье... въ будущемъ, какъ онѣ уже теперь обезпечивали обильную ѣду и радостное опьяненіе. По примѣру янки, работавшихъ съ лихорадочнымъ рвеніемъ на своихъ участкахъ, механики, плотники, каменщики, возчики, негры и чернорабочіе стали относиться съ любовью къ ра-

ботѣ, которая становилась источникомъ ихъ надеждъ. Лучше отточенныя орудія болѣе успѣшно боролись противъ сопротивленія матеріи. Умы напрягались, чтобы понять значеніе линій и цифръ. Даже полу-дикари поднимали больше известняка въ туннелѣ, гдѣ работалъ гидравлическій буравъ, удлинняя проходъ по направленію къ мраку грота, освѣщеннаго ацетиленовыми фонарями для рабочихъ, мостившихъ туннель внутри.

Сдерживаемая передвижными барьерами, болтливая, курящая толпа ждала однажды утромъ передъ Кинта Эрнандесъ очереди, чтобы записаться въ партіи рабочихъ. Анхель Ортисъ называлъ по-одиночкѣ просителей и дѣлалъ выборъ изъ безчисленной толпы, привлеченной славой предпріятія. Тщедушнымъ кубанцамъ Ортисъ давалъ занятіе, требующее ловкости и терпѣнія: плотничьи работы, установку проводовъ. Мощнымъ неграмъ онъ поручалъ землекопныя работы, перевозку тяжестей въ тачкахъ, очистку мусора и насыпи. Ортисъ вѣрилъ въ свое психологическое чутье и составлялъ партіи рабочихъ изъ точно разсчитаннаго числа крестьянъ, послушныхъ и работящихъ, и горожанъ, предпріимчивыхъ и лукавыхъ. Въ отвисшихъ карманахъ его люстриновой жакетки хранилась цѣлая библіотека записныхъ книжечекъ, блокъ-нотовъ и таблицъ для вычисленій. Съ американцами-монтировщиками и тѣми, которые чинили инструменты, онъ разговаривалъ изысканно вѣжливо, очень подкупая ихъ этимъ. Напротивъ того, съ мулатами, которые подчинялись только силѣ и крикамъ, онъ былъ очень строгъ. Онъ быстро разбилъ ихъ на партіи и съ аршиномъ въ рукахъ показалъ каждому его работу. Пріобрѣтя большой опытъ въ три года кубанской войны, онъ умѣлъ сразу прочесть своими близорукими глазами, что дѣлается у каждаго на душѣ. Иногда онъ ѣздилъ верхомъ, чтобы справиться со всѣми, и пускалъ прямо въ толпу свою возмущенную лошадь. Онъ пронизывалъ взглядами каждую черту лица своихъ подчиненныхъ. Легкое движеніе ноздрей, миганіе глазъ, взъерошенные усы, подробность въ одеждѣ—были для него указаніями, опредѣляющими характеръ людей. Онъ хорошо понималъ толпу и рѣдко ошибался.

Вернувшись изъ Гаванны, Эрикуръ однажды утромъ обрадовался такому наплыву рабочихъ. Секретарь поднялъ голову, всталъ изъ-за стола и оставилъ на время свою обычную работу, которая поглощала его отъ зари до тѣхъ поръ, пока руки не покрывались потомъ, размазывая чернила на составляемомъ имъ отчетѣ. Онъ осушилъ третью чашку кофе, сладкаго какъ сиропъ и вызывавшаго въ умѣ обиліе быстрыхъ образовъ, фантастическія

ассоціаціи идей и краснорѣчіе, способное убѣдить даже самого Жумильяка. Эрикуръ хотѣлъ-было обратить его вниманіе на возрастающую вѣру рабочихъ въ дѣло. Къ несчастію секретарь ни разу не повернулъ голову. Его вниманіе было занято англійскими, американскими, нѣмецкими каталогами. Онъ хотѣлъ выбрать машины изъ каталоговъ разныхъ фабрикъ, прежде чѣмъ заняться разсмотрѣніемъ чертежей, сдѣланныхъ Форстеромъ и Кенеди. Эрикуръ не хотѣлъ ему мѣшать. Онъ подошелъ къ зеркалу, чтобы причесать бороду—„какъ у индійскаго Вакха“, по выраженію молодой креолки. Онъ долго приглаживалъ также рѣдкіе, но еще черные начесы волосъ на вискахъ, потомъ сѣдоватую бороду, чтобы подправить нѣсколько опустившіяся линіи лица. Загаръ, къ счастью, укрѣплялъ кожу вокругъ маленькихъ свѣтлыхъ глазъ, сидѣвшихъ очень глубоко. Какъ можетъ молодая дѣвушка мириться съ такимъ лицомъ? Онъ нашелъ, что онъ слишкомъ некрасивъ для Концепціонъ. Онъ противопоставилъ ей равнодушіе Карменъ. Образъ Такешеля, вычисленіе его капитала присоединились къ болѣе поэтическимъ воспоминаніямъ. Охорашиваясь передъ зеркаломъ, Эрикуръ въ то же время думалъ о разрѣшеніи финансовой задачи. Онъ всегда придумывалъ остроумныя комбинаціи въ то время, какъ искусно прикрывалъ начинающуюся лысину на темени или сбривалъ усы вокругъ мясистыхъ губъ. Онъ хотѣлъ казаться подвижнымъ, не смотря на ширину плечъ и на волнистую линію живота. Живой тѣломъ и умомъ, онъ одинаково заботился о своихъ физическихъ качествахъ и о развитіи умственныхъ силъ.

Наконецъ онъ застегнулъ жакетку съ широкими полами поверхъ тюсоровой рубашки и бѣлыхъ панталонъ, стянутыхъ гетрами. Гордясь своей внѣшностью, откинувъ на затылокъ панаму, Мануэль Эрикуръ чувствовалъ, что онъ съумѣетъ настолько взвинтить судохозяина и Концепціонъ Ціенфуентесъ, что они согласятся помогать ему; его онъ прельститъ промышленными выгодами, а ее—обѣщаніемъ нероновскихъ наслажденій. Эта увѣренность услаждала его въ то время, какъ онъ въ мысляхъ сочинялъ записку, въ которой хотѣлъ доказать маркизу Моро и синдикату плантаторовъ, что „Электрикъ-Стандартъ“ имъ больше заплатитъ, если Лосъ Дадосъ будетъ переданъ обществу въ такомъ видѣ, что сможетъ поставлять въ Панаму стальные инструменты и взрывчатыя вещества. Вѣдь ради этого стоитъ еще нѣсколько понапречься и потратить еще немного денегъ. Онъ продиктовалъ выработанную въ умѣ записку, и Жумильякъ счелъ его доводы столь важными, что попросилъ разрѣшенія прокаблировать

ихъ барону Фохту. Нервная рука секретаря схватила на полкѣ сводъ телеграфныхъ сокращеній для подводнаго телеграфа.

— Стоило выпить кофе и постоять передъ зеркаломъ!— сказалъ онъ.

Прежде всего нужно было, чтобы работа была въ полномъ ходу на всѣхъ пунктахъ постройки, чтобы купчія на землю были сдѣланы и желѣзныя трубы доведены по склону до горной дороги раньше пріѣзда Кламоргана. Жумильякъ зналъ, что „золотой дѣлецъ“ еще не такъ скоро пріѣдетъ. Окруженный льстивыми дѣвицами и политиками, онъ основывалъ на весенннихъ водахъ клубы гольфа и поло. Его также очень занималъ романъ съ Магги Фуллеръ. Она превратилась въ отважную и искусную спортсменку и катала его въ автомобилѣ, сама управляя имъ, съ безумной скоростью, когда ему надоѣдало ѣздить на яхтѣ Филомены Діацъ по островамъ восточнаго побережья.

— Онъ думаетъ, что мы упадемъ духомъ изъ-за того, что онъ медлитъ пріѣхать сюда, и что поэтому отецъ его можетъ купить насъ за грошъ. Обычная хитрость... — заключилъ Жумильякъ.

— Я полагаю,—возразилъ Эрикуръ,—что онъ скорѣе всего наводитъ справки по порученію отца и собираетъ всѣ свѣдѣнія на досугѣ.

— Вы, кажется, всѣмъ довольны.

Молча, съ влажными глазами и вздымающейся грудью, Эрикуръ старался читать въ душѣ этого своего ученика съ прямыми сѣдоватыми волосами и молодымъ лицомъ, съ улыбкой, въ которой было много снисходительности и легкое презрѣніе. Сколько энергіи въ этой стройной фигурѣ! Всегда придется противостоять недовѣріе угрозѣ, свѣтящейся въ его глазахъ. Все-таки онъ очень поблагодарилъ своего сотрудника. Жумильякъ возразилъ, что Эрикуръ преувеличиваетъ: онъ вѣдь былъ только ученикомъ, съумѣвшимъ осуществить великолѣпный замыселъ учителя. Три года тому назадъ, въ Пуэрто Бланко, кто бы думалъ о томъ, что можно захватить въ свои руки силу воды?

— Не я, не я,—сказалъ Эрикуръ.—Не я, а Кларисса. Я былъ влюбленъ въ нее лѣтъ десять тому назадъ. Она изучала роль Офеліи, роль, въ которой она съ тѣхъ поръ создала себѣ всемірную славу. Она тогда говорила мнѣ: „Офелія — это тайна быстро убѣгающей, безумной воды; Гамлетъ не можетъ схватить ее, потому что скептикъ никогда не овладѣваетъ реальностью или иллюзіей истинной реальности — а безъ этого нельзя дѣйствовать. Офелія — это движеніе воды, преображенія кажуща-

тося, вѣчная смѣна; это—сила, которая, ставъ влагой, топитъ себя—чтобы снова проявиться. Это—движеніе и сила воды"... И въ тотъ вечеръ, когда я апплодировалъ ей въ этой роли, я понялъ грядущую силу воды. Пошлемъ телеграмму Клариссѣ Габи и скажемъ ей, чѣмъ я ей обязанъ.

— Она не пойметъ, что вы хотите сказать.

— Кларисса?.. Вы не знаете ее. Она будетъ плясать отъ радости. Она больше всего любитъ внушать своимъ вліяніемъ мысли, будто бы банальныя, но въ дѣйствительности творческія.

— Какъ вы молоды... учитель!—сказалъ Жумильякъ.

Эрикуръ понялъ, что это не комплиментъ. Но все-таки онъ настаивалъ на своемъ.

— Женщина—источникъ идей.

Инженеръ только позволилъ себѣ улыбнуться, сжавъ тонкія губы и закусивъ изнутри свои бритыя щеки. Эрикуръ почувствовалъ себя очень одинокимъ въ присутствіи этого сардоническаго красавца. Какая женщина сможетъ устоять противъ этого презрѣнія, противъ этой чудовищной силы воли? Эрикуръ вышелъ изъ комнаты, въ которой солнце жгло штукатурку стѣнъ черезъ спущенныя жалюзи. Внизу онъ засталъ м-мъ Эрнандесъ, которая разгуливала въ костюмѣ изъ бѣлой фланели и въ полотняной шляпѣ. Онъ указалъ ей на новые кушаки и эспадрильи, на яркіе галстухи рабочихъ.

— Вотъ видите, золото облагораживаетъ вашихъ дикарей.

Поэтесса не согласилась съ нимъ. То, что они прежде носили лохмотья и были тощіе, не имѣетъ значенія. Прежде они бѣгали по цѣлымъ днямъ въ лѣсу, дремали на мху, пили изъ ручья. А теперь они отъ зари до вечера задыхаются подъ тяжкими ношами, выбиваются изъ силъ, грузя камни, разбивая скалы и плюща желѣзо молотомъ... И развѣ это въ достаточной мѣрѣ вознаграждается пестрыми галстухами, ужаснымъ экспортнымъ спиртомъ, которымъ ихъ опаиваютъ, и жаркими Пахиты и китайца? По наущенію этого разбойника истребили всю рыбу въ озерахъ динамитомъ. Вотъ почему голодающіе рыбаки стали проситься на работу.

Эрикуръ побился объ закладъ, что всѣ лица, которыя имъ попадутся по пути, будутъ имѣть болѣе довольный видъ, чѣмъ до начала работъ. Поэтесса приняла пари и послала за лошадьми. Они проѣхали метровъ пятьсотъ, и она стала говорить, что въ большинствѣ случаевъ ничего нельзя рѣшить.

— Вѣдь они не хотятъ оставаться въ лѣсахъ,—сказалъ Эрикуръ.—Значитъ, имъ тамъ плохо. Бродячей жизни и посту

они предпочитаютъ вѣрный обѣдъ на работѣ. Обѣдъ, даже въ свиномъ загонѣ—шагъ къ счастью. Спать подъ кровлей даже въ хлѣву—лестное преимущество.

Онъ указалъ на синюю косынку и новое платье Пахиты. Она суетилась, толкала двухъ толстыхъ негритянокъ, которыя набивали тюфяки лѣсной травой для ночлега новыхъ постояльцевъ. Подальше тщедушный и мрачный дѣдъ ругалъ маленькую негритянку, которая мела полъ въ хлѣвахъ, превращенныхъ въ домики, перевертывала соломенные тюфяки на низкихъ подмосткахъ, наливала керосинъ въ лампы и мыла глиняныя большія чашки, къ восторгу толстой голой дѣтворы, которая грызла въ тѣни сахарный тростникъ. Карлотта и ея негритянки заняты были мытьемъ бѣлья.

Нѣсколько каменщиковъ поднимали прежніе свиные хлѣвы, чтобы приспособить ихъ къ человѣческому росту. Они прилаживали наверху, подъ новой соломенной крышей, слуховыя окна. Три проворныхъ плотника сколачивали столы и скамьи.

— Я думаю, что римскіе легіоны производили такое же преображеніе вокругъ своихъ лагерей въ Галліи или Дакіи.

М-мъ Эрнандесъ ничего не отвѣтила Эрикуру.

Переводъ съ рукописи З. В.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

„ФЛОТЪ“ и „МОРСКОЕ ВѢДОМСТВО“

Въ противоположность заграничнымъ нравамъ, согласно которымъ „флотъ“ и „морское вѣдомство“ являются синонимами, у насъ, въ Россіи, они издревле пребываютъ не только разъединенными, но даже враждующими между собою.

Какъ это вышло?

Флотъ русскій былъ созданъ Петромъ Великимъ, который, не брезгуя лично ремесломъ корабельнаго плотника, инженера, матроса, рулевого, штурмана, капитана, — по тому же пути велъ за собою и весь личный составъ, всѣхъ людей, къ морскому дѣлу приставленныхъ. Члены адмиралтействъ-коллегіи и самъ ея предсѣдатель, генералъ-адмиралъ, были моряками, которые сегодня засѣдали въ собраніи, а завтра командовали кораблями, отрядами и эскадрами. Кто располагалъ „опочивъ держать“, тому не было мѣста при живомъ дѣлѣ, а главное—всякій былъ „персонально“ отвѣтственъ, и никакое высокое положеніе, ни даже родство съ царемъ, не избавляло его отъ этой отвѣтственности. Примѣръ тому — первый нашъ генералъ-адмиралъ, графъ Апраксинъ, братъ царицы Марѳы Матвѣевны.

По смерти Петра флотъ, имъ созданный, пришелъ въ упадокъ; зато народилось „морское вѣдомство“, состоящее изъ людей, съ морскимъ дѣломъ персонально незнакомыхъ, но отъ флота свое пропитаніе имѣющихъ.

И съ того времени судьба двухъ „учрежденій“ весьма между собою разнствуетъ.

Вѣдомство, созданное для обслуживанія флота, пріобрѣтаетъ первенствующее значеніе, и значеніе его все растетъ и растетъ... А флотъ? Флотъ превращается въ какой-то инвентарь вѣдомства, необходимый для удовлетворенія нуждъ и успѣшнаго прохожденія службы

чиновъ, носящихъ морской мундиръ, но на званіе моряка не имѣющихъ ни малѣйшаго права.

Съ теченіемъ времени такихъ охотниковъ носить морской мундиръ, не неся тяжелой морской службы, являлось все больше и больше.

Въ 1740 г. была предпринята первая попытка принудить моряковъ по званію сдѣлаться настоящими моряками, и съ этою цѣлью генералъ-адмираломъ русскаго флота былъ назначенъ совсѣмъ штатскій человѣкъ, президентъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, графъ Остерманъ, чуждый какихъ-либо родственныхъ и служебныхъ связей съ адмиралтейцами. Главной задачей ему было поставлено озаботиться возвращеніемъ морскихъ офицеровъ во флотъ.

Подобныя же попытки дѣлались и въ послѣдующее время, но — увы! — всегда безуспѣшно. Фамиліи адмираловъ, „судами и отрядами не командовавшихъ", продолжали заполнять списки личнаго состава.

Конечно, не клиномъ сошлась Россія. Находились и такіе люди, которые шли на морскую службу по призванію, хотѣли работать на пользу флота, а не безчисленныхъ канцелярій морского вѣдомства. Но мало было такихъ, и безсильны были они, по своей малочисленности, противъ тѣсно-сплоченнаго большинства, съорганизовавшагося въ касту. Иногда особенно талантливые успѣвали объединить около себя группу настоящихъ моряковъ, создать нѣчто въ родѣ школы, — и въ этихъ случаяхъ исторія флота обогащалась славными страницами; заносились въ нее подвиги, достойные петровскихъ временъ; бывали даже побѣды... Но лишь надъ врагомъ внѣшнимъ. Побѣда надъ морскимъ вѣдомствомъ флоту не давалась и не дается понынѣ.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, черезъ полтора вѣка послѣ призванія Остермана, долженствовавшаго крутыми мѣрами возвратить во флотъ морскихъ офицеровъ, пристроившихся на береговыхъ мѣстахъ, — только что назначенный генералъ-адмиралъ, великій князь Алексѣй Александровичъ, вынужденъ былъ писать въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ такія горькія истины: „Списки переполнены преимущественно старшими чинами, отставшими отъ дѣла, вслѣдствіе чего нѣтъ выхода бодрымъ и способнымъ къ суровому ремеслу силамъ. Дальнѣйшее существованіе такого порядка вещей грозитъ тѣмъ, что въ головѣ списковъ вскорѣ окажутся люди, совершенно неспособные къ службѣ на морѣ... Въ силу финансовыхъ затрудненій и неблагопріятныхъ природныхъ условій мы постепенно свыклись съ мыслью, что флотъ можетъ существовать безъ плаванія... Личному составу грозитъ, въ близкомъ будущемъ, раздвоеніе на двѣ одинаково безполезныя категоріи: ученыхъ безъ опытности, которой море никогда

не перестанетъ требовать — и отсталыхъ въ наукѣ, утратившихъ, вслѣдствіе отсутствія практики, даже прѣжній навыкъ къ морю. Сохраняя существующій порядокъ, правительство готовитъ себѣ, въ случаѣ войны, неизбѣжное разочарованіе... Въ прямой связи съ переполненіемъ списковъ находится явленіе крайне важное и прискорбное — недостатокъ правды во всемъ строѣ службы и несоотвѣтствіе кажущагося съ дѣйствительнымъ... Присутствіе на службѣ людей безполезныхъ... мѣшаетъ служить всѣмъ остальнымъ... неизбѣжно вноситъ въ службу начало неискренности и напускное, кажущееся усердіе... Столь же неизбѣжно оно поощряетъ искательство, а неспособныхъ къ нему вводитъ въ небрежное отношеніе къ обязанностямъ... Въ адмиральскихъ чинахъ у насъ на дѣйствительной службѣ 100 человѣкъ, тогда какъ въ Англіи всего 69 человѣкъ, во Франціи 53, въ Австріи и Италіи по 10, въ Германіи 9, — такъ что у насъ больше адмираловъ, чѣмъ въ Англіи, Австріи, Италіи и Германіи, взятыхъ вмѣстѣ, или почти столько же, какъ въ Англіи и Франціи. Избытокъ поразительный, въ особенности ежели имѣть въ виду число плавающихъ судовъ (въ Англіи—246)... У насъ многимъ адмираламъ вовсе не приходилось плавать. Изъ 85 вице-адмираловъ и контръ-адмираловъ 33 человѣка не плавали болѣе 10 лѣтъ. Изъ 158 капитановъ 1-го ранга — 65 не плавали болѣе 7 лѣтъ и 46 — болѣе 10 лѣтъ“...

Для искорененія этого многовѣкового зла былъ изданъ новый законъ — всѣмъ памятное „Положеніе о морскомъ цензѣ“, вызвавшее такую жестокую критику. „Цензу“ приписываютъ и нашъ разгромъ въ минувшей войнѣ.

Справедливо ли это?

Основная идея „ценза“ всесвѣтно признана краеугольнымъ камнемъ морской службы. Эта идея—„морякъ долженъ плавать“.

Къ сожалѣнію, самыя непреложныя истины въ рукахъ людей, руководимыхъ личными интересами, совершенно искажаются, благодаря умѣнью кодифицировать статьи писаннаго закона такъ, что въ пучинѣ разъясненій и примѣчаній утрачивается руководящая мысль.

Авторъ настоящей статьи не разъ имѣлъ случай выступать въ защиту основной идеи морского ценза, но, въ качествѣ моряка, всегда былъ чистосердечнымъ противникомъ того способа, какимъ она примѣнялась въ жизни.

Вотъ эта-то двойственность и сослужила великую службу чинамъ „вѣдомства“.

Всякое печатное слово человѣка, носящаго мундиръ, подлежало предварительной цензурѣ начальства. А кто былъ этимъ начальствомъ?

Чины „вѣдомства“, но не чины „флота“. Не только напечатаніе, но даже представленіе на просмотръ статьи, неугодной прѣсноводнымъ (иногда и вовсе сухопутнымъ) адмиралтейцамъ, могло повлечь за собою появленіе чернаго креста надъ фамиліей „флотскаго“, осмѣлившагося утверждать, что „Положеніе о морскомъ цензѣ“ было бы благодѣтельно, еслибы первоначальная редакція закона не была искажена, а искаженная — еще и „разъяснена“ въ интересахъ лицъ, которыхъ, на каютъ-компанейскомъ жаргонѣ, называли „теткиными дѣтьми“.

Зло, причиняемое изуродованнымъ закономъ о цензѣ, было очевидно для всѣхъ (даже сухопутныхъ, даже штатскихъ) и не отрицалось самими чинами флота; но еслибы позволили этимъ послѣднимъ громко высказать свою мысль, то они отнюдь не посовѣтовали бы ломать вѣсы, на которыхъ обвѣшиваютъ, или выбрасывать за окно аршинъ, которымъ обмѣриваютъ, а потребовали бы привлеченія къ отвѣтственности людей, которые обвѣшиваютъ и обмѣриваютъ, потребовали бы драконовскихъ мѣръ противъ тѣхъ, кто умѣетъ оправдать старую пословицу: законъ, что дышло—какъ повернешь, такъ и вышло.

По первоначальной редакціи „Положенія о морскомъ цензѣ“, сроки плаванія, имъ устанавливаемые, являлись минимумомъ того практическаго изученія морского „ремесла“, которое обязательно для всякаго, носящаго морской мундиръ. Безъ соблюденія этого условія само высшее начальство не въ правѣ было двигать его по службѣ. Нигдѣ не было указано, чтобы офицеръ, исполнившій этотъ минимумъ, былъ обезпеченъ въ дальнѣйшемъ преуспѣяніи.

На дѣлѣ вышло такъ, что начальство оказывалось обязаннымъ дать офицеру слѣдующее назначеніе, разъ только минимумъ требованій былъ имъ выполненъ... Да какъ еще выполнялся и этотъ минимумъ, благодаря всевозможнымъ „разъясненіямъ“ и „дополненіямъ“! Преимущественно въ тихихъ гаваняхъ, или неподалеку отъ дачныхъ мѣстъ, гдѣ на лѣтнее время поселялись семейства избранныхъ, пристроившихся къ „вѣдомству“.

Помимо обхода закона, практиковалось и прямое его нарушеніе въ томъ пунктѣ, измѣнить который своевременно не рѣшились (или просто упустили изъ виду). Законъ гласилъ, что производство въ контръ-адмиралы можетъ имѣть мѣсто „только за отличіе“ (конечно, при выполненіи требованій ценза. Старшинство, „линія“ не должны были играть здѣсь никакой роли.

Оно и понятно.

При производствѣ капитана въ адмиралы, высшее начальство должно ставить себѣ такой вопросъ: „Можно ли этому офицеру ввѣрить командованіе отрядомъ боевыхъ судовъ, если завтра же будетъ

объявлена война?“ Если „нѣтъ“, то никакія другія достоинства (ни предыдущая безпорочная служба, ни, тѣмъ болѣе, личныя симпатіи, свойство и родство) не могутъ доставить кандидату почетнаго званія „флотоводца“.

На дѣлѣ же, если и случались производства „за отличіе“ мичмановъ, лейтенантовъ и капитановъ 2-го ранга (не будемъ разбираться въ этихъ „отличіяхъ“ по существу), то, въ явное нарушеніе закона, производство въ адмиралы всегда было только по линіи.

Правда, могутъ возразить, что въ мирное время понятіе объ „отличіи“ весьма растяжимо. Такъ... Но вѣдь если капитана 1-го ранга назначали на адмиральскую должность, то ясно, что его выбрали, отличили, поставивъ выше другихъ, старшихъ его по службѣ. Что же дѣлали въ подобныхъ случаяхъ? Производили въ адмиралы „безъ старшинства“, т.-е. вновь произведенный оставался самымъ младшимъ въ спискѣ до тѣхъ поръ, пока его сверстники не „доживутъ“ до своей очереди производства, не „перелѣзутъ черезъ его голову“ и не займутъ свои мѣста въ „линіи“ впереди его.

Какая нелѣпость!

Возможно, что опять попробуютъ оправдаться соображеніями о томъ, что „въ мирное время отличіе — часто случайное стеченіе обстоятельствъ“... — Пусть такъ. Ну, а въ военное время? Боевое отличіе?—Вотъ Р. Н. Виренъ, командуя „Баяномъ“, заслужилъ золотое оружіе и Георгія, а затѣмъ былъ произведенъ „за отличіе“ въ адмиралы, но „безъ старшинства“, и болѣе двухъ лѣтъ ждалъ, когда окажется для него выполненнымъ „цензъ на дожитіе“, зловреднѣйшій, нигдѣ неопубликованный, нигдѣ не записанный, но твердо укоренившійся, подъ сѣнью котораго процвѣтаютъ чины „вѣдомства“ и влачатъ свое существованіе чины „флота“.

При тѣхъ порядкахъ, которые властно царили въ морскомъ министерствѣ, къ чему было трудиться, работать, плавать, даже воевать? Не проще ли было дѣлать только самое необходимое, выполнять предписанный минимумъ, держать себя смирно и почтительно, доносить, что „все обстоитъ благополучно“? Со временемъ, если Богъ дастъ дожить, все придетъ—и притомъ придетъ наравнѣ съ тѣми простяками-товарищами, которые работали, плавали, воевали, не берегли себя и... можетъ быть, уже израсходовались, раньше времени „очистили вакансію“?..

Не „морской цензъ“, введенный четверть вѣка тому назадъ, погубилъ личный составъ флота, а искони существовавшій въ нашемъ морскомъ министерствѣ „цензъ на дожитіе“, въ борьбѣ съ которымъ новый законъ оказался безсильнымъ.

Этотъ новый законъ, въ своемъ искаженномъ видѣ, принесъ и

фактическій вредъ, вынудивъ чиновъ „вѣдомства“ всѣми правдами и неправдами „наколачивать“ требуемое число мѣсяцевъ плаванія. Эти „гастролеры“, какъ ихъ называли настоящіе моряки, конечно и не думали руководствоваться правиломъ покойнаго С. О. Макарова, утверждавшаго, что „для моряка въ морѣ—значитъ дома, а въ гавани или на тихомъ рейдѣ—въ гостяхъ, ненадолго“. Для нихъ пребываніе въ морѣ было величайшей непріятностью, а такъ какъ они „княжили и володѣли“, то постепенное превращеніе судовъ боевого флота въ плавучія казармы, населенныя мужиками, одѣтыми въ матросскія рубахи, вскорѣ удостоилось полнаго одобренія, какъ мудрая экономія въ расходахъ на уголь и смазочные матеріалы.

Экономію эту по всей справедливости нельзя назвать иначе, какъ преступной.

Еслибы нашелся такой кавалерійскій генералъ, который, въ цѣляхъ экономіи, предложилъ бы въ мирное время имѣть по шести лошадей на эскадронъ, ибо при этомъ условіи каждый нижній чинъ дней около двадцати въ году будетъ ѣздить „въ настоящую“, а остальное время можетъ обучаться на манекенѣ,—какъ бы съ нимъ поступили? Смѣемъ думать, что была бы назначена особая коммиссія для освидѣтельствованія его умственныхъ способностей и, въ лучшемъ случаѣ, его уволили бы въ отставку по болѣзни...

Въ морскомъ министерствѣ отнеслись къ дѣлу иначе.

Министръ финансовъ указывалъ, что необходима экономія, что хотя и повелѣно возсоздать флотъ, но нельзя же расходовать на него деньги въ двойномъ размѣрѣ противъ сосѣдей, которые съ меньшими суммами достигаютъ лучшихъ результатовъ. И вотъ, у насъ спохватились и стали „экономить“. Но на чемъ? Отнюдь не на расходахъ по „вѣдомству“, а на „плаваніи флота“... Сладкая мечта о возможности весь цензъ „отбыть“, стоя на якорѣ, осуществлялась, и притомъ—подъ видомъ соблюденія государственныхъ интересовъ.

Чины „вѣдомства“ торжествовали. Настоящіе моряки возмущались, но безмолвствовали, хорошо сознавая, что „плетью обуха не перешибешь“, что всѣ ихъ протесты окажутся безплодными. Смѣшно было бы ломиться въ открытую дверь, доказывая, что разъ въ военное время активная дѣятельность флота будетъ протекать въ морѣ (на ходу), а въ портахъ (на якорѣ) онъ будетъ только отдыхать, чиниться и пополнять запасы, то въ мирное время, когда воспитывается и готовится къ войнѣ личный составъ, флотъ долженъ учиться также въ морѣ, на ходу, т.-е. плавать.

Конечно, лица, стоявшія во главѣ вѣдомства, не могли не знать этой аксіомы, и если утверждали противное, то въ силу какихъ-то

особыхъ соображеній. Спорить съ ними было безполезно, а обратиться къ суду общественнаго мнѣнія—невозможно.

Въ результатѣ за послѣднія 10—15 лѣтъ передъ русско-японской войной суда нашего флота вовсе не плавали. Корабли, иногда по одиночкѣ, иногда по нѣскольку сразу, только переходили изъ одного порта въ другой. Считалось, что „на ходу“ какія же ученья? „Вотъ придемъ на якорь—тамъ займемся“...

Въ морѣ все крѣпилось „по-походному“, и всѣ заботы были направлены единственно къ благополучному прибытію въ назначенный пунктъ. Одновременный выходъ въ море нѣсколькихъ судовъ для выполненія нѣкоторыхъ простѣйшихъ эволюцій являлся уже событіемъ, а примѣрно-боевое маневрированіе одного отряда противъ другого, кажется, не практиковалось со временъ адмирала Бутакова.

Плавать эскадрой ночью, безъ огней, съ перемѣнами курса, мнѣ пришлось только одинъ разъ за всю мою службу — въ эскадрѣ адмирала Гильтебрандта, на маневрахъ 1900-го года.

До-нѣльзя бѣдная программа стрѣльбы—и та не всегда выполнялась въ самой главной своей части. Единственную хорошо поставленную стрѣльбу эскадры по береговому укрѣпленію я видѣлъ въ 1899-мъ году въ Таліенванѣ, подъ командой адмирала Дубасова. Что касается стрѣльбы эскадрою по движущейся цѣли, то она въ большинствѣ случаевъ вовсе не выполнялась, а про ту, которая бывала, существуютъ лишь анекдоты.

Плаваніе сводилось къ короткимъ переходамъ (для которыхъ, вдобавокъ, еще выбирали хорошую погоду) и къ долгимъ стоянкамъ. Часть этихъ стоянокъ посвящалась чисткѣ, приборкѣ и окраскѣ, а остальное время—ученьямъ, въ обстановкѣ, не имѣющей ничего общаго съ условіями военнаго времени. Къ тому же въ иностранныхъ портахъ не всѣ ученья можно было производить, а въ своихъ, за недостаточностью средствъ порта (опять-таки „экономія“), добрая половина команды была занята выполненіемъ дефектныхъ работъ „судовыми рабочими“.

Выручала таблица ученій и занятій, состоявшая изъ 286 номеровъ. Она давала возможность представить въ отчетѣ такое число произведенныхъ ученій, которое едва-ли не превышало число рабочихъ часовъ въ сутки. Преобладали такъ называемыя палубныя занятія, при посредствѣ которыхъ пытались (но тщетно) создать спеціалистовъ экономическимъ способомъ, не посылая ихъ въ школы. Учили малограмотныхъ мужиковъ тому, какъ изготовляются пироксилинъ и различные сорта пороха, какъ устроено гидростатическое отдѣленіе мины, какія бываютъ особенности въ установкѣ орудій на судахъ флота,—но никто и никогда не пробовалъ представить ма-

тросу грозную картину, которую онъ увидитъ въ бою, объяснить ему смыслъ и значеніе всѣхъ тѣхъ сложныхъ маневровъ, которые онъ долженъ умѣть выполнить. Это было нѣчто въ родѣ преподаванія чистой теоріи, не имѣющей съ практикой ничего общаго.

Лучшимъ примѣромъ того, до какой степени все и всѣхъ заѣдала система рейдовыхъ ученій, можетъ служить фактъ, что вторая эскадра (Рожественскаго) вышла на Востокъ съ организаціей траленія проходовъ и рейдовъ при посредствѣ гребныхъ шлюпокъ съ какими-то хитрыми тралами, вмѣсто простого, но отвѣчающаго своему назначенію и выработаннаго къ тому времени практикой войны. Только въ Носи-бэ началось обученіе траленію миноносцевъ и минныхъ катеровъ. Очевидно спеціалисты, создавшіе эту организацію на тихихъ водахъ Транзундскаго рейда и собиравшіеся во время траленія спускать водолазовъ на непріятельскія мины, были такъ увѣрены въ своей непогрѣшимости, что даже боевой опытъ Портъ-Артура не казался имъ достаточно убѣдительнымъ. Но, можетъ быть, они не знали о немъ?—Врядъ ли это допустимо...

Едва ли кто-нибудь станетъ утверждать, что можно сдѣлаться виртуозомъ въ искусствѣ, не зная ремесла, служащаго ему фундаментомъ. Возможно ли, пройдя теорію музыки, но не умѣя играть ни на одномъ инструментѣ, никогда не слышавъ игры оркестра, дирижировать имъ? Возможно ли, изучивъ по книжкѣ всѣ тайны сочетанія красокъ, написать картину, никогда до того не бравъ кисти въ руки?.. Въ морскомъ вѣдомствѣ рѣшили, что это возможно. Чины „вѣдомства“ почли себя жрецами военно-морского искусства, а ремесло... Ремесло было ниже ихъ, оно было предоставлено чинамъ „флота“. Хорошо бы и такъ, еслибы послѣднимъ давали средства для служенія ремеслу, а добытыя ихъ потомъ и кровью данныя опыта принимались въ разсчетъ при составленіи „директивъ“.—И этого не было...

При такомъ направленіи, отъ признанія за рейдомъ правъ моря до рѣшенія военно-морскихъ вопросовъ въ тиши кабинета — одинъ только шагъ. Такъ и вышло на дѣлѣ. Правила развѣдочной и охранной службы составлялись на берегу, въ Петербургѣ, не столько на основаніи немногочисленныхъ заключеній изъ убогихъ маневровъ, сколько теоретически. Самый цѣнный матеріалъ, бывшій въ рукахъ ихъ составителей—„правила сторожевой и охранной службы въ эскадрѣ Тихаго океана“,—самъ по себѣ являлся больше плодомъ резонерства, нежели выводомъ изъ практики, и никогда не былъ провѣренъ широко и правильно поставленнымъ маневреннымъ опытомъ.

Въ результатѣ—на походѣ второй эскадры на Востокъ бо́льшая часть патентованныхъ рецептовъ оказалась непримѣнимой. Даже ученья минныхъ катеровъ, производившіяся въ Носи-бэ, явились для огром-

наго большинства личнаго состава какимъ-то необычнымъ новшествомъ, едва ли не причудой. А между тѣмъ эти ночные маневры явно показали, что, не смотря на существующія „правила“, выработанныя въ Транзундѣ, эскадра не съумѣла бы своевременно обнаружить идущую на нее атаку. Управленіе прожекторами было совершенно неудовлетворительно, какъ въ смыслѣ организаціи, такъ и въ смыслѣ обученія людей. Даже разстояніе, на которомъ „можетъ быть открытъ миноносецъ“, было спорнымъ вопросомъ. Да и вообще „правила“, не исключая такого основного пункта, какъ устройство свѣтовой преграды, не были должнымъ образомъ обоснованы на опытахъ и опытами провѣрены.

И вотъ—въ Носи-бэ, пройдя уже двѣ трети пути къ театру военныхъ дѣйствій, со дня на день ожидая возможнаго соприкосновенія съ непріятелемъ, наша боевая эскадра стала учиться азбукѣ.

А что дѣлалось на службѣ со спеціалистами? Съ огромнымъ напряженіемъ силъ наши учебные отряды вырабатывали изъ новобранцевъ комендоровъ и минеровъ, которые въ моментъ выпуска обладали достаточными теоретическими познаніями и нѣкоторой практической подготовкой (правда, въ послѣднее время, въ виду большой потребности, на экзаменахъ были снисходительнѣе, чѣмъ слѣдуетъ). Но что дальше? Въ большинствѣ случаевъ познанія, съ усиліемъ (значитъ—не твердо) усвоенныя въ классахъ и пріобрѣтенныя слишкомъ кратковременной практикой, быстро утрачивались.

Виною тому было наше чисто формальное отношеніе къ дѣлу: „подписано и съ плечъ долой“. Считалось [1]), что разъ человѣкъ получилъ на рукавъ знакъ изъ двухъ перекрещенныхъ пушекъ или минъ, то образованіе его закончено, и въ любой моментъ дальнѣйшей своей службы, поставленный къ пушкѣ или аппарату, онъ окажется на высотѣ положенія.

Въ минной спеціальности этотъ взглядъ еще не такъ пагубенъ, ибо обязанности минеровъ-нижнихъ чиновъ таковы, что они могутъ практически изучать ихъ, стоя на якорѣ и даже оставаясь на берегу. Но далеко не такъ обстоитъ дѣло съ комендорами. Очень часто (по выпускѣ изъ отряда) комендоръ или вовсе не плаваетъ, или плаваетъ на судахъ вовсе не имѣющихъ современной артиллеріи, при чемъ забываетъ все, чему учился, и для войны, т.-е. для выполненія прямого своего назначенія, становится негоднымъ. Не много выигрывало дѣло даже и тогда, когда комендору удавалось попасть сразу на боевой корабль, находящійся въ плаваніи. Въ виду ничтожнаго числа выстрѣловъ, положеннаго ему въ годъ, его неустановившееся искус-

[1]) Считается и до сихъ поръ.

ство въ стрѣльбѣ съ теченіемъ времени не только не могло возрасти, но должно было неминуемо понизиться.

О комендорахъ, призванныхъ изъ запаса, нечего и говорить.

Но что же дѣлать? Неужели часто производить стрѣльбу боевыми зарядами? Какихъ денегъ это будетъ стоить? И во что обратятся пушки къ тому времени, когда разразится война?

Правда... Но неудачная война и потеря флота обойдутся еще дороже. А потому слѣдовало бы учить комендоровъ стрѣльбѣ въ теченіе всей ихъ службы, платить большія деньги лучшимъ наводчикамъ и тѣмъ удерживать ихъ на сверхъ-срочной службѣ, да и самое званіе это сдѣлать наиболѣе почетнымъ во флотѣ. Еслибы двѣнадцать судовъ, составлявшихъ главныя силы эскадры Рожественскаго, имѣли хотя бы сорокъ восемь комендоровъ (по числу крупныхъ орудій), стрѣляющихъ лучше японскихъ, то, можетъ быть, результатъ боя былъ бы иной. И еслибы эти отличные стрѣлки удерживались на службѣ жалованьемъ въ полторы, даже въ двѣ тысячи рублей въ годъ, то это вышло бы много дешевле проиграннаго сраженія, проигранной кампаніи.

Что касается пушекъ, то, по примѣру японцевъ, для каждаго корабля надо имѣть ихъ полный второй комплектъ, который и ставить вмѣсто изношеннаго передъ объявленіемъ войны. Всѣ эти расходы съ лихвой окупятся первой побѣдой.

Возвращаюсь къ системѣ долгихъ стоянокъ и ученій на якорѣ.

За послѣдніе годы передъ войной рѣдкій корабль эскадры Тихаго океана насчитывалъ въ годъ двадцать сутокъ хода. Въ особенности броненосцы, т.-е. именно тѣ суда, которымъ въ военное время принадлежитъ рѣшающая роль въ вопросѣ владѣнія моремъ,—они-то и не шевелились. Эти корабли, стоявшіе многими мѣсяцами на якорѣ въ укрытой бухтѣ, отличались отъ казармъ, находящихся на берегу, только матеріаломъ постройки. Было бы одинаково цѣлесообразно, но зато еще много дешевле и легче для личнаго состава, просто обучать команду на берегу, такъ какъ содержаніе кораблей стоитъ дорого, а тяжесть казарменной жизни на нихъ еще усугубляется судовой обстановкой (тѣснота, въ казармѣ недопускаемая).

Какъ я уже говорилъ выше, огромное значеніе въ превращеніи осмысленныхъ занятій въ механическое отбываніе номеровъ сыграла вѣдомость 286 ученій.

Каждый легко можетъ представить себѣ, какъ оживлено и полно интереса, какъ затрагиваетъ всѣ элементы корабля и его личнаго состава ученье по боевой тревогѣ, произведенное на ходу и соединенное съ двухстороннимъ маневрированіемъ, минными атаками, контръгалсовой стрѣльбой или (хотя бы вспомогательной) стрѣльбой по дви-

жущейся цѣли. Но разложите это ученье на составные элементы, продѣлывайте ихъ каждый отдѣльно, безъ общей связи и смысла—и эти элементы явятся мертвыми, сухими пріемами, ничего не говорящими ни уму, ни сердцу, кромѣ: „такъ точно“ и „никакъ нѣтъ“.

Такое ученье по пріемамъ полезно и даже необходимо для начала, но возведеніе его въ культъ, занятіе имъ изо дня въ день цѣлые мѣсяцы и годы, мало-по-малу отучаетъ людей думать о смыслѣ производимыхъ ими дѣйствій; а разъ этотъ смыслъ потерянъ, само дѣйствіе становится скучнымъ выполненіемъ неизбѣжной формальности, отбываніемъ давно извѣстнаго, надоѣвшаго номера.

Старое изреченіе, что скука есть результатъ бездѣлья, справедливо только съ извѣстной оговоркой. Есть такіе роды дѣятельности, которые нагоняютъ скуку во время самой работы. И такой именно характеръ носила наша система обученія личнаго состава флота. Особенно губительно отзывалась она на молодежи, отъ которой зависитъ будущее нашего флота.

Небезызвѣстно, что за послѣдніе годы передъ войной наблюдался массовый уходъ изъ флота молодыхъ офицеровъ (и не изъ числа неспособныхъ), а со стороны флагмановъ и капитановъ слышались сѣтованія на равнодушіе молодежи къ службѣ. Для выясненія причинъ столь печальнаго явленія назначались коммиссіи, въ которыхъ большинство склонялось къ тому мнѣнію, что корень зла — въ затянувшемся производствѣ по линіи и въ отсутствіи надежды сдѣлать быструю карьеру.

Съ этимъ мнѣніемъ согласиться невозможно. Молодежь и теперь, какъ всегда, въ огромномъ своемъ большинствѣ живетъ настоящимъ и мало думаетъ объ отдаленномъ будущемъ. Для нея будущее—что-то смутное, но всегда хорошее. Опытъ жизни еще не расхолодилъ фантазіи; силъ много, и каждому кажется, что именно ему суждено сдѣлать что-то особенное, чѣмъ-то выдвинуться изъ толпы, стать головой выше товарищей... Какіе же тутъ разсчеты на производство по линіи? Есть о чемъ говорить!

Нельзя допустить также, чтобы въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ въ морской корпусъ поступали исключительно юноши отъ природы неспособные интересоваться тѣмъ дѣломъ, которому имъ придется служить.

Если одни изъ молодыхъ офицеровъ поражали начальство отсутствіемъ интереса къ службѣ, а другіе (и часто способнѣйшіе) бѣжали въ запасъ или въ отставку, то не являлось ли это результатомъ постановки службы въ нашемъ флотѣ?

Уничтоживъ плаваніе, превративъ суда въ плавучія казармы, стоящія на мертвомъ якорѣ, мы лишили службу ея живого духа, сдѣлали ее

невыносимо скучной и однообразной. Доктора рекомендуютъ разнообразіе даже въ пищѣ, говоря, что иначе желудокъ утомляется и работаетъ вяло. То же правило, но въ еще большей степени, примѣнимо и къ интеллектуальной дѣятельности. Скука, если она не является продуктомъ бездѣлья, но вызвана такимъ трудомъ, который, не давая физическаго утомленія, исключаетъ всякую работу мысли, есть опасная душевная болѣзнь. Нельзя не признать, что для привитія этой болѣзни нашему флоту было сдѣлано все возможное.

Кто станетъ оспаривать тяжесть и губительность скуки (именно скуки) службы на окраинахъ? Сколько талантливыхъ людей „заѣли" эти окраины! А между тѣмъ офицеръ сухопутной части, расположенной въ Портъ-Артурѣ, неся ту же службу, что и офицеръ броненосца, стоящаго въ бассейнѣ, былъ въ лучшихъ условіяхъ жизни, нежели послѣдній: онъ со службы уходилъ домой, къ своей семьѣ, а тотъ былъ лишенъ семьи и дома...

Представьте себѣ юношу, только что выпущеннаго въ офицеры, который пароходомъ добровольнаго флота или по желѣзной дорогѣ ѣдетъ на эскадру. Если въ немъ нѣтъ прирожденнаго отвращенія къ морю, то, разумѣется, онъ думаетъ о конечной цѣли своего пути, о боевой эскадрѣ, стоящей на стражѣ интересовъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ; онъ думаетъ о томъ, какъ будетъ плавать на этой эскадрѣ, владычествующей на водахъ Тихаго океана, по которому пути ей никуда не заказаны; онъ соображаетъ, къ какому дѣлу его назначатъ на кораблѣ, можетъ-быть даже волнуется мыслью, съумѣетъ ли исполнить то, что отъ него потребуютъ? — Напрасныя мечты. На мѣстѣ его ожидаетъ полное разочарованіе. Никакой эскадры собственно нѣтъ, а есть собраніе разныхъ кораблей, которые стоятъ... не на стражѣ, а просто на якоряхъ и бочкахъ. На всѣхъ живутъ, скучая и ссорясь между собой, господа и мужики, одѣтые въ морскую форму. Только одни корабли стоятъ подъ вымпеломъ, а другіе безъ него. Никакихъ волнъ Тихаго океана, ни штормовъ, ни опасностей, ни широкихъ путей, а просто тихая бухта и сѣренькая гаванская жизнь, съ ея скукой и сплетнями... Хорошо если за весь годъ наберется дней двадцать ходовыхъ, да и то: самый большой переходъ—1.000 миль, самый долгій срокъ въ морѣ—четверо сутокъ. Все остальное время—на якорѣ. Изо дня въ день занятія по росписанію, но не такія, какихъ можно бы ждать на боевой эскадрѣ, а нѣчто въ родѣ давно всѣми забытаго ученья маршировкѣ по пріемамъ или заряжанія ружья въ 18-ть темповъ. На кораблѣ его назначаютъ на опредѣленную обязанность, но это только для проформы. Своихъ людей онъ видитъ только на ученьѣ, но въ это время учить ихъ (въ настоящемъ смыслѣ этого слова) нельзя, да никто и не позво-

лилъ бы ему такого вольнодумства. Онъ долженъ стоять и смотрѣть, какъ они, чисто механически, выполняютъ строго-опредѣленныя дѣйствія. Кажется, все стремленіе направлено къ достиженію полнѣйшей автоматичности. Между тѣмъ, всякому свѣжему человѣку до поразительности ясно, что въ современномъ бою, при безконечномъ разнообразіи случайностей, при сложности устройства корабля, ничто не должно дѣлаться автоматически, но каждый шагъ матроса долженъ быть вполнѣ осмысленнымъ.

И напрасно боялся юноша, что не съумѣетъ исполнить требованія, которыя ему предъявятъ: съ него ничего не требуютъ, кромѣ пассивнаго повиновенія и благоговѣнія передъ установившимися порядками. Монотонная, сѣренькая судовая жизнь, часто еще отравленная вспышками раздражительности соплавателей, угнетаемыхъ той же скукой, гонитъ молодежь на берегъ. Оторванные отъ круга родныхъ, брошенные въ чуждую имъ обстановку, кого встрѣчаютъ они здѣсь?— Товарищей по эскадрѣ. Но при полномъ отсутствіи какъ судовой, такъ и эскадренной жизни, никакой разговоръ о своемъ дѣлѣ, никакой обмѣнъ впечатлѣній не могутъ имѣть мѣста. Передаются кое-какія сплетни, а затѣмъ бесѣда сводится на такъ называемыя общедоступныя темы, и вечеръ заканчиваютъ — вино, карты и женщины. За отсутствіемъ какихъ-либо другихъ интересовъ, бесѣды о тѣхъ же предметахъ переносятся на корабль, и мало-по-малу атмосфера игорнаго дома и кафе-шантана водворяется въ каютъ-компаніи. Очутившись въ подобныхъ условіяхъ жизни и службы, болѣе энергичные люди бѣгутъ; сознающіе тяжесть положенія, но слабовольные понемногу втягиваются и, чаще всего, спиваются; остальные (въ большинствѣ— сѣренькая посредственность) составляютъ именно тотъ элементъ, который отбываніе номеровъ считаетъ за серьезное дѣло, ничего лучшаго не желаетъ и, поражая начальство полнымъ равнодушіемъ къ интересамъ службы и скудостью познаній, успѣшно исполняетъ „цензъ на дожитіе“ до тѣхъ поръ, когда строго соблюдаемая линія доставитъ и имъ производство въ слѣдующій чинъ...

И все это разыгрывалось въ то время, какъ адмиралъ Того восемь лѣтъ кряду не спускалъ своего флага, командуя боевой эскадрой Японіи, готовившейся къ войнѣ съ Россіей.

Если вѣрить японскимъ офицерамъ, то въ этой войнѣ „духъ всего народа“ былъ съ ними. Каждый матросъ на ихъ эскадрѣ понималъ все значеніе войны для Японіи, понималъ важность задачи, возложенной на флотъ, и вполнѣ сознательно готовъ былъ жертвовать собою, такъ какъ самые близкіе и дорогіе ему люди съ гордостью благословляли его на этотъ подвигъ. Къ сожалѣнію далеко не тотъ духъ царилъ на нашей эскадрѣ...

Что касается „духа народа“, то „онъ“ не былъ съ нами. Вѣсти изъ Россіи, вполнѣ оградить отъ которыхъ команду былъ невозможно, могли внести только смуту и сомнѣніе въ правотѣ своего дѣла.

На японской эскадрѣ, выступившей противъ насъ при Цусимѣ подъ общимъ начальствомъ адмирала Того, было пять вице-адмираловъ и восемь контръ-адмираловъ. Всѣ они были или товарищами, или учениками Того. Отряды и отдѣльныя суда понимали его движенія безъ сигналовъ. Начальники отрядовъ, пріученные къ широкому проявленію личной иниціативы, въ бою 14-го мая дѣйствовали вполнѣ самостоятельно, руководствуясь лишь общимъ планомъ. Они, смотря по ходу боя, то сражались каждый отдѣльно, то соединялись съ сосѣдями въ болѣе сильныя группы. Минныя суда японцевъ, повидимому, только и ждали наступленія темноты, чтобы проявить свою дѣятельность.

Жалѣть ли, что противъ четырнадцати японскихъ адмираловъ, лично участвовавшихъ въ бою, съ нашей стороны было только три?.. Возможно, что даже изъ этихъ трехъ—двое были лишними...

Недаромъ въ Портъ-Артурѣ, послѣ гибели С. О. Макарова, офицеры и команды единодушно возлагали всѣ свои надежды только на Дубасова, Чухнина и Рожественскаго. Больше никого не называли, хотя по спискамъ у насъ адмираловъ числилось втрое больше, чѣмъ у японцевъ. Гласъ народа—гласъ Божій...

Вл. Семеновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЛИКВИДАЦІЯ БАНКОВСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ И ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО ВЪ КИРСАНОВСКОМЪ УѢЗДѢ.

Въ октябрьскіе дни налетѣлъ на Кирсановскій уѣздъ, Тамбовской губерніи, шквалъ стихійныхъ аграрныхъ погромовъ. Въ три дня было разграблено и уничтожено до двадцати помѣщичьихъ усадебъ, послѣ чего помѣщики стали поспѣшно сбывать свои земли крестьянамъ, и къ двухлѣтней годовщинѣ безпорядковъ продали 80 тысячъ десятинъ, т.-е. 30% всего своего землевладѣнія.

Менѣе всего связанными съ землей оказались крупные владѣльцы, хозяйничающіе заглазно, затѣмъ купцы, а наиболѣе устойчивыми—

средніе и мелкіе помѣщики, живущіе постоянно по деревнямъ и выдержавшіе кризисъ довольно стойко.

Обратило въ бѣгство помѣщиковъ, главнымъ образомъ, отсутствіе связи съ землей и нерасположеніе къ кропотливой, настойчивой, ежечасной борьбѣ съ препятствіями, которой стало требовать хозяйство въ деревнѣ.

Нельзя сказать, чтобы продажная цѣна на земли была дорога: въ среднемъ десятина глубокаго чернозема пошла по 180 рублей. Отдѣльныя покупки были даже очень дешевыя. Въ общемъ крупные помѣщики раздѣлались со своими имѣніями болѣе выгодно, чѣмъ средніе и мелкіе. Особенно дорого было куплено одно крупное имѣніе въ 6.000 десятинъ: въ ссуду былъ данъ милліонъ, вопреки мнѣнію управляющаго мѣстнымъ отдѣленіемъ банка и одного изъ членовъ землеустроительной коммиссіи, находившихъ, что оцѣнка этого имѣнія преувеличена.

Такимъ образомъ помѣщики, нисколько не связанные съ землею и не живущіе въ своихъ имѣніяхъ, получили больше, чѣмъ помѣщики, работавшіе и улучшавшіе свои земли. Кромѣ того, дѣла о крупныхъ покупкахъ кончались скоро, тогда какъ среднія и мелкія тянулись годами. Это объяснялось тѣмъ, что въ крестьянскомъ банкѣ при наплывѣ дѣлъ въ годы массовыхъ продажъ очередь не соблюдалась; надо было хлопотать и просить въ Петербургѣ, чтобы двинуть дѣло, иначе оно залеживалось—а такія просьбы были возможны лишь при крупныхъ продажахъ. Большинство крупныхъ помѣщиковъ успѣло, притомъ, получить разсчетъ наличными деньгами, а средніе и мелкіе—бумагами.

Изъ числа проданныхъ имѣній 60 тысячъ десятинъ были куплены общинами и товариществами, а 20 тысячъ—непосредственно самимъ банкомъ.

Отдѣленіе банка не было въ состояніи хозяйничать, изъ Тамбова, въ постоянно пріобрѣтаемыхъ банкомъ имѣніяхъ, разбросанныхъ по разнымъ уѣздамъ губерніи. Имѣнія попадали въ руки временныхъ приказчиковъ и приносили банку лишь малый доходъ. Земли неправильно распредѣлялись въ погодную сдачу между крестьянами; иные набирали ея слишкомъ много и спекулировали ею, другимъ же ея совсѣмъ не доставалось. Положеніе крестьянъ въ купленныхъ имѣніяхъ при хозяйствѣ банка стало хуже, чѣмъ при прежнихъ помѣщикахъ.

Банковскія имѣнія, съ цѣлью распредѣленія среди нуждающихся въ землѣ крестьянъ, были переданы сначала въ уѣздную землеустроительную коммиссію, въ рукахъ которой ликвидація этихъ земель шла медленно; во вторую половину 1906 г. и первую половину 1907 г. было сдѣлано очень мало. Дѣло было сложное, да и дѣятельность

коммиссіи, какъ неудачнаго учрежденія, была мало подвижна и нежива.

Правительство, какъ извѣстно, очень торопилось размѣстить земельный фондъ, могущій достаться трудовому крестьянству; поэтому лѣтомъ 1907 г. были снаряжены въ провинцію три временныхъ отдѣленія совѣта банка, изъ высшихъ чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ, вѣдомства землеустройства и крестьянскаго банка, съ широкими полномочіями, для немедленной ликвидаціи купленныхъ земель.

Въ началѣ іюля кирсановской землеустроительной коммиссіей было получено по телеграфу предложеніе изъ Петербурга непрерывно засѣдать и спѣшно составить предположенія о распродажѣ банковскихъ имѣній, такъ чтобы къ началу августа, т.-е. къ пріѣзду временныхъ отдѣленій, эти проекты могли бы уже быть утверждены. Такое распоряженіе поражало своею странностью. Извѣстно, что въ революціонное время разныя учрежденія во Франціи въ рѣшительные моменты объявляли себя „en permanance“; но было непонятно, какимъ образомъ землеустроительное учрежденіе, долженствующее входить въ мелочи каждаго вопроса, имѣть дѣло со множествомъ отдѣльныхъ крестьянъ, учрежденіе, состоящее изъ должностныхъ лицъ, имѣющихъ каждое цѣлый рядъ непосредственныхъ служебныхъ обязанностей, могло объявить свои засѣданія непрерывными.

Непрерывно засѣдать и не пришлось; напротивъ, коммиссія осталась совсѣмъ безъ дѣла, такъ какъ черезъ двѣ недѣли послѣ перваго распоряженія было получено другое—изъять изъ вѣдѣнія коммиссіи банковскія имѣнія и передать ихъ для составленія ликвидаціонныхъ проектовъ тремъ членамъ крестьянскаго банка, командированнымъ въ уѣздъ. Послѣднее распоряженіе нарушало законъ объ учрежденіи землеустроительныхъ коммиссій, на обязанности которыхъ лежитъ именно распредѣленіе банковскихъ земель между крестьянами. Но закономъ у насъ, какъ извѣстно, не стѣсняются.

Выѣзжая изъ Петербурга для столь отвѣтственнаго порученія, временный совѣтъ банка, направлявшійся въ Тамбовъ, не выработалъ опредѣленнаго образа дѣйствій. Онъ гастролировалъ въ то лѣто въ Тамбовѣ два раза, въ іюлѣ и августѣ, и въ первый свой пріѣздъ держался того мнѣнія, что землю предпочтительно слѣдуетъ продавать товариществамъ и общинамъ, а не отводить подъ отдѣльныя поселенія, хотя изданнымъ за мѣсяцъ до того руководящимъ циркуляромъ вѣдомства землеустройства отъ 12 іюня предписывалось именно противоположное.

Во второй свой пріѣздъ совѣтъ круто измѣнилъ свою первоначальную точку зрѣнія и настойчиво, во всѣхъ случаяхъ, стоялъ за отдѣльныя поселенія; а такъ какъ въ оба пріѣзда былъ ликвидиро-

ванъ цѣлый рядъ имѣній въ разныхъ уѣздахъ, то не пригодность тѣхъ или иныхъ имѣній подъ то или другое поселеніе рѣшала вопросъ о судьбѣ ихъ, а время ликвидаціи. И крестьяне, долженствующіе понять превосходство хуторского разселенія, оставались въ недоумѣніи, почему пригодное для хуторского поселенія имѣніе отдавалось общинѣ въ іюлѣ, а непригодное предназначалось подъ хутора въ августѣ?

Вышеупомянутые чины банка для ликвидаціи кирсановскихъ земель были командированы въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда совѣтъ банка стоялъ еще за общины; имъ была предоставлена альтернатива—или слѣдовать этимъ указаніямъ, или руководствоваться циркуляромъ 12-го іюня, требовавшимъ отдѣльныхъ поселеній. Они предпочли слѣдовать указаніямъ непосредственнаго начальства, тѣмъ болѣе, что разрѣзать подъ хутора и раздать въ двѣ недѣли 20 тысячъ десятинъ было совершенно невозможно. Земли поспѣшно, упрощеннымъ способомъ, были распредѣлены между сосѣдними общинами и крупными товариществами.

Въ запискѣ, поданной однимъ изъ членовъ кирсановской землеустроительной коммиссіи временному совѣту, указывались послѣдствія такого поспѣшнаго образа дѣйствій.

„Ликвидаціонные проекты — говорилось въ запискѣ—начали составляться командированными членами банка около 10 іюля, и въ двадцатыхъ числахъ были уже окончены. Такимъ образомъ, на долю непремѣнныхъ членовъ банка выпала непосильная работа — сдѣлать ex abrupto въ нѣсколько дней то, что по существу требуетъ долгихъ подготовительныхъ работъ на мѣстахъ и всесторонней освѣдомленности объ экономическихъ особенностяхъ жизни каждой отдѣльной мѣстности.

„Проекты составлялись въ разгаръ полевыхъ работъ, при отсутствіи части населенія, заинтересованной въ ликвидаціи и находящейся на заработкахъ. Земли раздавались тѣмъ крестьянамъ, которые сами являлись къ членамъ банка, и на сотни прежде поданныхъ прошеній въ землеустроительную коммиссію не обращалось рѣшительно никакого вниманія—они просто игнорировались.

„Самое раздробленіе большихъ имѣній (большинство ликвидируемыхъ въ уѣздѣ имѣній было въ 2—3 тысячи десятинъ) на небольшіе участки и передача ихъ крестьянамъ представляетъ дѣло чрезвычайно сложное, затрогивающее многообразные интересы, выясняющіеся только при самомъ процессѣ передачи. Эти интересы требуютъ ряда послѣдовательныхъ сговоровъ и соглашеній между крестьянами (напр. для образованія товариществъ изъ отдѣльныхъ лицъ), частыхъ сходовъ, совершенно невозможныхъ въ рабочее время и держащихъ крестьянъ въ возбужденіи, когда они должны работать. При спѣшности же дѣла

и невыясненности всѣхъ его подробностей несомнѣнно будутъ допущены ошибки, въ ущербъ справедливости и правильнаго хозяйственнаго распредѣленія земли между крестьянами. Многіе интересы будутъ нарушены".

Далѣе въ запискѣ обращалось вниманіе еще на одно обстоятельство: ликвидаціонные планы передавали земли въ общую собственность крупнымъ общинамъ или товариществамъ въ сто, двѣсти, а въ одномъ случаѣ даже и въ триста домохозяевъ; но такъ какъ комитетъ по землеустроительнымъ дѣламъ требовалъ уже и тогда опредѣленія неподлежащаго въ будущемъ передѣлу пая каждаго домохозяина, который закрѣплялся въ его собственность, то ликвидаторы, не будучи въ состояніи сами опредѣлить этотъ пай сообразно хозяйственному положенію каждаго отдѣльнаго двора, опредѣляли его огульно, по числу наличныхъ душъ мужского пола, находящихся въ данный моментъ въ каждомъ дворѣ (считая по $3^1/_2$ дес. на такую душу и вычитая изъ этого количества надѣльную землю). Такое упрощенное опредѣленіе земельныхъ паевъ привело къ неравномѣрному и несправедливому распредѣленію земли между отдѣльными домохозяевами. Возьмемъ для примѣра двѣ семьи, одинаковыя по численности. Одна, состоящая изъ мужа, жены, бабки и восьми дѣвочекъ, получала при ликвидаціи участокъ земли, равняющійся разности между $3^1/_2$ десятинами и тѣмъ участкомъ надѣльной земли, которымъ она владѣетъ, т.-е. почти ничего не получала. Между тѣмъ другая семья, состоящая изъ отца, матери, дѣда, восьми мальчиковъ, хотя бы малолѣтнихъ, неработниковъ, получала при этомъ разсчетѣ въ десять разъ больше, чѣмъ первая. Такой разсчетъ на наличныя души, вслѣдствіе неизбѣжныхъ послѣдующихъ измѣненій въ составѣ семьи, особенно при большой смертности крестьянскихъ дѣтей и нарожденіи новыхъ, терялъ всякое основаніе. Между тѣмъ, распредѣленіе паевъ, сдѣланное на этомъ основаніи, обусловливало собою размѣръ собственности каждаго двора.

Въ виду такого положенія вещей, въ запискѣ предлагалось не спѣшить съ передачей крестьянамъ въ собственность земель на основаніи столь несовершенныхъ ликвидаціонныхъ проектовъ и закрѣпить результаты ликвидаціи въ видѣ аренднаго пользованія крестьянъ на одинъ сѣвооборотъ, т.-е. на три года, съ тѣмъ, чтобы въ теченіе этого времени составить окончательные ликвидаціонные проекты.

Черезъ три недѣли послѣ приступа къ работамъ ликвидаціонные проекты временныхъ членовъ банка были готовы, спѣшно разсмотрѣны и утверждены, безъ возраженій со стороны послушной взглядамъ начальства землеустроительной коммиссіи. Общины и товарищества, пославшія своихъ уполномоченныхъ на засѣданіе коммиссіи, получили

увѣренность, что земли будутъ за ними закрѣплены. Это имъ говорили и чины банка; но когда проекты поступили на утвержденіе временнаго совѣта банка, въ его вторичный пріѣздъ въ августѣ, точка зрѣнія совѣта уже измѣнилась. Онъ передѣлалъ эти проекты такимъ образомъ, чтобы половина земель, предназначенныхъ общинамъ и товариществамъ, была передана подъ хуторскія поселенія.

Это новое, измѣненное рѣшеніе почиталось, согласно закону, окончательнымъ и, какъ таковое, было объявлено всѣмъ крестьянамъ въ отмѣну прежнихъ предположеній, при чемъ имъ было указано явиться для совершенія купчихъ крѣпостей и взноса денегъ. Крестьяне стали совершать нужные документы, продавать въ неурочное рабочее время скотъ и хлѣбъ и собирать деньги.

Оказалось, однако, что всѣ три ликвидаціонныя инстанціи, спѣшно работая, совершили крупную ошибку. Одно большое имѣніе съ близкою подпочвенною водою, съ водоносными лощинами, пересѣкающими все имѣніе на много верстъ, было утверждено за крупными товариществами и общинами; за ними же были утверждены и части другихъ имѣній, совершенно пригодныхъ подъ хутора; но за то 5.000 десятинъ безводной высокой степи были отняты у общинъ и предназначены подъ хутора, что было невозможно привести въ исполненіе.

Такъ какъ рѣшенія временныхъ совѣтовъ считались, по закону, окончательными, то они были отмѣнены въ порядкѣ верховнаго управленія совѣтомъ министровъ—отмѣнены не только въ части, оказавшейся трудно исполнимой, но и во всемъ объемѣ, по всѣмъ банковскимъ имѣніямъ. И тогда какъ на другія неотложныя нужды и просьбы уѣзда Петербургъ и не думалъ откликаться, все производство по этой отмѣнѣ заняло всего нѣсколько дней. Всѣ сношенія по дѣламъ ликвидаціи дѣлались вообще по телеграфу.

Въ виду отмѣны рѣшеній совѣтомъ министровъ, крестьянамъ, явившимся, согласно объявленіямъ, въ губернскій городъ для совершенія купчихъ, было объявлено, что назначенныхъ имъ земель они не получатъ.

Отмѣненное ликвидаціонное производство было передано на этотъ разъ въ губернскую землеустроительную коммиссію, гдѣ, согласно новымъ теченіямъ въ Петербургѣ, было рѣшено всѣ 20.000 дес. земли, принадлежащія банку, разбить на хутора, въ томъ числѣ и безводную степь. Ни пяди земли общинамъ, все подъ хутора. На этотъ разъ, въ замѣнъ прежнихъ неясныхъ представленій самого правительства о томъ, что такое собственно хуторъ, подъ хуторомъ стали понимать земельный квадратъ, а въ крайнемъ случаѣ — удлиненный земельный участокъ, но съ непремѣннымъ отдѣльнымъ поселеніемъ въ чертѣ каждаго хутора. Хутора нарѣзались обыкновенные въ

10 десят., двойные — въ 20. Такимъ образомъ теперь было измѣнено и основаніе распредѣленія земли по домохозяйствамъ (въ іюлѣ, какъ выше указано, земля нарѣзалась по числу наличныхъ мужскихъ душъ въ домохозяйствѣ).

Изъ Петербурга были вызваны техники—производить гидротехническія изслѣдованія. Изъ разныхъ губерній, съ большимъ трудомъ и издержками, были собраны наспѣхъ партіи плохихъ землемѣровъ—межевать и осталбливать хутора. Самая ликвидація имѣній была поручена четыремъ чинамъ вѣдомства землеустройства. Такимъ образомъ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ дѣло поперемѣнно поручалось тремъ вѣдомствамъ.

Буровыя работы для добыванія воды въ высокой степи приводили крестьянъ въ недоумѣніе (они прозвали инженеровъ „вертунами“). Населеніе, привыкшее къ трехполью, къ общимъ выгонамъ на пару и жнивьѣ, живущее скученно въ большихъ селахъ, у воды, на низкихъ мѣстахъ, съ негодованіемъ встрѣчало предложенія разорять свои дома, свои насиженныя усадьбы и селиться отдѣльно въ высокой степи, посреди безводныхъ квадратовъ, довольствуясь только однимъ колодцемъ на 15 дворовъ. Въ хуторской рай оно не вѣрило; оно понимало всю несбыточность предположеній перестроить всѣ деревни, перерѣзать всѣ поля, и сразу, минуя всѣ другія стадіи, перейти къ наиболѣе совершенной формѣ землевладѣнія.

Его смущали угрозы землеустроителей призвать крестьянъ изъ Полтавы, если мѣстные крестьяне не возьмутъ хуторовъ. Оно не могло понять, во имя какихъ разумныхъ интересовъ ему ставятъ такія разорительныя и стѣснительныя требованія. Мѣстные крестьяне, принужденные искать земли въ Сибири, за недостаткомъ ея у себя, не могли взять въ толкъ, чтобы можно было призвать крестьянъ изъ другой губерніи, заставлять мѣстное населеніе идти въ Сибирь и на оставленныя пепелища сажать вновь призванныхъ. Такое chassé-croisé не умѣщалось въ крестьянскихъ головахъ.

Землемѣрныя работы начались въ концѣ августа и въ сентябрѣ, а такъ какъ весной предполагалось раздать всѣ хутора, то пришлось производить ихъ съ большимъ трудомъ поздней осенью и въ началѣ зимы, по мерзлой землѣ и снѣгу. Наконецъ, все было кончено: хутора остолблены, но охрана межъ новаго частнаго землевладѣнія потребовала стражи.

Были разбиты на хутора всѣ 20 тысячъ десятинъ, при чемъ въ эту разбивку попали и земли, вплоть прилегающія къ усадьбамъ крестьянскихъ общинъ и служившія имъ прежде выгонами.

За одну разбивку хуторовъ землемѣрамъ было заплачено 20 тысячъ рублей, кромѣ другихъ расходовъ. Гидротехническія работы

также стоили дорого и въ безводной степи воды все-таки не достали. Вырытые колодцы къ веснѣ засыпались.

Крестьяне рѣшительно отказались покупать и селиться на усовершенствованныхъ хуторахъ; только лучшіе изъ хуторовъ были разобраны очень состоятельными крестьянами, часто имѣвшими кромѣ того и другую землю. Доставались и по два хутора и больше на семью, при чемъ семьи фиктивно дѣлились. Нѣкоторые хутора достались лицамъ, ничего общаго съ землею не имѣющимъ, но понявшимъ, что, при неустойчивости взглядовъ правительства, можно давать обѣщанія безъ намѣренія ихъ исполнить.

Въ теченіе зимы землеустройство претерпѣло еще одну эволюцію.

Въ Петербургъ проникло сознаніе невозможности насажденія хуторовъ строгаго типа. 19-го февраля 1908 г. было утверждено новое руководящее распоряженіе: „Временная инструкція объ основаніяхъ и порядкѣ ликвидаціи банковыхъ земель". Въ отмѣну прежняго, въ тѣхъ случаяхъ, когда водоснабженіе или иныя мѣстныя условія не позволяютъ использовать ликвидируемое имѣніе подъ хутора, было дозволено переходить къ устройству отрубовъ, т.-е. къ полевымъ участкамъ въ одной межѣ, расположеннымъ отдѣльно отъ усадьбы; можно было устраивать и поселки, съ разбивкою полевой земли отрубами, или даже продавать землю отрубами, не требуя выселенія изъ деревень.

Этой инструкціей опять были сдѣланы измѣненія въ учрежденіяхъ, ликвидирующихъ банковскія земли. Временные совѣты выдѣлили изъ себя особыхъ уполномоченныхъ, одного на нѣсколько губерній. Въ каждой губерніи былъ учрежденъ ликвидаціонный отдѣлъ и на мѣстахъ были назначены особые ликвидаторы.

Въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ, въ томъ числѣ и въ Кирсановскомъ уѣздѣ, наиболѣе отвѣчающею мѣстнымъ условіямъ формою землеустройства было признано образованіе поселковъ изъ небольшого числа дворовъ, съ разбивкою полевой земли отрубами, которые продавались въ личную собственность.

На основаніи такого новаго рѣшенія надлежало дѣлать сплошное перемежеваніе только что отмежеванныхъ хуторовъ. Такимъ образомъ всѣ межевыя работы, сдѣланныя осенью съ такимъ трудомъ и съ такими затратами, пошли на смарку.

Въ виду того же рѣшенія предполагалось не совершать купчихъ на запроданные осенью хутора, а ввести эти земли въ новыя поселенія подъ отруба. Но лица, купившія хутора, не пожелали лишиться дорогихъ угодій, выбранныхъ ими въ продаваемыхъ имѣніяхъ. Такъ какъ они были не рядовые крестьяне, а *крѣпкіе* и *сильные*, то они запротестовали и заявили начальству, что уже три раза въ теченіе одного года крестьянамъ предлагается покупать землю

все на различныхъ условіяхъ и затѣмъ по запродажѣ отказываться отъ нея. Начальство устыдилось своего дѣйствительно непослѣдовательнаго образа дѣйствій, уважило протестъ, и выбранный изъ имѣній любокъ остался за „сильными“.

Всѣ остальныя, худшія части имѣній были разбиты на отрубные поселки. Ходатайство нѣкоторыхъ общинъ не селить за ихъ гумнами хуторянъ, выбравшихъ луга, которые прежде эти общины снимали у помѣщиковъ подъ свои выгоны, не было уважено, чѣмъ скотоводство этихъ общинъ оказалось крайне стѣсненнымъ.

Въ то время, какъ принимались мѣры землеустройства или не соотвѣтствующія мѣстнымъ условіямъ, или второстепенныя, или во всякомъ случаѣ непродуманныя, которыя приходилось видоизмѣнять во время самаго исполненія,—на самыя существенныя землеустроительныя мѣры, вызывавшіяся мѣстными условіями, не обращалось рѣшительно никакого вниманія.

Кирсановскій уѣздъ пересѣкается пополамъ рѣкою Вороною. На берегахъ этой рѣки, въ нѣсколькихъ огромныхъ селахъ, отъ 5-ти до 15-ти тысячъ душъ въ каждомъ скученно живетъ половина 300-тысячнаго населенія уѣзда. Земельныя дачи этихъ гигантовъ-общинъ, отъ 15-ти до 25-ти тысячъ десятинъ въ одномъ кускѣ, тянутся безъ всякой чрезполосицы отъ рѣки въ глубь степи на двадцать и болѣе верстъ. При такомъ длинноземельѣ никакое земледѣліе, кромѣ самаго примитивнаго, невозможно. Все дѣло ограничивается тѣмъ, что весною крестьяне кое-какъ вспахиваютъ свою землю, а затѣмъ оставляютъ посѣвъ безо всякаго ухода и надзора на волю Божію. Унавоживаніе въ этихъ обществахъ не практикуется. Навозъ сваливается въ овраги и рѣки, хотя всѣ помѣщики и небольшія общины давно ужъ унавоживаютъ свои поля. Осенью, когда поспѣетъ хлѣбъ, крестьяне большихъ общинъ тащатъ свои копны за двадцать верстъ. Чтобы свезти одну такую копну, нужно употребить цѣлый день, тогда какъ на близкомъ разстояніи въ день можно убрать двадцать и болѣе копенъ. Пять лѣтъ тому назадъ, во время уборки хлѣбовъ, у насъ шли ежедневно небольшіе тучковые дожди, и такъ какъ каждая копна путешествовала съ дальнихъ полей по цѣлому дню, то ни одна не избѣгала дождя; весь хлѣбъ получился сырой въ большинствѣ крупныхъ селеній.

Эти крестьяне имѣютъ для разселенія въ своихъ дачахъ удобныя мѣста съ водою. Они давно уже сознаютъ, что ихъ трудъ, при нѣнѣшнихъ условіяхъ, пропадаетъ даромъ. Въ началѣпрошлаго столѣтія часть крестьянъ изъ этихъ большихъ общинъ выселилась на свои полевыя угодья и образовала нѣсколько новыхъ селъ. Дальнѣйшему ихъ раз-

селенію мѣшаютъ рутина и недостатокъ средствъ на устройство новыхъ усадебъ.

Мѣстными условіями и сознаніемъ крестьянъ диктуется въ такихъ громадныхъ общинахъ не выдѣленіе надѣловъ въ частную собственность на основаніи ноябрьскаго указа—что при разноцѣнности земли, раскинутой на такихъ громадныхъ пространствахъ, производитъ страшную сумятицу,—а образованіе изъ одной большой общины ряда небольшихъ селеній на полевыхъ надѣлахъ.

Другая нужная у насъ въ уѣздѣ мѣра—обезпеченіе землею безземельныхъ крестьянъ.

Безземельныхъ крестьянъ, прежнихъ дворовыхъ, въ Кирсановскомъ уѣздѣ насчитывается 5.000 душъ мужского пола. Они живутъ среди крестьянскихъ общинъ и, не имѣя земли, эксплуатируются послѣдними, берущими съ нихъ несоразмѣрно высокую плату за право жительства на общественной землѣ и за право пользованія выгономъ для скота. По этой, между прочимъ, причинѣ безземельные крестьяне не могутъ имѣть достаточнаго живого инвентаря, хотя главнѣйшій ихъ промыселъ составляетъ земледѣліе на снимаемой погодно землѣ; другія работы, которыми они въ большинствѣ случаевъ занимаются въ свободныя отъ землепашества длинныя зимы, являются только подсобнымъ промысломъ.

Безземельные крестьяне остались безъ обезпеченія при происшедшей крупной и торопливой мобилизаціи земель въ Кирсановскомъ уѣздѣ. Банковскихъ земель имъ не досталось. Они не были настолько состоятельны, чтобы пробовать обзавестись новыми хозяйствами на новыхъ поселеніяхъ. Общины и товарищества, купившія остальную помѣщичью землю, не принимали ихъ къ себѣ, какъ чужихъ, потомковъ дворовыхъ, а не пашенныхъ крестьянъ. Былъ даже такой случай: три общины крестьянъ,—Балыклея, Кулевчей и Николина,—разгромившія въ пухъ и прахъ имѣніе своего помѣщика, купили потомъ это имѣніе, всего 6.000 десятинъ, при чемъ ссуды было выдано болѣе милліона. Безземельные крестьяне, живущіе среди этихъ общинъ и въ безпорядкахъ не участвовавшіе, просили принять ихъ въ покупку, но общинники на это не согласились, и правительство исполнило желаніе общинниковъ. Безземельные, сидѣвшіе смирно, остались безъ земли.

Таковъ результатъ торопливыхъ аграрныхъ мѣропріятій, предпринятыхъ, по приказанію свыше, безъ предварительнаго изученія на мѣстахъ положенія дѣлъ, даже безъ знакомства съ прежнимъ изслѣдованіемъ крестьянскаго землевладѣнія Тамбовской губерніи, сдѣланнымъ извѣстнымъ въ литературѣ земскимъ статистикомъ Романовымъ.

Л. Дашкевичъ.

ИЗЪ МУЗЫКАЛЬНОЙ ХРОНИКИ

Передъ началомъ новаго музыкальнаго сезона естественно взглянуть на итоги перваго полугодія петербургской музыкальной жизни. Новое въ немъ ограничивается почти исключительно областью симфонической и камерной музыки. Опера у насъ находится въ давно небываломъ упадкѣ. Наша казенная сцена проявляетъ небывалую апатичность. Ни одной новой оперы за весь послѣдній годъ. Ни одного возобновленія (кромѣ оперъ Глинки), которое заслуживало бы вниманія. Частныя сцены—одна въ „Народномъ Домѣ", дававшая спектакли черезъ день, другая въ консерваторіи, начавшая свою дѣятельность въ этомъ году подъ знаменемъ „русской оперы" и продолжавшая ее уже подъ знаменемъ „итальянской оперы",—не отличались въ этомъ отношеніи отъ казенной сцены. Ихъ въ конецъ обуяло убѣжденіе, что публика консервативна, что она не любитъ и не желаетъ ничего новаго и что главное для нея—постоянная смѣна артистовъ, по возможности съ именами. Это печальное заблужденіе останавливаетъ развитіе какъ искусства, такъ и публики. Для музыканта и серьезнаго любителя оставались концерты, изъ великаго множества которыхъ выдѣлялись сравнительно немногіе.

Среди новостей въ области иностранной музыки выдаются сочиненія француза Мориса Равеля, нѣмцевъ Генриха Норена и Макса Регера, англичанина Эдварда Эльгара и финляндца Сибеліуса. Почти всѣ эти сочиненія (за исключеніемъ написаннаго Регеромъ) исполнялись въ концертахъ А. Зилоти, вступившихъ въ шестой сезонъ и успѣвшихъ познакомить русскую публику со многими новинками. Жаль только, что программы этихъ концертовъ чрезвычайно пестры и страдаютъ отсутствіемъ объединяющей идеи и направленія. Можно вѣдь, не впадая въ партійность, составлять программы для каждаго концерта изъ болѣе однородныхъ произведеній. Другой недостатокъ этихъ концертовъ—не всегда удовлетворительное исполненіе. Темпы, назначаемые дирижеромъ, часто произвольны; о деталяхъ оркестровыхъ оттѣнковъ онъ, повидимому, вовсе не заботится.

Морисъ Равель—одинъ изъ французскихъ композиторовъ-модернистовъ послѣдняго поколѣнія. Еще молодой (род. въ 1875 г.), онъ выдвинулся на родинѣ главнымъ образомъ чрезвычайно оригиналь-

ными фортепіанными и вокальными пьесами, частью знакомыми и петербуржцамъ по исполненію на „Вечерахъ Современной Музыки". Новыя его произведенія—„Испанская рапсодія" и „Интродукція и Allegro" для арфы съ оркестромъ—болѣе обширны по размѣрамъ. Въ „Испанской рапсодіи" все ново и необычайно. Прежде всего поражаетъ разнообразная, оригинальная, изысканная иногда до крайней причудливости звучность оркестра. Составъ оркестра сложенъ и особенно богатъ. Введенъ новый инструментъ—саррисофонъ, въ родѣ контрафагота, мѣдно-деревянный, дающій предѣльныя низкія ноты густого тембра. Но и обыденные инструменты въ рукахъ автора обновились. Изобрѣтательно и виртуозно трактованъ струнный квинтетъ. Масса различныхъ ударныхъ инструментовъ осуществляетъ и подчеркиваетъ причудливыя ритмическія затѣи автора. Не смотря на вычурность и дѣланность, въ оркестровкѣ много изящества и вкуса. Авторъ больше любитъ сопоставлять отдѣльные тембры, чѣмъ сплавлять ихъ по-вагнеровски въ одну текучую лаву. Въ гармоніи Равель допускаетъ преувеличенія и угловатости, вредящія красотѣ цѣлаго. Въ мелодическихъ оборотахъ, да и въ ритмикѣ, чувствуется своеобразный испанскій характеръ, далекій отъ слышаннаго нами ранѣе. Въ общемъ—много блеска и жизни. Другое произведеніе того же автора—„Интродукція и Allegro" для арфы—не столь экстравагантно, но тоже ново и интересно. Оркестровка здѣсь проста (струнные, флейта и кларнетъ), но сдѣлана со вкусомъ, гармонія менѣе вычурна, партія арфы написана виртуозно. На всемъ произведеніи лежитъ восточный характеръ.

Оркестровыя произведенія прочихъ авторовъ менѣе выдаются.

Генрихъ Норенъ (род. 1868 г.), профессоръ въ берлинской консерваторіи Штерна, совсѣмъ неизвѣстенъ у насъ. Въ послѣднее время его произведенія усиленно исполняются въ Западной Европѣ. „Калейдоскопъ", съ которымъ мы теперь познакомились, обошелъ почти всѣ концертныя эстрады. Извѣстности этого произведенія много содѣйствовалъ судебный процессъ, возбужденный противъ его издателя. Авторъ въ одной изъ одиннадцати варіацій, изъ которыхъ состоитъ „Калейдоскопъ", а именно въ варіаціи, озаглавленной: „Въ честь знаменитаго современника—фантазія", остроумно воспользовался двумя темами изъ симфонической поэмы Рихарда Штрауса; „Жизнь героя" („Heldenleben"), одною — символизирующею самого героя, другою—изображающею его противниковъ. Издатель Штрауса усмотрѣлъ въ этомъ нарушеніе права музыкальной собственности и началъ процессъ, который былъ имъ проигранъ.—Варіаціонная форма, одно время совсѣмъ было оставленная, съ легкой руки Брамса и, въ послѣднее время, Макса Регера снова входитъ въ употребленіе. Въ

програмной музыкѣ варіаціонная форма является самымъ дѣйствительнымъ и даже единственнымъ средствомъ, когда сюжетъ требуетъ ряда картинъ, вытекающихъ изъ одной идеи. Оркестровыя варіаціи Норена отходятъ отъ типа варіацій Брамса и Регера тѣмъ, что хотя нѣкоторыя изъ нихъ явно програмны, но, вмѣстѣ взятыя, онѣ не могутъ быть отнесены къ области програмной музыки: между ними есть и такія, въ которыхъ авторъ задается чисто технической контрапунктической задачей. Художественное значеніе такого калейдоскопа, какъ цѣлаго, ничтожно, такъ какъ выборъ того или иного характера варіацій и послѣдовательность ихъ совершенно случайны; но каждая изъ варіацій, въ отдѣльности взятая, показываетъ въ авторѣ недюжинную творческую фантазію, изобрѣтательность и остроуміе. Всѣ онѣ разнообразно и колоритно инструментованы. Многія характерны, каждая въ своемъ родѣ. Наиболѣе удачна варіація: „Въ соборѣ".

Эдвардъ Эльгаръ (род. въ 1857 г.) у себя на родинѣ, да и вообще въ Европѣ, считается чуть ли не самымъ выдающимся изъ современныхъ англійскихъ композиторовъ. Мы съ нимъ впервые познакомились по его оркестровымъ варіаціямъ, исполненнымъ въ концертахъ Зилоти года два тому назадъ. Въ нихъ были свѣжесть, фантазія, красивый оркестровый колоритъ. Симфонія As-dur, появившаяся теперь, разочаровала насъ. Музыка ея довольно блѣдна, хотя и есть красивыя мѣста. Оркестрована симфонія довольно однообразно и неколоритно.

Мало удачно и послѣднее произведеніе: „Ночная скачка и восходъ солнца"—Я. Сибеліуса (род. 1865 г.), финляндскаго композитора, которому нельзя отказать вообще въ оригинальномъ талантѣ, въ счастливомъ воспроизведеніи національнаго характера, въ красивомъ мелодическомъ рисункѣ, въ искусствѣ колоритной, хотя и не всегда тонкой оркестровки. Эти положительныя качества его творчества только что названное произведеніе обнаруживаетъ въ очень слабой степени. Скачка однообразна, скучна и довольно длинна, а восходъ солнца мало поэтиченъ.

Иностранная камерная музыка довольно бѣдно была представлена новинками. Даже самое неутомимое по части ознакомленія публики съ текущимъ музыкальнымъ творчествомъ Запада общество — „Вечера Современной Музыки"—не дало обычнаго обильнаго урожая. Я остановлюсь только на двухъ новинкахъ въ этой области: на тріо C-moll Макса Регера, для фортепіано, скрипки и віолончели, исполненномъ на „Веч. Совр. Муз.", и на квартетѣ Отто Маллинга (C-moll) для фортепіано, скрипки, альта и віолончели, исполненномъ на концертѣ М. В. Яновой.

Самый плодовитый композиторъ нашего времени, Максъ Регеръ вступилъ съ упомянутымъ тріо, повидимому, на путь опрощенія. До сихъ поръ его произведенія отличались необычайной сложностью контрапунктическаго стиля, дѣлающаго честь его техническому мастерству, но подъ конецъ утомлявшаго слушателей и превращавшаго музыку изъ выразительнаго поэтическаго языка эмоцій въ безконечное, основанное на математическомъ разсчетѣ комбинированіе звуковъ. Безпрерывное модулированіе изъ одной тональности въ другую сводилось прямо къ упраздненію тональности. Въ новомъ тріо нѣтъ запутанности въ сплетеніи голосовъ и мелодическій рисунокъ сталъ отчетливѣе. Тональность, въ виду уменьшенія модуляціи, получила большую опредѣленность. Общій характеръ музыки выигралъ въ мягкости и выразительности. И въ то же время всюду въ музыкѣ Регера чувствуется сильная индивидуальность автора, чуть ли не перваго контрапунктиста нашего времени.

Отто Маллингъ, современный датскій композиторъ (род. 1840 г.), проявляетъ въ своихъ многочисленныхъ произведеніяхъ недюжинный, свѣжій талантъ и оригинальность, запечатлѣнную народнымъ характеромъ. Почему-то онъ совершенно у насъ неизвѣстенъ. Выборъ квартета для ознакомленія съ его творчествомъ оказался удачнымъ. Всѣ четыре части квартета отличаются мастерской фактурой, ясной и простой; музыка сплошь красива и характерна, согрѣта искреннимъ чувствомъ, чрезвычайно симпатична и слушается легко.

Совершенной новостью явились вокальныя пьесы датчанъ: Н. Гаде, І. П. Гартмана, П. Ланге-Мюллера, А. Энна, К. Нильсенъ, Г. Борресенъ—и шведовъ: Л. Норманъ, А. Галленъ, Э. Шёгренъ, В. Петерсонъ-Бергеръ, В. Стенхаммаръ и Г. Альвенъ. Въ произведеніяхъ этихъ авторовъ много своеобразной красоты, не лишенной, большею частью, національнаго характера. Творчество ихъ заслуживаетъ спеціальнаго изученія.

Характерная особенность истекшаго музыкальнаго полусезона—это обиліе и значительность новыхъ сочиненій русскихъ авторовъ. Русская музыка послѣ Глинки быстро развилась и представляетъ теперь въ высшей степени своеобразную и яркую отрасль европейскаго искусства. Она завоевала себѣ прочныя симпатіи на Западѣ. Достаточно вспомнить недавній громкій тріумфъ русской оперы въ Парижѣ—тріумфъ, которому не могло помѣшать исполненіе оперъ въ искаженномъ урѣзками и произвольными вставками видѣ.

Интересныя новинки въ области русской музыки дали, какъ и всегда, ежегодные „Русскіе Симфоническіе Концерты“, основанные М. П. Бѣляевымъ и вступившіе въ свой двадцать третій сезонъ. Пер-

вый изъ трехъ концертовъ былъ составленъ изъ произведеній Н. А. Римскаго-Корсакова, болѣе или менѣе извѣстныхъ: „Антаръ“—симфоническая сюита, „Сказка“ для оркестра, „Стрекозы“—тріо для женскихъ голосовъ съ хоромъ и „Изъ Гомера“—прелюдія-кантата для оркестра, 3-хъ женскихъ голосовъ соло и женскаго хора. „Антаръ“ шелъ въ третьей редакціи, оркестровка которой—чудо совершенства. Новинками явились два произведенія, посвященныя памяти Римскаго-Корсакова и написанныя спеціально для этого концерта двумя его учениками—однимъ изъ старшихъ и однимъ изъ младшихъ. Это—„Элегія“ А. К. Глазунова и „Погребальная пѣснь“ И. Ф. Стравинскаго. Произведенія эти рѣзко отличаются одно отъ другого по концепціи, плану и пріемамъ творчества. Въ прекрасной музыкѣ, полной спокойнаго, выдержаннаго до конца поэтическаго настроенія, авторъ „Элегіи“ какъ бы задался цѣлью воскресить въ воспоминаніи свѣтлый образъ композитора, напомнивъ—вѣроятно намѣренно—самые пріемы его творчества (напр. секвенціи въ самомъ началѣ „Элегіи“). Характеръ музыки—объективный, эпическій. Никакого lamento, никакихъ лирическихъ изліяній. И въ то же время она прочувствованна и тепла, какъ тепло само воспоминаніе о славномъ художникѣ. Нужно ли говорить про великолѣпную оркестровую звучность „Элегіи“, обычную у Глазунова?—Имя И. Ф. Стравинскаго очень недавно стало появляться на программахъ концертовъ. Авторъ (род. 1872)—сынъ извѣстнаго, нынѣ покойнаго, пѣвца Маріинской оперы. Онъ учился у Н. А. Римскаго-Корсакова и В. П. Калафати, въ свою очередь ученика Римскаго-Корсакова. „Погребальная пѣснь“ вполнѣ оправдываетъ свое названіе. Не смотря на свою несомнѣнную програмность и присутствіе описательнаго элемента, это—субъективная музыка, жалоба и стонъ сердца на фонѣ мрачнаго пейзажа. Слышится какъ бы зловѣщій вопль бури, навѣвающій безотрадное настроеніе, и среди него раздается сначала pianissimo, а затѣмъ постепенно разрастаясь въ звучности, красивая тема, по своему характеру скорѣе всего русская. Въ средней части есть мелодическіе штрихи, напоминающіе характеристику Калибана въ „Бурѣ“ Чайковскаго. Красиво заключеніе „Пѣсни“, когда вновь появляется упомянутая русская тема. Инструментованная съ большимъ вкусомъ, „Пѣснь“ обнаруживаетъ живой талантъ и значительную техническую подготовленность, недостатокъ которой сказывается развѣ только въ формѣ сочиненія, невполнѣ ясной и органичной. Другая новинка того же автора—„Фантастическое скерцо“, исполненное въ концертахъ Зилоти. Въ музыкѣ скерцо много движенія и юмора. Что въ ней удивительно—это оркестровка, въ высшей степени колоритная и изящная, по пріемамъ напоминающая Римскаго-Корсакова.

Возвращаясь къ „Русскимъ Симфоническимъ Концертамъ", замѣчу, что изъ оркестровыхъ произведеній, не крупныхъ по формѣ, прежде всего выдѣляется „Волшебное Озеро", очаровательная сказочная картинка А. К. Лядова. Авторъ не далъ подробной программы, но его въ высшей степени красивая и изящная музыка, прелестно оркестрованная и проникнутая поэтическимъ, выдержаннымъ до конца настроеніемъ, будитъ фантазію слушателя, погружаетъ его въ сказочный міръ. Спокойное движеніе рисуетъ картину спокойной водяной поверхности, а таинственныя гармоніи манятъ разгадать какія-то глубокія тайны, связанныя съ жизнью озера. Въ этой симфонической картинкѣ А. К. Лядовъ остался тѣмъ же мастеромъ миніатюры, какимъ мы его знали и раньше по фортепіаннымъ и оркестровымъ вещамъ. Въ болѣе широкихъ формахъ онъ себя до сихъ поръ еще не проявилъ. Въ прошедшемъ сезонѣ была обѣщана въ программѣ „Русск. Симфоническихъ Концертовъ" его „Сюита по Метерлинку", но и не была исполнена, а въ этомъ году о ней вовсе не было слышно.

А. А. Спендіаровъ, молодой, несомнѣнно даровитый ученикъ Римскаго-Корсакова, выступилъ съ „Вальсомъ-фантазіей". При всѣхъ своихъ достоинствахъ—красотѣ мелодическаго рисунка, изящной фактурѣ, отсутствіи банальностей, въ которыя такъ нетрудно впасть въ избитой формѣ вальса,—это произведеніе все же нельзя назвать значительнымъ. Послѣ симфонической поэмы „Три Пальмы" (по Лермонтову) мы вправѣ ждать отъ автора серьезныхъ симфоническихъ произведеній.

Былъ и другой танецъ въ программѣ, не столь избитый, какъ вальсъ. Это—„Тарантелла" А. И. Вышнеградскаго. Авторъ попытался сдѣлать изъ нея законченную програмную картинку, введя среднюю часть, въ которой изображена проходящая духовная процессія, послѣ чего танецъ возобновляется—пріемъ, много разъ употреблявшійся въ музыкальномъ изображеніи карнаваловъ. Музыка „Тарантеллы" не представляетъ ничего ярко индивидуальнаго.

Интересенъ концертъ (Cis-moll) Н. Н. Черепнина, для фортепіано съ оркестромъ. Основныя темы его, довольно краткія, не лишены характерности. Гармонія вездѣ пышная и интересная. Тематическій матеріалъ особенной яркостью не отличается, но развитіе его мастерское. Партія фортепіано трактована очень виртуозно; въ ней много блеска, но она не беретъ перевѣса надъ оркестромъ. Оркестровка, въ общемъ красочная, страдаетъ порою нѣкоторой перегруженностью.

Отъ упомянутыхъ сочиненій, появившихся впервые передъ публикой, очень большой шагъ къ Р.-Корсакову, учителю всѣхъ названныхъ русскихъ композиторовъ. Его оперу „Золотой Пѣтушокъ" мы до

сихъ поръ не можемъ услышать на сценѣ. Таковы своеобразныя условія, создавшіяся для русской литературы послѣ „отмѣны цензуры“. Либретто, основанное на одноименной сказкѣ Пушкина, вышедшее въ свѣтъ въ отдѣльномъ изданіи и въ клавираускугѣ и допущенное къ обращенію, оказалось недопустимымъ къ исполненію. Теперь оно передѣлано, и опера, кажется, скоро будетъ поставлена въ Москвѣ. Пока мы должны были довольствоваться оркестровой сюитой безъ текста, составленной или, вѣрнѣе, склеенной изъ кусочковъ, взятыхъ изъ всѣхъ трехъ дѣйствій оперы. Они сгруппированы въ три картины: „Царь Додонъ у себя дома“, „Царь Додонъ въ походѣ“, „Свадьба и печальный конецъ царя Додона“, — съ весьма пространной программой В. И. Бѣльскаго, автора либретто оперы. Составлена сюита, „согласно намѣренію автора“, Макс. Штейнбергомъ, при участіи А. К. Глазунова. Позволительно, однако, сомнѣваться, чтобы авторъ привелъ это намѣреніе въ исполненіе, такъ какъ въ оперѣ каждая тема, каждый оборотъ, каждое гармоническое послѣдованіе имѣетъ свое опредѣленное символическое значеніе, находясь въ тѣсномъ единеніи съ текстомъ. Можно думать, что пользоваться кусочками изъ оперы и придавать имъ иное значеніе, какъ это сдѣлалъ В. И. Бѣльскій въ своей программѣ, самъ авторъ не сталъ бы. Въ музыкальномъ отношеніи форма такихъ картинъ черезчуръ отрывочна, лишена органичности. Отдѣльные прекрасные моменты не выкупаютъ разрозненности цѣлаго. Изъ всей сюиты цѣльное впечатлѣніе оставляетъ, пожалуй, только свадебный маршъ царя Додона, исполнявшійся концертно еще при жизни автора (это былъ его послѣдній публичный тріумфъ) и вошедшій въ послѣднюю картину сюиты. Остальное имѣетъ настоящее значеніе только въ оперѣ, въ связи съ текстомъ и съ вокальными партіями. И, понятно, сюита потеряетъ всякое значеніе, когда опера будетъ наконецъ исполнена.

Самой сенсаціонной новинкой оказалось новое произведеніе А. Н. Скрябина: „Поэма экстаза“, исполненное сначала на „Вечерѣ Музыкальныхъ Новостей“ придворнымъ оркестромъ, а затѣмъ въ „Русск. Симф. Концертѣ“, и раздѣлившее нашъ музыкальный міръ на восторженныхъ поклонниковъ „послѣдняго слова“ музыки и не менѣе страстныхъ его хулителей. Это одно уже указываетъ на значительность самаго явленія.

Программа симфонической поэмы Скрябина написана самимъ авторомъ музыки, бѣлыми стихами, и издана отдѣльно отъ партитуры еще въ 1906 г., въ Женевѣ. Въ довольно расплывчатой формѣ, но красивымъ, выразительнымъ, сильнымъ языкомъ поэтъ воспѣваетъ здѣсь

радость Духа, „окрыленнаго жаждой жизни“ и свободно, безцѣльно переходящаго отъ одного акта творчества къ другому, пока въ высшемъ подъемѣ этого творчества-игры онъ не достигаетъ полнаго экстаза, высшаго блаженства самопознанія, открывающаго ему, что въ безцѣльной игрѣ и заключается сущность его самого и творимой вселенной, которая, такимъ образомъ—не что̀ иное, какъ онъ самъ. Это эстетическое міропониманіе навѣяно, повидимому, философіей Нитцще [1]).

Такая программа въ высшей степени пригодна для музыкальнаго воплощенія. Ею былъ бы, вѣроятно, доволенъ и Шопенгауэръ, выдѣлявшій и опредѣлявшій музыку какъ выраженіе („объективацію“) „воли“—этой метафизической сущности міра. Вѣдь приведенная программа является сплошнымъ гимномъ „волѣ“, непремѣннымъ и непрерывнымъ актомъ которой является безцѣльное, самодовлѣющее творчество. Только Шопенгауэръ приходитъ къ отрицанію этой воли въ жизни, а Скрябинъ съ Нитцше приходятъ къ самоутвержденію ея. Тамъ пессимизмъ и вѣчный мракъ—здѣсь страданія ведутъ къ радости и къ вѣчному свѣту. Симфонія Скрябина насквозь оптимистична.

Для осуществленія оригинальной и нелегкой задачи композиторъ вооружился всѣмъ современнымъ арсеналомъ музыкальныхъ средствъ и создалъ партитуру чуть ли не самую сложную изъ всѣхъ, не исключая и Рихарда Штрауса, вмѣстѣ съ которымъ онъ является однимъ изъ типичнѣйшихъ представителей програмной музыки, при всей независимости этихъ крупныхъ индивидуальностей другъ отъ друга. Составъ оркестра необычно богатъ, благодаря, чему авторъ достигаетъ чрезвычайной интенсивности и разнообразія звучности. Порою безъ особаго ущерба нѣкоторые инструменты могли бы быть вовсе устранены. Но большею частью авторъ — мастеръ оркестровки; онъ не прибѣгаетъ къ массированію звучностей по вагнеровски, а склоненъ скорѣй къ индивидуализаціи, т.-е. къ примѣненію отдѣльныхъ оркестровыхъ группъ и инструментовъ. Форма симфонической поэмы совершенно свободная и обусловливается лишь текстомъ. Она подраздѣляется на отдѣлы, слитые въ одно неразрывное органичное цѣлое, развивающееся закономѣрно и единое по стилю. Одинъ изъ главныхъ пріемовъ автора для выраженія программы—тематизмъ. Въ основаніе

[1]) См. его „Geburt der Tragödie“ (Происхожденіе Трагедіи). По словамъ Риля, „въ основѣ всего бытія Нитцше предполагаетъ творческую силу, которая путемъ постоянныхъ созиданій и разрушеній—ибо всякое творчество есть въ то же время разрушеніе—освобождается отъ страданій и излишка скопляющихся въ ней противорѣчій. Въ этомъ заключается вѣчная радость, таящаяся за явленіями и постоянно истекающая изъ первородной скорби — т.-е. изъ созидательной сущности вещей; къ ней же ведетъ путь черезъ новыя уничтоженія“ (А. Риль, „Фр. Нитцше какъ художникъ и мыслитель“, Спб. 1898).

музыки легли многочисленные лейтъ-мотивы, которыхъ приведено, въ объяснительныхъ примѣчаніяхъ для слушателей, всего двѣнадцать. Эти лейтъ-мотивы, какъ и все тематическое развитіе поэмы, не отличаются особой красотой или характерностью мелодическаго рисунка. Но комбинированіемъ ихъ съ большимъ контрапунктическимъ мастерствомъ, изысканнѣйшей гармоніей съ безконечно развертывающейся тканью самыхъ смѣлыхъ диссонирующихъ сочетаній, прихотливой смѣной ритмовъ и темповъ, немало затрудняющей дирижера, наконецъ игрой оркестроваго колорита авторъ достигаетъ большой выразительности музыки. Свои намѣренія въ этомъ отношеніи онъ нерѣдко подчеркиваетъ для свѣдѣнія исполнителя въ видѣ ремарокъ въ партитурѣ, напр.: „Avec une noble et douce majesté“, „Avec une ivresse toujours croissante“, „Presque en délire“ и т. д.

Сообразно программѣ, настроеніе, съ временными упадками, волнообразно нарастаетъ съ порывистой страстностью, достигая въ заключеніи поэмы захватывающаго подъема и необычайной силы. Восемь валторнъ, повернутыхъ раструбами вверхъ и усиленныхъ еще одной трубой, провозглашаютъ тему самоутвержденія: „И огласилась вселенная радостнымъ крикомъ: я есмь!“—а трубы, перекликаясь, играютъ радостную, побѣдную фанфару. Этотъ моментъ, когда звуковая ткань, послѣ предыдущихъ сложностей, проясняется, производитъ незабываемое впечатлѣніе. Вообще въ этомъ сочиненіи индивидуальность автора опредѣлилась ясно. Въ предыдущемъ крупнѣйшемъ его сочиненіи—третьей симфоніи, названной „Divin poême“, которую мы возобновили въ памяти, благодаря исполненію ея тоже придворнымъ оркестромъ—больше уравновѣшенности, больше ясности въ фактурѣ. Мелодическій рисунокъ рельефнѣе, гармонія не столь обильна диссонирующими сочетаніями, контрапунктическое сплетеніе темъ не столь запутано, оркестровка менѣе сложна. Но въ третьей симфоніи замѣтны еще вліянія Листа и Вагнера, — а въ „Поэмѣ экстаза“ авторъ уже освободился отъ постороннихъ вліяній. По крайней мѣрѣ здѣсь его личность сильно беретъ перевѣсъ надъ ними. „Божественная поэма“, программа которой, какъ показываютъ самыя заглавія отдѣльныхъ частей („Luttes“, „Voluptés“, „Jeu divin“), служитъ какъ бы введеніемъ въ программу „Поэмы экстаза“, относится еще къ предыдущему, второму періоду творчества композитора. Къ первому періоду мы причисляемъ сочиненія менѣе всего самостоятельныя, съ явнымъ подражаніемъ Шопену. Теперь же и второй періодъ творчества композитора окончился, и „Поэма экстаза“ начинаетъ собою третій періодъ—періодъ вполнѣ самостоятельнаго творчества. Въ индивидуальности Скрябина всегда сказывалась безпокойная до болѣзненности возбужденность, нервность. Жизнерадостный, онъ настойчиво

ищетъ разгадки жизненныхъ проблемъ и, не удовлетворяясь частными успѣхами на этомъ пути, стремится все дальше и дальше, впадая порою въ отчаяніе, но никогда не теряя окончательно вѣры въ свои силы. Его музыка, насквозь оптимистичная и всегда субъективная—ибо онъ вездѣ выражаетъ самого себя,—въ то же время все больше и больше начинаетъ отвѣчать духу времени. Крушеніе старыхъ идеаловъ, тревожное исканіе новыхъ путей, порывистое стремленіе къ свободному дѣйствію—все это требуетъ большой затраты духовныхъ силъ, вызываетъ нервность, возбужденность, повышенную чувствительность, приводитъ къ временнымъ упадкамъ. Таково господствующее настроеніе послѣднихъ лѣтъ въ Россіи. Поэтому очень понятно, что успѣхъ Скрябина теперь значительно возросъ. Его пребываніе въ прошедшую зиму и весну въ Петербургѣ возбудило къ нему громадный интересъ въ музыкальномъ мірѣ. И не только упомянутыя его сочиненія были исполнены, но и другія, менѣе значительныя. Авторъ и самъ выступилъ интерпретаторомъ своихъ сочиненій, исполнивъ, въ томъ же „Русск. Симф. Концертѣ", новую свою, пятую сонату для фортепіано, принадлежащую тоже къ третьему періоду его творчества и носящую тѣ же черты. Кромѣ того А. Н. Скрябинъ выступилъ со своими произведеніями и въ своемъ собственномъ концертѣ. Вообще автору лучше и ближе чѣмъ кому бы то ни было извѣстны его творческія намѣренія, вслѣдствіе чего авторское исполненіе всегда является желательнымъ. Тѣмъ болѣе желательно авторское исполненіе субъективной музыки, какова музыка Скрябина. Авторъ—прекрасный піанистъ; его исполненіе въ высшей степени тонкое и одухотворенное. Всевозможныя душевныя движенія и настроенія, начиная отъ самыхъ нѣжныхъ, мягкихъ и кроткихъ, выразившихся, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ прелюдіяхъ въ первой поэмѣ изъ ор. 32, въ „Feuillet d'album", переходя къ тревожнымъ, страстнымъ, отразившимся въ другой поэмѣ изъ ор. 32 или въ знаменитомъ этюдѣ Dis-moll, и кончая стремительно-необузданными въ „Poême Satanique" — находятъ въ его исполненіи одинаково успѣшное истолкованіе. Немаловажнымъ препятствіемъ автору-артисту служитъ, однако, его фортепіанная техника. Порою чувствуется недостатокъ силы, а въ быстрыхъ пассажахъ иногда утрачивается отчетливость. Скрябинъ—не піанистъ для большой концертной эстрады; но въ небольшомъ салонѣ, въ вещахъ, не требующихъ особой силы и исключительной виртуозности, онъ всегда чаруетъ своей экспрессіей. Его piano воздушно, фразировка выразительна, контрасты рельефны. Порывистость, внезапность тѣхъ или другихъ штриховъ—вполнѣ въ характерѣ самыхъ сочиненій.

Григорій Тимофеевъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Какъ-то нынѣшнимъ лѣтомъ получилъ я письмо отъ одного большевика соціалъ-демократа, имѣвшаго въ качествѣ оратора значительный успѣхъ въ недавнее время на митингахъ и въ рабочей средѣ. Между прочими личными дѣлами писалъ онъ мнѣ: „Земельный вопросъ меня теперь болѣе всего интересуетъ. Я удивляюсь, почему литература такъ слегка его затрагиваетъ. Еслибы я имѣлъ возможность, я бы всю жизнь свою посвятилъ этой важнѣйшей темѣ. Къ слову: Столыпинъ ѣздилъ осматривать хуторскія хозяйства и нашелъ, что все прекрасно. Почему бы кому-либо не отправиться по стопамъ Столыпина и подробно и вѣрно не описать дѣйствительную жизнь этихъ „хуторянъ“? Это имѣло бы колоссальное значеніе. А то пишутъ чортъ знаетъ о чемъ... хотя всѣ говорятъ, что тема о деревнѣ очень важна. Все это я говорю потому, что въ прошломъ году самъ шлялся по деревнямъ, видѣлъ „хуторянъ“ и немного знаю, какъ хорошо имъ живется...“

Вскорѣ онъ уѣхалъ въ одну изъ сѣверныхъ губерній. „Брожу теперь по деревнямъ Г—цкаго уѣзда,—писалъ онъ мнѣ оттуда,—отдыхаю душой и тѣломъ. Условія крестьянской жизни здѣсь для меня поразительно оригинальны: деревеньки маленькія, чистенькія, постройки двухъ-этажныя (нижній—спеціально для скота). Земельные надѣлы 4—10 десятинъ. Тѣмъ не менѣе никто не выдѣляется изъ общины. На весь уѣздъ—6 человѣкъ, да и тѣ уже продали землю. Выдѣлъ изъ общины здѣсь синонимъ несерьезности мужика. На выдѣлившихся крестьяне такъ и смотрятъ: „какой же это мужикъ, разъ изъ общества вышелъ!“ Пріѣду, поговоримъ подробно“.

Возвратился онъ очень скоро.

— Хорошо было поладилъ я съ мужиками,—разсказывалъ онъ, улыбаясь;—кучками собирались. Чаемъ поили, ночевать оставляли. Да долго-то не пришлось гостить: урядникъ намекнулъ, что у нихъ не принято съ мужиками бесѣдовать. Пришлось поскорѣе уѣхать.

Наблюденія его были интересны, хотя и поверхностны. Но всего интереснѣе показался мнѣ онъ самъ, съ его живымъ, тревожнымъ любопытствомъ къ тому, что̀ сейчасъ переживаетъ русская деревня. Въ немъ чувствовалась органическая, кровная связь съ крестьян-

ствомъ, и его смутное безпокойство, какъ въ живомъ термометрѣ, искренне и явственно отражало болѣзненное, повышенное настроеніе нынѣшней деревни. Искренне звучали и его упреки по адресу партійныхъ сотоварищей:

— Ссорюсь я съ ними... Все резолюціи да програмные пунктики, мелочная полемика, большевики, меньшевики... А такіе громадные вопросы, какъ земельный, проплываютъ мимо.

Законъ 9 ноября свалился въ крестьянскую жизнь внезапной глыбой. Деревня потрясена и встревожена. Во всѣ стороны пошли круги, перекрестныя теченія. Возможны водовороты и новыя, можетъ быть, бури въ темномъ морѣ крестьянской жизни... И ужъ во всякомъ случаѣ деревню качнуло въ какую-то иную, необычную область быта.

Газеты и журналы, къ сожалѣнію, дѣйствительно очень мало удѣляютъ вниманія нынѣшней перетряскѣ деревенской жизни. Газетныя извѣстія о примѣненіи закона 9 ноября рѣдки, отрывочны и скудны. Очевидно, во многихъ деревняхъ не имѣется вблизи зоркихъ и грамотныхъ наблюдателей. Съ другой стороны, прогрессивныя провинціальныя газеты, искренне болѣя и волнуясь общимъ крестьянскимъ вопросомъ, не могутъ печатать сотни мелкихъ, повседневныхъ, неяркихъ, на первый взглядъ, фактовъ деревенской жизни, такъ какъ главный, почти единственный читатель провинціальной прессы—городской житель. Между тѣмъ изъ этихъ сотенъ и тысячъ мелкихъ фактовъ плетется на громадномъ пространствѣ россійской равнины новая ткань крестьянской жизни, при чемъ съ большой поспѣшностью и рѣшительностью раздираются швы и скрѣпы старой ткани...

Народная жизнь глубока, сложна и разнообразна. Видимые и крупные результаты предпринятыхъ извнѣ реформъ даетъ она не скоро. Поэтому, еслибы даже имѣть подъ рукой тысячи фактовъ приложенія къ жизни закона 9 ноября, можно бы затрудниться въ предсказаніи, въ какія дальнѣйшія и окончательныя формы жизни отольется нынѣшній разломъ деревенскаго быта. Немудрено, что интеллигентные наблюдатели, живущіе даже близко къ деревнѣ, разсуждаютъ относительно будущности крестьянства, въ виду немногихъ и разрозненныхъ фактовъ примѣненія закона 9 ноября, противорѣчиво и неустойчиво.

Прошлой зимой и весной, когда мнѣ пришлось во многихъ губерніяхъ разговаривать съ мѣстной интеллигенціей о больныхъ вопросахъ деревенской жизни, я убѣдился, какъ трудно, почти невозможно составить себѣ теперь твердое и безпристрастное мнѣніе о конечныхъ результатахъ закона 9 ноября для всероссійской деревни.

Еще въ Москвѣ, среди крупныхъ дѣльцовъ—фабрикантовъ и купцовъ,—которымъ реформа 9 ноября заманчиво обѣщаетъ создать за-

житочнаго и щедраго потребителя въ лицѣ крестьянина-собственника, пришлось мнѣ услышать мнительные вздохи по поводу реформы.

— Правительство задумало,—говорилъ одинъ изъ видныхъ купцовъ,—помогать сильнымъ мужикамъ, а слабыхъ оставить на произволъ судьбы. Что же, можетъ-быть это и правильная система. Но вотъ въ чемъ бѣда: законъ 9 ноября создастъ новую, громадную армію деревенскаго пролетаріата. Слабый мужикъ, конечно, не съумѣетъ быть самостоятельнымъ земельнымъ собственникомъ. Землю скупятъ кулаки и хозяйственные крестьяне. А десятки, сотни тысячъ обезземеленныхъ крестьянъ будутъ выброшены изъ деревни. Куда они пойдутъ? Правительство наивно убѣждено, что имъ найдется работа на фабрикахъ и заводахъ. Нѣкоторые мечтательные бюрократы даже полагаютъ, что новая армія дешевыхъ рабочихъ двинетъ впередъ нашу промышленность. Странныя, нелѣпыя надежды. Бюрократія, очевидно, не видитъ или не можетъ понять, въ какихъ условіяхъ находится сейчасъ русская промышленность. Крахъ за крахомъ идетъ повсемѣстный развалъ. Закрываются фабрики, сокращается производство. Намъ приходится увольнять рабочихъ, переживать жуткія столкновенія съ безработной, раздраженной и отчаявшейся массой, а тутъ обѣщаютъ намъ еще новыя сотни тысячъ деревенскаго, безземельнаго и безработнаго люда. Не знаю, что̀ изъ этого выйдетъ. Но хорошаго для Россіи мало предвидится...

Такія же или схожія мнѣнія относительно быстраго назрѣванія въ Россіи новаго класса безземельнаго крестьянства пришлось услышать во многихъ углахъ провинціи. При внѣдреніи въ крестьянскую жизнь закона 9 ноября повсюду наблюдалось прежде всего такое слѣдствіе: одинокіе старики, ослабѣвшіе, обѣднѣвшіе или пропившіеся крестьяне, а также всѣ привыкшіе къ отхожимъ и городскимъ заработкамъ мужики спѣшили раздѣлаться со своей землей, какъ только получали ее въ личную собственность при выдѣленіи по новому закону. Крестьянскій пролетаріатъ дѣйствительно началъ на глазахъ интеллигентныхъ наблюдателей съ ускоренной быстротой расти. Надѣльная же земля стала концентрироваться въ рукахъ кулаковъ, спекулирующихъ скупщиковъ и хозяйственныхъ мужиковъ. Однако культурные работники на мѣстахъ, единогласно отмѣчая это явленіе, дѣлаютъ различныя и противоположныя предсказанія о будущности крестьянства и его роли въ политическомъ и экономическомъ преобразованіи страны.

— Къ всенародному обѣднѣнію, къ разложенію и одичанію пойдетъ страна,—печально говорятъ одни.

— Ничего, ничего!—злорадно намекаютъ другіе;—пускай создаютъ новую армію пролетаріата. Скорѣе народъ поумнѣетъ...

— Правительство знаетъ, что дѣлаетъ, — доказываютъ третьи— оно спѣшно создаетъ крестьянъ-собственниковъ, въ рукахъ которыхъ окажутся округленные участки крестьянской земли, и новое аграрное движеніе, если оно поднимется, разобьется прежде всего на этой новой и первой плотинѣ. Совсѣмъ не глупо — разбить мощную, но полусознательную, полуслѣпую крестьянскую массу на два ненавидящихъ другъ друга лагеря.

Есть и мирные оптимистическіе взгляды.

— Обезземеленіе все равно шло своимъ чередомъ,—доказываютъ оптимисты;—все равно кулаки скупали землю, все равно слабые крестьяне бросали свои надѣлы, переселяясь въ Сибирь или основываясь на жительство въ городахъ. Между тѣмъ община связывала по рукамъ и ногамъ предпріимчивыхъ крестьянъ, убивала иниціативу, понижала трудоспособность, способствовала варварскому истощенію земли. Хозяйственный мужикъ не безъ резона говорилъ: „Зачѣмъ я буду удобрять и улучшать землю? А она на будущій годъ, можетъ быть, при передѣлѣ перейдетъ къ другому. Чего же ради на чужого-то буду я стараться?“ А теперь при отрубномъ или хуторскомъ хозяйствѣ рачительному мужику есть полный резонъ ухаживать за землей.

Такія рѣчи больше приходилось слышать въ умѣренныхъ и октябристскихъ кругахъ, гдѣ, кажется, искренне надѣются, что законъ 9 ноября наложитъ мягчительный, цѣлительный пластырь на грозную, тревожную рану крестьянства. Но нѣчто сходное довелось мнѣ услышать и съ крайняго лѣваго фланга. Одинъ видный общественный крестьянскій дѣятель-саратовецъ саркастически говорилъ:

— Все шаблоны, все шаблоны... Теперь взялись ругать законъ 9 ноября, взялись хвалить общину. Память у насъ коротка. Мы ужъ забыли, какъ воевали противъ общины лѣтъ пять назадъ. Конечно, община давитъ попытки самостоятельныхъ, передовыхъ крестьянъ. Недавно лѣвый крестьянинъ эсъ-эровскаго направленія съ радостью мнѣ сообщилъ: „Выдѣлился! Теперь фруктовый садъ разведу, огородъ, всякія штуки попробую. А то съ этимъ мужичьемъ замаялся...“ Надо присмотрѣться, обсудить, а не валить въ одну яму и наши собственные бывшіе принципы, и ихъ нынѣшнее неудачное казенное примѣненіе...

Спутанное, противорѣчивое и колеблющееся отношеніе провинціальной интеллигенціи къ закону 9 ноября въ достаточной степени понятно. Общинное землепользованіе въ теченіе многихъ поколѣній органически, кровно срослось съ крестьянской жизнью. Но въ разныхъ мѣстахъ обширной Россіи община донесла до нынѣшняго времени далеко не одинаковую жизнеспособность и, главное, жизнепригод-

ность. Въ однихъ мѣстахъ община тѣсно объединяетъ крестьянъ, плавно несетъ ихъ трудовую, несложную жизнь по привычному, налаженному руслу—и крестьяне не видятъ, да и не хотятъ видѣть, иныхъ формъ землепользованія. Въ другихъ мѣстахъ община тяготила, по симпатичнымъ или антипатичнымъ мотивамъ, отдѣльныхъ крестьянъ, но давала привычную опору жизни большинству. Въ третьихъ, наконецъ, община омертвѣла и давила все крестьянское общество придушающимъ гнетомъ. Оставимъ въ сторонѣ сложные теоретическіе споры, изъ которыхъ можно почерпнуть много доказательствъ въ пользу того мнѣнія, что община имѣла бы иную, повышенную жизнеспособность и даже могла бы выработаться въ одну изъ высшихъ формъ соціальной жизни, не будь вокругъ общины убивающихъ ее полицейско-бюрократическихъ условій существованія. Суть въ томъ, что современныя условія крестьянской жизни, очевидно, подготовили въ нѣкоторыхъ мѣстахъ благопріятную встрѣчу закону 9-го ноября. Вотъ почему въ нѣкоторыхъ губерніяхъ наблюдаются сейчасъ многочисленные выдѣлы изъ общины, тогда какъ въ другихъ губерніяхъ выдѣлы чрезвычайно малочисленны, не смотря на всѣ усилія администраціи.

Въ органическую жизнь народа всякій новый законъ долженъ входить органически. Еслибы законъ о выдѣленіи изъ общины прошелъ чрезъ тщательное обсужденіе подлинныхъ народныхъ представителей, то, вѣроятно, ему было бы найдено настоящее органическое примѣненіе въ народной жизни, при чемъ ни община не подверглась бы насильственному, разрушительному натиску, ни отдѣльныя лица не почувствовали бы насилія надъ своей волей.

Главное зло закона 9-го ноября заключается въ томъ, что онъ свалился внезапно и сверху, грубо раздирая ткани крестьянской жизни. Зло усугубилось непомѣрнымъ усердіемъ уѣздной и губернской администраціи, которая начала подтаскивать мужика къ новому закону въ буквальномъ смыслѣ за шиворотъ. При этомъ администрація нисколько, повидимому, не затрудняетъ себя вопросами, насколько подходитъ или совсѣмъ не подходитъ законъ къ данной мѣстности, ждетъ ли его органически данная деревня или, наоборотъ, всячески отталкиваетъ. Эта черта бюрократической самоувѣренной деревянности выступаетъ прежде всего при введеніи въ жизнь закона 9-го ноября. Провинціальныя газеты отмѣчаютъ подобные факты въ значительномъ изобиліи. Такъ напримѣръ, корреспондентъ „Саратовскаго Вѣстника“ изъ Новоузенскаго уѣзда рисуетъ слѣдующую колоритную сценку. „По распоряженію земскаго начальника 4-го участка въ с. Алксашкинѣ былъ созванъ недавно сходъ, чтобы выяснить выгоду выдѣленія изъ общины.

— Слышь, вонъ земскій-то сказываетъ, что старыя недоимки можно не платить и новыя подати не будутъ спрашивать нѣсколько лѣтъ, если выдѣлиться изъ общины,—говорили другъ другу крестьяне во время перерыва схода.

— Нѣтъ, ужъ мы лучше все выплатимъ, а изъ общины не пойдемъ,—отвѣчаютъ другіе.—Перерывъ кончился, сходъ притихъ, готовясь выслушать, что будетъ говорить земскій начальникъ.

— Ну, какъ, старики, на чемъ порѣшили?

— Не дѣлились мы никогда въ коренную-то, ваше благородіе, и дѣлиться не желаемъ,—отвѣчаетъ сходъ.

— Это кто тамъ не желаетъ выдѣляться?

— Такъ что, ваше благородіе, увеличеніе народа, а земля все прежняя, отъ выдѣленія намъ разоръ одинъ будетъ,—началъ-было говорить одинъ изъ крестьянъ, нѣсколько отдѣлившись отъ толпы.

— Такъ ты не хочешь выдѣляться? Арестовать его!

Нежелающаго выдѣляться тутъ же подхватили стражники, повели по двору и посадили въ хлѣвъ, заранѣе назначенный для исправленія непокорныхъ. Въ этомъ чистилищѣ собралось скоро не меньше полдюжины крестьянъ, а земскій начальникъ, съ приглашеннымъ на помощь мѣстнымъ батюшкой, продолжалъ выяснять, что изъ общины выдѣляться выгодно... Подходитъ къ нему герой русско-японской кампаніи, съ орденами на груди, чтобы справиться, гдѣ и какъ ему достать земли.

— Арестовать его!—не слушая, распоряжается земскій начальникъ. Сходъ притихъ.

— Какъ же это,—заявляетъ кто-то изъ крестьянъ:—у него на груди царская корона, а его въ „котухъ“? Айда-те, старики, со схода, пусть всѣхъ насъ арестуютъ!

Страсти разгорались, каждый старался перекричать всѣхъ, все слилось въ одинъ гулъ, и лишь изрѣдка выдѣлялись выкрики нѣкоторыхъ участниковъ схода:—Перепутали, какъ есть всѣхъ насъ перепутали.—Земскій начальникъ такъ и уѣхалъ со схода, не добившись никакого толку“.

Можетъ быть, земскій начальникъ далеко не глупый человѣкъ, но усердное желаніе угодить высшему петербургскому начальству заставило его разыграть съ мужиками эту смѣшную и жалкую комедію. Онъ нисколько не пожелалъ ознакомиться съ мѣстными условіями крестьянской жизни. Между тѣмъ въ той же корреспонденціи даются такія свѣдѣнія: „казалось бы, что „сильные“, имѣя хозяйство, технически лучше обставленное чѣмъ у другихъ односельчанъ, должны бы тяготиться общиной; казалось бы, что имъ выгодно выдѣлиться изъ нея, чтобы организовать потомъ свое хозяйство какъ слѣдуетъ. Но,

къ великому удивленію нашихъ землеустроителей, „сильные“ выдѣляются, по выраженію крестьянъ, безо всякаго „аппетита“, уже въ то время, когда община начала разламываться другой частью крестьянства. Оно и понятно: если одно хозяйство отличается отъ другого только инвентаремъ, то о томъ, что община мѣшаетъ прогрессу въ сельскомъ хозяйствѣ, не можетъ быть и рѣчи: вѣдь работали же въ общинахъ усовершенствованнымъ инвентаремъ и до закона 9-го ноября. Говорить объ общинѣ, какъ о тормазѣ, можно только въ томъ случаѣ, когда общинная форма хозяйства находится въ противорѣчіи съ желаніями отдѣльныхъ хозяевъ, думающихъ о затратѣ капитала съ цѣлью увеличить производительность прежней площади. „Сильныхъ“ можетъ соблазнить легкость скупать земли слабосильныхъ, если община распадется. Но это соображеніе будетъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда будутъ высокія арендныя цѣны на землю. А пока посѣвъ у „сильныхъ“ на арендованной землѣ обходится дешевле, чѣмъ на купленной, до тѣхъ поръ они не только не будутъ содѣйствовать распаду общины, а напротивъ, будутъ стоять за нее, такъ какъ она имъ выгодна въ смыслѣ возможности пользоваться общественнымъ выгономъ для своего скота. Чаще всего начинаютъ выдѣляться не „сильные“ и даже не средніе крестьяне, а именно слабые, т.-е. тѣ, кто намѣренъ выдѣленную землю продать, чтобы потомъ отправиться искать лучшую долю за Ураломъ, или же тѣ, кто отдалъ свой надѣлъ въ долгосрочную аренду. Гдѣ нѣтъ этихъ соображеній тамъ, за весьма рѣдкими исключеніями, нѣтъ и рѣчи о выдѣлѣ, не смотря на старанія землеустроителей всячески доказать выгоды разрушенія общины“.

Новоузенскимъ примѣромъ живая жизнь даетъ насмѣшливый отпоръ петербургскимъ канцеляріямъ, показывая, что даже и „сильнымъ“ мужикамъ нельзя покровительствовать во всѣхъ мѣстахъ Россіи по одному бюрократическому рецепту. Но ужъ если высшая администрація не задумывается надъ подобными отпорами жизни, то низшая, воспламененная желаніемъ услужить и заслужить, задумывается еще меньше. „Крымскій Вѣстникъ“ приводитъ слѣдующее прошеніе, поданное крестьянами таврическому губернатору: „Мы, нижеподписавшіеся, поселяне дер. Изюмовки, Салынской волости, Ѳеодосійскаго уѣзда, всепокорнѣйше просимъ вашего личнаго разслѣдованія по дѣлу о незаконныхъ дѣйствіяхъ мѣстной сельской власти, принуждающей насъ насильственно, подъ угрозой тюрьмы, не считаясь съ интересами общества, подписывать приговоръ о выходѣ изъ общины на отрубные участки въ вѣчное владѣніе. Нѣкоторые изъ общества подъ присягой подтвердятъ, что угрозы дѣйствительно были. Ваше превосходительство, для насъ отрубные участки разорительны, такъ какъ не вездѣ

одинакова наша общественная земля. Изъ нашихъ односельцевъ уже арестовано шесть человѣкъ, за то, что они больше другихъ защищали только свои земельные интересы и бунтовщиками нисколько не были. Ваше превосходительство, защитите насъ отъ угрожающихъ насильственныхъ дѣйствій нашей сельской власти". Слѣдуетъ 57 подписей домохозяевъ, имѣющихъ право голоса. Очевидно, крестьяне и раньше жаловались, да только толку было мало. Или они отъ страха молчали. Но на этотъ разъ они воспользовались рѣдкимъ случаемъ, когда губернаторъ проѣзжалъ чрезъ ихъ деревню. И, вѣроятно, горькая правда крестьянской доли была на этотъ разъ черезчуръ очевидна: губернаторомъ было отдано распоряженіе объ освобожденіи изъ ѳеодосійской тюрьмы пяти посаженныхъ туда еще въ концѣ апрѣля крестьянъ. „Характерно,—пишетъ корреспондентъ,—что до проведенія здѣсь въ жизнь закона 9-го ноября въ нашихъ мѣстахъ не было почти никакихъ аграрныхъ недоразумѣній".

Факты бо̀льшаго или меньшаго „воздѣйствія" начальства на крестьянъ отмѣчаются газетами довольно часто. Но если припомнить, что тысячи деревень не могутъ, по безграмотности и запуганности, ни пожаловаться высшему начальству, ни написать въ газеты, и если, съ другой стороны, имѣть въ виду, что окрѣпшее духомъ низшее начальство увѣреннѣе и безнаказаннѣе прежняго внушаетъ крестьянамъ свое старое, привычное изреченіе: „Я для васъ и царь, и богъ", — то не трудно себѣ представить, въ какой атмосферѣ совершается ломка общиннаго быта.

Конечно, „воздѣйствіе" начальства на крестьянъ проявляется не только въ грубомъ насиліи. Большое значеніе имѣютъ уговоры, авторитетныя убѣжденія, а еще больше—соблазны пособій, субсидій, ссудъ и разныхъ обѣщаній. Въ этомъ отношеніи рука объ руку съ администраціей работаютъ правыя земства. Крупные помѣщики въ значительной степени увѣрились, что законъ 9-го ноября отведетъ мрачный взглядъ крестьянъ отъ помѣщичьихъ земель.

„Смоленскому Вѣстнику" сообщаютъ изъ Порѣчскаго уѣзда, что мѣстная земская управа обратилась къ населенію съ обширнымъ воззваніемъ, въ которомъ хуторянамъ обѣщается и агрономическая помощь, и ссуды, и земледѣльческія орудія. Между прочимъ въ воззваніи подчеркивается: „Главное управленіе землеустройства для начала ассигновало въ нынѣшнемъ году на Порѣчскій уѣздъ 2.000 рублей для выдачи вещевыхъ (предметныхъ) ссудъ исключительно хуторянамъ". Корреспондентъ говоритъ: „Въ порѣчскихъ уѣздныхъ кругахъ мѣстныхъ „дѣятелей" вообще царитъ теперь небывалое оживленіе на почвѣ оказанія помощи хуторянамъ. Всѣ разговоры вращаются преимущественно около выдачи ссудъ. Конечно, всѣ сознаютъ, что

2.000 рублей, отпущенныхъ правительствомъ, въ сущности слишкомъ мало, но надѣются осенью выхлопотать дополнительную субсидію. Молодые агрономы, состоящіе при земствѣ, что называется, „рвутся въ бой“: выработали планъ открытія въ мѣстахъ, населенныхъ хуторянами, сѣти мелкокредитныхъ товариществъ и при нихъ сельскохозяйственныхъ обществъ. Въ Иньковѣ и Лойнѣ предполагается открыть сельско-хозяйственные склады. Агрономы обѣщаютъ организовать чтеніе лекцій по сельскому хозяйству. Все это хорошо,—справедливо прибавляетъ корреспондентъ,—но страннымъ кажется желаніе придти на помощь исключительно хуторянамъ. Вѣдь несравненно большій районъ Порѣчскаго уѣзда продолжаетъ жить общинной жизнью. Развѣ крестьянинъ-общинникъ не нуждается въ мелкомъ кредитѣ, сельско-хозяйственныхъ складахъ и совѣтахъ агрономовъ?“

Нельзя сказать, чтобы крестьяне и на такое „воздѣйствіе“ смотрѣли слишкомъ простодушными и довѣрчивыми глазами. „Оренбургской Газетѣ“, которая на законъ 9-го ноября смотритъ справа, т.-е. сочувственно, изъ Романовской волости, Оренбургскаго уѣзда, съ сожалѣніемъ сообщаютъ: „Новый законъ проводится въ жизнь очень туго, не смотря на всю его полезность для крестьянъ. Крестьяне говорятъ: „для чего намъ укрѣплять за собою свой земельный надѣлъ, когда онъ и такъ нашъ, вѣдь мы его выкупили?“ А нѣкоторые говорятъ, что укрѣпленіе земли служитъ на пользу помѣщикамъ и другимъ землевладѣльцамъ, чтобы и имъ дать возможность укрѣпить за собой землю, дабы нельзя было ее впослѣдствіи отдать крестьянамъ. Откуда берутся всѣ эти выводы — Богъ вѣдаетъ, но съ ними приходится считаться крестьянскимъ властямъ, земскимъ начальникамъ и волостнымъ старшинамъ. Когда романовскій волостной старшина начиналъ предлагать крестьянамъ на волостномъ сходѣ, а также и на сельскихъ сходахъ, „укрѣпляться“, то поднимался всегда такой шумъ, что приходилось оставлять всякое помышленіе о проведеніи въ жизнь новаго закона“.

Что подѣлаешь: не создалась въ крестьянствѣ историческая привычка съ довѣріемъ взирать на начальство и помѣщиковъ... Но все же система субсидій и всяческой помощи хуторянамъ, конечно, сильнѣе репрессій и угрозъ содѣйствуетъ развалу общины. Изъ того же, напримѣръ, Порѣчскаго уѣзда, гдѣ система субсидій особенно ярко примѣняется, пишутъ: „Замѣна общинной формы землевладѣнія хуторской въ нашемъ уѣздѣ идетъ быстрыми шагами. Каждую недѣлю составляются приговоры о расходѣ на участки то въ одной, то въ другой деревнѣ. Большею частью такіе приговоры составляются въ Иньковской, Лоинской и Верховской волостяхъ. Года черезъ два въ этихъ

волостяхъ, вѣроятно, не останется ни одной деревни. На дняхъ постановила разойтись на хутора огромная деревня Моливо-Болото".

Однако, какъ бы ни дѣйствовала администрація—въ однихъ мѣстахъ искусно, въ другихъ грубо и насильственно,—все же почти вездѣ законъ о земельной крестьянской собственности входитъ въ жизнь не съ естественной, медлительной осторожностью, органически вростая въ бытъ, а съ неосмысленной быстротой, ломающей привычные порядки крестьянской жизни. Вполнѣ понятно, что этотъ надломъ быта вызываетъ во многихъ деревняхъ и раздраженіе, и смуту. Особенно легко вспыхиваетъ вражда между общинниками и вновь образовавшимися „хуторянами" или „отрубниками". Формы жизни налаживаются различныя, интересы раздѣлились, но жить приходится все еще тѣсно бокъ о бокъ, много еще остается необорванныхъ органическихъ нитей, вспыхиваютъ споры, ссоры, нарастаетъ взаимная ненависть... „Интересы выдѣлившихся изъ общины,—пишутъ, напримѣръ, „Уральской Жизни" изъ Ирбитскаго уѣзда,—нерѣдко сталкиваются съ интересами оставшихся при прежнемъ порядкѣ землепользованія, слѣдствіемъ чего является и взаимное недоброжелательство. Обоюдная ненависть сказывается и въ общественной жизни. Такъ напримѣръ, при выборахъ на низшія общественныя должности, тамъ, гдѣ община сильна, собственники избираются не въ очередь, какъ это наблюдалось уже по нѣкоторымъ волостямъ. Такимъ образомъ начинается борьба между собственниками и общинниками. Пускаются въ дѣло всѣ средства, не исключая и такихъ, какъ умышленная порча сельско-хозяйственныхъ орудій, скота и всякихъ принадлежностей крестьянскаго хозяйства". Подобными извѣстіями очень часто сопровождаются сообщенія о выдѣлѣ изъ общины. Въ одномъ мѣстѣ возникаютъ драки, въ другомъ массовыя ссоры изъ-за общаго выгона, въ третьемъ враждующія стороны доходятъ до поджоговъ. Нерѣдко измученные „собственники" начинаютъ проситься обратно въ общину. Но это не всегда бываетъ легко, особенно вслѣдствіе однобокаго усердія властей. Иногда положеніе собственниковъ ухудшается тѣмъ, что они убѣждаются, какъ невыгодно по мѣстнымъ условіямъ вообще уходить отъ общины. „Мѣстное населеніе — пишутъ „Саратовскому Вѣстнику" изъ Березовской волости, Николаевскаго уѣзда — очень смутно представляло себѣ законъ 9-го ноября, и лишь послѣ агитаціи начальствующихъ или заинтересованныхъ лицъ нѣсколько крестьянъ рѣшили выдѣлиться изъ общины (на семьдесятъ ревизскихъ душъ). Общество постановило выдѣлить своихъ однообщественниковъ по добровольному согласію. Общинники бросили съ „выдѣленцами" жребій на такихъ условіяхъ: послѣдніе получаютъ землю полосой въ длину около двѣнадцати верстъ и шириной немного больше семидесяти саженъ. При

раздѣлѣ доставшейся земли выдѣленцамъ не представлялось никакой возможности уравнять части: земля была неодинаковаго качества. Помимо того общественники поставили выдѣленцамъ условіемъ, чтобы они послѣ выдѣленія выселились изъ села на свои отруба, въ которые имъ включена выгонная земля и дворовая. Только теперь выдѣленцы почувствовали, что они поступили крайне неразумно, выйдя изъ общины. Они обратились къ обществу съ просьбой о принятіи ихъ обратно въ общину. Общество не прочь бы принять ихъ, но дѣло о выдѣлѣ оформлено должнымъ порядкомъ. Теперь выдѣленцы хлопочутъ передъ властями, чтобы ихъ изъ собственниковъ превратили въ общинниковъ".

Разломъ общины идетъ по разнымъ мѣстностямъ чрезвычайно неравномѣрно. При моей поѣздкѣ по Россіи мнѣ съ насмѣшкой и злорадствомъ говорили мѣстные люди въ Новгородской, Псковской, Ярославской, Вологодской, Вятской и Пермской губерніяхъ о жалкомъ, ничтожномъ движеніи хуторского разселенія, не смотря на усердныя воздѣйствія администраціи. Разсказывались потѣшные случаи, какъ мѣстные земельные устроители, желая показать пріѣзжимъ изъ Питера ревизорамъ товаръ лицомъ, кидались во всѣ углы губерніи, чтобы найти устроившихся по новому рецепту хуторянъ-крестьянъ, и съ отчаянія подсовывали ревизорамъ латышей или нѣмцевъ, которые уже многіе годы ведутъ хуторское хозяйство. Разсказывали о беззастѣнчивой поддѣлкѣ статистическихъ цифръ въ отчетахъ о хуторскомъ и отрубномъ хозяйствѣ. Въ Ярославлѣ одинъ изъ спеціалистовъ, помогающихъ казенному землеустроительству, понижая голосъ, лукаво сообщилъ мнѣ: „Шесть тысячъ отрубниковъ и хуторянъ насчитали въ губерніи наши реформаторы. А ихъ круглымъ счетомъ шестнадцать человѣкъ". Но въ Тамбовской губерніи я услышалъ отъ мѣстнаго нотаріуса: „Завалены сейчасъ выдѣлами изъ общины. Черезъ одну мою контору прошло за послѣднее полугодіе до шестисотъ выдѣловъ".

Газеты теперь тоже приносятъ изъ разныхъ мѣстъ противоположныя сообщенія. „Результаты разселенія на хутора—пишутъ „Вятской Рѣчи" изъ Пермской губерніи — до того печальны, что даже оффиціозы не осмѣливаются ихъ опубликовать. Предполагаютъ учредить при здѣшнихъ землеустроительныхъ коммиссіяхъ и крестьянскомъ банкѣ особыя должности „распространителей идеи по насажденію въ краѣ хуторскихъ хозяйствъ", открыть въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ отдѣленія московскаго общества развитія въ Россіи хуторскихъ и отрубныхъ участковъ, посылать въ продолженіе текущаго лѣта казенныхъ „агитаторовъ" для призыва крестьянъ покинуть общину, распространять по деревнямъ черезъ земскихъ начальниковъ и полицію литературу о выгодности оставить прежнюю систему земле-

пользованія, освященную всѣмъ укладомъ мѣстной жизни и вѣковымъ опытомъ".

Изъ Мамадышскаго уѣзда, Казанской губерніи, сообщаютъ „Волжскому Листку", что въ Омарской волости выдѣлилось изъ общины 23 души, при общемъ числѣ населенія 4.000 душъ. Сѣверныя губерніи вообще, очевидно, крѣпко держатся за общину. Но вотъ противоположныя свѣдѣнія. „Усиленную дѣятельность — пишутъ „Сѣв.-Зап. Голосу" изъ Поневѣжа, Ковенской губерніи — развиваетъ въ уѣздѣ землеустроительная коммиссія, способствовавшая за время своего существованія разселенію на хутора 440 отдѣльныхъ хозяйствъ изъ 23 деревень. Кромѣ того 57 усадебъ изъ двухъ деревень преобразованы въ многопольныя образцовыя фермы". Въ Александрійскомъ уѣздѣ (Херсонской губ.)—по свѣдѣніямъ „Голоса Юга"—со времени указа 9-го ноября вышло изъ общины 9.707 хозяевъ, укрѣпившихъ 63.482 десятины земли. „Въ первомъ земскомъ участкѣ Ирбитскаго уѣзда — сообщаетъ „Уральская Жизнь" — выходъ изъ общины и укрѣпленіе земли въ собственность принимаетъ эпидемическій характеръ: есть селенія, гдѣ $^1/_3$ всѣхъ домохозяевъ укрѣпила свои надѣлы. По всему участку, состоящему изъ 6 волостей, число выдѣлившихся и подавшихъ заявленія о выходѣ изъ общины достигаетъ 1.160 человѣкъ. Въ остальныхъ участкахъ дѣло укрѣпленія земли идетъ гораздо тише". А вотъ и одно изъ ближайшихъ послѣдствій скоропоспѣшной земельной реформы: „нотаріусы—пишутъ „Русскому Слову" изъ Коломны, Московской губерніи — завалены дѣлами о продажѣ выдѣлившимися изъ общины крестьянами бывшей надѣльной земли. Въ уѣздѣ скупка по дешевымъ цѣнамъ земли крестьянскими кулаками идетъ во всю. Прежніе надѣльные, порвавъ все въ деревнѣ, идутъ въ большіе города искать работы".

Несомнѣнно, ломка крестьянскихъ земельныхъ отношеній идетъ сейчасъ подъ флагомъ закона 9-го ноября сумбурно, безпорядочно, безъ цѣльнаго, осмысленнаго всенароднаго плана. Во что выльется эта перетряска деревни въ недалекомъ даже будущемъ—никто съ опредѣленностью, кромѣ казенныхъ оптимистовъ, сказать, мнѣ кажется, не можетъ. Развалъ общины, вѣроятно, будетъ продолжаться съ развивающейся быстротой, какой бы упоръ ни противоставляли этому отдѣльныя сельскія общества. Слишкомъ много примѣшано къ печальной судьбѣ общины личныхъ, классовыхъ и казенныхъ интересовъ. И политика бюрократическаго Петербурга, и прислужничество уѣздной администраціи, и алчность сельскихъ кулаковъ, стремящихся къ скупкѣ надѣльной земли, и соблазнъ для „ослабѣвшихъ" крестьянъ продать поскорѣе опостылѣвшую, выпаханную землю и уѣхать въ Сибирь или въ большой городъ,—все это валится на общину и разламываетъ ея

устои. Нельзя при томъ забывать, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ среди крестьянства назрѣло искреннее желаніе попробовать новый видъ хозяйства: самостоятельный, хуторской или отрубной.

Но все же главная суть въ томъ, что законъ 9-го ноября ворвался въ крестьянскую жизнь внезапно, принудительно. Онъ съ болью началъ раздирать ткань прежней крестьянской жизни. И потому почти вездѣ примѣненіе закона вызываетъ теперь болѣзненное раздраженіе. Народный организмъ переживаетъ своего рода тяжкій недугъ. И пока не имѣется еще общихъ итоговъ, вполнѣ понятна пестрота сужденій, догадокъ и предсказаній о ближайшей судьбѣ крестьянства. Перенесетъ ли народный организмъ благополучно новую лихорадочную встряску, даже, можетъ быть, поздоровѣвъ отъ нея, впадетъ ли въ большее ослабленіе, угрожая экономическимъ разваломъ страны, создастъ ли сотни тысячъ „сильныхъ“, зажиточныхъ, самостоятельныхъ крестьянскихъ помѣщиковъ-хуторянъ или покроетъ страну новымъ милліоннымъ пролетаріатомъ, успокоитъ ли казенная реформа вѣковую земельную жажду мужика, или нежданно подготовитъ новыя стихійныя конвульсіи страны,—просторъ для гаданій необъятенъ. Одно ясно: въ странѣ совершается повсемѣстная перестройка или разломъ крестьянскаго быта, и всѣмъ наблюдателямъ народной жизни слѣдуетъ обратить сюда пытливое, долгое вниманіе.

И. Жилкинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1909 г.

Правила 24-го августа.—Толкованіе или измѣненіе закона? — Вопросъ о безпартійныхъ кандидатурахъ.—Избирательный манифестъ союза 17-го октября.—„Монархическія“ организаціи въ Москвѣ и Петербургѣ. — Характерный инцидентъ. — Антифинляндская агитація.—Post-scriptum.

24-го августа Высочайше утверждено положеніе совѣта министровъ, установляющее порядокъ примѣненія ст. 96-ой основныхъ законовъ. Этимъ закончилось дѣло о штатахъ морского генеральнаго штаба, возбудившее столько толковъ весною нынѣшняго года. Мы остаемся при мнѣніи, подробно мотивированномъ въ нашемъ майскомъ обозрѣніи; мы продолжаемъ думать, что ст. 14-ая и 96-ая были со-

вершенно правильно поняты министерствомъ, два раза направлявшимъ дѣло о штатахъ въ общемъ законодательномъ порядкѣ, и законодательными учрежденіями, принявшими его къ разсмотрѣнію. Въ положеніи 24-го августа мы видимъ, поэтому, измѣненіе закона или, по меньшей мѣрѣ, такое толкованіе его, которое не могло быть дано въ порядкѣ верховнаго управленія. Противоположный взглядъ поддерживается, по весьма понятной причинѣ, какъ оффиціозною, такъ и вообще консервативною печатью. „Ни одной частностью своею“ — говоритъ, напримѣръ, „Россія“—„правила 24-го августа не изъясняютъ принципа, лежащаго въ основаніи 96-ой статьи основныхъ законовъ. Это и понятно, ибо задача этихъ правилъ вовсе не въ томъ, чтобы толковать законъ. Они лишь опредѣленно и съ надлежащей полнотой раскрываютъ фактическое содержаніе обсуждаемой статьи“. Но развѣ задача толкованія закона не заключается, между прочимъ, именно въ „раскрытіи его фактическаго содержанія“, т.-е. въ установленіи той области, которую онъ имѣетъ въ виду, тѣхъ предѣловъ и условій, въ которыхъ и при которыхъ онъ долженъ быть примѣняемъ? И если правила 24-го августа даютъ ст. 96-ой совершенно иной смыслъ, чѣмъ усмотрѣнный въ ней министерствомъ, Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ, то какое же можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что ихъ задачей было, по меньшей мѣрѣ, толкованіе закона? Не менѣе ясно и то, что если въ пониманіи закона существуетъ разномысліе между факторами законодательной власти, то толкованіе его можетъ состояться не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ. Въ противномъ случаѣ исчезла бы та черта, которая отдѣляетъ толкованіе закона отъ его измѣненія—измѣненія, для котораго необходимо требуемое ст. 7-ою осн. зак. „единеніе“ верховной власти съ Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ.

Что правила 24-го августа представляютъ собою не только толкованіе, но и измѣненіе ст. 96-ой основныхъ законовъ—въ этомъ убѣждаетъ простое сравненіе обоихъ текстовъ. Въ ст. 96-ой идетъ рѣчь о постановленіяхъ по строевой, технической и хозяйственной частямъ, а равно о положеніяхъ и наказахъ учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ военнаго и военно-морского вѣдомствъ; въ правилахъ 24-го августа идетъ рѣчь о *законодательныхъ дѣлахъ*, относящихся до устройства сухопутныхъ и морскихъ вооруженныхъ силъ и обороны россійскаго государства, а равно всего управленія арміею и флотомъ. Что понятіе о „законодательныхъ дѣлахъ“ шире понятія о „постановленіяхъ, положеніяхъ и наказахъ“, предусмотрѣнныхъ въ ст. 96-ой—это не только ясно само собою, но подтверждается, въ добавокъ, перечнемъ, сдѣланнымъ въ концѣ 1-го пункта правилъ: въ составъ перечня вошли, рядомъ съ положеніями и наказами, *штаты, табели и росписанія*

по военному и морскому вѣдомствамъ. Неужели такая прибавка—только *разъясненіе* закона, а не *дополненіе* его? Подвѣдомственными законодательнымъ учрежденіямъ штаты признавались именно потому, что о нихъ умалчивала статья 96-ая осн. зак.—а учрежденіемъ Госуд. Думы они приравнены къ законамъ и, слѣдовательно, подчинены общему законодательному порядку. Изъятіемъ ихъ изъ этого порядка очевидно дополнена ст. 96-ая осн. зак. и измѣненъ пун. 1-ый ст. 31-ой учрежденія Государственной Думы.

Еще менѣе можетъ подлежать спору тотъ фактъ, что четвертымъ пунктомъ правилъ 24-го августа существенно дополнена и измѣнена ст. 96-ая основн. законовъ: дополнена — потому что въ ней вовсе нѣтъ рѣчи о *приблизительномъ* исчисленіи новыхъ расходовъ; измѣнена—потому что ею требуется предварительное ассигнованіе *соотвѣтственнаго кредита*. Соотвѣтственнымъ можетъ быть названъ только такой кредитъ, размѣръ котораго точно согласованъ съ потребностью. Достигнуть согласованія нетрудно, когда на разсмотрѣніе законодательныхъ собраній вносится *штатъ* вновь проектируемаго учрежденія; но когда штатъ идетъ однимъ путемъ, а вызываемый имъ кредитъ—другимъ, соотвѣтствіе становится затруднительнымъ, иногда недостижимымъ. И вотъ, правила 24-го августа вводятъ новое понятіе о приблизительномъ кредитѣ. Неудивительно, что это не встрѣчаетъ одобренія даже въ средѣ октябристовъ. Товарищъ предсѣдателя думской коммиссіи государственной обороны, В. В. Хвощинскій, совершенно основательно замѣчаетъ [1]), что принципъ приблизительныхъ смѣтъ неизвѣстенъ ни нашему, ни иностраннымъ законодательствамъ. Самый порядокъ разъясненія смысла ст. 96-ой, примѣненный въ настоящемъ случаѣ, нельзя, по мнѣнію г. Хвощинскаго, признать „нормальнымъ и строго конституціоннымъ“. Со стороны тактической разъясненіе также кажется ему нераціональнымъ: „кому, кромѣ крайнихъ правыхъ, нужно было лишній разъ больно задѣть общественное мнѣніе у насъ и на Западѣ“? Не логично только заключеніе, къ которому приходитъ г. Хвощинскій: признавая, что правила 24-го августа—побѣда правыхъ, онъ утверждаетъ, что нельзя считать ихъ пораженіемъ думскаго большинства, „такъ какъ послѣ неутвержденія штатовъ невозможно было обойтись безъ разъясненія ст. 96-ой“. Побѣда правыхъ и пораженіе думскаго большинства—это двѣ стороны одного и того же понятія: допуская первую, слѣдуетъ допустить и второе, тѣмъ болѣе, что пораженіемъ большинства было уже самое неутвержденіе закона о штатахъ. Когда оно состоялось, передъ правительствомъ былъ открытъ только одинъ легальный путь: внесеніе законо-

[1]) См. „Рѣчь“, № 243.

проекта, измѣняющаго и дополняющаго статью 96-ую основныхъ законовъ.

Когда мы пишемъ эти строки, до производства дополнительныхъ выборовъ въ Государственную Думу остается еще нѣсколько дней; когда онѣ появятся въ печати, вся выборная процедура будетъ уже закончена. Не касаясь, поэтому, личныхъ вопросовъ, такъ горячо обсуждавшихся и въ печати, и на предвыборныхъ собраніяхъ, остановимся только на нѣкоторыхъ общихъ соображеніяхъ, вызываемыхъ послѣднею избирательною кампаніею.

Много принципіальныхъ споровъ вызвала безпартійная кандидатура. Всего интереснѣе мнѣніе, высказанное о ней однимъ изъ самыхъ выдающихся лѣвыхъ публицистовъ [1]). Выборамъ въ Государственную Думу А. В. Пѣшехоновъ придаетъ значеніе „главнымъ образомъ по стольку, по скольку они способствуютъ политическому самоопредѣленію населенія и развитію политическихъ организацій въ странѣ. Безпартійная кандидатура не можетъ выполнить этой роли. Кромѣ того, избирателю гораздо выгоднѣе имѣть дѣло съ партійнымъ кандидатомъ, чѣмъ съ безпартійнымъ. Во-первыхъ, партіи сравнительно меньше подвержены колебаніямъ въ своихъ взглядахъ и тактикѣ, чѣмъ отдѣльное лицо. Во-вторыхъ, значеніе депутата въ самой Государственной Думѣ несравненно больше, если онъ опирается на своихъ единомышленниковъ въ Думѣ и на организованную партію въ странѣ. На кого будетъ опираться безпартійный депутатъ? Кто будетъ контролировать его дѣятельность? Неорганизованная масса избирателей, общеніе съ которою при условіяхъ нашей „конституціи“ почти невозможно?“

Безспорно, выборы въ законодательное собраніе способствуютъ „политическому самоопредѣленію“ населенія; но почему? Потому что каждый, желающій голосовать сознательно и честно, старается дать себѣ отчетъ въ своихъ политическихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, установить, точно и твердо, свой взглядъ на положеніе дѣлъ въ настоящемъ и на задачи ближайшаго будущаго—и затѣмъ, сообразно съ результатомъ этой внутренней работы, становится на сторону того кандидата, въ которомъ видитъ представителя наиболѣе близкихъ ему убѣжденій. Необходимо, слѣдовательно, чтобы относительно образа мыслей его избранника не существовало никакихъ сомнѣній. Нельзя идти за тѣмъ, чьи задачи и цѣли не опредѣлились съ полною ясностью. Но развѣ для такой опредѣленности требуется непремѣнно принадлежность къ той или другой политической группѣ? Если достаточно

---

[1]) См. № 7 газеты „Новый День“.

извѣстна прежняя дѣятельность кандидата, если на вопросъ: „како вѣруеши?“ имъ неоднократно былъ данъ отвѣтъ не только словами, но и дѣлами, то есть ли для него надобность въ добавочномъ ручательствѣ, какимъ для начинающихъ, ничѣмъ еще себя не заявившихъ, служитъ партійный ярлыкъ? Большой ошибкой является смѣшеніе безпартійности съ безпрограмностью. Программы, не оставляющей мѣста для недоумѣній, можетъ держаться и безпартійный кандидатъ—и на оборотъ, не всегда кандидатъ, выступающій отъ имени партіи, признаетъ для себя обязательными всѣ пункты ея программы: иначе не могло бы быть рѣчи о правыхъ и лѣвыхъ кадетахъ, о правыхъ и лѣвыхъ октябристахъ. А кандидатура, выставляемая союзомъ или „блокомъ“ партій—развѣ она не предполагаетъ существованіе программы, не совпадающей ни съ однимъ изъ партійныхъ символовъ вѣры или совпадающей только съ однимъ изъ нихъ? Мы думаемъ, поэтому, что безпартійной — но не безпрограмной—кандидатурѣ „воспитательное“ значеніе можетъ быть свойственно отнюдь не меньше, чѣмъ кандидатурѣ партійной. Умственнаго напряженія со стороны избирателей оцѣнка безпартійной кандидатуры требуетъ, можетъ быть, больше—но отсюда, конечно, еще не слѣдуетъ, чтобы она меньше способствовала ихъ „политическому самоопредѣленію“.

„Развитіе политическихъ организацій“ совершается не во время выборовъ; оно предшествуетъ имъ и ими только иллюстрируется — въ той мѣрѣ, въ какой это допускаетъ избирательный законъ. Безпартійная кандидатура, если она сколько-нибудь серьезна, свидѣтельствуетъ о недостаткахъ или пробѣлахъ той сѣти, которую образуютъ политическія партіи. Она указываетъ на неполноту ихъ программъ, на ошибочность ихъ тактики, на чрезмѣрность—или слабость—установляемой ими дисциплины. Само собою разумѣется, что между такими указаніями могутъ быть и правильныя, и неправильныя; но считаться съ ними во всякомъ случаѣ не излишне для самихъ партій. Намъ могутъ возразить, что достаточно и той критики, которой каждая партія подвергается со стороны другихъ; но такая критика всегда тенденціозна—всегда, слѣдовательно, тенденціозно и отношеніе къ ней. Больше шансовъ безпристрастія представляютъ замѣчанія, свободныя отъ партійной окраски. Нѣтъ причины опасаться, что они поколеблютъ или ослабятъ партійныя связи. Стремленіе дѣйствовать сообща, соединенными силами, слишкомъ естественно, чтобы его могли остановить отдѣльныя проявленія политическаго индивидуализма. Не въ этомъ заключается и цѣль такихъ проявленій. Безпартійность, въ большинствѣ случаевъ—результатъ условій даннаго момента; съ измѣненіемъ ихъ можетъ измѣниться распредѣленіе политическихъ силъ, могутъ перемѣститься границы между партіями, можетъ образоваться новая

партійная группировка, могутъ получить преобладаніе новые взгляды на партійную дисциплину. Мы едва ли, впрочемъ, ошибемся, если скажемъ, что совершенно исчезнуть безпартійности не суждено; да и нежелательнымъ было бы ея полное исчезновеніе. Противъ безпартійнаго кандидата, выступавшаго въ Петербургѣ на послѣднихъ выборахъ, однимъ изъ бывшихъ товарищей его по второй Думѣ (М. Е. Березинымъ) приведенъ былъ, между прочимъ, такой аргументъ: „онъ—человѣкъ собственныхъ настроеній и вообще индивидуалистъ". Мы думаемъ, что эти слова (если предположить, что индивидуализмомъ названо здѣсь не отрицаніе соціальныхъ реформъ, а стремленіе идти своей особой дорогой) — скорѣе рекомендація, чѣмъ возраженіе. Въ законодательномъ собраніи, какъ и во всякомъ другомъ, необходимы не только люди, идущіе „рядами и шеренгами" (in Reih' und Glied), но и „люди собственныхъ настроеній". „Приведеніе къ одному знаменателю", до извѣстной степени неизбѣжное въ политической жизни, должно быть уравновѣшиваемо и, если можно такъ выразиться, обезвреживаемо проявленіями ничѣмъ не сдерживаемой самостоятельности. Такія проявленія возможны и въ рамкахъ партіи, если для принадлежности къ ней достаточно принятія основныхъ началъ ея программы; но на практикѣ отъ членовъ партіи обычно требуется, сверхъ того, подчиненіе „партійной дисциплинѣ", т.-е. болѣе или менѣе значительное ограниченіе свободы слова и свободы дѣйствій. Особенно опаснымъ такое ограниченіе кажется намъ на русской почвѣ, гдѣ еще такъ недавно—и далеко не вполнѣ—пали оковы, связывавшія общественную и личную иниціативу. Старый девизъ: „не разсуждать—повиноваться" слишкомъ легко можетъ воскреснуть въ новой формѣ; мѣсто правительственной указки слишкомъ легко можетъ занять партійная, конечно—менѣе стѣснительная, такъ какъ слушаются ея добровольно, но все же поддерживающая старую привычку жить чужимъ умомъ и не довѣрять собственнымъ силамъ... Мы далеки отъ мысли отрицать значеніе политическихъ партій; не случайно же онѣ появляются вездѣ, гдѣ возникаетъ политическая жизнь, и крѣпнутъ вмѣстѣ съ нею. Въ парламентскихъ бояхъ, какъ и при вооруженныхъ столкновеніяхъ, важно чувствовать „плечо сосѣда", важно сознавать себя частью цѣлаго, находить въ немъ ободреніе и поддержку. Таково общее правило; но оно допускаетъ исключенія. Рядомъ съ организованными отрядами могутъ и должны дѣйствовать партизаны. Слишкомъ много ихъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ: ручательствомъ въ томъ служатъ затрудненія, какія они должны преодолѣть для полученія депутатскихъ полномочій.

Что партіи „меньше подвержены колебаніямъ въ своихъ взглядахъ и тактикѣ, чѣмъ отдѣльныя лица"—это справедливо вообще, но едва ли

примѣнимо къ сравнительно рѣдкимъ случаямъ безпартійной кандидатуры. Ставить ее съ какими бы то ни было шансами успѣха можетъ только тотъ, чья прежняя дѣятельность даетъ ему право на довѣріе значительной части избирателей. Такое довѣріе обязываетъ — обязываетъ, можетъ быть, не меньше, чѣмъ вступленіе въ ряды партіи. И развѣ не приходится видѣть, какъ во время дѣйствія депутатскихъ полномочій депутатъ, вступившій въ собраніе какъ членъ извѣстной партіи, оказывается на самомъ дѣлѣ соединеннымъ съ нею очень слабою связью—или вовсе порвавшимъ эту связь?.. Значеніе отдѣльнаго депутата опредѣляется не столько принадлежностью къ той или другой партіи, сколько его личными свойствами. Опорой—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, контролемъ—для депутата служитъ общественное мнѣніе, освѣдомляемое и отчасти руководимое печатью. Отъ его суда депутатъ, стоящій внѣ партій, не защищенъ рѣшительно ничѣмъ. Онъ не можетъ оправдываться ссылкой на рѣшеніе партіи; отвѣтственность за все сдѣланное и сказанное имъ упадаетъ исключительно и всецѣло на него одного.

Почти всѣ аргументы, ведущіе къ осужденію безпартійныхъ—или индивидуальныхъ—кандидатуръ, могутъ быть обращены противъ кандидатуръ, выставляемыхъ *небольшими* партійными группами или кружками. Въ самомъ дѣлѣ, никакой силы такія группы собою не представляютъ; опорой для своихъ избранниковъ ни въ парламентѣ, ни въ странѣ онѣ служить не могутъ; отвѣтственность передъ ними, въ виду ихъ малочисленности и слабости — не больше, какъ пустое слово. А между тѣмъ, такія группы существуютъ почти вездѣ, не возбуждая принципіальныхъ возраженій. Назовемъ, для примѣра, „народную партію“ въ Германіи, насчитывавшую въ рейхстагѣ, съ 1898 по 1903 г., только восемь, съ 1903-го по 1906-ой годъ — только шесть членовъ. Около тѣхъ же цифръ держится число представителей союза сельскихъ хозяевъ и крестьянскаго союза. Рядомъ съ микроскопическими партіями въ германскомъ рейхстагѣ немало *дикихъ* (die Wilden), т.-е. депутатовъ, не принадлежащихъ ни къ какой партійной организаціи. Въ Англіи одинъ, по меньшей мѣрѣ, изъ такихъ „индивидуалистовъ“ достигъ, въ свое время, большой извѣстности и оказывалъ замѣтное вліяніе на ходъ парламентскихъ дѣлъ. Это былъ Робукъ, никогда не примыкавшій всецѣло ни къ торіямъ, ни къ вигамъ, ни къ радикаламъ (если считать, что въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XIX-го вѣка уже существовала радикальная *партія*), поддерживавшій то тѣхъ, то другихъ и бравшій на себя иниціативу такихъ важныхъ рѣшеній, какъ образованіе парламентской коммиссіи для разслѣдованія злоупотребленій или безпорядковъ, допущенныхъ военнымъ вѣдомствомъ въ началѣ восточной войны (1854). Аналогичную роль играли раньше Молесвортъ и Коббеттъ, позже —Черчилль. Не были партійными дѣя-

телями, въ обычномъ смыслѣ слова, и такіе-выдающіеся государственные люди, какъ Кобденъ и Брайтъ.

Всегда, по нашему мнѣнію, имѣющія право на существованіе, безпартійныя кандидатуры особенно допустимы при частныхъ, дополнительныхъ выборахъ. Замѣщеніе нѣсколькихъ случайно открывшихся вакансій не можетъ существенно измѣнить взаимное отношеніе, сравнительную силу партій. Важно здѣсь только то, что населенію представляется случай выразить свое настроеніе, отозваться, такъ или иначе, на общій характеръ правительственной политики, на очередныя задачи и способъ дѣйствій законодательнаго собранія. Это можетъ быть достигнуто избраніемъ кандидата, образъ мыслей котораго достаточно извѣстенъ, прошлая дѣятельность котораго служитъ достаточнымъ ручательствомъ за будущее—все равно, выступаетъ ли онъ отъ имени опредѣленной партіи или является, въ данную минуту, безпартійнымъ. Не нужно быть непремѣнно членомъ конституціонно-демократической партіи, чтобы стоять за неприкосновенность и дальнѣйшее развитіе конституціонныхъ началъ, за быстрое осуществленіе широкихъ демократическихъ реформъ. На одномъ изъ предвыборныхъ собраній Ѳ. И. Родичевъ слѣдующимъ образомъ поставилъ вопросъ, на который должны отвѣтить петербургскіе избиратели: желаютъ ли они, чтобы русскій государственный строй основывался на правѣ, или же они, совмѣстно съ думскимъ большинствомъ, стоятъ за то, чтобы основой нашихъ порядковъ была сила? Очевидно, что отвѣтомъ, благопріятнымъ для торжества права, избраніе безпартійнаго кандидата — В. Д. Кузьмина-Караваева — могло служить въ такой же мѣрѣ, какъ и избраніе кандидата кадетской партіи. Существуетъ мнѣніе, что надлежащій эффектъ можетъ произвести только сразу состоявшееся объединеніе крупнаго числа голосовъ на имени одного кандидата. Мы этого не думаемъ: если между политическими символами вѣры двухъ кандидатовъ—партійнаго и безпартійнаго—нѣтъ существенной разницы, то степень распространенности соотвѣтствующихъ взглядовъ среди избирателей измѣряется суммою голосовъ, поданныхъ за нихъ обоихъ. Не опасно, при первой баллотировкѣ, и раздробленіе голосовъ, такъ какъ избраніе можетъ состояться только при наличности абсолютнаго большинства. При перебаллотировкѣ, когда для побѣды достаточно относительное большинство, неизбѣжно должна быть снята та изъ двухъ родственныхъ, по духу, кандидатуръ, за которую высказалось сравнительно меньшее число избирателей.

Намъ остается разсмотрѣть, въ какой степени должны и могутъ вліять на избирателей личныя свойства кандидатовъ—и въ особенности ихъ политическое прошлое. Не подлежитъ сомнѣнію, что по-

явленіе, на послѣднихъ петербургскихъ выборахъ, безпартійной кандидатуры объясняется, главнымъ образомъ, именемъ кандидата, выставленнаго партіей народной свободы. Въ какой мѣрѣ основательны были возраженія, выдвинутыя лично противъ Н. Н. Кутлера—объ этомъ мы здѣсь говорить не будемъ: насъ интересуетъ теперь только общій вопросъ, связанный съ частнымъ. Когда въ государствѣ совершается переходъ отъ неограниченной власти монарха къ конституціоннымъ порядкамъ, ряды народныхъ представителей не могутъ не пополняться, отчасти, изъ среды господствовавшей до тѣхъ поръ бюрократіи. Слишкомъ много она привлекала къ себѣ силъ, слишкомъ много накопила дѣлового опыта, чтобы сразу могла открыться пропасть между нею и дѣятелями новаго строя. Вполнѣ возможны, даже неизбѣжны искреннія, глубокія перемѣны настроеній, вызванныя радикально измѣнившимися условіями. Добросовѣстный чиновникъ можетъ стать полезнымъ членомъ партіи, идущей въ разрѣзъ съ традиціями прошлаго. Для того, чтобы такое превращеніе не колебало довѣрія къ превратившемуся, необходимо, однако, чтобы въ прежней его дѣятельности не было ничего рѣзко противоположнаго новой—не было, напримѣръ, активнаго участія въ такихъ мѣрахъ, которыя клонились къ ограниченію мѣстнаго самоуправленія и общественной иниціативы. Земскія учрежденія, какъ бы они ни были несовершенны, все-таки служили нѣкоторой подготовкой къ политической свободѣ, воспитывая въ сравнительно широкихъ слояхъ населенія сознаніе отвѣтственности и привычку служить общему дѣлу. Попытка съузить и безъ того узкія ихъ права не можетъ быть забыта такъ легко и такъ скоро, какъ тотъ или другой заурядный актъ бюрократической опеки. Друзьямъ прогресса она даетъ поводъ къ недовѣрію, врагамъ его—служитъ орудіемъ борьбы, направленной къ дискредитированію не только отдѣльнаго лица, но и цѣлой политической группы. Не принадлежа къ числу ревностныхъ приверженцевъ партійной дисциплины, мы допускаемъ подчиненіе ей въ личныхъ вопросахъ, на сколько они лишены принципіальнаго значенія. Странно было бы, въ самомъ дѣлѣ, еслибы отъ поддержки кандидата, выбраннаго руководителями партіи, кто-либо изъ ея членовъ отказался только потому, что считалъ бы его недостаточно талантливымъ, недостаточно симпатичнымъ—или предпочиталъ бы ему другого, болѣе талантливаго и симпатичнаго. Въ подобныхъ случаяхъ личная оцѣнка кандидата должна уступить партійной; общее должно взять верхъ надъ частнымъ. Но совершенно иначе обстоитъ вопросъ, когда, по убѣжденію избирателя, выборъ кандидата является серьезной ошибкой, вредной для партіи и для защищаемаго ею дѣла: это возвращаетъ ему свободу дѣйствій и позволяетъ ему, не измѣняя своимъ партійнымъ обязательствамъ, подать

голосъ за другого кандидата, стремящагося къ однороднымъ цѣлямъ, хотя бы онъ и не принадлежалъ къ партіи и даже осуждалъ ея тактическіе пріемы. Еще менѣе стѣснена, при такихъ условіяхъ, свобода дѣйствій избирателей, сочувствующихъ, въ общемъ и главномъ, стремленіямъ данной партіи, но не входившихъ и не входящихъ въ ея составъ... Каковъ бы ни былъ результатъ выборовъ 21-го или 28-го сентября, предшествующая имъ кампанія съ полною ясностью доказала одно: необходимость особой осторожности въ составленіи партійныхъ кандидатскихъ списковъ и невозможность принимать ихъ на вѣру, къ точному и непремѣнному исполненію.

Образцомъ неумѣлости и безтактности можетъ служить воззваніе, съ которымъ обратился къ петербургскимъ избирателямъ союзъ 17-го октября. Къ различнымъ партіямъ примѣняются здѣсь совершенно различные пріемы. Крайнимъ лѣвымъ ставится въ вину непримиримость и неосуществимость ихъ взглядовъ, кадетской партіи—неудачный выборъ кандидата. Что̀ это значитъ? Не слышится ли здѣсь невольное признаніе, что противъ конституціонно-демократической программы въ арсеналѣ октябристовъ не имѣется достаточно сильныхъ аргументовъ? Не потому ли она обходится молчаніемъ, что въ противномъ случаѣ падалъ бы самъ собою центральный пунктъ воззванія? По словамъ союза, его работа „является тѣмъ мирнымъ трудомъ, плодами котораго воспользуется всякій, не только другъ союза, но и ярый его противникъ, потому что октябристы стремятся создать и создаютъ лучшія условія жизни для каждаго русскаго гражданина". Созданіемъ лучшихъ условій жизни задается, на словахъ, каждая партія, за исключеніемъ развѣ той, которая принципіально враждебна всякой перемѣнѣ. Весь вопросъ въ томъ, какъ понимается эта задача и какіе намѣчаются пути и способы ея осуществленія. Допустимъ, однако, что въ воззваніи идетъ рѣчь спеціально о законодательной работѣ, производимой существующими учрежденіями. Но развѣ въ этой работѣ не участвуетъ партія народной свободы — и развѣ она не вноситъ въ нее несравненно больше энергіи, несравненно бо̀льшую ширину размаха, чѣмъ союзъ 17-го октября? Какъ воспользовался послѣдній своею привилегированною ролью въ Государственной Думѣ? Что̀ сдѣлали представители союза, въ думской коммиссіи, съ законопроектами о неприкосновенности личности и объ исключительномъ положеніи? Протестовалъ ли союзъ хоть одинъ разъ, рѣшительно и опредѣленно, противъ всѣхъ ужасовъ, которые влечетъ за собою нескончаемое дѣйствіе всякихъ охранъ? Чѣмъ онъ можетъ гордиться, кромѣ проведенія, съ помощью всѣхъ оппозиціонныхъ группъ и,

главнымъ образомъ, партіи народной свободы, вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ?..

Еще менѣе удачно, чѣмъ сравненіе съ другими партіями, то мѣсто воззванія, гдѣ идетъ рѣчь о спеціально-петербургскихъ интересахъ. „Только октябристскій кандидатъ"—читаемъ мы здѣсь—„можетъ обѣщать и провести въ жизнь выполненіе цѣлаго ряда мѣръ, которыми непосредственно воспользуются жители столицы. Только членъ вліятельнаго большинства можетъ съ достаточнымъ вѣсомъ и успѣхомъ указывать правительству на цѣлый рядъ злоупотребленій и непорядковъ, отъ которыхъ страдаютъ петербургскіе жители. Его голосъ явится не только голосомъ безплоднаго протеста, но тою силою признаннаго мнѣнія, съ которою нельзя не считаться". Почему же эта „сила признаннаго (кѣмъ?) мнѣнія" не была до сихъ поръ пущена въ ходъ октябристами-членами Думы отъ первой куріи города Петербурга? Почему ими не была сдѣлана попытка достигнуть лучшихъ избирательныхъ порядковъ хотя бы для одной столицы? Вѣдь было же издано при Плеве новое положеніе о петербургскомъ городскомъ общественномъ управленіи, все же знаменующее собою шагъ впередъ сравнительно съ общимъ закономъ 1892-го года. Кого же, затѣмъ, можетъ ввести въ заблужденіе captatio benevolentiae въ видѣ обѣщанія всяческихъ благъ для Петербурга?.... „Что полезнѣе для жителя столицы"—спрашиваетъ дальше союзъ 17-го октября: „красный флагъ, которымъ могутъ только любоваться охотники до этого зрѣлища—или рычагъ, которымъ можно дѣйствительно поднять гнетъ полицейскаго режима въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ давитъ всего больнѣе"? Къ сомнѣнію въ подъемной силѣ октябристскаго рычага присоединяется сомнѣніе въ желаніи воспользоваться этой силой. Наиболѣе болѣзненная форма полицейскаго гнета — чрезвычайная охрана: а что же предприняли октябристы, чтобы освободить отъ нея населеніе Петербурга?

Воззваніе союза 17-го октября заканчивается приглашеніемъ петербургскихъ избирателей голосовать за С. Д. Грибоѣдова, имя котораго совершенно неизвѣстно внѣ тѣснаго круга спеціально занимающихся или интересующихся метеорологіей. О подготовленности и способности его къ политической дѣятельности невозможны даже догадки, такъ далеко онъ стоялъ и стоитъ отъ этой сферы. Въ Москвѣ кандидатомъ октябристовъ выступаетъ столь же мало выдвигавшійся до сихъ поръ г. Щенковъ. Конечно, и тотъ, и другой могутъ оказаться почтенными и полезными общественными дѣятелями; но если въ средѣ октябристовъ не нашлось, въ обѣихъ столицахъ, именъ болѣе громкихъ и болѣе авторитетныхъ, то отсюда нельзя не заключить о крайней бѣдности партіи талантами. Между основателями ея были безспорно выдающіеся люди, но многіе изъ нихъ перестали быть ея

членами, а равноцѣнныхъ новыхъ пріобрѣтеній ей, повидимому, не удалось сдѣлать. И это неудивительно: слишкомъ ужъ велика разница между обѣщаніями союза—и его дѣлами.

Еслибы могли еще существовать какія-либо сомнѣнія относительно рѣзкой противоположности между притязаніями и силами крайнихъ правыхъ, они были бы устранены послѣдней избирательной кампаніей. Знаменательно, въ этомъ отношеніи, отсутствіе ораторовъ правой на общихъ предвыборныхъ собраніяхъ; знаменательны и болѣе чѣмъ когда-либо рѣзкія пререканія между различными „монархическими“ группами и союзами; знаменательны, наконецъ, имена кандидатовъ, выставленныхъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Одинъ изъ нихъ извѣстенъ только скандалами и ни съ чѣмъ несравнимою беззастѣнчивостью газетныхъ выходокъ, другой — только прямолинейнымъ юдофобствомъ. Неужели достаточно быть защитникомъ г. Дубровина или ярымъ врагомъ евреевъ, чтобы пріобрѣсти право на вниманіе и уваженіе партій, именующихся консервативными? Неужели образъ дѣйствій гг. Пуришкевича и Маркова 2-го настолько поднялъ фонды правыхъ организацій, что понадобилось послать въ Государственную Думу еще нѣсколькихъ представителей того же типа [1])?.. Впрочемъ, шансы успѣха правыхъ въ обѣихъ столицахъ такъ ничтожны, что выступленіе ихъ кандидатовъ едва ли имѣетъ, въ ихъ собственныхъ глазахъ, какое-либо серьезное значеніе. Единственнымъ его результатомъ будетъ, вѣроятно, подсчетъ силъ, менѣе всего благопріятный для тѣхъ, кто, на самомъ дѣлѣ представляя собою ничтожное во всѣхъ отношеніяхъ меньшинство, не перестаетъ говорить отъ имени русскаго народа.

Изъ эпизодовъ избирательной кампаніи особенно характерно закрытіе перваго предвыборнаго собранія (6-го сентября) во время рѣчи П. Н. Милюкова, послѣ словъ оратора: „намъ принадлежитъ право сказать, что власть русскаго царя ограничена“. Это право совершенно безспорно: оно вытекаетъ изъ новой редакціи ст. 4-ой основныхъ законовъ, въ которой—безъ сомнѣнія не случайно—опущено прежнее именованіе верховной власти *неограниченною*. Полицейскій чиновникъ могъ, конечно, этого не знать и, добросовѣстно ошибаясь, потребовать вмѣшательства предсѣдателя. Другое дѣло — газета, хотя бы она была въ одно и то же время и „частной“, и оф-

---

[1]) Любопытны слѣдующія слова, произнесенныя г. Шмаковымъ на собраніи монархистовъ (см. „Русскія Вѣдомости“, № 211): „въ Думѣ есть одинъ смѣлый и честный человѣкъ—Марковъ 2-ой; но онъ мало образованъ и не можетъ отстрѣливаться отъ кадетовъ и октябристовъ“.

фиціозной: ей извѣстно, конечно, происхожденіе ст. 4-ой, извѣстно значеніе различія, существующаго между старымъ и новымъ опредѣленіемъ верховной власти. И все-таки она становится на сторону участковаго пристава. „Утверждая, что власть русскаго царя ограничена"—читаемъ мы въ № 1165 „Россіи",—„г. Милюковъ тѣмъ самымъ говоритъ, что кто-то, онъ ли или другіе гг. Милюковы, власть русскаго царя ограничилъ". По мнѣнію „Россіи", это — ложь, „ибо самоограниченіе власти, установленіе для отдѣльныхъ ея проявленій точныхъ и опредѣленныхъ путей, ни юридически, ни фактически не совпадаетъ съ тѣмъ понятіемъ, которое вкладывается г. Милюковымъ въ вышеприведенное его заявленіе". О полнѣйшей несостоятельности этой аргументаціи свидѣтельствуютъ уже ея запутанность и недосказанность. Развѣ „*самоограниченіе*", разъ что оно возведено въ систему и получило твердость закона, чѣмъ-нибудь существенно отличается отъ *ограниченія?* Развѣ „точные и опредѣленные пути" установлены у насъ только для отдѣльныхъ проявленій власти, а не для цѣлой отрасли ея дѣятельности, болѣе важной, чѣмъ всѣ остальныя? Развѣ не ограниченіемъ верховной власти служитъ „незыблемое правило", выраженное въ манифестѣ 17-го октября и повторенное въ ст. 86-ой основныхъ законовъ,—правило, въ силу котораго ни одинъ законъ не можетъ состояться безъ одобренія Государственной Думы? Если отъ этого правила было однажды допущено отступленіе, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы перестало дѣйствовать созданное имъ ограниченіе, чтобы верховная власть вновь получила прежній, разъ навсегда утраченный ею характеръ.

Инцидентъ съ полицейскимъ приставомъ и „Россіей" доказываетъ еще разъ, какъ важно и необходимо укрѣпить въ народномъ сознаніи мысль о существованіи у насъ, de jure, конституціи. Какими бы соображеніями ни руководились тѣ, кто его отрицаетъ, они во всякомъ случаѣ способствуютъ, вольно или невольно, ослабленію и безъ того уже столь слабаго у насъ понятія о правѣ. Если теперь, какъ и прежде, въ Россіи конституціи нѣтъ, то съ внѣшней, формальной стороны слѣдуетъ признать законнымъ многое, тяготѣющее надъ обществомъ и личностью. Если конституціи нѣтъ, бюрократія можетъ оставаться всемогущей, охраны могутъ дѣйствовать безсрочно, изданіе законовъ помимо Думы, чего бы они ни касались, можетъ стать не исключеніемъ, а общимъ правиломъ, не нарушеніемъ, а осуществленіемъ нормальнаго порядка. Если конституціи нѣтъ, всю работу, считавшуюся отчасти исполненною, нужно начать съ начала; нужно не только построить зданіе, но и создать для него почву. Для кого, въ данную минуту, выгодно такое рѣшеніе вопроса—это не требуетъ объясненія.

Давно начавшаяся агитація противъ разсмотрѣнія финляндскими судами тѣхъ дѣлъ, въ которыхъ обвиняемыми являются русскіе подданные—и въ особенности „истинно-русскіе“ люди,—достигла своего апогея, когда судъ въ Кювенене и Теріокахъ постановилъ опредѣленіе сначала о вызовѣ, потомъ о приводѣ доктора Дубровина. Вопреки ожиданію, оффиціозная газета не присоединилась къ тѣмъ органамъ печати, которые все громче и громче требовали изъятія дѣла объ убійствѣ Герценштейна изъ вѣдѣнія финляндскаго суда. Слишкомъ явно это требованіе шло въ разрѣзъ съ буквой и смысломъ дѣйствующихъ постановленій—такъ явно, что удовлетвореніе его признано было неудобнымъ даже въ сферахъ, далеко не всегда считающихъ для себя обязательнымъ уваженіе къ закону. Въ самое послѣднее время зазвучали, однако, другія ноты, болѣе благопріятныя для „союза русскаго народа“. Отношеніе „Россіи“ къ жгучему вопросу было, какъ оказывается, только „выжидающимъ“: окончательно опредѣлить его должно было „послѣднее слово“, какое скажетъ финляндскій судъ. Теперь это слово „уже сказано“—и оно убѣдило „Россію“ въ томъ, что „политическіе процессы, въ которыхъ участвуютъ русскіе уроженцы, хотя бы преступленіе и было совершено въ Финляндіи, должны разбираться въ русскихъ судахъ“. Какой именно образъ дѣйствій рекомендуется оффиціозной газетой — это не совсѣмъ ясно: съ одной стороны она какъ будто имѣетъ въ виду измѣненіе закона въ установленномъ порядкѣ, но съ другой—настаиваетъ на „выдѣленіи изъ общаго вопроса частнаго“, какъ получившаго уже „самостоятельное государственное значеніе“. Что же, однако, произошло въ теченіе немногихъ дней, отдѣляющихъ періодъ твердости „Россіи“ отъ періода ея уступокъ? Послѣднее разбирательство въ финляндскомъ судѣ не раскрыло ничего новаго, не прибавило ни одной черты къ давно извѣстной картинѣ. Членовъ „союза русскаго народа“ могло возмутить постановленіе о приводѣ его предсѣдателя, могло привести въ ярость удаленіе г. Булацеля, послѣ произведеннаго имъ безчинства, изъ залы засѣданія; но до солидарности съ „союзниками“ оффиціозная газета еще не доходила и, повидимому, и теперь не доходитъ. Почему же процессъ, производимый съ соблюденіемъ мѣстнаго закона—закона несовершеннаго, но, впредь до измѣненія или отмѣны въ установленномъ порядкѣ, безспорно сохраняющаго полную силу — становится внезапно, въ ея глазахъ, „фактомъ государственнаго значенія“?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ, отчасти, статья, появившаяся въ № 211 „Московскихъ Вѣдомостей“. Съ паѳосомъ, со слезами на глазахъ и дрожью въ голосѣ доказываются здѣсь великія заслуги союза русскаго народа и его главы, провозглашается право доктора Дубровина на особое заступничество русскаго правительства.

Съ политической точки зрѣнія, по словамъ газеты г. Л. Тихомирова, „выдача доктора Дубровина составляла бы нѣчто нестерпимое. Вспомнимъ, что происходило въ Россіи въ то время, когда сложился, усиліями доктора Дубровина, союзъ русскаго народа. Что тогда дѣлали власти, что дѣлала юстиція? Они фактически находились въ отсутствіи... Люди, не желавшіе присоединиться къ революціи, не могли, по безсилію или бездѣйствію власти, не прибѣгнуть къ самозащитѣ—а въ самозащитѣ развѣ можно провести границу между оборонойи нападеніемъ? Мало того: эти люди, во главѣ которыхъ стоялъ докторъ Дубровинъ, принуждены были выступить на защиту самой власти, и не самовольно, а по ея же приглашенію. Это—фактъ, который странно скрывать, ибо онъ всѣмъ извѣстенъ... И этихъ-то людей отдаютъ теперь на судъ наслѣдниковъ разбитыхъ революціонеровъ“!... Дальше слѣдуетъ увѣреніе, что „борьба, за которую мстятъ теперь революціонеры, велась союзомъ русскаго народа при необычайной воздержности въ отношеніи насилій противъ революціонеровъ. Союзниковъ перебили безъ числа—они же задавили революцію только своими трупами и затушили ее своею кровью... Мы не знаемъ, каковы грѣхи доктора Дубровина, но мы видимъ, что онъ все принесъ въ жертву защиты своего царя и отечества. И вотъ, этотъ человѣкъ готовъ быть выданъ на судъ врагамъ, на позоръ ихъ надругательствамъ!... Невозможно не видѣть, что докторъ Дубровинъ заслужилъ благодарность тѣхъ, кого спасалъ отъ революціоннаго разгрома. Власть не можетъ, не имѣетъ права этого забыть; ей это даже невыгодно, ибо ей нужно довѣріе народа, а для этого нужно убѣжденіе народа въ возвышенности души, руководящей правящею рукою“... Чтобы предупредить ошибку, худшую чѣмъ преступленіе, необходимо „такъ или иначе, какими бы то ни было способами, перенести злополучное дѣло въ Россію и подвергнуть полному пересмотру“.

До такихъ геркулесовыхъ столбовъ рѣдко доходила даже обычно близкая къ нимъ реакціонная печать. На самомъ дѣлѣ въ области репрессій не было такого момента, когда бы власть грѣшила бездѣйствіемъ; не было такого момента, когда она нуждалась бы въ помощи такихъ организацій, какъ союзъ русскаго народа, и такихъ людей, какъ г. Дубровинъ. Если она когда-либо и обращалась къ ихъ помощи, то это было печальнымъ недоразумѣніемъ, не дающимъ права на благодарность. Революцію нельзя задавить трупами, затушить кровью; но еслибы это было возможно, то кровь и трупы принадлежали бы не членамъ союза русскаго народа... Иллюстраціей „воздержности“, съ которою этотъ союзъ относился къ „насиліямъ революціонеровъ“—или, правильнѣе, къ проявленіямъ освободительнаго движенія,—могутъ

служитъ еврейскіе погромы въ Бѣлостокѣ, въ Одессѣ, избіенія и поджоги въ Твери и Томскѣ. О самозащитѣ во всѣхъ этихъ случаяхъ не было и рѣчи; дѣйствіями „союзниковъ“ стиралась не граница между обороной и нападеніемъ, а демаркаціонная линія между мирной демонстраціей и преступленіемъ. Съ другой стороны, гдѣ доказательства враждебнаго отношенія финляндскаго суда къ подсудимымъ по дѣлу Герценштейна, гдѣ доказательства сочувствія его къ революціонерамъ? Развѣ не вышли изъ него оправданными тѣ обвиняемые, противъ которыхъ не было собрано достаточно уликъ? Развѣ постановленіе о приводѣ, являющееся естественнымъ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ неявки по вызову, предрѣшаетъ судьбу доктора Дубровина? Процедура въ финляндскомъ судѣ во многомъ устарѣла, но сильнымъ противовѣсомъ ея недостаткамъ служитъ гласность производства, которой такъ долго былъ лишенъ русскій до-реформенный судъ — и которая для политическихъ дѣлъ почти не существуетъ въ современномъ русскомъ судѣ... Какъ нельзя болѣе характеренъ окончательный выводъ газеты: дѣло объ убійствѣ Герценштейна должно быть перенесено въ Россію *какими бы то ни было способами.* Нарушеніе закона, явно произвольный актъ власти, незаслуженное недовѣріе къ финляндскому суду, оскорбленіе, въ его лицѣ, правового чувства финляндцевъ — все позволительно, лишь бы разсѣялась туча, нависшая надъ головой доктора Дубровина. И это говорится отъ имени русскаго народа, изъ среды котораго о докторѣ Дубровинѣ знаютъ только посѣтители нѣкоторыхъ петербургскихъ чайныхъ и немногочисленные читатели „Русскаго Знамени“! И отъ рѣшенія вопроса, искусственно возбужденнаго и раздутаго воплями двухъ-трехъ малочитаемыхъ листковъ, ставится въ зависимость довѣріе народа къ власти! Какъ ни уступчиво, во многомъ, министерство П. А. Столыпина, трудно допустить, чтобы оно сошло, въ данномъ случаѣ, съ позиціи, только что занятой имъ на глазахъ всего русскаго общества.

Хорошо было бы, впрочемъ, еслибы Финляндіи угрожало только единичное нарушеніе закона, опредѣляющаго кругъ вѣдомства финляндскаго суда. Для нея могутъ наступить несравненно болѣе тяжелыя испытанія, напоминающія эпоху Бобрикова и Плеве. Избѣжать ихъ одинаково важно и для Финляндіи, и для Россіи; послѣдняя можетъ только выиграть, имѣя возлѣ себя спокойную, счастливую область — и, на оборотъ, можетъ только проиграть отъ ея недовольства. Нужна настоящая политическая слѣпота, сознаваемая или несознаваемая, чтобы заводить рѣчь — какъ это дѣлаетъ наша реакціонная печать,—о выдѣленіи выборгской губерніи изъ состава великаго княжества. Слѣдовало бы спросить себя, прежде всего, жела-

тельно ли это для самихъ жителей края—а для отвѣта сравнить положеніе населенія по обѣ стороны восточной и юго-восточной финляндской границы...

P.-S.—Н. Н. Кутлеръ выбранъ абсолютнымъ большинствомъ голосовъ. Отрицательное отношеніе къ кадетскому кандидату не мѣшаетъ намъ привѣтствовать успѣхъ оппозиціонной партіи. Повторяемъ сказанное нами въ другомъ мѣстѣ, во время предвыборной кампаніи: симптоматическое значеніе выборъ Н. Н. Кутлера имѣетъ такое же, какое имѣлъ бы выборъ В. Д. Кузьмина-Караваева—значеніе протеста противъ существующей правительственной системы, значеніе призыва къ мирнымъ, но широкимъ демократическимъ реформамъ. Побѣждены октябристы, не смотря на привилегированное положеніе, созданное для нихъ какъ для легализованной партіи. Совершенно безсильными, какъ и слѣдовало ожидать, оказались крайніе правые. Настроеніе петербургскихъ избирателей осталось такимъ же, какимъ оно было два года тому назадъ.

ЭВОЛЮЦІЯ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ИДЕЙ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦІИ

(Письмо изъ Константинополя.)

Турецкая революція была совершена подъ знаменемъ „единенія и прогресса“. Но на пути единенія стояли традиціонная борьба національностей и централизмъ турецкихъ націоналистовъ, на пути прогресса—малая культурность турецкаго общества. Къ громадной и сложной исторической задачѣ Турція подходила, такимъ образомъ, въ неблагопріятныхъ условіяхъ и съ малыми силами. Поэтому, обсуждая шансы успѣха въ дѣлѣ турецкаго „возрожденія“, трудно было подавить въ себѣ скептическую ноту, нашедшую выраженіе въ моихъ первыхъ двухъ письмахъ изъ Константинополя. Не могу сказать, чтобы въ настоящемъ всѣ мои сомнѣнія и опасенія были устранены; но безпристрастіе заставляетъ меня отмѣтить рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что въ области руководящихъ политическихъ идей, которыми живетъ и младотурецкое, и, отчасти, „инородческое“ общество, за истекшій годъ произошла эволюція, открывающая дорогу болѣе оптимистическому прогнозу.

Начнемъ съ младотурокъ. На конституціонную сцену они выступили въ качествѣ крайнихъ централистовъ. Ихъ націонализмъ не чуждъ былъ шовинизма. Идея простой административной децентрализаціи, положенная въ основаніе „лиги децентрализаціи и частной иниціативы", была ими отвергнута, какъ опасная для существованія Турецкой имперіи. Отвергнуто было историческое право національностей на обученіе въ школахъ на національныхъ языкахъ. Рядъ требованій „инородцевъ" въ духѣ гражданскаго и политическаго равенства если и не былъ встрѣченъ принципіально враждебно, то практически оставленъ безъ удовлетворенія. Вся власть была сосредоточена въ рукахъ турокъ. Такое направленіе комитетской политики было понятно, имѣло свои основанія и оправданія. Взявъ въ свои руки власть, младотурки встрѣтились съ центробѣжными стремленіями національностей, не потушенными крушеніемъ абсолютизма. Призракъ распада государства неотступно стоялъ передъ дѣятелями комитета и выдвигалъ на первую очередь вопросъ о немедленномъ сплоченіи имперіи, о практическихъ дѣловыхъ гарантіяхъ ея цѣлости. Отторженіе Босніи и Герцеговины, провозглашеніе независимости Болгаріи и Восточной Румеліи, движеніе на Критъ, анархія въ Курдистанѣ и Албаніи, интриги Болгаріи и Греціи въ Македоніи, появленіе новаго магди въ Іеменѣ—все говорило о необходимости прежде всего крѣпкой власти, гегемоніи турецкаго племени, усиленія военнаго могущества, укрѣпленія административнаго механизма. Младотурки, руководимые комитетомъ „единенія и прогресса", пошли по этому пути, указанному государственной необходимостью, но встрѣтились на немъ съ стойкимъ сопротивленіемъ многоразличныхъ заинтересованныхъ элементовъ. Трагизмъ положенія состоялъ въ томъ, что борьба комитета съ либералами и греками, при опасномъ и не лишенномъ коварства нейтралитетѣ армянъ, открывала дорогу реакціоннымъ происканъ и грозила самому существованію конституціонныхъ учрежденій. Мы и были свидѣтелями контръ-революціоннаго переворота, подавленнаго только благодаря тому, что дѣло комитета нашло поддержку въ румелійской арміи и среди македонскихъ федералистовъ, и, съ другой стороны, моментомъ анархіи не воспользовались арабы, старинные соперники турокъ въ борьбѣ за государственное преобладаніе. Противники комитета были недостаточно организованы, ихъ интересы—противорѣчивы и частью несогласимы. Комитетъ, не смотря на то, что на его сторонѣ не было ни численности, ни культурно-экономическаго преобладанія, оказался единственной реальной силой,—и его политическое преобладаніе было возстановлено, въ конечномъ счетѣ, силой штыка.

Можно было опасаться, что побѣда комитета надъ движеніемъ, оправдавшимъ всѣ худшія опасенія его, упрочитъ то направленіе

внутренней политики, съ которымъ комитетъ выступилъ на политическую сцену. Мы, русскіе, въ такой мѣрѣ ознакомились съ гипертрофіей принциповъ побѣдителя на другой день послѣ торжества, съ злорадной склонностью доколачивать побѣжденнаго и издѣваться надъ поверженнымъ, что, перенося въ обновленную Турцію нравы „обновленной“ Россіи, я ожидалъ послѣ побѣды комитета роста турецкаго шовинизма, ухудшенія положенія національностей и закрѣпленія принциповъ административнаго централизма. И ошибся.

Не смотря на то, что продолжавшіеся мятежи въ Іеменѣ и Албаніи потребовали назначенія военныхъ экспедицій, не смотря на ростъ панэллинистическаго движенія, связаннаго съ критскимъ вопросомъ, комитетъ понялъ, что на репрессіяхъ далеко не уѣдешь; болѣе того—онъ понялъ ошибочность и практическую неосуществимость государственнаго централизма, и началъ искать почвы для соглашенія съ національностями, входящими въ составъ имперіи. Это соглашеніе могло быть достигнуто только путемъ уступокъ ихъ законнымъ требованіямъ—и въ настоящее время работа общественной и политической мысли Турціи въ значительной степени сосредоточена на отысканіи тѣхъ формъ, въ которыя эти уступки могли бы облечься.

Я далекъ отъ желанія прикрашивать турецкую дѣйствительность и рисовать ее идиллическими красками. Процессъ этого исканія медленъ, совершается скачками, часто идетъ по кривымъ путямъ. Дѣйствительность слишкомъ сложна, чтобы новыя и справедливыя идеи входили въ жизнь черезъ широко открытыя двери. Тѣмъ не менѣе, однако, комитетомъ — а подъ его вліяніемъ и министерствомъ — сдѣланы въ теченіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ крупные шаги навстрѣчу, во-первыхъ, либераламъ, во-вторыхъ—инородцамъ.

Въ годовщину возстановленія конституціи, 11-го іюля, комитетъ „единенія и прогресса“ обнародовалъ „обращеніе къ народу“, въ которомъ заявляетъ, что прочный миръ въ странѣ можетъ быть установленъ лишь на почвѣ обоюдныхъ уступокъ и удовлетворенія національныхъ потребностей. Въ этихъ цѣляхъ комитетъ образуетъ повсюду „согласительныя коммиссіи“ изъ представителей національныхъ организацій, задачей которыхъ является улаженіе мѣстныхъ споровъ и организація снизу могучаго объединяющаго движенія. Комитетъ въ своемъ обращеніи „проситъ всѣхъ оттомановъ, безъ различія расъ и религій, содѣйствовать серьезно и сердечно дѣлу этихъ коммиссій“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ порываетъ съ принципомъ гувернаментализма, заявляя, что „правительство обязано только расчищать путь народу и облегчать ему движеніе впередъ; самый же прогрессъ—дѣло самой націи, ея самодѣятельности въ области политики, мысли, науки и

искусствъ, промышленности и агрикультуры". Призывомъ къ этой самодѣятельности комитетъ и заканчиваетъ свое обращеніе.

Итакъ, соглашеніе съ національностями и общественная самодѣятельность—вотъ новые руководящіе принципы, къ которымъ комитетъ пришелъ послѣ года блужданій и тяжелой внутренней и междоусобной борьбы. Но соглашеніе съ національностями возможно только путемъ признанія ихъ правъ на культурное самоопредѣленіе, только путемъ установленія широкой децентрализаціи управленія, какъ переходной ступени къ федераціи. „Общественная самодѣятельность" — это та же свобода личной иниціативы, къ которой стремилась лига децентрализаціи. Въ чемъ же принципіальная разница между послѣдней и комитетомъ? Гдѣ граница, раздѣляющая „ахраръ" и „единеніе и прогрессъ", вчерашнихъ противниковъ? Ея нѣтъ. Побѣдивъ либераловъ, централисты взяли у побѣжденныхъ ихъ программу, ихъ принципы и громко заявили объ этомъ. Не знаю, существуетъ ли у такого образа дѣйствій прецедентъ. Существуетъ или нѣтъ—во всякомъ случаѣ это одна изъ красивѣйшихъ и прекраснѣйшихъ страницъ не только турецкой, но и міровой исторіи.

Въ духѣ этихъ новыхъ принциповъ и на ихъ основѣ состоялось соглашеніе между комитетомъ „единенія и прогресса" и албанскими либералами съ одной стороны, армянскимъ „дашнакцютюномъ"—съ другой. Центромъ албанскаго либерализма являлась Валлона—округъ, въ которомъ особенно сильна была „лабри", политическая ассоціація, основанная Измаилемъ Кемалемъ. Подъ ея вліяніемъ округъ Валлоны отказался поставить волонтеровъ въ „операціонную армію", взявшую Константинополь въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Вслѣдствіе преслѣдованій, направленныхъ противъ албанскихъ либераловъ, многіе изъ ихъ вождей эмигрировали въ Италію и оттуда агитировали страну. Такимъ образомъ анархія въ Албаніи, гдѣ нѣкоторые роды, напр. Мамисоры и Ломы, до сихъ поръ не признаютъ конституціоннаго режима, общей воинской повинности и новыхъ налоговъ, грозила разростись и осложниться до безконечности. Два конгресса, имѣвшіе мѣсто въ послѣднее время въ Дебрѣ и Валлонѣ, должны разсматриваться какъ поворотный пунктъ въ турецко-албанскихъ отношеніяхъ. Особенное значеніе имѣетъ съѣздъ въ Валлонѣ, гдѣ достигнуто соглашеніе между албанскими либералами и комитетомъ „единенія и прогресса" на почвѣ общей политической и мѣстной программы.

Отношенія комитета „единенія и прогресса" къ „дашнакцютюну", много способствовавшему дѣлу возстановленія конституціи, за истекшій годъ колебались между тѣсной дружбой и почти открытой враждой. Причину этой неустойчивости въ отношеніяхъ недавнихъ союзниковъ слѣдуетъ видѣть въ антагонизмѣ ихъ программъ и политическихъ стре-

мленій: въ то время какъ комитетъ являлся „собирателемъ земли турецкой", окончательной цѣлью „дашнакцютюна" была и остается автономія армянскихъ вилаетовъ.

Особый интересъ представляетъ, поэтому, обнародованное на-дняхъ объявленіе, подписанное центральными комитетами обѣихъ организацій и оповѣщающее о заключенномъ ими соглашеніи. Документъ этотъ настолько любопытенъ и характеренъ для переживаемаго Турціей момента, что я позволю себѣ привести его цѣликомъ.

„Въ цѣляхъ обезпеченія свободы отечества, сохраненія его политической и территоріальной цѣлости, устраненія недоброжелательства, возникшаго между различными его элементами и укрѣпленія добрыхъ отношеній между всѣми оттоманами,—между комитетами „единенія и прогресса" и армянской партіи „дашнакцютюнъ" заключено соглашеніе на слѣдующихъ основаніяхъ:

„1) Всѣ усилія будутъ употреблены обѣими организаціями для проведенія въ жизнь принциповъ конституціи, какъ необходимаго условія соціальнаго прогресса страны.

„2) Въ случаѣ возникновенія реакціонныхъ попытокъ, имъ, въ предѣлахъ, допускаемыхъ закономъ, будетъ оказано совмѣстное противодѣйствіе по совмѣстно выработанному плану.

„3) Оттоманское отечество-наше, дорогая родина и вмѣстѣ съ тѣмъ поле для дѣятельности обѣихъ организацій, должно быть поставлено внѣ опасности расчлененія. Обѣ партіи примутъ мѣры къ тому, чтобы разсѣять ложный взглядъ, печальное наслѣдство эпохи абсолютизма, будто армянскій народъ стремится къ отдѣленію и независимости.

„4) Обѣ организаціи объявляютъ и подтверждаютъ, что онѣ являются убѣжденными сторонницами начала децентрализаціи, являющейся условіемъ прогресса и величія Оттоманской имперіи.

„5) Желая использовать горькій урокъ, данный ужасными событіями, имѣвшими мѣсто въ Аданѣ, и константинопольскимъ мятежомъ, партіи „дашнакцютюнъ" и „единенія и прогресса" приложатъ всѣ силы, чтобы, идя рука объ руку, провести въ жизнь начала, здѣсь изложенныя".

Едва ли надо пояснять все значеніе этого соглашенія, особенно какъ показателя того хода идей, который совершился за истекшій годъ въ средѣ правящихъ турецкихъ элементовъ. Но идеи—одно, а реализація ихъ въ жизни—другое, и много практическихъ трудностей надо побороть, чтобы осуществить идею, не пожертвовавъ ея чистотой. Это и сказалось при ликвидаціи аданскихъ событій, приведшей, въ концѣ концовъ, армянскаго константинопольскаго патріарха, Туріана, къ рѣшенію демонстративно подать въ отставку.

Чтобы ясно освѣтить этотъ интереснѣйшій моментъ турецко-

армянскихъ отношеній, позвольте начать издалека и дать краткій очеркъ аданской трагедіи, какъ она выяснилась совмѣстными усиліями слѣдственныхъ властей, парламентской коммиссіи и прессы.

Подготовлялась аданская рѣзня давно. Уже мѣсяца за два до трагическихъ дней въ армянской общинѣ Аданы распространился слухъ, что „будутъ рѣзать", а среди мусульманскаго населенія начали циркулировать обвиненія армянъ въ сепаратизмѣ и въ желаніи провозгласить армянское царство. Обвиненія эти сѣяли—теперь это выяснено—люди, готовившіе другой рукой константинопольскій переворотъ, и ихъ сообщники. Въ Аданѣ такими сообщниками явились вали и военный комендантъ, мѣстный отдѣлъ комитета „единенія и прогресса", редакторъ мѣстной газеты, нѣсколько вліятельныхъ улемовъ и нотаблей города. Всего страннѣе, на первый взглядъ, участіе мѣстнаго отдѣла комитета—но это объясняется тѣмъ, что въ до-мартовскіе дни цѣлый рядъ волковъ надѣлъ овечьи шкуры, цѣлый рядъ гамидійцевъ прикинулся конституціоналистами. Ожидая погрома, армянская колонія организовала самозащиту, вооружилась и рѣшила оказать самое рѣшительное сопротивленіе. Подъ спудомъ съ обѣихъ сторонъ разгорались страсти, прорвавшіяся, какъ это всегда бываетъ, по ничтожному поводу, но—это твердо установлено—въ то же время по сигналу, данному изъ Константинополя. Толпа человѣкъ въ пятьсотъ мусульманъ двинулась въ армянскіе кварталы Аданы и начала рѣзню, но встрѣтила неожиданный отпоръ. Атака мусульманъ была отбита, и театръ борьбы,—или, вѣрнѣе, рѣзни,—перешелъ изъ армянскихъ кварталовъ въ турецкіе. 1-го и 2-го апрѣля побѣда, такимъ образомъ, оказалась на сторонѣ армянъ, потерявшихъ убитыми во всякомъ случаѣ менѣе ста человѣкъ, въ то время какъ турки потеряли до шестисотъ. Тогда вали и комендантъ вытребовали по телефону войска изъ Салоникъ и Родосто, и 8-го апрѣля, когда войска прибыли, началась расправа съ побѣдителями первыхъ дней. Въ Аданѣ, Джебель-Берекетѣ, Алеппо и другихъ городкахъ и селеніяхъ, при дѣятельномъ участіи войскъ и спустившихся съ горъ разбойничьихъ племенъ, было убито девятнадцать слишкомъ тысячъ армянъ-григоріанцевъ и около двухъ тысячъ армянъ-католиковъ и протестантовъ, халдеевъ, сирійцевъ, евреевъ и европейцевъ. Общія потери турокъ при этомъ не превышали тысячи человѣкъ.

Когда эту кашу пришлось расхлебывать, мѣстныя власти въ своихъ донесеніяхъ центральному правительству попытались свалить всю отвѣтственность за рѣзню на армянъ. Они оффиціально формулировали обвиненіе армянъ въ сепаратизмѣ, въ составленіи заговора, утаили фактъ перваго нападенія мусульманъ и извратили цифры убитыхъ и раненыхъ, опредѣляя ихъ въ 1.900 съ небольшимъ турокъ и въ

1.600—1.700 армянъ. Военно-судная коммиссія, посланная въ Адану изъ Константинополя, въ значительной мѣрѣ подпала вліянію мѣстныхъ вліятельныхъ погромщиковъ-турокъ, усвоила въ общихъ чертахъ ихъ точку зрѣнія на событія, включила въ свой докладъ константинопольскимъ властямъ обвиненіе армянъ въ сепаратизмѣ и, вмѣстѣ съ девятью турками, немедлено казнила семь армянъ, участниковъ самообороны.

Армянскій міръ заволновался. Посыпались протесты. Взоры Европы были устремлены на Адану. На картѣ стояла честь молодой Турціи. Была назначена парламентская слѣдственная коммиссія, и въ то же время дашнакцютюнъ вступилъ въ переговоры съ комитетомъ. Пришлось пересмотрѣть все дѣло и отказаться отъ пристрастной точки зрѣнія, оправдывавшей виновныхъ и возлагавшей отвѣтственность на жертвы. У младотурецкаго правительства, дѣйствовавшаго въ согласіи съ комитетомъ, оказалось достаточно мужества, честности и пониманія истинныхъ интересовъ Турціи, чтобы громогласно объявить докладъ военно-судной коммиссіи плодомъ недоразумѣнія и ложнаго предубѣжденія, чтобы признать армянскій народъ свободнымъ отъ сепаратистскихъ стремленій, чтобы отдать подъ судъ всю администрацію Аданы, начиная съ вали и коменданта, и смѣстить предсѣдателя военнаго суда. Армянамъ была, такимъ образомъ, дана „сатисфакція“ и, кромѣ того, обѣщана „справедливость“, т.-е. наказаніе дѣйствительныхъ виновниковъ рѣзни.

Но справедливость осуществляется, во-первыхъ, человѣческими руками, а, во-вторыхъ, практическіе политики не забываютъ, что когда fiat justitia—pereat mundus. Что значитъ наказать виновныхъ? Это значитъ повѣсить, по меньшей мѣрѣ, восемьсотъ турокъ, сослать въ каторгу до десяти тысячъ и заключить въ тюрьму все турецкое населеніе Аданы и окружныхъ мѣстъ. Такъ донесъ правительству военный судъ. Очевидно, что ни одно правительство не могло рѣшиться на подобную гекатомбу. Пришлось на многое и многое смотрѣть сквозь пальцы; пришлось турка, убившаго священника во время богослуженія, осудить всего на десять лѣтъ каторги. И все-таки тридцать девять турокъ осуждены въ настоящее время на смерть и ждутъ исполненія приговора.

Съ другой стороны, казнить турокъ и только турокъ, и, не ограничиваясь общимъ и принципіальнымъ оправданіемъ армянъ, освободить отъ отвѣтственности всѣхъ арестованныхъ армянъ, несомнѣнно тоже сражавшихся и убивавшихъ, казалось опаснымъ, казалось способнымъ возбудить страсти среди турецкаго населенія. И вотъ, осуждая на смерть четыре десятка турокъ, военный судъ вновь присудилъ къ казни семь армянъ. Противъ пяти изъ нихъ выставлено

обвиненіе, что они, врываясь въ турецкіе дома, убивали и грабили. Двухъ свободныхъ отъ такихъ обвиненій султанъ помиловалъ, но надъ пятью казнь, должно быть, будетъ совершена.

Совершенно очевидно, что мы имѣемъ дѣло не съ „справедливостью", а съ „политикой", съ справедливостью, сдѣланной человѣческими руками, и потому несовершенной. Тѣмъ болѣе несовершенной, что лица наиболѣе виновныя въ случившемся—военный комендантъ и вали—хотя и осуждены, но съ снисходительностью, соотвѣтствующей ихъ высокому административному положенію. Военный комендантъ, повинный въ гибели 20.000 жизней, приговоренъ на три года въ тюрьму; вали—къ удаленію отъ службы на шесть лѣтъ. Губернаторъ Берекета вполнѣ оправданъ. Естественно, что армянская община, въ лицѣ своего патріарха, опротестовала уклоненіе отъ совершенной справедливости и потребовала помилованія пяти приговоренныхъ. Въ этомъ ей отказали. Мотивовъ къ тому много. Нельзя дискредитировать судъ. Грабежъ—всегда преступленіе, въ какихъ бы условіяхъ онъ ни былъ совершенъ. Что скажутъ турки? И многое другое. Тогда Туріанъ подалъ въ отставку. Если она будетъ принята, въ отставку подастъ смѣшанный національный совѣтъ, и произойдетъ полный разрывъ между двумя націями—турецкой и армянской.

Итакъ, съ одной стороны „конкордатъ" между комитетомъ и дашнакцютюномъ, съ другой—разрывъ между патріархомъ и стоящей за нимъ націей—и правительствомъ, въ настоящее время младотурецкимъ! Противорѣчіе, какими полна жизнь, но противорѣчіе, которое должно исчезнуть, такъ какъ споръ патріарха и правительства не можетъ не быть разрѣшенъ и улаженъ. И онъ улаживается. Вокругъ несчастныхъ пяти жизней идетъ политическій торгъ. Патріарху предлагаютъ компенсацію, вырабатываютъ ея формы. Вновь арестовали губернатора Берекета; выпускаютъ арестованныхъ, но еще не осужденныхъ армянъ; возвращаютъ въ епархію армянскаго митрополита, обвиненнаго въ разжиганіи національной вражды. Придумаютъ еще что-нибудь. Патріархъ и національный совѣтъ примутъ компенсацію, махнутъ рукой на нѣсколько жизней, и національный миръ будетъ заключенъ. Аданская трагедія будетъ ликвидирована такъ, какъ ликвидируется все въ этомъ мірѣ, т.-е. невполнѣ справедливо,—но армянскому народу все-таки будетъ дано громадное удовлетвореніе, о какомъ онъ не могъ бы мечтать ни при другомъ режимѣ, ни, можетъ быть, въ другой странѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, страшныя событія будутъ прикрыты не вовсе ужъ прозрачной завѣсой, и для мирнаго сожительства двухъ оттоманскихъ народностей откроется возможность. Эта возможность наполнится вполнѣ конкретнымъ положительнымъ содержаніемъ, если новое направленіе идей младотурецкаго комитета

окажется стойкимъ. Настоящее не даетъ повода сомнѣваться въ этомъ.

Перейдемъ къ инородцамъ. Среди инородческихъ организацій только двѣ группы, — армянскій дашнакцютюнъ и македонцы, группирующіеся около Санданскаго и Паницы,—въ до-конституціонное время энергично работали вмѣстѣ съ младотурками надъ возстановленіемъ конституціи и надъ возрожденіемъ общаго отечества—Турецкой имперіи. Наиболѣе крупныя національныя организаціи—греческая, съ патріархатомъ въ качествѣ центра, и болгарская, руководимая экзархатомъ,—трудились скорѣе надъ разрушеніемъ имперіи, оставаясь вѣрными исторической традиціи. Съ возстановленіемъ конституціи немногое измѣнилось въ политическихъ идеяхъ и политическихъ цѣляхъ вчерашнихъ противниковъ турецкаго единства. Одни, какъ напр. греки, усилили даже свою разрушительную работу; другіе, какъ болгары-македонцы, руководимые отчасти изъ Софіи, отчасти изъ экзархата, прикрывшись идеями конституціонализма, сосредоточили свои усилія на культурно-экономическомъ завоеваніи Македоніи, полагая, что политическое завоеваніе приложится само собою въ подходящій историческій моментъ. Открыто и отчетливо шли навстрѣчу указанному выше младотурецкому движенію только дашнакцютюнъ, санданцы и, въ послѣднее время, албанскіе либералы, т.-е. лишь части національныхъ организацій, отдѣльныя группы изъ состава враждующихъ національностей. Совершенно очевидно, что какъ бы ни увеличивалась численность этихъ группъ, какъ бы ни усиливалось ихъ идейное вліяніе, дашнакцютюнъ всегда останется лишь одной изъ армянскихъ партій, санданцы — одной изъ македонскихъ, и т. д. Союзъ младотурокъ съ ними не ликвидируетъ, слѣдовательно, національной борьбы съ Турецкой имперіей, тѣмъ болѣе, что сами эти организаціи — организаціи національныя, построенныя на старомъ національномъ принципѣ, насквозь пропитанномъ диссоціирующимъ ферментомъ. Кто знаетъ? Можетъ-быть завтра незамѣтно подкрадутся событія, которыя обострятъ національную вражду и заставятъ дашнакцютюнъ, напр., подъ страхомъ потери національной популярности, порвать съ комитетомъ и младотурками? Невозможнаго въ этомъ нѣтъ ничего.

Поэтому для дѣла національнаго мира въ Турецкой имперіи имѣетъ громадное значеніе возникновеніе партій и организацій, прорѣзывающихъ оттоманское населеніе въ другой плоскости, чѣмъ старыя національныя дѣленія, и создающихъ новыя связи между элементами, традиціонно разобщенными. Какъ бы ни были слабы и малочисленны эти организаціи въ настоящее время, ихъ симптоматическое значеніе

очень велико, такъ какъ свидѣтельствуетъ о процессѣ, который перемѣститъ со временемъ центръ тяжести турецкой жизни изъ области вопросовъ національныхъ въ область вопросовъ соціальныхъ и выведетъ „страну національныхъ обломковъ“ изъ того тупика, въ которомъ она толчется уже столько лѣтъ.

Среди этихъ, возникшихъ въ послѣднее время, межнаціональныхъ организацій, нужно указать, во-первыхъ, на соціалистическую организацію, дѣятельно работающую надъ конституированіемъ турецкой рабочей соціалистической партіи, и, во-вторыхъ на „народную федеральную партію“, учредительное собраніе болгарской секціи которой состоялось на дняхъ въ Салоникахъ.

Можно, конечно, сказать, что рабочей, а тѣмъ болѣе соціалистической партіи не мѣсто въ Турціи—странѣ, не имѣющей промышленности. Но хозяйственная трансформація странъ, втянутыхъ въ торговый и экономическій оборотъ, совершается въ наши дни усиленнымъ темпомъ и, вѣроятно, недалеко то время, когда европейскій капиталъ переселится въ Турцію. Правительство дѣятельно работаетъ надъ созданіемъ условій, благопріятныхъ развитію мѣстнаго производства. Одно изъ нихъ — повышеніе таможенныхъ пошлинъ — составляетъ вопросъ дня. Но и теперь уже въ Турціи на лицо достаточно наемныхъ рабочихъ, чтобы сформировать кадры будущей рабочей партіи. Мы имѣемъ желѣзнодорожный рабочій персоналъ — свыше 15.000 человѣкъ. На табачныхъ фабрикахъ—около 10.000. На шелкомотальняхъ Брусскаго вилаета—тоже. Въ ковровомъ производствѣ, не ограничивающемся Смирнскимъ вилаетомъ,—до 20.000 человѣкъ. Считая наемный персоналъ городскихъ трамваевъ, государственныхъ фабрикъ — шелковой, суконной, фесочной, — военныхъ мастерскихъ, каменноугольныхъ копей, пароходныхъ компаній и т. д., число фабрично-заводскихъ и транспортныхъ рабочихъ Турціи превышаетъ 100.000 человѣкъ. Далѣе идутъ рабочіе мелкихъ мануфактуръ, хамалы и носильщики, ресторанная прислуга, приказчики въ магазинахъ, и т. д.

— Уже теперь мы можемъ имѣть аудиторію въ 250.000 человѣкъ,—говорилъ мнѣ недавно одинъ турецкій соціалистъ, и показаніе его я не считаю преувеличеннымъ.

Прошлогоднія стачки, охватившія всѣ наличныя области производства и весь желѣзнодорожный персоналъ, а также ресторанную прислугу въ Салоникахъ, доказали, что горючаго матеріала въ средѣ, на которую разсчитываетъ новая организація, совершенно достаточно. Дѣйствительно, рабочій день на фабрикахъ здѣсь достигаетъ 14 часовъ, заработная плата для мужчины спускается до 5—7 пьястровъ, не существуетъ законодательной охраны труда. Въ этихъ условіяхъ

возникновеніе партіи, защищающей интересы наемнаго труда, вполнѣ естественно. Она и возникла, и въ „Рабочей Газетѣ", органѣ рабочей соціалистической партіи, мы читаемъ: „Защита правъ труда и интересовъ рабочихъ, безъ различія религіи и національности ихъ, является нашей цѣлью".

Сотни разъ отъ людей всевозможныхъ партій и направленій приходилось мнѣ слышать здѣсь красивыя слова: „безъ различія религіи и національности". Почти всегда красивыя слова были пустыми, безсодержательными словами, противорѣчившими внутренней тенденціи. Но у рабочей партіи здѣсь, какъ и всюду въ мірѣ, какъ и въ Россіи, религіозно-національныя различія дѣйствительно теряютъ свое значеніе передъ объединяющею мощью общихъ жизненныхъ интересовъ и пламеннымъ воодушевленіемъ людей, пролагающихъ новые пути. Когда она наберетъ силы, она прорѣжетъ все оттоманское общество въ горизонтальной плоскости, пробьетъ старыя національныя переборки и объединитъ въ одно цѣлое эллина и іудея, турка, грека, болгарина и армянина,—конечно, рабочихъ.

„Народная федеральная партія" или, вѣрнѣе, ея болгаро-македонская секція, представляетъ партію, въ основѣ которой лежатъ народническія идеи. Федеральная народная партія есть партія крестьянская, партія крестьянскихъ интересовъ, какъ они опредѣлились въ Македоніи, гдѣ рядомъ съ крестьянами-болгарами довольно много турокъ землевладѣльцевъ, пользующихся до сихъ поръ многими правами полу-феодальнаго характера. Центральнымъ пунктомъ экономической программы этой партіи является аграрная реформа, и въ первую очередь—выкупъ чифликовъ, привилегированныхъ помѣстій, и передача ихъ въ пользованіе крестьянъ. Земля—народу.

Свое отношеніе къ существующимъ партіямъ народная федеральная партія опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ. Комитетъ „единенія и прогресса" въ настоящее переходное время является главной опорой политической свободы въ странѣ. Поэтому до тѣхъ поръ, пока свободный строй, нынѣ дѣйствующій, не установленъ безусловно прочно, необходимо совмѣстное дѣйствіе съ комитетомъ. Но должно помнить, что младотурецкій комитетъ есть представитель „бегскихъ и бюрократическихъ интересовъ". Беги, землевладѣльцы и промышленники, турецкій средній классъ, являясь дѣйствующей силой комитета и совершонной имъ революціи, достигли въ этой революціи всѣхъ поставленныхъ ею цѣлей. Ни дальнѣйшихъ соціальныхъ реформъ, ни политической трансформаціи системы управленія въ духѣ послѣдовательнаго демократизма, отъ нихъ ждать нельзя. Кромѣ того, комитетъ, какъ и большинство другихъ дѣйствующихъ въ странѣ партій, крайне націоналистиченъ. Поэтому необходимо организоваться отдѣльно отъ

него и въ будущемъ попытаться оторвать отъ комитета и другихъ существующихъ политическихъ національныхъ партій входящіе въ ихъ составъ радикальные и демократическіе элементы, образовавъ изъ нихъ внѣнаціональную народно-федералистическую партію.

Послѣдняя, какъ партія истинно демократическая, отказывается отъ принципа національнаго преобладанія, къ которому въ Македоніи стремятся и турки, и греки, и сербы, и болгары. Демократическій строй долженъ обезпечить не преобладаніе одной національности надъ другими, а свободное культурное развитіе, свободное пользованіе своимъ языкомъ и отправленіе своего культа всѣми національностями. Не закрѣпленіе привилегій большинства, а охрана правъ меньшинства является задачей демократіи, политическимъ идеаломъ которой можетъ быть только федерація—въ предѣлахъ государства, и тѣсный политическій и экономическій союзъ—въ предѣлахъ Балканскаго полуострова.

Не излагая подробно программы партіи, общее представленіе о которой дается ея названіемъ, именемъ ея органа: „Народная воля“ и вышеизложенными короткими выдержками изъ отчета конгресса, спросимъ себя: насколько серьезное политическое явленіе представляетъ эта молодая организація? Ея руководящія идеи, ея общая политическая концепція представляютъ для Турціи дѣйствительно новое слово, и слово во многихъ отношеніяхъ цѣнное. Что оно способно глубоко уязвить нѣкоторыхъ, указавъ на ихъ главный грѣхъ — это уже доказано. Нѣтъ предѣловъ тому негодованію, которое народные федералисты возбудили въ экзархистахъ и въ членахъ „конституціонныхъ клубовъ“. И это понятно, такъ какъ вотъ какую характеристику „конституціонныхъ клубовъ“ [1]) даетъ „Народная воля“ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ номеровъ:

„Эта партія—реакціонная. Она стремится къ преобладанію болгаръ, къ ихъ супрематіи надъ другими населяющими область народностями. Истинныхъ интересовъ даже болгарскаго народа эта партія не защищаетъ, являясь, въ сущности, проводникомъ идеи болгарскаго монархизма. Оттого-то ея органы такъ и щадятъ болгарскаго царя. Между клубами и экзархатомъ существуетъ полная солидарность. Оба эти учрежденія являются орудіями болгарской пропаганды. На насъ лежитъ долгъ бороться съ этимъ движеніемъ и вообще съ сепаратизмомъ“.

Нельзя откровеннѣе раскрыть карты своихъ соперниковъ. Но нельзя ихъ открыть и безнаказанно. Непрекращающіяся попытки убить Санданскаго и Паницу доказываютъ, какое глубокое озлобленіе царитъ

[1]) Бывшей „внѣшней македонской организаціи“, работавшей на средства болгарскаго правительства надъ присоединеніемъ Македоніи къ Болгаріи.

противъ болгаро-македонскихъ демократовъ въ рядахъ ихъ политическихъ противниковъ.

Но провозглашать новыя и золотыя истины, и, съ другой стороны, уязвлять, хотя бы до крови, своихъ противниковъ — недостаточно, чтобы завоевать себѣ мѣсто на политической сценѣ. Это мѣсто народные федералисты займутъ лишь въ томъ случаѣ, если не въ одной Македоніи, а на пространствѣ всей Турецкой имперіи имъ удастся опереться на тѣ интересы населенія, которые вызвали къ жизни новую партію въ Македоніи—т.-е. на интересы крестьянства. Эти интересы, соціально-экономическаго характера, оставлялись безъ должнаго вниманія національными партіями, пропитанными духомъ клерикализма и великодержавности—и отсюда-то и возникла потребность въ партіи истинно-демократическихъ реформъ. Если соціально-экономическіе интересы крестьянства неудовлетворены и въ другихъ частяхъ имперіи, то очевидно и тамъ имѣются условія для появленія и развитія идей, аналогичныхъ вышеизложеннымъ, и у партіи народныхъ федералистовъ есть будущее.

Анализъ соціально-экономическаго положенія крестьянства Турецкой имперіи—тема, по объему своему выходящая изъ предѣловъ настоящаго письма. Позвольте, поэтому, ограничиться краткимъ указаніемъ на то, что и въ Турціи забота объ интересахъ трудящихся классовъ, и крестьянства въ томъ числѣ, была до сихъ поръ чужда правительству. На крестьянъ и въ Турціи смотрѣли главнымъ образомъ какъ на плательщиковъ налоговъ. Съ другой стороны, новый режимъ — дорогой режимъ; усовершенствованная администрація потребуетъ большихъ расходовъ, и хотя можно думать, что она перестанетъ изводить народъ произвольными поборами и взятками, все-таки весьма сомнительно, поставитъ ли она своей цѣлью защиту интересовъ труда. Въ парламентѣ, въ прессѣ говорятъ не о трудѣ—говорятъ о капиталѣ. Ему хотятъ открыть дорогу въ страну, привлечь его изъ-за границы, обезпечить удобныя условія для его „работы“. Въ цѣляхъ улучшенія земледѣлія поговариваютъ о коренной ломкѣ аграрнаго законодательства, обезпечивающаго въ настоящее время связь крестьянина съ землей. Возможно, что „капитализація“ Турціи соотвѣтствуетъ интересамъ государства, вѣрнѣе сказать, что она неизбѣжна; но тогда неизбѣжно выдѣленіе интересовъ крестьянскихъ массъ, и этихъ послѣднихъ—какъ особой политической группы. Можно, поэтому, думать, что ходъ экономическаго развитія страны поставитъ на ряду съ „болгарской секціей“ народно-федеральной партіи—секціи турецкую, армянскую, греческую и т. д. Но и теперь уже, по ея появленію въ Македоніи, можно судить о томъ, что время исключительнаго господства національныхъ партій и національныхъ интересовъ прохо-

дитъ, и что на встрѣчу широкой конституціонной волнѣ, идущей изъ среды европеизированныхъ турецкихъ элементовъ, поднимается снизу широкая демократическая волна, которая захватитъ людей безъ различія вѣры и національности. Когда это совершится—конституируется *новая* Турція.

Мы не коснулись бы, можетъ быть, самаго важнаго и многозначительнаго момента въ идейной жизни современной Турціи, еслибы не остановились на эволюціи ея религіозной мысли, пришедшей въ броженіе послѣ возстановленія конституціи, особенно въ связи съ послѣднимъ контръ-революціоннымъ переворотомъ.

Исламизмъ, какъ сумма религіозныхъ, моральныхъ, философскихъ, государственныхъ и правовыхъ догмъ, формально сложился къ началу одиннадцатаго вѣка, когда дальнѣйшее толкованіе закона и дальнѣйшее развитіе шаріата было „закрыто". Какъ всякая остановившаяся въ своемъ развитіи система, онъ началъ механически обростать и прорастать чуждыми ему элементами, формализироваться, тривіализироваться и частично отмирать. Вмѣстѣ съ этимъ религія и законъ Магомета, хотя они и не всосали въ себя началъ мистицизма, аскетическаго изувѣрства и фанатической нетерпимости, хотя они и не скомпрометировали себя ни кострами для колдуновъ и еретиковъ, ни инквизиціонными трибуналами,—все-таки стали факторами разобщенія человѣчества и подавленія живой и творческой мысли человѣка. Съ теченіемъ времени и въ области публичнаго права исламизмъ потерялъ свой демократическій характеръ, и подобно тому, какъ въ извѣстный періодъ во всей Европѣ, церковь и въ Турціи пошла на службу свѣтскимъ цѣлямъ свѣтской власти, ставъ орудіемъ угнетенія народа.

Подобно тому, какъ и въ христіанствѣ, живая и искренняя религіозная мысль не разъ стремилась оживить мумифицировавшійся „законъ", очистить его отъ чуждыхъ наслоеній, вновь облагородить,—и точно такъ же, какъ въ христіанствѣ, эти попытки связаны были всегда съ обращеніемъ къ первоисточникамъ религіи, къ откровенію, а также къ традиціямъ и нравамъ первыхъ лѣтъ церкви.

— Что говорилъ и думалъ Магометъ и его ближайшіе ученики? Что сказано въ коранѣ? — вотъ вопросы, которые ставила реформаціонная мысль, стремившаяся вырваться изъ отвердѣвшихъ петель позднѣйшихъ схоластическихъ толкованій и получившихъ церковную апробацію человѣческихъ злоупотребленій.

Но въ до-революціонное время реформистская религіозная мысль не встрѣчала благопріятныхъ условій для своего развитія, такъ какъ въ Турціи по крайней мѣрѣ всякая мысль состояла подъ надзоромъ

полицейскаго участка. Зато съ революціей передъ ней не только были подняты шлагбаумы, но — больше того—былъ прямо поставленъ вопросъ о согласимости новаго политическаго строя съ требованіями священнаго закона.

Сама жизнь, такимъ образомъ, заставила вновь „открыть“ толкованіе шаріата, и въ мірѣ мусульманскихъ церковниковъ началась громадная работа по пересмотру и выясненію моральнаго, философскаго и государственно-правового содержанія ислама. Въ результатѣ этой подготовительной работы прогрессивно мыслящихъ мусульманскихъ круговъ сложилось религіозно-политическое міровоззрѣніе, нашедшее свое выраженіе въ опубликованномъ недавно циркулярѣ шейхъ-уль-ислама, Сагибъ-бея, авторитетнаго мусульманскаго ученаго,—циркулярѣ, обращенномъ ко всему мусульманскому міру. Онъ опубликованъ съ такимъ разсчетомъ времени, что мусульманское населеніе Европы, Азіи и Африки познакомится съ нимъ въ теченіе настоящаго рамазана, и улемы всего міра будутъ читать и толковать его вѣрующимъ трехъ частей свѣта въ теченіе мѣсяца, когда всѣ мечети переполнены и религіозные вопросы занимаютъ всѣ умы.

Въ настоящемъ письмѣ я подробнѣе коснусь одной стороны этого замѣчательнаго произведенія, выясняющей государственно-правовые принципы ислама. Но мимоходомъ не могу не коснуться и другихъ его сторонъ, и для того, чтобы познакомить васъ съ сильной, свѣжей и благородной мыслью „обновленнаго ислама“, всего лучше, можетъ быть, просто привести нѣкоторые характерные отрывки этого документа.

„Богъ хочетъ,—пишетъ шейхъ-уль-исламъ,—чтобы порядокъ и прогрессъ [1]) царствовали на землѣ. Поэтому онъ далъ человѣку разумъ, чтобы могъ человѣкъ заботиться о своемъ благополучіи и о благоденствіи общества, въ которомъ онъ живетъ. Все, что ни есть на землѣ и въ небѣ, дано въ его распоряженіе и составляетъ его собственность...

„Человѣкъ обладаетъ свободой воли и выбора — и потому можетъ овладѣвать физическими силами и пользоваться ими для устройства и украшенія земли, на которой онъ живетъ... Общественный союзъ, человѣческое общество, согласно откровенному закону, можетъ покоиться только на общности интересовъ и на согласованности стремленій и усилій... Но такъ какъ человѣкъ часто уклоняется отъ правильнаго пути, необходимо для него, чтобы Провидѣніе служило ему руководителемъ. Вотъ почему Всевышній соизволилъ

---

[1]) „Порядокъ и прогрессъ“—девизъ позитивистовъ. Многозначительно, что позитивизмъ и исламизмъ, наиболѣе свѣтская изъ религій, прибѣгли къ однимъ и тѣмъ же выраженіямъ для опредѣленія принциповъ земной жизни.

въ своей благости посылать ему пророковъ и священные законы — Ветхій Завѣтъ, Новый Завѣтъ, Коранъ".

Не знаю, какъ васъ — но меня въ этихъ отрывкахъ, на ряду съ широкой и благородной мыслью, очаровываетъ даже стиль, чуждый напыщенности, схоластики и того словеснаго ханжества, которымъ такъ часто отличаются подобные документы. Но перейдемъ къ нашей темѣ.

Какова природа государства, согласно основнымъ принципамъ исламизма? Верховная религіозная и свѣтская власть въ мусульманскомъ обществѣ принадлежитъ *калифу*, который, слѣдуя выраженію Абу-Бекра, перваго калифа и ближайшаго друга пророка, является одновременно и *вали*, и *эмиромъ* — т.-е. руководителемъ и въ свѣтскихъ (государственныхъ), и въ религіозныхъ дѣлахъ. Избраніе калифа является не правомъ народа, а его долгомъ, потому что Богъ въ коранѣ обращается ко всѣмъ безъ исключенія, и всѣмъ, всему народу, повелѣваетъ блюсти общественное дѣло и общественное благо. Только лицо признанное и принятое всѣмъ народомъ можетъ, поэтому, стать калифомъ и имамомъ. Народъ долженъ дѣйствовать въ дѣлѣ выбора своего руководителя свободно и внѣ всякаго принужденія. Согласно другимъ предписаніямъ корана, „вѣрные" *обязаны* внимательно контролировать дѣйствія и акты своего правительства. Согласно одному изъ изреченій пророка, каждый правовѣрный, обладая долей національнаго суверенитета, обязанъ противодѣйствовать дѣйствіямъ власти, если они произвольны, беззаконны или находятся въ противорѣчіи съ священнымъ закономъ или интересами націи. Наконецъ, народъ въ цѣломъ можетъ низложить калифа, какъ только его дѣйствія не соотвѣтствуютъ требованіямъ законности и общественной пользы.

Исламическое государство есть, слѣдовательно, республика съ пожизненнымъ и отвѣтственнымъ главой. Правда, съ теченіемъ времени оно потеряло этотъ характеръ; вслѣдствіе злоупотребленій и тиранніи силу права замѣнило право силы. Но и во время наибольшаго расцвѣта абсолютизма, установленное священнымъ закономъ выборное начало нашло свое формальное выраженіе въ церемоніи *biata*, во время которой вновь вступившій на престолъ султанъ утверждается въ званіи калифа путемъ народнаго признанія. Изъ этой доктрины шейхъ-уль-исламъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы.

Представительная и парламентарная форма правленія одна только и соотвѣтствуетъ правовымъ принципамъ ислама, такъ какъ является современнымъ выраженіемъ народнаго суверенитета и народнаго руководства общественными дѣлами.

Шаріатъ не требуетъ, чтобы вновь избранный калифъ стоялъ въ

родствѣ или являлся наслѣдникомъ предшествовавшаго калифа. Но онъ и не исключаетъ наслѣдственной передачи титула, подъ условіемъ, чтобы наслѣдующій былъ въ то же время свободно выбранъ народомъ или представителями народа, или чтобы переходъ къ нему власти былъ одобренъ народомъ.

Низложеніе калифа въ случаяхъ, указанныхъ закономъ (безуміе, мотовство, преступленіе, нарушеніе законовъ, пренебреженіе къ интересамъ и пользамъ народа), есть актъ легальный, а не революціонный, ибо калифъ отвѣтственъ.

Установивъ природу исламическаго государства, шейхъ-уль-исламъ излагаетъ основы управленія и администраціи, соотвѣтствующія требованіямъ закона и древнѣйшей традиціи. Изъ принципа отвѣтственности власти передъ народомъ онъ выводитъ политическую отвѣтственность министерства передъ парламентомъ и общую отвѣтственность всякой власти передъ судомъ. Онъ устанавливаетъ независимость суда отъ администраціи и особенно подробно останавливается на правѣ и обязанности гражданина оказывать сопротивленіе власти, нарушающей законъ и государственную пользу.

Доказавъ, далѣе, ссылками на коранъ и на практику Магомета, необходимость равныхъ политическихъ и гражданскихъ правъ для не-мусульманъ и для послѣдователей исламизма, шейхъ-уль-исламъ съ большимъ краснорѣчіемъ свидѣтельствуетъ, что въ глазахъ Божества нѣтъ разницы между представителями разныхъ культовъ. Не культъ, а добродѣтель пріобрѣтаетъ благоволеніе Божества. Поэтому онъ обращается къ улемамъ и шейхамъ всего мусульманскаго міра съ просьбой употребить всѣ усилія, чтобы установить добрыя отношенія и взаимное пониманіе „между вѣрными всѣхъ религій“.

Этотъ по истинѣ замѣчательный циркуляръ шейхъ-уль-ислама, уже получившій здѣсь названіе „Восточной хартіи вольностей“ и „Восточной декларацiи правъ человѣка и гражданина“, представляетъ для мусульманскаго міра громадное теоретическое и политическое значеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ является попыткой живой и творческой мыслью освободить человѣка отъ подчиненія „субботѣ“—ибо давно сказано, что „не человѣкъ для субботы, но суббота для человѣка“. Этимъ именно положеніемъ и кончаетъ шейхъ-уль-исламъ свое обращеніе къ народу, доказывая, что законъ не есть мертвая и неподвижная буква, но можетъ и долженъ измѣняться въ зависимости отъ общественныхъ нуждъ и роста живыхъ потребностей человѣка.

„Несомнѣнно, что примѣненіе закона должно сообразоваться съ потребностями времени“ (Меджеллэ, § 39).

„Общая польза—единственный источникъ всякой власти“ (ib., § 58).

Не хочется вѣрить, чтобы страна, гдѣ политическая и религіозная

мысль идетъ по такимъ путямъ къ новымъ и благороднымъ цѣлямъ, шла въ то же время къ своей исторической могилѣ.

Бѣлоруссовъ.

ЮНКЕРЪ, БУРЖУА, ПРОЛЕТАРІЙ

(Письмо изъ Берлина.)

Ожесточенная борьба, разгорѣвшаяся вокругъ „финансовой реформы", чрезвычайно ярко обнаружила соціальныя противорѣчія, свойственныя современному нѣмецкому обществу. Она воочію показала ту пропасть, которая раздѣляетъ различные общественные элементы, и довольно выпукло продемонстрировала непримиримость ихъ интересовъ. Аграріи, промышленники и пролетаріи—вотъ основное дѣленіе нѣмецкаго общества. Рента, предпринимательная прибыль, заработная плата — вотъ главные „объекты" борьбы. Завоеваніе политической власти, т.-е. опредѣляющаго или рѣшающаго вліянія на законодательство—вотъ средство къ достиженію цѣли.

„Финансовая реформа" проведена, но борьба враждующихъ силъ, конечно, не закончилась. Скорѣе наоборотъ. „Реформа" усилила противорѣчія, разожгла вражду еще больше и борьба будетъ продолжаться съ удвоенной энергіей. Относительная близость (въ 1912-мъ году) новыхъ общихъ выборовъ въ рейхстагъ, подшпориваетъ всѣ партіи, а непрекращающееся повышеніе цѣнъ на жизненные припасы, въ связи съ значительной безработицей, въ свою очередь обостряетъ классовую борьбу.

Чтобы выяснить себѣ шансы этой борьбы, необходимо поближе познакомиться съ борцами, съ размѣромъ ихъ силъ, съ тенденціей ихъ развитія. Объ этомъ и будетъ идти рѣчь въ предлагаемыхъ ниже наброскахъ.

I.

Начнемъ съ юнкеровъ. Юнкера—это аграрная аристократія Германіи, крупные землевладѣльцы дворянскаго происхожденія. Что̀ называется въ Германіи „крупнымъ землевладѣніемъ"? Въ статистическихъ сборникахъ подъ этимъ разумѣютъ владѣніе, превышающее 100 гектаровъ (гектаръ=$^{11}/_{12}$ десятины). Такихъ имѣній въ 1882-мъ году

насчитывалось 24.991; въ 1895-мъ эта цифра увеличилась до 25.061, а по даннымъ послѣдней статистики 1907-го года число „большихъ земельныхъ предпріятій“ понизилось до 23.566. Среди этой группы крупныхъ землевладѣльцевъ имѣются еще „крупнѣйшіе“, богатства которыхъ достигаютъ десятковъ, а иногда и сотни тысячъ гектаровъ земельной площади. Такихъ латифундій, впрочемъ, сравнительно немного. На долю *всего* крупнаго землевладѣнія (т.-е. превышающаго 100 гектаровъ) приходится немногимъ меньше четверти (22,2%) годной къ обработкѣ земли [1]). Если считать юнкерами всѣхъ землевладѣльцевъ, владѣющихъ ста и болѣе гектарами, то численность этого класса не превыситъ 25 тысячъ полноправныхъ гражданъ. Въ дѣйствительности эта группа еще меньше, такъ какъ далеко не всѣ владѣльцы ста гекторовъ земли могутъ быть по праву причислены къ юнкерству.

Не смотря на свою малочисленность, нѣмецкое юнкерство является могущественнымъ сословіемъ. Главные административные посты заняты его представителями; армія и флотъ находятся подъ командой офицерства почти сплошь юнкерскаго происхожденія; въ судебномъ вѣдомствѣ юнкерскій духъ чувствуется въ очень значительной степени; въ „обществѣ“ юнкерскій „стиль“ пользуется большимъ уваженіемъ, ему стараются подражать, въ особенности среди крупной и средней буржуазіи. Лотаръ Шюкингъ, бывшій бургомистръ въ Гузумѣ, книжка котораго недавно много нашумѣла, говоритъ по этому поводу: „юнкеръ кажется „здравому смыслу“ (прусской буржуазіи), какъ нѣчто неизмѣнное въ государствѣ, какъ нѣчто, чему обязательно нужно оказывать почетъ. Съ какимъ воодушевленіемъ разсказываетъ иной горожанинъ или крестьянинъ объ изысканныхъ балахъ и вечеринкахъ извѣстныхъ группъ дворянства! Такой бюргеръ преисполнился бы презрѣніемъ къ этому дворянству, еслибы послѣднее допустило его, бюргера, къ своимъ баламъ. Иной прусскій бюргеръ чрезвычайно гордъ тѣмъ, что въ опредѣленныхъ полкахъ офицерство состоитъ (вопреки конституціи) исключительно изъ дворянъ“ [2]).

Огромный престижъ, которымъ пользуется юнкерство, поддерживается и питается удивительной самоувѣренностью и властной дерзостью этого класса. Ни одна группа нѣмецкаго народа не обладаетъ такимъ обиліемъ цѣльныхъ, несгибаемыхъ характеровъ, какъ именно аграрная аристократія. Бисмарковскія натуры здѣсь не рѣдкость: ка-

---

[1]) Въ Пруссіи эта доля выше и достигаетъ 28,1%, въ Мекленбургъ-Шверинѣ и Мекленбургъ-Стрелицѣ—даже 59,7 и 60,0% всей пахотной земли.

[2]) См. „Die Reaktion in der inneren Verwaltung Preussens“, von Bürgermeister X. Y. in Z. Берлинъ, 1908, стр. 9—10.

ждый юнкеръ представляетъ собою маленькаго Бисмарка по своему душевному складу. Это—природные вожаки массъ, энергичные, не сомнѣвающіеся, лишенные сантиментальности, не задумывающіеся поставить на карту все, чтобы достигнуть разъ намѣченной цѣли. Такія натуры всегда импонируютъ, даже врагамъ. Въ этомъ и заключается тайна юнкерскаго господства.

Въ стремленіи къ отстаиванію своихъ интересовъ юнкеръ не задумается, не смотря на весь свой оффиціальный монархизмъ и патріотизмъ, встать въ оппозицію даже къ монарху. У всѣхъ въ памяти еще исторія съ каналомъ, который правительство проектировало провести между Рейномъ и Эльбой. Этотъ каналъ облегчилъ бы въ огромной степени движеніе товаровъ и вообще призванъ былъ сыграть большую культурную роль. Но господамъ юнкерамъ всякое облегченіе транспорта кажется чрезвычайно опаснымъ, способствующимъ ввозу иностраннаго хлѣба и, слѣдовательно, паденію цѣнъ на хлѣбъ германскій. Отсюда ихъ противодѣйствіе постройкѣ новаго воднаго пути—противодѣйствіе, не остановившееся передъ дискредитированіемъ короны. Не смотря на торжественныя заявленія Вильгельма II, что онъ и его правительство „твердо и непоколебимо“ рѣшили провести каналъ, аграріи продолжали разъ начатую кампанію и въ концѣ концовъ торжественно провалили всѣ соотвѣтственныя законодательныя предположенія правительства. Въ отместку за этотъ ударъ правительство устранило нѣсколькихъ чиновниковъ-юнкеровъ, принимавшихъ участіе въ оппозиціи, но съ теченіемъ времени принуждено было отступить и здѣсь и... приняло всѣхъ мятежниковъ обратно, предоставивъ имъ, вдобавокъ, болѣе высокія мѣста въ чиновной іерархіи.

Не менѣе характерно для аграріевъ и то упорство, съ которымъ они недавно боролись противъ проекта имперскаго налога на наслѣдства. Рѣшительныя выступленія князя Бюлова и императора не произвели на нихъ никакого впечатлѣнія. Свое отрицательное отношеніе къ непріятному имъ налогу они не задумались отстоять даже цѣною отставки „аграрнаго канцлера“ и ослабленія авторитета имперскаго правительства. In Geldsachen, говоритъ нѣмецкая поговорка, hört die Gemütlichkeit auf. Когда дѣло касается юнкерскаго кармана, хваленая лойяльность этихъ патентованныхъ патріотовъ улетучивается безъ остатка.

Становясь въ оппозицію, юнкеръ никогда не задумывается надъ внѣшними формами борьбы. Не смотря на постоянныя порицанія „тона“ и „манеръ“ демократическихъ элементовъ, юнкеръ, поднявшій знамя бунта, усваиваетъ вдругъ такія повадки, что смѣло можетъ конкуррировать съ какимъ угодно „плебеемъ“. Юнкеру ничего не стоитъ публично сравнить, какъ это сдѣлалъ баронъ Вангенгеймъ, высшее государствен-

ное учрежденіе, Союзный Совѣтъ, со стадомъ, или же, подобно одному оратору въ циркѣ Буша, сказать: „намъ наплевать на то, что̀ говоритъ или не говоритъ министръ имя рекъ... Эти (министръ и вожакъ либеральной партіи) могутъ намъ...“ Слѣдуетъ словечко и жестъ въ стилѣ думскаго депутата Маркова 2-го, не поддающіеся воспроизведенію на приличной бумагѣ. Вообще юнкеръ не стѣсняется въ выраженіяхъ. Да и кого стѣсняться ему? Кто ему можетъ импонировать? „Вѣдь столбовые все; въ усъ никому не дуютъ!“ У многихъ родъ не уступитъ по древности гогенцоллернскому и во всякомъ случаѣ древнѣе рода многихъ министровъ. Родъ же въ этихъ кругахъ, можно сказать, все; онъ выше личныхъ достоинствъ, выше таланта, выше геніальности. Не даромъ Бисмаркъ жаловался, что консерваторы не могутъ примириться съ тѣмъ, что онъ, маленькій померанскій помѣщикъ, удостоился такихъ высокихъ почестей. Какъ личность — юнкерамъ никто не можетъ импонировать, а государственная власть, какъ институтъ — еще менѣе того. „Государство — это мы“, говоритъ прусскій юнкеръ; ну, а самого себя стѣсняться, конечно, нечего.

Не преклоняясь самъ передъ авторитетами, юнкеръ требуетъ этого, однако, отъ другихъ. Онъ чрезвычайно внимательно слѣдитъ за вопросами религіи и обученія, но не потому, что религіозенъ и любитъ просвѣщеніе, а потому что церковь и школа—могущественнѣйшія орудія поддержанія авторитарнаго начала. Самомалѣйшее проникновеніе критическаго элемента въ школу вызываетъ съ его стороны самое энергичное противодѣйствіе. Именно поэтому юнкерство поощряетъ распространеніе вліянія духовенства на школьныя дѣла и добилось въ концѣ концовъ, что мѣстная школьная инспекція въ Пруссіи находится фактически въ рукахъ пасторовъ.

Пользуясь церковью, какъ орудіемъ политическаго господства, юнкеръ равнодушенъ къ чисто вѣроисповѣднымъ вопросамъ. Католицизмъ и протестантство—для него одинаково пріемлемыя ученія, ибо и то, и другое въ состояніи противодѣйствовать тлетворному вліянію демократическаго начала. Этимъ объясняется постоянное тяготѣніе консервативной партіи рейхстага къ партіи центра. Консерваторы—сплошь протестанты, партія центра состоитъ изъ ярыхъ католиковъ; и тѣмъ не менѣе почти во всѣхъ вопросахъ принципіальнаго характера консерваторы идутъ рука объ руку съ центромъ. Неудачная попытка князя Бюлова сочетать законнымъ бракомъ консервативно-аграрнаго „сазана“ съ либеральнымъ „кроликомъ“ только подчеркнула эту характерную черту нѣмецкаго юнкерства. „Сазанъ“ поспѣшилъ бросить навязанную ему немилую протестантскую супругу и вернуться въ объятія католическаго священника. Съ послѣднимъ онъ себя чувствуетъ болѣе родственно.

Базируя свое господство на авторитарномъ началѣ, юнкерство не можетъ, конечно, симпатизировать всеобщему и равному избирательному праву. Въ основѣ послѣдняго какъ-ни-какъ лежитъ идея народовластія, идея равенства, отрицаніе наслѣдственно пріобрѣтенныхъ привилегій и преимуществъ. Неудивительно, поэтому, если юнкеръ заявляетъ, что „равенство избирательнаго права—величайшая нелѣпость и противорѣчитъ всѣмъ фактамъ гражданской жизни". Неудивительно также, когда онъ думаетъ, что „всеобщее избирательное право ведетъ къ гибели Пруссіи, имперіи, христіанской церкви и всего, что̀ мы унаслѣдовали отъ нашихъ отцовъ". Неудивительно и то, что онъ признаетъ парламентаризмъ только въ его прусской формѣ, обезпечивающей ему большинство при какихъ угодно политическихъ коньюнктурахъ, такъ сказать автоматически. Ему не важно, что этотъ soi disant парламентаризмъ даже умѣренными національ-либеральными учеными характеризуется какъ несправедливѣйшая и лживая форма представительства. Онъ не смущается тѣмъ, что даже Бисмаркъ находилъ прусское избирательное право самымъ „нелѣпымъ и жалкимъ" изъ всѣхъ, какія когда-либо существовали. Разъ это „право" юнкеру выгодно, онъ не перестанетъ защищать его всѣми правдами и неправдами. И разъ избирательное право рейхстага ему невыгодно, онъ не станетъ раздумывать надъ средствами для его устраненія или сведенія его значенія къ нулю. Какія только усилія ни прилагали юнкера, чтобы ограничить сферу компетенціи рейхстага! Всѣ мало-мальски существенныя проблемы юнкеръ предпочитаетъ рѣшать въ прусскомъ ландтагѣ, гдѣ, онъ увѣренъ, онѣ будутъ рѣшены въ пріятномъ для него вкусѣ. Этимъ тяготѣніемъ къ прусскому ландтагу и недовѣріемъ къ рейхстагу объясняется, между прочимъ, и то упорство, съ которымъ аграріи агитировали противъ закона о „наслѣдственномъ" налогѣ. Какъ заявилъ признанный глава этой реакціонной оппозиціи, бывшій ландратъ фонъ-Гейденбрандъ-ундъ-деръ-Лаза, борьба противъ налога на наслѣдства велась исключительно потому, что консерваторы не могли вложить въ руки демократически избираемаго парламента власть надъ имущественными интересами гражданъ. Правда, проектированный налогъ на наслѣдства самъ по себѣ не былъ бы тягостенъ. Но труденъ только первый шагъ. Разъ имперскій парламентъ получитъ право на вотированіе прямыхъ налоговъ [1]), то не успѣешь оглянуться, какъ имущества господствующихъ классовъ очутятся подъ тягостью огромнаго прямого обложенія. Допустить до этого юнкеръ, конечно, не можетъ.

[1]) Какъ извѣстно, до сихъ поръ прямые налоги входятъ въ компетенцію отдѣльныхъ ландтаговъ. Рейхстагу приходилось по настоящее время вотировать только косвенные налоги.

Не смотря на свое отрицательное отношеніе къ всеобщему избирательному праву, аграріи все-таки съ удивительнымъ искусствомъ воспользовались имъ. Они съумѣли путемъ демагогіи, съ одной стороны, и прямого давленія на экономически зависимые элементы—съ другой, достигнуть того, что крестьянская масса посылаетъ ихъ своими представителями въ рейхстагъ. Но, конечно, этимъ однимъ дѣло тутъ не объясняется. Успѣхи юнкерства нужно отнести также и на счетъ его завидныхъ организаторскихъ способностей и извѣстной гибкости при оріентировкѣ въ новой ситуаціи.

Организаторскій даръ юнкерства особенно ярко сказался при организаціи извѣстнаго „Союза сельскихъ хозяевъ“ (Bund der Landwirte). Съ поразительной ловкостью съумѣло оно объединить подъ своимъ знаменемъ не только крупныхъ землевладѣльцевъ, но и сотни тысячъ мелкихъ и среднихъ крестьянъ. Выставивъ на своемъ знамени защиту сельскаго хозяйства вообще, союзъ увлекъ крестьянскую массу, хотя въ дѣйствительности главной цѣлью его была и есть защита интересовъ *крупнаго* землевладѣнія. На каждомъ шагу союзъ подчеркиваетъ антагонизмъ города и деревни, промышленности фабричной и промышленности сельско-хозяйственной, крестьянина и пролетарія, и это подчеркиваніе не могло не оказать вліянія на мало вдумчивую деревенскую массу. Та доля правды, которая заключается въ демагогическихъ рѣчахъ „союзниковъ“, отвлекаетъ взоры этой массы отъ громады лжи, которая скрывается за ними. Но, какъ говорятъ нѣмцы, у лжи ноги короткія, далеко на нихъ не ускачешь. И послѣднія недѣли дѣйствительно приносятъ намъ вѣсти, свидѣтельствующія о томъ, что зданіе, созданное аграріями, начинаетъ приходить постепенно въ упадокъ.

Антагонизмъ аграріевъ къ городу и промышленности имѣетъ своимъ источникомъ фактъ отвлеченія городомъ изъ деревни значительнаго количества рабочихъ силъ. Этотъ антагонизмъ существуетъ уже давно. Уже въ 1848-мъ году во франкфуртское національное собраніе была внесена записка отъ имени всѣхъ саксонскихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, въ которой явственно сказался этотъ мотивъ. Аграріи просили въ этой запискѣ объ отмѣнѣ всѣхъ покровительственныхъ пошлинъ (это не описка: до половины шестидесятыхъ годовъ аграріи въ Германіи были ярыми фритредерами!), аргументируя это требованіе тѣмъ, что индустрія уже достаточно крѣпка, что она уже отвлекаетъ рабочихъ отъ сельскаго хозяйства и что вообще нѣтъ никакого основанія гнать вверхъ заработную плату въ деревнѣ посредствомъ дальнѣйшаго покровительства индустріи [1]). Съ теченіемъ времени и не-

[1]) Ср. интересную работу мюнхенскаго профессора Вальтера Лотца: „Die Ideen

обычайно интенсивнымъ расцвѣтомъ германской промышленности антипатія аграріевъ къ индустріи могла только увеличиться, и потому неудивительно, что мы и теперь слышимъ отъ юнкеровъ заявленія слѣдующаго рода: „чтобы избавиться отъ недостатка рабочихъ рукъ, нѣтъ абсолютно вѣрнаго средства кромѣ задержки дальнѣйшаго процвѣтанія индустріи“ [1]).

Какъ велика должна быть непріязнь между крупнымъ землевладѣніемъ и индустріей—это видно изъ цифръ, рисующихъ относительное значеніе города и деревни въ германской жизни. Каждая перепись обнаруживаетъ все большее и большее паденіе деревни, все большее и большее пониженіе доли сельско-хозяйственнаго населенія. Въ 1882-мъ году эта доля равнялась еще 42,5% всей націи. Въ 1895-мъ году она падаетъ до 35,8%, а по недавно опубликованнымъ даннымъ переписи 1907-го года равняется всего 28,6%. За двадцать-пять лѣтъ деревня потеряла круглымъ счетомъ полтора милліона душъ, городъ же пріобрѣлъ свыше десяти милліоновъ. Изъ деревни выселяются преимущественно представители рабочей силы и притомъ наиболѣе здоровые, предпріимчивые, развитые. Городъ, съ его болѣе разнообразной и богатой жизнью, съ болѣе легкой и лучше оплачиваемой работой, точно магнитъ притягиваетъ ихъ къ себѣ, и они толпами покидаютъ однотонную, одуряющую обстановку деревни. Чѣмъ сильнѣе проникаютъ лучи просвѣщенія въ крестьянство, тѣмъ интенсивнѣе становится эта тяга въ городъ. Чѣмъ болѣе растетъ желѣзнодорожная сѣть, чѣмъ доступнѣе становятся пути сообщенія, тѣмъ легче совершается это передвиженіе изъ деревни въ городскіе центры. Вотъ почему юнкеръ—противъ прогресса въ транспортномъ дѣлѣ, вотъ почему онъ — ярый врагъ школы и книги. И то, и другое подрываетъ основу его благополучія—народную темноту и прикованность крестьянства къ одному и тому же мѣсту...

Я упомянулъ выше о томъ, что послѣдніе дни приносятъ вѣсти о кризисѣ, переживаемомъ „Союзомъ сельскихъ хозяевъ“. Нужно добавить, что въ критическомъ положеніи находится теперь не только союзъ, но и все аграрно-консервативное теченіе Германіи. Непосредственной причиной этого кризиса является „финансовая реформа“. Аграріи зашли слишкомъ далеко въ своей оппозиціи финансовымъ проектамъ правительства и черезчуръ ярко обнаружили при этомъ свою истинную, крупно-землевладѣльческую сущность. Крестьянство

---

der deutschen Handelspolitik von 1860 bis 1891“, въ 50-мъ томѣ „Schriften des Vereins für Sozialpolitik“. Въ этой работѣ можно найти много любопытныхъ образчиковъ отмѣченнаго въ текстѣ антагонизма.

[1]) Ср. „Arbeiten der Landwirtschaftkammer f. die Provinz Ostpreussen“, Кенигсбергъ, 1908, тетр. 19, стр. 138.

и различные „средніе элементы“ (Mittelstand) городского населенія, шедшіе до сихъ поръ на поводу у юнкерства, увидѣли вдругъ, что ихъ вожаки преслѣдуютъ не общіе, а только свои собственные, своекорыстные интересы и цѣли. Разъ запавшее сѣмя сомнѣнія не осталось безъ всходовъ, и вскорѣ мы стали свидѣтелями интенсивнаго стремленія къ размежеванію. Крестьянство нашло своихъ собственныхъ вожаковъ и рѣшило организоваться въ самостоятельную организацію, отдѣльную отъ „Союза сельскихъ хозяевъ“. На недавно состоявшемся въ Гнезенѣ учредительномъ собраніи крестьянскіе ораторы рѣзко критиковали образъ дѣйствій и политику союза и призывали крестьянъ къ самостоятельной дѣятельности, самостоятельному представительству крестьянскихъ интересовъ. Учрежденный на этомъ собраніи „Bauernbund“ (крестьянскій союзъ), не смотря на свою, въ общемъ, консервативную программу, очевидно очень не по вкусу заправиламъ „Союза сельскихъ хозяевъ“ и они напрягаютъ всѣ свои силы, чтобы убить его въ корнѣ. Судя по всему, союзу не удастся достигнуть этой цѣли. Самостоятельная организація крестьянства — историческая необходимость, и раньше или позже она должна была осуществиться. Разъ возникнувъ, она уже не перестанетъ развиваться. Наоборотъ, не подлежитъ сомнѣнію, что *не*-крестьянская оппозиція, возникшая въ аграрно-консервативной сферѣ, вскорѣ исчезнетъ. Правда, эта оппозиція успѣла уже создать свою самостоятельную организацію: Freie Konservative Vereinigung. Но долго ей существовать не придется. Freie Konservative Vereinigung – продуктъ временнаго раздраженія и недовольства; она лишена объективной соціально-экономической основы, и raison d'être ея обособленнаго существованія не можетъ быть разъяснена ни одному заправскому консерватору. Пройдетъ нѣкоторое время, раздраженіе уляжется—и консерваторы обрѣтутъ свое потерянное единство. Практически, въ парламентской жизни, размолвка въ лагерѣ консерваторовъ, повидимому, вообще не будетъ имѣть значенія.

II.

Въ отличіе отъ класса феодальнаго юнкерства, классъ промышленной буржуазіи весьма недавняго происхожденія. Изслѣдователи нѣмецкой хозяйственной жизни находятъ, что этотъ классъ началъ складываться только во второй половинѣ девятнадцатаго столѣтія [1]). Могущественный толчокъ къ развитію его былъ данъ объединеніемъ Гер-

[1]) См. Werner Sombart, „Die deutsche Volkswirtschaft im XIX, 2-oe изд., Берлинъ, 1909, стр. 483.

маніи, основаніемъ имперіи. Французскіе милліарды въ большой степени содѣйствовали промышленному росту и положили начало многимъ крупнымъ предпріятіямъ. Знаменитый крахъ, наступившій вскорѣ послѣ расцвѣта грюндерской горячки, задержалъ на время поступательное движеніе нѣмецкой индустріи, но не погубилъ ее окончательно. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ неурядицы и разстройства, промышленность оправилась и встала окончательно на ноги. Съ этого момента и начинается побѣдоносное шествіе нѣмецкой индустріи, безпрерывно революціонизирующей всѣ соціальныя отношенія нѣмецкаго общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ классъ промышленной буржуазіи начинаетъ получать все большее и большее значеніе въ общемъ укладѣ нѣмецкой жизни, накладывая свою печать на всѣ стороны ея развитія.

Нижеслѣдующія цифры въ достаточной мѣрѣ иллюстрируютъ степень индустріализаціи Германіи и ростъ ея торговаго оборота. Въ 1888-мъ году было добыто въ странѣ 65.386.000 тоннъ каменнаго угля; въ 1898-мъ эта цифра поднялась до 96.309.000, а въ 1907-мъ она уже достигала 143.185.000. За двадцать лѣтъ добыча каменнаго угля болѣе чѣмъ удвоилась. Еще интенсивнѣе шло развитіе желѣзодѣлательнаго дѣла. Въ 1888-мъ году было выработано 4.337.000 тоннъ желѣза разныхъ сортовъ, въ 1898-мъ—7.312.000, а въ 1907-мъ—уже цѣлыхъ 12.875.000 тоннъ [1]). Производство химическихъ продуктовъ, особенно развившееся за послѣднія два десятилѣтія, достигаетъ цѣнности, превышающей $1^1/_2$ милліарда марокъ. Такіе же, если не бо̀льшіе успѣхи дѣлаетъ самая юная отрасль нѣмецкой индустріи — электрическая промышленность. Въ электрическое дѣло вложено около 2,5 милліардовъ марокъ. Лѣтъ двадцать — двадцать-пять назадъ электрической индустріи почти не существовало; въ переписи 1882-го года о ней не упомянуто ни однимъ словомъ. Въ 1895-мъ году перепись отмѣтила уже 25 тысячъ рабочихъ, работающихъ въ электрическихъ предпріятіяхъ, занимающихъ отъ шести и болѣе человѣкъ. Въ настоящее время цифра эта, вѣроятно, удвоилась, а можетъ быть и утроилась. Что касается торговыхъ оборотовъ Германіи, то объ этомъ намъ можетъ дать понятіе статистика внѣшней торговли. Германскій вывозъ имѣетъ за послѣдніе годы цѣнность въ среднемъ выше 6 милліардовъ; ввозъ достигаетъ цѣнности около $8^1/_2$ милліардовъ марокъ. По сравненію съ цифрами девяностыхъ годовъ ввозъ и вывозъ болѣе чѣмъ удвоились. Только Великобританія имѣетъ въ настоящее время торговый оборотъ, превышающій германскій. Остальныя страны далеко отстали отъ Германіи въ этомъ отношеніи.

[1]) Ср. „Statistisches Jahrbuch f. das deutsche Reich“, Берлинъ, 1909. Большую часть цифръ мы заимствуемъ изъ этого оффиціальнаго изданія.

Не менѣе характерно для торгово-промышленнаго развитія Германской имперіи и огромное расширеніе кредитнаго дѣла. По даннымъ, сопоставленнымъ Ліонскимъ Кредитомъ [1]), это расширеніе представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ 1846 г. въ Пруссіи насчитывалось 1.100 лицъ, занятыхъ денежными операціями, и 442 учрежденія, въ которыхъ они работали. На 442 предпринимателей приходилось, такимъ образомъ, 658 служащихъ. Въ 1895 г. въ 2.763 кредитныхъ учрежденіяхъ было занято уже 17.896 человѣкъ, что составляетъ въ среднемъ шесть служащихъ на одно предпріятіе. Первыя большія кредитныя учрежденія возникаютъ въ 50-хъ годахъ. Въ 1853-мъ году былъ основанъ дармштадтскій банкъ, съ 6,8 милліонами марокъ; въ 1856-мъ начало работать Учетное общество (Diskontogesellschaft), съ капиталомъ въ 37,2 милліона марокъ. Въ началѣ двадцатаго столѣтія Нѣмецкій банкъ, одно изъ главныхъ кредитныхъ учрежденій настоящаго времени, работаетъ съ капиталомъ въ 257 милліоновъ марокъ. Семь наибольшихъ нѣмецкихъ банковъ обладаютъ капиталомъ, достигающимъ $1^1/_2$ милліарда марокъ. Средній ежедневный оборотъ банкнотъ достигалъ въ 1850-мъ году 120 милліоновъ марокъ; въ 1900-мъ г.—1.316 милліардовъ, въ 1905 г.—1.485 милліардовъ! Годовой оборотъ цѣнныхъ бумагъ Берлинскаго Королевскаго банка равнялся въ 1820-мъ году приблизительно $1^1/_2$ милліонамъ марокъ; соотвѣтственная сумма оборота Имперскаго банка въ 1905 г. равнялась почти 9 милліардамъ марокъ! Въ 1876 — 1880 гг. оборотъ главнѣйшихъ нѣмецкихъ банковъ достигалъ, въ среднемъ, 5,26 милліардовъ, въ 1896—1900 гг. 20,4 милліардовъ, а за время съ 1901 по 1905 годъ эта цифра выросла до 28,6 милліардовъ, въ среднемъ, за годъ.

Естественнымъ послѣдствіемъ интенсивнаго промышленнаго развитія Германіи является количественный ростъ промышленнаго, бюргерскаго класса. Точныхъ данныхъ для учета этого роста не имѣется, но даже минимальныя цифры показываютъ, что число „полнокровныхъ“ бюргеровъ значительно выше числа чистокровныхъ юнкеровъ. По разсчетамъ Зомбарта [2]), къ концу девятнадцатаго вѣка въ Германіи должно было быть около 70 — 75 тысячъ полнокровныхъ буржуа, не считая, конечно, ихъ домашнихъ. Вмѣстѣ съ послѣдними классъ буржуазіи представляетъ собою величину въ 200.000 — 250.000 человѣкъ. Эти цифры касаются буржуа лишь постольку, поскольку онъ является крупнымъ капиталистическимъ предпринимателемъ. Существуетъ, однако, значительное число бюргеровъ — бир-

---

[1]) Ср. H. Lichtenberger, „Das moderne Deutschland und seine Entwicklung“, Дрезденъ, 1908, стр. 20—21.

[2]) См. цитир. соч., стр. 485 и далѣе.

жевые агенты, директора крупныхъ магазиновъ, нѣкоторые слои крупнаго крестьянства и т. д., — не входящихъ въ категорію крупныхъ капиталистическихъ предпринимателей, но несомнѣнно принадлежащихъ къ буржуазному классу и заинтересованныхъ въ поддержаніи буржуазнаго строя. Вмѣстѣ съ ихъ домашними эти элементы составляютъ, по Зомбарту, около 2-хъ милліоновъ человѣкъ. Весь буржуазный классъ достигаетъ въ Германіи, такимъ образомъ, численности въ $2^1/_4$—$2^1/_2$ милліоновъ (отъ 3 до 5% всего населенія).

Не смотря на свое численное значеніе и огромное экономическое могущество, *политически* бюргеры играли до сихъ поръ сравнительно неважную роль. Несчастье нѣмецкаго бюргерства всегда заключалось и заключается въ томъ, что оно съ перваго дня своего появленія попало между двухъ огней. Съ одной стороны ему угрожало и тѣснило его юнкерство, съ другой—поднималъ голову еще болѣе грозный врагъ: пролетаріатъ. Находясь всегда среди двухъ опасностей, бюргерство не могло выпрямиться во весь ростъ, не могло быть самимъ собой. Оно всегда принуждено было быть половинчатымъ, искать защиты то у одного, то у другого изъ своихъ противниковъ, урѣзывая себя то въ томъ, то въ другомъ. Никогда оно не въ состояніи было направить свою борьбу за власть по прямой линіи. То оно объединялось съ юнкерами противъ рабочихъ, то съ рабочими противъ юнкерства. Но такъ какъ послѣднее обладало и обладаетъ бо̀льшей политической силой и такъ какъ пролетаріатъ былъ менѣе сговорчивымъ союзникомъ, то всего чаще бюргерство искало своего счастья въ союзѣ съ феодалами. Это, конечно, даромъ ему не обошлось. Результатомъ такого союза не могло не быть политическое безсиліе экономически могучаго класса.

Долго такое положеніе продолжаться, конечно, не можетъ. Раньше или позже противоположность интересовъ между юнкерствомъ и буржуазіей должна достигнуть такихъ размѣровъ, что разрывъ станетъ неизбѣжнымъ. Собственно говоря, этотъ разрывъ уже на лицо: бюргерство, повидимому, наконецъ нащупало почву подъ ногами и дѣлаетъ попытки оттѣснить феодала на задній планъ не только на экономической, но и на политической аренѣ.

Симптоматическимъ въ этомъ отношеніи является организація новаго союза промышленнаго бюргерства, извѣстнаго уже читателямъ „Вѣстника Европы“ Hansa-Bund (см. иностр. обозрѣніе за іюль). Въ новую Ганзу вступили почти всѣ частныя торговыя, финансовыя и промышленныя учрежденія Германіи и множество отдѣльныхъ лицъ торгово-промышленнаго класса. На учредительномъ собраніи, состоявшемся 12-го іюня въ присутствіи 6.000 человѣкъ, было представлено 88 торговыхъ палатъ, 15 палатъ биржевого характера и 249 торгово-

промышленныхъ союзовъ. Собраніе прошло съ большимъ подъемомъ и до сихъ поръ еще составляетъ тему многочисленныхъ разговоровъ и газетныхъ статей. Все это показываетъ, что Ганза призвана сыграть въ ближайшихъ событіяхъ довольно крупную роль: она представляетъ собою силу, съ которой должны считаться и друзья, и враги.

Цѣлью новаго союза является защита общихъ интересовъ промышленности, торговли и ремесла, практическая же дѣятельность его сводится пока почти исключительно къ борьбѣ съ претензіями крупнаго землевладѣнія. Отношеніе „ганзеатовъ“ къ юнкерамъ сильнѣе всего отразилось въ знаменательной во многихъ отношеніяхъ рѣчи президента Ганзы, Риссера. Она представляетъ собою въ извѣстномъ смыслѣ событіе, и я позволю себѣ, поэтому, привести наиболѣе интересныя мѣста ея цѣликомъ. „Въ трудную минуту—такъ началъ ораторъ—на нашъ призывъ откликнулось шесть тысячъ представителей тѣхъ сословій, которыя болѣе другихъ содѣйствовали хозяйственному подъему послѣднихъ десятилѣтій... Ваша дальновидность и вашъ трудъ создали нѣмецкому имени почетное положеніе за рубежомъ, они же повысили благосостояніе націи, ея мощь въ хорошія и ея выносливость въ дурныя времена; укрѣпили города и дали возможность государству посвящать себя все болѣе и болѣе крупнымъ задачамъ. Но, милостивые государи, стремясь постоянно впередъ, вы къ сожалѣнію не нашли времени для того, чтобы заняться также и общественными дѣлами. Точно безучастные зрители на галлереѣ наблюдали вы за великой борьбой, которая разыгрывалась и на парламентской аренѣ—борьбой между недвижимымъ и движимымъ капиталомъ *(апплодисменты)*. А между тѣмъ эта борьба является только естественнымъ послѣдствіемъ вашихъ собственныхъ успѣховъ. Милостивые государи! Безграничная, достойная сожалѣнія политическая апатія нѣмецкаго бюргерства привела къ тому, что сельское хозяйство, которое до послѣдняго времени преобладало не только политически, но и въ хозяйственномъ отношеніи, сохранило и даже *расширило* свою *политическую* мощь, не смотря на то, что давно отстало экономически отъ торговли и промышленности. Политическое господство никогда и никѣмъ не было использовано въ такой мѣрѣ, какъ это съумѣло сдѣлать нѣмецкое сельское хозяйство, объединенное въ единую мощную организацію. Никогда и нигдѣ законодательный аппаратъ не эксплоатировался въ такой мѣрѣ въ пользу всякихъ привилегій, субсидій, никогда онъ не пускался такъ прямолинейно въ ходъ для того, чтобы свалить всѣ тягости и налоги на другія сословія, существующія, повидимому, только для того, чтобы платить налоги и—молчать. *(Оживленные апплодисменты)*“. Какія же конечныя цѣли преслѣдуютъ господа изъ Союза сельскихъ хозяевъ? — спрашиваетъ дальше г. Риссеръ, и

отвѣчаетъ такъ: „Союзъ сельскихъ хозяевъ желаетъ воспользоваться силами консервативной партіи для того, чтобы въ концѣ концовъ осуществить свою собственную экономическую программу, которую можно формулировать въ одномъ словѣ: назадъ! *Назадъ* отъ свободнаго развитія торговли и промышленности, отъ свободнаго передвиженія, отъ свободной конкурренціи; *назадъ* отъ банковъ, биржъ, содѣйствующихъ больше всего торговлѣ и промышленности! *Назадъ* отъ всѣхъ международныхъ общеній, отъ цѣнныхъ бумагъ и міровыхъ рынковъ; *назадъ* отъ большихъ городовъ, питающихъ либерализмъ; *назадъ* отъ всѣхъ путей, средствъ и организацій капитала; *назадъ* отъ плоскаго и зловреднаго либерализма, модернизма, отъ всей современной культуры—къ единому національному, связанному и замкнутому аграрно-полицейскому государству, къ крайне необходимой опекѣ государственной власти! Вы же, господа, жизненнымъ интересомъ которыхъ является свободное движеніе, для которыхъ не связанное, не замкнутое, а свободно конкуррирующее съ другими правовое государство служитъ обязательнымъ жизненнымъ условіемъ; вы, жизненная сила которыхъ посвящена борьбѣ за хозяйственное положеніе отечества на міровой аренѣ; вы, жизненной атмосферой которыхъ является атмосфера свободной мысли и свободнаго дѣянія, жизненная потребность которыхъ—международный трудъ съ національными цѣлями—вы, милостивые государи, знаете и должны знать только одно знамя и одинъ лозунгъ; этотъ лозунгъ гласитъ: *впередъ!*“ *(Бурные, долго несмолкаемые апплодисменты).*

Какъ видите, „движимый“ капиталъ рѣшился, наконецъ, бросить перчатку своему феодальному противнику и сдѣлалъ это въ довольно недвусмысленной формѣ. Не ограничиваясь рѣчами на учредительномъ собраніи, Ганза повела энергичную организаторскую и агитаціонную работу среди торгово-промышленныхъ массъ и, повидимому, дѣлаетъ значительные успѣхи. Это подтверждается безпрестанными, злобными нападками аграрно-консервативной печати. Очевидно, ганзеаты затронули юнкеровъ за очень чувствительное мѣсто. Аграріи начинаютъ понимать, что ихъ безграничной власти въ странѣ приходитъ конецъ. На общественной аренѣ появился солидный противникъ, требующій своей доли въ государственномъ дѣлѣ, и этотъ противникъ не успокоится, не можетъ успокоиться, пока не добьется исполненія хоть части своихъ требованій.

Тревога въ аграрно-консервативномъ лагерѣ, поэтому, совершенно понятна.

III.

Было бы, однако, ошибкою думать, что новая Ганза встрѣчаетъ противодѣйствіе только справа. Составленная изъ разнородныхъ, въ соціальномъ и политическомъ отношеніяхъ, элементовъ, Ганза нерѣдко даетъ поводъ для рѣзкихъ выступленій и съ лѣвой, демократической, въ особенности соціалъ-демократической стороны. Среди ея членовъ находятся представители крупной промышленности, для которыхъ борьба съ рабочимъ движеніемъ составляетъ столь же насущную задачу, какъ и отпарированіе юнкерскихъ претензій. Отношеніе этихъ элементовъ Ганзы къ пролетаріату составляетъ главнѣйшую причину недовольства съ лѣвой стороны.

Враждебное отношеніе крупнаго капитала къ рабочему классу сказалось въ довольно откровенной формѣ уже на учредительномъ собраніи Ганзы. Выступившій на этомъ собраніи заводчикъ Кирдорфъ говорилъ не столько противъ засилія юнкеровъ, сколько противъ „опасности“ рабочаго законодательства. Онъ предостерегалъ отъ „дальнѣйшаго законодательнаго нормированія мнимой охраны труда“ и вообще отъ „политики настроенія и чувства“ (Stimmungs- und Gefühlspolitik), угрожающей „расцвѣту германской хозяйственной жизни“. Это демонстративное выступленіе одного изъ крупнѣйшихъ „угольныхъ бароновъ“ противъ рабочихъ не понравилось даже самимъ ганзеатамъ, что̀ не помѣшало, однако, Кирдорфу остаться въ союзѣ и занять въ немъ довольно видное мѣсто. Достаточно одного этого факта, чтобы представить себѣ, какъ долженъ относиться пролетаріатъ къ объединенному бюргерству.

Въ германской общественной жизни это отношеніе имѣетъ чрезвычайно большое значеніе. Пролетаріатъ Германіи представляетъ собою огромную общественную силу, отъ образа дѣйствій которой много зависитъ въ дѣлѣ соціальнаго и политическаго развитія страны. Даже количественно онъ представляетъ собою величину довольно импонирующихъ размѣровъ. Обращаясь снова къ вычисленіямъ Зомбарта, мы узнаемъ [1]), что къ 1895 г. въ Германіи насчитывалось, по меньшей мѣрѣ, $3^1/_2$ милліона чистокровныхъ пролетаріевъ. Вмѣстѣ съ ихъ домашними это составляло отъ 13 до 14% всего населенія. Но помимо „чистокровныхъ“ пролетаріевъ, т.-е. наемныхъ рабочихъ фабрично-заводской промышленности, имѣется еще значительное число трудящихся элементовъ—кустари, батраки, прислуга и т. д.,—которые

[1]) См. цитир. сочин., стр. 493—495.

также должны быть причислены къ рабочему классу. Вмѣстѣ съ домашними общее число рабочаго населенія достигаетъ, такимъ образомъ, 35,1 милліона, или же 67,5%, т.-е. болѣе двухъ третей всего народа. Это, какъ отмѣчено выше, было въ 1895 г. Промышленное развитіе съ того времени пошло значительно впередъ, и въ настоящее время числовая величина рабочаго класса должна быть, конечно, значительно бо̀льшей. Предстоящее вскорѣ опубликованіе результатовъ народной переписи 1907-го года подтвердитъ это путемъ точныхъ цифровыхъ данныхъ.

Но нѣмецкій пролетаріатъ импонируетъ не столько своими размѣрами, сколько своей организованностью и сознательностью. Правда, *единой* организаціи у него еще нѣтъ, и даже профессіональное единеніе разбивается пока о религіозныя и политическія перегородки. Большого значенія эти перегородки, однако, не имѣютъ. Изъ $2^1/_2$ милліоновъ профессіонально организованныхъ рабочихъ приходилось въ 1907-мъ году на долю „централизованныхъ“ (соціалъ-демократическихъ) союзовъ 1.865 тысячъ членовъ, на долю христіанскихъ—274, гиршъ-дункеровскихъ (либеральныхъ)—108. Кромѣ того существуетъ рядъ независимыхъ профессіональныхъ союзовъ, въ которыхъ насчитывается, въ общей сложности, около 180 тысячъ рабочихъ [1]). Какъ видно изъ этихъ цифръ, въ централизованныхъ союзахъ сосредоточена такая доля нѣмецкаго пролетаріата, что ея движеніемъ неизбѣжно должно опредѣляться движеніе *всего* пролетаріата. Да и помимо этого, единство дѣйствія часто диктуется общими и одинаковыми интересами рабочихъ. Не разъ уже случалось, что въ рѣшительные моменты члены разныхъ союзовъ соединялись и сообща вели кампанію противъ хозяевъ.

Концентрація пролетаріата дѣлаетъ съ каждымъ годомъ все бо̀льшіе успѣхи и неизбѣжно будетъ продолжаться и впредь. Эта неизбѣжность вытекаетъ уже изъ факта постепеннаго роста хозяйскихъ организацій. По подсчетамъ Императорскаго Статистическаго Бюро въ настоящее время [2]) существуетъ не *менѣе* 2.591 хозяйскихъ организацій, въ которыхъ организовано не менѣе 159.304 хозяевъ, занимающихъ въ общей сложности $3^1/_2$ милліона рабочихъ. Значительная часть этихъ организацій — чисто мѣстнаго характера, но есть и областные, и общеимперскіе союзы, располагающіе довольно крупными боевыми силами (т.-е. кассами на случай стачки или локаута).

Хозяйскія организаціи совершенно не знаютъ вѣроисповѣдныхъ или програмно-политическихъ различій. Всѣ онѣ основаны на базисѣ

---

[1]) См. „Fünfter Internationaler Bericht über die Gewerkschaftsbewegung“, Берлинъ, 1909, стр. 107.

[2]) Къ 1-му января 1909 г.

чисто экономическихъ интересовъ и имѣютъ главной цѣлью борьбу съ притязаніями пролетаріата. Вполнѣ естественно, поэтому, ожидать, что всякіе неэкономическіе моменты перестанутъ играть роль и среди рабочихъ союзовъ, и рабочій классъ обрѣтетъ единую классовую организацію, руководимую исключительно классовыми интересами пролетаріата.

Такое единство несомнѣнно усилитъ позицію рабочаго класса, что̀ равносильно укрѣпленію демократическаго начала. Изъ всѣхъ соціальныхъ классовъ Германіи только рабочій стоитъ за демократизмъ. Аграріи, какъ мы уже говорили, ярые сторонники авторитарности. Бюргеры недовольны аграрно-консервативнымъ авторитаризмомъ, но, какъ промышленные предприниматели, заинтересованы въ поддержаніи авторитарнаго начала, укрѣпляющаго ихъ собственное положеніе по отношенію къ рабочимъ. Крестьянство не играетъ пока самостоятельной роли, идетъ на поводу у другихъ классовъ, и на какую сторону оно станетъ въ будущемъ—пока трудно сказать. Опорою демократіи являются, такимъ образомъ, пока только рабочіе и незначительный слой интеллигенціи, организованной въ бартовскомъ „Демократическомъ союзѣ“ [1]). Друзья демократіи въ Германіи привѣтствуютъ, поэтому, всякій шагъ въ дѣлѣ дальнѣйшаго единенія пролетаріата.

IV.

Въ странахъ съ представительнымъ правленіемъ каждый соціальный классъ стремится создать свою особую классовую партію. Однако, въ общественной жизни нашего времени играютъ роль не только чисто экономическіе интересы, но въ значительной мѣрѣ и интересы національнаго, религіознаго, идеологическаго характера. Поэтому наряду съ партіями, основанными на соціально-экономической программѣ, выростаютъ и функціонируютъ политическія организаціи, окрашенныя въ національный, религіозный и т. п. цвѣтъ. Въ Германіи къ такимъ партіямъ принадлежитъ партія католическаго центра, антисемиты, поляки, датчане, эльзасцы. Политическихъ партій въ Германіи, такимъ образомъ, больше, нежели соціальныхъ классовъ, и даже значительно больше. Не смотря, однако, на эту внѣшнюю пестроту германской партійной жизни, въ рѣшительные моменты, какъ это видно было недавно во время финансовой реформы, отдѣльныя партіи сплачиваются

[1]) Объ этомъ союзѣ см. письмо изъ Берлина въ мартовской книжкѣ „Вѣстн. Европы“ за текущій годъ.

между собою, образуя комплексы партій, связанныхъ извѣстнымъ соціальнымъ сродствомъ.

Пользуясь признаками, обнаружившими это сродство при голосованіяхъ за финансовый законъ, мы можемъ распредѣлить политическія или, точнѣе, парламентскія силы различныхъ классовъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Аграрно-консервативные элементы	136	депутатовъ
Бюргерскіе элементы	107	„
Пролетарскіе	43	„
Промежуточные (католич. центръ)	100	„

Ни одинъ классъ не имѣетъ абсолютнаго большинства въ парламентѣ, и потому при каждомъ вопросѣ, обсуждающемся въ рейхстагѣ, компромисы между отдѣльными группами неизбѣжны. Вотъ почему все германское законодательство носитъ на себѣ отпечатокъ половинчатости. Оно то либерально-консервативно, то клерикально-консервативно, иногда даже соціально-консервативно. Безпримѣснымъ, свободнымъ отъ консерватизма оно никогда не бываетъ.

Распредѣленіе политическихъ силъ въ парламентѣ далеко не соотвѣтствуетъ распредѣленію ихъ въ странѣ. При выборахъ 1907 г., напр., за аграрно-консервативную группу было подано 2,1 милліона голосовъ, въ то время какъ за представителей рабочаго класса, располагающихъ всего 43 депутатскими мѣстами, было подано цѣлыхъ 3,2 милліона [1]). Это несоотвѣтствіе между страной и ея представительствомъ приводитъ въ свою очередь къ несоотвѣтствію между законодательствомъ и дѣйствительными запросами народа. Болѣе или менѣе глубокіе конфликты при такомъ положеніи неизбѣжны.

S.

[1]) Центръ собралъ 2,1, бюргерская группа—2,9 милліона.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1909.

Спорные внутренніе вопросы въ Англіи. — Либеральная партія и соціализмъ.—Партійный съѣздъ германской соціалъ-демократіи.—Прусскіе порядки и дѣло Шюкинга.—Политическій кризисъ въ Австро-Венгріи.

Въ Англіи все болѣе усиливается общественное движеніе по поводу финансовой реформы, предложенной правительствомъ въ бюджетномъ биллѣ канцлера казначейства Ллойда-Джорджа. Это движеніе представляетъ много любопытнаго и поучительнаго съ принципіальной точки зрѣнія. Крупные землевладѣльцы и капиталисты возстаютъ противъ новыхъ налоговъ, нарушающихъ, будто бы, священное право собственности; они обвиняютъ министровъ въ соціализмѣ и предсказываютъ всякія бѣдствія въ случаѣ дальнѣйшаго слѣдованія опасной экономической политикѣ, усвоенной нынѣшнимъ либеральнымъ кабинетомъ. Бывшій сотрудникъ и преемникъ Гладстона въ руководительствѣ либеральной партіей, лордъ Розбери, заявилъ въ своей недавней рѣчи въ Глазго, что правительство ведетъ страну на край пропасти. Богатѣйшіе лорды королевства, знатные герцоги, за-одно съ королями биржи и финансовъ, протестуютъ противъ радикальнаго бюджета, тогда какъ представители рабочаго класса выступаютъ на его защиту.

Въ разныхъ мѣстахъ страны устраиваются многолюдные митинги, на которыхъ произносятся рѣчи за и противъ бюджета; почти повсюду, на митингахъ и въ печати, ставится вопросъ о соціализмѣ, какъ основѣ и источникѣ предположенныхъ мѣропріятій. Обществу—говорили вслѣдъ за Розбери либералы стараго типа—приходится дѣлать выборъ между либеральными принципами финансоваго управленія и откровенными идеями соціализма, которыя фактически проводятся въ жизнь министерствомъ Асквита. Съ своей стороны, вожди рабочей партіи въ парламентѣ и странѣ объясняли, что бюджетъ Ллойда-Джорджа вполнѣ заслуживаетъ ихъ поддержки, такъ какъ онъ соотвѣтствуетъ нѣкоторымъ существеннымъ соціалистическимъ требованіямъ.

Между тѣмъ правительство вовсе не находится въ рукахъ радикаловъ или соціалистовъ; оно имѣетъ безусловно буржуазный харак-

теръ по своему составу и направленію. Въ числѣ министровъ мы видимъ умѣренныхъ либеральныхъ дѣятелей, членовъ обѣихъ палатъ, и во главѣ ихъ дѣйствуетъ опытный парламентскій практикъ, привыкшій руководствоваться реальными общественными интересами и едва ли способный увлекаться какими-либо отвлеченными теоріями. Значительное большинство палаты общинъ поддерживаетъ правительство и одобряетъ его проекты, такъ что единственнымъ оплотомъ оппозиціи является палата лордовъ. Споръ переносится такимъ образомъ на конституціонную почву: предстоитъ конфликтъ между обѣими палатами, если лорды откажутся утвердить финансовый билль, а по установившемуся издавна общему правилу рѣшающій голосъ въ бюджетныхъ и финансовыхъ вопросахъ долженъ всегда принадлежать нижней палатѣ. Антагонизмъ экономическихъ интересовъ осложняется здѣсь конституціонно-политическимъ разладомъ, послѣдствія котораго могутъ быть весьма серьезны. Формально лорды имѣютъ возможность отвергнуть бюджетъ, чтобы предоставить странѣ высказаться о новыхъ налогахъ, но этимъ обращеніемъ къ народу они рискуютъ возбудить гораздо болѣе щекотливые вопросы — о ихъ собственныхъ политическихъ привилегіяхъ, въ качествѣ наслѣдственныхъ законодателей, и о самомъ существованіи верхней палаты въ ея современномъ видѣ.

Премьеръ Асквитъ очень ясно изложилъ сущность этого двойного спора—экономическаго и политическаго—передъ многотысячною ауditоріею въ Бирмингамѣ, 17 сентября. Настоятельныя потребности государства — сказалъ онъ, между прочимъ—должны быть удовлетворяемы путемъ справедливаго распредѣленія податного бремени между разными классами населенія. Бюджетъ, названный лордомъ Розбери „революціоннымъ“, увеличиваетъ сумму платежей, лежащихъ не только на богатыхъ, но и на бѣдныхъ—и однако рабочій классъ не жалуется на увеличеніе его доли въ общихъ государственныхъ расходахъ. Предлагаемый правительствомъ налогъ на землю касается только той части поземельнаго дохода, которая создается естественнымъ ростомъ соціально-экономической жизни, помимо участія землевладѣльцевъ; въ этомъ случаѣ государству отдается лишь то, что составляетъ продуктъ общественности, и ничего нельзя возразить противъ такой формы обложенія. Что касается прибавочнаго подоходнаго налога, то онъ ложится только на богатыхъ и зажиточныхъ и долженъ также считаться безобиднымъ для большинства населенія; противъ налоговъ на табакъ, пиво и спиртные напитки возражаютъ промышленники, но не потребители и не рабочіе. Осуждая этотъ бюджетъ, какъ соціалистическій и революціонный, оппозиція не указываетъ другихъ источниковъ для доставленія государству необходимыхъ дополнительныхъ средствъ, а между тѣмъ нужно во что бы то ни стало добыть эти

новыя средства. Противники бюджета полагаютъ, что палата лордовъ можетъ отклонить или передѣлать рѣшеніе представителей народа; но—продолжалъ премьеръ—въ народномъ сознаніи твердо укоренилось убѣжденіе, что народное представительство составляетъ высшій авторитетъ въ финансовыхъ дѣлахъ и что въ этой области лорды безсильны. „Путь, рекомендуемый палатѣ лордовъ, ведётъ къ революціи, и такой образъ дѣйствій верхней палаты возбуждалъ бы вопросы болѣе широкіе и крупные, чѣмъ право лордовъ вмѣшиваться въ финансы. Отъ имени либеральной партіи правительство заявляетъ, что оно вполнѣ готово принять вызовъ верхней палаты и даже желаетъ конфликта".

Изъ словъ премьера можно заключить, что правительство ничего не имѣло бы противъ открытой борьбы съ палатою лордовъ на почвѣ новаго бюджета, ибо народъ безусловно высказался бы противъ верхней палаты, еслибы послѣдняя отождествила себя съ „партіею герцоговъ", агитирующею противъ обложенія прироста земельной ренты. Оппозиція, конечно, понимаетъ всю невыгодность такой постановки вопроса и не хочетъ идти на встрѣчу скрытымъ разсчетамъ своихъ враговъ; она предпочитаетъ увѣрить публику, что дѣло идетъ о защитѣ интересовъ всей вообще народной массы, при помощи новой экономической политики, основанной на началахъ протекціонизма. Вмѣсто стѣснительныхъ новыхъ налоговъ нужно ввести или повысить таможенныя пошлины, по извѣстному плану Чемберлэна: такова система, которую предлагалъ и мотивировалъ вождь уніонистовъ, Бальфуръ, въ своей отвѣтной рѣчи въ томъ же Бирмингамѣ, 22-го сентября. Самъ Чемберлэнъ, давно уже стоящій въ сторонѣ отъ дѣлъ по болѣзни, прислалъ устроителю собранія письмо, въ которомъ подтвердилъ свои общеизвѣстные взгляды и выразилъ надежду на то, что палата лордовъ съумѣетъ добиться всеобщихъ выборовъ подъ флагомъ протекціонизма. По мнѣнію Чемберлэна, бюджетъ Ллойда-Джорджа не даетъ никакихъ выгодъ или льготъ трудящимся классамъ; онъ представляетъ собою только послѣднюю попытку сохранить начала свободной торговли и помѣшать осуществленію необходимой тарифной реформы. Страна должна сдѣлать выборъ между финансовымъ биллемъ правительства и цѣлесообразною тарифною реформою,—и Чемберлэнъ не сомнѣвается въ отвѣтѣ большинства населенія. Бальфуръ подробно развивалъ ту же идею, подкрѣпляя ее рѣзкою критикою бюджета. Старая фискальная система, по его словамъ, подорвана, механизмъ ея совершенно разстроенъ; предположенныя бюджетныя нововведенія одинаково противорѣчатъ интересамъ рабочихъ и промышленниковъ, и только тарифная реформа можетъ удовлетворительно разрѣшить проблему, выдвинутую на пер-

вый планъ финансовыми потребностями государства. „Народъ долженъ сказать свое послѣднее слово,—заявилъ, въ заключеніе, Бальфуръ,—и еслибы страна убѣдилась, что надо выбирать между тарифною реформою и соціализмомъ, то конечно выборъ остановился бы на тарифной реформѣ".

Но какъ убѣдить народъ, что возвышеніе таможенныхъ пошлинъ выгоднѣе для него, чѣмъ обложеніе возрастающей незаслуженной ренты лэндлордовъ? Тарифная реформа означаетъ поднятіе цѣнъ на предметы заграничнаго ввоза; она неизбѣжно привела бы къ общему повышенію товарныхъ цѣнъ внутри страны и значительно удорожила бы жизнь неимущихъ классовъ населенія. Консервативные ораторы, по примѣру лорда Розбери, стараются доказать, что принципы финансоваго билля разорительны болѣе для цѣлой націи и для всѣхъ трудящихся, чѣмъ для небольшой группы знатныхъ собственниковъ. Однако, эти увѣренія невольно вызываютъ вопросъ: почему же противъ бюджета возстаютъ герцоги, а не рабочіе? Рѣчи нѣкоторыхъ критиковъ бюджета прерывались вопросами именно такого рода, и эти вопросы оставались безъ отвѣта.

Очевидно, соціализмъ, направленный противъ поземельныхъ лордовъ, не можетъ испугать заурядныхъ британскихъ гражданъ, вопреки предположенію Розбери и Бальфура. Ни средніе классы, ни рабочіе не обнаруживаютъ охоты домогаться тарифной реформы для избавленія „бѣдныхъ герцоговъ" отъ непріятностей. Обычные плательщики податей знаютъ по опыту, что всякіе вообще налоги непріятны; имъ кажется естественнымъ, что и знатные лорды недовольны выпавшими на ихъ долю платежами, но негодованіе этой привилегированной части общества по поводу финансоваго билля никакъ не можетъ раздѣляться постороннею публикою. Большинство разсуждаетъ такъ: если государству нужны новые налоги, то съ кого взимать ихъ, какъ не съ богатыхъ? И почему обложеніе скромныхъ доходовъ и заработковъ не считается посягательствомъ на священное право собственности, а взиманіе части незаслуженной ренты съ крупныхъ лэндлордовъ есть уже опасный и гибельный соціализмъ? Англичане не боятся словъ, и обвиненіе въ соціализмѣ совершенно безразлично для министровъ, озабоченныхъ созданіемъ разумной и справедливой системы государственныхъ финансовъ.

Очень можетъ быть, что оппозиція воспользуется существующимъ недовольствомъ среди вліятельныхъ элементовъ общества и побудитъ палату лордовъ принять рѣшеніе, равносильное открытію избирательной кампаніи. Вопросъ будетъ рѣшаться тогда на основаніи общаго положенія и настроенія страны, въ связи съ стоящими на очереди задачами внутренняго законодательства и политики. Уніонисты не

имѣютъ шансовъ побѣды, но они могутъ ослабить либеральное большинство, опираясь на преимущества всякой вообще оппозиціи передъ отвѣтственными носителями власти. Консерваторы надѣются, что судьба верхней палаты не будетъ при этомъ поставлена на карту, если лорды не возьмутъ на себя никакой рѣшающей роли и ограничатся лишь передачей спора на судъ націи. Отказываясь принять бюджетъ, одобренный палатою общинъ, палата лордовъ, въ сущности, не идетъ далѣе апелляціи къ народу, какъ къ дѣйствительному источнику правъ и полномочій парламента. Обращеніе къ избирателямъ для провѣрки правильности рѣшеній, принятыхъ палатою общинъ, доказываетъ наглядно, что высшимъ и окончательнымъ авторитетомъ въ странѣ признается совокупность гражданъ, обладающихъ правомъ участія въ парламентскихъ выборахъ. На этотъ принципъ опираются и лорды въ своихъ разногласіяхъ и пререканіяхъ съ палатою общинъ; но, оставаясь послѣдовательными, они не могутъ отрицать, что исключительныя привилегіи, связанныя съ положеніемъ наслѣдственныхъ законодателей, находятся въ противорѣчіи съ общимъ духомъ современнаго политическаго развитія британской націи.

Одна особенность нынѣшней партійной борьбы въ Англіи должна быть отмѣчена какъ наиболѣе характерная для англичанъ: руководители господствующей либеральной партіи, располагающей внушительнымъ большинствомъ въ парламентѣ, смѣло проводятъ законодательныя и финансовыя мѣры, которыя принято считать соціалистическими, и дѣйствуютъ въ этомъ направленіи при полномъ сочувствіи и поддержкѣ рабочаго класса. Министры горячо защищаютъ „революціонный бюджетъ“ и ядовито оспариваютъ притязанія Ротшильдовъ и герцоговъ на свободу отъ новыхъ налоговъ; нѣкоторыя рѣчи Ллойда-Джорджа по содержанію и тону почти ничѣмъ не отличаются отъ обычныхъ рѣчей соціалистовъ. Вожди рабочихъ находятся какъ бы въ одномъ лагерѣ съ прогрессистами, вдохновляемыми Асквитомъ и Ллойдомъ-Джорджемъ. Британскіе министры и ихъ парламентскіе единомышленники оказываются во многихъ случаяхъ свободными отъ односторонняго вліянія узко-классовыхъ интересовъ; они выходятъ изъ рамокъ буржуазно-классоваго сознанія, когда имъ приходится ставить и обсуждать вопросы, имѣющіе общее государственное значеніе. Политическая атмосфера Англіи способствуетъ расширенію кругозора общественныхъ и государственныхъ дѣятелей; она помогаетъ выработкѣ независимыхъ характеровъ, укрѣпленію чувства отвѣтственности и нравственнаго мужества. Оттого англійскіе передовые либералы нерѣдко солидарны съ представителями рабочаго класса, и вожди рабочихъ слѣдуютъ руководительству прогрессистовъ, безъ ущерба для своихъ партійныхъ программъ. Партійныя распри отступаютъ не-

редъ общими задачами реформаторской политики, и временные кризисы внутренней жизни проходятъ нормально, при здоровомъ и бодромъ движеніи впередъ.

Партійный съѣздъ нѣмецкой соціалъ-демократіи, засѣдавшій въ Лейпцигѣ съ 13-го по 18-ое сентября (нов. ст.), прошелъ сравнительно спокойно и доставилъ видимый перевѣсъ сторонникамъ трезвой реальной политики въ соціалъ-демократическомъ лагерѣ. Воинственныя рѣчи отдѣльныхъ ораторовъ и рѣзкія резолюціи по частнымъ вопросамъ не мѣшали съѣзду въ общемъ держаться тактики миролюбія и компромисса.

Въ первомъ засѣданіи, 13-го, было единогласно принято подробно мотивированное предложеніе бойкотировать спиртные напитки. Аграрно-реакціонное большинство имперскаго сейма, какъ сказано въ резолюціи, „возвысило водочный налогъ съ тою цѣлью, чтобы свалить на плечи бѣдняковъ значительную часть имперскихъ расходовъ, вызванныхъ безумною системою вооруженій. Вмѣстѣ съ тѣмъ при помощи нормировки водочнаго производства обезпеченъ крупнымъ землевладѣльцамъ монопольный доходъ въ 50 милліоновъ марокъ, за счетъ потребителей водки. Имѣя въ виду противодѣйствовать этой преступной эксплуатаціи народа и смягчить вредныя физическія и нравственныя послѣдствія потребленія спиртныхъ напитковъ въ широкихъ слояхъ населенія, партійный съѣздъ обращается ко всѣмъ членамъ партіи и къ рабочимъ съ призывомъ избѣгать употребленія этихъ напитковъ. Партійные товарищи и партійная пресса приглашаются осуществить это рѣшеніе съ возможно большею энергіею". Не надо забывать, что въ настоящее время въ спискахъ членовъ партіи числится болѣе 633 тысячъ человѣкъ, что партійная дисциплина держится достаточно твердо и что число солидарныхъ съ соціалъ-демократами и подчиненныхъ ихъ вліянію рабочихъ составляетъ въ Германіи свыше трехъ милліоновъ; поэтому водочный бойкотъ можетъ получить серьезное практическое значеніе и нанести дѣйствительный ударъ частнымъ винокуреннымъ заводчикамъ.—Второе засѣданіе посвящено было обсужденію отчета о парламентской дѣятельности соціалъ-демократической фракціи рейхстага; много говорилось при этомъ объ отношеніи партіи къ правительственнымъ финансовымъ законопроектамъ и, въ частности, къ налогу на наслѣдство. Одни стояли на точкѣ зрѣнія непреклоннаго отрицанія и не допускали принятія даже тѣхъ налоговъ, которые отвѣчаютъ интересамъ рабочихъ; другіе, напротивъ, утверждали, что слѣдовало одобрить налогъ на наслѣдство при третьемъ чтеніи, и этотъ взглядъ высказанъ былъ также Бебелемъ. Въ то же время обстоятельно и страстно обсуждался вопросъ о тактикѣ партіи отно-

сительно буржуазныхъ либеральныхъ группъ; въ засѣданіи 15-го сентября неожиданно, среди общаго шума, прошла по этому предмету резолюція, заключающая въ себѣ цѣлый обвинительный актъ противъ свободомыслящихъ и „товарищей-ревизіонистовъ".

„Принимая во вниманіе—гласитъ резолюція,—что политика либерализма была до настоящаго времени непрерывною цѣпью измѣнъ интересамъ рабочихъ; что и при финансовой реформѣ либералы хотѣли отягчить трудящійся народъ огромною суммою косвенныхъ налоговъ и создавали на каждомъ шагу препятствія всякимъ попыткамъ энергической оппозиціи; что при послѣднихъ выборахъ въ имперскій сеймъ либералы всѣхъ оттѣнковъ образовали прочную составную часть единой реакціонной массы и поддерживали нынѣшнее аграрно-реакціонное большинство..,—собраніе находитъ, что предположеніе соціалъ-демократическихъ членовъ имперскаго сейма идти за-одно съ либералами этого сорта и даже ограничить критику ихъ по тактическимъ причинамъ должно быть разсматриваемо какъ кровавая насмѣшка надъ партіею. Рабочій классъ имѣетъ достаточно средствъ и способовъ, чтобы проводить свою волю собственными силами". На слѣдующій день группа делегатовъ обратилась къ президіуму съ заявленіемъ, что при голосованіи этой резолюціи произошла существенная ошибка и что необходимо произвести вторичную баллотировку. При новомъ голосованіи приведенная резолюція, направленная противъ ревизіонистовъ, была отклонена значительнымъ большинствомъ голосовъ. Ревизіонисты опять торжествовали; но въ засѣданіи 17-го сентября было вновь внесено предложеніе слѣдующаго содержанія: „Партійный съѣздъ объявляетъ, что позднѣйшее отклоненіе принятой ранѣе резолюціи не должно никакимъ образомъ ослаблять силу постановленія дрезденскаго съѣзда 1903-го года относительно тактики партіи". Предложеніе это было принято единогласно, и такимъ образомъ старый принципъ замкнутости и недовѣрія по отношенію къ буржуазнымъ партіямъ сохранился формально въ прежнемъ видѣ.

Весьма снисходительно и добродушно отнесся съѣздъ къ дѣлу семи вюртембергскихъ соціалъ-демократическихъ депутатовъ, виновныхъ въ посѣщеніи королевскаго двора. Предсѣдатель Зингеръ, ссылаясь на полученныя имъ заявленія, выразилъ желаніе, чтобы дѣло было разсмотрѣно въ товарищескомъ и партійно-дружескомъ тонѣ. Онъ прочиталъ затѣмъ краткую оправдательную записку самихъ обвиняемыхъ: „Своимъ участіемъ въ инкриминируемой намъ поѣздкѣ мы, разумѣется, не имѣли въ виду проявить свое отношеніе къ какой-либо монархической демонстраціи. Если такое представленіе возникло съ чьей-либо стороны, то оно основывалось на ошибочныхъ предположеніяхъ и ложныхъ свѣдѣніяхъ. Еслибы мы могли допустить, что поѣздка будетъ

использована въ смыслѣ монархической демонстраціи, мы, конечно, уклонились бы отъ участія въ ней, согласно партійнымъ традиціямъ". Въ виду этого „утѣшительнаго" объясненія вюртембергскихъ товарищей предсѣдатель Зингеръ предложилъ считать инцидентъ исчерпаннымъ.

По вопросу о празднованіи 1-го мая съѣздъ, послѣ оживленныхъ преній, подтвердилъ прежнюю практику, хотя и съ нѣкоторыми оговорками, и установилъ обязательные взносы для поддержанія рабочихъ, лишившихся мѣста за участіе въ однодневной майской забастовкѣ. Нѣкоторые делегаты указывали на безцѣльность борьбы и жертвъ ради упорнаго соблюденія сантиментальнаго, далеко не всѣми признаваемаго обычая; но большинство съѣзда не находило возможнымъ отказаться отъ спеціальнаго рабочаго праздника, противъ котораго промышленная буржуазія возстаетъ почему-то съ непонятнымъ озлобленіемъ. Между прочимъ, съѣздъ высказалъ свои чувства по поводу „испанскихъ ужасовъ" въ Каталоніи и Марокко; говорилось также о русскихъ дѣлахъ, но соотвѣтственныя мѣста въ отчетахъ нѣмецкихъ газетъ, къ сожалѣнію, уничтожены нашею заботливою иностранною цензурою, и мы не знаемъ, что̀ именно предлагалось съѣзду относительно Россіи. Кромѣ этихъ партійныхъ и политическихъ дѣлъ, съѣздъ занимался обсужденіемъ докладовъ о пересмотрѣ и дополненіи имперскихъ законовъ по разнымъ отдѣламъ страхованія рабочихъ.

Вообще лейпцигскій соціалъ-демократическій съѣздъ имѣлъ преимущественно дѣловой характеръ и удѣлялъ гораздо меньше времени безплоднымъ и шумнымъ пререканіямъ, чѣмъ прежніе партійные съѣзды. Мѣстомъ будущаго съѣзда назначенъ Магдебургъ; предсѣдателями партіи вновь выбраны Бебель и Зингеръ.

Нѣмецкія либеральныя газеты посвящаютъ много вниманія такимъ погрѣшностямъ и увлеченіямъ прусской бюрократіи, которыя съ точки зрѣнія посторонникъ наблюдателей кажутся совершенно незначительными. Въ свое время часто упоминалось въ печати имя бургомистра маленькаго провинціальнаго города, Шюкинга, позволившаго себѣ напечатать брошюру съ оскорбительными отзывами о мѣстномъ административномъ начальствѣ и о прусскихъ бюрократическихъ порядкахъ. Бургомистръ подвергся за это дисциплинарному взысканію, съ устраненіемъ отъ службы; онъ жаловался въ высшія административныя учрежденія, доказывая несправедливость наложенной на него кары, и наконецъ, въ сентябрѣ, процессъ закончился признаніемъ его виновности. Газеты аккуратно слѣдили за ходомъ этого процесса, возводили скромнаго д-ра Шюкинга на степень героя или жертвы и

объясняли принципіальное значеніе его дѣла для характеристики прусскаго чиновничьяго формализма.

Можно согласиться съ тѣмъ, что провинціальная администрація въ Пруссіи отличается чрезмѣрнымъ педантизмомъ и не даетъ надлежащаго простора органамъ мѣстнаго самоуправленія; но въ дѣлѣ Шюкинга она проявила такое уваженіе къ законности и оставалась до конца настолько далекою отъ всякаго подобія произвола и усмотрѣнія, что трудно удержаться отъ выводовъ, прямо противоположныхъ разсужденіямъ нѣмецкой прессы. Во-первыхъ, Шюкингъ съ самаго начала процесса пользовался всѣми обычными гарантіями правосудія; передъ высшимъ судомъ онъ имѣлъ двухъ защитниковъ; всѣ обвиненія точно и ясно формулировались компетентнымъ должностнымъ лицомъ, и судъ произнесъ свое рѣшеніе послѣ добросовѣстнаго разбирательства, продолжавшагося нѣсколько дней. Обвинитель прямо заявлялъ суду, что самая рѣзкая критика правительственныхъ дѣйствій должна признаваться вполнѣ законною и что этой стороны брошюры Шюкинга онъ вовсе не касается; дѣло идетъ исключительно о ложныхъ фактическихъ свѣдѣніяхъ и объ обидныхъ замѣчаніяхъ, относящихся до отдѣльныхъ лицъ. Занимая мѣсто бургомистра, Шюкингъ въ своей книжкѣ, по словамъ обвинителя, высказывался въ неодобрительномъ и даже презрительномъ тонѣ объ учрежденіяхъ и чиновникахъ, которымъ онъ былъ непосредственно подчиненъ; въ одномъ мѣстѣ онъ „нарушилъ долгъ почтенія къ императору, хотя и не въ томъ смыслѣ, что признаетъ его человѣкомъ невысокаго калибра; но сопоставленіе императора съ студентами-корпорантами заключаетъ въ себѣ тяжкое оскорбленіе чести“. За всѣ эти преступленія судъ лишилъ Шюкинга права на пенсію и на титулъ бургомистра. Дѣло тянулось болѣе двухъ лѣтъ; подсудимому предоставлены были всѣ способы къ оправданію, и окончательный исходъ процесса не могъ быть приписанъ случайности или ошибкѣ. Съ подсудимымъ поступили даже очень милостиво, съ нашей точки зрѣнія, и если подобные процессы даютъ нѣмцамъ матеріалъ для негодующей критики, то это можетъ служить краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ въ пользу существующихъ въ Пруссіи порядковъ, при всей ихъ принципіальной несостоятельности или ненужности.

Въ Австро-Венгріи продолжается политическій кризисъ, связанный съ отсутствіемъ прочнаго соглашенія между обѣими половинами монархіи. Обще-имперскій министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ, нынѣ графъ Эренталь, ведетъ большую политику, за которую должны расплачиваться народы—а народы не торопятся исполнять предъявляе-

мыя имъ требованія и въ свою очередь ставятъ правителямъ трудно разрѣшимыя задачи. Уже годъ прошелъ со времени формальнаго присоединенія Босніи и Герцеговины; пришлось уплатить турецкому правительству 54 милліона кронъ въ вознагражденіе за уступку этихъ провинцій, которыми и безъ того фактически владѣла и распоряжалась Австро-Венгрія. Вмѣстѣ съ тѣмъ потребовались крупные дополнительные кредиты на армію и флотъ; необходимо также устроить управленіе присоединенныхъ областей на новыхъ, конституціонныхъ началахъ. Сдѣланныя или предстоящія затраты не одобрены еще парламентами; между тѣмъ Венгрія не расположена назначать какія-либо средства въ распоряженіе центральной власти, пока она еще не добилась завершенія своей автономіи въ сферѣ военныхъ и финансовыхъ дѣлъ.

Коалиція венгерскихъ политическихъ партій, обезпечившая существованіе коалиціоннаго кабинета Векерле, теперь распалась. Министръ-президентъ еще весною предложилъ императору свою отставку; министерству предоставлено было однако сохранить власть на лѣтніе мѣсяцы, въ ожиданіи дальнѣйшихъ переговоровъ съ предводителями отдѣльныхъ парламентскихъ группъ. Происходившіе съ тѣхъ поръ переговоры ни къ чему не привели, и 22 сентября кабинетъ Векерле вновь подалъ въ отставку. Глава наиболѣе многочисленной въ парламентѣ партіи независимости, Францъ Кошутъ, нѣсколько разъ вызывался въ Вѣну и представлялъ свои объясненія императору Францу-Іосифу; онъ требуетъ учрежденія особаго государственнаго банка Венгріи и по прежнему настаиваетъ на признаніи правъ національнаго языка въ венгерской арміи. Престарѣлый императоръ не соглашается на эти важныя нововведенія, которыя, на его взглядъ, означали бы окончательное распаденіе имперіи; въ этомъ настроеніи, насколько извѣстно, поддерживаетъ монарха наслѣдникъ престола, Францъ-Фердинандъ. Съ своей стороны, Кошутъ и партія независимости не могутъ отказаться отъ своихъ законныхъ національныхъ притязаній, соотвѣтствующихъ давнишнимъ надеждамъ и стремленіямъ мадьярской націи. При такихъ обстоятельствахъ трудно разсчитывать на скорое и благополучное разрѣшеніе хроническаго австро-венгерскаго кризиса.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ

Вячеславу Иванову принадлежитъ далеко не послѣднее мѣсто среди представителей современной русской литературы. Своими теоретическими статьями и стихотворными произведеніями, а еще болѣе, кажется, путемъ непосредственнаго личнаго общенія онъ пріобрѣлъ значительный авторитетъ въ глазахъ многихъ нашихъ поэтовъ, выступившихъ на литературное поприще за послѣднія десять-двадцать лѣтъ, и имѣлъ несомнѣнное вліяніе на формированіе ихъ эстетическаго міровоззрѣнія и на направленіе ихъ поэтической дѣятельности. Даже такой самостоятельный писатель, какъ Валерій Брюсовъ, чтитъ въ Вячеславѣ Ивановѣ „поэта, мыслителя, друга“, „жреца суроваго и вѣчно юнаго тирсофора“ (посвященіе къ сборнику „Стефаносъ“, 1906 г.). Въ виду этого, содержаніе проповѣди г. Иванова весьма существенно для уразумѣнія современнаго момента въ развитіи русской поэзіи. Къ сожалѣнію, овладѣть этимъ содержаніемъ не такъ легко, такъ какъ г. Ивановъ выражаетъ свои идеи въ формѣ чрезвычайно замысловатой. Его лексиконъ изобилуетъ далеко не всегда вразумительными неологизмами, а обычныя слова онъ постоянно употребляетъ въ необычномъ смыслѣ. Синтаксисъ его тяжеловѣсенъ и запутанъ. Мысль его на каждомъ шагу прячется за туманные, произвольные символы, почерпнутые то изъ собственныхъ его стихотвореній, то изъ античныхъ легендъ, или изобрѣтаемыхъ спеціально для даннаго случая. При этомъ г. Ивановъ и античную-то легенду часто наполняетъ чуждымъ ей содержаніемъ, подсказаннымъ либо толкованіями Ницше, либо собственными размышленіями. Въ результатѣ получается на рѣдкость искусственная и туманная манера выражаться, которая только утомляетъ читателя и не выясняетъ мысли автора, а заволакиваетъ ее трудно проницаемымъ слоемъ вычурности.

Всѣми этими неудобными качествами обладаетъ и послѣдній сборникъ статей г. Иванова: „По звѣздамъ“. Онъ служитъ лучшимъ доказательствомъ утвержденія автора, что современный пѣвецъ „отринулъ слово обще- и внѣшне-вразумительное“ и впалъ въ „афасію“. Напрасно только г. Ивановъ столь прискорбное положеніе

свое и нѣкоторыхъ своихъ друзей связываетъ съ именемъ Пушкина. Правда, страдающій афасіей „тирсоносецъ“ признаетъ, что „обильная, прямая, поэтическая рѣчь, которою невольно заслушивались, свободно лилась изъ устъ Пушкина“. Но, по мнѣнію г. Иванова, Пушкинскій „Іамбъ“ („Чернь“) положилъ начало разрыву поэта съ народомъ, „уединенію художника“, „тяготѣнію искусства къ эсотерической обособленности, утонченію, изысканности „сладкихъ звуковъ“, а отсюда выросло не только неумѣнье поэтовъ позднѣйшихъ поколѣній говорить съ народомъ, но и неспособность ихъ вообще передавать словами свои мысли и настроенія. Изъ этой по истинѣ плачевной „трагики“ современные поэты пробуютъ выбраться, выражаясь не „отринутыми обще- и внѣшне-вразумительными словами“, а гіератическими символами, смыслъ коихъ доступенъ только для посвященныхъ. Но, справедливо неудовлетворенные такимъ суррогатомъ истинной поэзіи, они нынѣ уже спускаются въ интимную глубину своихъ душъ и тамъ начинаютъ обрѣтать болѣе вразумительный и менѣе косноязычный способъ выражаться, который въ концѣ концовъ долженъ, по мнѣнію г. Иванова, вывести нашу поэзію на путь „діонирамба“, „мистотворчества“, „большого, всенароднаго искусства“. Такимъ образомъ выходитъ, что современные символисты разныхъ наименованій и фракцій несутъ кару за прегрѣшеніе геніальнаго праотца нашей поэзіи и своимъ подвигомъ искупаютъ прародительскій грѣхъ. Большая часть статей въ сборникѣ „По звѣздамъ“ и посвящена обслѣдованію психологической и метафизической сущности этого грѣхопаденія, изысканію путей къ его искупленію и мистико-пророческому обоснованію вѣры въ эти пути.

Я менѣе всего склоненъ съ легкомысленной издѣвкой и огульно отметать тѣ искреннія усилія духа, тѣ напряженныя исканія, которыя, скажу прямо, въ перемѣшку съ большимъ количествомъ хлама, имѣются въ современной литературѣ, какъ художественной, такъ и посвященной теоретическимъ вопросамъ. Въ частности и въ исканіяхъ г. Иванова я чувствую много искренности, а иногда и глубину запросовъ. Но его сознаніе, въ большинствѣ случаевъ, безсильно овладѣть тѣми проблемами, къ разрѣшенію коихъ онъ стремится. Смутные и раздробленные отсвѣты истины, мелькающіе въ душѣ г. Иванова, не дорастаютъ до яркости и устойчивости, которыя однѣ только даютъ возможность самостоятельной и отчетливой формулировки,—и тутъ, конечно, лежитъ настоящая причина „афасіи“ его и его друзей. Весь секретъ заключается въ досадномъ несоотвѣтствіи между цѣлями, которыя ставитъ себѣ писатель, и силами, которыя удѣлила ему природа.

Въ атмосферѣ другого теченія писатель могъ бы сознать трагико-

мизмъ такихъ покушеній съ негодными средствами, могъ бы понять, что не всякому дано успѣшно посягать на всѣ безъ исключенія проблемы духа человѣческаго; онъ примирился бы съ работой на той нивѣ и въ тѣхъ межахъ, какія соотвѣтствуютъ его дарованію, и съ вѣрою и любовью ждалъ бы прихода другихъ, болѣе могучихъ пахарей, которые подняли бы манящую его, но недоступную для него новь. Но одна изъ характернѣйшихъ чертъ нашихъ модернистовъ заключается именно въ томъ, что они считаютъ себя отмѣченными елеемъ особеннаго помазанія. Они, по видимому, искренне убѣждены, что передъ величайшими геніями и провидцами всѣхъ вѣковъ и народовъ не вставало такихъ вопросовъ, которые были бы необъятны для вождей россійскаго модернизма, что индивидуальности, самыя исключительныя по своей одаренности, мощи и духовной сложности, не переживали такихъ психологическихъ комплексовъ, которые не были бы въ полной мѣрѣ доступны внутреннему опыту средне-талантливаго русскаго человѣка нашихъ дней. Какъ люди даровитые и не лишенные чуткости, они понимаютъ, что въ русской жизни есть сейчасъ большое неблагополучіе, природа котораго еще неясна и источники лежатъ глубже, чѣмъ полагаютъ ходячія идеологіи. Они чуятъ, что у насъ что-то застопорилось, что наступило тяжелое и крайне опасное оскудѣніе, что нашъ національный организмъ долженъ сдѣлать какое-то героическое усиліе, совершить подвигъ, если не желаетъ покориться крайне нерадостнымъ перспективамъ. Но, рядомъ съ этими основательными идеями, у модернистовъ есть совершенно неосновательное убѣжденіе, что этотъ подвигъ должны совершить или, по крайней мѣрѣ, указать пути къ нему и методы его совершенія, именно они, и никто иной. Модернистамъ представляется, что они находятся въ узлѣ всероссійской, если только не всемірной, трагедіи, что они обязаны учительствовать и пророчествовать, и что если они откажутся отъ этой функціи, то не исполнятъ своего предвѣчнаго назначенія.

Возведя себя на такую высоту и принявъ, по недоразумѣнію, на свои рамена бремя столь неудобоносимое, модернисты, естественно, склонны свои личныя и кружковыя затрудненія возводить въ рангъ міровой трагедіи, а своимъ туманнымъ идеямъ приписывать весьма почтенную генеалогію, вплетая въ нее всѣхъ геніевъ, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ, и даже небожителей христіанской и до-христіанскихъ религій. Родоначальникомъ и неизмѣннымъ адептомъ этой манеры является г. Ивановъ, и весь сборникъ „По звѣздамъ“ насыщенъ генеалогическими реминисценціями весьма сомнительной достовѣрности. Не имѣя возможности обслѣдовать эту генеалогію на всемъ ея протяженіи и по отношенію ко всѣмъ мистико-метафизическимъ

вопросамъ, которые включилъ въ нее г. Ивановъ, я остановлюсь на одномъ пунктѣ, весьма существенномъ и типичномъ для всей проповѣди г. Иванова: это—упомянутый уже вопросъ о томъ явленіи, которое авторъ называетъ, вслѣдъ за славянофилами и нѣкоторыми современными публицистами, „разрывомъ между художникомъ новаго времени и народомъ“.

Этотъ разрывъ „впервые“, по мнѣнію г. Иванова, нашелъ свое выраженіе въ Пушкинскомъ стихотвореніи „Чернь“. „Явленіе новое и неслыханное,—ужасается авторъ,—потому что въ борьбу вступили рапсодъ и толпа, протагонистъ діѳирамба и хоръ — элементы немыслимые въ раздѣленіи“. Останавливаюсь пока на этой фразѣ и задаюсь вопросомъ: въ какомъ смыслѣ употребляетъ г. Ивановъ слова „впервые“, „новое“, „неслыханное“? Вѣдь не хочетъ же онъ, конечно, сказать, что рапсоды, хоры и протагонисты не только существовали до 1828 г., но и жили между собой въ добромъ и ненарушимомъ согласіи... Явно, что всѣ эти реминисценціи изъ эллинскаго міра попали сюда некстати и должны быть разсматриваемы какъ желаніе г. Иванова лишній разъ подчеркнуть свою теорію о диѳирамбической природѣ искусства. Оставляю въ сторонѣ эту путаницу и стараюсь добросовѣстно вылущить изъ нагроможденія постороннихъ элементовъ настоящую мысль автора. Она, очевидно, сводится къ тому, что до Пушкинскаго ямба между поэтомъ и толпою не было разрыва, по крайней мѣрѣ ясно выраженнаго. Но вѣдь это же совершенная неправда. Всего пятью строками ниже г. Ивановъ приводитъ латинскую цитату, которая должна была бы напомнить ему извѣстную оду Горація, начинающуюся словами: „Ненавижу непосвященную толпу“. Это ли не разрывъ поэта съ толпой, ясно выраженный почти за двѣ тысячи лѣтъ до Пушкина и, какъ намъ доподлинно извѣстно, не оставшійся безъ вліянія на ямбъ Пушкина? Мы знаемъ и другое вліяніе, подсказавшее нашему поэту кругъ идей, лежащихъ въ основѣ этого стихотворенія: вліяніе московскаго шеллингистскаго кружка, съ Д. Веневитиновымъ во главѣ. Въ сочиненіяхъ Веневитинова, умершаго за годъ до написанія „Черни“, совершенно ясно выражено шеллингіанско-романтическое воззрѣніе на поэта, какъ на жреца, отрѣшеннаго отъ толпы и въ тиши уединенія внемлющаго глаголамъ неба, чтобы потомъ принести ихъ на землю. А сами нѣмецкіе романтики конца XVIII-го вѣка—развѣ они не были воплощеннымъ разрывомъ поэта съ толпой, развѣ не входила насмѣшка надъ толпой, какъ интегральная часть, въ ихъ теорію „божественной ироніи“? Такимъ образомъ, Пушкинская „Чернь“ была только однимъ изъ проявленій литературнаго теченія, далеко уже не новаго къ 1828 г. и нашедшаго для себя весьма опредѣленное выраженіе и въ нѣмецкой, и въ русской

литературѣ. Мало того: и у самого Пушкина гнѣвныя попытки разрыва съ толпой находятся уже задолго до „Черни“. Напомню г. Иванову хотя бы стихотвореніе „Свободы сѣятель пустынный“: народы уподобляются здѣсь стадамъ, которыя „должно рѣзать или стричь“, наслѣдье которыхъ изъ рода въ родъ—„ярмо съ гремушками да бичъ“.

Но примиримся и съ этимъ типичнымъ образчикомъ крайне вольнаго обращенія съ фактами—обычнаго грѣха вождей нашего модернизма. Возьмемъ вопросъ по существу: подлинно ли гнѣвъ Пушкина противъ черни психологически родственень тому экзотическому уединенію, хотя бы и „келейному“, въ которомъ пребываютъ современные модернисты?

Трудно себѣ представить психическую организацію, менѣе приспособленную къ самозамкнутости, чѣмъ Пушкинъ. Баратынскій писалъ про Гете:

Все умъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты прошедшихъ вѣковъ,
Грядущихъ временъ упованья.
Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ.

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье.
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Извѣданъ, испытанъ имъ весь человѣкъ...

Съ полнымъ правомъ поэтъ могъ бы примѣнить эти строфы и къ Пушкину. Взоръ и слухъ, жадно раскрытые для впечатлѣній внѣшняго міра, сердце, поразительно чуткое къ чужимъ душевнымъ переживаніямъ—вотъ основныя черты натуры Пушкина, объясняющія всю его жизнь и все его творчество. Природа, искусство, люди непреодолимо и неутолимо влекли его къ себѣ. И это былъ не внѣшній интересъ холоднаго наблюдателя, а вѣчный голодъ богато-одаренной души, которая жила и питалась постояннымъ притокомъ впечатлѣній извнѣ. При этомъ въ Пушкинѣ поражаетъ необычайная гибкость воспріятія, умѣнье откликаться на самые разнообразные и тонкіе нюансы, способность сохранять за тѣмъ, что̀ вошло въ его сознаніе, весь индивидуальный составъ и всю специфическую окраску объектовъ его воспріятія. Онъ никогда не съуживалъ и не уродовалъ ихъ ни мертвой схематизаціей, ни подгибаніемъ подъ извивы своей индивидуальности. Наоборотъ—онъ обладалъ чуднымъ даромъ безконечнаго рас-

ширенія своей индивидуальности и обрѣталъ въ ней такой безпредѣльный просторъ возможностей, въ который свободно и въ неприкосновенной цѣлостности укладывались всѣ пейзажи и звуки, всѣ идеи и душевныя переживанія. Постоянно насыщая и развивая свое „я“ этимъ неисчерпаемымъ богатствомъ, Пушкинъ безостановочно росъ и охватывалъ своей геніальной личностью все бо̀льшую и бо̀льшую сферу доступнаго человѣчеству опыта, и потому его обобщенія жизни приближались къ державной мудрости истиннаго пророка и учителя.

Этотъ безпрерывный ростъ личности, питаемый обильнымъ притокомъ впечатлѣній, былъ сутью духовной жизни Пушкина и могущественнѣйшимъ инстинктивнымъ рычагомъ ея. Оторванный отъ живой дѣйствительности, отъ океана свѣжихъ, реальныхъ фактовъ и процессовъ, поэтъ изнемогалъ и задыхался. Когда китайская стѣна среды, разъѣденной условностью, фальшью, надуманностью и другими ядами психическаго разложенія, отгораживала его отъ живого движенія и боренія зиждительныхъ силъ, онъ рвался на просторъ и предпочиталъ дебоши „оргіаческаго“ кружка „Зеленой Лампы“ тому благопристойному обществу, гдѣ царятъ лепечущіе политики, украшенные глупцы, святые невѣжды, почетные подлецы и мистика придворнаго кривлянья. И однако волею судебъ Пушкинъ часто оказывался узникомъ этихъ безнадежныхъ мертвецовъ, тупыхъ, холодныхъ, завистливыхъ, къ соблазну жадныхъ, равнодушныхъ ко всему, чѣмъ жилъ поэтъ, осквернявшихъ кощунственно алтарь, на которомъ горѣлъ его огонь, наносившихъ его сердцу непереносныя обиды. Съ раззолоченной чернью великосвѣтскихъ салоновъ Николаевскаго времени у Пушкина дѣйствительно не было ничего общаго, и ей онъ могъ смѣло бросить гнѣвное „подите прочь!..“ Но неужели въ этомъ былъ расколъ съ русскимъ народомъ?..

Съ еще большей энергіей, съ еще бо̀льшимъ правомъ долженъ онъ былъ повторить свой окрикъ, когда „святые невѣжды“ и „почетные подлецы“, лицемѣрные поборники мѣщанскаго морализированія и безпощадной карающей государственности требовали отъ поэта нравоученій въ стилѣ добраго стараго времени. Поэтъ сознавалъ, что у него въ рукахъ былъ другой, вѣрный методъ „исправленія сердецъ“ — методъ вдохновенія, который раскрывалъ каждому человѣку въ его душѣ тайники истинной человѣчности, который заставлялъ человѣка воздерживаться отъ зла не изъ страха передъ возмездіемъ,—все равно, земнымъ или загробнымъ,—а изъ отвращенія передъ безсиліемъ и уродствомъ, изъ любви къ красотѣ жизни, осіянной высшими возможностями, таящимися въ душѣ человѣческой. Съ тѣми, кто упрямо отрицаетъ возможность внутренняго возрожденія и полагается только на кнутъ внѣшняго авторитета, съ тѣми, кто способенъ воплотившуюся

Любовь послать на Голгоѳу,—съ ними какъ не разорвать носителю Духа?.. И развѣ разрывъ съ ними есть разрывъ съ народомъ?..

Любить человѣка — значитъ ненавидѣть его пороки и стараться освободить его отъ нихъ. Любить народъ—значитъ ненавидѣть чернь, ту чернь, которую отметалъ Пушкинъ. Народа же, русскаго народа Пушкинъ не только никогда не отметалъ, но наоборотъ, жилъ для него и весь смыслъ своего жизненнаго подвига видѣлъ въ томъ, чтобы вдохновенныя прозрѣнія, утѣшавшія его въ скорбяхъ и мирившія съ жизнью, стали удѣломъ всего народа и облегчили ему его тернистый путь. И народъ, едва выведенный изъ мрака поголовной безграмотности, понялъ и принялъ Пушкина и закрѣпилъ за нимъ великое имя народнаго русскаго поэта. И пока русская литература имѣла силу держаться на стезѣ, указанной Пушкинымъ, она оставалась истинно народной, понятной и пріемлемой для народа,—для каждой личности, конечно, въ мѣру ея одаренности, и въ соотвѣтствіи съ индивидуальнымъ тембромъ ея душевнаго строя. Но вѣдь не будетъ же г. Ивановъ отрицать, что и въ блаженныя времена диѳирамбической поэзіи пѣснь протагониста не воспринималась всѣми членами толпы въ полной мѣрѣ единообразно, безъ индивидуальныхъ уклоновъ.

Съ модернизмомъ дѣло обстоитъ иначе: тутъ какъ разъ мы сталкиваемся съ психиками, роковымъ образомъ обреченными на самозамкнутость. Тутъ въ самомъ дѣлѣ есть разрывъ, и не только въ способѣ выражаться, а по существу, и не только съ народомъ, но и вообще съ внѣшнимъ міромъ,—разрывъ, обусловленный убійственною для художника скудостью воспринимательной способности. Какъ будто ледяной корой обросли эти люди, и черезъ нее проникаютъ въ ихъ души лишь невнятные, невѣрные, бѣглые отсвѣты и отзвуки окружающаго ихъ міра. Ледяной корой окованы и сердца ихъ, такъ что познаніе внутренняго міра чужой личности представляется имъ задачей почти неразрѣшимой. Оттого такъ скуденъ ихъ психологическій багажъ, оттого и построенныя на такихъ обрывкахъ обобщенія далеки отъ общеобязательной, пророческой истинности. Обладая художественнымъ талантомъ и оставаясь въ предѣлахъ искренности, поэты этого склада могутъ, конечно, вскрыть и дѣйствительно вскрываютъ одинъ уголокъ дѣйствительности—грустную повѣсть „обреченныхъ“ на самозамкнутость душъ. Но когда они пробуютъ увѣрить насъ, что весь міръ и всѣ мы построены по ихъ образцу, что выше ихъ прозрѣній ничего еще не бывало на свѣтѣ, что ихъ путь ведетъ къ исчерпывающему синтезу, то мы никакъ не можемъ имъ повѣрить, ибо нашъ непосредственный душевный опытъ и наше знаніе настоящаго и бывшаго убѣждаютъ насъ въ иномъ. А на ихъ обѣщанія синтеза отвѣчаемъ словами стараго поэта:

Люби питомца вдохновенья
И гордый умъ предъ нимъ смиряй,
Но въ чистой жаждѣ наслажденья
Не каждой арфѣ слухъ ввѣряй:
Не много истинныхъ пророковъ...

Вотъ истинная причина того, что поэты школы Вячеслава Иванова навсегда останутся не всенародными, а кружковыми, и ихъ идеи никогда не пріобрѣтутъ „дифирамбическаго“ значенія. Мало того: и дальнѣйшее движеніе поэзіи въ той психологической плоскости, на которой сейчасъ держатся модернисты, ни въ какомъ случаѣ не выведетъ ихъ изъ тупика: для этого надобно было бы, чтобы растаяла облегающая ихъ ледяная кора—а я не знаю, дождется ли нашъ Силоамъ новаго воплощенія той силы, которая властна была возвращать зрѣніе слѣпымъ, слухъ глухимъ и силу разслабленнымъ. Да еслибы и случилось такое чудо, то сущность его заключалась бы въ томъ, что оно дало бы нашей поэзіи силу подняться съ теперешней плоскости на плоскость Пушкина и его дѣйствительныхъ продолжателей.

Попробуемъ, напримѣръ, вглядѣться въ творчество самаго талантливаго и содержательнаго представителя новой школы, Валерія Брюсова, который, кстати, закончилъ въ этомъ году изданіе собранія своихъ стихотвореній, обнимающаго всѣ пятнадцать лѣтъ его поэтической дѣятельности („Пути и перепутья“, три тома).

Эти три книжки способны доставить большое и истинное наслажденіе любителю поэзіи. Мы имѣемъ дѣло съ несомнѣнно крупнымъ мастеромъ слова. Онъ сразу зачаровываетъ васъ смѣлой оригинальностью ритмовъ, богатствомъ и неожиданностью созвучій, яркой экспрессивностью языка, жгучестью образовъ. Общее впечатлѣніе — дерзновенный размахъ въ постановкѣ задачъ и красивая увѣренность достиженій. Отдѣльныя неудачи торопишься пропускать, чтобы спѣшить къ новымъ и новымъ побѣдамъ удивительнаго виртуоза. Все отчетливѣе и отчетливѣе вырисовывается насквозь оригинальная физіономія художника: онъ никому не подражаетъ, онъ создаетъ свой собственный стиль, особенности котораго ясно ощущаются, но не такъ-то легко поддаются краткому опредѣленію. Я бы сказалъ, что Брюсовъ самъ точнѣе всего опредѣлилъ свою художественную манеру, охотно изображая себя съ молотомъ въ рукахъ надъ глыбой почти несокрушимаго гранита или надъ массой неподатливаго металла. Стихъ Брюсова, въ самомъ дѣлѣ, не то высѣченъ изъ камня, не то выкованъ изъ металла. Вы чувствуете, что русскій языкъ не слушается художника, какъ воскъ или краска. Какое-то упорное сопротивленіе приходится преодолѣвать поэту, чтобы покорить свой матеріалъ; ощу-

щается почти физическая напряженность работы, и это сказывается въ особой энергіи линій, въ нѣсколькой преувеличенной выпуклости рельефа. Но въ концѣ концовъ желѣзная воля артиста преодолѣваетъ косность матеріи, камень подъ его ударами превращается въ кружево, какъ башенки миланскаго собора, и металлъ покрывается фантастической роскошью тончайшей чеканки, какъ флорентинскіе шлемы и кубки изъ мастерской Челлини. Однако ощущеніе камня и металла, приневоленнаго, но не смирившагося, все-таки остается. Непринужденной легкости Пушкинскаго стиха, внутренней, органической музыкальности Лермонтовскаго „Ангела“ Брюсовъ никогда не достигаетъ. Внимательный анализъ безъ труда разлагаетъ на составные элементы всю гармонію его ритмовъ и созвучій. Вы видите, что она сработана сознательно; мастерски—но сработана. Какъ будто въ мастерской Брюсова нѣтъ того послѣдняго горнила, которое работу мастера превращаетъ въ неразложимое созданіе генія...

Поражаетъ Брюсовъ и своею способностью на рѣдкость полно и точно передавать свои переживанія. При извѣстной воспріимчивости, читатель легко входитъ въ душевный міръ автора и совершенно проникается его настроеніемъ. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что Брюсовъ часто старается закрѣпить весьма тонкіе и трудно уловимые оттѣнки настроеній. Брюсовъ, по видимому, поборолъ уже состояніе „афасіи“, о которомъ говоритъ Вячеславъ Ивановъ, и въ этомъ отношеніи опередилъ своихъ соратниковъ.

Итакъ, Брюсовъ обладаетъ безспорнымъ и замѣчательнымъ художественнымъ дарованіемъ, иначе говоря—способностью въ наиболѣе полной и эквивалентной формѣ раскрывать свой внутренній міръ. Вглядываясь въ этотъ міръ, мы замѣчаемъ въ немъ характерную особенность: у поэта нѣтъ настоящаго интереса къ природѣ, къ ея реальнымъ линіямъ, краскамъ и звукамъ. Если и встрѣчаются у него элементы пейзажа, то лишь какъ стилизованный орнаментъ къ лирическимъ изліяніямъ, чаще всего построенный на экзотическихъ мотивахъ тропической флоры. Лишь водныя массы, которыя захватываютъ и самыхъ невпечатлительныхъ людей, способны иногда привлечь вниманіе Брюсова; но и отъ нихъ онъ можетъ безучастно отвернуться.

Сверкаютъ волны незнакомымъ свѣтомъ.
Въ ихъ звучномъ плескѣ нѣтъ родного метра.
. . . . . .
Я не пойму, въ чемъ тайный смыслъ волненья,
А морю не понять моихъ вопросовъ.

По временамъ онъ прямо презираетъ реальную природу, находя, что она слишкомъ скудна по сравненію съ богатствомъ его внутренняго міра:

Создалъ я въ тайныхъ мечтахъ
Міръ идеальной природы,—
Что передъ нимъ этотъ прахъ:
Степи, и скалы, и воды!

Словомъ, онъ отлично обходится и безъ природы.

Мнѣ не нужно яркаго блеска,
Красоты и величья небесъ...
Со мной любимыя книги,
Мнѣ поетъ любимый размѣръ...

„На улицахъ узкихъ, и въ шумѣ, и ночью, въ театрахъ, садахъ“ Брюсовъ гораздо болѣе дома, чѣмъ среди природы. Типичный продуктъ городской культуры, отрѣзанный отъ властныхъ и животворящихъ зововъ неба и земли, поэтъ слагаетъ гимны городу, дѣлу рукъ человѣческихъ, а не дѣламъ рукъ Божіихъ. Для него нѣмы небеса, лѣса и волны, но онъ откликается на языкъ городскихъ фасадовъ и фабричныхъ трубъ. Не потому ли и его стилю не хватаетъ органичности живого стебля: вѣдь и у фасада собора одухотворена только поверхность, а за нею скрывается косная масса камня...

Холодный къ природѣ, Брюсовъ холоденъ и къ людямъ. Общественный инстинктъ развитъ у него крайне слабо. Правда, громовыя событія послѣдней войны и освободительнаго движенія дали ему поводъ для написанія нѣсколькихъ стихотвореній („Современность“),— но это реторика, хотя очень красивая и умная. Такъ и чувствуется, что не искренней болью и не жуткимъ волненіемъ подсказаны эти пьесы, а желаніемъ виртуоза использовать новую и интересную тему. Тщетно стали бы мы искать у Брюсова и слѣдовъ глубокой привязанности къ кому-либо, основанной на интимномъ пониманіи чужого „я“ и на ощущеніи драгоцѣнности и постоянной необходимости этого „я“ для внутренней жизни самого поэта. Его посвященія соратникамъ—скорѣе красивые трактаты на эстетическія темы, обращенные въ пространство, чѣмъ памятники истинной дружбы. У него нѣтъ глаза на реальныя очертанія чужой индивидуальности, какъ нѣтъ глаза и для природы. И хотя женщины играютъ въ его жизни совершенно исключительную роль, но и онѣ не индивидуализируются въ его воспріятіи, а всегда появляются въ стилизованномъ видѣ, характеризуются двумя-тремя общими для нихъ всѣхъ штрихами. Это все какія-то туманныя проекціи субъективныхъ переживаній самого автора, а не живыя личности, имѣющія каждая свою физіономію, свою „святую глубину, гдѣ все единственно и неслучайно“.

Передъ нами вырисовывается, такимъ образомъ, типъ, діаметрально противоположный Пушкинскому психическому складу—типъ человѣка,

обреченнаго на самозамкнутость и, слѣдовательно, на большую скудость своего внутренняго міра. И перебирая мотивы Брюсовской лирики, мы безъ труда убѣждаемся, что всѣ перебои его настроеній сводятся именно то къ безуспѣшнымъ попыткамъ самоутвердиться въ своей изолированности и населить холодную пустоту своего „я“ игрой фантазіи, то къ судорожнымъ порывамъ за предѣлы душнаго и тѣснаго каземата, хотя бы для того, чтобы попасть въ сосѣдній казематъ.

Много сильныхъ и прекрасныхъ стихотвореній посвящаетъ Брюсовъ прославленію личности, которая исполнена вѣры въ свою мощь и неустанно движется все впередъ и впередъ, къ невѣдомой цѣли, сокрушая на пути всѣ препятствія, внутреннія и внѣшнія, налагая свою волю на противоборствующихъ. Себя самого Брюсовъ причисляетъ именно къ разряду такихъ личностей и считаетъ своимъ назначеніемъ — сокрушить всѣ идолы, почтеніе къ которымъ мѣшаетъ вольному полету русскаго духа, и вывести русскую поэзію, а за ней, вѣроятно, и всю русскую жизнь на просторъ безконечныхъ исканій и безконечнаго совершенствованія.

Свѣтлымъ облакомъ плѣненные,
Долго мы смотрѣли вслѣдъ.
Полно, братья соблазненные!
Это только бѣглый свѣтъ.

Развѣ есть предѣлъ мечтателямъ?
Развѣ цѣль намъ суждена?
Назовемъ того предателемъ,
Кто намъ скажетъ—здѣсь она!

Развѣ рѣдко въ прошломъ ставили
Мертвый идолъ Красоты?
Но одни лишь мы прославили
Бога жажды и мечты!

Подымите, братья, посохи,
Дальше, дальше, какъ и шли!
Паруса развѣйте въ воздухѣ,
Дерзко правьте корабли!

Жизнь не счастье, но томленіе,
Но прозрѣнья, но борьба.
Все впередъ—отъ возрожденія
Къ возрожденью, сквозь гроба!

Этотъ мужественный призывъ смѣлаго адогматизма весьма близокъ и дорогъ сердцу современнаго русскаго человѣка. Но не всякое адогматическое устремленіе есть движеніе впередъ. Безъ наличности

извѣстнаго компаса, безъ чутья направленія, „Богъ жажды и мечты“ можетъ завлечь и назадъ, и даже въ бездну. И не всякій „гробъ“ есть стадія къ новому возрожденію. Брюсовъ это знаетъ не хуже, чѣмъ всякій другой, знаетъ по своему внутреннему опыту.

Мы вѣрили нашей дорогѣ,
Мечтались намъ отблески рая...
И вотъ—неподвижно—у края
Стоимъ мы въ стыдѣ и тревогѣ.

Невѣрное только движенье,
Хоть мигъ по завѣтной дорогѣ—
И нѣтъ ни стыда, ни тревоги,
И вѣчно, и вѣчно паденье!

. . . . . .
Мерцаетъ звѣзда на мгновенье,
Послышится ль голосъ спасенья:
Откуда: изъ бездны, иль свыше?

Или въ другомъ мѣстѣ:

И лѣстница все круче...
Не оступлюсь ли я,
Чтобъ стать звѣздой падучей
На небѣ бытія?

Но это все еще только сомнѣнія. А вотъ уже и безусловное сознаніе свершившейся непоправимой бѣды:

Облегчи намъ страданія, Боже!
Мы какъ звѣри вгнѣздились въ пещеры—
Жестко наше гранитное ложе,
Душно намъ безъ лучей и безъ вѣры.

Самоцвѣтные камни блистаютъ,
Вдаль уходятъ колоннъ вереницы,
Изъ холодныхъ щелей выползаютъ
Саламандры, ужи и мокрицы.

Наши язвы наполнены гноемъ,
Наше тѣло на падаль похоже—
О, простри надъ могильнымъ покоемъ
Покрывало послѣднее, Боже!

Такъ „мститъ лабиринтъ“ дерзкому, пустившемуся въ него безъ достаточныхъ данныхъ для такого путешествія. Самозамкнутая личность въ своемъ буйномъ устремленіи дошла до кризиса, за которымъ въ самомъ дѣлѣ должно послѣдовать или возрожденіе, или покой могилы. Она почувствовала необходимость какого-то просвѣта за пре-

дѣлы своего „я“, возопила о помощи къ сущей внѣ ея силѣ. Но этотъ вопль не есть еще безспорное знаменіе наступающаго возрожденія: Брюсовъ знаетъ, что одного „томленья о благѣ единственномъ“ недостаточно, чтобы открылся желанный исходъ изъ разверзшейся бездны.

Я не знаю отвѣта
На призывъ, на мольбы.

Все грядущее грозно,
Нѣтъ надежды въ быломъ,
Безпощадное „поздно“
Прозвучало, какъ громъ...

Старые вожди нашихъ литературныхъ и философскихъ исканій въ высшей степени обладали тѣмъ чутьемъ направленія, котораго не хватаетъ Брюсову, и оно выростало у нихъ изъ того широкаго и глубокаго общенія съ дѣйствительностью, которое я указалъ какъ характернѣйшій даръ Пушкина. Они указали намъ и ту силу, которая даетъ возможность такого общенія—любовь, указали и ту форму, съ которой начинается проявленіе этой силы у людей неопытныхъ въ любви — любовь къ женщинѣ, влюбленность. Кое-что знаетъ про это и Брюсовъ.

„Для меня въ *любви* всѣ тайны“,—утверждаетъ онъ.

Любовью—съ міровымъ началомъ
Роднится духъ безсильный твой,—

читаемъ въ другомъ мѣстѣ. И еще:

Въ любви душа вскрывается до дна,
Яснѣетъ въ ней святая глубина,
Гдѣ все единственно и неслучайно.

Но при дальнѣйшемъ обслѣдованіи эта связь Брюсова съ Пушкинымъ, Достоевскимъ, Вл. Соловьевымъ и др. не оказывается для него спасительной, потому что проклятіе самозамкнутости налагаетъ свою обезсиливающую, мертвящую печать и на этотъ послѣдній источникъ возрожденія, низводя любовь до ея атавистическаго зародыша.

Правда, Брюсову не чуждо различеніе между первобытной животной страстью и любовью—тѣмъ прекраснымъ, сложнымъ и высокимъ психологическимъ комплексомъ, въ который человѣчество переработало примитивный физіологическій инстинктъ. Изрѣдка встрѣчаются у него настроенія, по своей чистотѣ и нѣжности напоминающія Пушкина и даже Жуковскаго.

О, когда бъ я назвалъ своею
Хоть тѣнь твою!
Но и тѣни твоей я не смѣю
Сказать: люблю...

Или очаровательная сказка, пережитая на берегу Рейна въ часъ заката подъ „пѣсню милой старины“:

Мы любили! Мы забыли,
Это вѣчность или часъ!
Мы тонули въ сладкой тайнѣ,
Намъ казалось: мы не жили,
Но когда-то Heinrich Heine
Въ стройныхъ строфахъ пѣлъ про насъ!

Въ этихъ же тонахъ написана безподобная поэма „Исполненное обѣщаніе“, посвященная памяти Жуковскаго. По временамъ поэту даже кажется, что именно въ такой любви лежитъ примиреніе всѣхъ раздирающихъ душу диссонансовъ, искупленіе самыхъ безнадежныхъ паденій (діалогъ „Возвращеніе“, стихотвореніе „Первыя встрѣчи“). Но рядомъ наталкиваемся на признаніе, что эти настроенія не имѣютъ надъ душой поэта дѣйственной силы:

А въ сердцѣ дрожатъ *невозможныя*, чистыя,
Безсильныя грезы *ненужной* любви...

И этому признанію мы охотно вѣримъ: подавляющее большинство вдохновеній поэта доказываетъ, что онъ не любитъ, а покоряетъ. Его и тутъ прельщаютъ борьба и внѣшняя побѣда, а не возможность глубокаго духовнаго общенія и интимной сліянности двухъ личностей. Разъ побѣда одержана, ему нечего больше дѣлать съ побѣжденной. Онъ бросаетъ ее и стремится къ новымъ побѣдамъ, видя въ этомъ не признакъ своей душевной скудости и безсилія, а разсматривая и это странствіе какъ одну изъ разновидностей общаго стремленія впередъ—отъ достигнутаго къ недостигнутому. Разумѣется, только на почвѣ роковой самозамкнутости можетъ возникнуть такая аберрація, и въ свою очередь эта аберрація лишаетъ поэта возможности повернуть на тотъ путь, который вывелъ бы его изъ душнаго лабиринта безнадежной уединенности.

Сводя всю любовь къ одному моменту физическаго обладанія, Брюсовъ, естественно, переноситъ на этотъ моментъ весь тотъ длительный процессъ, который Достоевскій связывалъ съ „любовью-учительницей“. Брюсову кажется, что чудо возрожденія, чудо прозрѣнія слѣпой души должно совершаться мгновенно въ полной мѣрѣ, что на груди своей случайной милой онъ сразу „уловитъ Господень ликъ“. Именно мгновенный припадокъ страсти разумѣетъ Брюсовъ подъ

терминомъ „любовь“, когда утверждаетъ, что любовь роднитъ безсильнаго человѣка съ міровымъ началомъ и вскрываетъ святую глубину индивидуальнаго. Именно страсть рисуется поэту богоборческимъ путемъ къ богопознанію.

Водоворотомъ мы схвачены
Послѣднихъ ласкъ.
Вотъ онъ, изъ вѣка назначенный,
Нашъ путь въ Дамаскъ!

Въ другомъ мѣстѣ служеніе „ночному солнцу“ палящей страсти уподобляется всенощной борьбѣ Іакова съ Богомъ:

Я съ Богомъ воевалъ въ ночи,
На мнѣ горятъ его лучи.
Я твой, я твой, о страсть!

При такомъ пониманіи дѣла, немудрено, что въ служеніи страсти Брюсовъ готовъ усмотрѣть великое священнодѣйствіе. То онъ и его возлюбленная—серафимы, поднимающіе трубы къ лазури звѣздной, то серафимы вереницей окружаютъ ихъ ложе, то во время земного жертвоприношенія ангелы поютъ гимнъ хваленій за небосклонами. Поэтъ вдохновенно пропагандируетъ свой методъ богопознанія:

Любовь находитъ черной тучей.
Молись, познавъ ея приходъ!
Не отдавай души упорству,
Не уклоняйся, но покорствуй!
И кто бъ ни подалъ кубокъ жгучій,—
Въ немъ даръ таинственныхъ высотъ.

Вѣра Валерія Брюсова заходитъ такъ далеко, что онъ даже жизнь публичнаго дома мнитъ служеніемъ божественной Афродитѣ. Все это онъ облекаетъ, съ присущимъ ему мастерствомъ, въ роскошную, блестящую, энергичную форму. Но другой рядъ его признаній обнаруживаетъ, что и на этомъ пути онъ попадаетъ въ роковой лабиринтъ.

Уже на зарѣ своего творчества онъ говоритъ „своей Миньонѣ“:

Знаешь, Миньона, одинъ только разъ
Были съ тобою мы близки!
Часъ лишь одинъ былъ дѣйствительный часъ,
Прочіе—блѣдные списки!
. . . . . .
Нѣтъ, не всесиленъ любовный экстазъ!
Нѣтъ, мы съ тобою не близки!

А послѣ раздается уже прямо трагическій вопль:

Мы безпощадно одиноки
На днѣ своей души—тюрьмы!

Присуждены мы къ вѣчной кельѣ,
И въ наше тусклое окно
Чужое горе и веселье
Такъ дьявольски искажено.

Напрасно жизнь проходитъ рядомъ
За днями день, за годомъ годъ.
Мы лжемъ любовью, словомъ, взглядомъ,—
Вся сущность человѣка лжетъ!

Нѣтъ силъ сказать, нѣтъ силъ услышать,
Невластно ухо, мертвъ языкъ...

Срывай послѣднія одежды
И грудью всей на грудь прильни,—
Порывъ безсиленъ! нѣтъ надежды!
И въ самой страсти мы одни!

Нѣтъ единенья, нѣтъ сліянья—
Есть только смутная алчба,
Да согласованность желанья,
Да равнодушіе раба.

Напрасно духъ о сводъ желѣзный
Стучится крыльями, скользя.
Онъ вѣчно здѣсь, надъ той же бездной:
Упасть въ сосѣднюю нельзя!..

А если такъ, то, конечно, приходится сорвать съ того, что казалось поэту священнодѣйствіемъ, всѣ драгоцѣнныя украшенія, которыми онъ такъ щедро и благоговѣйно осыпалъ безпорядочную Афродиту.

Вотъ и тайна земныхъ наслажденій...
Но такой ли ее я ждала наканунѣ!
Я дрожу отъ стыда—я смѣюсь! Вы солгали мнѣ, тѣни,
Вы солгали, туманныя ночи въ іюнѣ!

И образъ серафимовъ и ангеловъ смѣняется образомъ отвратительныхъ гадовъ, оскверняющихъ чистоту и красоту міросданія:

Въ часъ, когда геній вечерней прохлады
Жизнь возвращаетъ цвѣтамъ,
Къ Озеру Сновъ, по знакомымъ тропамъ,
Медленно тянутся гады.

Тамъ они въ ясной и чистой тиши
Водятъ круги омерзительной пляски,
Правятъ подъ мѣсяцемъ липкія ласки,
Слизью оскверняютъ камыши...

Я могъ бы безъ труда показать, какъ такими же трагическими воплями кончаются и всѣ другія попытки Валерія Брюсова обрѣсти

смыслъ своего существованія, какъ рушится у него культъ одиночества и равнодушія, культъ мгновенія, культъ мечты и даже культъ слова, т.-е. того самаго искусства, которому онъ служитъ. Но не хочу затягивать статью, ибо и на приведенныхъ примѣрахъ достаточно видно, что, пребывая на той психологической плоскости, на которой стоитъ Брюсовъ, не только нельзя учительствовать, но трудно и самому удержаться отъ послѣдняго отчаянія.

Вѣчно творящіе источники жизни какъ будто изсякли въ этихъ душахъ, и онѣ осуждены стоять въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ, на которыхъ совершаются судьбы народовъ. Люди этого типа могутъ повѣдать намъ трагическую повѣсть о бореніяхъ и паденіяхъ одинокой души; они могутъ облечь ее въ блестящую форму, которою любитель будетъ истинно наслаждаться; они могутъ дать, и уже дали, толчокъ развитію художественно-литературной техники—но они ничего не прибавятъ къ міровому и національному значенію русской литературы, какъ признанной учительницы жизни. Совсѣмъ иной душевный составъ надо имѣть для того, чтобы уловить заложенныя въ народѣ возможности и явиться выразителемъ и истолкователемъ ихъ передъ лицомъ народа. Для такой задачи у современныхъ писателей модернистской шко́лы душа—выражаясь словами Вячеслава Иванова—„невмѣстительна, и сердце тѣсно“. Они „отроднились“ отъ жизни, ихъ окружающей. „Потому ли, — спрашиваетъ г. Ивановъ, — что возомнили быть родоначальниками новаго рода? Или просто потому, что вырождаются?“ И по тому, и по другому: и выродились, и возомнили...

С. Адріановъ.

О. Н. ЧЮМИНА

(1862—1909.)

Было теплое утро мягкой ранней осени. Раздался благовѣстъ къ ранней обѣднѣ. Больная, уже нѣсколько дней почти не узнававшая самыхъ близкихъ людей, встрепенулась.—Да, да,—проговорила она,—какъ бы въ отвѣтъ на первый ударъ колокола, точно отвѣчая на призывъ.—Да, да,— снова повторяла она при каждомъ слѣдующемъ ударѣ. Подъ тихій утренній звонъ колоколовъ завершилась агонія

тяжелыхъ дней, и когда отзвучали колокола—не стало и той, которая такъ нѣжно отвѣчала имъ.

Такъ умерла 26-го августа Ольга Николаевна Чюмина, поэтъ-сатирикъ съ страстно гнѣвной и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжной женственной душой. „Бой-Котъ", „Оптимистъ"—подъ этими псевдонимами авторъ прославленныхъ политическихъ сатиръ преслѣдовалъ ѣдкой насмѣшкой все торжествующе-темное нашей общественной дѣйствительности. Но во всемъ, что она писала въ стихахъ и прозѣ, что проявляла въ своей жизни, сатира связана была съ гармоничными чувствами, съ большой любовью, съ страстной вѣрой въ жизнь. Всей своей богатой душевной жизнью, своей неутолимой жаждой творчества, жаждой труда О. Н. прославляла жизнь. Всѣ, кто зналъ ее близко, и въ прежніе годы свѣтлаго обилія силъ, и въ послѣдніе годы, омраченные роковымъ недугомъ — всѣ считали О. Н. какъ бы олицетвореніемъ радости и силы жизни. Вотъ почему такъ знаменательно, что послѣдними словами поэта, говорившаго столь многому въ нашей дѣйствительности твердое и громкое „нѣтъ", было таинственное утвержденіе, послѣднее упованіе. Она вѣрила въ жизнь—и утвердила свою вѣру въ предсмертный мигъ... Цѣльный образъ ея жизни и ея художественнаго творчества завершился ея свѣтлой смертью.

Жизнь О. Н. Чюминой была такая же, какъ ея послѣдній часъ. Зная эту жизнь, хочется назвать ее прежде всего нѣжной, полной тихихъ переживаній съ дѣтства. Вся поэзія русскаго дворянскаго быта прежнихъ временъ озаряла ея воспоминанія о дѣтствѣ и юности. Старая няня, знавшая мудрыя сказки, поэзія дѣвичьей жизни въ старой усадьбѣ, вечера и танцы, нѣжный романтизмъ встрѣчъ и разставаній, когда подкатывающая къ старому дому тройка томила въ часъ отъѣзда сердце дѣвушки романтическими, потомъ скоро забытыми страданіями, новыя встрѣчи, неспѣшныя, тихія переживанія и нѣжность, нѣжность чувствъ и отношеній къ людямъ—какъ это все далеко отъ русской интеллигентской дѣйствительности, которой О. Н. Чюмина въ творческую пору своей жизни посвящала свои думы и свои силы! Нѣжность минувшаго всегда жила въ ней, обогащая ея душу. Многое въ ея жизни, въ особенности ея духовная связь въ послѣдніе годы съ московскимъ Художественнымъ Театромъ и ея любовь къ Чехову, обусловлено тѣмъ, что бытъ Чеховскихъ драмъ—родной ей: она сама жила въ „вишневомъ саду", была одною изъ „трехъ сестеръ", жившихъ въ красотѣ въ своемъ далекомъ углу. Она тоже рвалась „въ Москву", съ тою разницей, что талантъ и сильная индивидуальность помогли ей почти безъ всякой борьбы уѣхать въ Москву (для нея этой Москвой сталъ Петербургъ) и, ощутивъ свои силы, проявить ихъ безъ препятствій, безъ неудачъ въ началѣ писательской дѣятельности. И въ

своей новой, самостоятельно созданной жизни О. Н. Чюмина, при всѣхъ своихъ глубокихъ волненіяхъ, душевныхъ страданіяхъ и минутахъ справедливаго гнѣва, продолжала быть прежней. Она горѣла мятежными чувствами и все же была полна нѣжности, проходящей черезъ всю жизнь, любила переживать тихія минуты полныхъ чувствъ, какъ въ милую ей старину полно и цѣльно относилась къ близкимъ людямъ.

О. Н. Чюмина родилась 26-го декабря 1862-го года, въ Новгородѣ, и была единственной дочерью нѣжно любившихъ ее родителей. Отецъ, военный, былъ родомъ съ Кавказа, старинный родъ его былъ видимо татарскаго происхожденія. Ихъ предки были Джумины, и только потомъ фамилія ихъ передѣлана была въ новую форму. Будущая поэтесса была маленькой дѣвочкой, когда отца перевели въ Финляндію, гдѣ она жила до шестнадцати лѣтъ. Она вспоминаетъ въ своихъ стихахъ край, „гдѣ сумраченъ народъ и гдѣ угрюмы скалы—тотъ край, гдѣ создались преданья Калевалы“, и описываетъ финляндскую природу со свойственной ей любовью къ нѣжнымъ штрихамъ. Изъ Финляндіи, гдѣ она жила незатѣйливо веселой и беззаботной жизнью барышни военнаго круга и едва только начала выѣзжать, О. Н. вмѣстѣ съ матерью часто ѣздила на лѣто въ Старую Русу и гостила въ Новгородѣ у своего дѣда, такъ что ея любимый родной городъ былъ памятенъ ей съ самаго дѣтства. Конечно, единственную, очень балованную и изнѣженную дочку родители и не помышляли отдавать въ какое-либо учебное заведеніе, особенно въ виду ея слабаго здоровья. Она училась дома. Въ дѣтствѣ наибольшее значеніе имѣли для нея нескончаемые разсказы няни, которую она нѣжно любила; старушка до самой смерти жила въ домѣ родителей О. Н., даже послѣ замужества своей питомицы; послѣ ея смерти О. Н. посвятила стихи памяти ея самоотверженной жизни. Въ Финляндіи образованіе О. Н. главнымъ образомъ пополнялъ отецъ, безъ конца читая ей вслухъ и дѣтскія, и несовсѣмъ дѣтскія книги, и русскихъ авторовъ, и Диккенса, и другихъ. О. Н. обладала феноменальной памятью и сохранила на всю жизнь этотъ даръ; она знала наизусть всѣ произведенія родныхъ классиковъ. Благодаря этому, она пріобрѣла, не выходя изъ тѣснаго семейнаго круга, серьезное образованіе, которое потомъ сказывалось въ ея бесѣдахъ и въ ея произведеніяхъ, и помогало ей освоиться точно, дѣльно, съ каждымъ предметомъ, который ее интересовалъ. Когда, въ позднѣйшіе годы, предметомъ ея интересовъ сдѣлалась русская политика, она поражала всѣхъ своей полной освѣдомленностью относительно фактовъ въ этой области. И, познакомившись разъ съ чѣмъ-нибудь, она не забывала.

Тогда же, въ годы финляндской жизни, О. Н. пріѣзжала съ матерью въ Петербургъ для занятій иностранными языками, отлично

изучила нѣмецкій, французскій и, главнымъ образомъ, англійскій языкъ, которымъ занималась вмѣстѣ со своей тогдашней пріятельницей, теперешней артисткой императорскихъ театровъ, В. А. Мичуриной.

Шестнадцати лѣтъ О. Н. переѣхала съ родителями въ Новгородъ. Тамъ протекла ея первая молодость въ атмосферѣ тихой нѣжности, основного настроенія всей ея жизни. Она вела отчасти жизнь тургеневской или, вѣрнѣе, чеховской барышни, много выѣзжала лѣтъ до девятнадцати, любила танцовать, увлекалась событіями и впечатлѣніями бальной залы, и часто впослѣдствіи любила вспоминать невинныя волненія своихъ выѣздовъ, своихъ успѣховъ въ обществѣ. Мать ея была молода; онѣ выѣзжали вмѣстѣ, и самой большой радостью для О. Н. было танцовать кадриль „визави“ съ молодой и красивой матерью. Скоро, однако, во вкусахъ О. Н. произошла перемѣна. Самобытно, какъ все въ ея духовной жизни, внѣ вліянія среды, которая и не могла вліять на дѣвушку, стоявшую гораздо выше окружающихъ, она почувствовала жажду проявить свои силы, не зная еще, на чемъ сосредоточиться. Природная музыкальность, сказавшаяся потомъ въ ея стихахъ, побудила ее серьезно заниматься игрой на фортепьяно. Она много работала, выступала на вечерахъ въ Новгородѣ, серьезно мечтала о консерваторіи и даже потомъ, когда силы ея нашли свое истинное примѣненіе, любила играть „для себя“; она часто импровизировала, съ большимъ пониманіемъ музыки. Еще бо̀льшимъ ея увлеченіемъ въ молодости была сцена. Въ двадцать—двадцать одинъ годъ она играла въ любительскихъ спектакляхъ и проявляла серьезное знаніе сцены. Это осталось у нея на всю жизнь. Въ теченіе долгихъ лѣтъ писательской дѣятельности О. Н. главнымъ предметомъ ея интереса былъ театръ. Она писала пьесы, которыя шли съ успѣхомъ на императорской сценѣ („Угасшая Искра“), переводила много иностранныхъ стихотворныхъ пьесъ, понимала, какъ рѣдко кто, игру артистовъ и, при своей феноменальной памяти, знала наизусть не только, напримѣръ, все „Горе отъ ума“, но и многое другое. И опера и драма интересовали, волновали ее. До послѣднихъ лѣтъ, когда болѣзнь мѣшала ей ходить въ театръ, О. Н. слѣдила за всѣмъ, что̀ игралось на петербургскихъ сценахъ, очень рѣзко и мѣтко критиковала то, что не удовлетворяло ея вкусу—а вкусъ у нея былъ строгій.

Въ послѣдніе годы, разочаровавшись во всѣхъ другихъ сценахъ, она страстно полюбила московскій Художественный Театръ, въ особенности его чеховскій репертуаръ. Страстная во всѣхъ своихъ начинаніяхъ, О. Н. защищала своихъ любимцевъ—столь достойныхъ ея любви—въ печати, въ обществѣ, и дѣйствительно умѣла отстаивать ихъ въ тѣ времена, когда противъ нихъ еще велась въ Петербургѣ газетная кампанія. Когда „москвичи“ пріѣзжали въ Петербургъ, вся

жизнь О. Н. мѣнялась. Изъ скромной затворницы она превращалась въ ревностную агитаторшу. Домъ ея всегда былъ открытъ не только, конечно, для дорогихъ московскихъ гостей, но и для всѣхъ ихъ цѣнителей и друзей. Каждый вечеръ она была въ театрѣ, по десяткамъ разъ посѣщая представленія каждой пьесы. Эта любовь къ лучшей русской сценѣ тѣсно связана со всей жизнью О. Н., опредѣляя ея вкусы, ея любовь къ правдивому, реальному искусству, ея близость къ чеховскимъ тонамъ русской жизни. Въ нихъ она чувствовала наиболѣе родное себѣ—нѣжность непонятно печальныхъ чувствъ, элегичность съ прорывающимися „безумными мечтаніями“ о золотомъ будущемъ для всѣхъ, для всей русской дѣйствительности. Вершининъ изъ „Трехъ Сестеръ“ и сами „три сестры“ были для О. Н. Чюминой воплощеніемъ ея самыхъ нѣжныхъ и глубокихъ настроеній.

Увлекаясь сценическимъ искусствомъ въ молодые годы, сама участвуя въ спектакляхъ, О. Н. скрывала отъ окружающихъ одну свою завѣтную тайну: она писала. Писала стихи, лирическіе, юмористическіе, сценки въ стихахъ. Вначалѣ, какъ она сама потомъ разсказывала, она все рвала; но вѣрная память ея хранила, что разрушала рука. Въ первый разъ одно ея стихотвореніе попалось на глаза другому человѣку въ 1882-мъ году. Она тогда жила временно въ Царскомъ Селѣ, гдѣ стихотвореніе ея прочелъ одинъ знакомый, извѣстный докторъ Дворяшинъ. Ему стихотвореніе очень понравилось; онъ чуть ли не силой отнялъ его у поэтессы и послалъ въ „Свѣтъ“ Комарова, гдѣ оно тотчасъ было напечатано. Это и было рѣшительнымъ шагомъ, послѣ котораго поэтическій талантъ О. Н. Чюминой пересталъ быть тайной для окружающихъ. Сначала родители ея были недовольны тѣмъ, что имя дочери стало появляться въ разныхъ литературныхъ изданіяхъ; это какъ-то не мирилось съ понятіями военной семьи того времени. Но потомъ и они примирились — тѣмъ болѣе, вѣроятно, что съ первыхъ же шаговъ О. Н. выдѣлилась среди другихъ дебютантовъ въ литературѣ. Ея стихи, стихотворные переводы и т. д. охотно печатали въ разныхъ изданіяхъ, въ „Руси“ Аксакова, въ „Свѣтѣ“, въ „Живописномъ Обозрѣніи“, въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ перваго періода. Писала она еще въ одномъ журналѣ того времени, „Колосья“, гдѣ помѣщала ядовитыя подъ часъ критическія статейки подъ псевдонимомъ „Nemo“.

Въ 1886-мъ году О. Н. вышла замужъ за офицера новгородскаго полка, Гавріила Петровича Михайлова. Первые годы послѣ свадьбы они жили въ Новгородѣ, и О. Н. бывала только наѣздами въ Петербургѣ для своихъ литературныхъ сношеній; тогда она видалась со старшимъ поколѣніемъ поэтовъ, посѣщала знаменитыя въ свое время собранія у Якова Полонскаго, встрѣчалась съ Н. Минскимъ, съ высту-

павшимъ тогда Д. Мережковскимъ, хорошо знала кружокъ „Русскаго Богатства", бывала у Н. К. Михайловскаго. Когда, черезъ нѣсколько лѣтъ, мужъ О. Н. перешелъ на службу въ Петербургъ, они поселились сначала на частной квартирѣ, потомъ переѣхали въ Воспитательный Домъ, гдѣ служилъ мужъ О. Н. Въ ихъ уютной квартирѣ въ казенномъ домѣ на Мойкѣ—столь часто воспѣтомъ въ юмористическихъ экспромтахъ и самой О. Н., и ея друзей-поэтовъ,—собирался обширный, но тѣсный, по дружескимъ отношеніямъ съ хозяйкой, кружокъ. Бывали у нея писатели и писательницы, артисты, музыканты — и нельзя было усомниться въ чьемъ-либо задушевномъ отношеніи къ хозяйкѣ, всегда интересной, остроумной, часто насмѣшливой, иногда безпощадной, но такой твердой и горячей во всѣхъ своихъ поступкахъ, въ своихъ общественныхъ интересахъ. Въ „литературномъ салонѣ" О. Н. — если можно назвать такимъ торжественнымъ именемъ кружокъ писателей-единомышленниковъ, собиравшихся въ уютныхъ, окнами въ садъ, комнатахъ на Мойкѣ, а потомъ, послѣ выхода въ отставку мужа О. Н., на Большой Подъяческой, по традиціоннымъ средамъ, — смѣнилось много настроеній съ тѣхъ поръ какъ О. Н. переѣхала съ мужемъ изъ Новгорода въ Петербургъ. Въ первые годы преобладали художественные интересы, шли чисто литературныя бесѣды между гостями. Къ поклонникамъ реальнаго искусства, трезвой правдивости, художественной ясности примыкала и сама О. Н. Она умѣла отстаивать своихъ любимцевъ классиковъ и тѣхъ изъ „модернистовъ", которые и при новизнѣ философскихъ мыслей не стараются окружать туманомъ все, что̀ хотятъ сказать. Среди ея ближайшихъ друзей были ярые защитники и защитницы модернизма; происходили часто очень горячіе споры, не мѣшавшіе, однако, спорившимъ оставаться истинными друзьями на всю жизнь. Всякое событіе литературной жизни занимало чуткій вкусъ О. Н. и обсуждалось на всѣ лады. И всегда мнѣніе О. Н. было опредѣленно свое. Ей приходилось иногда поступаться личными симпатіями ради именно такой опредѣленности сужденій. Не могла она думать иначе, чѣмъ думала — а думала она всегда внѣ партій, внѣ школъ. Въ первые годы въ домѣ ея преобладала литературность, выражавшаяся и въ ея близости къ разнымъ театрамъ, и въ томъ, что, начавъ писать сатиры подъ именемъ Оптимиста, она преимущественно брала темы изъ театральной и отчасти литературной жизни. Тогда она писала свои остроумныя пародіи на модернистовъ, какъ напр.:

„Царевна сидитъ въ недомыслiи,
Полна золотыми булавками,
Царица—въ глубокомыслiи
И бредитъ во снѣ камилавками.

Безъ невинности нѣтъ половинности,
Я согбенъ подъ дугой коромыслица,
Мы бредемъ въ безпричинной причинности,
Помогай намъ, о мати безсмыслица".

Въ ея домѣ устраивались вечера, на которыхъ было написано немало остроумныхъ экспромтовъ; сама хозяйка часто оказывалась наиболѣе блестящей въ этомъ отношеніи. Гости-поэты писали стихи въ ея честь. Одинъ поэтъ, ища риѳму къ фамиліи хозяйки, написалъ шуточное двустишіе: „Какъ въ пирогѣ изюмина — Мила намъ Ольга Чюмина". Хозяйка не оставалась въ долгу и каждому отвѣчала мѣткими четверостишіями, эпиграммами и мадригалами. Еслибы всѣ друзья покойной поэтессы собрали написанныя ею по разнымъ случаямъ шуточныя стихотворенія и посланія въ стихахъ, получилась бы яркая характеристика ея тонкаго, легкаго юмора, не покидавшаго ее ни въ какихъ случаяхъ жизни. Когда она уѣзжала на югъ лечиться и попадала на вредную ей дождливую погоду, она писала въ Петербургъ письмо въ стихахъ:

„Съ сѣвера теплаго къ югу холодному
Мчимся подъ южнымъ холоднымъ дождемъ;
Не предаваясь унынью безплодному,
Съ сѣвера теплаго солнышка ждемъ".

Когда она отправлялась въ любимую Москву, оттуда приходила открытка съ изображеніемъ кошки—всѣ друзья знали ея любовь къ кошкамъ,—съ призывомъ: „Въ Москву, въ Москву—Тебя зову!"—за подписью: Sister. И болѣзнь послѣднихъ лѣтъ не притупила ея неистощимый юморъ...

Съ начала освободительнаго движенія О. Н., всегда чуткая къ общественнымъ интересамъ, всегда, съ самыхъ раннихъ стихотвореній преисполненная любви, готовая бороться „за обездоленныхъ, за страждущихъ собратій", была захвачена общимъ подъемомъ. Многіе думали, что этотъ интересъ явился въ ней вдругъ, что, равнодушная раньше къ „политикѣ", занятая театромъ, она вдругъ повернула въ сторону общественности. Это невѣрно. Въ ея стихахъ ясно виденъ путь, по которому она неминуемо должна была придти къ своему политическому радикализму и стать, въ силу своего сатирическаго таланта, прославленнымъ Бой-Котомъ. Въ раннихъ ея стихотвореніяхъ, 1884—1887 годовъ, видны ясные отголоски некрасовскихъ и отчасти надсоновскихъ настроеній, безъ всякаго, однако, литературнаго подражанія. Она жалуется въ этихъ стихахъ на „безпросвѣтную ночь", воспѣваетъ „святое правды сѣмя", жалуется на „клеветы ядовитое жало", какъ бы завидуетъ чистой художницѣ Башкирцевой за то, что она умерла смертью завидной, „лучезарной, какъ мысли порывъ",

а не страдала и не умерла тамъ, „гдѣ пигмеи такъ страшно велики“. Ее волнуютъ „святыя стремленія, святая печаль“. Всѣ эти настроенія—предвозвѣстники сатиръ Бой-Кота, политическіе мотивы, выраженные отвлеченнымъ языкомъ, который тогда царилъ въ гражданской поэзіи. Среди этихъ стихотвореній есть истинно поэтическія, мелодичныя, напр. начинающееся: „Безпросвѣтная ночь, безконечная ночь.—Я забыться хочу и забыться не въ мочь.—Буря дико реветъ и стучится въ окно,—А въ душѣ у меня, какъ въ могилѣ, темно“...

Основной мотивъ всей поэзіи этого перваго періода—воспѣваніе пророчески доблестныхъ людей, боль за обездоленныхъ и пессимистическія мысли о торжествѣ зла. Этими же настроеніями полна лирика О. Н. той поры. Во всѣхъ ея стихахъ о любви и о природѣ говорится о былыхъ радостяхъ весны и о печали наступившей осени. Элегическое настроеніе—настроеніе позднѣйшихъ Чеховскихъ драмъ.

Потомъ пришло другое. Страстная гражданственность О. Н. приняла оттѣнокъ патріотизма. О. Н. стала воспѣвать отчизну и ея героевъ, пѣть хвалы Скобелеву, мечтать о грядущемъ торжествѣ русскаго оружія. Патріотическое настроеніе ея все больше, однако, переходило въ жажду справедливости и въ боль о злѣ.

Этими чувствами, горѣвшими въ душѣ поэтессы съ первыхъ ея поэтическихъ замысловъ, вскормлена ея сатира. Событія, предшествовавшія 1905-му году и послѣдовавшія за нимъ, отзывались въ душѣ О. Н. живыми надеждами и живыми страданіями. Она непосредственно участвовала въ жизни тѣхъ лѣтъ, въ возникавшихъ при ея ближайшей иниціативѣ газетахъ, оплакивала искренними, горькими слезами роспускъ первой Государственной Думы и крушеніе изданій, которымъ она отдавала свой талантъ, свой трудъ, свою душу... Среди постоянныхъ волненій, когда близкихъ людей настигали кары, иногда весьма тяжелыя, когда иные сидѣли по тюрьмамъ, иные становились изгнанниками—загорѣлся и горѣлъ ярко до самой кончины ея сатирическій талантъ... Она первая „въ ожиданіи“ конституціи писала стихи, ставшіе въ своемъ родѣ классическими:

„Твой псевдонимъ, о незнакомка,
Раскрытъ давно,
Но молвить имя это громко—
Воспрещено.
Ужель не сниметъ карантина
Съ тебя нашъ вѣкъ:
И ты „женою Константина“
Пребудешь вѣкъ?“

„Карантинъ“ сняли... но пѣсни Оптимиста, писавшаго „Въ ожиданіи“, не стали отраднѣе. Вскорѣ Оптимистъ переименовался въ

Бой-Кота и сталъ писать еще болѣе рѣзкія „пѣсни о четырехъ свободахъ“, вродѣ, напр., Колыбельной Пѣсни (музыка г.-м. Трепова):

„Спи, младенецъ, годъ за годомъ,
Баюшки-баю,
Четыремъ твоимъ свободамъ
Я отходную пою“.

До самыхъ послѣднихъ—не мѣсяцевъ, а даже недѣль—О. Н. продолжала за подписью Бой-Кота пѣть о томъ же, обличать все, что возмущало ея мятежную душу. Въ этихъ сатирахъ—ея главная, большая заслуга. Не то, что О. Чюмина—первый сатирикъ-женщина, составляетъ значеніе ея творчества. И не то — хотя психологически и для характеристики ея это важно,—что ея сатирическій талантъ, какъ и все ея творчество, созрѣлъ самобытно, внѣ чьихъ-либо литературныхъ воздѣйствій и поощреній. Всего важнѣе то, что политическія пѣсни О. Н. Чюминой создали новый родъ легкой и ѣдкой злободневной сатиры; только послѣ нея этотъ родъ литературы развился очень широко и имѣетъ теперь много представителей. Ихъ произведенія, впрочемъ, не могутъ быть поставлены наряду съ лучшими изъ сатиръ О. Н. Чюминой, по блеску риѳмы, по остротѣ сопоставленій. О. Н. Чюмина—настоящій сатирикъ, художественный критикъ своего времени. Сатира ея порождена мятежнымъ духомъ, проникающимъ все ея творчество, такъ же, какъ личная ея жизнь, ея отношенія къ людямъ были проникнуты нѣжностью и любовью. Эти двѣ противоположныя черты слились въ цѣльный обликъ сатирика съ любящей бурной душой.

О. Н. Чюмина оставила большое количество поэтическихъ трудовъ иного рода. Она перевела звучными стихами, съ тщательной точностью, вѣроятно больше, чѣмъ Петръ Вейнбергъ—классикъ переводной литературы. Ей принадлежитъ лучшій переводъ Мильтона, переводъ Данте. Ею переведено много изъ Виктора Гюго, ея любимаго поэта наряду съ Ф. Коппе (въ ранніе годы), изъ Байрона, Теннисона, Лонгфелло и другихъ. Въ послѣдніе годы она переводила много изъ модернистовъ, кое-что изъ Метерлинка, главнымъ образомъ стихотворныя драмы Гуго фонъ-Гофмансталя. Переводъ „Электры“, очень современной драмы Гофмансталя, сдѣланъ съ большимъ подъемомъ и доказываетъ, что хотя Бой-Котъ очень зло и талантливо вышучивалъ „декадентовъ“, все же истинными поэтами среди модернистовъ О. Н. настолько увлекалась, что переводила ихъ съ большой любовью и большимъ мастерствомъ.

Нѣжно-мятежный образъ Ольги Чюминой останется въ литературѣ благодаря высокимъ качествамъ ея поэзіи—и запечатлѣнъ навсегда въ памяти тѣхъ, которые лично знали умную, самобытную,

умѣвшую любить—и столь же умѣвшую страдать поэтессу. Физическій недугъ, унесшій ее въ могилу—неумолимый наслѣдственный ракъ—истерзалъ ея плоть, но духъ ея, живой до послѣднихъ мгновеній, живетъ въ ея стихахъ...

Зин. Венгерова.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1909.

I.

— М. И. Туганъ-Барановскій. Основы политической экономіи. Спб., 1909.

Курсъ проф. Туганъ-Барановскаго заключаетъ въ себѣ очень много цѣнныхъ научно-литературныхъ и фактическихъ свѣдѣній по общимъ вопросамъ народнаго хозяйства, но не даетъ яснаго представленія ни о современномъ состояніи политической экономіи, ни объ ея теоретическихъ основахъ. Съ первыхъ же строкъ предисловія авторъ ставитъ предъ читателемъ цѣлый рядъ проблемъ, рисующихъ современное положеніе экономической науки въ видѣ какого-то безнадежнаго хаоса. Оказывается, что „современная экономическая теорія подѣлена, по преимуществу, между двумя направленіями — школой предѣльной полезности и марксизмомъ“. Ни то, ни другое направленіе не удовлетворяетъ г. Туганъ-Барановскаго, который съ своей стороны пробуетъ въ этомъ курсѣ „показать возможность третьяго направленія, не совпадающаго ни съ марксизмомъ, ни со школою предѣльной полезности, но являющагося до нѣкоторой степени синтезомъ ихъ обоихъ“. Въ поискахъ этого синтеза авторъ достигъ нѣкоторыхъ положительныхъ результатовъ при помощи такого метода, котораго будто бы не знаетъ и не примѣняетъ огромное большинство ученыхъ экономистовъ. Этотъ методъ былъ впервые придуманъ въ XVIII вѣкѣ главою школы физіократовъ, Франсуа Кенэ, но „не нашелъ подражателей, и послѣдующая экономическая наука осталась ему совершенно чужда“; только по прошествіи болѣе чѣмъ столѣтія вернулся къ нему Марксъ во второмъ томѣ „Капитала“, но не пользовался этими методологическими

пріемами въ первомъ и третьемъ томахъ, чѣмъ и объясняется „рѣзкое противорѣчіе“ между выводами послѣднихъ и схемами II-го тома.

Такимъ образомъ, по свидѣтельству проф. М. И. Туганъ-Барановскаго, въ политической экономіи нѣтъ ничего установившагося, ничего прочнаго и достовѣрнаго, ни по существу, ни по методу; каждому новому изслѣдователю приходится не только дѣлать выборъ между разными и отчасти противоположными доктринами или отыскивать примиряющія ихъ формулы, но и устанавливать свои особые способы логическихъ умозаключеній. Самые авторитетные теоретики запутываются въ своихъ опредѣленіяхъ и выводахъ, впадаютъ въ противорѣчіе съ собою и съ другими, пренебрегаютъ истинно-научными методами и придумываютъ теоріи явно несостоятельныя и совершенно „непріемлемыя“ для г. Туганъ-Барановскаго. Недоумѣніе вызывается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что главное содержаніе современной политической экономіи усматривается въ безплодныхъ спорахъ объ источникѣ и мѣрилѣ цѣнности, при чемъ первое мѣсто отводится теоріи предѣльной полезности, противопоставляемой марксизму. „Школа предѣльной полезности—говоритъ авторъ—занимаетъ все болѣе и болѣе господствующее положеніе въ академической наукѣ; преобразовавъ теорію цѣнности, она пытается теперь совершить такое же глубокое преобразованіе и въ теоріи распредѣленія. Что касается марксизма, то несомнѣнно марксизмъ утратилъ за послѣднее время значительную долю своего прежняго обаянія, но все же остается господствующимъ направленіемъ соціализма“. Въ дѣйствительности, теорія предѣльной полезности, какъ одна изъ попытокъ объясненія товарныхъ цѣнъ, занимаетъ лишь весьма второстепенное мѣсто въ немногихъ, преимущественно нѣмецкихъ курсахъ политической экономіи и почти совершенно игнорируется французскими и англійскими экономистами; къ марксизму же она не имѣетъ прямого отношенія и потому не можетъ ни противопоставляться ему, ни дѣлить съ нимъ господство въ наукѣ. М. И. Туганъ-Барановскій доказываетъ это на собственномъ примѣрѣ, пытаясь совмѣстить обѣ теоріи и образовать изъ нихъ нѣчто среднее. Во всякомъ случаѣ, ставить во главу угла современной политической экономіи какую-то спеціальную теорію по одному изъ частныхъ вопросовъ народнаго хозяйства — притомъ теорію по меньшей мѣрѣ спорную, признаваемую лишь очень немногими,—значитъ, очевидно, умалять значеніе экономической науки и ея интересъ въ глазахъ читателей. Однако авторъ вѣритъ въ научное достоинство и авторитетъ политической экономіи; онъ сближаетъ ее съ точными абстрактными науками и приписываетъ недовѣріе къ ней общественнаго мнѣнія не ея внутреннимъ недостаткамъ, а враждѣ и противодѣйствію тѣхъ общественныхъ группъ, интересамъ которыхъ противорѣчатъ ея выводы.

Обширный матеріалъ курса проф. Туганъ-Барановскаго распредѣленъ по четыремъ главнымъ отдѣламъ: общее ученіе о хозяйствѣ, ученія о производствѣ, обмѣнѣ и распредѣленіи. Въ заключительной главѣ говорится о капиталистическомъ хозяйствѣ въ цѣломъ, въ связи съ теоріями рынка и кризисовъ. Авторъ ограничиваетъ кругъ компетенціи и задачъ политической экономіи изслѣдованіемъ свободнаго обмѣна товаровъ; ни древній міръ, ни средніе вѣка не могутъ, по его мнѣнію, служить предметомъ науки о народномъ хозяйствѣ, ибо при отсутствіи широкой свободы обмѣна нѣтъ почвы и для политической экономіи (стр. 21). Судьба политической экономіи, какъ своеобразной науки о причинныхъ соотношеніяхъ хозяйственныхъ явленій, тѣсно связана съ современнымъ народнымъ хозяйствомъ: „вмѣстѣ съ нимъ она (наука) возникла и развилась, и вмѣстѣ съ нимъ должна сойти со сцены". „Въ соціалистическомъ строѣ для этой науки мѣста не будетъ,—хотя именно въ этомъ строѣ практическія знанія, относящіяся къ области экономической политики, и всѣ необходимыя для этого вспомогательныя научныя дисциплины, какъ напр. статистика, должны получить чрезвычайное развитіе. Политическая же экономія частью превратится въ теорію экономической политики, а частью войдетъ въ составъ болѣе общей науки объ обществѣ—соціологіи" (стр. 25).

Этотъ оригинальный взглядъ г. Туганъ-Барановскаго кажется намъ результатомъ какого-то недоразумѣнія. Наука изучаетъ извѣстную область явленій во всей ихъ полнотѣ и въ ихъ послѣдовательномъ развитіи, и только при этомъ условіи она можетъ установить какіе-либо законы или общія формулы для объясненія безконечнаго разнообразія фактовъ. Наука о современномъ мѣновомъ хозяйствѣ была бы не политическою, а промышленною экономіею, и не могла бы вовсе претендовать на званіе общей экономической науки.

Другая особенность воззрѣній г. Туганъ-Барановскаго—мысль объ обязательной руководящей роли этики или, вѣрнѣе, принципа абсолютной цѣнности человѣческой личности при изслѣдованіи экономическихъ отношеній. Этотъ нравственный принципъ, формулированный Кантомъ, „является единственно возможнымъ основаніемъ политической экономіи, поскольку эта наука становится на почву опредѣленныхъ практическихъ интересовъ". Можно бы еще согласиться съ замѣчаніемъ, что экономическая *политика* должна основываться на этикѣ (стр. 49), но считать этику „единственно возможнымъ основаніемъ политической экономіи", конечно, нельзя. Между требованіями этики и основами существующаго экономическаго строя нѣтъ рѣшительно ничего общаго; ихъ раздѣляетъ непримиримый антагонизмъ, который особенно обостряется при широкой свободѣ товарнаго обмѣна.

Объ этическихъ основахъ науки, изучающей современное мѣновое хозяйство, не можетъ быть и рѣчи.

Говоря о теоріяхъ цѣнности и, въ частности, объ ученіи австрійской школы, М. И. Туганъ-Барановскій напоминаетъ мнѣніе Милля, что въ области теоріи цѣнности наука сказала свое послѣднее слово и будущимъ ученымъ не придется прибавить къ сказанному уже ничего существенно новаго. „Какъ извѣстно,—замѣчаетъ авторъ—Милль оказался плохимъ пророкомъ и именно ученіе о цѣнности было совершенно преобразовано позднѣйшими изслѣдователями. Теперь можно, однако, повторить пророчество Милля съ большей надеждой на успѣхъ. Теорія предѣльной полезности навсегда останется основаніемъ ученія о цѣнности,—она можетъ быть дополнена и измѣнена въ частностяхъ въ будущемъ, но основныя идеи ея составляютъ вѣчное сокровище экономической науки“ (стр. 79).

Въ видѣ образчика той аргументаціи, которая вытекаетъ изъ этого „вѣчнаго сокровища экономической науки“, можно привести объясненіе причинъ, почему золото цѣнится выше хлѣба: „абстрактная потребность въ золотѣ меньше, чѣмъ въ хлѣбѣ, но и общій запасъ золота еще гораздо меньше общаго хлѣбнаго запаса; значитъ, хотя абстрактная полезность хлѣба гораздо выше, чѣмъ золота, предѣльная полезность золота (т.-е. конкретная полезность послѣдней единицы золота) выше, чѣмъ хлѣба. Потребность въ хлѣбѣ насыщается для большинства населенія очень полно — большинство населенія не голодаетъ, — но потребность въ золотыхъ украшеніяхъ далека отъ полнаго насыщенія: очень мало найдется людей, которые отказались бы отъ лишняго золотого украшенія“ (стр. 63). Разумѣется, никто не откажется отъ „лишняго“ золота, но потребность въ золотыхъ украшеніяхъ едва ли свойственна большинству людей и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть сравниваема съ потребностью въ хлѣбѣ. Высокая цѣнность золота объясняется здѣсь именно тѣмъ, что золото всѣми цѣнится высоко и никогда не считается лишнимъ, т.-е. высокая цѣнность объясняется высокою цѣнностью.

Въ другомъ мѣстѣ авторъ дѣлаетъ подробный анализъ происхожденія и колебанія товарныхъ цѣнъ, руководствуясь теоріею предѣльной полезности. Этотъ „анализъ“ наглядно характеризуетъ научныя достоинства теоріи, въ которую почему-то увѣровалъ почтенный М. И. Туганъ-Барановскій. Цѣны товаровъ складываются на основѣ различныхъ субъективныхъ оцѣнокъ, въ зависимости отъ сравнительной потребности въ данномъ товарѣ и отъ количества денегъ у отдѣльныхъ покупателей. „Я хочу, напр., купить зонтикъ, за который продавецъ спрашиваетъ пять рублей; я нахожусь въ нерѣшительности, стоитъ ли заплатить за зонтикъ пять рублей или нѣтъ. Рѣшая этотъ

вопросъ, я конечно не стану сравнивать цѣнности для себя зонтика и цѣнности для себя же пятирублевой золотой монеты, какъ предмета украшенія; я буду сравнивать нѣчто иное—цѣнность для меня зонтика и цѣнность для меня же тѣхъ разнообразныхъ предметовъ, которые я могу пріобрѣсть на пять рублей. Я могу на эти деньги, допустимъ, купить билетъ въ театръ, два фунта чаю, книгу и т. п. И только сравнивъ цѣнность для себя зонтика съ цѣнностью того, что я могу пріобрѣсти за тѣ же пять рублей, и увидѣвъ, что за пять рублей я не могу пріобрѣсти болѣе цѣнныхъ для меня предметовъ, я куплю зонтикъ. Въ противномъ же случаѣ я зонтика не куплю. Такимъ образомъ, оцѣнивая предметъ на деньги, я сравниваю предѣльную полезность различныхъ предметовъ, которые могутъ быть куплены на то же количество денегъ. Это сравненіе и опредѣляетъ, какую цѣну я могу дать за данный товаръ. Теперь — продолжаетъ ученый авторъ — можно сдѣлать дальнѣйшій шагъ въ анализѣ процесса сложенія цѣны. Денежная расцѣнка того же товара со стороны различныхъ покупателей неизбѣжно должна быть различна, благодаря различію ихъ денежныхъ средствъ. Чѣмъ больше у покупателя денегъ, тѣмъ больше онъ можетъ заплатить за товаръ въ случаѣ надобности. Оцѣнка милліонера будетъ, конечно, гораздо выше, чѣмъ оцѣнка бѣдняка; но дѣйствительная цѣна товара будетъ одна и та же и для милліонера, и для бѣдняка". Затѣмъ излагаются разныя комбинаціи, съ распредѣленіемъ покупателей на группы по степени ихъ состоятельности; при этомъ предполагается, во-первыхъ, что цѣны назначаются исключительно покупателями, въ зависимости отъ имѣющихся у нихъ денежныхъ средствъ, и во-вторыхъ, что продавцы должны непремѣнно сразу сбывать все имѣющееся у нихъ количество даннаго товара по какой бы то ни было цѣнѣ. При этихъ условіяхъ, если предложено къ продажѣ десять зонтиковъ при наличности пяти разрядовъ покупателей, могущихъ уплатить отъ одного до пяти рублей за зонтикъ, цѣна каждаго зонтика должна быть два рубля,—не болѣе и не менѣе. Изъ этого своеобразнаго „анализа" фактовъ, которыхъ нигдѣ не бываетъ и быть не можетъ, выводится „законъ" образованія единой рыночной цѣны изъ многочисленныхъ и весьма различныхъ индивидуальныхъ расцѣнокъ. Покупатели разныхъ категорій соображаютъ, купить ли имъ зонтикъ, или какую-нибудь другую вещь; потомъ, рѣшившись сдѣлать предположенную покупку, они предлагаютъ продавцу разныя цѣны: одни могутъ дать не больше рубля, другіе— не больше двухъ и т. д., а послѣдніе, наиболѣе богатые, согласны заплатить даже болѣе пяти рублей; продавецъ же чувствуетъ себя почему-то обязаннымъ сбыть немедленно всѣ зонтики, не оставивъ у себя ни одного, и для этого понижаетъ цѣну съ пяти рублей до

двухъ, т.-е. продаетъ свой товаръ съ крупнымъ убыткомъ. Загадочныя дѣйствія этихъ фантастическихъ продавцовъ и покупателей даютъ матеріалъ для формулы, которая своею достовѣрностью вполнѣ удовлетворяетъ проф. М. И. Туганъ-Барановскаго. Въ этомъ, по его словамъ, „и заключается такъ называемый законъ спроса и предложенія, о которомъ экономисты говорятъ уже сотни лѣтъ, но точная научная формулировка котораго стала возможна только на основѣ теоріи предѣльной полезности“ (стр. 349—352).

Разсужденія о теоретическихъ основахъ политической экономіи, какъ и объ отдѣльныхъ ея теоріяхъ, составляютъ самую слабую часть курса. Главное достоинство его — богатство фактическихъ данныхъ, разъясненій и соображеній по разнымъ экономическимъ вопросамъ, какъ напр. о формахъ промышленности, о земельной общинѣ, о крупномъ и мелкомъ землевладѣніи, о кредитѣ и торговлѣ, о рабочихъ союзахъ и рабочемъ законодательствѣ. При свойственной автору ясности изложенія книга остается вполнѣ удобопонятною и общедоступною даже тамъ, гдѣ требованія учености облекаются въ своеобразныя схоластическія формы, признаваемыя достаточно авторитетными въ литературѣ политической экономіи.

II.

— Приамурье. Факты, цифры, наблюденія. Приложеніе къ отчету общеземской организаціи за 1908 годъ. Москва, 1909. Стр. 922.

Этотъ замѣчательный сборникъ изслѣдованій, очерковъ и матеріаловъ о нашей восточной окраинѣ составленъ группою земскихъ работниковъ подъ общимъ руководствомъ князя Г. Е. Львова и подъ ближайшей редакціею Т. И. Полнера. „Когда вырабатывалась схема земской организаціи врачебно-продовольственной помощи переселенцамъ на Дальнемъ Востокѣ, — читаемъ мы въ предисловіи предсѣдателя общеземской организаціи, кн. Львова, — то естественнымъ образомъ одною изъ крупныхъ задачъ вошла въ нее задача изученія края, въ которомъ предстояло работать. Помимо практическихъ требованій, такую задачу обязывала выполнить самая исключительность факта поѣздки въ отдаленную окраину цѣлаго отряда земскихъ работниковъ. Мы должны были не только принести непосредственную помощь переселенцамъ на мѣстахъ, но и привезти домой ближайшее знакомство съ жизнью нашихъ колонистовъ, непосредственное знаніе заселяемыхъ областей, которое должно служить лучшей связью колоніи съ метрополіей“. Трудъ исполненъ весьма добросовѣстно, въ сравнительно короткое время, при крайне неблагопріятныхъ усло-

віяхъ; между прочимъ, администрація не дозволила правильно поставить на мѣстѣ статистическое обслѣдованіе, такъ что по многимъ вопросамъ пришлось довольствоваться случайными цифрами, добытыми изслѣдователями во время разъѣздовъ.

Чрезвычайно интересенъ обширный вступительный очеркъ исторіи Приамурья, начиная съ экспедиціи Пояркова въ XVII-мъ вѣкѣ и до настоящаго времени. Громадныя пространства новыхъ земель достаются намъ легко, безъ особенныхъ жертвъ, но вмѣсто ожидаемой пользы приносятъ государству и народу безплодное систематическое разореніе. За послѣднія шестнадцать лѣтъ приплаты государственнаго казначейства на Приамурье доходятъ, въ общей суммѣ, до шестисотъ милліоновъ, а вмѣстѣ съ дефицитами предшествовавшихъ лѣтъ получается колоссальная цифра въ $715^1/_2$ милліоновъ рублей. Средній ежегодный дефицитъ по Приамурью составляетъ около пятидесяти милліоновъ,—и почти всѣ эти огромныя затраты были безусловно непроизводительны. На охрану далекихъ владѣній не жалѣли денегъ; но что же сдѣлано—спрашиваетъ Т. И. Полнеръ—для самаго края, внѣ зависимости отъ стратегическихъ предпріятій противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ? „Изучить его, устроить, съ толкомъ вложить въ него капиталъ, дать ему всѣ способы къ самостоятельному развитію—этого мы не съумѣли; да и мало у кого были заботы о такихъ вещахъ“. На войска тратились громадныя средства — около 80% всѣхъ расходовъ; непомѣрныя суммы поглощались администраціею, но на культурныя цѣли, на благоустройство страны, не находилось денегъ. Народу даны полновластные опекуны въ видѣ крестьянскихъ начальниковъ; земскихъ учрежденій не существуетъ въ краѣ до сихъ поръ, „да и едва ли они будутъ существовать здѣсь когда-либо, если недовѣріе и властное руководительство будутъ по прежнему проходить лейтъ-мотивомъ черезъ всю дальневосточную политику. Могла ли при такихъ условіяхъ развиться въ широкихъ размѣрахъ свободная иниціатива мѣстнаго населенія, столь необходимая для промышленнаго процвѣтанія края?“ Между тѣмъ край стоитъ слишкомъ дорого; съ каждымъ годомъ онъ требуетъ все новыхъ и новыхъ затратъ, и „великая рѣка Амуръ становится какъ бы гигантскимъ насосомъ, который вытягиваетъ громадныя средства изъ центра Россіи и уноситъ ихъ въ Китай и Америку“ (стр. 169).

Съ большимъ интересомъ читаются также главы о сельскомъ хозяйствѣ въ Амурской и Приморской областяхъ, составленныя агрономомъ Н. М. Ткаченко, описаніе быта приамурскихъ крестьянъ—Т. И. Полнера, и обстоятельный этюдъ кн. Львова, врача А. С. Дурново и Т. И. Полнера о переселенческомъ дѣлѣ на Дальнемъ Востокѣ. Чрезмѣрная бюрократическая опека даетъ себя сильно чувствовать

въ вопросѣ о формахъ крестьянскаго землевладѣнія; въ новѣйшихъ законахъ и правилахъ по этому предмету, по свидѣтельству компетентныхъ лицъ, „не могли ничего понять ни сами крестьяне, ни опекавшее ихъ начальство". А пока, въ дѣйствительности, землепользованіе остается „хаотическимъ и безправнымъ". Теперь искусственно вводится принципъ хуторского хозяйства на основѣ личной земельной собственности; но составители сборника сомнѣваются въ прочности и постоянствѣ убѣжденія правительства, что хутора представляютъ наиболѣе совершенный видъ земельнаго устройства сельскихъ обывателей. „И не придется ли съ теченіемъ времени вновь *содѣйствовать* земледѣльцамъ нашей далекой окраины въ переходѣ къ общинному пользованію землею?" (стр. 787). „Тамъ, гдѣ нужны живыя силы, крѣпкій ростъ и бодрый самостоятельный духъ,—говорится въ концѣ книги,—тамъ должна быть исключена опека. Условія управленія должны давать просторъ самостоятельной дѣятельности". Чтобы достигнуть этой цѣли, необходима была бы, очевидно, коренная перемѣна всей нашей правительственной системы, какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ.

III.

— Н. И. Кохановскій. Землевладѣніе и земледѣліе въ Китаѣ. Владивостокъ, 1909. Стр. VIII + 156 + XVII. Ц. 1 р.

Въ книжкѣ г. Кохановскаго разработанъ и приведенъ въ систему матеріалъ, заключающійся въ спеціальныхъ сочиненіяхъ и отчетахъ о Китаѣ; матеріалъ этотъ отчасти устарѣлъ и не отличается полнотою, но болѣе обстоятельное изслѣдованіе страны встрѣчаетъ непреодолимыя затрудненія въ общихъ условіяхъ быта и строя имперіи. Авторъ, какъ видно изъ его предисловія, не бывалъ въ Китаѣ и не изучалъ его земельныхъ дѣлъ на мѣстѣ, а могъ только пользоваться существующею литературою предмета.

Земледѣльческое населеніе собственно Китая считается приблизительно въ двѣсти милліоновъ душъ, а общая площадь воздѣлываемыхъ земель составляетъ лишь около 40½ милліоновъ десятинъ, т.-е. менѣе 16% всей территоріи собственно Китая. Съ древнѣйшихъ временъ земельные порядки въ Китаѣ подчинялись контролю высшихъ представителей государственной власти, организація которой „при системѣ натуральнаго хозяйства имѣла удѣльно-феодальный характеръ" (стр. 12). Верховное право собственности на землю признавалось за государствомъ; институтъ частной собственности выработался лишь постепенно, какъ „результатъ продолжительнаго развитія, обу-

словливаемаго борьбою различныхъ стремленій и интересовъ". Внѣшнія культурныя вліянія отсутствовали, и земельное устройство Китая было всецѣло продуктомъ его самобытной исторіи; тѣмъ не менѣе оно въ нѣкоторыхъ существенныхъ чертахъ напоминаетъ средневѣковый западно-европейскій строй. Капиталистическаго предпринимательства въ земледѣліи и землевладѣніи не существуетъ, помимо отдѣльныхъ мѣстностей, имѣющихъ значеніе для торговли. Съ коммерческой точки зрѣнія не представляется выгоднымъ вкладывать капиталы въ землевладѣніе, а тѣмъ болѣе—въ земледѣліе. Земельное право проникнуто вообще демократическимъ духомъ; крупное землевладѣніе не пользуется никакими преимуществами въ политическомъ отношеніи. Земля воздѣлывается большею частью мелкими участками, при помощи личнаго труда владѣльцевъ, такъ что эксплуатація съемщиковъ землевладѣльцемъ поставлена въ крайне тѣсныя границы (стр. 27). Арендное право имѣетъ вещный характеръ, чѣмъ упрочивается связь земледѣльца съ обрабатываемою имъ землею. Мелкое землевладѣніе вообще преобладаетъ; дробность его поддерживается системою обязательнаго раздѣла земли между нисходящими мужского пола. Въ принципѣ признается право занятія свободныхъ земель, подъ условіемъ разработки; новые поселенцы въ случаѣ надобности поощряются разными льготами. Поземельные налоги и платежи неодинаковы въ различныхъ областяхъ имперіи и часто повышаются произвольно мѣстными властями; но, въ общемъ, они не особенно обременительны, тѣмъ болѣе что часть взносовъ принимается натурою и замѣна ихъ денежными платежами по установленной оффиціально цѣнѣ продуктовъ зависитъ отъ самихъ плательщиковъ. Сельско-хозяйственная промышленность отличается отсталостью и рутиною; значительнѣйшая часть поверхности, не смотря на густоту населенія, остается неиспользованною, и вообще китайское земледѣліе далеко не оправдываетъ своей преувеличенной заграничной репутаціи. Главнѣйшее содержаніе книжки г. Кохановскаго касается детальныхъ свѣдѣній о состояніи земледѣлія въ отдѣльныхъ провинціяхъ Китая. Эти свѣдѣнія не представляютъ общаго интереса. — Л. Слонимскій.

IV.

— Проф. А. Яроцкій. Идеализмъ, какъ физіологическій факторъ.

Профессоръ Яроцкій разсматриваетъ въ своей книгѣ весьма важный и еще мало разработанный вопросъ о вліяніи психическаго фактора на физіологическіе процессы, а черезъ то—на состояніе здо-

ровья, на предупрежденіе и леченіе болѣзней. Вопросъ этотъ не новъ, не оригиналенъ, и не найдется врача, отвергающаго такое вліяніе; извѣстный клиницистъ Штрюмпель утверждаетъ даже, что „число заболѣваній тѣла, развившихся на психической основѣ, по крайней мѣрѣ такъ же велико, какъ и число чисто тѣлесныхъ заболѣваній". Но психическая сфера очень обширна, а врачи, привлекающіе ее къ участію въ объясненіи происхожденія и леченія болѣзней, по мнѣнію г. Яроцкаго, очень ее ограничиваютъ. Они разсуждаютъ о воздѣйствіи на тѣло „только сравнительно элементарныхъ и низшихъ сторонъ душевной жизни (ощущеній, вниманія, воли, надежды, страха), но самыхъ высшихъ проявленій ея, въ которыхъ объединяются всѣ ея стороны—именно—область этическихъ процессовъ, нравственныхъ сторонъ человѣческой личности, они не затрогиваютъ". Между тѣмъ, сами врачи признаютъ благотворное вліяніе на теченіе болѣзней сильнаго религіознаго чувства. Тьюкъ, напр., высказываетъ мысль, что утрата образованнымъ человѣкомъ свойства излечиваться чарами, проистекающаго изъ вѣры въ лекарство, есть какъ бы наказаніе за его умственное превосходство. Авторъ протестуетъ противъ такого сожалѣнія объ утратѣ современнымъ человѣкомъ элементарной психологіи дикаря. Психологія культурнаго человѣка—говоритъ онъ—можетъ дать въ этомъ отношеніи очень много. Нравственное перерожденіе личности—вотъ рычагъ, пробуждающій въ душѣ больного могучія цѣлебныя силы, и „высшія идеалистическія стороны душевной жизни являются основнымъ элементомъ, обусловливающимъ весь циклъ физической жизни человѣка, ту или другую ея продолжительность, заболѣваемость человѣка и т. д.". Авторъ пытается обосновать это предположеніе; но его аргументація касается непосредственно не „высшихъ идеалистическихъ сторонъ", а лишь душевнаго состоянія человѣка, т.-е. фактора, признаваемаго и врачами. Авторъ поясняетъ, напр., то общеизвѣстное явленіе, что заболѣваніе человѣка и теченіе его болѣзни зависятъ отъ силы не только дѣйствующаго на него болѣзнетворнаго начала, но и отъ сопротивленія организма. „Но разъ дѣло идетъ о способности организма сопротивляться внѣдрившимся въ него микробамъ, слѣдуетъ принимать во вниманіе и *душевныя силы* человѣка"; „*подавленное душевное состояніе* имѣетъ очень важное значеніе въ ряду причинъ, вызывающихъ острыя заболѣванія". „Въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно связать заболѣваніе острыми болѣзнями съ высшими сторонами душевной жизни", когда, напр., разбиваются надежды человѣка и онъ остается „съ закрытыми путями для дальнѣйшей дѣятельности"; возможно, что „въ результатѣ разовьется тяжелое острое заболѣваніе". Можно, поэтому, высказать, что „не сердце, не мускулы, не почки обусловливаютъ продолжительность жизни и степень здо-

ровья, какъ это принято думать, а тотъ запасъ *душевныхъ силъ*, которыми человѣкъ располагаетъ". Было время, когда простуда считалась причиной болѣзней, которыя въ дѣйствительности возбуждаются микробами, а сама простуда является лишь вспомогательнымъ къ тому факторомъ. Можетъ-быть и сами микробы должны раздѣлить судьбу простуды, а „истинная причина заболѣваній лежитъ въ душевныхъ процессахъ человѣка" — заявляетъ авторъ. Какъ гипотеза, всѣ эти разсужденія о значеніи „душевнаго міра" и „душевныхъ силъ" болѣе или менѣе умѣстны. Но непонятенъ скачокъ отъ этого къ заключенію, что человѣкъ „живетъ столько, сколько хватаетъ въ немъ запаса *идеализма*... Этотъ идеализмъ поддерживаетъ его, осмысливаетъ каждый его шагъ, проводитъ его невредимымъ черезъ трудные моменты жизни, не даетъ ему отчаиваться". При отсутствіи же идеализма или утратѣ послѣдняго исторію человѣка можно представить „какъ быстрый процессъ разрушенія его тѣла" подъ вліяніемъ вредныхъ моментовъ, которымъ онъ не можетъ противопоставить ни сознательнаго противодѣйствія,—для чего „необходимъ подъемъ на высшія ступени душевной жизни,—ни простого сопротивленія тканей своего тѣла, такъ какъ и клѣтки организма направляются въ своихъ жизненныхъ процессахъ импульсами, источникъ которыхъ—въ высшихъ проявленіяхъ душевной жизни". Такимъ образомъ „*этическія, идеалистическія* стороны человѣческой личности не только обусловливаютъ его поведеніе и его жизненный путь, но и являются регуляторомъ, опредѣляющимъ ходъ и продолжительность физіологическихъ процессовъ организма". Этотъ переходъ отъ „душевнаго состоянія" къ „этической и идеалистической сторонѣ человѣческой личности" не мотивированъ, и въ односторонней постановкѣ проф. Яроцкаго его положеніе о значеніи идеализма врядъ ли можетъ быть поддерживаемо. „Бодрое настроеніе", „твердая воля", „жизнерадостность", оказывающія такое огромное вліяніе на здоровье и болѣзнь человѣка, нельзя считать производными человѣческаго идеализма; они могутъ сочетаться и съ невысокимъ моральнымъ состояніемъ. Самый идеализмъ является благопріятнымъ физіологическимъ факторомъ, насколько онъ поддерживаетъ аморальныя, болѣе элементарныя душевныя свойства, вродѣ бодрости духа, твердой воли и т. п. Развитіе основной идеи проф. Яроцкаго должно было бы заключаться въ выясненіи того, какимъ образомъ этическіе и идеалистическіе моменты воздѣйствуютъ на общій душевный тонъ человѣка. Воздѣйствіе это, въ общемъ, соотвѣтствуетъ, вѣроятно, представленію автора; но не слѣдуетъ при этомъ исключать возможность такого же душевнаго тона у людей, не настроенныхъ идеалистически. Врачу, кромѣ того, въ каждомъ конкретномъ случаѣ приходится разрѣшать вопросъ о томъ — можно ли, при данной со-

ціально-политической обстановкѣ, ожидать благопріятныхъ для больного результатовъ отъ возбужденія высшихъ свойствъ его душевной природы.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи идей автора постепенно выясняется „что же это за идеалистическое настроеніе и подъемъ духа, которые оказываютъ такое могучее вліяніе на судьбу человѣка". Основнымъ элементомъ этого настроенія должно быть „чувство беззавѣтной преданности (начиная съ чувства обожанія одного человѣка и кончая самыми сложными философскими, политическими и религіозными построеніями), охватывающее всего человѣка съ необыкновенной яркостью и интенсивностью". Политическая окраска или содержаніе убѣжденій не имѣетъ значенія; но нельзя сказать того же самаго относительно мѣры богатства духовнаго содержанія человѣка. По наблюденіямъ шлиссельбургцевъ, напр., недолго выносятъ одиночное заключеніе не только необразованные люди, вслѣдствіе бѣдности своего духовнаго содержанія проводящіе время въ лежаніи и спаньѣ и погибающіе отъ цынги,—но и люди узко партійные, „съ необыкновеннымъ жаромъ, цѣликомъ отдавшіеся опредѣленному практическому дѣлу революціонной борьбы. Эти люди, попавъ въ тюрьму, не могутъ оторваться отъ своихъ мыслей, направленныхъ на одно дѣло, мечутся какъ звѣрь въ клѣткѣ и быстро сгораютъ". „Изъ этого мы можемъ еще разъ заключить—поясняетъ г. Яроцкій,—что одного благороднаго душевнаго подъема, какъ бы ни важно было его значеніе, недостаточно для того, чтобы сдѣлать личность стойкой, а необходимо еще ея богатое содержаніе и разностороннее развитіе для того, чтобы человѣкъ могъ устоять при рѣзкихъ измѣненіяхъ окружающей обстановки".

Отсюда, повидимому, вытекаетъ необходимость расширить понятіе идеализма, какъ физіологическаго фактора, сравнительно съ тѣмъ, какое дано было первоначально авторомъ. И дѣйствительно, когда проф. Яроцкій говоритъ, что воспитаніе человѣка, съ точки зрѣнія сохраненія его здоровья, должно заботиться объ идеалистической сторонѣ его не менѣе, чѣмъ о физической, и пытается намѣтить границы идеалистическаго воспитанія, то, наряду съ интеллектуальнымъ и моральнымъ мотивами, онъ указываетъ и на необходимость развитія въ воспитываемомъ интереса къ природѣ, способности наслаждаться ея красотами, какъ и прекраснымъ въ искусствѣ.

Принципъ разносторонности развитія личности вносится теперь въ науку и воспитаніе не врачами, а моралистами и педагогами. Но и врачи очень много могли бы сдѣлать въ смыслѣ осуществленія въ дѣлѣ воспитанія этого принципа, еслибы сами понимали значеніе его для здоровья человѣка; потому что матери, по крайней мѣрѣ, гораздо болѣе совѣтуются въ дѣлѣ воспитанія съ врачами, чѣмъ съ педаго-

гами. Проф. Яроцкій идетъ, однако, гораздо дальше этого и, не ограничиваясь воспитаніемъ малолѣтнихъ, считаетъ возможнымъ прописывать моральное перерожденіе взрослаго „слабаго, жалкаго, мелочного человѣка“, какъ средство борьбы съ неизлечимымъ недугомъ. Имѣя дѣло съ больнымъ, говоритъ онъ, „мы не только должны обставить его соотвѣтствующимъ образомъ, не только воздѣйствовать на его интеллектуальную сферу, на его настроеніе и чувство, но мы должны добиваться полнаго нравственнаго перерожденія личности, такъ какъ только оно подымаетъ до высшихъ ступеней всѣ стороны душевной жизни человѣка“. Интересно было бы знать результаты примѣненія этого лечебнаго пріема въ собственной практикѣ почтеннаго профессора.

Мы познакомили читателя лишь въ самыхъ общихъ чертахъ съ содержаніемъ интересной книги проф. Яроцкаго. Читатель, заинтересовавшійся его идеями, безъ сомнѣнія обратится къ самому его произведенію.

V.

— А. Н. Анцыферовъ. Кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи и Франціи. Воронежъ, 1909 г.

— Е. С. Каратыгинъ. Въ странѣ крестьянскихъ товариществъ. Очеркъ развитія товарищескаго начала въ сельскомъ хозяйствѣ Даніи. Спб. 1909.

Два эти труда, выходящіе вторымъ изданіемъ, дополняютъ другъ друга въ томъ отношеніи, что вторая имѣетъ предметомъ сельскую кооперацію въ странѣ, о которой ничего не говорится въ первомъ, а обѣ книги вмѣстѣ рисуютъ состояніе сельско-хозяйственной кооперації въ странахъ, гдѣ она получила наибольшее развитіе и привела къ наиболѣе блестящимъ результатамъ. Но, будучи близкими по темѣ, разсматриваемыя книги рѣзко различаются по характеру и по отношенію къ своему предмету. Г. Анцыферовъ изучаетъ кооперацію какъ таковую и ставитъ себѣ задачу „тщательно изучить существенные факты земледѣльческаго кооперативнаго движенія и, пользуясь добытымъ матеріаломъ, намѣтить основные типы существующихъ кооперативныхъ учрежденій, необходимыя условія ихъ возникновенія и развитія, основныя задачи ихъ дѣятельности“. Г. Каратыгинъ интересуется кооперацією, какъ средствомъ развитія сельско-хозяйственнаго производства; онъ посвящаетъ, поэтому, отдѣльные очерки нѣкоторымъ явленіямъ, постороннимъ кооперації, но имѣющимъ важное значеніе съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія (исторія аграрныхъ реформъ, распредѣленіе земельной собственности, сельско-хозяйствен-

ное образованіе), и желаетъ своей книгой „предоставить интересующимся аграрными теченіями возможность ознакомиться болѣе детально съ организаціей производства и сбыта земледѣльческихъ продуктовъ въ Даніи, этой сельско-хозяйственной страны par excellence". Изъ сказаннаго читатель уже самъ можетъ заключить, что книга г. Анцыфорова есть изслѣдованіе кооперации, выясняющее это учрежденіе съ различныхъ сторонъ — весьма цѣнное, прибавимъ, для тѣхъ, кто интересуется даннымъ предметомъ; недаромъ этотъ обширный трудъ (болѣе 500 страницъ) выдерживаетъ въ теченіе двухъ лѣтъ второе изданіе. Книга г. Каратыгина имѣетъ описательный характеръ, указывая преимущественно на сельско-хозяйственные результаты развитія кооперации. Обѣ книги, конечно, заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія, потому что касаются предмета выдающагося значенія. „Идея ассоціаціи, въ примѣненіи къ сельскому хозяйству, является не менѣе великимъ открытіемъ, нежели новые пріемы техники", сказалъ покойный А. И. Чупровъ, а г. Анцыфоровъ полагаетъ, что „какъ паровая машина, появившись въ Западной Европѣ въ концѣ XVIII-го вѣка, создала изъ нея вѣкъ пара и электричества въ XIX-мъ, точно такъ же и кооперація, родившись въ XIX-мъ вѣкѣ и едва перейдя младенческій возрастъ въ его концѣ, обѣщаетъ сдѣлать для Западной Европы XX-й вѣкъ—вѣкомъ кооперативнымъ". И дѣйствительно, несмотря на то, что сельско-хозяйственная кооперація, напр. въ Даніи, представляетъ совершенно новое явленіе, товарищескія свинобойни охватили уже больше половины всего числа свиней, а маслобойни— болѣе $^4/_5$ общаго числа коровъ. На соотвѣтствующія кооперации доставляется около $^3/_4$ убиваемыхъ въ странѣ свиней и такая же доля общей добычи молока; товарищескимъ маслодѣльнямъ принадлежитъ $^4/_5$ добываемаго въ Даніи масла (Каратыгинъ). Еще немного лѣтъ—и въ Даніи будетъ существовать исключительно кооперативная переработка продуктовъ сельскаго хозяйства. Нельзя поэтому возражать противъ мысли г. Анцыфорова, что, „быть можетъ, именно въ кооперативной организаціи человѣческое общество найдетъ одну изъ важнѣйшихъ практическихъ формулъ для рѣшенія знаменитой спенсеровской проблемы: the man versus the state". — В. В.

Въ теченіе сентября мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Аксаковъ, С. Т. — Избранныя сочиненія. Подъ редакціей Ч. Вѣтринскаго. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Болобанъ, А. П. — Земледѣліе и хлѣбо-промышленность сѣверной Маньчжуріи. Харбинъ, 1909 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Брашовскій, С. Н. — Къ вопросу о пушкинской плеядѣ. I. Орестъ Михайловичъ Сомовъ. Варшава, 1909 г. Цѣна 1 р.

Бразоль, Б. Л.—Критическія грани. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Бѣлоусовъ, Иванъ.—Стихотворенія. Москва, 1909 г. Цѣна 1 р.

Галантъ, И.—Арендовали ли евреи церкви на Украйнѣ? Кіевъ, 1909 г.

Геркенъ, Евгеній.—Лирическія стихотворенія. Казань, 1909 г. Цѣна 60 к.

Жураковскій, Евгеній. — О характерѣ. Критико-психологическій очеркъ. Сергіевъ Посадъ, 1909. Цѣна (?).

Кисель, А. А., и *Майзель*, И. Е.—Развитіе и воспитаніе дѣтей отъ года до 14 лѣтъ. Свѣдѣнія по гигіенѣ дѣтскаго возраста. Москва, 1909 г. Цѣна 35 к.

Козинцовъ, М., д-ръ мед.—Курсъ гигіены для среднеучебныхъ заведеній и самообразованія. Новозыбковъ, 1909 г. Цѣна 1 р.

Колубовскій, Я. Н.—Англійскіе съѣзды по дѣламъ слѣпыхъ. Спб., 1909 г. Изд. попечительства о слѣпыхъ. Стр. 93. Цѣна 50 коп.

Лебедь-Юрчикъ, Х. М.—Сахарная промышленность въ Россіи. Кіевъ, 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Метерлинкъ, М. — Синяя птица. Избіеніе младенцевъ. Чудо св. Антонія. Москва, 1909 г. Цѣна 1 р.

Павловъ-Сильванскій, Н. П.—Государевы служилые люди. Люди кабальные и докладные. 2-е изданіе. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Пахарнаевъ, А. І. — Обзоръ дѣйствующаго свода законовъ Россійской имперіи. Практическое руководство. Изд. 4-е, переработанное и дополненное. Спб., 1909 г. Стр. 95. Цѣна 70 к.

Первушинъ, С. А.—Вліяніе урожаевъ въ связи съ другими экономическими факторами на потребленіе спиртныхъ напитковъ въ Россіи. Подъ ред. и съ прим. Н. А. Каблукова. Москва, 1909 г. Цѣна 2 р.

Ребринъ, И. А. — Что нужно знать ходокамъ и переселенцамъ. Харьковъ. Цѣна 7 коп.

Свириденко, С. — „Тристанъ и Изольда“ Рихарда Вагнера. Спб., 1909 г. Цѣна 40 коп.

Свѣтловъ, Валеріанъ.—Сочиненія, т. I. Змѣя и Чаша. Изъ военнаго быта. Спб., 1909 г. Изд. тов. А. Марксъ. Стр. 323. Цѣна 1 р.

Смирновъ, О. Н. — Календарь-справочникъ на $190^{9}/_{10}$ учебный годъ, „Народный учитель“. Въ двухъ частяхъ. Москва, 1909 г. Цѣна за двѣ части 50 к.

Финдейзенъ, Ник.—Н. А. Римскій-Корсаковъ. Очеркъ его музыкальной дѣятельности. Спб., 1908 г. Цѣна 1 р.

Фишеръ, Куно.—Исторія новой философіи. Томъ VI. Фихте, его жизнь, сочиненія и ученіе. Спб., 1909 г. Цѣна 4 р. 50 к.

Хорутъ, В. І. — Богъ есть истина. Спб., 1909 г. Цѣна 75 к.

Швецовъ, С. П.—Сибирь, кто въ ней живетъ и какъ живетъ. Спб., 1909 г. Цѣна 20 к.

— Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ редакціей Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Выпускъ 10. Москва, 1909 г.

— Московское общество народныхъ университетовъ. Секція средней школы. $190^{7}/_{8}$ учебный годъ. Москва, 1909 г. Цѣна 40 к.

— Обзоръ съѣзда бакинскихъ нефтепромышленниковъ за 1908 г. Т. I и II. Баку, 1909 г. Цѣна за два тома 4 р.

— Педагогическіе курсы при Спб. Фребелевскомъ обществѣ. Краткій очеркъ ихъ дѣятельности за $190^{7}/_{8}$ и $190^{8}/_{9}$ акад. годы. Составилъ С. И. Шохоръ-Троцкій. Спб., 1909 г. Цѣна 20 коп.

— Приамурье. Факты, цифры, наблюденія. Собраны на Дальнемъ Востокѣ сотрудниками общеземской организаціи. Приложеніе къ отчету общеземской организаціи за 1908 годъ. Подъ общей ред. кн. Г. Львова. Съ предисловіемъ Тихона Полнера. Москва, 1909 г. Съ тремя картами. Стр. VII + 922. Цѣна 2 р.

— Русская исторія. Составили В. О. Дудинъ, А. П. Стеблевъ и А. С. Толстовъ. Москва, 1909 г. Цѣна 90 коп.

— Словарь иностранныхъ словъ. Настольная книга для народныхъ читаленъ и библіотекъ. Изд. И. Ѳ. Жиркова. Москва, 1909 г. Цѣна 75 коп.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ

1 октября 1909 г.

Предстоящіе городскіе выборы въ Петербургѣ.—Проектъ предвыборной программы.—Писатель о писателяхъ: мысли г. Меньшикова по поводу закрытія кассы литераторовъ и ученыхъ.—Условія возстановленія кассы.—Обывательскій проектъ расправы съ Финляндіей.—Новыя данныя „смертной“ статистики и новые факты „смертной“ практики. — Въ поискахъ правды. — О. Н. Чюмина †. — Княжна М. М. Дондукова-Корсакова †.

Выборы отъ Петербурга одного члена Государственной Думы на мѣсто А. М. Колюбакина отсрочили начало избирательной кампаніи по городскимъ выборамъ. Пока, къ концу сентября, въ газетахъ появлялись лишь отрывочныя замѣтки о предположеніяхъ тѣхъ или другихъ группъ избирателей. По видимому, связанные съ городскими выборами вопросы если уже и обсуждаются, то обсужденіе ихъ не выходитъ за предѣлы частныхъ совѣщаній. Общества обывателей и избирателей не собирались и не приступали къ составленію списковъ кандидатовъ въ гласные въ томъ порядкѣ, который предусмотрѣнъ ихъ уставами. Но, конечно, времени для развитія самой широкой избирательной кампаніи осталось вполнѣ достаточно. Выборы гласныхъ по второму разряду назначены на конецъ ноября. Выборы же по первому разряду всегда проходили не въ условіяхъ публичной борьбы, а посредствомъ агитаціи на обѣдахъ, за „чашкой чая“, при личныхъ свиданіяхъ, и нѣтъ основанія ожидать, чтобы въ нынѣшній разъ избиратели перваго разряда, которыхъ занесено въ списокъ всего 354, измѣнили обычные для нихъ пріемы.

На одномъ изъ частныхъ совѣщаній была предложена, какъ сообщала „Рѣчь“ (№ 238), программа, съ которой должны выступить на выборахъ избиратели прогрессивнаго направленія. Тутъ же, впрочемъ,

въ заключеніе проектированнаго текста, газета оговаривала, что „среди прогрессивныхъ избирателей имѣется много противниковъ выставленія муниципальной программы". Намъ думается, что въ пользу мнѣнія этихъ послѣднихъ говоритъ цѣлый рядъ вѣскихъ аргументовъ. Дѣйствительно, главное значеніе при городскихъ выборахъ предвыборной программы—точнѣе, избирательной платформы—заключается не въ выясненіи, какихъ общихъ теоретическихъ воззрѣній на организацію самоуправленія, на городское хозяйство и на способы его веденія держится тотъ или другой кандидатъ въ гласные. Избирателю важно не это. Избирателю важно знать, какъ смотритъ кандидатъ на принимаемыя имъ на себя обязанности. Избирателю важнѣе слышать отъ кандидата, какъ онъ будетъ дѣйствовать въ данныхъ условіяхъ организаціи самоуправленія и при данныхъ способахъ веденія городского хозяйства,—завѣдомо неудовлетворительныхъ,—нежели къ чему онъ желалъ бы стремиться, поскольку осуществленіе этихъ стремленій отъ него не зависитъ.

И съ этой точки зрѣнія, всякая широко разработанная программа будетъ неизбѣжно производить впечатлѣніе отвлеченности и оторванности отъ насущныхъ потребностей. Что это такъ—въ большой мѣрѣ подтверждаетъ лежащій передъ нами проектъ. Онъ разбитъ на три отдѣла. Первый отдѣлъ — финансово-хозяйственный. Здѣсь, между прочимъ, намѣчены: введеніе спеціальнаго обложенія незаслуженнаго прироста цѣнности, передача въ пользу города квартирнаго налога, постепенная замѣна косвенныхъ налоговъ прямыми и прямыхъ подоходнымъ и „муниципализація предпріятій, при условіи, что городъ будетъ вести общеполезныя предпріятія, какъ трамвай, бойни и т. п., не съ фискальными цѣлями, какъ въ настоящее время, а въ интересахъ широкихъ слоевъ населенія". Изъ приведеннаго перечня не составляетъ законодательнаго вопроса только требованіе или обѣщаніе муниципализаціи городскихъ предпріятій. Но, однако, и въ отношеніи муниципализаціи сущность препятствій тоже сводится не къ волѣ городской думы, а къ закону, который обременяетъ городскую кассу расходами общегосударственнаго характера и до крайности ограничиваетъ источники доходовъ. На предвыборныхъ собраніяхъ легко обѣщать: „я буду требовать и настаивать, чтобы въ трамвайномъ дѣлѣ, при эксплоатаціи боенъ и т. п. городъ не преслѣдовалъ фискальныхъ цѣлей". Но какъ исполнить обѣщаніе, если въ засѣданіи думы такому требованію будетъ противопоставленъ вопросъ: „а изъ какихъ источниковъ городъ возмѣститъ отказъ отъ доходовъ, которые даютъ предпріятія?"

Второй отдѣлъ проекта заключаетъ въ себѣ такія общаго свойства пожеланія, подъ которыми подпишется каждый кандидатъ въ гласные

вплоть до самаго „убѣжденнаго“ черносотенца. Напримѣръ: оздоровленіе города, упорядоченіе больничнаго и медицинскаго дѣла, упорядоченіе трамвайнаго дѣла, борьба съ дороговизной жизни и т. п. Кто же скажетъ, что онъ противникъ оздоровленія, борьбы съ дороговизной жизни и всякаго рода „упорядоченія“? Дѣло, очевидно, не въ пожеланіяхъ, а въ способахъ практическаго осуществленія ихъ. Въ этомъ же отношеніи, оставаясь на почвѣ дѣйствующаго положенія о городскомъ общественномъ управленіи, проектъ программы ничего другого не могъ намѣтить, кромѣ „реформы исполнительныхъ коммиссій, фактически вершающихъ всѣ дѣла городского хозяйства и приведшихъ его въ полное разстройство“. Но даже и такая скромная задача будетъ звучать на выборахъ, въ устахъ прогрессивнаго кандидата, тоже какъ отвлеченное пожеланіе. Обновляется только половина состава гласныхъ и вмѣстѣ съ нею выходятъ изъ городской думы всѣ прогрессивные гласные избранія 1903 г. Въ 1906 г. изъ прогрессивныхъ элементовъ городского населенія, какъ извѣстно, были выбраны всего три-четыре человѣка. Слѣдовательно, въ думѣ, какъ оплотъ гг. Глазуновыхъ и Унковскихъ, остается почти половина гласныхъ и къ ней надо прибавить 27 лицъ, подлежащихъ избранію по первому разряду, гдѣ полный успѣхъ сторонниковъ исполнительныхъ коммиссій, „вершающихъ всѣ дѣла городского хозяйства“, совершенно обезпеченъ. Если же такъ, то, при поголовной даже побѣдѣ во второмъ разрядѣ, прогрессивные избиратели получатъ лишь съ небольшимъ пятьдесятъ мѣстъ въ думѣ, — т.-е. они будутъ въ меньшинствѣ, неспособномъ провести никакой реформы. Наконецъ, весь третій отдѣлъ, трактующій о взаимоотношеніяхъ между городомъ и государствомъ (о скорѣйшемъ пересмотрѣ городового положенія, о пониженіи избирательнаго ценза, о предѣлахъ административнаго надзора и т. п.), умѣстный въ политическихъ партійныхъ программахъ, является въ городской предвыборной платформѣ ничѣмъ инымъ, какъ ненужнымъ повтореніемъ.

Передъ предстоящими выборами нельзя забывать главнаго: такъ краснорѣчиво завѣренные холерой дефекты городского хозяйства коренятся, прежде всего, въ дефектахъ закона—въ классовой основѣ городского представительства, въ устраненіи отъ участія въ веденіи городскихъ дѣлъ наименѣе обезпеченныхъ и потому наиболѣе страдающихъ отъ санитарнаго неблагополучія частей населенія и въ двойственной конструкціи закона, построеннаго на внѣшнемъ довѣріи къ общественнымъ силамъ и на внутреннемъ къ нимъ недовѣріи. Отсюда вытекаетъ невозможность задаваться ни радикальными улучшеніями, ни вообще нормальной постановкой городскихъ дѣлъ. А отсюда, въ свою очередь, вытекаетъ невозможность дать программу,

проводить которую взяли бы на свою отвѣтственность ея составители. Ибо всякая теоретически формулированная программа необходимо предполагаетъ нормальныя условія для ея проведенія. Внутри ненормальныхъ условій можно задаваться весьма немногимъ: попытками устраненія того, въ чемъ дѣйствительность пошла еще дальше, чѣмъ эти условія. Передъ петербургскими городскими выборами приходится говорить о гласныхъ, которые за три года посѣтили изъ 170 засѣданій десять или двадцать, о переуступкѣ думою исполнительнымъ органамъ роли хозяина города, о томъ, что думскія засѣданія обратились въ собранія членовъ исполнительныхъ коммиссій, другъ друга выбирающихъ, а затѣмъ контролирующихъ. Гдѣ ужъ тутъ говорить о радикальныхъ мѣропріятіяхъ и о перестройкѣ всего зданія городского хозяйства!

Боевыми вопросами избирательной кампаніи будутъ, конечно, холера, канализація и водоснабженіе. Нынѣшнее большинство городской думы услышитъ на почвѣ этихъ вопросовъ безчисленные справедливые упреки. Услышитъ—и промолчитъ. Представители нашихъ правыхъ общественныхъ теченій вообще усвоили систему молчанія и твердо ея держатся. Они молчали во время выборовъ въ Государственную Думу. Будутъ молчать и во время городскихъ выборовъ. Поэтому избирательная кампанія опять будетъ имѣть характеръ однобокой борьбы—борьбы безъ противника. Дастъ ли система молчанія побѣду, какъ дала на выборахъ 1906 г., гадать не станемъ. Скорѣе думаемъ, что нѣтъ. Послѣдніе три года слишкомъ ужъ увеличили пассивъ думскаго большинства. Тогда, къ тому же, выборы проходили въ разгаръ розни политическихъ партій. Теперь со всѣхъ сторонъ раздается, что партійныя дѣленія не должны имѣть отраженія на городскихъ выборахъ.

Будетъ, несомнѣнно, предметомъ дебатовъ на предвыборныхъ собраніяхъ и правительственный законопроектъ о „принудительномъ“ оздоровленіи столицы. Мы не разъ останавливались на этомъ проектѣ и не станемъ возвращаться къ разбору доводовъ, приводимыхъ въ его защиту. Скажемъ только, что въ теченіе минувшей зимы занималась вопросами о канализаціи и водоснабженіи коммиссія по дѣламъ городского хозяйства при русскомъ техническомъ обществѣ. Коммиссія всесторонне ихъ обсуждала и, насколько намъ извѣстно, пришла къ выводу, что подготовительную часть работы можно считать исполненной. Главное затрудненіе—въ средствахъ. А свободныхъ 120 милліоновъ рублей нѣтъ, какъ у города, такъ и у казны. Слѣдовательно, будетъ ли произведено оздоровленіе принудительно или непринудительно, т.-е. распоряженіемъ города, все равно нуженъ, во-первыхъ, заемъ, а во-вторыхъ—изысканіе источниковъ для его погашенія. Въ

послѣднемъ отношеніи, городу необходимо содѣйствіе со стороны казны—въ видѣ ли уступки полностью квартирнаго налога, или въ видѣ предоставленія права обложенія оцѣночнымъ сборомъ казенныхъ зданій, или въ видѣ освобожденія отъ расходовъ на содержаніе полиціи и войскъ. Но что правительственная коммиссія лучше и успѣшнѣе, чѣмъ городъ, справится съ устройствомъ канализаціи и съ проведеніемъ здоровой воды, въ этомъ заставляетъ очень и очень сильно сомнѣваться давній и долгій опытъ желѣзнодорожнаго и всякаго иного казеннаго строительства, интендантскихъ операцій и т. д., и т. д. Плоха нынѣшняя дума, но въ области хозяйственныхъ дѣлъ бюрократическія организаціи, дѣйствующія подъ покровомъ канцелярской тайны, еще хуже. Даже старый Государственный Совѣтъ не счелъ убѣдительной ссылку Д. С. Сипягина на „благоустройство“ Варшавы и на варшавскій магистратъ, когда этой ссылкой министерство внутреннихъ дѣлъ, въ 1901 г., пыталось обосновать предоставленіе правительственнымъ организаціямъ въ западномъ краѣ правъ и полномочій органовъ самоуправленія.

Со столбцовъ печати цѣлый мѣсяцъ не сходилъ вопросъ о закрытіи кассы литераторовъ и ученыхъ. И если порою возникаютъ общественные вопросы, которые въ результатѣ обсужденія прессою получаютъ исчерпывающее освѣщеніе, то это былъ именно одинъ изъ такихъ. Въ немъ не осталось въ тѣни ни малѣйшей детали. Въ общемъ, печать обнаружила полное единодушіе въ оцѣнкѣ дѣятельности исполнительныхъ органовъ кассы и внезапно упавшаго на кассу распоряженія о закрытіи. Но, конечно, не въ тонъ общимъ сужденіямъ писали „Россія“, „Московскія Вѣдомости“ и г. Меньшиковъ. Нововременскій публицистъ отнесся къ вопросу со свойственной ему своеобразностью и по поводу закрытія кассы... вылилъ ушатъ грязи на писателей, а попутно на всю интеллигенцію, т.-е.—по его терминологіи—на „полуобразованную чернь“.

Онъ подѣлилъ всѣхъ пишущихъ на Толстыхъ и Достоевскихъ, ясно давая понять, что причисляетъ къ нимъ и себя, и на „мелкихъ паразитовъ печати, полуграмотныхъ и бездарныхъ, которые составляютъ не тѣло литературы, а ея накожную болѣзнь“. „Я — заявилъ г. Меньшиковъ—ни въ какихъ литературныхъ кассахъ не участвую и никакими пособіями не пользовался“. Если такъ, то можно только порадоваться за г. Меньшикова. Что онъ не желаетъ удѣлять изъ своего заработка десять рублей въ годъ членскаго взноса въ литературный фондъ—его дѣло. Но сколько надо имѣть цинизма, чтобы называть „паразитами“ тѣхъ, чья жизнь складывалась менѣе удачно,

кого болѣзнь, перерывъ работы и тысячи другихъ причинъ заставляли и заставляютъ обращаться за помощью! Въ какой мѣрѣ надо обладать безстыдствомъ, чтобы именовать „паразитнымъ классомъ“ тѣхъ литературныхъ работниковъ, которые не могутъ дѣлать сбереженій и на случай смерти, участіемъ въ кассѣ, обезпечиваютъ своимъ семьямъ хоть небольшую поддержку!

Съ надменностью человѣка, страдающаго маніей величія, г. Меньшиковъ писалъ: „Таланты литературные и въ старину оплачивались недурно, теперь же они цѣнятся на вѣсъ золота, какъ первоклассные артисты вообще. Не говоря о даровитомъ босякѣ Пѣшковѣ, нажившемъ сразу огромное состояніе, его догоняютъ въ этомъ отношеніи только что выскочившіе незначительные беллетристы вродѣ г. Андреева и его „школы“. Не говорю: талантъ,—даже сколько-нибудь интересная посредственность въ литературѣ имѣетъ теперь возможность хорошо жить. Стало быть для кого же существуютъ литературные фонды? Главнымъ образомъ не для писателей, а для жалкой бездарности, имѣющей претензіи заниматься писательствомъ“. Конечно, „не участвуя ни въ какихъ литературныхъ кассахъ“, г. Меньшиковъ не знаетъ именъ тѣхъ талантливыхъ писателей, которыхъ литературный фондъ въ свое время поддержалъ и поставилъ на ноги. Но неужели нуженъ списокъ именъ и нужны документы, чтобы знать, какъ трудно бываетъ талантливымъ людямъ пробиться и въ литературѣ, и въ искусствѣ, и въ наукѣ? И неужели „талантъ“ имѣетъ право забывать, что всякая отрасль человѣческой дѣятельности нуждается въ рядовыхъ работникахъ? Кто даетъ г. Меньшикову матеріалъ для его статей и фельетоновъ? Чьимъ трудомъ онъ пользуется, почерпая фактическія данныя изъ газетныхъ телеграммъ и корреспонденцій?.. Въ литературной средѣ были и есть „паразиты“; къ счастью, они наперечетъ и въ прошломъ, и въ настоящемъ. Только не тамъ они, гдѣ мерещится г. Меньшикову „накожная болѣзнь“ литературы. Ближе къ себѣ слѣдуетъ ему искать „паразитовъ“-іудушекъ, какъ гангреной зараженныхъ „самомнѣніемъ“...

П. А. Столыпинъ согласился снять съ кассы запретъ, но согласился условно. Какъ опубликовали еще 28 августа представители кассы, имѣвшіе аудіенцію у предсѣдателя совѣта министровъ, въ устной бесѣдѣ имъ было сказано, что распоряженіе о закрытіи будетъ отмѣнено, „если общее собраніе прекратитъ дѣятельность коммиссіи по выдачѣ пособій въ чрезвычайныхъ случаяхъ“. Принятіе этого условія можно было считать обезпеченнымъ, какъ въ виду того, что операціи по выдачѣ пособій имѣли въ дѣятельности кассы второстепенный характеръ, такъ и въ виду израсходованія большей части отчисленной въ 1906 г. въ фондъ пособій суммы. Кромѣ того, въ

такой формулировкѣ условіе не заключало въ себѣ ничего нарушающаго достоинство общаго собранія. Оно само образовало фондъ—самому ему предлагалось и прекратить выдачу пособій. Но въ изложеніи на бумагѣ условіе получило другой характеръ. На бумагѣ оказались мотивы („принявъ во вниманіе... что огромное большинство членовъ кассы, какъ выяснено нынѣ, не принимало участія въ незаконныхъ дѣйствіяхъ правленія"...) и требованіе, чтобы „предстоящее въ сентябрѣ мѣсяцѣ сего года общее собраніе участниковъ кассы" возбудило „передъ правительствомъ ходатайство" объ измѣненіи устава въ смыслѣ исключенія изъ него указанія на право образовывать спеціальные капиталы и пріобрѣтать недвижимыя имущества.

Такимъ образомъ, для предстоящаго общаго собранія создалось чрезвычайно тяжелое положеніе. Членамъ кассы предложено, чтобы они своими руками, въ уставномъ порядкѣ,—къ тому же не въ томъ, который опредѣленъ правилами 4 марта 1906 г., а въ прежнемъ, отмѣненномъ,—путемъ „ходатайства" обрѣзали дѣятельность кассы во всемъ, что̀ выходитъ за предѣлы страховыхъ и пенсіонныхъ операцій. Въ практическомъ отношеніи исполненіе требованія существеннымъ образомъ на кассѣ не отразится, ибо дѣятельность по образованію спеціальныхъ капиталовъ (издательскій фондъ и фондъ санаторій) еще только начинала развиваться. Впрочемъ, и здѣсь нужна оговорка: касса имѣетъ недвижимую собственность въ Крыму, пожертвованную для устройства санаторіи. Но суть, конечно, въ моральной сторонѣ вопроса. Предложено не подчиниться новой уставной нормѣ, извнѣ данной, а самимъ для себя ее исходатайствовать и тѣмъ, если не прямо, то косвенно признать основательность явно несправедливыхъ обвиненій, взведенныхъ на правленіе.

Положеніе для кассы создалось крайне тяжелое. По фактически дѣйствующимъ началамъ нашего „конституціоннаго" строя, касса литераторовъ и ученыхъ безсильна спорить, безсильна бороться: ея судьба вполнѣ во власти министра внутреннихъ дѣлъ. Касса уже закрыта. Ея существованіе виситъ въ воздухѣ уже два мѣсяца, и такое неопредѣленное положеніе дальше продолжаться не можетъ. Учрежденіе, въ которомъ все основано на аккуратности денежныхъ выдачъ и поступленій, не можетъ долго выдерживать экспериментовъ съ закрытіемъ и съ объявленіемъ ликвидаціи. Уже и эти два мѣсяца нанесли кассѣ такой ударъ, отъ котораго она не оправится и въ два года. Слѣдовательно, наиболѣе естественный путь—путь принесенія жалобы въ сенатъ—закрытъ. Онъ закрытъ и потому, что разъяснительное творчество сената давало примѣры отказа въ самыхъ несомнѣнныхъ случаяхъ столкновенія начальственнаго усмотрѣнія съ правомъ,—и потому, главное, что въ теченіе

неопредѣленно долгаго времени сенатскаго разсмотрѣнія дѣла на дверяхъ кассы будетъ висѣть замокъ, т.-е. пенсіонеры не будутъ получать пенсій, семьи умершихъ—поразрядныхъ выдачъ, а должники кассы не будутъ ей платить. Трудно предвидѣть, какъ выйдетъ изъ этого положенія общее собраніе членовъ кассы, созванное на 26-ое сентября.

Любопытную подробность, касающуюся кассы, сообщила телеграмма изъ Одессы отъ 22 сентября. Телеграмма гласитъ, что „по распоряженію градоначальника начата ревизія одесскаго отдѣленія кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ". Очевидно и въ данномъ случаѣ ген. Толмачевъ желаетъ показать, что Петербургъ и министръ внутреннихъ дѣлъ—сами по себѣ, а Одесса и онъ—тоже сами по себѣ.

Чѣмъ глубже проникаетъ „успокоеніе", тѣмъ полнѣе возвращаются времена щедринскихъ героевъ и ихъ безсмертныхъ „прожектовъ". Одинъ изъ такихъ „прожектовъ" помѣстилъ октябристскій „Голосъ Правды". Авторъ его—г. Ботьяновъ, бывшій командующій третьей манчжурской арміей, а нынѣ генералъ не у дѣлъ.

И у Щедрина главный контингентъ авторовъ всеразрѣшающихъ „прожектовъ" составляли сановники, генералы и дворяне не у дѣлъ, отдававшіе свой досугъ мыслямъ и мечтамъ о спасеніи любезнаго отечества. По существу, рекомендуемый г. Ботьяновымъ способъ разъ навсегда покончить съ „ненужными" учрежденіями Финляндіи, только плодящими докучные споры, также въ точности совпадаетъ съ тѣми блестящими законодательными предположеніями, которыя увѣковѣчилъ лѣтописецъ обывательскихъ вожделѣній. Подобно щедринскимъ прожектерамъ, г. Ботьяновъ великодушенъ къ заблуждающимся и безпощадно суровъ къ „агитаторамъ". Для него все ясно и изумительно просто и во всемъ требуется немногое: рѣшительность „безъ послабленій". „Сдавайтесь!"—объявляетъ онъ финляндцамъ: — „жить вамъ какъ было хорошо, такъ и будетъ; во внутренніе ваши порядки мы вмѣшиваться не станемъ, но Финляндія есть прежде всего неотъемлемая часть Россіи; бросьте ваши утопіи и тотъ скользкій путь, на который васъ увлекаютъ агитаторы".

Реальныхъ основаній спора, который столько лѣтъ ведутъ Финляндія и вмѣстѣ съ нею прогрессивныя теченія русской общественной мысли,—спора, коренящагося не въ чемъ другомъ, какъ именно въ различіи пониманія, тѣми, кто кричитъ „сдавайтесь!" и тѣми, къ кому обращается этотъ возгласъ, что̀ составляетъ область финляндскихъ „внутреннихъ порядковъ",— съ точки зрѣнія г. Ботьянова не существуетъ. „Финляндія есть неотъемлемая часть Россіи"—и баста. Только „агитаторы" могутъ дѣлать отсюда иные выводы, чѣмъ „Новое

Время", „Московскія Вѣдомости" и „Русское Знамя",—агитаторы или увлекаемые ими на „скользкій путь" не то дѣти, не то явно неразумные люди. Объ этихъ неразумныхъ людяхъ, не бросающихъ „утопій" лишь потому, что они говорятъ и дѣйствуютъ въ состояніи „увлеченія", душа г. Ботьянова скорбитъ. Но твердость власти и рѣшительность — прежде всего. И на случай, если великодушное требованіе „сдавайтесь!" не будетъ встрѣчено съ готовностью, у г. Ботьянова приготовленъ иной аргументъ. „Если же вы — продолжаетъ онъ свое обращеніе къ финляндцамъ — этого не сдѣлаете, то въ Финляндію будутъ введены два корпуса".

Далѣе „прожектъ" раскрываетъ, какія блага принесутъ съ собою эти два корпуса: „выборгская губернія, какъ безусловно русская, будетъ отдѣлена, а вся остальная Финляндія будетъ раздѣлена на губерніи, съ предоставленіемъ каждой изъ нихъ устроить свое земство, съ тѣмъ, чтобы каждому изъ васъ жилось хорошо". Ну, чѣмъ не отеческая заботливость! „Дѣла ваши — утѣшаетъ финляндцевъ г. Ботьяновъ — въ губерніяхъ будутъ рѣшаться скорѣе, значитъ ущерба населенію отъ этого никакого не произойдетъ; а сеймъ и сенатъ, какъ учрежденія ненужныя, упразднятся"... Читая „прожектъ" г. Ботьянова, мы кромѣ Щедрина вспомнили каррикатуру, когда-то видѣнную въ старомъ юмористическомъ журналѣ. Отставной военный держитъ въ рукахъ газету. Плечи подняты. На лицѣ полное недоумѣніе. Подпись: „И чего *они* волнуются, когда все такъ ясно и просто!"...

Отъ курьезнаго „прожекта"—какъ будто скачокъ, а не естественный переходъ, къ ужасу нашихъ мучительно долгихъ дней „успокоенія": къ смертнымъ казнямъ. Но если характерны для наступившаго „успокоенія" обывательщина, возрожденная торжествующимъ октябризмомъ, и обывательскіе „прожекты", то неизмѣримо болѣе еще характерны для него все продолжающіяся казни. Нѣтъ дня, чтобы телеграфъ не приносилъ шаблонныхъ извѣстій: тамъ-то приговорены къ смерти двое, тамъ-то четверо; тамъ-то повѣшенъ одинъ, трое, пятеро.

Въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" недавно были помѣщены новыя статистическія данныя о числѣ смертныхъ приговоровъ за 1908-ой годъ. Оказывается, что въ 1908 г. ихъ состоялось не 1.741, какъ весною было оффиціально сообщено думской судебной коммиссіи, а 2.569. „По вычисленіямъ—пишетъ газета,—основаннымъ на свѣдѣніяхъ каждаго военно-окружнаго суда и провѣреннымъ оффиціальными документами, оказывается, что 1908-ой годъ былъ самымъ богатымъ въ этомъ отношеніи. Число смертныхъ приговоровъ въ мѣсяцъ доходило до 214;

ежедневно выносилось около семи смертныхъ приговоровъ". Далѣе приведено распредѣленіе смертныхъ приговоровъ по преступнымъ дѣяніямъ. „Главнымъ видомъ преступныхъ дѣяній, за которыя выносилась смертная казнь, являются разбой и грабежъ, подводимые подъ 279 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ. За ними слѣдуетъ убійство—предумышленное и умышленное. Въ рубрику государственныхъ преступленій отнесено очень немного дѣяній, и то не всѣми военными судами, а только одесскимъ, петербургскимъ и виленскимъ".

Такимъ образомъ, уже формально можно считать признаннымъ, что въ Россіи смертная казнь существуетъ не только за государственныя преступленія, но и за общеуголовныя. А что значитъ цифра 2.569 смертныхъ приговоровъ въ одинъ годъ, объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ ея сопоставленіе съ слѣдующими. Во Франціи въ теченіе 78 лѣтъ, охватывающихъ годы двухъ революцій—съ 1826 г. по 1904-ый,—было присуждено къ смерти 3.080 человѣкъ. Въ Англіи казнено въ теченіе 92 лѣтъ, съ 1813 г. по 1905-ый, 2.508 человѣкъ. При этомъ, начиная съ 1822 г., цифра казненныхъ въ годъ никогда въ Англіи не доходила до 100, а въ послѣднія 69 лѣтъ ни разу не доходила до 30 [1]). Правда, во Франціи и въ Англіи смертная казнь откровенно назначается кодексами за высшія общеуголовныя правонарушенія, а у насъ, къ ужасу члена Думы г. Маркова 2-го, допускается уголовнымъ уложеніемъ только въ четырехъ случаяхъ самыхъ тяжкихъ политическихъ посягательствъ,—только по четыремъ статьямъ, которыя, кстати сказать, въ 1908 г. ни разу никѣмъ не были нарушены. Юридическія основанія казней у насъ—правила объ охранѣ и усмотрѣніе генералъ-губернаторовъ. Въ какой мѣрѣ имѣетъ значеніе усмотрѣніе мѣстныхъ администраторовъ — это показываетъ распредѣленіе смертныхъ приговоровъ, состоявшихся въ 1908 г. по военнымъ округамъ. На долю одесскаго округа приходится почти 30 проц., на долю казанскаго—около 14 проц., варшавскаго—13 проц., кавказскаго намѣстничества—3,6 проц.

Послѣдній мѣсяцъ былъ особенно богатъ исключительными фактами изъ практики смертныхъ приговоровъ и казней. Во-первыхъ, долгія недѣли оставалась неизвѣстной судьба члена второй Думы, крестьянина курской губерніи Пьяныхъ. Одни слухи и вѣсти смѣнялись другими, и были дни, когда передавалось за достовѣрное, что всѣ хлопоты о его помилованіи не будутъ имѣть результата. Только на дняхъ стало извѣстно о дарованіи жизни всѣмъ осужденнымъ по щигровскому дѣлу. Во-вторыхъ, въ Вильнѣ имѣлъ мѣсто случай, когда телеграмма о пріостановленіи смертнаго приговора опоздала. Осужден-

[1]) См. *А. А. Піонтковскій*, „Смертная казнь въ Европѣ". Казань, 1908.

ные Ротебергъ и Ренкацьишекъ были повѣшены, а сутки спустя получилось распоряженіе пріостановить казнь. Тамъ же, въ Вильнѣ, былъ вынесенъ смертный приговоръ Свирскому, признанному экспертами-психіатрами душевно-больнымъ. Не помнимъ гдѣ, осужденный, когда его вели на казнь, внезапно лишился разсудка. Въ Екатеринославѣ, въ ночь на 5 сентября, повѣшены восемь человѣкъ по дѣлу о желѣзнодорожной забастовкѣ и о захватѣ въ 1905 г. екатерининской желѣзной дороги. Дѣло разсматривалось девять мѣсяцевъ назадъ. Живые люди девять мѣсяцевъ подвергались душевной пыткѣ, томленіямъ ежедневныхъ ожиданій смерти, и смерть на висѣлицѣ ихъ, послѣ девяти мѣсяцевъ, не миновала. Мотивъ: они не подали прошеній о помилованіи...

По этому дѣлу изъ 131 подсудимаго, 32 были приговорены къ смертной казни, 12 — къ безсрочной каторгѣ и 48 — къ каторгѣ на разные сроки. Безпримѣрный по суровости приговоръ вызвалъ запросъ въ Государственной Думѣ. И именно по поводу этого дѣла А. И. Гучковъ говорилъ 20 декабря 1908 г. о своевременности, чтобы „милость сказала свое слово“, и выражалъ „глубокое убѣжденіе“, что „милость смягчитъ судьбу осужденныхъ“. Но милость была обѣщана осужденнымъ подъ условіемъ непосредственнаго обращенія и раскаянія. Какъ теперь, черезъ девять мѣсяцевъ, засвидѣтельствовала казнь восьми изъ осужденныхъ, это условіе было соблюдено съ неуклонностью. Они пережили девять мѣсяцевъ нечеловѣческихъ мукъ и умерли на висѣлицѣ. Тѣ 73 осужденные, которые подчинились условію, тоже девять мѣсяцевъ подвергались мукамъ неизвѣстности. Они не знали, какая ихъ ждетъ участь и, судя по слухамъ, которые передаетъ „Голосъ Москвы“ (№ 212), послѣ девяти мѣсяцевъ мучительныхъ ожиданій узнали, въ какомъ маломъ размѣрѣ милость сказала свое слово. Заключая статью „Забытое дѣло“, „Голосъ Москвы“ пишетъ: „За послѣдніе дни и въ печати, и въ обществѣ начали циркулировать невѣроятные и притомъ весьма противорѣчивые слухи, будто приговоръ екатеринославскаго военнаго суда, наконецъ, конфирмованъ, причемъ тѣмъ изъ осужденныхъ, кои обращались съ ходатайствомъ на Высочайшее имя, мѣры взысканія понижены приблизительно въ слѣдующемъ видѣ: смертная казнь замѣнена безсрочной каторгой, 4-хъ и 5-лѣтняя каторга замѣнена 3-лѣтней и т. д. Жалостно сжимается сердце при мысли, что слова Монарха: „облегчить участь осужденныхъ“, могли быть поняты именно такъ, какъ это передаютъ газеты“.

Справка „Голоса Москвы“ о движеніи екатеринославскаго дѣла вызвала оффиціальное „разъясненіе“ главнаго военно-суднаго управленія. Беремъ нѣкоторыя даты изъ этого разъясненія: онѣ могутъ служить великолѣпной иллюстраціей къ утвержденію, что основаніе

для изъятія дѣлъ изъ общей подсудности и для передачи ихъ въ военные суды заключается въ быстротѣ военнаго процесса. Иллюстрируютъ они также дѣйствительно изумительные по своей краткости процессуальные сроки, опредѣленные военно-судебнымъ уставомъ. Приговоръ временнаго военнаго суда въ Екатеринославѣ состоялся 19 декабря 1908 г. Высочайшая резолюція: „даровать имъ жизнь и облегчить участь“ — послѣдовала 31 декабря. Въ виду подачи осужденными кассаціонной жалобы, дѣло поступило въ главный военный судъ 24 января. Разсмотрѣно 28 мая. Возвращено 3 іюня. Поступило на конфирмацію командующаго войсками одесскаго военнаго округа 20 іюня. Когда конфирмація состоялась — разъясненіе умалчиваетъ.

Въ кіевскомъ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей судили Экарта Хорна, обвинявшагося въ содѣйствіи самоубійству нѣкоей Присяжнюкъ, приговоренной къ смертной казни. Наканунѣ или за два дня до казни онъ передалъ ей черезъ отверстіе въ стѣнѣ камеры ціанистый калій. Она приняла ядъ. Онъ прислушивался къ ея дыханію, слѣдилъ, какъ она отходитъ въ иной міръ. „Я слышалъ шорохъ платья, звонъ кандаловъ. Затѣмъ тишина.—„Раичка, приняла?“...—„Уже, прощай!“... „Прощай, дорогая“... Нѣсколько секундъ была глубокая тишина... Затѣмъ она сильно задышала... Вздохи... опять слабое дыханіе... Наконецъ, сильные вздохи... тишина... Тише, человѣкъ умеръ, не стало дорогой Раички... Здѣсь разрывается сердце на части. Я говорилъ съ нею, я слышалъ все, былъ съ нею до послѣдней минуты“... Хорнъ это написалъ „на волю“. Письмо было взято при обыскѣ. Хорну объявили, что онъ совершилъ преступленіе. Онъ призналъ на судѣ, что ядъ передалъ, и умолкъ. Присяжные его оправдали...

Самое безнадежное дѣло по нынѣшнимъ временамъ—искать правду. Особенно безнадежное—для чиновника. Какъ бы ни была правда очевидна, но на пути къ ея достиженію всегда окажется, если не одно, то другое, непреоборимое препятствіе. И непремѣнно—препятствіе не въ волѣ начальства, не въ усмотрѣніи, а въ законѣ.

Упорно ищетъ правду бывшій рижскій мировой судья В. Е. Чешихинъ. Корреспонденція „Рѣчи“ (№ 216) напомнила исторію его увольненія, въ свое время обратившую вниманіе, и передаетъ, какой интересный оборотъ получила эта исторія теперь. Въ концѣ августа 1906 г. противъ г. Чешихина было возбуждено обвиненіе по 129 ст. уголовнаго уложенія, какъ противъ автора статьи: „Тягчайшая изъ забастовокъ“, появившейся въ газетѣ „Прибалтійскій край“. 30 сентября того же года министръ юстиціи уволилъ его отъ должности, съ причисленіемъ къ министерству. При личномъ объясненіи, И. Г. Щегло-

витовъ сказалъ г. Чешихину,—какъ сообщаетъ корреспондентъ,—что принятая въ отношеніи его мѣра „носитъ временный характеръ: надо поднять дисциплину въ вѣдомствѣ; должность будетъ возвращена послѣ оправдательнаго приговора; противъ Чешихина въ служебномъ отношеніи министерство ничего не имѣетъ; ходъ дѣла будетъ ускоренъ". При „ускоренномъ" ходѣ дѣла, В. Е. Чешихинъ въ іюнѣ 1907 г. предсталъ передъ судебной палатой. Палата его оправдала, въ виду отсутствія въ инкриминируемой статьѣ состава преступленія. Кассаціонный протестъ прокурора былъ оставленъ сенатомъ безъ уваженія.

Г. Чешихинъ немедленно подалъ прошеніе о возвращеніи судейской должности, но получилъ отказъ. Тогда онъ подалъ жалобу въ сенатъ и сталъ требовать надъ собою суда, ссылаясь на уставъ о службѣ, который признаетъ право требовать преданія суду за каждымъ чиновникомъ, считающимъ, что онъ уволенъ невинно, если увольненіе состоялось не по знаменитому „третьему пункту". Министръ юстиціи представилъ сенату объясненія, г. Чешихинъ—основательныя на нихъ возраженія. Ему казалось, что онъ устранилъ всѣ препятствія. Въ рѣшеніи перваго департамента сената неожиданно выросло новое: сенатъ 19 марта 1909 г. оставилъ и его жалобу, и его ходатайство безъ послѣдствій, такъ какъ „увольненіе и назначеніе мировыхъ судей въ Прибалтійскомъ краѣ зависитъ отъ министра юстиціи". Г. Чешихинъ добился дальнѣйшаго — передачи дѣла на разсмотрѣніе общаго собранія сената. Не будемъ гадать, найдетъ ли онъ правду. Если да, то мы, конечно, вернемся къ его дѣлу, какъ къ факту столько же отрадному, сколько и исключительному.

Будетъ ли искать правду бессарабскій земскій начальникъ г. Колибаба, „выкосившій" селу Камратъ женскую гимназію, наказавшій богача-самодура, а нынѣ уволенный отъ службы? Если будетъ, то въ чемъ онъ встрѣтитъ непреоборимое препятствіе?... Будутъ ли искать правду четыре сестры милосердія ташкентскаго военнаго госпиталя, уволенныя окружнымъ инспекторомъ за то, что онѣ не были при выносѣ тѣла скончавшейся жены главнаго врача того же госпиталя? Окружной военно-медицинскій инспекторъ туркестанскаго военнаго округа по этому поводу отдалъ приказъ, который закончилъ слѣдующей безграмотной фразой („Русскія Вѣдомости", № 212): „Приказъ этотъ предписываю поставить въ извѣстность всѣхъ врачей и всѣхъ сестеръ милосердія и не только служащихъ въ войскахъ и въ военно-лѣчебныхъ заведеніяхъ, но и во всѣхъ гражданскихъ и сельскихъ больницахъ и лѣчебницахъ Туркестанскаго края".

Вотъ нѣсколько строкъ изъ „соображеній" приказа: „Я не стану говорить — пишетъ окружной инспекторъ — о томъ, что сестры, не явившись на выносъ тѣла, тѣмъ самымъ доказали полную свою индиф-

ферентность къ несчастью того человѣка, котораго по своимъ служебнымъ обязанностямъ онѣ должны и уважать и почитать; это — еще полгоря, но на что я не имѣю права закрывать глаза, это—то, что эта ихъ индифферентность служитъ мнѣ доказательствомъ, что онѣ не обладаютъ ни религіознымъ духомъ, ни молитвеннымъ настроеніемъ"... „Та сестра, которая не сочла нужнымъ придти помолиться въ послѣдній разъ надъ тѣломъ умершей жены своего начальника, никогда не додумается молитвенно настроить себя около трудно-больнаго, а подчасъ и умирающаго солдатика, и тѣмъ самымъ, сталобыть, не принесетъ ему того психическаго успокоенія, въ которомъ онъ такъ нуждается и которое прежде всего и выше всего входитъ въ кругъ обязанностей сестры милосердія"... И никто не спроситъ автора приказа, гдѣ онъ нашелъ законъ, который вводитъ въ кругъ дисциплинарныхъ обязанностей подчиненныхъ молитву надъ тѣломъ жены, дѣтей и родственниковъ начальника!..

Памяти О. Н. Чюминой-Михайловой посвящена у насъ особая статья; прибавимъ къ ней нѣсколько словъ о томъ, чѣмъ обязанъ покойной „Вѣстникъ Европы". Произведенія ея впервые появились въ нашемъ журналѣ въ 1888-мъ году. Съ тѣхъ поръ почти не проходило года, когда бы она не дарила ему нѣсколько оригинальныхъ или переводныхъ стихотвореній (за подписью: О. М., О. М-ва или О. Михайлова). Въ 1901 и 1904 гг. она переводитъ для „Вѣстника Европы" нѣсколько иностранныхъ романовъ, а съ 1905-го года становится постоянной сотрудницей этого отдѣла. Ею начатъ, незадолго до смерти, переводъ печатаемаго нами теперь романа: „Голубая кукушка". Прекрасно выбирая книги для перевода, О. Н. вносила въ ихъ передачу всю свойственную ей тонкость вкуса и изящество рѣчи. Ея переводы были, въ своемъ родѣ, художественными произведеніями. Потерю, понесенную нами въ ея лицѣ, почувствуютъ, вмѣстѣ съ нами, наши читатели.

Въ двухъ „письмахъ изъ шлиссельбургской крѣпости", напечатанныхъ въ іюльской книжкѣ „Вѣстника Европы", Н. А. Морозовъ съ большою любовью разсказываетъ о посѣщеніи его въ тюрьмѣ „милою, ласковою старушкою"—княжною М. М. Дондуковою-Корсаковою. Такую же добрую память скончавшаяся недавно княжна оставила во многихъ, очень многихъ заключенныхъ, которыхъ она утѣшала, поддерживала и ободряла, заботясь, вмѣстѣ съ тѣмъ — и часто не безъ успѣха — о смягченіи ихъ участи. Ея вѣра была столь же глубока, какъ и ея терпимость; ея цѣлью было не обращеніе грѣшниковъ, а

утѣшеніе страждущихъ, чѣмъ бы ни были вызваны ихъ страданія. Службѣ ближнему, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, покойная княжна отдала почти всю жизнь. Жестокія муки, которыя она претерпѣвала во время своей послѣдней болѣзни, не мѣшали ей постоянно думать о тѣхъ, кто нуждался въ ея помощи. Память о ней, чистая и свѣтлая, сохранится надолго. Въ лѣтописяхъ русской тюрьмы ея имя займетъ такое же почетное мѣсто, какъ и имя доктора Гааза.

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ ТИПОГРАФІИ

М. М. Стасюлевича

(*Существуетъ съ 1872 г.*)

Спб. Вас. остр., 5 л., д. 28, собств.

Телефонъ № 208-30.

НОВАЯ КНИГА

проф. М. М. КОВАЛЕВСКАГО

Соціологія, т. I.

Соціологія и конкретныя науки объ обществѣ.

Историческій очеркъ развитія соціологіи.

Спб., 1910 г.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Въ непродолжительномъ времени выйдетъ второй томъ „Соціологіи", въ составъ котораго войдетъ генетическая соціологія или ученіе объ исходныхъ моментахъ въ развитіи семьи, рода, собственности, политической власти и психической дѣятельности.

„NOWA GAZETA“

Jedyny w Królestwie Polskiem wielki organ postępowy i demokratyczny

poświęcony polityce, sprawom społecznym, ekonomicznym, oraz literaturze i sztuce.

Wychodzi dwa razy dziennie z licznymi dodatkami.

„Nowa Gazeta“, prócz zasadniczej treści, obejmuje następujące dodatki:

dodatek codzienny p. n.

I. „Gazeta Handlowa“

poświęcony sprawom handlowo—ekonomicznym;

Dwa tygodniowe dodatki: literacko-artystyczny p. n.

II. „Literatura i Sztuka“

i popularno-naukowy p. n.

III. „Nauka i Życie“.

tygodniowy

IV. Dodatek powieściowy

kładu książkowego, zawierający wybór najlepszych powieści,

oraz artykuły i korespondencye prowincyonalne, stale zamieszczane w dodatku p. n.

V. „Echa Prowincyonalne“.

Całość składa się na pismo, które tak treścią, jako też objętością przewyższa wszystkie inne pisma, wychodzące w Warszawie.

„Nowa Gazeta“ pomieszcza w różnych działach 3 powieści.

„Nowa Gazeta“ jest w zakresie spraw politycznych i społecznych organem najaktualniejszym. W zakresie literatury, sztuki i nauki jest jedynem pismem codziennem, w pełni uwzględniającem wszystkie przejawy w tych dziedzinach.

„Nowa Gazeta“ ofiaruje swym prenumeratorom jako premium za drobną dopłatą *„Wielki Atlas Królestwa Polskiego“*.

Redaktor naczelny St. A. Kempner
Redaktor literacki J. Lorentowicz.

Prenumerata wynosi:

miejscowa: rocznie rb. 9, półrocznie rb. 4.50, kwartalnie rb. 2.2 miesięcznie kop. 75, a nadto 10 kop. miesięcznie za odnoszenie **na prowincyi:** rocznie rb. 11, półrocznie rb. 5.50, kwartalnie rb. 2.75 miesięcznie kop. 95; (w Łodzi z odnoszeniem do domów miesięcznie rb. 1); **za granicą:** za markami miesięcznie rb. 1,60

Główna Administracya i Kantor
Warszawa — ul. Szpitalna Nr. 10.
Telefonu Nr. 82.76. — Nadto filie.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЯТАГО ТОМА

Сентябрь—Октябрь, 1909.

Книга девятая. — Сентябрь. стр.

Англійская гелиогравюра: С. М. Соловьевъ.
Костеръ Діаны.—А. ЯСТРЕБОВА 5
Изъ Мартина Грейфа.—I. Одинокая.—II. На родинѣ.—III. Первая трава.—IV. Предчувствіе.—О. ЧЮМИНОЙ 48
Корона въ Англіи.—Переписка королевы Викторіи.—БАР. Б. Э. НОЛЬДЕ. 50
Темный карцеръ.—Изъ жизни Е—ской тюрьмы.—А. Г. 67
Изъ Новалиса.—Сонетъ.—Л. ВАСИЛЕВСКАГО 81
Объективно-психологическій методъ въ примѣненіи къ изученію преступности.—Окончаніе.—В. БЕХТЕРЕВА 82
Шахэ.—Какъ было.—СЕСТРЫ НИНЫ 106
Какъ рѣшенъ былъ на Западѣ еврейскій вопросъ.—МАКСИМА КОВАЛЕВСКАГО 125
„Голубая Кукушка“.—Романъ Эмиля Эртля.—„Die Leute aus dem Blauen Gukuckshaus“. Roman v. Emil Ertl.—I-V.—Съ нѣм. О. Ч. 155
Парламентскія коалиціи въ Англіи и Франціи.—К. К. АРСЕНЬЕВА. . . . 196
Памяти И. С. Тургенева.—Л. НЕЛИДОВОЙ 207
Аграрные грѣхи соціалъ-демократіи.—Л. З. СЛОНИМСКАГО 242
Новый городъ.—Paul Adam, „Autour de la Porcherie“.—Переводъ съ рукописи З. В. 257
Хроника.—Русская бюрократія и кавказскіе горцы.—АХМЕТА Ц.—ОВА . . 298
Административные пріемы „успокоенія“.—ВѢРЫ ТАНАЕВСКОЙ. 316
Какъ у насъ иногда отмѣняются законы.—Письмо въ редакцію „Вѣстника Европы“.—ИВАНА ЯНЖУЛА 329
Провинціальное Обозрѣніе.—И. В. ЖИЛКИНА 332
Внутреннее Обозрѣніе.—Англійскій министръ и русская реакціонная печать.—Покушеніе негодными средствами.—Пережитки прошлаго: неутвержденіе избранныхъ должностныхъ лицъ, высылка Н. Н. Гусева, отказъ въ легализаціи сектантской общины.—Закрытіе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.—Русскій клерикализмъ 341
Культурно-національное дѣло.—Домъ-Музей имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ.—В. БОГУЧАРСКАГО 357
Письмо изъ Лондона.—ДІОНЕО 365
Письмо изъ Парижа.—РЕНЕ МОНЬЕ 380
Иностранное Обозрѣніе.—Либеральныя партіи въ Германіи.—Соціалъ-демократія и ея отношенія къ буржуазной оппозиціи.—Практическіе совѣты Бернштейна.—Партійный судъ въ Штутгартѣ.—Нѣмецкое чиновничество и реакція.—Критскій вопросъ.—Испанскія дѣла.—Шведская забастовка. 387
Изъ Художественной Хроники.—ИВ. ЛАЗАРЕВСКАГО 397
Литературное Обозрѣніе. 404
Изъ Общественной Хроники.—Избраніе М. М. Стасюлевича почетнымъ гражданиномъ г. Петербурга.—Деревенскія впечатлѣнія и наблюденія.—Былое благополучіе Одессы и его утрата.—Запретъ обывательскимъ обществамъ въ Петербургѣ вступать въ союзъ между собой.—„Россія“ объ условіяхъ снятія исключительныхъ положеній и карательное распоряженіе главнаго начальника г. Кронштадта.—Любопытный приказъ и оставленные безъ отвѣта вопросы.—Самодуръ-милліонеръ и земскій начальникъ въ роли косца.—Разоблаченія 421
Извѣщенія 439
Объявленія 440
Библіографическій Листокъ.

Книга десятая. — Октябрь.

СТР.

Англійскія гелиогравюры: Н. Г. Чернышевскій и А. В. Кольцовъ.

О цѣлебныхъ силахъ организма.—ИЛ. МЕЧНИКОВА 441

Оторванные листья.—Картины.—I-VI.—Н. АННЕНКОВОЙ-БЕРНАРДЪ . . 469

Стихотвореніе.—ЛЕОНИДА АѲАНАСЬЕВА 505

Душа Польши. — Опытъ ирраціональнаго изслѣдованія. — ТАДЕУША НАЛЕПИНСКАГО 506

Проблема власти и современный соціализмъ.—А. ЩЕПЕТЕВА 532

Законодательное творчество въ Англіи. — С. РАПОПОРТА 556

„Голубая Кукушка". — Романъ Эмиля Эртля. — „Die Leute aus dem Blauen Gukuckshaus", Roman v. E. Ertl.—Съ нѣм. Ю. С. 574

На Сѣверѣ.—Стихотвореніе.—ВЛ. КНЯЖНИНА. 613

Рабочій договоръ и новыя его формы на Западѣ. — К. ПАЖИТНОВА . . . 614

Тамара.—ГЕОРГІЯ ЧУЛКОВА 639

Свѣтлый конецъ.—Стихотвореніе.—П. СОЛОВЬЕВОЙ. 649

Расколъ и бюрократія.—I-V.—А. ПРУГАВИНА. 650

Стихотвореніе. — ЛЕОНИДА АѲАНАСЬЕВА. 679

Датскій комиссаръ какъ герой русской былины. — Къ печорской старинѣ о Петрѣ Великомъ и Бутманѣ Колыбановичѣ.—ВСЕВ. МИЛЛЕРА. . . 680

Новый городъ.—Paul Adam, „Autour de la porcherie".—III. — Переводъ съ рукописи З. В. 699

Хроника.—„Флотъ" и „морское вѣдомство".—ВЛ. СЕМЕНОВА. 733

Ликвидація банковскихъ земель и землеустройство въ Кирсановскомъ уѣздѣ.—Л. ДАШКЕВИЧА 746

Изъ музыкальной хроники.—ГРИГОРІЯ ТИМОФЕЕВА. 756

Провинціальное Обозрѣніе.—И. В. ЖИЛКИНА. 766

Внутреннее Обозрѣніе. — Правила 24-го августа. — Толкованіе или измѣненіе закона? — Вопросъ о безпартійныхъ кандидатурахъ. — Избирательный манифестъ союза 17-го октября. — „Монархическія" организаціи въ Москвѣ и Петербургѣ. — Характерный инцидентъ. — Антифинляндская агитація. — Post-scriptum. 778

Эволюція политическихъ идей въ современной Турціи.—Письмо изъ Константинополя.—БѢЛОРУССОВА 794

Юнкеръ, буржуа, пролетарій. — Письмо изъ Берлина. — S. 811

Иностранное Обозрѣніе.—Спорные внутренніе вопросы въ Англіи.—Либеральная партія и соціализмъ.—Партійный съѣздъ германской соціалъ-демократіи. — Прусскіе порядки и дѣло Шюкинга. — Политическій кризисъ въ Австро-Венгріи 828

Критическіе наброски.—С. А. АДРІАНОВА 838

О. Н. Чюмина.—1862-1909.—ЗИНАИДЫ ВЕНГЕРОВОЙ 854

Литературное Обозрѣніе. — I. М. И. Туганъ-Барановскій. Основы политической экономіи. — II. Приамурье. Факты, цифры, наблюденія. Приложеніе къ отчету общеземской организаціи за 1908 г.—III. Н. И. Кохановскій. Землевладѣніе и земледѣліе въ Китаѣ.—Л. СЛОНИМСКАГО.—IV. Проф. А. Яроцкій. Идеализмъ, какъ физіологическій факторъ.—V. А. Н. Анцыферовъ. Кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи и Франціи.—Е. С. Каратыгинъ. Въ странѣ крестьянскихъ товариществъ.—В. В. — Новыя книги и брошюры. 863

Изъ Общественной Хроники.—Предстоящіе городскіе выборы въ Петербургѣ.—Проектъ предвыборной программы. — Писатель о писателяхъ: мысли г. Меньшикова по поводу закрытія кассы литераторовъ и ученыхъ.—Условія возстановленія кассы. — Обывательскій проектъ расправы съ Финляндіей. — Новыя данныя „смертной" статистики и новые факты „смертной" практики. — Въ поискахъ правды. — О. Н. Чюмина †.—Княжна М. М. Дондукова-Корсакова † 878

Объявленія 893

Библіографическій Листокъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА НОВЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Запросы жизни"

ВѢСТНИКЪ КУЛЬТУРЫ и ПОЛИТИКИ

издаваемый въ С.-Петербургѣ

при ближайшемъ участіи М. М. КОВАЛЕВСКАГО и Р. М. БЛАНКА

и сотрудничествѣ: К. К. Арсеньева, Ѳ. Д. Батюшкова, А. Н. Бенуа, М. В. Бернацкаго, В. М. Бехтерева, П. Д. Боборыкина, А. К. Бороздина, А. И. Браудо, И. К. Брусилевскаго, А. Н. Веселовскаго, В. В. Водовозова, В. П. Воронцова, Ю. С. Гамбарова, М. А. Ганнушкина, А. Г. Горнфельда, А. Г. Гроссмана, Л. Я. Гуревичъ, Эдуарда Давида, И. Л. Давидсона, В. Э. Дена, И. В. Жилкина, П. И. Звѣздича, И. И. Иванюкова, Н. И. Карѣева, Д. М. Койгена, А. Н. Котельникова, В. Д. Кузьмина-Караваева, Г. А. Ландау, Д. А. Левина, П. Ф. Лесгафта, С. И. Лисенко, А. А. Мануйлова, И. И. Мечникова, Л. Е. Моцкина, Н. К. Муравьева, Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, Л. Ф. Пантелѣева, Л. І. Петражицкаго, А. С. Посникова, М. Б. Ратнера, Н. М. Рейхесберга, Я. Л. Сакера, М. А. Славинскаго, Л. З. Слонимскаго, Н. Д. Соколова, В. Ѳ. Тотоміанца, М. Л. Тривуса, М. И. Туганъ-Барановскаго, Г. А. Фальборка, М. М. Фридмана, Н. В. Чехова, М. А. Чеховой, А. А. Чупрова, Л. И. Шейниса, Л. Я. Штернберга и др.

„Запросы Жизни" ставятъ себѣ задачей внимательно слѣдить за всѣми современными явленіями и давать посильные отвѣты на очередные вопросы.— Къ участію въ этомъ дѣлѣ мы призываемъ тѣ теченія русской общественной мысли, которыя проникнуты за одно съ нами стремленіемъ вывести Россію на путь политической свободы, прогресса и соціальной справедливости.

На первый планъ мы ставимъ политическія и соціальныя задачи русской жизни; но мы ихъ не отдѣляемъ отъ культурныхъ интересовъ нашего отечества. Культурный застой, экономическая отсталость и политическая реакція имѣютъ, по нашему мнѣнію, общія карты; они не могутъ быть устранены иначе, какъ напряженной дѣятельностью во *всѣхъ* сферахъ общественной жизни.

Для ознакомленія русскихъ читателей съ тѣми рѣшеніями, какія даетъ волнующимъ насъ вопросамъ передовая мысль Запада, мы включили въ нашу программу періодическіе обзоры общественной и культурной жизни передовыхъ странъ и статьи по отдѣльнымъ вопросамъ авторитетныхъ представите-

лей европейской мысли.—Для той же цѣли мы заключили соглашеніе съ международнымъ журналомъ „Документы Прогресса“ насчетъ взаимнаго обмѣна рукописнымъ матеріаломъ нашихъ изданій.

„Документы Прогресса“ стремятся поддержать духовный обмѣнъ между цивилизованными народами; съ этою цѣлью они издаются одновременно на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ (въ Берлинѣ, Парижѣ и Лондонѣ), подъ общей редакціей Рудольфа Брада и при участіи, въ числѣ другихъ:

П. Адама, С. Бауэра, Эд. Бернштейна, Э. Бутру, Э. Вандервельда, Сидней Вэббъ, Эд. Давида, Дюркгейма, Чарльза Дилька, Патрика Геддеса, І. А. Гобсона, Г. Зиммеля, В. Зомбарта, Пабло Иглезіаса, А. Лабріола, Г. Лагарделя, К. Лампрехта, Макдональда, А. Метэна, В. Оствальда, Фредерика Пасси, Е. Пернерсторфера, Ф. Прессенсе, І. Рамсая, Ш. Рише, Н. Сальмерона, Берты фонъ-Суттнеръ, Тентіеса, Фламмаріона, Фареля, Фулье, Дж. Чэза.

Программа „ЗАПРОСОВЪ ЖИЗНИ“:

I. Статьи по очереднымъ вопросамъ политической, экономической, соціальной, литературной и научной жизни Россіи и Запада.

II. Обзоръ послѣдней недѣли (внутренній и иностранный): дѣятельность парламентовъ, дѣйствія правительствъ, жизнь партій, соціальное движеніе, мѣстное самоуправленіе, общественная самодѣятельность и пр.

III. Документы прогресса.

IV. Журналъ журналовъ: обозрѣніе русскихъ и иностранныхъ журналовъ и газетъ.

V. Корреспонденціи изъ Россіи и изъ-за границы.

VI. Рабочее движеніе.

VII. Кооперативное движеніе.

VIII. Народное образованіе.

IX. Обзоръ экономической жизни (внутренній и иностранный).

X. Литературный обзоръ.

XI. Научный обзоръ.

XII. Завоеванія техники.

XIII. Русская и иностранная библіографія.

XIV. Театръ.

XV. Искусство.

XVI. Фельетонъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкою на 1 годъ 5 руб.; на 1/2 г. 2 руб. 75 к.; на 1/4 г. 1 руб. 50 к. Цѣна отдѣльнаго № съ перес. 15 к.

Пробная подписка до конца тек. года (11 №№) 1 руб.

Журналъ будетъ выходить по воскресеньямъ. Первый № выйдетъ 18-го октября т. г.

Подписка принимается: въ Главной конторѣ „Запросовъ Жизни“, С.-Петербургъ, Большая Московская ул., д. 7, кв. 14, и въ книжномъ маг. „Наша Жизнь“, Литейный пр., 32.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Письма Владиміра Сергѣевича Соловьева. Т. II. Подъ редакціей Э. Л. Радлова. Чистый доходъ предназначается на стипендію имени Вл. С. Соловьева. Спб., 1909. Ц. 2 рубля.

Второй томъ писемъ Вл. С. Соловьева, за которымъ послѣдуетъ еще третій, далеко не во всѣхъ своихъ частяхъ представляетъ одинаковый интересъ. Было бы, быть можетъ, лучше, еслибы редакція сборника отнеслась къ своей задачѣ менѣе пассивно. „Вл. С. Соловьевъ"—говоритъ, въ предисловіи ко второму тому, Э. Л. Радловъ—„несомнѣнно принадлежитъ къ числу классическихъ русскихъ писателей, и поэтому всякая строчка, имъ написанная, имѣетъ извѣстную цѣнность". Съ основной посылкой этого тезиса мы совершенно согласны, но думаемъ, что ею не оправдывается его заключеніе. Кто бы ни былъ авторъ, цѣнность написанной имъ строчки все же обусловливается и ея содержаніемъ. Если эта строчка не заключаетъ въ себѣ ничего другого, кромѣ росписки въ полученіи денегъ (стр. 293, 294, 295), или приглашенія зайти и поговорить (стр. 306), или поздравленія съ новымъ годомъ (стр. 343), то она можетъ быть дорога какъ автографъ, но отнюдь не какъ матеріалъ для исторіи внѣшней или внутренней жизни писателя. „Не всегда легко опредѣлить заранѣе" — читаемъ мы въ предисловіи,—„не можетъ ли даже самая маловажная записочка имѣть нѣкоторое біографическое значеніе". Относительно многихъ записокъ, вошедшихъ въ составъ изданія, едва ли возможно такое предположеніе. Вполнѣ достаточно было бы, во всякомъ случаѣ, устроить нѣчто въ родѣ архива имени В. С. Соловьева, гдѣ и хранить, для справокъ, письма и записки покойнаго. Значительно уменьшить объемъ изданія и, слѣдовательно, сдѣлать его болѣе доступнымъ по цѣнѣ, можно было бы также путемъ исключенія изъ многихъ писемъ всего чисто формальнаго—всякихъ формулъ, обращеній, поклоновъ, житейскихъ порученій и т. п. Въ изданіи, такимъ образомъ сокращенномъ, ярче выступило бы на видъ все то оригинальное, остроумное, глубокое, чѣмъ блещетъ переписка Соловьева. Мы постараемся возвратиться къ ней въ особой статьѣ.

В. Вересаевъ. Томъ пятый. Разсказы. Москва, 1909. Ц. 1 рубль.

О самомъ большомъ изъ разсказовъ, вошедшихъ въ составъ этой книжки, уже была рѣчь въ „Вѣстникѣ Европы" (апрѣль, „Критическіе наброски"). Всѣ остальные относятся къ русско-японской войнѣ, которую г. Вересаевъ, въ качествѣ врача, видѣлъ вблизи и мучительно переживалъ. Особенно сильное впечатлѣніе производятъ „Враги", гдѣ поразителенъ контрастъ между озлобленіемъ противниковъ во время боя — и чувствомъ взаимной близости, которое они испытываютъ потомъ, лежа рядомъ, истекая кровью на полѣ битвы. Читая „Исполненіе земли", приходишь въ ужасъ и отъ такихъ фигуръ, какъ корпусный командиръ, чуть не впадающій въ дѣтство и все-таки продолжающій держать въ своихъ рукахъ участь многихъ и многихъ тысячъ, — и отъ такихъ картинъ, какъ медленное угасаніе человѣка, пораженнаго непріятельскимъ снарядомъ въ минуту полнѣйшаго спокойствія и съ трудомъ привыкающаго къ мысли о близкой смерти. Дѣйствіе разсказа „Ломайло", касающагося мрачныхъ, закулисныхъ сторонъ войны, было бы еще сильнѣе, еслибы въ немъ не слышалось какое-то раздраженіе, направленное не по адресу. Русско-китайскимъ словомъ „Ломайло", вполнѣ примѣнимымъ къ ничего не щадящей и ни передъ чѣмъ не останавливающейся войнѣ, авторъ едва ли справедливо характеризуетъ физическихъ, полусознательныхъ виновниковъ ломки.

А. С. Пругавинъ. Расколъ вверху. Очерки религіозныхъ исканій въ привилегированной средѣ. Спб., 1909. Ц. 1 рубль.

Значительную часть этой книги составляютъ статьи, появившіяся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, но затѣмъ долго находившіяся подъ цензурнымъ запретомъ. Отдѣльное ихъ изданіе, предпринятое въ 1882-мъ году, было арестовано и представлено въ комитетъ министровъ. Противъ уничтоженія книги возставали Н. Х. Бунге и М. Н. Островскій, но на немъ настаивали—и настояли—К. П. Побѣдоносцевъ и гр. Д. А. Толстой. До какой степени произвольно было это рѣшеніе—видно, между прочимъ, изъ того, что часть запрещенныхъ тогда очерковъ безпрепятственно вышла въ свѣтъ въ 1903-мъ году. Книга г. Пругавина имѣетъ характеръ главнымъ образомъ исторический; никакой пропагандой авторъ не задается, но передаваемые имъ факты говорятъ за себя—и картины прошлаго, какъ болѣе далекаго, такъ и близкаго, получаются крайне неутѣшительныя. Особенно подробны и интересны этюды, посвященные „апостольскимъ общинамъ", пашковцамъ и редстокистамъ. Въ главѣ: „При конституціи" приведены факты, свидѣтельствующіе о томъ, что религіознымъ преслѣдованіямъ и стѣсненіямъ не положили конецъ даже указъ 17-го апрѣля и манифестъ 17-го октября 1905-го года.

Д. Г. Коноваловъ. Психологія сектантскаго экстаза. Рѣчь предъ защитой магистерской диссертаціи: „Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ". Сергіевъ посадъ, 1909.

Магистерскій диспутъ Д. Г. Коновалова въ московской духовной академіи. Сергіевъ посадъ, 1909.

Книга г. Коновалова, о которой помѣщена замѣтка въ февральскомъ литературномъ обозрѣніи нашего журнала, обратила на себя вниманіе общества и печати. Одобренная спеціалистами, она подверглась осужденію со стороны духовнаго начальства: авторъ не былъ утвержденъ въ ученой степени, единогласно присужденной ему совѣтомъ московской духовной академіи, и долженъ былъ отказаться отъ академической дѣятельности. Двѣ брошюры, названныя нами выше, вышли въ свѣтъ очень кстати: онѣ вновь выдвигаютъ вопросъ, имѣющій существенно важное значеніе и для науки, и для жизни, и бросаютъ дополнительный свѣтъ на теченія, между которыми идетъ борьба въ мірѣ высшей духовной школы.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ въ 1910 г.

(Сорокъ-пятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

издаваемый М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ, подъ редакціей К. К. АРСЕНЬЕВА

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ:

И. В. ЖИЛКИНА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО, В. Д. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА, А. С. ПОСНИКОВА, Л. З. СЛОНИМСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

Въ 1910 г. журналъ, также какъ и въ текущемъ году, кромѣ прежнихъ отдѣловъ, будетъ заключать обозрѣніе провинціальной жизни, обзоры новыхъ явленій въ мірѣ науки, литературы, искусства и постоянныя корреспонденціи изъ главныхъ центровъ Запада. Кромѣ снимковъ съ портретовъ историческихъ дѣятелей, въ 1910 г. въ журналѣ будутъ помѣщаемы художественные приложенія по отдѣлу искусства; такъ, въ первыхъ книжкахъ будутъ даны главные типы „Горе отъ ума“ въ постановкѣ Московскаго Художественнаго театра по рисункамъ художника В. И. Росснинскаго.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:	По четвертямъ года:
Безъ доставки, въ Конторахъ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ и Москвѣ, съ доставкою.	16 „ — „	8 „ — „	4 „ — „
Въ друг. городахъ, съ перес. .	17 „ — „	8 „ 50 „	4 „ 25 „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	9 „ 50 „	4 „ 75 „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

въ Главной Конторѣ журнала, Загородный пр., 14; въ книжн. магаз. К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ МОСКВѢ:

въ Отдѣленіи Конторы журнала: Большая Никитская, д. 5, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ И. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

въ книжн. магаз. „Образованіе“, Ришельевская, 12; въ книжн. маг. „Одесскихъ Новостей“, Дерибасовская, 20.

ВЪ ВАРШАВѢ:

въ книжномъ магазинѣ „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Главной Конторѣ журнала *своевременно*, съ указаніемъ прежняго адреса. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки посылаются исключительно въ Главную Контору журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Подписныя квитанціи* высылаются Главною Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: Спб., Моховая, 32.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Загородный просп., 14.

МОСКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ: Б. Никитская, 5.